

ПАНТЕОНЪ

№ 3.

МАРТЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

PATKE. ep.

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЕЙ КНИЖКИ:

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ДЕРЕВЕНСКІЙ СЛУЧАЙ. Повѣсть въ стихахъ *И. Д. Хвощинской.*

КВАРТИРА ВЪ ТАТАРСКОМЪ КВАРТАЛѢ. Изъ разсказовъ *Я. И. Полонскаго.*

ШЕРЮМАЛЬ МАГУ. Малабарскій разсказъ.

II. ИСТОРІЯ И ТЕОРІЯ ИСКУССТВА.

ШОПЕНЪ. Статья Франца Листа.

III. МЕМУАРЫ.

ВОСПОМИНАНІЕ ИЗЪ ЖИЗНИ ДЖОЗЕФА ГРИМАЛЬДИ. Изданныя *Дикенсомъ.*

IV. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ОПЕРА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Французская пословица. — Россини и полный каталогъ его оперъ. — Беллини.—Элегическій стиль. — Верди. — Ultra-декламаціонный стиль. — Риголетто. — 2-й періодъ Верди. — Мейерберъ. — Послѣднія его оперы. Статья *Ростислава.*

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Драмы изъ романовъ и *Три Мушкатера.* — Бенефисъ Мондилье,—Бенефисъ Бертона.—Возобновленныя пьесы.—Водевили въ бенефисѣ г-жи Мила. — *Eedgard et sa bonne.* — Бенефисъ г-жи Мейеръ. — Пьесы Баяра. — *Урна.* — Новая драма Эмиля Ожье. — Водевили въ бенефисъ г-жи Вольнисъ. — Комедія изъ оперы и новая пьеса со старымъ сюжетомъ. — Статистическіе выводы изъ обзора прошлогодней дѣятельности французской труппы. — Составъ труппы, ея согласіе и усовершенствованіе.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

1. **Нѣмня сиротка Лиза**, драма въ 2 дѣйствіяхъ. соч. г. *Анца.*
2. **Женихъ по ошибкѣ**, или **за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь**, оперетта въ 1 дѣйствіи.
3. **Дипломатика жены**, комедія водевиль въ 1 дѣйствіи, передѣланный съ французскаго г. *Н. Крестовскимъ.*
4. **Жидъ за печатью**, шутка въ 1 дѣйствіи, заимствованная съ польскаго г. *Ониксомъ.* *(Бенефисъ г-жи Самойловой 1).*
5. **Сумасшедшій**, комедія въ 1 дѣйствіи, въ стихахъ, соч. *Жемчужникова.*
6. **Замужняя невѣста**, комедія въ 3 дѣйствіяхъ, соч. *Корженевскаго.*
7. **Послѣдняя пѣснь лебедя**, водевиль въ 3 дѣйствіяхъ, соч. графа *С. Потемкина.*
8. **Сцены изъ трагедіи Шиллера «Марія Стюартъ»** *(Прощальный бенефисъ г-жи Самойловой 2).*
9. **Не въ свои сани не садись**, комедія въ 3 дѣйствіяхъ, соч. г. *Островскаго.*
10. **Г-жа Читау и г. Бурдинъ. Дебютантки.**

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ ВЪ РОССІИ.

Нѣсколько словъ о *Севастопольскомъ театрѣ.*—Г. Жураховскій и его старые сотрудники: г-жа Шульцъ, г. Лебедевъ, Алексѣевъ, Зубовичъ и Струковъ. — *Кишиневскіе театры.* Труппы гг. Соколова и Прункула. Актеры и актрисы. — *Кіевскіе театры*: Труппы гг. Федецкаго и Мориса-Піонъ. — Артисты польскіе и русскіе. — *Харьковскій театръ:* Артисты: г-жи Федорова, Микульская, Червинская и Пронская, и гг. Алексѣевъ, Львовъ, Виноградовъ, Пронскій и Михайловъ. — *Курскій театръ*: Труппа г. Вощенко-Захарченко.—Появленіе гг. Живокини и г. Орлова.—Антрепренеръ Малѣевъ.— Паденіе театра. *Театръ въ Костромѣ.*

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЗАГРАНИЧНАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ. ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА отъ $^{10}/_{22}$ марта.

Трогательное положеніе корреспондента. — Бальныя наслажденія и бальныя послѣдствія. — Бархатный фракъ и кружевное жабо. — Голова девятнадцатаго столѣтія на туловищѣ восемнадцатаго. — Водевильныя сцены при разъѣздѣ. — Похожденія мера и мѣра терпѣнія его супруги. — Водевиль безъ музыки. — Раздача премій. — Баяръ. — Нѣжное сердце Жюль-Жанена. — Кстати, еще маленькій процессъ. — Вторженіе Абд-эль-Кадера во французскую поэзію. — Академія музыки. *Луиза Миллеръ*, опера Верди, сокращенная и дополненная. — Комическая опера. *Глухой* опера Адольфа Адана; *Свадьба Жанеты*, опера Виктора Массе; *Зеркало*, опера, Гастинелли. — Французскій театръ. *Леди Тартюфъ*, ком. г-жи Жирарденъ. — Т. Разнообразія. *Будутъ молоть вздоръ*, вод. Лабиша, Деланда и Делакура Еще три водевиля. — Т. Веселости. *Дядя Томъ*, драма Аннсе Буржуа, Вальи и Тексье; *Маленькій Провансъ*, водевиль. — Фарсы театра Драматическихъ шалостей. — Пале-Ройяль. *Вотъ извольте жить въ своемъ домѣ.* Вод. Баяра. — Пара извѣстій изъ Новаго-Свѣта.

АНГЛІЯ. ПИСЬМО ИЗЪ ЛОНДОНА: отъ $^{11}/_{23}$ февраля 1853 г.

Англійская литература —Мистрисъ Горъ, леди Джорджіана Фоллертонъ и Корреръ Белль.— Романъ автора «Дженни Эйръ». — «Вильетта.» — Бульверъ. — Лондонскіе театры. — Макбетъ. — Новая пьеса Дугласа Джерольда.—Сентъ-Джемскій театръ и французская труппа. — Комикъ Равель. — Концерты.

V. СМѢСЬ.

1. Урна. Комедія въ одномъ дѣйствіи. *Октава Фелье.*

2. Пастетъ. Разсказъ *В. Иваницкаго.*

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА. — Новалисъ (Фридрихъ фонъ-Гарденбергъ. — Очеркъ современной поэзіи въ Германіи. — Дочь Седена. — **ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.** — Исторія одного музыканта, разсказанная Арсеномъ Гуссе. — Предсказаніе г-жи Ленорманъ.—Вызовъ автора.— **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ.** — Зимнее воздушное путешествіе. — Тайны химіи. — **МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ.** — Пляшущіе дервиши въ Каирѣ. — Поѣздка на Чинчайскіе острова за гуано. — Встрѣча двухъ каравановъ. — Жизнь въ Корсикѣ. — Суэцъ и пустыня. — Необыкновенное сходство. — Роза и Октавія.

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Неожиданое посѣщеніе. — Геній фельетона и его рѣчь. — Январь и февраль. — Извиненіе. — Свадьбы и разговоры о свадьбахъ. — Балы разнаго рода и маскерады.—Нынѣшняя зима въ-сравненіи съ прошлыми. — Концерты. — Бѣги. — Литература; газеты и «Москвитянинъ». — Фактъ изъ жизни Гоголя.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I. ЖУРНАЛИСТИКА:

«Отечественныя Записки». — Слабыя статьи послѣднихъ книгъ этого журнала. — Переводъ Иліады для образованной публики.—Какъ объясняются боги и герои у г. Ордынскаго.— Елена Аріянка. — Прощаніе Гектора съ Андромахой. — Шиллеръ, Гомеръ и г. Ордынскій. — *Гостинницы въ древности.—Китай въ 1849 и 1850 году. — Свѣтки* — г. Михайлова. — *Огненный змѣй* — г. Авдѣева и его крестьяне. — *Дина* — г-жи Т. Ч. характеры и событія этого романа. — Дѣвушки должны выходить замужъ не раньше тридцати лѣтъ. — Невыдержанные характеры и невозможныя приключенія. — Какой урокъ можно почерпнуть изъ похожденій Нади. — Неровность слога. — Ноябрская книга «Сына Отечества» и мартовская «Библіотека для Чтенія». Иногородный Подписчикъ исчезъ изъ этого нумера.—Мартовская книга «Современника». — *Набѣгъ.* — Сухія и не занимательныя статьи. — Стихотворенія. — Пустой человѣкъ и его сужденія о музыкѣ. — Замѣтки о французскихъ журналахъ по поводу русской журналистики. — Портретъ редактора журнала *le* Bon-ton въ pendant къ портрету редактора *Revue des deux mondes.*

II. НОВЫЯ КНИГИ:

БИБЛІОГРАФІЯ КНЯЗЯ ДМИТРІЯ МИХАЙЛОВИЧА ПОЖАРСКАГО. *Сочиненіе Сергѣя Смирнова.* **ДОЧЬ БУЛОЧНАГО МАСТЕРА.** Романъ. *Сочиненіе К. Г-на.*

III. МУЗЫКА:

Кое-что о преувеличеніяхъ. — Музыкальное ремесло. — Дива и пуффы. — Фельетонное клакерство. — Концертъ г. Мортье де-Фонтена. — Г-жа де-Фонтенъ. — Г. Соколь и его замѣчательный экспромтъ. — Балъ и концертъ въ пользу «Убѣжища Взрослыхъ Дѣвицъ». — Цыгане. — Оргеръ и его гармоника. — Маленькое слово о великомъ дѣлѣ. — Г. Кажинскій и его заслуги, признанныя имъ самимъ и его поклонниками.—Концертъ его.

IV. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ:

Масляница. — Адмиралтейская площадь. — Дѣятельность театровъ во-время масляницы.— Число сыгранныхъ пьесъ и актовъ. — Смерть Я. Г. Брянскаго, Е. И. Гусевой. — и В. А. Каратыгина, Прощаніе съ публикой В. В. Самойловой 2-й.—Нѣсколько словъ г. де-Сенъ-Жюльену по поводу его сужденій о русской литературѣ и русской публикѣ. — Переводъ стихотворенія Лермонтова. — Публичныя лекціи. — Публичная Библіотека. — Моды.

VI. РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ. № 3.

ДИПЛОМАТІЯ ЖЕНЫ. Комедія съ пѣніемъ, въ одномъ дѣйствіи, подражаніе французской пословицѣ г-жи Бертонъ. *Н. Крестовскаго.*

ПРИЛОЖЕНІЯ:

1. Портретъ артистки, **В. В. САМОЙЛОВОЙ 2.**
2. Музыка: *Воспоминанія,* изъ оперы «*Ригалето*», соч. **ВЕРДИ.**

Въ № 2 Пантеона въ статьѣ «Современное», на страницѣ 81, вкралась при спѣшной сверсткѣ значительная ошибка, затемняющая смыслъ. А потому, прилагая здѣсь вновь эту страницу, мы просимъ вставить ее на мѣсто прежней. *Редакція.*

ОП

ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Ѳедоромъ Кони.

инв №4438
18950 7062

ТОМЪ VIII.

МАРТЪ — КНИЖКА ТРЕТЬЯ.

1853.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Марта 24-го 1853.

Цензоръ *Н. Пейкеръ.*

ТИПОГРАФІЯ ЭДУАРДА ВЕЙМАРА.

НОВАН БИБЛІОТЕКА
М. С.
ПОКРОВСКАГО

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

I.

ДЕРЕВЕНСКІЙ СЛУЧАЙ.

ПОВѢСТЬ ВЪ СТИХАХЪ

Н. Д. Хвощинской.

VI.

Въ душѣ бываетъ чувство злое...
Мы благородны, мы добры,
Заботясь о чужомъ покоѣ,
Для ближнихъ — счастливой поры,
Мы ждемъ; безъ нихъ не насладимся,
За нихъ страдаемъ, и стремимся
Чѣмъ можемъ всякому помочь,
Отъ долгаго труда не прочь,

Напротивъ, въ мысли и на дѣлѣ
Мы съ жаромъ и съ любовью къ нимъ
На общій трудъ всегда спѣшимъ,
И въ пламенномъ стремленьи къ цѣли
Умѣемъ многое прощать
Что̀ можетъ разочаровать.

Но безъ пощады, безъ прощенья
Бываемъ мы къ родпымъ своимъ;
Намъ въ нихъ оттѣнокъ заблужденья
Досаденъ и невыносимъ;
При первомъ спорѣ — мы ужъ чужды,
Намъ стали непонятны нужды
И непонятно горе ихъ;
И если голосъ ихъ затихъ —
Тѣмъ лучше: для него отвѣта
Мы бъ не нашли въ душѣ своей;
Хоть холодно и скучно ей
Семью отыскивать по свѣту,
Но зла и предубѣждена
Не обращается она.

И мы приводимъ въ оправданье
Что въ ближнихъ, что въ семьѣ своей
Досадпѣй намъ непониманье,
Замѣтнѣй мелочность, что въ ней
Упрямство видѣть намъ грустнѣе,
Что мы, — чтобъ выразить яснѣе, —
Страдаемъ больше каждый мигъ
Несовершенство видя ихъ.
Но я замѣчу здѣсь смиренно,
Что вѣрно бы нашлось у насъ
Прощенье, еслибы подчасъ
Покой, комфортъ нашъ драгоцѣнный
Отъ столкновеній не терпѣлъ, —
Тогдабъ нашъ умъ смолчать умѣлъ.

Вотъ въ этомъ самомъ положеньи

Былъ Николай. Его сестра,
Предметъ для кроткихъ попеченій,
Товарищемъ въ трудѣ добра
Была бъ, ученикомъ прилежнымъ
Въ наукѣ, но, ребенокъ нѣжный,
Она была забыта имъ.
Простора не далъ онъ благимъ
Души движеньямъ, изліяньямъ,
Онъ мелочей снести не могъ;
Холодный въ нихъ нашелъ предлогъ,
Чтобъ осудить все на молчанье,
Твердя, чтобъ совѣсть оправдать,
Что имъ «другъ друга не понять.»

Теперь, когда сестра явилась
Передъ другимъ, не передъ нимъ,
Мила, какъ брату и не снилось,
Съ умомъ и свѣтлымъ и прямымъ,
Съ душой довѣрчивой, прекрасной,
Гдѣ долго такъ и такъ напрасно
Скрывалось чувство, но за то
Сильнѣе было прожито;
Теперь, когда оно давалось
Другому — все, и тотъ другой
Былъ незнакомый, былъ чужой, —
О, сердце брата оскорблялось,
И горе новое легло
Въ него, такъ больно, тяжело...

То было горе сожалѣнья,
Досада злая, и порой
Неуловимыя движенья
Какой-то зависти нѣмой,
За тѣмъ, что взглядомъ или словомъ
Не измѣнилъ онъ ей; не ново
Скрываться было для него!
Притомъ же, гостя своего
Онъ полюбилъ, и было бъ странно
Покой пріятный возмущать,

И неприлично разбирать
Вопросъ домашній и туманный.
Теперь съ Айдаровымъ они
Такъ весело проводятъ дни:

Охота утромъ, чтенье, споры
О чувствахъ близкихъ, о живыхъ
Всѣмъ общихъ интересахъ. Сборы
Къ отъѣзду вспомнитъ гость, и вмигъ
Хозяинъ возражаетъ. — Что́ вы?
Куда вы? Развѣ вы здоровы?
Здѣсь воздухъ лучше всякихъ водъ.
Да что́ же васъ въ Москву зоветъ?
Вѣдь вы не служите? — «Конечно;
Къ родны́мъ я ѣздилъ по дѣламъ,
И кончилъ всѣ; притомъ я самъ
Лѣниться радъ и жить, безпечно,
А снисходительнѣй друзей
Не встрѣтишь и въ семьѣ своей.»

Съ цвѣтами, съ вешнею травою
Растетъ любовь; остаться радъ
Влюбленный гость. И за сестрою
Печально наблюдаетъ братъ;
Но будто въ прежнемъ ослѣпленьи
Не замѣчаетъ въ ней волненья,
Раздумья, всѣхъ любви примѣтъ;
Легко даетъ себѣ отвѣтъ,
Зачѣмъ такъ Лиза хорошѣетъ,
Зачѣмъ такъ милъ ея нарядъ,
Зачѣмъ порою робкій взглядъ
Какой-то мыслью просвѣтлѣетъ,
Зачѣмъ, какъ-будто смущена,
Уходитъ въ тѣнь аллей она.

— Какъ всѣ, она дитя, кокетка.
Въ глуши забытой и одной
Скучна казалась эта клѣтка,

Занятье гость принесъ съ собой.
Пора развиться, въ-самомъ-дѣлѣ!
Насмѣшки наконецъ успѣли
Ее къ нарядамъ пріучить,
Но безъ жеманства ей не жить,
Какъ видно, — съ ней оно сроднилось,
Оно здѣсь въ воздухѣ.... — Такъ братъ
Судилъ, бросая строгій взглядъ;
Но тяжело въ немъ сердце билось,
Замѣтивъ съ горемъ, что кругомъ
Пустѣе было съ каждымъ днемъ....

Но ей, счастливой, что за дѣло!
Блаженство въ грудь ея сошло
И осязтивъ ее, согрѣло.
Дитя забывчиво и зло
Въ своей любви новорожденной.
Хотя сто разъ, кротка, смиренна,
Полна довѣрья и добра,
Хотѣла бѣдная сестра
Упасть въ слезахъ на шею брату
И счастье высказать свое,
Просить, чтобъ выслушалъ ее,
Сказалъ: любилъ-ли онъ когда-то,
Иль въ мірѣ Божіемъ одни
Любили, любятъ лишъ они?...

А это часто ей казалось.
Бродя съ нимъ объ руку вдвоемъ,
Когда за облакомъ скрывалась
Луна и паръ вставалъ столбомъ
Надъ рѣчкой, звѣзды чуть мерцали,
И листья сладко трепетали,
Какъ-будто вдругъ пробуждены
Дыханьемъ чьимъ-то съ вышины, —
Казалось ей, въ смятеньи чудномъ,
Внимая клятвамъ и слезамъ
И счастья полнаго словамъ
Мечтаньямъ дѣтски безразсуднымъ:

Что міръ со всею красотой
Лишь для любви, въ любви одной.

Ей мнилось, — безконечны годы;
Пускай далеко отъ людей
Проходитъ жизнь. Для нихъ въ природѣ
Довольно звуковъ и лучей;
Для нихъ заботы и желанья
Въ самихъ себѣ; воспоминанья
Во всякой мелочи, — въ цвѣткѣ,
Въ слѣдахъ на взвѣянномъ пескѣ...
И этотъ садъ уединенный,
И этотъ дѣтства полный домъ,
И церковь съ золотымъ крестомъ,
И дернъ могилы драгоцѣнной,
Гдѣ ихъ, уснувъ, родные ждутъ, —
Вотъ милый теплый ихъ пріютъ!...

О мой читатель, вы любили!..
Быть-можетъ, золотые сны,
Какъ листья розъ, клубами пыли
Въ стремленьи лѣтъ унесены;
Но вы ихъ видѣли, вы знали
Тѣ сны безъ мысли и печали,
Когда довѣрчивы къ себѣ
Мы смѣемъ и въ лицо судьбѣ
Глядѣть съ довѣрчивой улыбкой;
Когда насъ время не стращитъ,
Не возмущаетъ ложный стыдъ,
И не мерещится ошибка,
И сердцемъ чище и святѣй
Мы въ вѣчность вѣруемъ сильнѣй...

Да, вы любили! Пусть же вѣчно
Благословеньемъ на земли,
Таится въ васъ, въ тиши сердечной,
Воспоминаніе любви!
Пусть свѣта ѣдкимъ приговоромъ,
Благоразумія укоромъ,

Насмѣшкой грустною, оно
Не будетъ въ васъ омрачено!
Пусть въ немъ хранится примиренье
Съ толпою нашей молодой,
Пусть благодарностью святой
Оно дастъ прошлому значенье,
Пусть вызоветъ въ отрадный часъ
Слезу изъ вашихъ впалыхъ глазъ!..

Часы проходятъ, дни, недѣли.
Благоухапная весна
Летитъ, и рощи потемнѣли, —
На смѣну лѣто ждетъ она...
Сводъ неба майской ночью тмился,
Закатъ еще желтѣлъ; садился
Въ туманѣ мѣсяцъ молодой.
Передвечернею грозой
Омытые цвѣты дышали,
Прохлады празднуя возвратъ.
Балконъ отворенъ. Въ темный садъ
Рояля звуки вылетали.
Айдаровъ съ Лизою вдвоемъ
Сидѣли... Тихо все кругомъ.

Они молчали. Что напрасно
Терять слова, когда давно
Нераздѣлимо и согласно
Слилися души ихъ въ одно?
Такъ время шло. Они молчали,
Потомъ другъ друга руки взяли,
Пожали тихо, и для нихъ
Вся жизнь сказалась въ этотъ мигъ,
Безъ тайнъ и грустнаго сомнѣнья...
Послышались шаги. — Вотъ братъ! —
И кроткій, ясный Лизы взглядъ
Сіялъ безъ страха и смущенья.
Айдоровъ торопился встать
И началъ ноты разбирать.

— За музыкой! А жалко, Лиза, —
Входя, ей Николай сказалъ:
Съ ройялемъ, другъ мой, распростися.
Сосѣдъ сегодня прискакалъ.
Я видѣлъ издали кареты.
Весь домъ сіяетъ. Онъ на лѣто
Къ себѣ знакомыхъ пригласилъ.
— Кто вашъ сосѣдъ?—Онъ очень милъ,—
Иванъ Ивановичъ Долóтовъ.
Онъ долженъ бабушкѣ моей.
Я радъ, что онъ съ семьей своей
Пріѣхалъ; вѣрно кончимъ счеты...
— Ахъ, чтó за память у меня!
Да мнѣ Долотовы родня....

— Родня? — Далекая, но все-же
У нихъ считался я своимъ.
Чтó за забывчивость, мой Боже!
Я завтра-же отправлюсь къ нимъ.
Они три года за границей
Гуляли. Славная пѣвица
Лиди. Веселая семья...
Когда не ошибаюсь я,
Они давно знакомы съ вами?—
Необычайно оживленъ
Вдругъ къ Лизѣ обратился онъ
И взглядъ ея искалъ глазами,
И неизвѣстно почему
Вдругъ стало совѣстно ему.

А ей... ей вспоминалася встрѣча,
Та встрѣча первая, когда
Ей было стыдно такъ.... Далече
Умчали быстрые года
Ребенка бѣднаго смущенье,
Неловкость, страхъ и удивленье
При видѣ комнатъ дорогихъ
И модныхъ бàрышень большихъ.
Ей вспомнились ея печали,

Когда межъ ею и игрой
И милой сельской простотой
Онѣ какой то тѣнью стали, —
Теперь на радости любви
Онѣ, какъ тѣнь, опять нашли..

— Тамъ весело! она твердила,
Когда на завтра у окна
Она ждала, въ саду бродила
Въ волненьи смутномъ и одна. —
Онъ тамъ до вечера пробудетъ,
Такъ братъ сказалъ... Но онъ не любитъ
Ни принужденья, ни гостей.
Конечно, день идетъ скорѣй
При людяхъ.... Какъ бы я хотѣла
Послушать, какъ поетъ Лиди...
Я не умѣла бъ провести
День безъ занятія, безъ дѣла,
И такъ, чтобъ занимались мной....
Какъ скученъ этотъ домъ пустой!...»

Увы, предчувствуя, тоскуя,
Не ошибалася она!
Айдаровъ съ нею жизнь иную
Узналъ. Покой и тишина,
Любовь, природа и мечтанья
Прекрасны, но очарованья
И шума свѣта замѣнить
Они не могутъ. Онъ забыть
Успѣлъ въ минуту упоенье
Своей любви, когда предъ нимъ,
Съ ея волненіемъ живымъ
Гдѣ мѣста нѣтъ для размышленья,
Явилась жизнь, къ которой онъ
Былъ съ малолѣтства пріученъ.

Та жизнь пуста, онъ это знаетъ;
Но этотъ блескъ, но этотъ шумъ
Его ласкаетъ, забавляетъ.

Смѣлѣй его игривый умъ
Передъ кокетствомъ искушеннымъ;
Свободнѣй онъ, неувлеченный,
О чувствахъ рѣзко говоритъ:
Онъ знаетъ — чувства не смутитъ.
Какъ-будто онъ опять съ своими,
На родинѣ.... Припоминать,
Смѣяться, — стóитъ лишь начать, —
И столько общаго межъ ними,
И проза жизни далеко
Припрятана; свѣтло, легко....

Когда мелодіямъ внимая,
Сидитъ онъ въ думу погруженъ,
Нежданно не влетаетъ стая
Цыплятъ крикливыхъ на балконъ;
Не слышитъ онъ распоряженій
О чаѣ, ужинѣ, вареньи;
Любви таинственныхъ рѣчей
Не прерываетъ звонъ ключей....
Все это глупыя бездѣлки, —
Но охлажденья колыбель
Полна ихъ; вздоры, — но ужель
Ужъ и не больно-то, что мелко?
Не разъ случалось имъ рѣшить.
Погаснуть чувству — или жить....

Айдаровъ воротился поздно,
Но злымъ раскаяньемъ смущенъ,
Усталый, сумрачный, серьозный,
Легко увѣрилъ Лизу онъ,
Что проскучалъ, что надоѣли
И толки свѣтскіе, и трели
Жеманно спѣтыхъ канцоннетъ,
И нескончаемый обѣдъ.
— Чтобъ отдохнуть, мы завтра въ поле, —
Сказалъ онъ. Счастія полна,
Уснула радостно она.
Но завтра снова, по неволѣ,

Уѣхалъ онъ: съ зари, съ письмомъ,
Гонецъ стоялъ передъ крыльцомъ.

У Лизы съ братомъ нѣтъ сближенья,
Привычекъ общихъ тоже нѣтъ,
И такъ большое затрудненье
День провести съ нимъ tête-à-tête.
Она отвыкла отъ молчанья,
Но прежней робости вліянье
Въ ней было сильно, и притомъ
Мысль о себѣ и о другомъ
Мѣшала братомъ ей заняться.
Съ нимъ страненъ отвлеченный споръ,
А откровенный разговоръ
Такъ невозможенъ!... Притворяться,
Смѣяться Лиза не могла,
И мучась вечера ждала.

А братъ? Онъ сумрачно, въ молчаньи,
Шагами мѣрилъ садъ и залъ,
Сестры холодность, невниманье,
Характеръ странный обвинялъ.
—Ей только весело съ чужими....
Но что-же стало между ними?
Зачѣмъ межъ братомъ и сестрой
Необходимъ всегда чужой,
Чтобъ имъ не умереть отъ скуки,
Чтобъ какъ-нибудь свой умъ сроднить,
И цѣлой жизни не прожить
Средь этой нравственной разлуки,
Въ которой чувства, мысли спятъ,
Гдѣ сну физическому радъ?...

День смеркнулъ; къ ночи дождь собрался,
Въ листахъ широкихъ зашепталъ.
—Айдаровъ ночевать остался, —
Такъ Лизѣ Николай сказалъ,
Являясь къ чаю. Безотрадно

Упало сердце въ ней. — Досадно! —
Блѣднѣя молвила она,
И воцарилась тишина.
—Когда-нибудь совсѣмъ уѣдетъ. —
Такъ межь двухъ паузъ Николай
Сказалъ какъ-будто невзначай,
Не дожидаясь, что̀ отвѣтятъ.
Не въ силахъ болѣе снести,
Привстала Лиза, чтобъ уйдти.

—Куда-же ты?—Да тамъ есть дѣло....
Я вамъ нужна?—Нѣтъ; дождь идетъ?
—Идетъ.—Вдругъ что̀-то загремѣло
Раздался скрыпъ и стукъ воротъ,
Подъѣхалъ кто-то. Лиза встала....
Она въ смятеньи ожидала
Чего-то. Братъ свѣчу схватилъ
И въ залу темную спѣшилъ.
—Вотъ, батюшка, вамъ гость нежданный!
—Настасья Павловна!. . Сестра!
—Не дождалась я до утра;
Гдѣ-жъ Лизавета Николавна?
—Сестра!—И Лиза шла скорѣй
Встрѣчать сосѣдку у дверей.

— Не милъ и гость когда не въ пору,
Я, батюшка, по дѣлу къ вамъ;
Не помѣшала-ль разговору?
—О, нѣтъ.—Хотѣлъ оставить дамъ
Хозяинъ, въ кабинетъ спастися.
—Нѣтъ, нѣтъ, мой батюшка, садися;
Вѣдь въ этомъ дѣлѣ главный — вы,
Безъ васъ все, какъ безъ головы.
Я къ вамъ съ прошеньемъ, да съ поклономъ;
Не откажите, вамъ-же честь.
Я рѣчи не умѣю весть
Какъ вы,—гдѣ намъ, непросвѣщенымъ!
Мнѣ лишь-бы смыслить да сказать,
А не по васъ, такъ ужъ молчать.—

Въ большомъ чепцѣ, въ платкѣ ковровомъ
И съ торжествующимъ лицомъ,
Принявъ въ объятья Лизу снова,
Сосѣдка сѣла предъ столомъ;
И рѣчь она вела искусно,
Что негодится и что грустно
Дѣвицей цѣлый вѣкъ прожить,
Что надо за-мужъ выходить, —
(Предметъ всегда неистощимый,)
Короче, есть и женишекъ,
А поискать — онъ недалекъ,
Знакомый — братецъ мой родимый,
Василій Павлычъ; самъ не свой,
Какъ васъ увидѣлъ, ангелъ мой!

Во всемъ у нихъ такой достатокъ;
Есть двадцать-два двора крестьянъ;
Хозяинъ, любитъ самъ порядокъ;
Есть чинъ — въ отставкѣ капитанъ,
Съ мундиромъ: въ табель надѣваетъ;
Не куритъ, въ карты не играетъ;
А нравъ такой, — я вамъ скажу-съ,
Что съ звѣремъ я не уживусь, —
При немъ живу никакъ десятый
Ужъ годъ. Онъ мнѣ который разъ
Изволитъ говорить о васъ,
Да тутъ какой-то франтъ хохлатый
У васъ гостилъ, знать изъ Москвы,
И какъ-то загордились вы.

Такъ гдѣ ужъ намъ! а какъ узнали,
Что съѣдетъ онъ отъ васъ теперь,
Такъ братецъ къ вамъ меня послали.
Скажите: да, — иль: вотъ вамъ дверь!...
Рѣшенье ваше ожидаю. —
Хотѣлось страшно Николаю
Ей милый сей привѣтъ послать,
Но Лиза поспѣшила встать.
— Я васъ благодарю сердечно,

Но о рѣшеніи моемъ
Позвольте дать вамъ знать потомъ;
Подумать надо мнѣ — Конечно!
Я къ братцу съ вѣстью поспѣшу;
Вотъ будетъ радъ, я вамъ скажу!—

Сестра и братъ одни, въ смущеньи.
— Что это значитъ? — Ничего.
— Ты принимаешь предложенье?
— Нѣтъ. — Такъ къ чему-нибудь его
Ты бережешь? Почемъ я знаю!
Я ничего не ожидаю
Хорошаго. Вѣдь намъ вдвоемъ
Несноснѣй будетъ съ каждымъ днемъ ...
Василій Павловичъ защита,
Пріютъ.... — Къ чему напрасный гнѣвъ?
Сказала Лиза, поблѣднѣвъ, —
Прямой отказъ всегда обида,
А у меня не стало силъ
Обидѣть тѣхъ, кто насъ любилъ. —

— Ты осторожна, поздравляю;
Прекрасно!... Снова тишина.
Молчала Лиза, грусть скрывая,
Упрекомъ злымъ оскорблена;
Тоска любви, сомнѣнья муки,
Возможность горестной разлуки
Ее терзали. Братъ не могъ,
Стыдясь, что высказалъ упрекъ,
Раскаяться и обратиться
Съ участьемъ къ ней. Но все-равно!
Они разсталися давно.
Душамъ лишь стóитъ раздѣлиться
Въ началѣ — и пойдутъ потомъ
Все расходящимся угломъ.

Поутру гость ихъ воротился;
Слегка смущаясь, объявилъ

Что *тамъ* онъ на-скоро простился,
И къ нимъ проститься поспѣшилъ.
— Что̀ дѣлать съ этими родными!
Хотятъ, чтобъ я остался съ ними
Совсѣмъ, гостилъ у нихъ, — а мнѣ
Такъ хорошо здѣсь въ тишинѣ,
Въ бесѣдѣ искренней и съ вами....
— Что̀ жъ дѣлать! Николай сказалъ,
Разстаться видно часъ насталъ;
Разставшись — свидимся друзьями.
Смотрите, тамъ завеселясь
Сосѣдей не забудьте — насъ.

Братъ вышелъ. И въ прохладной залѣ
Они остались вдвоемъ.
Касатки весело кричали,
Гнѣздо свивая надъ окномъ,
Дорожки, цвѣтники горѣли
На солнцѣ. Ландыши бѣлѣли
Въ стеклянной вазочкѣ въ тѣни.
Все тихо; старые одни
Часы стучатъ себѣ смиренно.
Раскрыта книга на окнѣ,
И пяльцы Лизы въ сторонѣ;
Подъ ними дремлетъ котъ почтенный.
Въ стеклѣ играетъ тѣнь вѣтвей
И что-то прошлымъ вѣетъ въ ней ..

— Что̀ съ вами, Лиза, ради Бога?...
Спросилъ Айдаровъ. Горько вдругъ
Она заплакала, тревогу
Не въ силахъ побѣдить, вокругъ
Взглянуть не въ силахъ...—Я страдаю
Не меньше васъ, повѣрьте... — Знаю;
Здѣсь скучно.... я прощаю вамъ.
У насъ тоска; къ цвѣтамъ, къ полямъ,
Къ однообразнымъ толкамъ скоро
Привыкнешь, скучно здѣсь.... тоска!
Идите, жизнь такъ широка!

Что вамъ въ идилліяхъ, въ разборахъ,
И въ ежедневныхъ хлопотахъ,
И въ этихъ четырехъ стѣнахъ?

Вы въ нихъ не выросли; вамъ трудно
Привыкнуть.... Нѣтъ, вы не должны
Здѣсь жить; я плачу безразсудно....
Не правда–ль, слезы такъ смѣшны?
Братъ умираетъ здѣсь отъ скуки,
И вы.... О, не цѣлуйте руки,
Оставьте.... Слишкомъ, можетъ–быть,
Я понимаю. Обвинить
Одну судьбу, судьбу лишь можно! .. —
Онъ руки захватилъ у ней,
Прижалъ къ груди и долго ей
Шепталъ и жарко и тревожно....
— Такъ не на вѣкъ, не навсегда
Разлука?... — Да, другъ милый, да! —

Она разсталась съ нимъ въ надеждѣ,
Спокойно вышла на крыльцо
И проводила. Такъ какъ прежде
Спокойно милое лицо,
Движенья ровны. Кротко снова
На ежедневный трудъ готова
И вѣрой въ счастіе сильна,
Готова счастья ждать она,
И ей не трудно ожиданье:
Жизнь безконечна, а въ любви
Какъ въ вѣчности проходятъ дни;
Она мечты, воспоминанья,
Блаженство настоящихъ дней
Сливаетъ въ радугѣ своей....

Айдаровъ ѣхалъ. Межъ полями
Нарядный мчался фаэтонъ, —
И въ даль усталыми глазами
Смотрѣлъ онъ, странно возмущенъ

И грустно думалъ: — Отчего-же
Его волненье не похоже
На горе тяжкое, когда
Мы съ милымъ сердцу навсегда
Простились съ долгимъ поцѣлуемъ,
И свѣжи слезы на груди,
Ничто́ не свѣтитъ впереди.
И мы какъ-будто торжествуемъ,
Гордясь, побѣду надъ судьбой,
Когда не плачемъ надъ собой?...

Зачѣмъ теперь не то? Малютка
Прекрасна; взглядъ ея такъ милъ...
Но разумъ повторяетъ — шутка,
Разборъ твердитъ — ты не любилъ ..
Возвратъ весны, выздоровленье,
Когда сильнѣе впечатлѣнья
И Божій міръ глядитъ свѣтлѣй
Для вновь открывшихся очей,
И сердце слабо и смиренно,
И восторгаться умъ готовъ,
Дыханье солнца и цвѣтовъ,
И старины уединенной
Вліянье, чтенье, тишина —
Причина, кажется, ясна.

Увлекся онъ... Она, быть можетъ,
И любитъ; жалко, спора нѣтъ, —
Но чье-же сердце не тревожитъ
Любовь въ семнадцать-двадцать лѣтъ?
Быть-можетъ, въ скукѣ одинокой
Любовь измучаетъ глубоко
Ей душу, но всего вѣрнѣй
Пройдетъ, — тѣмъ лучше, чѣмъ скорѣй...
Но скучно, — Боже, какъ тамъ скучно!
Глядишь въ окно—угрюмый садъ,
Здѣсь — стульевъ неподвижный рядъ
И отголоски комнатъ звучныхъ....
Нѣтъ, съ сильной волей, съ головой,
Любовью не прожить одной!

инв 10438
Х062

Деревня, книги, зелень, лѣто, —
Прекрасны, нечего сказать,
Но блескъ и развлеченья свѣта
Кто нынѣче станетъ осуждать? —
Глупецъ, кому до нихъ далеко....
Конечно, требовать жестоко
Она не стала бы, чтобъ другъ
Въ глуши съ ней скрылся; модный кругъ
Сама бъ увидѣть захотѣла...
Ей въ свѣтъ? Ей бросить эту глушь?
И съ нимъ... такъ онъ ей будетъ мужъ?..
Онъ — мужъ!!! — Звѣздами ночь горѣла,
Скрывалась въ сумракѣ, въ пыли,
Усадьба темная вдали...

—

VII.

— Оставимъ дѣтямъ ихъ забавы,
Игрушекъ блескъ и прочій вздоръ,—
Твердимъ мы, думая, что правы
Произнося свой приговоръ.
Игрушки дѣтямъ! Ктожъ не дѣти?
Кого не увлекали сѣти
Всего, что́ радужно блеститъ,
Что́ сладко мучитъ, что́ дрожитъ
Въ недосягаемомъ туманѣ,
Самолюбивымъ льстя мечтамъ,
Что́ покидаемъ мы, слезамъ
Не заплативъ обычной дани,
Что̀ весело шумитъ кругомъ,—
Всего, что́ *свѣтомъ* мы зовемъ?

О, пусть премудрый назовется,
Кто хоть однажды не мѣнялъ
Лѣсовъ, гдѣ тѣнь прохладно льется,
На свѣтлый и роскошный балъ,

Не ощутилъ его вліянья,
И въ рѣзвомъ свѣтскомъ щебетаньи,
Вдругъ, какъ ребенокъ, не забылъ
Всего, что думалъ, что любилъ!
Конечно, совѣсть хлопотливо
Былое вспоминаетъ намъ,
Охотно бы послушалъ самъ
Ее, — но молодость, игривый,
Прекрасный, общій всѣмъ порокъ,
Читаетъ тоже свой урокъ...

И рады мы, или не рады,
И стыдно, иль не стыдно намъ,
По счастья прочнаго отрады
Несемъ мы въ жертву суетамъ.
Примѣровъ, къ сожалѣнью, много.
Судья разборчивый и строгій
Излилъ бы грозный гнѣвъ рѣкой
Надъ всей ничтожностью людской,
Надъ нашимъ жалкимъ ослѣпленьемъ,
И прочимъ. Я скажу одно:
Такъ есть—такъ значитъ быть должно, —
И возвращусь безъ отступленій
Къ простой исторіи своей;
Пора давно покончить съ ней.

Для свѣтской опытной кокетки
Напрасно не проходятъ дни;
Для Лизы же свиданья рѣдки
И пусты, главное, они.
Айдаровъ явится и съ братомъ
Займется. Сердце въ ней измято
Желаньемъ, страхомъ, и порой
Вниманья молитъ взоръ нѣмой, —
Но взора онъ не замѣчаетъ.
Въ ней силы нѣтъ заговорить,
Она горда, чтобъ укорить,
И какъ чужаго провожаетъ,
Возмущена, оскорблена,
Того, кѣмъ жизнь ея полна.

Въ ней вѣра есть въ любовь и счастье,
Но вѣрить больше силы нѣтъ.
Онъ холоденъ, покорный власти
Условій свѣта; да, — но свѣтъ
Такъ много требовать не станетъ!
Къ тому-же, кто сюда заглянетъ,
Кто здѣсь увидитъ, если онъ
Минуту будетъ увлеченъ?
Кто здѣсь осудитъ?... Братъ?... Когда бы
Любилъ онъ бѣдное дитя,
Когда бы зналъ онъ... но судья
Жестокій, утѣшитель слабый,
Тоскуя о себѣ самомъ,
Не станетъ думать о другомъ!

Она одна, одна!.. Въ постели
Рыдая, молится она.
Ужель все кончено, ужели
Вся прелесть жизни пройдена?
Чѣмъ провинилась предъ судьбою,
Что бросивъ жадною рукою
Два мѣсяца на долю ей
Блаженныхъ, благодатныхъ дней,
Судьба ей память сохранила
Объ этомъ счастьи, этихъ дняхъ?
А въ этихъ рощахъ и поляхъ,
А въ этомъ домѣ, прежде миломъ,
Что́ сталось?.. Мрачно все вокругъ,
И страшно такъ бываетъ вдругъ,

Какъ будто умеръ кто. Порою,
Ей, прежде тихой и простой,
Случалося съ насмѣшкой злою
Смотрѣть на все передъ собой;
Потомъ, въ мучительномъ движеньи
Просить, опомнившись, прощенья
И вновь покорно, робко ждать...
Случалось сладостно мечтать,
Когда предъ зеркаломъ старинным

Ея лицо, весны свѣжѣй,
Средь черныхъ, шелковыхъ кудрей,
Глядѣлось кротко и невинно,
Такъ—что, казалось, небесамъ
Нельзя обречь его слезамъ.

Всегда спокойна, за работой
Сидитъ по прежнему она,
Трудомъ, начатымъ безъ охоты,
Какъ тяжкимъ сномъ, утомлена;
Но утомленье кто подмѣтитъ?..
Настанетъ вечеръ, мѣсяцъ свѣтитъ,
И также отворенъ балконъ;
Но ужъ сосѣду возвращенъ
Рояйль,—да и на что онъ болѣ?..
Катяся на небѣ ночномъ,
Зловѣщимъ свѣтится огнемъ
Звѣзда; темно, пустынно поле,
Печалью дышетъ тишина...
Кто скажетъ ей: ты не одна...

Разъ вечеромъ, она далеко
Ушла, измучась долгимъ днемъ.
Разросся вольно и широко
Лѣсокъ кудрявый надъ холмомъ;
Внизу рѣка свѣтло бѣжала
И пѣнясь корни обмывала
Березъ плакучихъ, темныхъ ивъ;
Песчаный берега обрывъ
Желтѣлъ при солнечномъ закатѣ.
Разметаны по синевѣ
Тонули облака; въ травѣ
Шумъ замолкалъ. На мшистомъ скатѣ
Присѣла Лиза, въ глубь воды
Смотря, безъ мысли и мечты.

Вдругъ издали, тамъ, гдѣ катилась
Разлитымъ золотомъ волна,

Качаясь, лодка появилась
Пловцами шумными полна;
Цвѣтные зонтики пестрѣли
И въ жаркомъ воздухѣ бѣлѣли
То складки мягкой кисеи,
То шарфа легкія струи.
Веселый говоръ раздавался
Далеко, берегъ повторялъ;
Дымокъ прозрачный улеталъ
Съ сигаръ и тихо разстилался.
Все такъ нарядно, такъ свѣтло
Глядѣлось въ влажное стекло.

Какъ бы сквозь сонъ, въ полузабвеньи
За лодкой Лизы взоръ слѣдитъ.
Айдаровъ здѣсь; онъ съ оживленьемъ
Къ Лиди склоняясь, говоритъ,
Доволенъ, веселъ. Лодкѣ зыбкой
Его рука движеньемъ гибкимъ
Стремленье легкое дала,
И съ приподнятаго весла
Сбѣгаютъ капли золотыя.
Привсталъ онъ; стройный силуетъ
Чернѣетъ въ воздухѣ; на свѣтъ
Устало смотрятъ молодые
Глаза,—и шуткою опять
Лиди умѣла ихъ призвать.

Онъ снова къ ней, она любимой
Слегка касается руки,
А лодка тихо мчится мимо
Вдаль по извилинамъ рѣки,
И изчезаетъ за холмами....
И Лиза, проводивъ глазами,
Встаетъ тихонько и домой
Идетъ. Въ душѣ ея больной
Нѣтъ слезъ, нѣтъ жалобы; утрата
Такъ очевидна,—что въ слезахъ?
Сомнѣнья, ревность, дѣтскій страхъ —

Все оправдалось! нѣтъ возврата. .
Но что напрасно повторять
И горе долго разбирать?

Читатель, о болѣзняхъ скучно,
Да и не принято твердить;
Пройдутъ онѣ благополучно —
Прекрасно; сломятъ—такъ и быть.
Разборъ принадлежитъ наукѣ;
Пускай себѣ въ пытливой скукѣ,
Врачъ размышляетъ надъ однимъ
Какъ помогать другимъ больнымъ...
И отъ сердечнаго мученья
Бываютъ тоже доктора,
Но, при желаніи добра,
Въ ихъ толкахъ мало облегченья.
Разнообразны что-ли мы,
Упрямы-ль въ насъ сердца, умы,

Но анализъ чужихъ страданій
Намъ не приноситъ ничего.
(Онъ развиваетъ пониманье,
Но лучше былобъ безъ него!...)
Не вижу, право, наслажденья
Въ ученомъ долгомъ разсужденьи
Надъ умирающей душой;
Слѣдить за болью и тоской,
Весть счетъ слезамъ, послѣдней, первой,
Ужасно!... Было-бы къ чему:
Разборъ не нуженъ никому...
На что намъ знать, какіе нервы
Умрутъ въ насъ прежде? Все-равно,
Когда ужъ все осуждено!

Но къ счастью, горе и страданье
Догадливо: оно молчитъ,
И на разборъ, на испытанье
Не очень ласково бѣжитъ.

Кто далъ на то совѣтъ, не знаю,
Но эту скрытность одобряю.
Вѣдь горе любитъ жить въ тѣни;
Къ чему крачить чужіе дни?..

И такъ, за дѣло.—Мчится время.
Душа веселая опять,
Любви прошедшей сбросивъ бремя,
Готова новое поднять;
Иль, проще выражаясь,—Лизу
Забывъ, по страсти-ль, по капризу,
Въ избыткѣ-ли душевныхъ силъ,
Линди Айдаровъ полюбилъ;
Или, какъ въ свѣтѣ говорится,
Онъ ею занялся. Но онъ
Знать не бывалъ предупрежденъ,
Что въ свѣтѣ все не такъ творится,
Какъ въ селахъ: тамъ предметъ заботъ,
Любовь, какъ деньги, — любитъ счетъ.

Онъ молодъ, онъ хорошъ собою,
Уменъ и, главное, богатъ;
Разстаться жъ съ дочерью большою
Кто изъ родителей не радъ?
Не станутъ съ-проста и небрежно
Движеній, разговоровъ нѣжныхъ,
Ни даже взглядовъ пропускать,
Такъ мудрено тутъ устоять.
И остается улыбаться...
Свершилось! поздно! онъ женихъ,—
Быть-можетъ, давняя любовь
Проснулась въ сердцѣ, манитъ вновь
Къ былому—поздно колебаться:
Его и взгляды и слова
Разноситъ шумная молва;

И чувство передъ ней безгласно.
Айдаровъ и не сталъ напрасно

Бороться съ ней; покорно онъ
Подъ новый поступилъ законъ.
Не разъ межъ нимъ и томноблѣдной
Невѣстой промелькнулъ порой
Прекрасный образъ молодой
Той дѣвочки, забытой, бѣдной,
Что такъ любилъ онъ прежде... Но,
Ужъ онъ женихъ, такъ рѣшено!

И по обычью, припятому
Отъ вѣка, собралась семья
Въ Москву. Уборка, выборъ дома,
Закупки кружева, шитья,
Все, что́ для счастія любимой
Какъ воздухъ, свѣтъ необходимо,
Отца заботитъ, мучитъ мать.
Женихъ обязанъ провожать
Въ далекій путь. Вотъ день отъѣзда
Насталъ.... Но что́жъ, счастливецъ, онъ
Такъ озабоченъ, возмущенъ?
Какъ будто не мила невѣста,
Какъ-будто жаль чего ему,
Какъ-будто стыдно? почему?...

Съ пустыней скучной разставанье
Какъ-будто горестью грозитъ...
Ему неловкое прощанье
Необходимо предстоитъ.
Но какъ онъ явится предъ тою,
Которой тихою судьбою
Неосторожно пошутилъ,
Въ которой живо разбудилъ
Сознанье, чувство и стремленье
Къ чему-то лучшему? Въ немъ честь
Заговорила... Произнесть
Рѣчь безконечныхъ сожалѣній?
Но переводъ ихъ: «Разстаюсь,
Затѣмъ, что на другой женюсь!..»

И такъ, онъ разсудилъ за благо
Себя прощальнаго труда
Избавить. Есть на то бумага,—
Какъ мертвымъ — нѣтъ для ней стыда;
Она безъ краски, безъ волненья,
Перецѣненныхъ выраженій
Легко, покорно сноситъ ложь.
Не новый способъ, но хорошъ.
Айдаровъ написалъ къ Петрову,
Что ѣхать скоро принужденъ,
Его прощенья проситъ онъ,
Что не явился; все готово:
Онъ ѣдетъ завтра поутру,
Благодаря его сестру

За попеченья, за вниманье;
Что вѣчно будетъ дружба ихъ
Жива въ его воспоминаньи,
Что въ нихъ онъ видитъ не чужихъ,
Что онъ напишетъ издалека,
И прочее,—но ни намека
О свадьбѣ, будто все давно
Извѣстно имъ, и рѣшено
Межъ ними съ общаго совѣта,
Какъ слѣдуетъ такимъ друзьямъ.
Хотя, благодаря вѣстямъ,
Была не тайна свадьба эта,
Но вѣсти къ Николаю въ домъ
Всегда далекимъ шли путемъ.

Стемнѣло. Братъ сидитъ съ сестрою.
Уютенъ, скроменъ кабинетъ;
Сквозь листья рябью голубою
Въ окнѣ мелькаетъ лунный свѣтъ,
Съ нимъ спорятъ блескъ свѣчи забытой.
Прохлада въ воздухѣ разлита,
Далеко соловей поетъ,
Цвѣтетъ левкой...—Сегодня годъ
Какъ я пріѣхалъ; помнишь, Лиза?

— Да, годъ. — А все знакомства часъ,
Какъ будто не насталъ для насъ;
Во вкусахъ, что́-ль, мы не сошлися...
Годъ,—сколько долгихъ скучныхъ, дней...—
И щеки вспыхнули у ней.

Онъ ей въ лицо взглянулъ и мило
Ей подалъ руку, тронутъ самъ.
Она ту руку захватила,
Припала къ ней, къ своимъ губамъ
Прижала; ласкою нежданной
Пробуждено отрадно, странно,
Въ ней сердце радостью зажглось.
— Ахъ, полно! нѣжностей и слезъ
Я не люблю, что́ за охота...—
Вдругъ отворилась дверь. — Что́ тамъ?
— «Григорій Александрычъ къ вамъ
Письмо прислали.» — Лиза что́-то
Хотѣла разспросить, узнать...
— «Отвѣта не велѣли ждать.»—

Письмо вручили Николаю,
Прочтя, онъ Лизѣ передалъ.
— Я ничего не понимаю;
Зачѣмъ онъ ѣдетъ? — Задрожалъ
Листокъ у ней передъ глазами.
Забывшись, горемъ и слезами
Не въ силахъ больше овладѣть,
Прося у Бога умереть,
Она вдругъ громко зарыдала.
— Мой ангелъ, Лиза, что́ съ тобой?
— Онъ обманулъ... о Боже мой,
Онъ женится!—Она упала
На шею брату, въ первый разъ,
Руками крѣпко обвилась.

— Когда бъ ты зналъ... я такъ любила!
Давно, сначала, съ первыхъ дней...

Здѣсь все такъ тихо, скучно было...
Прости меня!—Къ груди своей
Тоской болѣзненною сжатой,
Понявъ обиду, скорбь утраты,
Ея головку онъ прижалъ,
Високъ горячій цѣловалъ,
Какъ мать дитя свое лаская.
— Мы жили-бъ вмѣстѣ, всей семьей;
Теперь... какъ жить опять? съ тобой,
Какъ прежде? — Горесть молодая
Невольно вылилась въ упрёкъ,
И братъ прервать его не могъ.

Въ немъ сердце съ болью шевельнулось,
Участье, жалость встали въ немъ,
Былое тяжко вспомянулось
И каждымъ словомъ, каждымъ днемъ
Его сурово обвинило.
Ребенокъ ласковый и милый,
Довѣрчивъ, горько, въ первый разъ
Рыдалъ, на грудь его склонясь;
А сколько горестныхъ мгновеній,
Нераздѣленныхъ слезъ, скорбей
Бывало прежде?... Онъ предъ ней
Упасть готовъ былъ на колѣни,
Прощенья былъ готовъ просить
Во всемъ... всего не объяснить!

Виновный не находитъ слова;
Одно лишь можетъ онъ — ласкать.
Онъ понялъ все: имъ должно снова
Ихъ жизнь признаньемъ начинать,
И не рѣшаясь, въ утѣшеньи
Предлога ищетъ онъ къ сближенью.
— «Дитя мое, чтожъ! такъ и быть!
Ты будешь снова жить, любить.
Жизнь велика, ты такъ прекрасна!
Повѣрь, съ любовью, какъ съ весной:
Придетъ опять. Не онъ, — другой...

Тебѣ-ль забытой быть, несчастной?
Ты женщина,—въ замѣнъ любви
Самосознанье призови!

«Года всесильны и уносятъ
И жаръ любви и горя пылъ;
Душа опять любви попроситъ,
А въ сердцѣ нашемъ столько силъ!
Не пасть имъ съ первыми слезами...
Я радъ, что это между нами
Останется, что никогда
Намекомъ, словомъ, клевета
Не тронетъ милой мнѣ головки,
Моей возлюбленной сестры...»
— Благодарю васъ, вы добры,
Но утѣшаете неловко...
Простите, такъ душа болитъ!..
О, пусть васъ Богъ вознаградитъ

За эти ласки!... Но, не знаю,
Иль вами я не понята....
Съ нимъ началась мнѣ жизнь другая,
И эта жизнь—вся прожита!...
Прости мнѣ, другъ мой! безъ упрека,
Но я все выскажу. Жестоко
Свою сестру ты отдалилъ...
Конечно, ты такъ много жилъ,
Такъ много видѣлъ, здѣсь такъ мало
Занятья, пищи для тебя; —
Но для чегожъ душа твоя
Сестру такъ полно забывала
Что часто не было для ней
Не только чувствъ—пустыхъ рѣчей!

Я знаю, что всему виною
Необразованность моя...
Когдабъ ты зналъ, съ какой тоскою
Одна, трудясь, училась я!

Но вспомни, онъ тогда явился,
И съ нимъ въ минуту измѣнился
Моихъ занятій бѣдный кругъ...
Онъ былъ внимателенъ, какъ другъ,
Предъ нимъ ничто не проходило
Напрасно... Онъ меня развилъ,
Значенье воли, мысли влилъ,
И если сердце полюбило
Того, кѣмъ развито оно—
Оно любить его должно!

Я вновь искать любви не стану.
Меня ты можешь обвинить,
Что жизнь я знаю по роману,
Что я проста, но такъ и быть.
Я понимаю слишкомъ свято
И счастье жизни и утраты.
Моя душа была свѣтла,
Отъ Бога я любви ждала
И Богъ мнѣ далъ ее; не смѣю
Вновь призывать священный даръ;
А пылкой молодости жаръ
Отъ скуки расточать въ затѣи,
Изъ чувства дѣлать ложь, обрядъ....
Я не могу, не стану, братъ!

— «Довольно! ты ребенокъ, Лиза,
Тебя смѣшное не страшитъ:
Сѣдые волосы, капризы,
Почтенной дѣвы жалкій видъ,
Перестарѣлыя мечтанья, —
Нѣтъ въ мірѣ хуже наказанья!
Но я, повѣрь, не допущу...»
— Я избѣжать сама хочу,
Она покорно отвѣчала,
Но не смѣшнаго,—скучныхъ дней.
Чтобъ жизни не пройти моей
Въ забвеньи, безполезно, вяло,
Трудится, думать я должна,
И—просьба есть... всего одна,

Но не сердись лишь, ради Бога!
Позволь мнѣ выдти за-мужъ; я
Спокойнѣй буду, и дорога
Опять изгладится моя.
О братъ, я дѣвушка простая!
Привычнымъ дѣломъ занятая,
Хозяйствомъ, счетомъ и трудомъ,
Я позабудусь въ домѣ томъ,
Что ты... прости мнѣ, — презираешь.
Я такъ при бабушкѣ росла,
И, право, счастлива была,
Спокойно, тихо... ты не знаешь,
Что здѣсь, въ сердечной глубинѣ!
Сейчасъ рѣшиться должно мнѣ...

Сейчасъ, пока воспоминанье
Любви не сдѣлалось милѣй,
Не влило прелести въ страданье,
Надежды въ грёзы горькихъ дней.
Раздумье уничтожитъ силы!
Покуда сердце не остыло
И можетъ, позабывъ мечтать,
Покой и миръ другому дать,
Пока мой долгъ я понимаю
И въ состояньи снова жить,
Трудясь...—«Да, да, грибы солить,
Ребятъ неугомонныхъ стаю
Учить по букварю складамъ,
И мѣсчину давать псарямъ....

«О, полно, Лиза! Неужели
Покой и миръ въ трудѣ одномъ?
Существованіе безъ цѣли,
Съ упрямымъ, глупымъ дикаремъ,
Ужели лучше развлеченій,
Свободы,—даже слезъ, томленій,
Тамъ, гдѣ участье ты найдешь,
Гдѣ ихъ поймутъ? Но ты умрешь,
Умрешь, дитя мое! довольно!

Ты страшно мучаешь меня!
Подумай: красота твоя
Въ забвеньи сгибнетъ добровольно,
Тяжелой жизни скучный шумъ
Погубитъ сердце.... бѣдный умъ....»

—О другъ мой, но есть выше что́-то!
Насъ въ жизни бросивъ на пути,
Велѣла высшая забота
Неуклоняяся идти.
Не всѣмъ любовь, не всѣмъ и счастье,
Но трудъ пути—не въ нашей власти,
Его мы въ правѣль отвергать?
Не намъ, гордяся, разбирать,
Что́ не по насъ и что́ ничтожно:
Возьмемъ, что́ намъ судьба даетъ.
Рука трудится, сердце плодъ
Приноситъ, радуясь тревожно,
Что счастье кротко и любя
Творитъ, хотя не для себя....

И мнѣ, какъ знать, собою счастье
Быть можетъ суждено принесть!
Какъ птица въ темное ненастье
Подъ кровъ и я спѣшу присѣсть....
О братъ, я буду тамъ любима!
И день и ночь неутомимо
Молиться буду я, и мнѣ
Поможетъ Богъ... Въ тяжеломъ снѣ
Не дай на вѣчно мнѣ забыться!
Душа любить сотворена,
Но нѣтъ любви, такъ пусть она
Въ заботѣ поспѣшитъ разлиться,
На дѣло промѣнявъ мечты...
— «За что́жъ меня забыла ты?

Вскричалъ онъ горестно:— «Ужели
Заботъ не стоятъ дни мои

Безъ дружбы, безъ любви, безъ цѣли,
А наконецъ и безъ семьи?
Души усталость и паденье,
Когда безъ дѣла, въ отчужденьи
Убитъ годъ жизни молодой
Не страшны-ли? Когда собой
Ты хочешь жертвовать въ отраду
Другимъ,—сестра, пожертвуй мнѣ!...
О, много въ этой тишинѣ,
Въ уныломъ домѣ, въ тѣни сада
Прошло... не отомщай теперь!
Я понялъ, сознаюсь,—повѣрь!

Не знаю, что́ насъ отдаляло,
Но, добрый ангелъ мой, прости!
Когда ты можешь жить, сначала
Мы будемъ нашу жизнь вести.
За прежній холодъ, невниманье, —
Когда ты можешь, упованье
Мнѣ въ душу сладко перелей;
Въ груди измученной моей
Пусть встрепенется чувство снова,
Желанья истины, добра
И бодрость... Бѣдная сестра,
Дай слышать мнѣ живое слово...
Ты знаешь, все въ тебѣ одной!
Не оставляй меня, постой!»

Онъ обнималъ ее, глазами
Въ ея глазахъ искалъ отвѣтъ...
И заливаяся слезами
Она сказала кротко:—Нѣтъ!
У насъ съ тобой равны утраты;
Какъ я, ты счастливъ былъ когда-то,
И сожалѣніемъ вдвоемъ
Сильнѣй мы горе разовьемъ.
Тамъ—долгъ велитъ, я все забуду;
Здѣсь—ласка каждая твоя,
Здѣсь каждый уголъ для меня

Воспоминанье; здѣсь я буду
Свободно плакать... жизнь твою
Еще сильнѣй я отравлю.

Нѣтъ, не такое утѣшенье
Ты можешь, долженъ призывать!
Опять въ глуши, въ уединеньи
Съ сестрой забытой прозябать!...
Довольно испытанья года.
Скорѣй, бери свою свободу,
Тамъ ты полезенъ будешъ, другъ.
Иди, стряхни свой злой недугъ;
Взгляни на жизнь съ надеждой ясной;
Пусть обновляется душа,
Опять довѣрчиво служа
Всему, что́ свято и прекрасно...
Она взойдетъ на прежній путь, —
О другъ мой, сто́итъ вспомянуть!...

Прошло, прошло!... гроза промчалась ..
Измято сердце,—такъ и быть!...
О другъ, намъ розное осталось:
Тебѣ — припомнить, мнѣ — забыть;
Намъ счастья нѣтъ въ соединеньи.
Пусть это бѣдное творенье,
Что́ ты такъ сладко полюбилъ,
Въ тебя вдохнетъ остатокъ силъ
Для жизни высшей; въ кругъ свой бѣдный
Оно нисходитъ... Братъ, прости!
Будь твердъ, не думай, не грусти!
Трудиться мелко, незамѣтно
Душа привыкла издавна...
Я такъ росла, такъ рождена!... —

Востокъ зардѣлся, холодъ влажный
Въ окно повѣялъ; надъ травой
Роса заискрилась; протяжно
Пропѣлъ пѣтухъ... Рука съ рукой,

Еще все тихо говорили
Сестра и братъ. Часы пробили.
— Пора, прощай!—Въ послѣдній разъ
Еще простились, утомясь,
И дверью разной вышли оба,
И обратились оба вдругъ
Здумчиво взглянувъ вокругъ...
Мелькнула-ль мысль, что имъ до гроба
На разномъ жизненномъ пути,
Не повстрѣчаяся, пройти?..

Читатель, въ тихій часъ разлуки
Бывала-ль мысль когда у васъ,
Что руку въ дорогія руки
Кладете вы въ послѣдній разъ?
Хотябъ надежда близкой встрѣчи
Свѣтила вамъ,—въ живыя рѣчи
Не примѣшался-ли тогда
Невольный вздохъ?... Тоска, бѣда
Повѣяли крыломъ холоднымъ
Надъ вашей жизнью издали,
И сомнѣваясь вы пошли
Въ вашъ путь далекій... Какъ охотно
Вы воротились бы назадъ,
Въ вашъ тихій домъ, въ вашъ тихій садъ!..

Когда нечаянно судьбами
Въ нашъ край глухой занесены,
Въ колескѣ вашей межъ полями,
Читатель мой, катились вы, —
Закатъ блѣднѣя разстилался
И берегъ лентой изгибался
Надъ затихающей рѣкой,
И лѣсъ чернѣлъ въ дали ночной, —
Завидя бѣдное селенье
И не высокій темный домъ,
Спросили-бъ, кто хозяинъ въ немъ?
Зачѣмъ все пусто, безъ движенья,
И ставни заперты, скрипятъ,

Какъ будто въ домѣ вѣчно спятъ?

И вамъ на это-бъ отвѣчали,
Что братъ съ сестрой здѣсь прежде жилъ,
Сестру съ сосѣдомъ повѣнчали,
А братъ въ столицу укатилъ,
И, говорятъ, служить принялся;
И вамъ бы вѣрно показался
Незанимателенъ разсказъ
И сердца бы не тронулъ въ васъ...
Такъ намъ внушаютъ размышленья
Лишь камни, да кресты могилъ,—
Какъ будто тотъ лишь, кто отжилъ,
Участья стóитъ, сожалѣнья,
Какъ будто меньше знаетъ домъ,
Гдѣ жизнь проходитъ день за днемъ!...

II.

КВАРТИРА ВЪ ТАТАРСКОМЪ КВАРТАЛѢ.

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ Я. П. ПОЛОНСКАГО.

—

I.

Это было въ самый жаркій часъ едва-ли не самаго жаркаго іюльскаго дня въ Тифлиссѣ.

Солнце было неумолимо, а я безъ зонтика долженъ былъ идти съ Авлабара на Эриванскую площадь *. Какъ нарочно ни одного извощика! На старомъ деревянномъ мосту на одну минуту остановился я послушать шумъ Куры, полюбоваться быстротою волнъ, стѣсненныхъ выступами каменныхъ береговыхъ утесовъ, подышать свѣжимъ воздухомъ. Но на мосту показалось мнѣ еще жарче, чѣмъ на улицѣ; казалось, деревянный мостъ готовъ былъ подо мною вспыхнуть, такъ было горячо подошвамъ. По синему небу не проносилось ни одного облака. Вѣтеръ, который изрѣдка поднималъ пыль, вѣроятно зараждался гдѣ-нибудь по близости, въ ущельяхъ, разскаленныхъ солнцемъ, и не давалъ прохлады.

На Майданѣ ** было довольно пусто; кучки азіатовъ сидѣли на бур-

* Мой разсказъ относится къ тому еще времени, когда на Эриванской площади не было театральнаго зданія.

** Майданъ татарская базарная площадка.

кахъ, въ тѣни домовъ, или стояли на тротуарахъ, подъ холстинными навѣсами. Запахъ копченой рыбы, нефти, шафрану, мыла и сальныхъ свѣчь попеременно услаждалъ мое обоняніе. Бакалейщики * выливали на мостовую воду, въ которой полоскали пыльную зелень и овощи, дабы полуденный жаръ ихъ не высушилъ.

На Армянской улицѣ мнѣ пришла въ голову мысль отдохнуть въ табачной лавочкѣ.

Забравшись подъ низенькій холстинный навѣсъ, я кивнулъ головой табачному продавцу, вѣроятно арзерумскому или трапезонтскому турку, пасмурному на видъ, желтому какъ шафранъ и толстому какъ бурдюкъ. Въ коричневой курткѣ, вышитой черными шнурками, и въ чалмѣ, онъ сидѣлъ на широкомъ чистомъ прилавкѣ, свернувши ноги такъ, что одинъ только полосатый носокъ выглядывалъ изъ-подъ складокъ широкихъ шароваръ, и лѣниво покуривалъ трубку съ янтарнымъ мундштукомъ.

Здравствуй! сказалъ я турку. Здравствуй, отвѣчалъ онъ мнѣ соннымъ голосомъ, и струйка дыму заволокла усы его.

— Есть хорошій табакъ?

— Есть.

— Хорошій?

— *Дурной* нѣтъ.

Я усѣлся подлѣ него на прилавкѣ; свѣсилъ ноги на улицу, снялъ фуражку и вытеръ лобъ.

Купецъ молча предложилъ мнѣ трубку, я молча взялъ ее и сталъ курить... Глаза его, черные и въ тоже время тусклые, какъ-будто сквозь сонъ посматривали на меня съ выраженіемъ совершеннаго равнодушія къ моему присутствію.

Подъ навѣсомъ лавочки были такъ уютно и до того сносно жарко, что я готовъ былъ просидѣть въ ней до самаго вечера.

На улицѣ народу было мало; въ жаркіе дни тифлисская жизнь обыкновенно кипитъ или рано утромъ, или вечеромъ; съ полудня же до пяти часовъ, ѣдутъ и идутъ только изъ крайней необходимости. Противъ меня, на противоположномъ тротуарѣ, сидѣлъ нищій, старикъ сухой, длиннобородый и сѣдой, какъ лунь; голова его была покрыта войлочной пыльной шапкой. Старикъ на проходящихъ не обращалъ ровно никакого вниманія, и, какъ философъ, весь былъ погруженъ въ разсматриваніе своихъ собственныхъ лохмотьевъ, скудно прикрывающихъ наготу его. Возлѣ этого почтеннаго старца, упираясь головой въ какой-то мѣшокъ, на голыхъ, солнцемъ раскаленныхъ кирпичахъ, лежалъ маль-

---

* Бакалейщикъ—продавецъ овощей и фруктовъ.

чикъ, лѣтъ восьми; его била лихорадка; онъ дрожалъ и безпрестанно закрывалъ затылокъ своей коротенькой буркой; у обнаженныхъ, посинѣлыхъ ногъ его лежала косматая баранья шапка, изъ которой торчалъ заржавленный кинжалъ и кусокъ арбуза.

— Какъ жалко! сказалъ я невольно вслухъ, всмотрѣвшись въ живописную группу нищихъ.

— Гм! да!.. жарко! отозвался турокъ...

— Правда-ли, что здѣсь иногда въ простомъ народѣ отъ лихорадки лечатся арбузами?

Купецъ или не понялъ меня, или не разслушалъ. Да, сказалъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія,—арбузъ хорошо и дыня хорошо...

— Хорошо!.. отвѣсь-же мнѣ фунтъ хорошаго табаку.

Турокъ потянулъ было ноги чтобъ привстать, вѣроятно для того чтобъ взять вѣсы, и опять усѣлся; вставать ему рѣшительно не хотѣлось. Одной рукой стащилъ онъ съ полки листъ оберточной бумаги, другую погрузилъ въ табакъ, насыпанный кучею. Двѣ такихъ кучи, одна желто-коричневая, другая коричнево-желтая, возвышались тутъ же, на прилавкѣ, въ тѣсномъ пространствѣ между хозяиномъ и его посѣтителемъ.

— Что̀ любишь крѣпкій.... А?!

— Люблю.

Турокъ свернулъ бумагу въ трубочку и положилъ туда нѣсколько горстей табаку, всякій разъ захватывая его такимъ образомъ, что желтыя, ароматическія нити его со всѣхъ сторонъ висѣли и тянулись между толстыми, широко-раздвинутыми пальцами.

— На! сказалъ онъ, послѣ пятой горсти—фунтъ! Больше будетъ, самъ мѣрь.

Завернулъ и подалъ.

Я очень хорошо понялъ, что если стану приставать къ нему, нарушу *кейфъ* его. Честный турокъ однакожъ подумалъ, что я сомнѣваюсь въ немъ, взялъ еще двѣ горсти и забилъ въ бумагу.

Я сказалъ, что тутъ больше фунта и что я не хочу больше.

— Ничего. Ты *знакомъ* *человѣкъ* — ты меня *не знай* — я тебя *знай:* отвѣчалъ онъ, дѣлая жестъ рукой, и какъ-бы выражая этимъ жестомъ слѣдующее: я покоенъ, будь же пожалуйста и ты покоенъ, курю и ты кури; я молчу и ты молчи.

— Что̀-же сто́итъ фунтъ?

— Два абасъ.

Я отдалъ деньги и продолжалъ сидѣть, жалѣя о тѣхъ, которыхъ

судьба, въ такой нестерпимой жаръ, заставила идти по улицѣ. Вдругъ вижу, трое мушей * несутъ чьи-то пожитки.

Мебелью, которая качалась на ихъ согнутыхъ спинахъ, можно было-бы превосходно убрать цѣлую комнату. Крупный потъ катился по коричневымъ отъ загара, суровымъ лицамъ ихъ и въ буквальномъ смыслѣ слова капалъ на мостовую... Казалось, они только что вылезли изъ бани. Какъ теперь помню, на одномъ изъ нихъ вся одежда состояла изъ грязныхъ шараваръ и истертой куртки, безъ обшлаговъ и пуговицъ. На всклокоченныхъ черныхъ и пыльныхъ волосахъ его, едва держалась подвязанная у подбородка плоская имеретинская шапочка.

Нужна большая привычка, чтобъ рѣшиться въ такой жаръ тащить такую тяжесть. Не скажу чтобъ они, то-есть *муши*, показались мнѣ страдальцами, но мысленно я бранилъ того господина, который напялъ ихъ въ такое время; отчего бы, думалъ я, не погодить ему до вечера.

Муши прошли и вслѣдъ за ними явился страдалецъ въ полномъ смыслѣ слова. Это былъ человѣкъ довольно прилично одѣтый, низенькій, худой, неловкій и безсильный; обѣ руки его были заняты: въ одной онъ несъ четыре чубука, въ другой ружье. Это-бы еще не велика бѣда; но у него подъ мышками былъ съ одной стороны какой-то ящикъ, съ другой мѣшокъ съ сапогами; то мѣшокъ, то ящикъ ежеминутно готовы были выскользнуть. Потное лицо его дѣлало такія жалкія гримасы, что я едва могъ узнать его.

— Филатъ! закричалъ я, соскользнувъ съ прилавка и вставая на ноги.

Филатъ узналъ меня и былъ въ страшномъ затрудненіи, какъ ему снять картузъ; онъ сдѣлалъ пресмѣшное усиліе — поднять одну руку и въ тоже время наклонить къ ней голову.

— Филатъ! сдѣлай милость не хлопочи кланяться; скажи только, ради Бога, неужели это твой баринъ перемѣнилъ квартиру.

— Баринъ-съ.

— Что это ему вздумалось, въ такой жаръ?—Ты бы лучше взялъ ружье-то въ одну руку съ чубуками—вотъ такъ;—а ящикъ-то возьми вотъ этакъ.

— Какъ?!

— Да, вотъ этакъ, братецъ! Легче нести.—Да скажи пожалуйста, гдѣ это твой баринъ совсѣмъ пропалъ — нигдѣ не видать его. — Куда это вы перебираетесь?

— Въ такое мѣсто, что сказать совѣстно, просто клѣтушка, а не квартира.

---

* Муши особый классъ людей въ Тифлисѣ, занимающихся по найму переноскою вещей.

— Гм! какъ это странно! — Постой немного; я сейчасъ напишу къ нему записку. Тутъ я досталъ въ карманѣ карандашъ и клочекъ бумаги, вошелъ въ лавочку, и написалъ:

«Хвилькинъ! чудакъ! Гдѣ ты пропадаешь? куда перебираешься? — Приходи ко мнѣ непремѣнно; завтра воскресенье, и я не пойду въ канцелярію—прощай.»

— На, отдай Михайлу Ивановичу! сказалъ я Филату, который кричалъ въ это время мушамъ, чтобъ они его погодили.—Дороги не знаютъ, а лезутъ! говорилъ онъ съ явнымъ неудовольствіемъ. Я положилъ записку въ его шапку и сказалъ, что я самъ навѣщу его барина.

— А какъ вы найдете нашу квартиру? Приходите сами, мнѣ сказывать не велѣно, уныло проговорилъ Филатъ, и пошелъ, шагая во всю длину короткихъ, жиденькихъ ногъ своихъ, догонять мушей.

— Ба! подумалъ я, что̀ это за таинственность! постой-же Хвилькинъ, мы тебя отроемъ....

—

II.

Черезъ недѣлю, я узналъ, гдѣ живетъ Михаилъ Ивановичъ. — Но быть-можетъ, вамъ угодно знать, кто такой Михаилъ Ивановичъ?— Это, имѣю честь рекомендовать вамъ, былъ предобрый, пресмѣшной и премилый малый. Всего только два мѣсяца, какъ онъ пріѣхалъ въ Тифлисъ, съ намѣреніемъ найти себѣ какое-нибудь мѣсто, и быть-можетъ, безъ всякаго намѣренія когда-нибудь получить его.—Хвилькинъ пріѣхалъ съ деньгами, могъ угостить шампанскимъ съ полдюжины пріятелей, порядочно игралъ въ преферансъ, и наша молодежь сочла за нужное съ нимъ сойтись и познакомиться.

Хвилькинъ былъ очень простой и въ то же время какой-то мудреный человѣкъ. Не знаю, удастся-ли мнѣ хоть сколько-нибудь рельефно очертить его.—Въ этомъ человѣкѣ на первый взглядъ ничего не было рельефнаго. Все было на немъ чинно, гладко, блѣдно и умѣренно.—Лицомъ онъ былъ не дуренъ и далеко не хорошъ. — Оно было безцвѣтно; отлетающая молодость поспѣшила положить на немъ никѣмъ невидимое, но всѣмъ понятное, прощальное клеймо свое.—Ему было на видъ около тридцати лѣтъ; глаза его, болотнаго цвѣта, никогда почти не измѣняли своего апатическаго выраженія, зато маленькія свѣтлорусыя бровки нерѣдко поднимались къ верху, при чемъ всѣ морщины на лбу его приходили слегка въ волнообразное движеніе; ротъ его также отличался необыкновенной подвижностью; каждый свой разсказъ онъ умѣлъ, такъ-сказать, характеризовать гримасой. Никто, быть-можетъ, не умѣлъ

такъ неожиданно сдѣлать глупо-равнодушной мины послѣ имъ же сказанной остроты. Друзья называли его чудакомъ, и Богъ знаетъ почему, нерѣдко одно его появленіе заставляло всю нашу холостую компанію, восклицать, трунить, вызывать на смѣхъ, и громко хохотать отъ каждаго его слова.—Хвилькинъ потѣшалъ насъ; онъ какъ нельзя лучше понималъ роль свою, и нисколько не теряя своего достоинства, старался ее поддерживать. Хвилькинъ былъ совершенно спокоенъ, когда всѣ смѣялись, и постоянно корчилъ улыбку, встрѣчаясь съ угрюмыми или просто молчаливыми лицами.

Одѣвался онъ не лучше, не хуже другихъ. Днемъ, соломенный картузъ, вечеромъ круглая черная шляпа и свѣтлогороховое пальто, нисколько не отличали отъ другихъ его невысокое и необъемистое туловище. Хвилькинъ былъ небольшаго росту, и въ умственномъ отношеніи умѣлъ казаться по плечу всѣмъ и каждому.—Никто не хотѣлъ въ немъ видѣть человѣка, на что-нибудь способнаго, и въ этомъ, быть-можетъ, заключалась тайна, отчего никто серьозно не бранилъ его.... Хвилькинъ самъ никуда не совался, ни отчего не отказывался, ни отъ попойки, ни отъ новаго знакомства, ни даже отъ щепотки табаку, еслибъ только кому-нибудь вздумалось поднести къ нему растворенную табакерку. Одна очень умная барыня увѣряла меня, что лицо г-на Хвилькина лучшее лекарство отъ скуки, и что чѣмъ онъ печальнѣе, тѣмъ веселѣе тому, кто на него глядитъ. Прошу покорно описать такую физіономію!—Очень веселымъ я никогда не видалъ его, точно также, какъ ни разу не случалось мнѣ видѣть его сердитымъ: человѣкъ его, Филатъ, разбилъ у него кружку, пролилъ на столъ чернила, забылъ взять сухарей у хлѣбника, и Хвилькинъ преравнодушно говорилъ ему: ты очень глупъ, или что будетъ, если этими чернилами да вымажутъ лицо твое.

Прошедшая жизнь Михайла Ивановича для меня была покрыта мракомъ неизвѣстности, но я скоро сошелся съ нимъ и полюбилъ его. Каждый считалъ его глупѣе себя, а онъ былъ умнѣе многихъ. Я это понялъ потому только, что выучился понимать движенье губъ и бровей его.—Въ его тонкихъ гримасахъ заключалась вся его философія.—Хвилькинъ казался воплощенной безпечностью, но въ тихомолку любилъ не то грустить, не то размышлять о суетѣ міра сего. — Гм! да! говорилъ онъ тогда, уставя на меня мутно-голубые глаза свои. — И я глупъ, и всѣ мы глупы. Живи, какъ живется, вотъ тебѣ и вся твоя философія! Никто изъ насъ не могъ вообразить себѣ Хвилькина человѣкомъ разочарованнымъ, и никто не могъ себѣ вообразить его влю-

бленнымъ. При мнѣ одинъ господинъ, спросилъ его: правда-ли, говорятъ, такая-то.... тебѣ очень нравится.

— Да, отвѣчалъ онъ, она вчера мнѣ нравилась.

— Ты и третьяго дня за ней особенно ухаживалъ.

— Какъ ухаживалъ?

— Да ты смѣшилъ ее.

— Да я и самъ не знаю, чему она смѣялась?

— Она къ тебѣ не равнодушна.

— А почёмъ ты знаешь?

— Я замѣтилъ.

— Ну, и поздравляю тебя съ твоимъ замѣчаніемъ.

Одного только я не понималъ въ Михайлѣ Ивановичѣ. Зачѣмъ онъ пріѣхалъ въ Грузію? Что́ это была за фантазія? Хвилькинъ никого не увѣрялъ, что онъ пріѣхалъ изучать нравы, видѣть край, дѣлать разныя ученыя или коммерческія соображенія; не говорилъ, что онъ влюбленъ въ природу, не готовилъ себя ни въ живописцы, ни въ статистики. Онъ просто говорилъ: я пріѣхалъ потому, что мнѣ такъ вздумалось, а почему ему такъ вздумалось, кто его вѣдаетъ: чужая душа потемки. Безъ всякихъ претензій глубоко понимать характеры, на этотъ разъ разскажу вамъ просто небольшую повѣсть о томъ, въ кого наконецъ влюбился Хвилькинъ, и что́ изъ этого вышло.

Цѣлую недѣлю я не встрѣчался съ нимъ послѣ нечаянной встрѣчи съ его Филатомъ. Наконецъ встрѣтилъ, и то не его— а Филата же. Постой, говорю, ты теперь не уйдешь отъ меня! теперь, братъ, не такъ жарко; кажи дорогу, веди меня къ твоему барину, или я не отстану отъ тебя до самой полночи.

—

III.

Уже заря золотила облака и приближались сумерки, но... еще не время утомлять васъ описаніемъ прекраснаго лѣтняго вечера. Я еще не восхищался имъ, во-первыхъ потому, что было душно; во-вторыхъ потому, что въ тѣхъ закоулкахъ, куда я послѣдовалъ за Филатомъ, была постоянная вонь, и наконецъ въ-третьихъ потому, что я поднимался на гору, безпрестанно, поворачивая то направо, то налѣво, по тропинкамъ, ведущимъ съ кровли на кровлю. У Филата лицо, на этотъ разъ, болѣе нежели когда-нибудь искусанное мошками, такъ лоснилось, какъ-будто онъ вымазалъ его постнымъ масломъ. Филатъ, какъ кажется, страдалъ за барина, и печальнымъ голосомъ сказалъ мнѣ: Пожалуйте! По доскамъ, укрѣпленнымъ въ видѣ лѣстницы, между двумя грязными

кирпичными стѣнами взобрался я на плоскую, квадратную земляную кровлю, которая служила террасой другому домику, примкнувшему задней стѣной своей къ обрыву той самой каменной горы, на которой возвышаются всѣмъ извѣстныя въ Тифлиссѣ развалины.

На террасѣ былъ разостланъ персидскій коверъ и стояли покойныя кресла. Хвилькинъ тутъ! подумалъ я, и низенькою дверью вошелъ къ нему въ комнату.

Хвилькинъ лежалъ въ это время на диванѣ, въ красныхъ канаусовыхъ шальварахъ и въ желтой шелковой рубашкѣ. Когда я взошелъ, онъ поднялъ брови и сказалъ мнѣ: «Здравствуй! Что-тебѣ надобно?

— Что мнѣ надобно? Такъ-то ты встрѣчаешь своихъ пріятелей!

— Гм! пріятель! Ну, сдѣлай милость не смѣши! Тебѣ, можетъ-быть, трубки хочется? А?

— Трубки! Не хочу я трубки!

— Чего-жъ тебѣ хочется?

— Мнѣ хочется разбранить тебя хорошенько, чтобъ ты не дѣлалъ глупостей.

— Гм! разбранить! Сдѣлай милость отложи это до другаго времени.

— Гдѣ ты пропадалъ?

— Не смѣши! Скажи лучше, какъ ты нашелъ меня?

Тутъ, не отвѣчая на вопросъ, я началъ, по праву пріятельства, его допрашивать: зачѣмъ дескать такую прекрасную, такую удобную квартиру, въ лучшей части города, промѣнялъ онъ на какую-то лачужку, состоящую изъ одной только комнаты, низенькой, душной, темной претемной, съ прескверными двумя окошками и что всего хуже, вѣроятно съ скорпіонами; потомъ упрекнулъ его за то, что онъ совершенно забылъ наше общество!

— Гм! пріятель! Да тебѣ-то какое дѣло? Ты-то что? отвѣчалъ Хвилькинъ, глядя въ потолокъ. Я отъ пріятелей-то и спрятался. Ну да видно, отъ нихъ на днѣ морскомъ не спрячешься, и тамъ найдутъ! Экой народъ эти пріятели! Собаки охотничьи — да и только!

— Такъ ты, варваръ, стало-быть и не радъ, что я зашелъ къ тебѣ?

— Да вѣдь ты и самъ не радъ! Тебя здѣсь скорпіонъ укуситъ, ну что изъ этого выйдетъ! самъ посуди.

Спорить съ Хвилькинымъ было напрасно, а вздорить глупо, потому-что намёкъ его на пріятелей былъ дѣйствительно справедливъ, и мнѣ вовсе не хотѣлось своей придирчивостью обнаружить въ себѣ желаніе, свойственное вообще всѣмъ пріятелямъ — желаніе замѣчать, руководить,

совѣтовать, и неисполненіе такихъ совѣтовъ принимать за личное оскорбленіе.

— Хвилькинъ, сказалъ я, совершенно измѣняя тонъ разговора: что́ за великодушіе! Полно́ бояться за мою безопасность, по случаю скорпіоновъ. Ты не радъ моему приходу, при всемъ желаніи обнять меня—ты видишь, ты долженъ видѣть наконецъ, что, не боясь выпачкать себѣ платья, или ногу сломать, я пришелъ къ тебѣ, отыскалъ тебя, навѣстилъ тебя!

— Пришелъ, отыскалъ, навѣстилъ, хорошо сказано! пробормоталъ мой Хвилькинъ: очень хорошо! Я тебѣ за это велю трубку набить. Филатъ! набей ему трубку.

— Вотъ добрый хозяинъ! Дай же мнѣ руку по-крайней-мѣрѣ.

— На — хоть обѣ, на! сказалъ онъ, вставая съ дивана и подавая руки. На, радуйся!

— Право я радъ, что нашелъ тебя.

— Ну, не божись; пойдемъ на чистый воздухъ, возьми стулъ; вынесемъ столъ и будемъ наслаждаться, курить, болтать и тому подобное... Пусти, только я одѣнусь.

— Зачѣмъ одѣваться, и такъ жарко!

— Да пусти хоть туфли-то надѣть по-крайней-мѣрѣ!

Тутъ я взялъ одной рукой трубку, раскуренную Филатомъ, а другою поднялъ стулъ и бокомъ вынесъ его на кровлю.

—

IV.

Терраса Хвилькина служила кровлей домику, еще ниже построенному, или лучше сказать плоская кровля нижняго домика служила террасой... Кругомъ ея не было никакой рѣшетки, и спускъ былъ единственный по доскамъ, о которыхъ выше упомянуто. Видъ, съ этого мѣста былъ удивительный, и не потому только, что мнѣ пришлось его описывать; а потому-что дѣйствительно онъ былъ удивительный. Вообразите, почти весь противуположный берегъ Куры, до самаго Навтлуга, передъ глазами. Ярко освѣщенный заходящимъ солнцемъ, весь этотъ берегъ казался мнѣ, начиная съ бѣлыхъ стѣнъ Метеха, великолѣпной рамой картины, возможной только въ Тифлисѣ и еще — не знаю гдѣ!

Вправо отъ башныхъ мостовъ, изъ-за плоскихъ кровель и неуклюжихъ трубъ, сѣрыхъ и пестрыхъ стѣнъ, деревянныхъ со всѣхъ сторонъ къ нимъ примыкающихъ галлерей и точеныхъ столбиковъ свѣтилась полоса Куры и зеленѣли непроглядные виноградники. Хребетъ горы, увѣнчанный полуразрушенными башнями, со стороны ботаническаго съ

да, покрывалъ ихъ своею длинною, неровною тѣнью, и прозрачный паръ висѣлъ надъ ущельемъ, гдѣ по каменистому ложу скачутъ и льются горячіе источники. Неподвижно стояли въ садахъ темные, пирамидальные тополи, вытянувшись къ верху, и какъ-будто желая достать на воздухѣ все выше и выше уходящій въ небо блескъ вечерняго солнца.

Воздухъ спалъ, но не спалъ еще городъ. Надъ Авлабаромъ какъ дымъ поднималась пыль; группы женщинъ появлялись на кровляхъ, и со всѣхъ сторонъ раздавались звонкіе голоса, дѣтскій плачь, веселый звукъ *дайры** и отдаленный топотъ пляски...

Хорошій былъ видъ! Но никакой видъ не могъ помирить меня со всѣми неудобствами новой квартиры моего пріятеля. Онъ медлилъ выходить изъ своей берлоги, и я, продолжая наблюдать ея окрестности, наконецъ пересталъ блуждать по отдаленнымъ точкамъ и навелъ свое вниманіе на предметы самые ближайшіе.

Первый предметъ, который попался мнѣ на глаза—это была женщина; она вышла на сосѣднюю кровлю; — уголъ этой кровли приходился противъ того угла, на которомъ я стоялъ въ созерцательномъ положеніи.

Женщина, какъ и всѣ женщины въ этой части города, была въ національномъ платьѣ. Легкій бѣлый тюль, какъ млечный туманъ окружалъ ея голову, и вмѣстѣ съ длинными, черными, какъ смоль, косами, ниспадалъ во всю длину спины ея живописными складками. Простое, синее платье, опоясанное красной лентой, обрисовывало высокій, стройный станъ ея; черты лица ея были необычайно нѣжны, свѣжи и правильны; каждое движеніе было просто и благородно. Я сталъ наблюдать за ней — но она не обратила на меня почти никакого вниманія, только искоса бросила на меня любопытный взглядъ, какъ-бы желала удостовѣриться, любуюсь-ли я красотой ея.

Въ моемъ умѣ зашевелилась догадка.

— Михаилъ Иванычъ, сказалъ я, поди сюда!

— Сейчасъ.

Хвилькинъ вышелъ въ новомъ архалукѣ — и прекрасный янтарный мундштукъ дымился въ рукѣ его.

— Поздравляю тебя съ обновой! Давно-ли ты сшилъ этотъ архалукъ?

— Недавно.... Филатъ! ставь самоваръ. Ну что ты звалъ меня. А?

— Посмотри, какъ хороша эта женщина.

---

* Бубенъ.

— Гдѣ? и онъ поднялъ лицо свое выше и сталъ глядѣть гораздо дальше, чѣмъ слѣдуетъ....

— Если ты не видишь — я буду приходить сюда любоваться.

— Пошелъ! — гдѣ тебѣ! Смѣшишь! — отвѣчалъ онъ, сопровождая слова свои легкимъ, принужденнымъ смѣхомъ.

— Ну, вотъ увидишь!

— Право смѣшишь!

— Я-жъ тебѣ говорю.

— Да про кого же ты говоришь? покажи! и онъ поднялъ свои маленькія брови.

Я показалъ ему.

— А! знаю, видѣлъ.

— Какова!

— Видѣлъ! Филатъ, вынеси столъ, и все приготовь, какъ слѣдуетъ — да пожалуйста нельзя-ли такъ сдѣлать, чтобы чай былъ безъ грязи. Вода отстоялась-ли. А?

— Съ утра стоитъ, отвѣчалъ Филатъ и пошелъ за углями.

V.

— Знаю, знаю, видѣлъ, видѣлъ, — и нѣсколько такихъ ненужныхъ повтореній, съ явнымъ намѣреніемъ замять разговоръ о сосѣдкѣ, заставили меня сильно подозрѣвать г. Хвилькина. Солнце уже сѣло; поднимался мѣсяцъ — и тихій лампадный свѣтъ его, увлаженный парами ночи, преображалъ весь городъ, засыпающій на каменныхъ холмахъ, въ какое-то прекрасное фантастическое видѣніе. Костры на окрестныхъ горахъ, огни на Авлабарѣ, шумъ Куры, напоминающій шумъ столицы, когда, бывало, ночью откроешь окно и слушаешь; бѣлые куполы горячихъ, сѣрныхъ бань, темные тополи, теплый, неподвижный воздухъ, ясное ночное небо, звѣзды, мѣсяцъ, все это вмѣстѣ было въ такомъ гармоническомъ согласіи, такъ хорошо, что остаться бы на кровлѣ у Хвилькина, да и сидѣть бы тамъ цѣлый вѣкъ, еслибъ только цѣлый вѣкъ могла продолжаться такая ночь. Но что я говорю? Трудно отдать отчетъ въ своихъ желаніяхъ, когда душѣ весело и уютно въ груди человѣка; а между-тѣмъ, ей хочется вырваться на волю, улетѣть, искать чего-то и молиться тамъ, а не здѣсь; но — гдѣ же тамъ? Кто ее вѣдаетъ!! Я понялъ, что глубоко почувствовать красоту грузинской ночи и задремать душею, для европейца нѣтъ возможности: имъ тотчасъ овладѣетъ какая-то жажда, томительная, ему самому непонятная, и любовь, или возвратъ на родину, или еще куда-нибудь дальній путь покажутся единственнымъ ея удовлетвореніемъ.

Хвилькинъ, усѣвшись въ креслахъ, былъ молчаливъ и, казалось, напрасно искалъ въ головѣ своей опредѣленной мысли, или опредѣленнаго чувства.

Самоваръ начиналъ запѣвать, и красное пламя, которое поднималось иногда вверхъ изъ самоварной трубы, какъ-бы желая поцѣловать Филата въ губы за его усердіе, по-временамъ на нѣсколько минутъ освѣщало кровлю, и некрасивое, но по своей оригинальности привлекательное лицо моего пріятеля. Оно на этотъ разъ, казалось, совершенно утратило свое насмѣшливо-плаксивое выраженіе, и казалось, ему хотѣлось сообщить мнѣ что-то очень важное, и въ тоже время не хотѣлось насмѣшить меня.

На сосѣднюю кровлю вышла другая женщина, быть-можетъ дѣвушка, веселая, говорливая,—но ея разговорчивость прошла, и обѣ они стали блуждать по кровлѣ, какъ-будто ища удобнаго спуска, чтобы сойти съ нея. Наконецъ, первая изъ нихъ стала на уголъ и наклонила голову, какъ бы вслушиваясь въ отдаленные звуки зурны. Таже ночь одѣвала ее своимъ туманнымъ флеромъ, тотъ же самый мѣсяцъ придавалъ особенную чистоту и бѣлизну ея откинутому покрывалу.

— Ну не прелесть ли здѣсь! сказалъ Михаилъ Ивановичъ. Брани меня, что я забрался сюда. Разсказать ли тебѣ, какъ я сюда переѣхалъ; это смѣшно; забавный случай! И онъ сталъ разсказывать, но изъ его разсказа не вышло ничего смѣшнаго, никакого забавнаго случая, не смотря на всю его способность смѣшить.

— Полно дурачить меня, сказалъ я очень серьозно. Ты просто влюбленъ здѣсь въ кого-нибудь! Иначе я не могу понять твоей фантазіи переѣхать въ эту часть города. Ночь вездѣ хороша, и здѣсь и тамъ; у московской заставы, точно также любуются этой ночью, какъ и мы съ тобой у банныхъ воротъ. Не надувай меня.

— Смѣшишь! отчего мнѣ не надувать тебя, если я часто самъ-себя надуваю.

— Это какими судьбами?! По моему, ты менѣе нежели кто-нибудь способенъ себя обманывать.

— Ну если, точно я по твоему не способенъ себя обманывать, ты правъ, я влюбленъ.

— Ты?

Пока Хвилькинъ не говорилъ мнѣ ни слова, я былъ увѣренъ, что онъ влюбленъ — а сказалъ Хвилькинъ и мнѣ стало не вѣриться! Въ кого же?

— Въ кого? Да вотъ, въ нее же, въ эту самую женщину; она стоитъ отъ насъ въ пяти саженяхъ. Чудакъ, чему же ты смѣешься?

Еслибъ ты всмотрѣлся въ черты лица ея, ты бы сказалъ, что нѣтъ возможности, чтобы лицо женщины было прекраснѣе.

— Послушай сказалъ я, что-жъ изъ этого будетъ, что ты влюбленъ! Въ ней ничего и нѣтъ кромѣ наружности.

— А почему ты знаешь, молчи! перебилъ онъ съ досадой и сдѣлай милость не разсуждай. Я любуюсь ею каждый день, и не могу найти въ ней ничего такого, что-бъ мнѣ не нравилось, и самъ прихожу въ отчаяніе, что не могу найти въ ней ничего, кромѣ истинно прекраснаго... Или я слѣпъ, или... поживу здѣсь нѣсколько еще недѣль и посмотрю что будетъ.

— Ты съ ней ни говорилъ ни слова!

— Не смѣши пожалуста! Я ни слова по-грузински, она ни слова по-русски. Сдѣлай милость, поговори послѣ этого!

— А ты знаешь какъ зовутъ ее?

— Кажется Майя, а впрочемъ не знаю.

— Ага! ты уже и имя успѣлъ узнать! — Майя!

— Увы! я, вѣрно, слишкомъ громко произнесъ это имя: сосѣдка оглянулась, и черезъ минуту на сосѣдней кровлѣ не было уже никого, кромѣ кирпичной трубы, съ одной стороны побѣлѣвшей отъ лучей мѣсяца, съ другой стороны темной, какъ одежда схимника.

—

VI.

Мѣсяцъ и звѣзды свѣтили по прежнему; но потухали огни за Курой, и шумъ рѣки становился слышнѣе посреди всеобщаго безмолвія. Тепла была ночь; но ужъ давно простыли наши стаканы съ чаемъ; потухшій самоваръ пересталъ пищать, и покинутый Филатомъ, грустно стоялъ у двери, какъ единственный стражъ квартиры, быть-можетъ единственной по своимъ неудобствамъ. Не стану припоминать всего, что было переговорено нами въ этотъ вечеръ; Хвилькинъ говорилъ мало, былъ въ какомъ-то странномъ расположеніи духа и ни въ чемъ почти со мной не соглашался.

Часу въ двѣнадцатомъ я простился съ нимъ, пожелавъ ему успѣха...

На прощаньи Хвилькинъ далъ мнѣ два совѣта: взять провожатымъ Филата, при чемъ было объяснено, гдѣ мнѣ искать его, и когда приду домой, велѣть получше вытереть сапоги свои.

Осторожно спустился я по доскамъ на площадку, которая служила перекресткомъ двухъ узенькихъ тропинокъ; тутъ на лѣво, увидалъ я низенькую дверь; она вела въ саклю или чуланъ съ престранными перегородками. Въ дверяхъ показался Филатъ. Что ты дѣлаешь? спро-

силъ я Филата, замѣтивъ черезъ плечо его, на прилавкѣ: свѣчу, бумагу и чернильницу.

— Ничего-съ! отвѣчалъ Филатъ.

— Отчего ты такой скучный?

— Да такъ-съ, я ничего.

— У тебя славная передняя.

— Дай Богъ всегда такую переднюю! отвѣчалъ онъ иронически.

— А можешь ты проводить меня до первой улицы; я боюсь забресть на чужой дворъ. Какъ ты думаешь?

— Можно.

— Что́ можно?

— Можно и на чужой дворъ забрести, и ногу переломить, все можно.

— А проводить меня?... Какъ ты думаешь...

— Можно-съ, я сей часъ только схожу къ барину наверхъ.

— Филатъ ушелъ, а я тѣмъ временемъ усѣлся въ его канурѣ... Спать мнѣ не хотѣлось, и я полюбопытствовалъ прочесть его каракули. Это было письмо; я помню его содержаніе, потому-что оно меня тронуло.

Вотъ оно.

«Милостивому государю батюшкѣ (такому-то) нижайше кланяюсь, милостивой государынѣ родной матушкѣ, нижайше кланяюсь. Слава Богу, по милости Божьей вашими молитвами живъ и благополученъ, чего и вамъ желаю, и прошу вашего родительскаго благословенія, оно же во вѣки не нарушимое. Писалъ вамъ изъ города Ставрополя, отвѣта не получалъ. Плачу и молюсь денно и нощно. На чужой сторонѣ все не то, что дома. Въ Тифлисѣ и лавки есть, и ширманка ходитъ, а все скучно. Живемъ мы слава Богу въ какой-то клѣткѣ, на горѣ, ни переулка, ни улицы, ни забора ни кровли ходи какъ знаешь; отъ пыли и жара мѣста нѣтъ. Воду возятъ въ кожаныхъ мѣшкахъ на лошади, по гривеннику мѣшокъ—дороже пряниковъ. Ходятъ здѣсь не понашему. Ржанаго хлѣба ни крошки—квасу также не спрашивай. Пей вино опьянѣешь; а не пей—отъ жажды измучишься. Квартира у насъ слава Богу хорошая, баринъ нашелъ такую, что и въ Тифлисѣ другой нѣтъ, конура великолѣпная».

—

VII.

Письмо Филата, быть-можетъ, давно уже летѣло на перекладныхъ въ почтовомъ чемоданѣ, и Филатъ съ-тѣхъ-поръ, быть-можетъ, рѣшился уже

утолить жажду свою дешевымъ грузинскимъ виномъ. Но все это можетъ-быть. Я знаю только то, и знаю несомнѣнно, что небольшой кружекъ тифлисскихъ моихъ пріятелей замѣтилъ наконецъ отсутствіе Хвилькина. Вообразили, что Миша Хвилькинъ не вынесъ лѣтнихъ жаровъ, и какъ человѣкъ свободный, переѣхалъ куда-нибудь въ прохладныя окрестности. Я молчалъ, и моею скромностью рано или поздно думалъ пріобрѣсти его довѣренность. Трудно было понять, скрываясь въ собачей конурѣ, какъ выразился Филатъ, боится ли онъ нашихъ толковъ, или просто не хочетъ чтобъ кто-нибудь на этотъ разъ мѣшалъ ему. Чего добраго, какъ разъ явятся соперники! Странная любовь къ какой-то армянкѣ несомнѣнно должна была сдѣлать кой-какія преобразованія въ его характерѣ. Богъ съ нимъ! думалъ я, зачѣмъ намъ мѣшать ему! Наша болтовня, карты, обѣды и ужины не дадутъ ему никакихъ воспоминаній о Грузіи. Пускай влюбляется! Хоть и смѣшно, но все же лучше.

Прошло сколько то дней; послѣ обѣда я сидѣлъ въ клубѣ и по обыкновенію читалъ запоздалыя газеты; человѣкъ десять еще сидѣло за столомъ: иные еще стучали ножами, другіе допивали послѣднія капли кахетинскаго вина и закуривали папиросы. Вдругъ слышу восклицанія, смѣхъ немножко искусственный, т. е., по просту, не совсѣмъ чистосердечный смѣхъ, и разспросы самые пріятельскіе.

— А! Хвилькинъ! гдѣ пропадалъ? откуда? верхомъ, или въ колясскѣ съ мирикригой?... Правда-ли, что ты выигралъ у NN китайскій халатъ и четырнадцать умывальниковъ?

На всѣ эти разспросы и возгласы Хвилькинъ только поглядывалъ, да руки протягивалъ, не успѣвъ стащить перчатокъ. Поднялъ къ верху свои маленькія брови, сморщилъ лобъ и ротъ разинулъ...

— Постой! наконецъ заговорилъ онъ, приходя въ себя: постой, дружба послѣ, а теперь обѣдать, я какъ собака голоденъ!

— Да гдѣ ты живешь теперь? Въ Манглисѣ, или на Бѣломъ ключѣ, или...

— Не скажу гдѣ и живу? Ну... вотъ не скажу?

— Гдѣ ты все это время обѣдалъ? спросилъ я Хвилькина, усѣвшись около него, верхомъ на стулѣ.

— На Пескахъ, въ гостинницѣ Зальцина.

— Неужели обѣдъ тамъ лучше?

— Нѣтъ, не лучше; да мнѣ хотѣлось тамъ обѣдать, ну вотъ я тамъ и обѣдалъ; гдѣ мнѣ кажется лучше, тамъ и лучше. . Не мѣшай мнѣ ѣсть, я хочу пить.

Всѣ захохотали, и компанія оживилась. Одному изъ насъ, извѣстному

подъ именемъ Донъ-Педро, пришла въ голову мысль придраться къ какому-нибудь случаю, чтобъ поставить бутылку шампанскаго.

Хвилькинъ понялъ его, и сказалъ, что онъ на новой квартирѣ и что не худо-бы выпить; въ-слѣдствіе чего потребовалъ себѣ еще порцію говядины.

— Съ новосельемъ! закричалъ Донъ-Педро, и велѣлъ поставить въ ледъ бутылку шампанскаго, при чемъ одинъ толстенькій румяный человѣкъ, въ золотыхъ очкахъ, залился звонкимъ, насмѣшливымъ хохотомъ.

Обѣдъ приходилъ къ концу; лакеи открывали ломберные столы; изъ бильярдной комнаты раздалось первое столкновеніе костяныхъ шаровъ; три и ничего! прокричалъ маркёръ; на улицѣ шарманка заиграла какой-то вальсъ. Хвилькинъ велѣлъ подать другую бутылку шампанскаго.

Вечеромъ того-же дня—всѣ мы собирались ѣхать пить чай за городъ, въ виноградный садъ къ купцу Бакаурову,—и стали просить Хвилькина не отставать отъ насъ.

Хвилькинъ сказалъ намъ, что такъ и быть, онъ потѣшитъ насъ что чего другаго мы отъ него не дождемся, а поѣхать, пожалуй онъ поѣдетъ!

Мы отправились всѣ вмѣстѣ, гурьбой; Хвилькина я посадилъ къ себѣ на дрожки. По дорогѣ подрядилъ онъ себѣ другаго извощика и велѣлъ ему за нами-жъ слѣдовать.

— Вѣдь я везу тебя! на что́-же тебѣ другой извощикъ?

— А пусть ѣдетъ! ему дѣлать нечего, такъ пусть прогуляется, отвѣчалъ Хвилькинъ.

—

VIII.

Такъ какъ я пишу не повѣсть, а разсказъ, то надѣюсь, читатели мои не будутъ слишкомъ взыскательны,—и не упрекнутъ меня за ненужныя отступленія. Мнѣ диктуетъ память, и я пишу какъ пишется, не вдаваясь ни въ какія художественныя соображенія.

— *Милости просимъ!* сказалъ намъ хозяинъ сада, снялъ грузинскую шапку и въ знакъ почтенія отнесъ ее немного въ сторону. Хозяинъ былъ человѣкъ бывалый, помнилъ старое время и любилъ насъ. — Самъ соблюдалъ всѣ грузинскіе обычаи, а дѣтей учиться отдалъ въ гимназію. Судя по чертамъ лица его, нельзя было сомнѣваться въ его смышлености. Улыбнувшись необычайно сладкою улыбкою, онъ замахалъ своими откидными рукавами, зашелестилъ своими шаравара́ми—и съ видомъ заботливости, съ явнымъ желаніемъ распорядиться, на цѣлые полчаса ушелъ отъ насъ.

Мы остались полными хозяевами вертограда, и разбрелись въ тѣни виноградныхъ куртинъ, отыскивать зрѣлыя ягоды, среди еще не зрѣлыхъ, зеленоватыхъ гроздій.

Теплый вѣтеръ шелестилъ разогрѣтыми на солнцѣ виноградными листьями, и мы дышали запахомъ уже опадающихъ махровыхъ розъ.

Я зналъ, что не даромъ отъ насъ ушелъ хозяинъ. Принесли большой коверъ и разостлали его въ тѣни двухъ огромныхъ грецкихъ орѣшниковъ. Положили намъ *мутаки*, то есть подушки, въ видѣ мягкихъ вальковъ, и мы, изъ приличія, снявши галстухи, разлеглись какъ султаны.

Черезъ полчаса мы опять услыхали тотъ-же голосъ *милости просимъ!* и хозяинъ явился въ сопровожденіи огромнаго подноса съ стаканами разлитаго чаю. Каждому изъ насъ дали по чубуку въ руки, и мы были счастливы

Общая болтовня не мѣшала мнѣ любоваться пурпуромъ и торжественностью заходящаго солнца; уже края его касались вершины горъ, но до береговъ Куры еще не достигла широко подвигающаяся лиловая тѣнь вечера. По лиственнымъ верхушкамъ сада еще бѣгали золотыя искорки; бѣлая гладкая стѣна небольшой загородной старинной церкви сіяла тонко розовымъ, нѣжнымъ, неуловимо-нѣжнымъ блескомъ. Прилегая головой къ ковру, я видѣлъ, какъ мелькала эта стѣна за низенькой оградой и какъ промежъ узловатыхъ виноградныхъ лозъ, ясно вырѣзывались на ней фигуры нашихъ извощиковъ, стоявшихъ въ совершенной тѣни, на луговинкѣ, за калиткой сада. Хвилькинъ посматривалъ на часы, да разказывалъ разные анекдоты. Всѣ смѣялись. Я думалъ:

Этотъ нелѣпый человѣкъ въ нашей компаніи совсѣмъ другой, совсѣмъ не тотъ, какимъ, напримѣръ, я видѣлъ его у себя дома, въ архалукѣ, на земляной терассѣ. Кто, глядя на него подумаетъ, что онъ способенъ влюбляться! А вѣдь кажется — весь на распашку! Или влюбившись, онъ первый понялъ, что это какъ-то совсѣмъ нейдетъ къ его комическому лицу; и кто знаетъ, быть-можетъ, онъ за тѣмъ и прилетѣлъ сюда, чтобъ подъ новымъ яснымъ небомъ, подъ другимъ жаркимъ солнцемъ искать того, чего не нашелъ на Сѣверѣ....

Часу въ девятомъ вечера хозяинъ сада повелъ насъ въ *маранъ* (зданіе гдѣ дѣлаютъ и хранятъ вино); тамъ приказалъ онъ садовникамъ вскрыть еще засыпанный землею, еще дѣвственный кувшинъ никѣмъ еще невозмущеннаго вина, и по снятіи, деревяннымъ ковшемъ, пѣны и заплѣснѣвѣлой накипи, первый погрузилъ, и за наше здоровье, духомъ выпилъ полную серебряную *азарпешу*. * Когда мы всѣ поочередно

* Азарпеша — плоскодонная чаша съ длинной рукояткой.

стали подносить къ губамъ эту круговую грузинскую чашу, оказалось, что Хвилькинъ исчезъ изъ саду. Понялъ я, для чего онъ нанялъ лишняго извощика, и не отставая отъ прочихъ, — порядочно побранилъ его.

IX.

Часовъ до одиннадцати ночи пировалъ я въ саду у гостепріимнаго Бакаурова; въ головѣ моей слегка шумѣло, когда я возвращался домой; руки мои лѣниво слушались, когда я повязывалъ галстухъ; жаркія мечты, странныя предположенія далеко отогнали отъ меня и сонъ и даже желаніе поскорѣй вернуться домой и отдохнуть въ постели. Съ полдороги я отпустилъ извощика, и разстегнувши жилетъ, пошелъ себѣ безъ опредѣленной цѣли, съ горы на гору, по закоулкамъ стараго Тифлиса. Луна закатилась, ночь была темна, ворота, ставни и двери были заперты, небо, мутно-темное, было усыпано звѣздами, но на югѣ въ жаркія, душныя ночи, звѣзды какъ-будто уходятъ выше подальше отъ земли, и едва-едва мелькаютъ. Наши сѣверныя звѣзды гораздо ярче; но зато нашъ гиперборейскій мѣсяцъ — далеко не южный. Я въ эту ночь нѣсколько разъ принимался его отыскивать. Передо мной съ одной стороны поднимались какъ уголь черныя массы стѣнъ; съ другой открывалось синее, воздушное пространство, на которомъ рисовались очерки трубъ, кирпичныхъ квадратовъ и усѣченныхъ треугольниковъ. Темная, теплая ночь къ полуночи стала до того тиха, что я слышалъ шорохъ—но что это было такое? Ящерицы-ли пугливо бѣгали по трещинамъ неровныхъ, стародавнихъ стѣнъ, или женщина тихонько раздѣвалась и снимала шелковое платье, собираясь у родной трубы на плоской кровлѣ — лечь на пыльный матрацъ и заснуть подъ открытымъ небомъ. Нервы мои тихо вздрагивали, мнѣ чудилось кто-то стоналъ и жарко бредилъ посреди всеобщаго молчанія; помню, шагахъ въ десяти отъ меня, окруженное мракомъ и таинственностью, свѣтилось какое-то окошечко; помню розовая занавѣска долго дразнила и бѣсила меня, но почему и отчего, не помню.

Вдругъ пришла мнѣ въ голову мысль... и показалось мнѣ, что недалеко до обиталища моего друга—Хвилькина; смѣло рѣшился я одолѣть всѣ препятствія, и удостовѣриться: спитъ-ли онъ. Вспомнилъ я, что онъ такъ измѣнически покинулъ насъ въ саду Бакаурова, и не то разсердился я, не то захотѣлось мнѣ въ эту ночь обнять его и до утра съ нимъ пробесѣдовать. Пускай спитъ— не бѣда, если я разбужу его. Съ этой мыслію, я до-тѣхъ-поръ блуждалъ, лазилъ, спотыкался, пугалъ собакъ и щупалъ ногами землю, чтобъ не провалиться въ трубу,

или не очутиться на чужомъ дворѣ, пока дѣйствительно не отыскалъ досокъ между двухъ стѣнъ, по которымъ я и взобрался на терассу. — Признаюсь, я все еще сомнѣвался, туда-ли я лезу, и не безъ нѣкотораго волненія остановился передъ маленькой дверью знакомой комнатки.

— Хвилькинъ, дома ли ты? Можно ли мнѣ войти къ тебѣ? проговорилъ я съ досадой на самаго себя.

Дверь была настежь отворена; передо мной въ неясномъ, красноватомъ сумракѣ, неподвижно сіяло голубоватое пламя свѣчки.

Никто изнутри не отозвался мнѣ. Вѣрно спитъ, подумалъ я. Войду; еслибъ нельзя было войти, ужъ, конечно, дверь не была бы настежъ. Я вошелъ.

Хвилькинъ, заложа руки за голову, вытянувшись, лежалъ на спинѣ какъ мертвый и смотрѣлъ въ потолокъ; онъ былъ блѣденъ; тѣнь отъ носа его лежала на лбу въ видѣ треугольника, губы его были плотно сжаты, волосы, въ безпорядкѣ поднимаясь къ верху, совершенно обнажали широкіе неровные виски его. Я испугался, но увидавши меня, онъ сдѣлалъ гримасу, и посмотрѣлъ на меня вопросительно. Тутъ я убѣдился, что Хвилькинъ живъ, взялъ его за руку и спросилъ: здоровъ ли онъ?

— Здоровъ. А что?

— Ну, такъ пьянъ.

— Можетъ-быть.

— Отчего же ты не спишь?

— Отчего же, братецъ, ты не спишь?

— Мнѣ хотѣлось навѣстить тебя.

— Удивительно! не смѣши пожалуйста.

— Я сейчасъ только изъ саду Бакауровыхъ.

— Ну такъ что жъ, что ты изъ саду Бакауровыхъ, и онъ опять посмотрѣлъ на меня вопросительно, даже немного ротъ разинулъ.

— Куда ты пропалъ отъ насъ? Мы тебя вездѣ искали. Вѣрно спѣшилъ на свиданье. Вотъ и платокъ женскій. Ахъ ты! сказалъ я, поднимая съ глинянаго полу какой-то шелковой, желтенькій платочикъ.

— Гдѣ платокъ? спросилъ Хвилькинъ, повернувши голову.

— А вотъ, смотри.

— Покажи.

И онъ, молча, мутными глазами сталъ его разсматривать, потомъ тихонько положилъ его на столъ, и задумался.

— Да что съ тобой?

— Да ничего, братецъ, спать пора, вотъ что.

Признаюсь, какъ ни туманна въ эту ночь была горячая голова моя, понятны стали мнѣ и несвоевременность моего посѣщенья и неумѣстность любопытства. Я далъ себѣ слово ни о чемъ его не разспрашивать, и на прощанье попросилъ извиненія, что такъ не кстати пришелъ мѣшать ему.

— Мѣшать! перебилъ онъ насмѣшливымъ и въ то же время соннымъ голосомъ. Какъ-будто я не могу при тебѣ заснуть, и спать сколько моей душѣ угодно. Эхъ ты чудакъ-чудакъ! Вотъ, еслибъ ты пришелъ тому назадъ два часа, ты бы, можетъ-быть, помѣшалъ бы мнѣ сдѣлать глупость, но объ этомъ послѣ. Ужъ если ты такой любопытный, что̀ мнѣ съ тобой дѣлать, когда-нибудь разскажу, насмѣшу тебя пожалуй! Прощай!

Мы пожали другъ-другу руку, и я побрелъ домой.

На обратномъ пути темная ночь не имѣла уже для меня ни малѣйшей прелести, я только и думалъ о томъ, чтобъ не сломать себѣ ноги, и слава Богу, цѣлый пришелъ домой, бросился въ постель и заснулъ мертвымъ сномъ.

X.

Послѣ этого, дней пять или шесть некогда мнѣ было посѣтить добрѣйшаго Михайла Ивановича, да признаться, мнѣ казалось совѣстно идти къ нему. Что̀ за непростительное любопытство! Еслибъ онъ желалъ меня видѣть, онъ бы и самъ наконецъ могъ придти ко мнѣ. Дружба-дружбой, а все же не мѣшаетъ и поцеремониться. Да и какой я другъ ему, просто такой же пріятель отъ нечего дѣлать, какъ и другіе.

Сижу я дома, вдругъ говорятъ мнѣ Али-Аскаръ пришелъ. Ну зови его.

Али-Аскаръ, татаринъ, малый лѣтъ двадцати восьми, ходитъ въ татарскомъ архалукѣ и въ грузинской шапкѣ, ходитъ едва-едва переваливаясь съ ноги на ногу, плохо говоритъ по-русски, въ носъ, и такимъ медленно-лѣнивымъ голосомъ, какъ-будто каждое слово его сто́итъ червонецъ, и ему жаль его. Али-Аскаръ хорошъ собой, не глупъ но тупъ до невѣроятности. Ни читать ни писать не выучился, какъ ни бился. У него была на базарѣ маленькая лавочка, гдѣ можно было купить, рахат-лукумъ, или банку инбирнаго варенья, но Али-Аскаръ пренебрегалъ торговлей; ему все хотѣлось попасть въ службу.

Сколько разъ приходилъ онъ ко мнѣ освѣдомляться, нѣтъ ли мѣста гдѣ-нибудь въ карантинной стражѣ, или нельзя ли ему куда-нибудь

попасть въ словесные переводчики; уходилъ же онъ отъ меня съ заказомъ или достать мнѣ хорошій черешневый чубукъ безъ сучковъ и безъ заплатъ, или попросить мать свою, татарку, сварить мнѣ пловъ. Пловъ, изготовленный руками его матери, былъ просто объѣденье.

Дѣлать мнѣ было нечего, я велѣлъ Али-Аскару садиться на стулъ и заставилъ его разсказывать объ эриванскомъ землятресеніи.

— По какому же ты случаю былъ тогда въ Эриванѣ?

— Да-асъ, по тому случаю, отвѣчалъ онъ мнѣ въ носъ, что я тогда служилъ вмѣстѣ съ совѣтникомъ.

То-есть, подумалъ я, ты ему трубки чистилъ.

— Да-асъ, такое было тогда трясенье... Такъ и начало землю качать; одна стѣна было у насъ чуть не упала, только я ужъ успѣлъ выбѣжать, да-асъ! Очень тогда было страшно.

— Ты испугался?

— Да-асъ, я очень тогда испугался. Я и теперь всю ночь не спалъ, проговорилъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Когда теперь?

— Вотъ эту ночь, я совсѣмъ не спалъ.

— Отъ чего же?

— Какъ ночь, такъ у насъ и начинаютъ этакіе очень большіе кирпичи летать; даже никто и на кровляхъ не спитъ. Нельзя-съ, какъ разъ до смерти ушибетъ. Такъ окошко и вылетитъ, а то и объ дверь ударится.

— Кто же это бросаетъ камни-то, я не пойму тебя.

— Неизвѣстно-съ, отвѣчалъ онъ, равнодушно, оглядывая стѣны.

— Кто нибудь шалитъ, или ты врешь?

— Нѣ-ѣтъ-съ, зачѣмъ врать! Сколько ужъ ни смотрѣли, откуда камни летятъ, никого не видно. Какъ увидать?! Сторожъ даже три ночи не спалъ — камни все летятъ туды-сюды... а кто бросаетъ Богъ знаетъ, ничего, нельзя увидать, такой страхъ! Я ужъ самъ даже не спалъ-съ.

— А ты гдѣ живешь?

— Все тамъ живу, гдѣ жилъ, недалеко отъ баннаго моста, направо.

Я вспомнилъ что и Хвилькинъ тамъ живетъ, и положилъ въ тотъ же день пойти къ нему и разспросить его, что за камни летаютъ по татарскому кварталу, и наконецъ, цѣлъ-ли онъ и цѣлы-ли у него окошки.

Послѣ обѣда небольшой дождикъ прибилъ городскую пыль, и я отправился.

XI.

Хвилькина я не засталъ дома, но какъ нельзя лучше видѣлъ его сосѣдку. Не только плоская кровля, но и часть глубокаго двора съ калиткой на другую, неизвѣстную мнѣ кровлю, съ двумя проложенными по ней тропинками, была видна съ того мѣста, на которомъ остановился я полюбоваться видами.

Майя стояла отъ меня въ шести шагахъ и все остальное исчезло изъ глазъ моихъ. Признаюсь, Хвилькинъ безъ зазрѣнія совѣсти могъ влюбиться въ такую женщину. Повидиму, ей было около двадцати лѣтъ. Ее лицо не было типическимъ, я не узналъ-бы въ ней армянку, — не принялъ-бы ее за грузинку, но понялъ-бы, однакожъ, что она не русская. Черные глаза ея свѣтились какимъ-то кроткимъ, задумчивымъ блескомъ. Но когда она обернулась и посмотрѣла вкось, мнѣ показалось — въ ту сторону, куда она бросила взглядъ свой, промелькнула неуловимая молнія. Вообще, какая-то нѣга, что-то свѣтлое было разлито по всему существу ея — На рукахъ ея былъ ребенокъ; она стояла въ двухъ шагахъ отъ своего домика, на чужой кровлѣ, и у какого-то прохожаго инвалида торговала дѣтскіе башмаки. Вѣроятно башмаки показались ей слишкомъ дороги, и она отдала ихъ назадъ Ребенокъ пугливо-кудрявой головкой припалъ къ плечу ея. Я слѣдилъ за каждымъ малѣйшимъ ея движеніемъ, и готовъ теперь увѣрять, что ея голосъ также нѣженъ, также музыкаленъ, какъ и вся она.

Я вспомнилъ желтый шелковый платочикъ, и Хвилькинъ показался мнѣ счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

Я думалъ: вы г. Хвилькинъ просто неблагодарный смертный!

На кровлю Майи вышла еще какая-то дѣвушка съ деревяннымъ лоткомъ на плечѣ. Она вдругъ остановилась, пристально посмотрѣла мнѣ въ лицо, и вѣроятно, довольная тѣмъ, что я не обращаю на нее большаго вниманія поставила на солнце лотокъ, залитый тонкимъ слоемъ красной, постилы, и на нитку, проведенную отъ одной палочки до другой воткнутой между кирпичами, стала развѣшивать небольшія пучки какой-то зелени. Въ этой дѣвушкѣ я сейчасъ узналъ армянскій типъ: низенькій лобъ, тонкій носъ и полныя блѣдныя щеки. — Я видѣлъ ее мелькомъ, совершенно озадаченный красотой Майи.

Вдругъ, слышу, кто-то поетъ.

На колѣняхъ у Винеры!
Сынокъ ея игралъ —

Наконецъ кто-то внизу хлопнулъ дверью и побѣжалъ; голова Филата выскочила на поверхность кровли и наконецъ весь онъ появился — весь какъ есть — въ какой-то сѣрой курткѣ и простоволосый.

Онъ никакъ не ожидалъ найти меня и сталъ какъ вкопаный.

— Гдѣ твой баринъ?

— Барина дома нѣтъ, отвѣчалъ онъ, опустя глаза.

— Отчего ты нынче веселъ?

— Ничего-съ. И Филатъ покраснѣлъ.

— Куда-же пропалъ твой баринъ!

— Должно быть пошли-съ искать квартиру.

— Какъ?

— Да они изволили мнѣ говорить, что переѣзжать хотятъ.

— Куда?

— Не знаю-съ...

— Ты радъ?

Филатъ на это не сказалъ ни слова, только посмотрѣлъ на меня изъ подлобья своими маленькими карими глазками, и тихонько кашлянулъ.

— Кланяйся твоему барину скажи ему, что я былъ.

— Только вы одни здѣсь и бываете, бойко заговорилъ Филатъ, ни одинъ порядочный человѣкъ сюда и не заглядывалъ. Какой прахъ понесетъ сюда порядочнаго человѣка.

— Ахъ Филатъ, Филатъ, развѣ я не порядочный человѣкъ по твоему.

Филатъ сконфузился.

— Прощай, помни только, что въ Грузіи легко можно сдѣлаться пьяницей, береги самъ себя, если только твой добрый баринъ не убережетъ тебя.

Я ушелъ, Филатъ остался на кровлѣ.

—

XII.

Хорошо не помню, куда именно въ этотъ разъ я отправился, не заставши Хвилькина, не помню даже, въ тотъ-ли день или на другой день вечеромъ, я встрѣтилъ его у московской заставы. Хвилькинъ былъ верхомъ. Никогда еще не видалъ я его верхомъ на лошади. Даже думаю, не впервый-ли разъ отъ роду онъ сѣлъ въ сѣдло,—до такой степени онъ плохо ѣздилъ. По всему Головинскому проспекту, до самой рѣки Вэры, была бездна гуляющихъ; дамы катались въ небольшихъ коляскахъ, и я видѣлъ, какъ онѣ улыбались во весь ротъ, улыбались вплоть до самыхъ ушей, всякой разъ, когда встрѣчались съ Хвилькинымъ.

— Хвилькинъ! кликнулъ я, потому-что онъ не замѣчалъ никого и многимъ не кланялся.

Онъ подскакалъ ко мнѣ крупной рысью, при чемъ ноги его потеряли стремяна, что́ однако же его нисколько не сконфузило. Правда, онъ былъ блѣденъ, и когда остановилъ свою лошадь, правой рукой вцѣпился въ гриву, а лѣвую протянулъ ко мнѣ, съ своей обычной равнодушной миной.

— Ну что́, здоровъ-ли? спросилъ онъ.

— А ты?

— Я ничего.... здоровъ.

— Ну и я здоровъ. Ты однакожъ не совсѣмъ хорошо ѣздишь верхомъ.

— Я и самъ это знаю, а что́?

— Да такъ.

— Я теперь каждый день буду ѣздить, народъ смѣшить, авось когда-нибудь выучусь.

— Нынче я видѣлъ твою Майю.

— Ну не смѣши, сдѣлай милость, гдѣ ты ее нынче видѣлъ?

— Заѣзжай ко мнѣ чай пить, я сейчасъ домой пойду.

— Да нѣтъ, ты скажи мнѣ, гдѣ ты ее видѣлъ....

— А вотъ заѣзжай ко мнѣ, я разскажу тебѣ.

— Такъ не заѣду же, ну.... ну.... вотъ не заѣду.... Прощай! сказалъ онъ, и вдѣвая ноги въ стремяна, еще раза два пробормоталъ мнѣ: прощай. Потомъ, подобравши повода, поскакалъ въ галопъ, по направленію къ Эриванской площади. Долго смотрѣлъ я, какъ подпрыгивая на сѣдлѣ, покачивался онъ, махалъ локтями и головой потряхивалъ!

Воротившись домой позднѣе 10 часовъ, я узналъ, къ величайшей моей досадѣ, что Хвилькинъ заходилъ ко мнѣ. У меня всегда была особенная страсть къ оригиналамъ; я какъ-то скорѣй привязываюсь, и даже какъ то легче привыкаю къ нимъ. Никогда смѣшное въ человѣкѣ меня не отталкиваетъ. Напротивъ, безъ оригиналовъ было-бы также скучно въ обществѣ, какъ въ саду, гдѣ нѣтъ ни одного криваго, на свободѣ растущаго дерева, и гдѣ каждая вѣтвь подстрижена садовникомъ— Дружба, также какъ и любовь, не рѣдко начинается съ простаго любопытства; Хвилькинъ подстрекнулъ его, и я готовъ былъ не шутя подружиться съ нимъ.

—

XIII.

Филатъ сказалъ правду. Хвилькинъ, недѣлю спустя, опять перебрался въ европейскую часть города. Мы, по-прежнему, каждый день стали встрѣчать его въ нашемъ небольшомъ, нецеремонномъ обществѣ. Все, рѣшительно все шло по старому: тотъ же зной, тѣже прогулки

за городъ, тѣже зеленые столы, тѣже остроты и анекдоты, которые, сказать по правдѣ, порядочно надоѣли намъ; но дѣлать было нечего! Хвилькинъ, къ досадѣ, его пріятелей, сталъ гораздо рѣже смѣшить компанію. Выиграть у него тридцать или сорокъ рублей, съ прикупкой или безъ прикупки, было гораздо легче, чѣмъ напримѣръ допытаться у него, куда и зачѣмъ пропадалъ онъ въ іюлѣ мѣсяцѣ. Никто, признаться, и не допытывался. Въ этомъ отношеніи Тифлисъ безконечно лучше и сноснѣе тѣхъ пріятныхъ городовъ, гдѣ нельзя чихнуть безъ того, чтобъ объ этомъ не узналъ весь городъ. Равнодушіе къ чужимъ поступкамъ имѣетъ свою хорошую сторону; оно мѣшаетъ развиваться сплетнямъ. Хвилькинъ былъ правъ, когда на вопросъ мой: зачѣмъ онъ напялъ такую квартиру, отвѣчалъ мнѣ: О! пріятель! Да тебѣ-то какое дѣло, ты-то что?

Время шло. Хвилькинъ похудѣлъ; въ немъ происходило что-то не доброе: цѣлыя ночи сталъ проводить онъ за картами — и проигрывалъ. Проигрышъ нисколько не сердилъ его; почтенные любители преферанса не иначе какъ съ уваженіемъ стали произносить имя Хвилькина. Ко мнѣ заходилъ онъ, скучный, и усталый. Однажды; утромъ, мы сошлись съ нимъ въ корпусномъ саду, и усѣлись на лавочкѣ, около бассейна, въ которомъ лебеди плаваютъ. Передъ нами плакучая ива опускала къ водѣ свои длинныя бѣлесоватыя вѣтьви; за нами тянулась густая куртина, увѣшанная лиловыми кистями винограда. Я мялъ въ рукахъ пахучіе листы грецкаго орѣха.

— Ну, что твоя Майя? спросилъ я Хвилькина. Ты признавался мнѣ, что ты влюбленъ въ нее.

Хвилькинъ посмотрѣлъ на меня, какъ человѣкъ озадаченный, сморщилъ лобъ и задумался.

— Ну, вотъ есть о чемъ думать! сказалъ я, не зная что сказать.

— А почемъ ты знаешь, о чемъ я думаю?

— Тебя, что-то мучитъ, я это вижу, а что такое, Господь тебя вѣдаетъ.

— У меня, братецъ ты мой сказалъ онъ, снявши шляпу и тоскливо посматривая куда-то всторону: у меня такъ ужъ видно на роду написано; изъ всего у меня выходитъ вздоръ: изъ дружбы вздоръ, изъ любви вздоръ, изъ денегъ вздоръ. Я самъ начинаю смотрѣть на себя какъ на вздоръ. Не думай пожалуста, что я влюбился и до-сихъ-поръ влюбленъ такъ себѣ... для препровожденія времени; я хотѣлъ на ней жениться, и женился бы, еслибъ даже вы всѣ, сколько васъ тутъ ни есть, стали бы смѣяться надъ моимъ выборомъ.

Я, въ свою очередь, посмотрѣлъ на Хвилькина, какъ человѣкъ озадаченный.

— Ну, что ты такъ на меня глядишь! эхъ ты, сказалъ онъ мнѣ, тряхнувъ головой и насмѣшливо улыбнулся. Минутъ пять прошло въ обоюдномъ молчаніи; потомъ, мало-по-малу, Хвилькинъ разсказалъ мнѣ исторію любви своей, съ явнымъ желаніемъ выставить ее съ забавной стороны, несмотря на то, что положеніе Хвилькина было далеко не такъ забавно.—Слово въ слово я не берусь вамъ передать разсказъ его. Но во всякомъ случаѣ, взявшись за перо, я долженъ вамъ какъ нибудь передать его.

— Ты, быть-можетъ, думаешь, ее зовутъ *Майя*?—да, началъ Хвилькинъ, — какъ не такъ! Я самъ думалъ, что Майя, а вышло просто Елена. Да это бы еще ничего, пускай бы себѣ она была Елена, а то скверно, что у ней живетъ ея племянница, лѣтъ шестнадцати, такая пухлая на лицо, ты ее видѣлъ, ну вотъ, ее-то, братецъ ты мой, и зовутъ Майя. Знай я грузинскій языкъ, всё бы это было ни почемъ, ну смѣшалъ имена, не бѣда, а тутъ, ты самъ посуди, могъ ли я лично вести переговоры, нужны были посредники... понимаешь. Думалъ выѣхать на посредникахъ!... ну вотъ, я и завелъ переговоры, ну и вышелъ вздоръ. Влюбленъ то я былъ въ Елену, а въ любви-то увѣрялъ Майю. Что-жъ ты не смѣешься?

— Погожу, что будетъ.

— Ну хорошо, можешь и погодить, если хочешь; мнѣ самому было не до смѣху, тяжело было, да дѣлать нечего! Мои увѣренья, мои подарки, всё это тайкомъ передавалось неопытной, глупенькой дѣвочкѣ, о которой я и не думалъ. Чемъ больше она вѣрила въ любовь мою, тѣмъ рѣже появлялась на кровлѣ, и стало-быть я ничего не могъ замѣтить прежде времени. Мнѣ дали знать, что я любимъ и чтобъ я былъ какъ можно осторожнѣе.—Предоставляю тебѣ самому разсуждать, какое впечатлѣніе произвело на меня это слово: любимъ! любимъ, быть-можетъ, въ первый разъ отъ роду, любимъ такой красавицей, какой не случалось мнѣ видѣть ни на одной картинѣ въ академіяхъ. Я сталъ отъ радости щедрѣе турецкаго султана, въ какія-нибудь двѣ недѣли я истратилъ около 400 рублей и... добился наконецъ свиданья, чтобъ рѣшить судьбу нашу....

Такъ и порывался я уѣхать отъ васъ изъ саду Бакауровыхъ,—въ этотъ вечеръ я думалъ быть счастливѣйшимъ въ смертныхъ. Не шутя, я долженъ сказать тебѣ, что моя любовь возвышалась до какого-то исступленнаго благоговѣнія; я долженъ былъ услышать ея согласіе на нашъ бракъ.

И на щекахъ Хвилькина показался румянецъ, онъ закусилъ верхнюю

губу, и только черезъ минуту способенъ былъ продолжать разсказъ свой въ прежднемъ тонѣ.

— Часу въ десятомъ, помнишь, какъ нарочно, ночь такая темная; одна только тишина ея меня бѣсила. Я ждалъ,—не вѣрилось... я разбилъ двѣ трубки отъ нетерпѣнья, вздумалъ, расхаживая, чубукомъ махать. Часу въ десятомъ, не то въ одиннадцатомъ я отворилъ дверь и присѣлъ на порогѣ, меня бросало то въ жаръ, то въ холодъ. Наконецъ мнѣ послышался шорохъ женскаго платья. Мнѣ дали знать: пришла! съ четверть часа послѣ этого я ждалъ ее. Майя была на лѣстницѣ и не рѣшалась войти... Эти четверть часа показались мнѣ вѣчностью.

— Ну и что-жъ наконецъ? сказалъ я Хвилькину...

— Ну и не та, братецъ! совсѣмъ другая! Чему же ты смѣешься!... Вѣдь я, повѣришь ли ты, я чуть съ ума не спятилъ... Вообрази себѣ, ну, ты вообрази, что бишь такое я началъ тебѣ разсказывать, ахъ да, я не зналъ, что мнѣ и дѣлать... право!

И Хвилькинъ разставилъ руки, какъ бы еще соображая, что ему было дѣлать въ этомъ случаѣ.

— Какъ нарочно, въ эту ночь ты, нелѣпый человѣкъ, вздумалъ насмѣшить меня, пришелъ и зачѣмъ пришелъ, шутъ тебя знаетъ!... Какъ нарочно еще догадало тебя найти у меня этотъ желтенькій платочекъ; этотъ желтенькій платочикъ былъ для меня хуже всякаго скорпіона.—На всѣ брошенныя мною деньги, я купилъ какой-то платочикъ съ головы какой-то глупенькой дѣвочки!...

На другой день рано, часу въ пятомъ утра, блѣдный отъ досады и мучительной безсонницы, вышелъ я на кровлю, дохнуть свѣжимъ воздухомъ, и какъ нарочно, вижу, стоитъ Елена (я ужъ послѣ узналъ какъ зовутъ ее). Отъ роду я не видалъ такой красавицы! На ней была катиба, черныя косы, полузаплетенныя, полуразвитыя, длинными космами лежали по плечамъ, жаркая заря освѣщала ея лицо и кисти рукъ, сложенныхъ на груди. Замѣтилъ-ли ты, какія у ней прекрасныя руки!...

— Нѣтъ, не замѣтилъ...

— Ну, такъ я тебѣ не стану ее описывать. Елена вышла на кровлю, для того, я думаю, чтобъ позвать водовоза, который по сосѣдству опоражнивалъ кожанные мѣшки свои. Я,—ну, что мнѣ сказать тебѣ;—я обомлѣлъ, сердца въ себѣ я не чувствовалъ, даже не знаю, билось ли оно въ эту минуту, я стоялъ какъ преступникъ, уличенный въ преступленіи. Она обернулась и стала пристально и строго смотрѣть мнѣ въ глаза.—Наконецъ, она многозначительно и насмѣшливо улыбнулась, махнула рукой водовозу, и сошла внизъ. Это была нѣмая сцена Еслибы

ты смотрѣлъ на насъ со стороны, ты бы увидалъ двѣ кровли, изъ которыхъ на одной стоитъ Хвилькинъ, а на другой какая-то женщина, и ничего бы не понялъ. Изъ ея улыбки я понялъ только одно, что.... для меня все кончено, что ей извѣстно болѣе, быть-можетъ, чѣмъ я самъ знаю изъ всей этой проклятой исторіи. Все это утро, я какъ сумасшедшій обдумывалъ планъ, войти къ ней въ саклю и броситься къ ногамъ ея, то-то бы насмѣшилъ! Ну вотъ, я тебѣ все сказалъ! Ты видишь самъ, что для тебя тутъ ничего нѣтъ интереснаго.

Я сталъ думать, о томъ, какъ бы мнѣ помочь въ этомъ дѣлѣ Хвилькину, и не зналъ чѣмъ помочь.

— Видишь-ли ты ее теперь хоть изрѣдко?

— Полно смѣшить! Зачѣмъ? Вѣдь она знаетъ, что я видѣлся съ ея племянницей.

— Пойдемъ нынче вечеромъ.

— Куда?

— Туда на кровлю.

— Зачѣмъ? Вѣдь она замужемъ. Пойдемъ лучше въ клубъ. Я хочу завтракать—мы встали и пошли.

— Вообрази, заговорилъ онъ дорогой, какой это негостепріимный кварталъ; я не совѣтую тебѣ слишкомъ часто ходить туда, особливо ночью, тамъ никто еще изъ русскихъ не нанималъ квартиръ, я первый напялъ, и нанялъ за большія деньги. Старый хозяинъ, изъ татаръ, ни за что не хотѣлъ разстаться съ своимъ обиталищемъ... Мое появленіе въ тѣхъ мѣстахъ возбуждало не то ревность, не то подозрѣніе. Часто эти краснобородыя лица, съ красными нависшими бровями, осматривали меня съ головы до ногъ, какъ бы спрашивая: кто тебя звалъ сюда? ты зачѣмъ здѣсь поселился. Дня за три до моего оттуда выѣзда, вечеромъ, кто-то швырнулъ ко мнѣ на терасу препорядочный кусокъ извести, и ранилъ моего Филата въ ногу. Филатъ былъ въ храбромъ расположеніи духа, и подобравъ куски, съ остервененіемъ сталъ бросать ихъ во всѣ стороны.

— Я вспомнилъ Али-Аскара, и подумалъ.

Всякая нелѣпость имѣетъ однако-же свое основаніе.

III.

ШЕРЮМАЛЬ МАГУ.

Малабарскій разсказъ.

—

I.

БАГГЕРОВЪ.

Подъѣзжая къ Малабарскому берегу со стороны великаго Индійскаго Океана, сначала замѣчаешь цѣпь зубчатыхъ горъ, синія вершины которыхъ едва отдѣляются отъ лазури неба. По мѣрѣ приближенія обозначаются второстепенныя возвышенности, болѣе темныя отъ лѣсовъ, которые ихъ покрываютъ. Онѣ тянутся правильными линіями, будто ступени гигантской террасы. Наконецъ, песчаный берегъ, повсюду покрытый кокосовыми деревьями, кажется, выступаетъ изъ волнъ, безпрестанно омываемый ихъ матовою серебряною пѣною. Прекрасныя кокосовыя деревья, символъ тропическаго климата, растутъ густыми рощами вдоль всего берега, начиная отъ острова Салсетты до Цейлона, гдѣ они достигаютъ чрезмѣрной высоты. Подъ болѣе густою тѣнью банановъ укрываются безчисленныя деревни, населенныя бѣдными рыбаками. Ихъ хижины такъ низки и хорошо защищены густою зеленью, что, плывя вдоль берега на разстояніи полу-мили, незьзя даже подозрѣвать ихъ существованія. Вездѣ, гдѣ природа образовала пристань, въ глубинѣ заливовъ, при устьѣ рѣкъ, возникли города, болѣе или менѣе знаменитые въ исторіи: Бомбей, Гоа, Каканоръ, Кошинъ, Калькутта, Килонъ. Множество маленькихъ властителей раздѣляютъ между собою

эту плодоносную страну, изобилующую самыми богатыми произведеніями. Эти главы поколѣній проводятъ жизнь съ азіятскою лѣнью и роскошью, завися вполнѣ отъ доброй воли и разорительнаго покровительства Остъ-Индской Компаніи. Травалкорскій райя, владѣнія котораго занимаютъ сто сорокъ миль въ длину и отъ сорока до пятидесяти въ ширину, справедливо можетъ похвалиться, что владѣетъ самою лучшею частію. Этотъ прелестный край представляетъ рядъ высокихъ холмовъ и глубокихъ долинъ, прорѣзанныхъ ручьями, такъ что въ этомъ маленькомъ уголкѣ земли, расположенномъ въ тропическомъ поясѣ, царствуетъ постоянная свѣжесть. На склонѣ горъ, въ самой возвышенной части Травалкорскаго государства, встрѣчаются уединенные и таинственные лѣса, скрывающіе самыя драгоцѣнныя ароматическія растенія, ладанъ, сандалъ. Тамъ, посреди чудныхъ цвѣтовъ, порхаютъ самыя красивыя птицы, колибри и попугаи. Безобразныя и хищныя обезьяны прогуливаются многочисленными толпами, всегда готовыми спуститься въ долину и ограбить фруктовые сады. Въ самыхъ густыхъ чащахъ бродятъ спокойно слонъ, тигръ, буйволъ, страшныя животныя, предъ которыми трепещетъ нагой и безоружный Индѣецъ. Земледѣліе процвѣтаетъ въ долинахъ, какъ ни въ одной другой провинціи индѣйскаго полуострова. По своему положенію на самой оконечности этого полуострова, Травалкоръ пользуется благодѣяніями двойнаго муссона. Благодаря дождямъ, орошающимъ его два раза въ годъ, рисъ поспѣваетъ превосходно, безъ помощи искусственныхъ поливокъ. Неурожая никогда не бываетъ; земледѣлецъ, увѣренный въ своемъ прокормленіи, имѣетъ довольно времени заниматься произрастеніемъ кокосовъ, перца, плодовъ, которыми Провидѣніе надѣлило эти плодоносныя страны.

Жители Травалкорскаго государства, какъ и сосѣднихъ земель, не пользуются *репутаціею* особенной честности. Ихъ обвиняютъ въ томъ, что они плуты, лгуны, искусно обманываютъ въ торговыхъ дѣлахъ, однимъ-словомъ, не слишкомъ разборчивы въ средствахъ, употребляемыхъ ими въ борьбѣ съ бѣдностію. Лишь только европейскій корабль броситъ якорь у этаго берега, его немедленно окружаютъ лодки и пироги, изъ которыхъ бросаются словно на абордажъ рыбаки, мелочные торговцы, *добаши* (переводчики); они окружаютъ капитана и пассажировъ, крича всѣ разомъ. Одинъ держитъ въ рукѣ корзину съ плодами, другой несетъ подъ мышкой чучелу каймана, третій показываетъ рыбу, прыгающую на днѣ лодки; но бѣда, если матросы, развлеченные шумомъ, забудутъ на палубѣ лотъ, мушкель, мѣшокъ съ гвоздями: эти чернокожіе, у которыхъ нѣтъ ни кармановъ, ни сумокъ, съ невѣроятною ловкостію похищаютъ все, что попадается имъ подъ руку. Привыкнувъ

дозволять сорокамъ и коршунамъ подбирать въ своихъ хижинахъ зерна риса и крохи рыбы, падающія изо рта во-время обѣда, они, можетъ-быть, и себя считаютъ въ правѣ брать на палубахъ большихъ кораблей все, что́ только могутъ.

Двое изъ этихъ береговыхъ жителей, два брата, занимавшіеся рыболовствомъ, поселились въ маленькой безъимянной деревушкѣ, расположенной близъ Алепо, на сѣверной границѣ Травалкорскаго государства. Въ одинъ вечеръ, по своему обыкновенію развѣсивъ мокрыя сѣти на вѣтвяхъ и вытянувъ на берегъ свою пирогу, они разлеглись подъ тѣнію пальмъ. Однообразный плескъ волнъ, разбивающихся о рифъ, вскорѣ усыпилъ ихъ. Около полуночи, вѣтеръ, дувшій съ земли, усилился, и широкіе, въ видѣ зонта, листья, защищавшіе ихъ отъ росы, зашелестили. Тирувалла, старшій изъ двухъ братьевъ, вытянулся во весь ростъ, посмотрѣлъ на небо, на море приготовился отправиться на рыбную ловлю. Меньшой братъ, Тирупатти, послѣдовалъ его примѣру. Не сказавъ другъ-другу слова, повинуясь одной привычкѣ, они положили въ пирогу сѣти, весла и парусъ. Въ самую минуту отправленія, Тирувалла остановилъ брата:

— Если хочешь, сказалъ онъ ему, мы выйдемъ въ открытое море, навстрѣчу европейскимъ кораблямъ; теперь время, въ которое *фиренги* приплываютъ къ берегу.

— Хорошо, отвѣтилъ Тирупатти. А что́ бы намъ взять такое, чтобы понравиться иностранцамъ?

— Кокосовъ, — разумѣется, вполовину высохшихъ; — жалко было бы продать пьяницамъ кокосы, полные свѣжимъ молокомъ.

— Послушай; я возьму съ собою также ту гадкую птицу съ желтою головою, которую унесъ вчера съ клѣткою съ португальскаго брика, пришедшаго изъ *великаго Китая*.

— Дѣло, прибавилъ Тирувалла, пятьдесятъ зеленыхъ бананновъ дополнятъ грузъ; если выручка будетъ хороша, мы погуляемъ.

Окончивъ эти приготовленія, оба брата бросили въ море горсть риса, чтобы сдѣлать себѣ благопріятнымъ бога водъ. Сильною рукою, они столкнули пирогу въ грозныя волны, представляющія около берега довольно трудную преграду, вскочили въ утлый челнъ и поплыли. Распустивъ маленькій парусъ на бамбуковой мачтѣ, они снова замолчали. Младшій изъ двухъ рыбаковъ лежалъ въ передней части пироги, и качаемый движеніемъ волнъ, смотрѣлъ на звѣзды; сидя на кормѣ, старшій сжималъ подъ мышкой весло, замѣнявшее руль. Они быстро шли въ открытое море, оставляя позади себя пѣнистый слѣдъ, въ которомъ блистали тысячи фосфорическихъ искръ. По временамъ, чтобы ра-

зогнать сонъ, къ которому клонили ихъ свѣжесть и качка волнъ, они напѣвали въ полголоса одну изъ монотонныхъ и меланхолическихъ пѣсенъ, свойственныхъ первобытнымъ народамъ и почти схожихъ съ воркованіемъ дикаго голубя. За часъ до разсвѣта, вѣтеръ съ земли стихъ; прозрачный туманъ, спустившись съ вершинъ горъ, повисъ, словно газовое покрывало, надъ затихшими волнами. Парусъ и мачта, сдѣлавшіеся безполезными, были положены на дно пироги; оба брата рѣшились закинуть свои сѣти. Легкая дрожь пробѣгала по ихъ обнаженному тѣлу; они почти зябли при такой теплой температурѣ, которую наше тяжелое одѣяніе заставляетъ находить слишкомъ жаркою.

Вдругъ солнце занялось подобно маяку на отдаленной скалѣ, розовый свѣтъ разлился по склону горъ и морю, гоня передъ собою утренній туманъ. Вдали показался парусъ; онъ раздувался слегка первымъ дуновеніемъ морскаго вѣтра.

— Парусъ! вскричалъ Тирупатти, указывая пальцемъ на бѣлую точку, которую его братъ уже разсматривалъ съ вниманіемъ.

— Вытащимъ сѣти, возразилъ послѣдній, пожавъ плечами: я вижу въ нихъ съ полъ-дюжины хорошенькихъ рыбокъ, которыя будутъ прибыльнѣе этаго мусульманскаго корабля. Не выспался развѣ ты, что не узналъ остроконечнаго паруса арабскаго *баггерова?* Пассажиры его не дадутъ тебѣ и *пайсы* *) за твою китайскую птицу.

— И всѣ травалкорскіе плоды, прибавилъ Тирупатти, не стоятъ для нихъ тѣста изъ финиковъ, заваренныхъ въ сахарѣ, съ мухами, вмѣсто гвоздики!

Онъ выбросилъ на дно пироги рыбую, бившуся въ сѣтяхъ. Они продолжали свою ловлю, а *баггеровъ*, огромный парусъ котораго шелестилъ подъ свѣжѣющимъ вѣтромъ, подходилъ къ нимъ. Это былъ *Фатахъ-ер-рогаманъ* изъ Маската, съ двадцатью-пятью матросами съ восточнаго берега Аравіи. Обнаженные до пояса, въ чалмахъ яркихъ цвѣтовъ, сыны Измаеля смотрѣли разсѣяннымъ взоромъ на еще отдаленную землю и маленькую пирогу, качаемую волнами. На кормѣ, Юсуфъ-Али курилъ важно свою длинную трубку. Коричневый кафтанъ окутывалъ его съ головы до ногъ; видны были одни тонкіе пальцы правой руки и строгій профиль, обрамленный черною бородою. Видъ корабля, котораго поднятая корма возвышалась, подобно спинѣ верблюда, надъ моремъ, тогда какъ его длинный носъ разсѣкалъ волны, подобно птичьему клюву, его простая и первобытная оснастка, состоявшая въ одной мачтѣ и одномъ парусѣ, какъ на тѣхъ баркахъ, на которыхъ Греки

* Маленькая мѣдная монета.

отправились осаждать Трою, все показывало, что это одно изъ тѣхъ первоначальныхъ судовъ, которыя посѣщали во времена Александра устье Инда, и доселѣ плаваютъ по Индійскому Океану въ-продолженіе столькихъ вѣковъ. Слѣдуя попутнымъ вѣтрамъ, Юсуфъ отправлялся ежегодно изъ Моската въ Травалкоръ, на авось, не прибѣгая къ октанту, употребленія котораго онъ не зналъ. Инстинктъ, преданіе, смутное понятіе объ астрономіи, замѣняли для него науку. Онъ превосходно зналъ, что его корабль находился въ тридцати миляхъ на западъ отъ Алепо, мѣста его назначенія, и объ этомъ не имѣлъ нужды справляться у двухъ рыбаковъ, которые, съ своей стороны, не занимались нисколько арабскимъ судномъ, угрожавшимъ опрокинуть ихъ пирогу.

Когда *баггеровъ* находился отъ рыбаковъ на разстояніи одного только кабельтова, одинъ изъ матросовъ, выучившій въ портахъ Индіи нѣсколько словъ по-англійски, приложилъ обѣ руки ко рту, наподобіе рупора и сталъ кричать: «Fisher boat, аги! ай! рыбачья лодка.»

— Matchhli, bahout khoub matchhli, есть рыба, очень хорошая рыба! отвѣтилъ Тирупатти, по своему понявшій призывъ арабскаго матроса.

Въ ту минуту, какъ онъ поднялъ голову въ направленіи къ *баггерову*, подавая обѣими руками корзину, наполненную трепещущею рыбою, старая, мокрая швабра покрыла его голову до плечъ. Громкимъ смѣхомъ была принята на палубѣ *баггероза* эта морская шутка; Тирупатти отвѣтилъ на нее крикомъ гнѣва. Откачнувшись назадъ подъ ударомъ, онъ опрокинулъ утлую пирогу и упалъ въ море съ своимъ братомъ Тирувалла. Отдать парусъ, дать знакъ рулевому, поставить румпель такъ, чтобы ослабить ходъ судна, потомъ надѣлить своихъ матросовъ нѣсколькими сильными ударами веревки, все это для Юсуфа было дѣломъ минуты. Оба рыбака, вскорѣ всплыли на поверхность воды, и перевернули опять свою пирогу, приподнявъ ее на плечахъ; прибрежные индѣйцы плаваютъ всѣ, какъ акулы. Они собрали весла, плававшія вокругъ ихъ, разсѣянные кокосы, парусъ, которому мачта не дала потонуть; но китайская птица погибла, сѣти пошли ко дну, и рыбы не упустили прекраснаго случая возвратиться въ свою стихію. Поправивъ, какъ могли, безпорядокъ, причиненный этимъ несчастнымъ случаемъ, оба брата поймали веревку, опущенную имъ съ *баггерова*, и взлѣзли на палубу. Накодахъ (капитанъ) посмотрѣлъ на нихъ, не сказавъ ни слова, и убѣдившись, что они не ранены, сѣлъ снова на свой коверъ, разосланный на ютѣ.

— Ахъ! *накодахъ сагебъ* (господинъ капитанъ), вскричалъ Тирувала, жестикулируя руками и ногами: мы бѣдные люди, мы раззорены.

Что мы сдѣлали, чтобы заслужить такое обращеніе отъ вашихъ матросовъ? Наши сѣти, наша добыча, все погибло!...

— Намъ не на что теперь дать рису нашимъ дѣтямъ, вскричалъ въ свою очередь Тирупатти, который былъ холостъ также, какъ и его братъ. Милостивецъ, сжалься надъ тѣми, которыхъ вы довели до бѣдности!

Говоря такимъ-образомъ, они плакали, били себя въ грудь и вздыхали. Истощивъ все свое краснорѣчіе, они легли на палубѣ, объявивъ, что умрутъ въ глазахъ жестокаго иностранца, который не хочетъ оказать имъ справедливости. Юсуфъ отдалъ приказаніе поставить судно въ должный путь; по окончаніи маневра, велѣлъ подать себѣ чашку превосходнаго кофе, затянулся своею трубкою, потомъ, уставивъ проницательные глаза на обѣихъ братьевъ, спросилъ:

— Все-ли вы сказали? кончили свои выдумки и гримасы?

И какъ они готовились начать снова свои жалобы и крики.

— Молчать! закричалъ онъ: вотъ двадцать рупій: десять за сѣти, которыя всего стоили пять, пять за рыбу, пойманную вами, и за ту, которую вы могли-бы поймать въ цѣлую недѣлю; остальныя пять въ утѣшеніе за страхъ, причиненный вамъ морскою ванною.

— А моя птица, красивѣе фазана нашихъ лѣсовъ, ученѣе попугая изъ Миссури, чѣмъ заплатите вы за нее? спросилъ Тирупатти, обнадеженный предложеніемъ двадцати рупій; она утонула и съ клѣткою, бѣдное животное, говорившее на языкѣ *фиренговъ* и на вашемъ, накодахъ сагебъ!

— Возьмемъ все-таки двадцать рупій, а то онъ пожалуй раздумаетъ, сказалъ тихо Тирувалла: что если онъ велитъ выбросить насъ за бортъ!

Эта мудрая мысль была внушена старшему изъ рыбаковъ видомъ гнѣвнаго облака, омрачившаго лобъ накодаха. Трусость заставила замолкнуть въ нихъ чувство жадности; они схватили на лету кошелекъ, брошенный имъ Юсуфомъ, отступили задомъ до мачты, кланяясь съ почтительнымъ униженіемъ накодаху и даже матросамъ, и спустились ловко по веревкѣ на свою пирогу. *Баггеровъ*, гонимый вѣтромъ, усиливавшимся по мѣрѣ того, какъ солнце поднималось къ зениту, вскорѣ прибылъ въ рейдъ Алепо. Рыбаки поплыли тою-же дорогою, какъ и арабское судно; прежде, нежели вернуться въ свою деревню, они хотѣли купить сѣти въ городѣ Алепо, чтобы замѣнить потеряныя. Море стало бушевать; утлая пирога скрывалась между волнъ и показывалась снова на ихъ вершинахъ, словно ласточка, перелѣтающая черезъ поле, прорѣзанное бороздами.

— Сообразивъ все, сказалъ Тирупатти своему брату въ ту минуту, какъ они приставали къ землѣ: день былъ не дуренъ; двадцать рупій поведутъ насъ далеко.

— Да, возразилъ Тирувалла: но надо имъ отплатить за злую штуку, которую они съ нами сыграли!

На это Тирупатти отвѣтилъ горловымъ восклицаніемъ, означавшимъ на нѣмомъ языкѣ малабарскихъ рыбаковъ: «Мы посмотримъ!»

II.

МАЛЛИКА.

Уже болѣе шестидесяти лѣтъ *баггеровъ Фатахъ-еръ-рохаманъ*, нѣсколько разъ починенный, плавалъ въ Индійскомъ Океанѣ. Эти суда, прочно построенныя изъ дерева teak, живутъ почти также долго, какъ киты. Въ-продолженіе десяти лѣтъ Юсуфъ былъ его патрономъ и ходилъ на немъ изъ Маската въ Алепо и изъ Алепо въ Маскатъ. Въ замѣнъ произведеній своей страны, соли, кофе, шерсти, онъ нагружался на берегу травалкорскомъ строевымъ и мачговымъ лѣсомъ, веревками, однимъ-словомъ, всѣми принадлежностями мореплаванія, которыхъ Аравія почти вовсе не имѣетъ.

Когда судно стало на якорь, Юсуфъ отправился на сушу. Былъ полдень; нѣсколько индѣйскихъ купцовъ, обнаженныхъ до пояса, подъ защитою зонтиковъ, плоскихъ и круглыхъ, какъ щиты, были видны еще на берегу, гдѣ не раздавался болѣе шумъ работы, прерванной наступившимъ жаромъ. Юсуфъ прошелъ длинную аллею изъ прекрасныхъ деревъ, миновалъ базары, не останавливаясь, дошелъ до конца предмѣстья и достигнулъ хорошенькаго садика, посреди котораго была выстроена хижина, покрытая пальмовыми листьями. Съ одной стороны высилась купа большихъ кокосовыхъ деревьевъ; съ другой широкая рѣшетка поддерживала гибкіе стебли деревца, производящаго перецъ. Накодахъ прокрался тихонько вдоль забора, отдѣлявшаго садъ отъ дороги. То онъ смотрѣлъ вокругъ себя, желая убѣдиться, что никто его не видитъ, то поднимался на цыпочки, стараясь заглянуть сверхъ кустарниковъ. Вдругъ его пылкій взоръ загорѣлся: черезъ заборъ, онъ замѣтилъ молодую дѣвушку, на краю колодца, подъ тѣнію бамбука. Это была Маллика, дочь садовника: она спала спокойно, склонивъ свою головку на руку, въ такомъ прелестномъ положеніи, которое избралъ-бы живописецъ, чтобы представить сонъ въ видѣ женщины.

— Наконецъ, сказалъ про себя Юсуфъ: вотъ онъ въ полномъ блескѣ, этотъ очаровательный цвѣтокъ, котораго разцвѣта я ждалъ цѣ-

лые три года! Пусть меня постигнетъ смерть, если другой протянетъ руку, чтобы сорвать его!

Разсуждая такимъ-образомъ, онъ увидѣлъ, съ другой стороны ограды, гдѣ покоилась Маллика, индѣйца, который медленно подвигался, сидя на спинѣ слона. Подъѣхавъ къ молодой дѣвушкѣ, индѣецъ тихонько ударилъ своимъ желѣзнымъ крючкомъ по шеѣ животнаго. Слонъ, протянувъ хоботъ, сорвалъ съ вѣтки акаціи красный цвѣтовъ, покачалъ его въ воздухѣ нѣсколько разъ, и бросилъ прямо въ лобъ Малликѣ. Она проснулась внезапно, потомъ, улыбаясь, закрыла глаза.

— Это ты, мой добрый Субала, сказала она въ полголоса: благодарю за твой подарокъ. Вотъ тебѣ за твой трудъ. Она бросила слону большой бананъ, желтый какъ золото, который животное поймало налету и съ видимымъ удовольствіемъ положило въ свой широкій ротъ.

— А мнѣ, сказалъ индѣецъ, ничего не будетъ, даже дружескаго слова? Слона ласкаютъ, а бѣднаго *магу* * не удостоиваютъ и взгляда!

— Субала, возразила молодая дѣвушка, все обращаясь къ умному животному, скажи Шерюмалю, твоему господину, что лучшее средство понравиться молодой дѣвушкѣ — не прерывать безъ причины ея сна.

Слонъ сдѣлалъ три поклона своимъ хоботомъ, какъ-бы въ доказательство, что понялъ, и сталъ на колѣно такъ граціозно, какъ только позволяло ему тучное его тѣло. На голосъ своего вожатаго — которому холодный пріемъ Маллики не обѣщалъ ничего хорошаго, слонъ поднялся и отправился далѣе. Нѣсколько разъ, магу Шерюмаль оборачивался; онъ все еще надѣялся, что молодая дѣвушка вознаградитъ свои жестокія слова дружескимъ жестомъ, но ожиданія его не оправдались. Слонъ Субала также смотрѣлъ назадъ; можно было подумать, что онъ удалялся съ сожалѣніемъ отъ прекрасной Маллики; — инстинктъ говорилъ ему, что онъ внушалъ ей привязанность, въ которой она отказывала его господину. Гордый этимъ лестнымъ отличіемъ, онъ поводилъ съ шумомъ своими огромными ушами, слѣдуя по тропинкамъ, которыя онъ загромождалъ своею огромною массою.

Пока происходила эта неожиданная сцена, Юсуфъ, притаясь за-заборомъ, не спускалъ глазъ съ дѣйствующихъ лицъ. Послѣ того, какъ магу скрылся за поворотомъ тропинки, и только былъ слышенъ отдаленный трескъ вѣтвей, ломаемыхъ по дорогѣ колоссальнымъ слономъ, Юсуфъ раздвинулъ тихонько кустарникъ и вышелъ впередъ. На этотъ разъ Маллика проснулась въ-самомъ-дѣлѣ; она открыла съ удивленіемъ свои большіе глаза, осѣненные длинными рѣсницами, нѣжные, какъ глаза

* Въ Индіи называютъ такъ вожатаго слона.

серны. Она не вскрикнула отъ ужаса, даже не показала знака негодованія; но быстрымъ движеніемъ набросила на грудь покрывало, соскользнувшее во-время сна, и медленно отошла къ порогу своего дома. Неподвижная и важная, она, казалось, живостію своего взгляда, запрещала слѣдовать за собою слишкомъ смѣлому накодаху. Появленіе иностранца производило на нее впечатлѣніе совершенно противуположное тому, которое причинило присутствіе магу. Съ раскраснѣвшимися отъ волненія щеками, коричневѣе индѣйскаго каштана, она, казалось, говорила арабу: Что тебѣ надо? Откуда ты явился? Послѣдній смѣло подошелъ къ Маллике, онъ привѣтствовалъ ее съ едва замѣтною улыбкою, приложивъ руку ко лбу, и положилъ подлѣ нея, на окраинѣ колодца, золотой браслетъ. По-крайней-мѣрѣ, онъ не даромъ прервалъ сонъ молодой дѣвушки, какъ вожатый слона. Онъ думалъ, что самая вѣрная дорога къ сердцу бѣдной и несвѣдущей малабарки щедрость и богатство. Къ своему подарку Юсуфъ не прибавилъ никакой сентиментальной пантомимы. Не сказавъ ни слова, онъ удалился, поклонившись во-второй разъ и разсчитывая, что драгоцѣнный подарокъ, на которомъ искрились лучи солнца, будетъ говорить гораздо краснорѣчивѣе, чѣмъ онъ самъ.

Словно птичка, привлеченная видомъ спѣлаго плода, Маллика наклонилась надъ браслетомъ. Никогда еще такая драгоцѣнность не ослѣпляла ея взора. Она смотрѣла на него съ восхищеніемъ, смѣшаннымъ съ удивленіемъ, и сама не знала—взять его или оставить. Полюбовавшись имъ нѣсколько минутъ, она надѣла его на руку, потомъ сняла поспѣшно и спрятала за поясъ. Мычаніе быковъ возвѣстило ей возвращеніе отца, вспахавшаго отдаленный уголъ сада. Старый садовникъ, сгорбленный лѣтами, медленно возвращался съ своею упряжью? Усталыя, съ поникшею мордою, терпѣливыя животныя остановились передъ хижиною; они ожидали съ самоотверженіемъ, пока имъ позволятъ пойти къ пруду, гдѣ они остаются въ водѣ до-тѣхъ-поръ, какъ спадетъ жаръ. Маллика поспѣшила помочь своему отцу отпрячь быковъ. Необычайно взволнованная, она чувствовала нужду въ движеніи. Она, также не вѣдая того, повиновалась желанію нравиться, какъ-будто чувствуя, что другіе глаза, кромѣ старика, были устремлены на нее. Довольно трудное это дѣло Маллика исполнила съ необыкновенною легкостію и граціею. Происходя отъ племени полудикаго, выросши подъ открытымъ небомъ, она была одарена силою, составляющею прелесть молодости. Съ ранняго возраста и безъ всякаго принужденія, она получила привычку помогать отцу въ его работахъ. Въ этотъ день она чувствовала себя еще дѣятельнѣе, чѣмъ въ обыкновенное время. Она вспоминала, что уже нѣсколько разъ этотъ иностранецъ бродилъ около ея жилища: такъ это для нея

онъ проходилъ мимо сада, молчалиный и внимательный, какъ-будто видъ цвѣтовъ и плодовъ имѣлъ для него неопреодолимую прелесть?

Какъ скоро быки освободились изъ-подъ ярма, молодая дѣвушка побѣжала за блюдомъ риса, бѣлаго какъ снѣгъ, который она полила соусомъ *каччу* и посыпала краснымъ перцомъ. Старый садовникъ съ жадностію запустилъ туда руку, и вынувъ большую горсть, началъ жевать.

— Маллика, сказалъ онъ немного погодя: ты добрая дочь! Вотъ блюдо риса, которое подкрѣпитъ и умирающаго. Ты моя утѣха на старости, и подпора, дитя мое! Что-бы я былъ безъ тебя? Одна тѣнь человѣческая.

III.

ГОРОДЪ АЛЕПО.

На слѣдующій день, около полудня, Юсуфъ снова отправился къ саду, гдѣ жила Маллика. Какъ въ первый разъ, онъ засталъ ее, лежащую около колодца. Спала она дѣйствительно, или только мечтала, закрывъ глаза, кто ее знаетъ. Юсуфъ и не терялъ минуты на разрѣшеніе этого вопроса. Отъ легкаго шума, который онъ сдѣлалъ, перелѣзая изгородь, Маллика не пошевельнулась. Юсуфъ, подойдя къ ней осторожно, положилъ къ ея ногамъ пару серегъ изъ того же металла, какъ и браслетъ. Когда молодая дѣвушка открыла глаза, когда робкою рукою, она взяла серьги, горя уже нетерпѣніемъ надѣть ихъ, Юсуфъ исчезъ. Волоча въ пыли свои бабучи изъ желтой кожи, держа одну руку за кушакомъ, другою опираясь на палку съ загнутымъ концемъ, посохъ древнихъ пастуховъ Іемена, — арабъ возвращался въ городъ. По временамъ онъ гладилъ свою бороду, улыбаясь самодовольно. Онъ исчислялъ барыши своихъ прошлыхъ путешествій, тѣ, которые онъ надѣялся еще получить, и радовался, помышляя о прекрасныхъ подаркахъ, которые могъ сдѣлать Малликѣ. Между-тѣмъ, какъ онъ наслаждался своими мечтами, два рыбака караулили его, спрятавшись за кустами по дорогѣ.

— Смотри, говорилъ Тирувалла своему брату: намъ слѣдуетъ разсчитаться съ арабомъ; надо выманить у него нѣсколько денегъ.

— Насъ двое противъ одного, прибавилъ Тирупатти, это правда; но я не рѣшусь напасть на него. Не лучше-ли отложить намѣреніе это до завтра? Сегодня вечеромъ, я бы набралъ въ гавани дюжину пріятелей...

— Съ которыми пришлось бы послѣ дѣлиться, прервалъ Тирувалла,

пожавъ плечами. Послушай, согласенъ ты сдѣлать, что́ я тебѣ скажу; на насъ двоихъ придется, по-крайней-мѣрѣ, тридцать рупій.

— Что́ дѣлать-то? спросилъ Тирупатти.

— Пустяки! вывести его изъ терпѣнія; ты знаешь онъ горячъ... люди эти горды, злы...

— И когда начинаютъ бить, то почувствуешь.

— Именно этого-то намъ и надо.

— Какъ-такъ? возразилъ младшій изъ двухъ рыбаковъ, который боялся побоевъ, какъ и всѣ его соотечественники.

— Въ Бенгалѣ, отвѣтилъ Тирувалла: за каждый ударъ кулакомъ платятъ двадцать пять рупій, по тарифу. Я полагаю, что накодахъ, утомленный нашимъ крикомъ, поколотитъ тебя: мы побѣжимъ къ судьѣ, я объясню въ чемъ дѣло, и съ араба сдерутъ пеню.

Тирупатти молчалъ; положивъ локти на колѣна, голову въ обѣ руки, онъ уставилъ на своего брата глупые глаза.

— Такъ рѣшено? спросилъ Тирувалла, поспѣшно вставая.

— Неужли непремѣнно надо, чтобы онъ меня оттузилъ? спросилъ Тирупатти.

— Непремѣнно, и ты поймешь почему, отвѣтилъ Тирувалла. Ты извѣстный трусъ; судья сейчасъ смекнетъ, что ты самъ не посмѣлъ бы подступить къ накодаху. Ну, смотри-же, не плошай! Да хватитъ ли у тебя духу прикрикнуть на него и погрозить?

Тирупатти покачалъ головою.

— Ну, такъ я самъ это сдѣлаю, продолжалъ Тирувалла: я беру на себя самое трудное дѣло, то, которое выше твоихъ силъ. А на твою долю останется только — не мѣшать мнѣ дѣйствовать, подвернуться ему подъ руку и принять его удары... Вотъ онъ. Зайди къ нему съ тыла, а я между-тѣмъ прегражу ему дорогу.

Тирупатти шмыгнулъ за кусты, какъ дворняшка, уступающая первенство бульдогу; братъ его сталъ подходить къ Юсуфу, задравъ голову кверху. Но мало-по-малу, жаръ его остывалъ — Тирувалла, былъ болѣе дерзокъ, чѣмъ смѣлъ; арабъ шелъ къ нему съ увѣренностію и это его смутило.

— Накодахъ сагебъ прогуливается? сказалъ онъ ему вкрадчивымъ голосомъ. — Юсуфъ не отвѣчалъ. — Накодахъ сагебъ, вѣрно, не узнаетъ меня? Я рыбакъ, котораго несчастіе, причиненное экипажемъ *баггерова*, довело до бѣдности...

— Я тебѣ заплатилъ, и болѣе, чѣмъ слѣдовало, возразилъ Юсуфъ: ступай прочь.

— Великодушный человѣкъ, началъ снова Тирувалла: вы мнѣ да-

ли столько, что я могъ купить себѣ новыя сѣти, и я не объ этомъ прошу; но вашъ *баггеровъ* раскололъ мою бѣдную маленькую пирогу; она такъ течетъ теперь, что мы не можемъ выйти въ море...

— Ты лжешь; все, что ты можешь ожидать отъ меня, это полдюжины палокъ, чтобы заплатить за твою дерзость. Прочь съ дороги, дай мнѣ пройти!

Тирувалла сдѣлалъ знакъ своему брату, подходившему сзади на цыпочкахъ, минута была благопріятная, начать правильную аттаку. И такъ рыбакъ выпрямился съ наглостію:

— Вы не пройдете! вскричалъ онъ: есть правосудіе въ Алепо. Бей, если ты смѣешь, накодахъ, бей!.. Съ котораго времени мусульмане господствуютъ въ странѣ Травалкорской.*

Въ то время, какъ его братъ выражался такимъ образомъ, возвышая голосъ, Тирупатти схватилъ накодаха за широкіе рукава его кафтана и сталъ трясти его обѣими руками и кричать, что-есть силы: Двадцать пять рупій, намъ надо двадцать пять рупій, тридцать рупій...

Юсуфъ обернулся; онъ занесъ руку, чтобы ударомъ кулака отдѣлаться отъ другаго противника, лаявшаго у него за спиною. Тирупатти испустилъ крикъ и пустился бѣжать черезъ поле; его братъ, считая дѣло конченнымъ, такъ же бросился прочь со всѣхъ ногъ, и арабъ остался одинъ, посреди дороги, столь же удивленный смѣлымъ нападеніемъ двухъ индѣйцевъ, какъ и ихъ проворнымъ бѣгствомъ. Тирувалла поспѣшилъ соединиться съ своимъ братомъ, который лежалъ въ канавѣ, держась за лѣвый бокъ.

— Ты видишь, что надо было немного смѣлости и хладнокровія, сказалъ онъ ему. Теперь пойдемъ къ судьѣ; если у тебя выломано ребро, такъ тамъ его починятъ.

Съ помощію своего брата, Тирупатти всталъ, и они медленно отправились въ городъ. Было довольно разныхъ разностей въ магазинахъ базаровъ, чтобы прельстить взоры бѣдныхъ рыбаковъ. Матеріи, вышитыя золотомъ и серебромъ, тонкія ткани Лагора и Кашемира, шарфы изъ Дакка, на которыхъ блистали птицы и цвѣты, китайскіе шелки, все, что восточный вкусъ можетъ произвести самаго яркаго и богатаго, бросается тамъ въ глаза прохожаго. Деревья всѣхъ родовъ, высокіе кокосы, манги съ широкими вѣтвями, мимозы въ цвѣтахъ, подобныхъ шелковымъ пучкамъ, покрываютъ своею тѣнью кривыя улицы базаровъ, надъ которыми высятся куполы пагодъ.

* Это единственная страна на Малабарскомъ берегу, которая никогда не была завоевана и управляема мусульманскими государями.

— Видишь, говорилъ Тирувалла своему брату, сколько прекрасныхъ вещей! Какъ только судья заставитъ заплатить намъ, я куплю тебѣ одинъ изъ этихъ хорошенькихъ шарфовъ съ серебряною бахрамой на чалму... И это тебѣ будетъ стóить только нѣсколькихъ ударовъ кулакомъ.

Тирупатти щелкнулъ языкомъ.

— Развѣ больно? спросилъ его братъ. Хорошо будетъ однако сходить къ судьѣ сегодня же; а то арабъ пожалуй насъ предупредитъ и подастъ жалобу, подкрѣпивъ ее какимъ-нибудь подаркомъ.

— Если ты такъ торопишься, то ступай одинъ, возразилъ Тирупатти: ты видишь, я насилу перевожу духъ.

Дѣйствительно онъ едва передвигалъ ноги. Дойдя до одного изъ многочисленныхъ деревянныхъ мостовъ, переброшенныхъ черезъ ручьи, которые орошаютъ во всѣхъ направленіяхъ этотъ странный городъ, онъ остановился. Легкія пироги, выкрашенныя яркими красками, и съ виду гораздо красивѣйшія, чѣмъ самая лучшая венеціанская гондола, скользили по этимъ мелкимъ рѣчкамъ.

— Послушай, сказалъ Тирупатти: я лучше пойду въ гребцы на одну изъ этихъ лодокъ; мнѣ скучно на сушѣ...

— Когда ты выздоровѣешь, мы опять примемся за рыбную ловлю, отвѣчалъ Тирувалла: отдохни немного, если ты усталъ, а потомъ мы отправимся къ судьѣ...

— Да еще захочетъ ли судья насъ выслушать.

— Ты ему покажешь свой синякъ; онъ будетъ говорить за тебя, если ты самъ боишься объясненій. Впрочемъ, я все это беру на себя.

— Хорошо, коли есть синякъ, а какъ нѣтъ! отвѣчалъ Тирупатти, приподнимаясь постепенно, какъ больной, чувствующій себя лучше... Вся боль моя, кажется, была слѣдствіемъ одного испуга. Когда онъ поднялъ на меня руку, я отскочилъ назадъ...

— Ну, спросилъ Тирувалла, разинувшій ротъ отъ изумленія.

— Ну, онъ и промахнулся.

— Ты трусливѣе сороки, вскричалъ Тирувалла съ гнѣвомъ: трусость твоя разстроила планъ, который я обдумывалъ два дня. Убирайся прочь, или я тебя сброшу съ этого моста.

Тирупатти, видя грозу, не заставилъ повторить себѣ два раза, онъ пустился бѣгомъ, между-тѣмъ какъ братъ его, жестикулируя и говоря самъ съ собою, отправился въ гавань, обычное прибѣжище негодяевъ всякаго рода и праздношатающихся.

Сказать правду, настоящей гавани въ Алепо нѣтъ; суда стоятъ на якорѣ на рейдѣ, въ полумилѣ отъ песчанаго берега, на которомъ

лежатъ вытащенныя пироги туземцевъ. На самомъ берегу возвышается родъ сарая, служащаго складочнымъ мѣстомъ для привозныхъ товаровъ. Подъ тѣнію прекрасныхъ деревъ, окружающихъ его, собираются купцы, моряки и весь этотъ міръ тружениковъ, бродягъ и праздношатающихся, которыхъ привлекаетъ дѣятельность и пожива торговыхъ городовъ. Здѣсь проходятъ *кули* (чумаки), согнувшись въ дугу подъ тяжелою ношею; здѣсь раздается монотонный и жалобный крикъ носильщиковъ паланкиновъ. Нищіе, покрытые ранами, умоляютъ о милосердіи иностранцевъ оглушительными криками. Въ жаркихъ странахъ, гдѣ постоянная теплота климата заставляетъ человѣка ходить нагимъ нищета все-таки не теряетъ своего печальнаго образа; если на бѣдномъ нѣтъ рубища, то его сморщенная кожа, повисшая на костяхъ, его впалые бока, его члены, потерявшіе естественную гибкость, представляютъ несомнѣнные признаки голода и страданій. На этихъ человѣческихъ тѣлахъ, источенныхъ голодомъ и употребленіемъ испорченной пищи, глазъ открываетъ съ ужасомъ страшныя болѣзни, какъ на корѣ дерева, котораго соки испорчены, мы часто видимъ чудовищные наросты или глубокія язвы. Но болѣе всего печалитъ иностранца на этомъ берегу, такъ пышно одаренномъ природою, видъ бѣдныхъ женщинъ, которыя переносятъ на головахъ огромныя корзины перцу, изъ складочныхъ магазиновъ на корабли. Однѣ изъ нихъ едва вышли изъ дѣтскаго возраста, но отъ тяжкаго труда уже отмѣчены первыми признаками слоновой проказы и едва передвигаютъ ноги; другія, старыя и безобразныя, уходятъ по лодыжку въ раскаленный песокъ, разсыпающійся подъ ихъ ногами, и кажется, готовы упасть на каждомъ шагу. Подверженныя, въ-продолженіе цѣлаго дня, жару тропическаго солнца, черныя, какъ кроты, терпѣливыя, какъ муравьи, онѣ идутъ по двѣ въ рядъ, не понимая, можетъ-быть, сожалѣнія, которое внушаютъ свѣжему зрителю. Надъ этимъ дряхлымъ и болѣзненнымъ населеніемъ, европеецъ имѣетъ тоже превосходство какое, имѣетъ плодъ, развитый садоводствомъ передъ дикимъ плодомъ; однако, его некрасивый и лишенный изящества костюмъ отнимаетъ у него часть этихъ преимуществъ. Совершенно другое дѣло съ арабомъ: пышность его одѣянія, скрывающая нѣсколько худощавыя и непріятныя формы его тѣла, тюрбанъ съ широкими складками, окутывающій его косой лобъ и округляющій плоскіе его виски, торжественная медленность его походки, затрудняемой неудобною обувью,— все это возвышаетъ его достоинство.

Когда Юсуфъ вернулся вечеромъ на этотъ берегъ, онъ нашелъ нѣсколько накодаховъ, своихъ соотечественниковъ, которыхъ корабли стояли на якорѣ въ рейдѣ, рядомъ съ его судномъ. Онъ сѣлъ съ ними

подъ кокосами Эти арабскіе мореходцы составляли живописную группу, сидя на тюкахъ съ шерстью и куря изъ своихъ длинныхъ чубуковъ, посреди толпы невольниковъ. Мало-по-малу берегъ опустѣлъ; накодахи возвратились на суда, и ночная тѣнь легла на всю окрестность. Изрѣдка только слышенъ былъ визгливый голосъ матросовъ и рыбаковъ, варившихъ себѣ рисъ подъ открытымъ небомъ. Тирувалла также возвратился на свою пирогу. Подъ парусомъ, покрывавшемъ ее въ родѣ палатки, уже спалъ его младшій братъ Тирупатти. Онъ легъ подлѣ него, не сказавъ ни слова; гнѣвъ его прошелъ. Такъ два воробья, угрожавшіе другъ-другу за минуту клювомъ и лапами, братски летятъ на ночь въ общее дупло.

IV.

СЛОНЪ СУБАЛА.

Въ ожиданіи удобнаго случая достать себѣ новыя сѣти и опять приняться за старое ремесло, оба рыбака бродили по берегу. Эта лѣнивая и праздная жизнь надоѣла младшему изъ братьевъ; но онъ не смѣлъ высказаться, опасаясь раздражить Тирувалла, который часто попрекалъ его въ томъ, что онъ упустилъ великолѣпный случай содрать порядочный кушъ съ накодаха. Они всѣмъ разсказывали, что арабъ Юсуфъ съ *баггерова Фатахъ-эръ-рохаманъ*, который старался потопить ихъ пирогу въ открытомъ морѣ, хотѣлъ убить ихъ у воротъ города. Оттого всюду, гдѣ проходилъ накодахъ, всѣ уступали ему дорогу съ глубокимъ ужасомъ. Мало было дѣла арабу до того, что говорили или думали о немъ. Его занимали только двѣ мысли: овладѣть Малликой, и нагрузивъ судно, поскорѣе возвратиться въ Москатъ. Каждый день, въ одинъ и тотъ же часъ, онъ отправлялся окольными дорогами въ садъ молодой индѣянки. То онъ тихонько клалъ къ ея ногамъ новые подарки, то чуть показывался и посылалъ ей черезъ заборъ граціозные поклоны. Эти таинственныя появленія и щедрость накодаха производили на умъ молодой дѣвушки сильное впечатлѣніе; они возбуждали ея любопытство и не давали покоя ея воображенію. Малликѣ скоро надоѣло играть роль нѣмой зрительницы, къ ногамъ которой незнакомецъ безмолвно кладетъ свое приношеніе. Она рѣшилась явиться передъ иностранцемъ во всемъ блескѣ украшеній, полученныхъ ею отъ него-же. Она обернула верхнюю часть своего тѣла прозрачнымъ шарфомъ съ красными полосками, чтобы скрыть отъ постороннихъ взоровъ украшенія, которыя были слишкомъ богаты для бѣдной дочери са-

довника и должны были блестѣть только для глазъ того, кто считалъ ее достойною носить ихъ.

Маллика провела цѣлый часъ за своимъ туалетомъ; поставивъ на голову корзину съ плодами, она быстро пошла чрезъ базары. Было утро. Накодахъ только-что пришелъ къ каналу, въ которомъ хранится лѣсъ для постройки кораблей. Этотъ каналъ, служащій истокомъ въ море для всѣхъ маленькихъ потоковъ, прорѣзывающихъ городъ Алепо, довольно широкъ и очень мелокъ. Пять или шесть слоновъ, принадлежащихъ травалкорскому райѣ, ежедневно вытаскиваютъ изъ воды — гдѣ ихъ держатъ для предохраненія отъ дѣйствія солнца, — бревна и стволы деревъ, вырубленныхъ въ лѣсахъ внутренней страны. Сидя подъ тѣнію кокосовъ, Юсуфъ надзиралъ за тѣмъ, какъ вытаскивали выбранныя имъ бревна. Вотъ какимъ-образомъ происходитъ эта работа. Каждый магу подвигаетъ, въ свою очередь, слона, которымъ онъ управляетъ. Животное беретъ изъ рукъ своего вожатаго толстую веревку, связанную въ видѣ кольца, и подсовываетъ ее подъ бревно. Движеніемъ своего хобота сильное животное стягиваетъ веревку; потомъ пятясь задомъ по крутому берегу канала, вытаскиваетъ на песокъ такую тяжесть, которую сорокъ сильныхъ рукъ едва могли-бы сдвинуть съ мѣста. По окончаніи этой первой операціи, слонъ оборачивается, перемѣняя точку своей опоры; потомъ идетъ впередъ, поднимаетъ свою ношу въ сторону, поддерживая ее колѣномъ, толкаетъ ее съ одного конца, потомъ съ другаго, и дѣйствуетъ такъ, что безъ помощи человѣческихъ рукъ, складываетъ совершенно правильныя и довольно высокія кучи бревенъ. Это таже самая работа, которою занимаютъ каторжниковъ въ военныхъ портахъ Франціи, а потому французскіе моряки и называютъ этихъ слоновъ травалкарскими галерниками. Самый большой и сильный изъ слоновъ, работавшихъ въ этотъ день въ глазахъ Юсуфа, былъ Субала, тотъ самый, который, подъ управленіемъ магу Шерюмаля, бросалъ такъ ловко цвѣты акаціи прекрасной Малликѣ. Когда пришла его очередь спуститься въ каналъ, онъ приблизился величественно, подобно движущейся башнѣ, махая съ живостію, на концѣ своего хобота, толстымъ канатомъ, которымъ онъ долженъ былъ захватить свой грузъ.

— Это, это! вскричалъ Шерюмаль, указывая пальцемъ огромное бревно, покрытое тиною и отяжелѣвшее отъ продолжительнаго пребыванія въ водѣ: возьми это, Субала!

Слонъ послушно подвелъ свою веревку подъ бревно и оперся четырьмя ногами, чтобы поднять его; послѣ тщетной попытки, онъ посмотрѣлъ на своего корнака, какъ-бы желая сказать: «Ты видишь, что это невозможно!» Но Шерюмаль не былъ тронутъ безмолвною прось-

бою животнаго; онъ сильно ударилъ его въ затылокъ своимъ желѣзнымъ крючкомъ. Слонъ попытался еще разъ поднять бревно, которое, казалось, было связано съ тиною невидимою цѣпью: жилы на его шеѣ надулись, какъ веревки, готовыя лопнуть; онъ наклонился назадъ, чтобы увеличить свою силу всею тяжестью своего тѣла.

— Смѣлѣй, Субала! сказалъ Шерюмаль, продолжая бить его своимъ желѣзнымъ крючкомъ: смѣлѣй, о самый храбрый, самый сильный изъ слоновъ, которыхъ вскормили травалкорскіе лѣса! — Повиснувъ пятнами надъ плечами животнаго, онъ кричалъ и хлопоталъ до такой степени, что толпа собралась на двухъ берегахъ канала. Въ-продолженіе нѣсколькихъ минутъ, слонъ оставался неподвиженъ въ водѣ, гдѣ онъ завязъ по колѣна, какъ-будто сбирая всѣ свои силы на послѣднюю попытку; магу Шерюмаль также переводилъ духъ, отвѣчая съ большими жестами на многочисленные голоса, подававшіе изъ толпы совѣты.

— Подвинь животное въ воду, ему будетъ удобнѣе взяться, говорилъ одинъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, отодвинь его назадъ, говорилъ другой: ты видишь, что тина вязка и его ноги скользятъ.

— Никогда ему не сдвинуть этаго бревна, прервалъ торговецъ плодами, поставившій свою корзину на песокъ и сложившій руки съ равнодушнымъ видомъ человѣка, который видитъ для себя забаву въ затрудненіи другаго.

— Съ такимъ слономъ, какъ этотъ, ничего нѣтъ невозможнаго, прибавилъ визгливымъ голосомъ нищій, чудовищная нога котораго была также толста, какъ у слона: еслибы не моя болѣзнь, я-бы сѣлъ на него, вмѣсто Шерюмаля, и поднялъ-бы это бревно въ минуту.

Всѣ эти рѣчи досаждали магу и возбуждали его самолюбіе; онъ снова принялся колоть своего слона, начинавшаго терять терпѣніе. Первый знакъ негодованія, вырвавшійся у животнаго, былъ сильный ударъ ногою посреди канала; зрители, покрытые брызгами и тиною на двадцать шаговъ въ окружности, поняли, что благоразумнѣе будетъ убраться по добру по здорову.

— Субала, Субала, сказалъ, трясясь отъ гнѣва и стыда, магу Шерюмаль: причинишь-ли ты мнѣ такую обиду предъ всѣми? Кто воспиталъ тебя, кто обучалъ тебя, съ того дня, какъ ты былъ взятъ, еще маленькій, охотниками райя? Субала, еще усиліе, и я поведу тебя завтра къ прекраснэй Малликѣ!...

Послѣднія слова, произнесенныя въ полголоса на ухо слону, казалось, подѣйствовали на благородное животное, какъ талисманъ. Онъ такъ сильно дернулъ бревно, что вырвалъ его изъ ила; но оно тотчасъ

же опять упало. Субала, разсерженный своимъ пораженіемъ, поднялъ хоботъ, испустилъ глухой ревъ, и толпа струсила. Гнѣвъ овладѣвалъ гигантскимъ животнымъ; оно возвращалось въ дикое состояніе, и угрожало вымѣстить первый припадокъ ярости на магу. Шерюмаль понималъ всю огромность опасности; но честь магу заставляла его испробовать всѣ, что физически было возможно, для усмиренія опаснаго животнаго, ввѣреннаго его попеченію. Въ ту минуту, какъ бѣдный индѣецъ, потерявъ почти надежду на свои усилія, старался криками и ударами внушить слону послушаніе и страхъ, Субала вдругъ смирился. Движенія его стали менѣе рѣзки; онъ пересталъ трясти корнака, цѣплявшагося за его шею; наконецъ, его хоботъ не махалъ болѣе въ воздухѣ, какъ грозная палица. Нѣжный голосъ, боязливо зазвучавшій въ его ушахъ, окончательно успокоилъ его: это былъ голосъ Малики. Привлеченная толпою къ каналу, молодая дѣвушка скоро отличила болѣе бѣлое лицо араба посреди чернокожихъ индѣйцевъ.

— Э! мой бѣдный Шерюмаль, сказала она магу, подойдя къ нему; ты вѣрно дурно обошелся съ Субалой, что такъ разсердилъ его?

— Моя–ли вина, возразилъ Шерюмаль, едва говорившій отъ страха, радости и смятенія: моя–ли вина, если вотъ этотъ накодахъ вздумалъ вытаскивать изъ канала бревна, которыя лежатъ въ немъ болѣе пятидесяти лѣтъ, потому–что ихъ оттуда никогда не могли вытащить?

— Онъ имѣетъ право выбирать, если у него есть средства заплатить, возразила Малика. Неужели ты будешь плакать предъ всѣми жителями Алепо?

— Если я плачу, такъ это отъ досады, съ живостью отвѣчалъ магу, и снова погналъ слона въ каналъ. Сильное животное подняло, не безъ труда, бревно, которое оно уже вырвало изъ ила. Отступая медленными шагами и съ осторожностію, слонъ вытащилъ его вполовину на берегъ, приподнялъ снова, и наконецъ положилъ на должное мѣсто. Всѣ эти движенія, которыя требовали столько-же точности, сколько и соображенія, слонъ исполнилъ, такъ сказать, въ тактъ, подъ руководствомъ Шерюмаля, остроконечная палка котораго дѣйствовала на него, какъ руль на корабль. Возвратившіеся зрители толпой окружили слона и выражали свое одобреніе криками и рукоплесканіемъ. Малика оставалась нѣсколько минутъ въ кружкѣ, образованномъ любопытными. Она стояла неподвижно, съ корзиною плодовъ на головѣ, въ положеніи прекрасныхъ гранитныхъ изваяній, украшающихъ портики пагодъ. Вѣтеръ распахнулъ шарфъ, покрывавшій ея плеча, и ея богатыя украшенія заблистали какъ молнія, отъ солнечныхъ лучей. Юсуфъ, узнавшій ее из-

дали, всталъ при ея приближеніи; онъ смотрѣлъ на нее взоромъ, который заставилъ-бы ее покраснѣть, еслибъ удовольствіе, что ее находятъ красивою, не лишило ее разсудка. Этотъ припадокъ кокетства продолжался не болѣе минуты. Пристыженная мыслью, что она красуется предъ посторонними, и опасаясь обидѣть иностранца, поступки котораго, казалось, должны были внушать ей самой болѣе скромности, молодая дѣвушка скрылась въ толпѣ, какъ звѣзда скрывается за облака.

Въ-продолженіе нѣсколькихъ дней, подвигъ слона Субалы былъ новостью на базарѣ. Говорили, что одна молодая дѣвушка околдовала страшное животное и его магу. Шерюмаль въ-самомъ-дѣлѣ вѣрилъ въ волшебную силу прекрасной Маллики. Она принимаетъ меня съ пренебреженіемъ, думалъ онъ печально, а я все-таки не могу не любить ее. Когда я далеко отъ нея, мнѣ хочется сказать ей тысячу вещей, а какъ скоро ее увижу, языкъ у меня прилипаетъ къ гортани .. Даже это страшное животное, съ которымъ мнѣ нѣтъ справы, послушно одному ея слову! Сейчасъ она спасла меня отъ большой опасности; безъ нея Субала раздавилъ-бы меня ногами, и что жъ я? далъ ей уйти и даже не благодарилъ за услугу... О Маллика! *купишаны* (колдуны) научили тебя магическимъ тайнамъ, которыми усмиряютъ животныхъ и очаровываютъ людей!

Погруженный въ эти размышленія, Шерюмаль повелъ своего слона въ кокосовый лѣсъ, куда обыкновенно его товарищи загоняли своихъ животныхъ, для кормленія послѣ работы. Другіе магу отправились къ каравансераю алепскому: это красивый, маленькій деревянный дворецъ, нѣкогда жилище травалкорскаго райя, находящійся нынѣ въ большомъ запустѣніи. Въ немъ видна изящная скульптурная работа, гдѣ фантастическіе вымыслы индѣйскаго искусства перемѣшаны съ подробностями, заимствованными у мавританскаго стиля. Онъ выстроенъ между берегомъ и городомъ, посреди обширной площади, усаженной прекрасными деревьями. Съ высоты террасы, господствующей надъ флигелями зданія, иностранцы, которые пріѣзжаютъ въ Алепо, смотрятъ на слоновъ, приводимыхъ корнаками. Они бросаютъ имъ нѣсколько *пашлевъ* въ награду за ихъ неуклюжіе поклоны, и какъ эта щедрость путешественниковъ составляетъ маленькій доходъ *магу*, то послѣдніе никогда не пропускаютъ случая явиться на дворѣ каравансерая. Шерюмаль обыкновенно также отправлялся туда; но въ этотъ день у него не было охоты заставлять работать Субалу въ качествѣ ученаго звѣря. Привязавъ его за заднюю ногу къ толстой пальмѣ, онъ помѣстилъ передъ нимъ страшную кучу кокосовыхъ листьевъ, свѣжей травы, бамбуковаго тростника, и потомъ легъ въ тѣни, не для того чтобы заснуть, а чтобы помечтать на свободѣ. Корнакъ и слонъ сердились

*

немного другъ на друга; человѣкъ негодовалъ на животное за его непослушаніе и стыдъ, причиненный ему; животное гнѣвалось на человѣка за слишкомъ трудную работу, которую онъ его заставилъ исполнить. Съѣвъ свою порцію, достаточную для десяти рослыхъ лошадей, Субала предался кейфу своего рода. Онъ покрылъ свою спину, шею и голову вѣтвями и травою, чтобы предохранить себя отъ укушенія мухъ, и опустилъ внизъ свой хоботъ. Неподвижный на своихъ четырехъ крѣпкихъ и морщинистыхъ ногахъ, подобныхъ стволамъ деревъ, онъ походилъ на одну изъ тѣхъ грубыхъ хижинъ, какія обыкновенно дровосѣки строятъ себѣ въ лѣсахъ.

V.

РЫБАКЪ ТИРУВАЛЛА.

На слѣдующій день утромъ, до восхода солнца, старый садовникъ, отецъ Маллики, лазилъ по своимъ кокосамъ и собиралъ плоды. Вооруженный серпомъ, онъ прорубалъ ступени въ стволахъ деревъ и поднимался такимъ-образомъ шагъ за шагомъ, до листьевъ, вѣнчавшихъ ихъ вершину. Воздухъ былъ свѣжъ и тепелъ; коршуны стряхивали росу съ своихъ крыльевъ, и черная кукушка испускала крикъ, похожій на жалобу больнаго человѣка. Маллика, растянувшись на рогожкѣ, курила свой гукка и мечтала. Сидя на шеѣ слона Субалы, Шерюмаль проѣзжалъ мимо изгороди; старый садовникъ, замѣтивъ его издали, махнулъ ему рукой — приглашая подъѣхать.

— Хорошо въ это время прогуливаться, какъ райя, на спинѣ слона, сказалъ старикъ.

— У всякаго ремесла есть своя невыгода, не говоря объ опасностяхъ, отвѣтилъ Шерюмаль: вчера еще я счастливо отдѣлался.

— Отъ каприза Субалы? спросилъ садовникъ.

— Отъ настоящаго припадка ярости, который-бы худо кончился, если-бъ Маллика не вступилась; она сказала слово, и злое животное — утихло.

— Скажи, какая странная дѣвушка! вскричалъ старикъ: сознайся, Шерюмаль, вѣдь въ цѣломъ Травалкорѣ нѣтъ подобной ей красавицы.

— Это правда, возразилъ магу со вздохомъ: ея взглядъ и голосъ очаровываютъ людей и животныхъ. Вездѣ говорятъ, что она владѣетъ магическими тайнами.

— Справедливо ... А кто научилъ ее? Ужъ конечно не я, потому-что, ты знаешь, я не колдунъ.

— И не я, сказалъ наивно Шерюмаль. Вчера, я былъ такъ встре-

воженъ, что и не поблагодарилъ ее даже за услугу.... Не словами, а поступками я бы желалъ выразить ей мою благодарность. Прежде, нежели я оправдаю себя передъ Малликой, отдай ей этотъ маленькій подарокъ.... единственную драгоцѣнность, завѣщанную мнѣ моею покойною матерью.

Онъ подалъ на концѣ своего желѣзнаго крючка коралловое ожерелье, которое старикъ, нагнувшись къ нему, взялъ, стоя на верху дерева.

— У тебя доброе сердце, мой сынъ, сказалъ старый садовникъ растроганнымъ голосомъ. Маллика будетъ благодарна за твой подарокъ.

— О! нѣтъ, отвѣтилъ магу: она меня не любитъ! Лишь-бы только она приняла это ожерелье и не возвращала мнѣ его, я ужъ и тѣмъ буду доволенъ. Скажи ей, что я не буду болѣе безпокоить ее моими посѣщеніями; но если когда-нибудь присутствіе бѣднаго магу перестанетъ ей быть непріятнымъ, пусть она надѣнетъ ожерелье, и я забуду всѣ страданія, которыя она мнѣ причиняетъ.

Старикъ едва разслышалъ послѣднія слова; онъ смотрѣлъ съ удивленіемъ на магу, который медленно удалялся. Шерюмаль поѣхалъ на берегъ канала, куда призывала его обычная работа. Вблизи отъ него, на берегу моря, завтракали наши два рыбака.

— Когда же мы опять на рыбную ловлю? спросилъ Тирупатти у своего брата. Мнѣ-бы хотѣлось попробовать новыя сѣти.

— Пока этотъ проклятый *баггеровъ* въ алепскомъ рейдѣ, намъ надо остаться на берегу, отвѣтилъ Тирувалла. У насъ еще не кончены два счета съ накодахомъ: одинъ за зло, которое онъ намъ сдѣлалъ, и другой за зло, которое мы не могли ему сдѣлать!

— Посмотри, съ какимъ крикомъ порхаютъ чайки надъ волнами, замѣтилъ Тирупатти: тамъ должны быть цѣлыя стада рыбъ.

— Посмотри лучше, какъ, лежа на коврѣ, словно *набабъ* какой, накодахъ плыветъ въ своей лодкѣ на берегъ; словно смѣется надъ нами.

— Это онъ? спросилъ Тирупатти. Въ такомъ случаѣ, я удираю.

— А я остаюсь, сказалъ Тирувалла.

Онъ дѣйствительно остался. Когда накодахъ, выйдя на берегъ, отправился въ городъ, рыбакъ подошелъ къ матросамъ *баггерова* съ нижайшими *селамами*. Узнавъ между матросами того, который опрокинулъ его пирогу въ день пріѣзда, онъ взялъ почтительно его руку.

— Что тебѣ надобно? спросилъ, улыбаясь, арабъ: я, кажется, тебя уже разъ выкупалъ.

— Ба! это было въ шутку, отвѣтилъ Тирувалла: вашъ накодахъ насъ щедро наградилъ за это; Индѣецъ не злопамятенъ.... Если вамъ нужно что-нибудь, то я готовъ къ вашимъ услугамъ.

— Намъ ничего не надо, сказалъ матросъ: завтра вечеромъ мы отправимся.

— Уже? воскликнулъ Тирувалла, поднявъ руки къ небу.

— Накодахъ торопится; его грузъ готовъ, и онъ убралъ свою каюту, какъ палатку шейха.... Должно быть онъ нашелъ въ Алепѣ рѣдкую птицу, что приготовилъ для нея такую красивую клѣтку ...

— Это не касается до насъ, бѣдныхъ рыбаковъ, сказалъ равнодушно Тирувалла. Да пошлетъ вамъ Небо тихое море и благопріятный вѣтеръ!

— *Аллахъ гафитцъ* (да хранитъ васъ Господь)! отвѣтилъ матросъ и побѣжалъ къ своимъ товарищамъ, смѣясь въ душѣ надъ индѣйцемъ, который, казалось, своимъ униженіемъ просилъ у него прощенія въ полученной обидѣ. Тирупатти подошелъ къ своему брату, лишь только увидѣлъ, что онъ одинъ.

— Ступай же, сказалъ ему Тирувалла: неужели ты все еще боишься? Я прощаю твою трусость, но съ условіемъ, что ты поможешь исполненію моей мысли. Если ты согласенъ, я разскажу тебѣ все завтра; жди меня здѣсь.

Хитрый рыбакъ отыскалъ Шерюмаля, честно занимавшагося своею работою. Онъ выжидалъ болѣе часу случая поговорить съ нимъ наединѣ; наконецъ, когда магу отвелъ своего слона въ лѣсъ, гдѣ онъ обыкновенно давалъ ему кормъ, Тирувалла сѣлъ подлѣ него:

— У тебя славный слонъ; я такого огромнаго еще съ роду не видалъ.

На этотъ пошлый комплиментъ, который ему такъ часто дѣлали, Шерюмаль не обернулъ даже головы; онъ чесалъ своимъ желѣзнымъ крючкомъ морщинистую спину слона, который, казалось, принималъ съ удовольствіемъ этотъ особенный родъ ласки.

— На базарѣ, сегодня только и толковъ, что о Субалѣ и его магу, продолжалъ рыбакъ. Знаешь-ли, что́ еще говорятъ?

— Мнѣ некогда освѣдомляться объ этомъ, отвѣтилъ Шерюмаль, который, какъ всѣ трудолюбивые работники, не любилъ праздныхъ пересудовъ.

— Да, время — вещь дорогая, сказалъ Тирувалла; вотъ и у меня цѣлаго дня едва хватаетъ, чтобъ достать себѣ хлѣба. Если я оставилъ свою пирогу и разговариваю съ тобою, такъ это потому, что дѣло до тебя касается, Шерюмаль.

— Базарные толки пустые слухи; глупъ тотъ, кто вѣритъ имъ, сказалъ магу.

— Какъ знать? Если я тебѣ дамъ средство оказать услугу хоро-

шенькой дѣвушкѣ, которая спасла тебя вчера отъ смерти, ты, вѣрно, не скажешь, что это вздоръ.

— Ба! сказалъ Шерюмаль; она вовсе не нуждается во мнѣ....

— Въ такомъ случаѣ, до свиданія, возразилъ Тирувалла: я не буду терять своего времени на чужія дѣла. Бѣдная Маллика! отъ тебя зависило спасти ее!

— Спасти ее.... отъ чего?... спросилъ Шерюмаль съ пылкостію. Она прислала тебя? или ты пришелъ отъ ея отца? Кто ты? Я даже не знаю твоего имени!... Какъ же мнѣ тебѣ повѣрить?

— Тебѣ нѣтъ надобности вѣрить мнѣ на слово; довольно будетъ, если повѣришь своимъ глазалъ. Будь сегодня и завтра, во-время заката солнца, около сада Маллики, такъ и увидишь, полезно-ли ей твое присутствіе!...

Шерюмаль слушалъ еще обоими ушами, но Тирувалла исчезъ. Магу не понималъ смысла его неопредѣленныхъ словъ и не довѣрялъ рыбаку. Послѣдній не сказалъ ничего болѣе, потому-что въ его планахъ было дать разыграться дѣлу какъ можно шире. Тревожимый безпокойствомъ, котораго онъ не могъ преодолѣть, Шерюмаль цѣлый вечеръ бродилъ около сада Маллики, и не открылъ ничего, что могло-бы оправдать его опасенія. Обѣщая себѣ возвратиться на слѣдующій день, онъ не переставалъ думать, что рыбакъ посмѣялся надъ его простотою.

Однако Малликѣ угрожала дѣйствительная опасность, именно—попасть въ сѣти, разставленныя ей Юсюфомъ Али. Въ самый этотъ день арабъ пришелъ въ садъ молодой дѣвушки, не въ полдень, какъ онъ это обыкновенно дѣлалъ, но вечеромъ. Маллика тѣмъ болѣе была рада видѣть его, что она безпокоилась объ его отсутствіи; она бросилась къ нему, лишь только заслышала его приближеніе. Въ своемъ невѣдѣніи, она искренно любила иностранца, нежалѣвшаго для нея подарковъ; ей казалось, что онъ болѣе всѣхъ достоинъ любви, потому—что красивѣе другихъ и лучше одѣтъ. Чѣмъ долженъ былъ казаться ей подлѣ него бѣдный магу Шерюмаль въ своемъ кисейномъ тюрбанѣ и кускѣ бѣлой бумажной матеріи, въ которую онъ укутывался, какъ въ саванъ, ложась спать подъ тѣнь пальмъ? Индѣйца въ ея глазахъ не окружало никакое очарованіе; онъ былъ бѣднякъ, и бѣднякъ всѣмъ извѣстный. Она привыкла даже къ его безусловной покорности. Онъ бросился-бы для нея въ огонь и воду; Маллика это знала и пренебрегала преданностію сердца, которое желало только повиноваться! У Юсюфа, напротивъ, выражалась во взорахъ и во всѣхъ поступкахъ гордость, происходящая отъ смѣлости и привычки повелѣвать. Храбрый и вмѣстѣ осторожный, онъ прокрался къ Малликѣ и

сказалъ ей твердымъ голосомъ: Я ѣду завтра! Молодая дѣвушка смѣшалась при этихъ неожиданныхъ словахъ. Юсюфъ продолжалъ:

— Я ѣду завтра, хочешь-ли послѣдовать за мною? Ты будешь повелительница въ моемъ москатскомъ домѣ, настоящемъ дворцѣ въ сравненіи съ твоею дряхлою хижиною.... Десять невольниковъ будутъ повиноваться твоей волѣ. Ты вѣрно слыхала объ Аравіи, о ея счастливомъ климатѣ? Это рай земный. А еслибы ты видѣла, какое жилище приготовилъ я для тебя на моемъ кораблѣ!...

— А мой отецъ? спросила Маллика, которая, казалось, хотѣла еще противиться обаянію, противъ котораго у нея не было довольно силы бороться.

— Твой отецъ, если захочетъ, пріѣдетъ къ тебѣ.... Въ будущемъ году, въ первое мое путешествіе, я привезу его, или если ты пожелаешь, то сама пріѣдешь за нимъ. Завтра вечеромъ ты должна быть готова?...

— Завтра вечеромъ! отвѣтила Маллика: зачѣмъ же ты меня не предувѣдомилъ ранѣе?

— Мнѣ надо возвратиться на корабль, возразилъ арабъ: я не могу терять ни одной минуты.... Завтра вечеромъ, послѣ заката солнца, я буду здѣсь. Отвѣчай, Маллика, прибавилъ онъ болѣе нѣжнымъ голосомъ: приходить ли мнѣ?

— Приходи! сказала тихо молодая дѣвушка. — И онъ удалился, повторяя про себя: Она моя!

VI.

ЛОДКА И ПИРОГА.

Юсюфъ Али не принадлежалъ къ рыцарской породѣ гренадскихъ мавровъ. Онъ не заботился о томъ, что бѣдная индѣянка, перевезенная въ Москатъ и заключенная между четырехъ стѣнъ гарема, съ пятью или шестью другими ревнивыми женами, будетъ только тосковать о своемъ родномъ садѣ. Онъ ослѣпилъ ее драгоцѣнностями, какъ птицеловъ прельщаетъ жаворонка зеркаломъ и заманиваетъ въ свои сѣти. Молодая, неопытная Маллика попала въ засаду съ легкомысліемъ ребенка, которому хочется нравиться. Она повиновалась непреодолимому влеченію своего сердца, какъ это часто бываетъ съ восточными женщинами, воспитаніе которыхъ въ совершенномъ пренебреженіи. Всю ночь она видѣла во снѣ отъѣздъ, открывавшій ея смущенному воображенію привлекательныя перспективы. Когда настолъ день, ей показалось, что солнце взошло блистательнѣе обыкновеннаго и что цвѣты въ саду благоухаютъ пріятнѣе, чѣмъ всегда.

Взглядъ довѣрчивой нѣжности, обращенный на нее отцемъ, нѣсколько смутилъ ее. Такъ она оставитъ его одного въ этой оградѣ, гдѣ она одна была его отрадою въ продолженіе пятнадцати лѣтъ! Можетъ-быть, онъ умретъ съ печали!... Но арабъ обѣщалъ перевезти его въ свою землю. Значитъ они скоро свидятся. Радость свиданія заставитъ забыть непріятность кратковременной разлуки! Такъ думала Маллика, и украдкой приготовлялась къ отъѣзду.

Съ своей стороны, Юсуфъ былъ готовъ распустить парусъ. Его матросы цѣлый день наполняли мѣха изъ козьихъ кожъ прѣсною водою. Какъ скоро ночь спустилась на землю, накодахъ оставилъ свое судно и сѣлъ въ челнокъ съ двумя гребцами. Онъ вошелъ въ каналъ, чрезъ который внутреннія воды изливаются въ Океанъ, и проѣхалъ городъ Алепо, поднимаясь вверхъ по теченію одного изъ орошающихъ его ручьевъ. Доѣхавъ такимъ-образомъ почти до сада Маллики, онъ приказалъ гребцамъ дожидаться, и отправился по узкимъ тропинкамъ, по которымъ такъ часто проходилъ. Маллика ожидала его въ уединенномъ углу сада; она поняла, что уже болѣе не принадлежала самой-себѣ, и ея первое движеніе было схватить руку иностранца, располагавшаго ея участью. Юсуфъ поспѣшилъ къ своей лодкѣ; онъ увлекалъ тихонько дѣвушку, желая убѣдиться, что она твердо рѣшилась слѣдовать за нимъ. Молодая дѣвушка колебалась съ минуту. Дребежжащій голосъ отца, загонявшаго быковъ, поразилъ ея слухъ; она вздохнула и выронила слезу, — первую въ жизни. Воспоминанія о счастливомъ дѣтствѣ воскресли въ ея сердцѣ; она испугалась и вздрогнула... Какъ бы желая избавиться отъ подавлявшаго ее волненія, Маллика спрятала свою голову на груди Юсуфа, и сдѣлала шагъ впередъ. Она ушла! Опираясь на руку араба, индѣянка шла, не говоря ни слова, едва оставляя на пыли слѣды своихъ босыхъ ножекъ. Вдругъ Юсуфъ остановился; онъ услышалъ шумъ ломаемыхъ вѣтвей, возвѣщавшій приближеніе слона; животное приближалось къ нему, преграждая ему дорогу. Онъ взялъ Маллику на руки, перелѣзъ чрезъ изгородь, отдѣлявшую его отъ сосѣдняго поля, и пустился бѣжать къ своей лодкѣ. Никакой слѣдъ не выдавалъ ихъ: они могли теперь достигнуть *баггерова*, не оставивъ другаго признака своего бѣгства, кромѣ легкой борозды на водѣ, такъ скоро исчезающей послѣ маленькой лодки. Повинуясь знаку своего капитана, матросы гребли съ возможною легкостію и въ самомъ глубокомъ молчаніи. Они даже не подняли глазъ, чтобы взглянуть на молодую женщину, сидѣвшую подлѣ накодаха. Юсуфъ окуталъ ее въ длинное покрывало, и Маллика приняла эту ревнивую предосторожность за особенный знакъ уваженія.

Однако Шерюмаль—ибо это онъ бродилъ съ своимъ слономъ Субалой около сада — замѣтилъ тѣнь, скользнувшую между деревьями. Даже слонъ, въ ту минуту, какъ накодахъ перелѣзалъ черезъ изгородь, повелъ чутко широкими ушами. Встревоженный магу поспѣшилъ рысью къ дому молодой индѣянки и сталъ звать Маллику.

— Кто тамъ? кто спрашиваетъ Маллику? отвѣчалъ старый садовникъ.

— Дома-ли ваша дочь? она съ вами? спросилъ магу.

— Нѣтъ, мой сынъ, возразилъ тихо старикъ: она вѣрно въ какомъ-нибудь углу сада сбираетъ плоды...

Потомъ, вспомнивъ съ безпокойствомъ, что его дочь всегда была дома въ этотъ часъ, онъ сталъ звать взволнованнымъ голосомъ: Маллика! Маллика!...

— Никто не отвѣчаетъ, сказалъ магу: вы видите, что ее нѣтъ здѣсь. О! отецъ мой, что если съ нею случилось какое-нибудь несчастіе!...

Слова эти имѣли на старика дѣйствіе удара палицы; онъ упалъ, повторяя съ рыданіемъ имя свое любимой дочери. Шерюмаль не старался его утѣшить. Не отдавая себѣ отчета въ избранной имъ дорогѣ, онъ прямо отправился на берегъ канала, на то мѣсто, гдѣ онъ ежедневно работалъ съ своимъ слономъ. Лодка араба скользила безъ шума по водѣ, скрытая пальмами. Какъ скоро Шерюмаль услышалъ приближеніе лодки, онъ наклонился впередъ; ему было невозможно узнать и даже примѣтить Маллику подъ закрывавшемъ ее покрываломъ. Съ возрастающимъ безпокойствомъ, слѣдилъ онъ взоромъ за таинственною лодкою и за движеніями своего понятливаго животнаго. На этотъ разъ Субала опять навострилъ уши, и Шерюмаль окликнулъ лодку:

— Маллика, ты здѣсь? Заклинаю тебя именемъ твоего отца, отвѣчай!

Маллика не отвѣтила; но движеніе, сдѣланное закутанною женщиною, чтобъ избѣгнуть взоровъ магу, не было имъ оставлено безъ вниманія. Онъ вогналъ своего слона въ средину канала; вода, раздавшаяся подъ ногами тяжелаго животнаго покрыла лодку, и она чуть не опрокинулась. Матросы такъ сильно налегли на весла, что маленькая лодка пролетѣла, какъ стрѣла; можно было принять ее за летучую рыбу. Въ отчаяніи, что пропустилъ свою добычу, Шерюмаль вышелъ на берегъ, въ намѣреніи выждать арабовъ при входѣ ихъ въ море. Волна, которая пѣнится вдоль всего берега, дѣлаетъ опаснымъ и труднымъ переходъ отъ прѣсной воды къ соленой. Въ ту минуту, какъ пѣнистая волна поднялась во всю свою высоту, испуганная Маллика вскрикнула. Гребцы, опершись на свои весла, выждали, пока волна улеглась, потомъ по-

дали впередъ: бурунъ былъ пройденъ. Тогда Шерюмаль бросился съ своимъ слономъ въ волны. Животное, опустившись по грудь въ море, захватило своимъ хоботомъ лодку, какъ багромъ.

— Остановитесь, или я васъ потоплю, кричалъ магу: не отступай, Субала!

Слонъ не покидалъ добычи. Юсуфъ вскочилъ и остріемъ своего кортика угрожалъ хоботу животнаго.

— Спаси Маллику, мой добрый Субала, вскричалъ Шерюмаль: спаси ее и потопи разбойниковъ!

Субала понялъ слова своего господина; его широкая лапа раздавила, какъ скорлупу орѣха, утлый челнъ, въ то время, какъ онъ своимъ гибкимъ хоботомъ охватывалъ потихоньку дрожащее тѣло Маллики. Онъ поднялъ ее на воздухъ и передалъ въ объятія магу этотъ драгоцѣнный трофей своей побѣды; потомъ онъ вышелъ на берегъ, не обращая вниманія на матросовъ и накодаха, боровшихся съ волнами. Бурунъ скоро выбросилъ на песокъ обломки лодки съ арабами. Два гребца дрожали отъ страха, а Юсуфъ отъ гнѣва. Торопясь вернуться на свое судно, чтобы скрыть тамъ свой стыдъ и свою печаль, Юсуфъ искалъ какую-нибудь пирогу вдоль берега. Два рыбака встрѣтились ему, какъ будто ожидали его на проходѣ. Тирупатти, младшій и самый трусливый изъ двухъ братьевъ, съ ужасомъ увидѣлъ себя такъ близко отъ страшнаго накодаха; но Тирувалла сказалъ ему тихо на ухо: «На этотъ разъ ты не подвергаешься никакой опасности»... Потомъ, обращаясь къ Юсуфу, онъ продолжалъ:

— Накодахъ желаетъ отправиться на свое судно; ему хорошо извѣстно, что наша бѣдная пирога въ дурномъ состояніи....

— Поѣдемъ, сказалъ Юсуфъ: вотъ рупія.

— Накодахъ человѣкъ великодушный, продолжалъ рыбакъ, видѣвшій издали неудачу арабовъ: какое несчастіе, что лодка его разбилась о бурунъ! Окунуться въ воду ничего не значитъ для бѣдныхъ рыбаковъ, привыкшихъ жить въ водѣ; но для васъ, знаменитый накодахъ, это совсѣмъ другое дѣло. Ваше прекрасное платье совершенно испачкано иломъ и грязью... Посмотри-ка, Тирупатти!

Арабы вскочили въ пирогу, которая переправилась черезъ бурунъ съ легкостію пера; четверти часа достаточно было, чтобы привести ихъ здравыми и невредимыми на *баггеровъ*. Пожелавъ Юсуфу и его экипажу счастливаго пути и всякаго благополучія, рыбаки удалились. Когда пирога находилась въ такомъ разстояніи, что ее не могли болѣе видѣть арабы, Тирувалла сдѣлалъ знакъ своему брату, чтобъ онъ пересталъ грести.

— Теперь, сказалъ онъ ему, мы покончимъ съ этими собаками; еще немного терпѣнія, и ты увидишь, боится-ли маленькая рыбка кита. Накодахъ хочетъ отправиться въ эту ночь, а я тебѣ объявляю, что у него не будетъ вѣтра; видишь, какой туманъ поднимается съ берега.

Дѣйствительно, тонкіе пары начинали покрывать землю и распространяться надъ поверхностію воды. На палубѣ *баггерова* раздался тамбуринъ; тяжелый рей поднялся при мѣрныхъ крикахъ экипажа; гигантскій парусъ распустился во всю свою ширину, но немедленно упалъ на вантъ совершенно лишенный вѣтра. Такимъ-образомъ, прошло нѣсколько часовъ; море оставалось спокойно и гладко, какъ озеро. Мало-по-малу, *баггеровъ* повернулся кормою къ берегу; начинался приливъ. Арабы принуждены были остаться еще на день; матросы взлѣзли на рею и стали собирать парусъ. Юсуфъ прогуливался нѣсколько времени по палубѣ; огонь въ его трубкѣ, свѣтясь какъ отдаленная звѣзда, обозначалъ его взорамъ рыбаковъ, непереставшихъ наблюдать. Наконецъ капитанъ ушелъ въ свою каюту, такъ хорошо убранную для пріема Малликн, а экипажъ расположился спать на палубѣ.

Въ эту минуту Тирувалла попробовалъ на ладони лезвее своего остраго ножа, и приказалъ своему брату грести къ *баггерову*. Тирупатти ударилъ нѣсколько разъ веслами и пирога быстро полетѣла; вдругъ онъ увидѣлъ съ удивленіемъ, что Тирувалла бросился въ море, вооруженный своимъ ножемъ. Въ водѣ хитрый рыбакъ спряталъ свою голову подъ волнами; онъ плылъ безъ шума, словно акула. Все приближаясь къ *баггерову*, Тирувалла достигнулъ каната, соединявшаго арабское судно съ его якоремъ. Съ помощію ножа, который онъ употребилъ вмѣсто пилы, онъ перерѣзалъ канатъ, и тяжелое судно пошло по теченію, увлекаемое къ берегу. Индѣйскій рыбакъ возвратился на свой челнъ, показывая пальцемъ своему брату *баггеровъ*, стремившійся къ явной погибели.—Ты видишь, сказалъ онъ, что рано или поздно они должны были заплатить намъ за свою злую шутку. Поѣдемъ за ними потихоньку, чтобы попользоваться крохами, какъ все пойдетъ ко дну.

На этомъ низкомъ и плоскомъ берегу морская волна, ударяясь о землю, поднимается на высоту нѣсколькихъ футовъ и падаетъ потомъ съ шумомъ. Пока *баггеровъ* шелъ по тихому и голубому морю, экипажъ и накодахъ Юсуфъ не примѣчали угрожающей имъ опасности. Вскорѣ однако судно коснулось мели. Арабы проснулись, вскочили испуганные, не понимая сначала причины страшнаго толчка, которымъ сбросило рей на палубу. Рей увлекъ за собою огромный парусъ. Подъ этою двойною тяжестью, павшею на одинъ бокъ, судно покачнулось и врѣзалось въ песокъ; бурунъ нахлынулъ съ силою на *баггеровъ*. На

палубѣ произошло страшное смятеніе; раненные матросы испускали жалобные крики, и тѣ, которые слышали ихъ съ берега, не понимали опасности, чтобы подать имъ дѣйствительную помощь. Въ такую минуту, хладнокровіе и опытность капитана могутъ спасти судно. Къ несчастію, Юсуфъ находился еще въ болѣе критическомъ положеніи, нежели его матросы. Застигнутый въ своей каютѣ водою, нахлынувшею на корму *баггерова*, онъ былъ отброшенъ на ютъ. Съ проломленною головой, едва не задушенный водою, онъ старался открыть дверь каюты и выйти на палубу. Дверь вдругъ уступила усилію посторонней руки, и онъ увидѣлъ передъ собою радостное лицо Тирувалы.

— Это я, сказалъ индѣецъ съ звѣрскою улыбкою: твои деньги, твои сокровища! Давай скорѣе, или я тебя убью!

Юсуфъ бросилъ на рыбака пламенный взглядъ, въ которомъ выражались вмѣстѣ злость и презрѣніе.

— Время не терпитъ; ты видишь, что твой *баггеровъ* ломаетъ въ куски, продолжалъ Тирувалла: отдай мнѣ деньги и я спасу тебя.

Время дѣйствительно было дорого. Индѣецъ исчислялъ жаднымъ взоромъ, сколько минутъ разбитое судно могло еще просуществовать. Вмѣсто всякаго отвѣта, накодахъ бросился на рыбака; въ рукѣ его блеснулъ кинжалъ съ загнутымъ лезвіемъ. Борьба длилась секунду. Оба врага, крѣпко сцѣпившись, упали на дно каюты, вполовину затопленной водою. Они наносили страшные удары въ темнотѣ; индѣецъ старался вырваться и бѣжать; но арабъ, подобно умирающему льву, который давитъ своею лапою опрокинутаго охотника, не переставалъ ударять его своимъ оружіемъ. Эта смертельная борьба кончилась только тогда, какъ сильный толчекъ потрясъ все судно, и кормовая часть съ трескомъ разлетѣлась въ куски. При отливѣ, погибшее судно осталось на сушѣ; арабскій экипажъ бо́льшею частію спасся, но Юсуфа не было видно. Тирупатти, высадившій своего брата на *баггеровъ*, также напрасно ждалъ его до разсвѣта. Видя, что онъ не возвращается съ добычею, которую долженъ былъ принести, благоразумный рыбакъ вышелъ въ открытое море. Единственный наслѣдникъ пироги и новыхъ сѣтей, купленныхъ въ Алепѣ, Тирупатти возвратился въ свою деревню и принялся тамъ за старое ремесло. Онъ навсегда отказался отъ опаснаго промысла, къ которому хотѣлъ его пріучить братъ и которое нисколько не согласовалось съ его честной натурой и робкимъ характеромъ.

—

VII.

ТОЛКИ НА БАЗАРѢ.

Послѣ отъѣзда Шерюмаля, старый садовникъ, опять началъ кликать свою дочь. Съ лампою въ рукѣ, онъ бѣгалъ между кокосами и рылся въ кустарникахъ, какъ скупецъ, потерявшій свое сокровище. Слезы текли по его сѣдой бородѣ, несвязныя слова срывались съ языка. Онъ похожъ былъ на сумасшедшаго; однако ни его странные жесты, ни его смѣшная суетливость не вызвали бы улыбки на лицо прохожаго, потому-что слезы этого сумасшедшаго слишкомъ сильно говорили сердцу. Правда, живая скорбь была непродолжительна. Онъ наконецъ закрылъ лицо руками, и опершись локтями о колѣнки, застылъ въ этомъ положеніи на своемъ порогѣ. Только вѣтеръ игралъ разстрепанными сѣдыми прядями его неподвижной головы. Гордый своей ношею, слонъ Субала между-тѣмъ возвращался величественно по пустыннымъ тропинкамъ, съ прекрасною Малликою, вырванною изъ рукъ похитителя. Шерюмаль былъ счастливъ, что могъ возвратить ее отцу и тѣмъ заплатить свой долгъ благодарности. Онъ держалъ ее передъ собою на шеѣ слона, не спрашивая объ опасностяхъ, которымъ она подвергалась. Внимательною рукою онъ отстранялъ вѣтви деревьевъ, которыя могли ее задѣть, и уважалъ ея горе. Любовь его была слишкомъ глубока, чтобъ онъ рѣшился заговорить о ней въ такую минуту. Ему почти было стыдно, что Маллика сидѣла предъ нимъ, потупивъ глаза, безоружная, безъ словъ, тогда, какъ прежде такъ часто забавлялась его смущеніемъ и уничтожала его своими выходками. Когда онъ замѣтилъ издали старика, который, поставивъ лампу на край колодца, и ярко ею освѣщенный, все еще сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ, Шерюмаль наклонился къ молодой дѣвушкѣ.

— Маллика, сказалъ онъ, подними голову: начни говорить, чтобы твой отецъ могъ услышать звукъ твоего голоса!

Молодая дѣвушка, какъ бы пробужденная отъ сна, поднялась медленно. — Ты спасена, Маллика, продолжалъ магу: это я! Не бойся ничего, я отнялъ тебя изъ рукъ похитителей...

— А кто тебѣ сказалъ, что меня насильно похитили? возразила молодая дѣвушка съ тономъ упрека.

Бѣдный Шерюмаль не ожидалъ такого отвѣта; онъ понялъ, что съ этого времени Маллика должна была его ненавидѣть, за то, что онъ такъ неловко вмѣшался въ дѣло, до него не касавшееся. Вся скорбь, отъ которой онъ избавлялъ старика, пала на его собственное сердце.

Однакожъ въ немъ оставалось сознаніе добраго дѣла и онъ не слишкомъ раскаявался въ своемъ неумѣстномъ рвеніи.

— Отецъ мой, сказалъ онъ старику: вотъ ваша дочь; попросите ее простить мнѣ... я думалъ, что поступилъ... хорошо.

Старый садовникъ предался порыву безпредѣльной радости и не понялъ смысла этихъ словъ. Онъ плакалъ и смѣялся въ тоже время и ласкалъ свое безцѣнное дитя. — Сойди съ слона, кричалъ онъ удалявшемуся Шерюмалю! поди сюда, мой добрый Шерюмаль! Теперь очередь Малликѣ поблагодарить тебя... Ты мнѣ возвратилъ жизнь, магу; все, что принадлежитъ мнѣ, отнынѣ твое!

Но индѣецъ изчезъ въ темнотѣ, не отвѣтивъ ни слова.

На слѣдующій день, много толковали въ Алепѣ о погибели *баггерова*. Одни говорили, что накодахъ неправильнымъ маневромъ направилъ свое судно на берегъ; другіе полагали, что экипажъ взбунтовался, зарѣзалъ своего капитана и погубилъ судно, съ цѣлію изгладить всякій слѣдъ преступленія. Нѣкоторыя кумушки утверждали даже, что накодахъ не умеръ, что видѣли, какъ онъ несся въ галопъ въ сторону Кошина, на крылатой лошади, держа въ своихъ объятіяхъ прекрасную дѣвушку, похищенную изъ Алепо. Такимъ-образомъ, изъ каждаго элемента, послужившаго къ развязкѣ этой таинственной драмы, общественная молва составляла ложную и неправдоподобную исторію. Эти слухи скоро достигли Маллика со всѣми комментаріями; она не сказала ни слова: она знала, что равнодушный и болтливый міръ очень мало расположенъ извинить минутное заблужденіе. Въ-продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ она оставалась въ своемъ саду, проводила дни въ обычной работѣ и въ заботахъ объ отцѣ. Старикъ, который не подозрѣвалъ, что дочь его уступила глупому увлеченію, часто говорилъ ей о печали и скукѣ, которая господствуетъ въ гаремахъ арабовъ. Слова его имѣли сильное дѣйствіе на Маллику; она знала, что они искренни и сказаны безъ намѣренія. Мало-помалу, молодая дѣвушка спросила самое себя, не скрывали-ли гордые пріемы очаровавшаго ее иностранца эгоизмъ и тщеславіе, вмѣсто преданности и любви? Этотъ вопросъ, она обѣщала себѣ объяснить, когда накодахъ возвратится въ Алепо. На слѣдующій годъ, какъ онъ не являлся въ обычную пору, она подумала, что онъ ее забылъ и навсегда покинулъ. Что касается до извѣстія объ его смерти, Маллика не могла этому вѣрить; ревнивое сердце ея вѣрило только разсказу, который представлялъ Юсуфа скачущимъ съ похищенною женщиною. Такимъ образомъ, съ помощію размышленія, исчезло сожалѣніе, а ревность изгладила послѣднее чувство. Дочь садовника призналась въ своемъ легкомысліи отцу.

Съ своей сторны, магу Шерюмаль не выдалъ тайны, которая отчасти касалась и его. Могъ-ли онъ открыть обстоятельства бѣгства Маллики, не показавъ, что въ этотъ вечеръ онъ игралъ роль одураченнаго? Къ тому же, честный магу не былъ изъ тѣхъ людей, которые мстятъ за насмѣшки молодой дѣвушки измѣною. Хотя Маллика часто принимала его дурно и оттолкнула съ жестокостію въ послѣдній день, онъ не переставалъ думать о ней. Съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ ее болѣе не видѣлъ, печаль овладѣла его сердцемъ, а Субала часто обнаруживалъ припадки дурнаго расположенія.

Разъ, проѣзжая недалеко отъ дома стараго садовника, Шерюмаль задумался такъ, что не видѣлъ, какъ слонъ незамѣтно приблизился къ саду, и увидѣвъ Маллику, остановился, чтобы сдѣлать ей *селамъ*.

— Субала, сказала въ полголоса Маллика: ты меня спасъ отъ большой опасности, но не тебѣ одному я благодарна....

Шерюмаль открылъ глаза и поднялъ голову, подобно птицѣ, разбуженной дневнымъ свѣтомъ: онъ увидѣлъ, что у Маллики на шеѣ коралловое ожерелье.

— Такъ ты меня простила? спросилъ онъ поспѣшно.

— Батюшка, сказала молодая дѣвушка, призывая стараго садовника: посмотри, посмотри, какой чудакъ Шерюмаль; онъ не смѣетъ смотрѣть мнѣ прямо въ глаза, все боится, чтобы я его не околдовала.

— А! магу! вскричалъ старикъ: въ твои лѣта я былъ смѣлѣе! Что до колдовства, то самое сильное заключается въ двухъ прекрасныхъ глазахъ, потому-что они могутъ излечить зло, которое сдѣлали. Подойди ближе.... Ты видишь, что тебя Маллика простила за услугу, которую ты ей оказалъ!...

Съ этого дня къ магу возвратилась его веселость, и Субала пересталъ капризничать. Если случайно вы будете въ Алепо, то, конечно, замѣтите прекраснаго слона, который превосходно дѣлаетъ поклоны: это тотъ самый Субала. Когда въ каравансераѣ алепскомъ останавливаются знатные иностранцы, онъ является, ведомый Шерюмалемъ, веселое лицо котораго не сохранило слѣдовъ прошедшихъ страданій. По знаку своего хозяина, послушное животное поднимаетъ и сажаетъ верхомъ на свой хоботъ двухъ или трехъ ребятишекъ, которые, повидимому, играютъ съ нимъ, какъ съ другомъ. Покачавъ ихъ осторожно въ воздухѣ, онъ передаетъ одного за другимъ въ объятія ихъ матери, которая смотритъ съ любовію на малютокъ и съ благодарностію на слона. — Мать эта — прекрасная Маллика.

Rv. d. d. Md.

ИСТОРІЯ И ТЕОРІЯ ИСКУССТВА.

ШОПЕНЪ.

СТАТЬЯ ФРАНЦА ЛИСТА.

—

Какъ-бы ни сожалѣли о *немъ* и артисты, и всѣ, кто зналъ его, однакожъ намъ позволительно сомнѣваться, что уже настало время, въ которое, оцѣненный по достоинству, онъ займетъ высокое мѣсто, вѣроятно, уготованное ему въ будущемъ.

Какъ-бы молодыя поколѣнія артистовъ не возставали противъ запоздалыхъ, привыкшихъ унижать живыхъ мертвыми авторитетами, однакожъ, въ музыкѣ, какъ и во всѣхъ другихъ искусствахъ, иногда одно только время обнаруживаетъ всю красоту и всю заслугу произведеній.

Многообразныя формы искусства суть не иное что, какъ заклинанія, которыя должны вызывать чувства и страсти, дѣлать ихъ осязательными, сообщать имъ трепетъ; поэтому геній обнаруживается изобрѣтеніемъ новыхъ формъ, приноровляемыхъ иногда къ чувствованіямъ, еще не являвшимся въ волшебномъ кругу. Можно-ли надѣяться, что въ тѣхъ искусствахъ, гдѣ чувствованіе связано съ ощущеніемъ безъ посредства мысли и размышленія, одно введеніе новыхъ формъ и образовъ уже не есть преграда немедленному уразумѣнію произведенія?... Удивленіе,

даже усталость, причиняемыя странностью пробуждаемыхъ имъ впечатлѣній, не бываютъ-ли причиною, что такое произведеніе кажется большинству какъ-будто написаннымъ на незнакомъ языкѣ и, отъ того самаго, сначала дикимъ?... Уже одна мысль, что къ нему должно пріучить ухо, отталкиваетъ отъ него многихъ, упорно избѣгающихъ послѣдовательнаго изученія. Только самыя живыя и молодыя организаціи, менѣе скованныя привычкой, сперва изъ любопытства, а потомъ по страсти берутся за новый идіомъ; черезъ нихъ-то онъ проникнетъ далѣе, и овладѣваетъ упорными областями публики, которая напослѣдокъ начинаетъ понимать его смыслъ, значеніе, устройство и отдаетъ справедливость его достоинствамъ или богатствамъ. По этому-то музыкантамъ, не подчиняющимся условной рутинѣ, болѣе нежели прочимъ артистамъ необходима помощь времени. Они даже не могутъ надѣяться, что смерть на мгновенье увеличитъ цѣну ихъ труда, какъ это случается съ живописцами, и никто изъ музыкантовъ не могъ-бы возобновить, въ пользу своихъ рукописей, уловку того великаго фламандскаго мастера, который вздумалъ при жизни извлечь пользу изъ своей будущей славы, поручивъ женѣ распустить слухъ о своей смерти, чтобы дороже продать картины, висѣвшія въ мастерской.

Какова-бы ни была популярность нѣкоторыхъ произведеній того, чья жизнь задолго до кончины сокрушилась отъ страданій, должно однакожъ предполагать, что потомство будетъ судить объ его сочиненіяхъ не такъ поверхностно, какъ современники. Будущіе историки музыки отдѣлятъ въ ней должную, и большую, часть тому, кто обозначился столь рѣдкимъ мелодическимъ геніемъ, столь счастливымъ и замѣчательнымъ расширеніемъ гармонической ткани, что его завоеванія будутъ, по справедливости, предпочтены многимъ произведеніямъ, обширнѣйшимъ своею поверхностью, играннымъ и переигранным множествомъ инструментовъ, пѣтымъ и перепѣтымъ множествомъ примадоннъ.

Замкнувъ свой талантъ исключительно въ рамку фортепьяно, Шопенъ, по нашему мнѣнію, доказалъ самое существенное достоинство писателя: вѣрную оцѣнку формы, въ которой онъ назначилъ себѣ отличиться; по-крайней-мѣрѣ, это обстоятельство, вмѣняемое ему въ серьозную заслугу, повредило его славѣ. Едва-ли другой, владѣющій столь высокими средствами мелодіи и гармоніи, устоялъ-бы отъ искушеній, представляемыхъ пѣньемъ смычка, протяжною томностью флейты, оглушительными звуками трубы, до-сихъ-поръ упрямо признаваемой за единственную вѣстницу древней богини, у которой мы просимъ неожиданной милости. Какое разсудительное убѣжденіе необходимо было ему, чтобы ограничить себя кругомъ, повидимому безплоднымъ, и геніемъ своимъ заставить расцвѣ-

сти въ немъ то, что, казалось, не могло развернуться на этой почвѣ? Сколько сознательной проницательности обнаруживается въ этомъ исключительномъ выборѣ, который, вырывая различные инструментальные эффекты изъ постоянной ихъ области, затопленной шумомъ, переносилъ ихъ въ сферу, болѣе-сжатую и болѣе-идеальную! Сколько довѣрія въ будущность своего инструмента должно было присутствовать при этомъ добровольномъ отреченіи отъ эмпиризма, до того распространившагося, что другой счелъ-бы за нелѣпость отнимать столь великія мысли у постоянныхъ ихъ истолкователей! Какъ часто мы должны сердечно удивляться этому единственному занятію прекраснымъ для прекраснаго, которое отклонило талантъ Шопена отъ общей страсти дробить каждый лоскутокъ мелодіи между сотнею пюпитровъ и заставило его увеличивать средства искусства, сосредоточивая ихъ на мѣньшемъ пространствѣ!

Не добиваясь трескотни оркестра, Шопенъ удовольствовался полнымъ воспроизведеніемъ своей мысли на кости клавитуры, и поставилъ себѣ цѣлью — придать ей всю должную энергію, безъ притязаній на эффекты ансамбля и на кисть декоратора. Въ наше время еще не обсудили серьозно и внимательно цѣну рисунковъ нѣжной кисти Шопена, потому-что привыкли считать тѣхъ только композиторовъ за достойныхъ громкаго имени, которые оставили по себѣ по-крайней-мѣрѣ полдюжины оперъ, столько же ораторій и нѣсколько симфоній, требующихъ отъ каждаго музыканта, чтобы онъ дѣлалъ все, и даже немножко больше, нежели все. Справедливость такого мнѣнія, хотя общепринятаго, очень загадочна. Мы вовсе не возстаемъ противу славы, пріобрѣтаемой большимъ трудомъ, и противу дѣйствительнаго превосходства эпическихъ поэтовъ, развивавшихъ на обширномъ планѣ свои роскошныя созданія; но мы желали-бы, чтобы къ музыкѣ примѣняли оцѣнку, принятую для матеріальныхъ размѣровъ въ другихъ отрасляхъ изящныхъ искусствъ, оцѣнку, которая, напримѣръ, въ живописи ставитъ крошечную картину Рюйсдаля, *Кладбище,* написанную на двадцати квадратныхъ дюймахъ, выше многихъ огромныхъ картинъ, хотя-бы онѣ были писаны Рубенсомъ или Тинторетомъ. Развѣ не *сонетамъ* Петрарка обязанъ своею славой, а многіе-ли, изъ самыхъ ревностныхъ почитателей его благоуханной поэзіи, знаютъ о существованіи его поэмы.... *Африка?* Не сомнѣваемся, что предразсудокъ, который оспариваетъ у артиста, писавшаго сонаты въ родѣ шубертовыхъ, преимущество надъ тѣмъ или другимъ композиторомъ, плодившимъ вялыя мелодіи въ дюжинѣ оперъ, постепенно исчезнетъ, и что наконецъ и въ музыкѣ, особенно въ мелкихъ произведеніяхъ, обратятъ вниманіе на краснорѣчіе и талантъ, съ которыми будутъ выражаться мысли и чувства, каковы-бы, впрочемъ,

не были пространство и средства, употребленныя для ихъ истолкованія.

Внимательно разбирая сочиненія Шопена, находишь въ нихъ красоты первокласныя, выраженія совершенно новыя и гармоническія сочетанія, столь же оригинальныя, какъ ученыя. У него, смѣлость всегда оправдана; богатство, даже излишество, не исключаетъ ясности; странное не переходитъ въ уродливость; рѣзьба подчинена условіямъ порядка, и роскошь орнаментовъ не обременяетъ изящества главныхъ линій. Лучшія пьесы его изобилуютъ соображеніями, можно сказать, составляющими эпоху въ механизмѣ музыкальнаго стиля. Смѣлыя, блестящія, увлекательныя, онѣ скрываютъ свою глубину подъ такою граціей, и ловкость подъ такою прелестью, что едва можешь воздержаться отъ ихъ увлекательности, чтобы хладнокровно обсуживать ихъ съ теоретической точки зрѣнія.

Шопену обязаны мы этою растяжимостью аккордовъ, ровныхъ или въ арпеджахъ, хроматическими или энгармоническими излучинами, поразительные примѣры которыхъ встрѣчаются на его страницахъ; этими маленькими группами нотъ, подающихъ подобно капелькамъ разноцвѣтной росы на мелодическую фигуру. Онъ далъ этому наряду, для котораго брали образцы только съ *фіоритуръ* старинной школы италіянскаго пѣнія, неожиданность и разнообразіе; изобрѣлъ удивительныя гармоническія прогрессіи, придавшія серьозный характеръ даже тѣмъ страницамъ, которыя, по легкости своего сюжета, кажется, и не доджны были имѣть притязаній на такую важность. Но какое дѣло до сюжета? Развѣ онъ возвышается, облагораживается и увеличивается не отъ мысли, которую извлекаютъ изъ него, не отъ ощущеній, которыхъ трепетъ возбуждаетъ въ немъ артистъ? Сколько задумчивости, остроумія, проницательности и, особенно, *искусства* въ образцовыхъ созданіяхъ Лафонтена, написанныхъ на обыкновенные *сюжеты* и съ такими скромными заглавіями! Названія *эпизодовъ* и *прелюдій* такъ же точно просты; однакожъ пьесы Шопена, вышедшія подъ этими заглавіями, тѣмъ не менѣе останутся типами совершенства, въ созданномъ имъ родѣ, обнаруживающемъ, какъ и всѣ его сочиненія, характеръ его поэтическаго генія. Пьесы эти, написанныя въ одинъ пріемъ, запечатлѣны юношескимъ жаромъ, который охлаждается въ многихъ послѣдующихъ его сочиненіяхъ, выработанныхъ, доконченныхъ, обдуманныхъ, и совершенно пропадаетъ въ послѣднихъ его произведеніяхъ, написанныхъ подъ вліяніемъ раздраженной чувствительности, которая какъ-будто истощилась.

Еслибъ намъ должно было говорить здѣсь школьными терминами о развитіи фортепьянной музыки, мы раздробили-бы эти богатыя страницы,

представляющія столь обильную жатву наблюденіямъ, и помѣстили бы, на первой линіи *ноттурны*, *баллады*, impromptu, scherzo, исполненныя столь же неожиданныхъ, какъ неслыханныхъ гармоническихъ тонкостей, которыя также находятся и въ его *польскихъ*, *мазуркахъ*, *вальсахъ*, *болеро*. Но здѣсь не мѣсто подобному труду, занимательному только адептамъ контра-пункты и генералъ-баса.

Произведенія Шопена обязаны своею популярностью переполняющему ихъ чувству, въ высшей степени романтическому, личному чувству автора, и однакожъ симпатизирующему съ каждымъ, кого трогаютъ нѣга и слезы любви.

Шопенъ, не довольствуясь рамками, которыхъ очерки, такъ счастливо избранные, зависѣли совершенно отъ него, захотѣлъ, въ тоже время, включить свою мысль въ классическіе предѣлы. Онъ писалъ прекрасные *концерты* и прекрасныя *сонаты;* но, во всякомъ случаѣ, въ этихъ произведеніяхъ не трудно замѣтить болѣе воли, нежели вдохновенія, — а воля его была настойчивая, странная, необдуманная, и онъ насиловалъ своей геній всякій разъ, когда пытался подчинить его правиламъ, классификаціи, порядку, чуждымъ ему, и несогласнымъ съ требованіями его ума, одного изъ тѣхъ умовъ, которыхъ прелесть проявлятся особенно тамъ, гдѣ они, кажется, несутся по-вѣтру.

Можетъ-быть, Шопенъ увлекся двойнымъ успѣхомъ поэта, который, подаривъ своей литературѣ фантастическую поэму и романтическія баллады, въ 1818 году создалъ новую школу, и потомъ доказалъ, что онъ такъ же умѣлъ торжествовать надъ трудностями, которыя представляла вдохновенію классическая форма, и былъ властелиномъ своей мысли, когда брался за лиру старинныхъ поэтовъ. Шопенъ, съ такими же попытками, по нашему мнѣнію, успѣлъ не вполнѣ. Онъ не могъ удержать въ угловатой и жесткой выкройкѣ волнистый контуръ, составляющій прелесть его мысли; не могъ замкнуть облачную и растушеванную неопредѣленность, которая, сглаживая всѣ рѣзкія черты формы, драпируетъ ее длинными складками, какъ хлопьями тумана, подобными тѣмъ, которыми были окружены феи Оссіана, когда ихъ нѣжный профиль показывался въ изгибахъ облаковъ передъ взорами смертныхъ.

Однакожъ эти опыты блестятъ рѣдкою красотою стиля и заключаютъ въ себѣ мѣста, исполненныя высокаго интереса, отрывки, поражающіе величіемъ. Для примѣра, приведемъ *адажіо* втораго *Концерта*, которое замѣтно нравилось самому композитору и которое онъ игралъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Обрисовка подробностей здѣсь принадлежитъ къ самой счастливой манерѣ автора, и главная фраза въ пьесѣ изумляетъ своею широтою

Вся эта пьеса идеалъ совершенства; чувство въ ней, то лучезарно, то полно грусти. Она заставляетъ мечтать о великолѣпномъ пейзажѣ, облитомъ солнечными лучами, о какой-то счастливой Темпейской долинѣ, въ которую композиторъ помѣстилъ плачевный разсказъ, печальную сцену. Кажется, будто неисцѣлимая скорбь овладѣваетъ поэтомъ въ присутствіи этой роскошной природы. Контрастъ поддерживается сліяніемъ тоновъ, постепеннымъ смягченіемъ оттѣнковъ, такъ, что никакой толчекъ, никакая неожиданность не производятъ диссонанса въ потрясающемъ впечатлѣніи, которое, въ одно и тоже время, заставляетъ радость призадуматься и печаль — улыбнуться.

Глухой гнѣвъ, подавленная досада встрѣчаются во многихъ пассажахъ произведеній Шопена, и многихъ его *этюдахъ*, также, какъ его scherzo рисуютъ сосредоточенную раздражительность, надъ которою носится отчаяніе, то ироническое, то высокомѣрное. Эти мрачные припадки его музы болѣе проходили незамѣченными и менѣе были понимаемы, нежели поэмы, написанныя нѣжнѣйшимъ колоритомъ, — чему способствовалъ и личный характеръ Шопена. Снисходительный, привѣтливый, сговорчивый, всегда въ ровномъ и пріятномъ расположеніи духа, онъ не обнаруживалъ тайныхъ судорогъ, волновавшихъ его сердце. Не легко было уловить такой характеръ, состоявшій изъ тысячи оттѣнковъ, которые скрывались одни подъ другими, и съ перваго взгляда казавшійся загадкою.

Слабая и болѣзненная организація не позволяла Шопену энергически выражать свои страсти, и онъ дѣлился съ друзьями только сладостнымъ и нѣжнымъ. Въ тѣснотѣ большихъ городовъ, гдѣ каждый занятъ своимъ дѣломъ, гдѣ ни у кого нѣтъ времени разгадывать чужую судьбу, гдѣ о каждомъ судятъ по его внѣшней дѣятельности, безъ сомнѣнія, не многіе углубляются далѣе поверхности характеровъ. Но приближенные къ Шопену, бывшіе съ нимъ въ частыхъ сношеніяхъ, замѣчали въ немъ, по временамъ, нетерпѣніе и досаду. Будучи слишкомъ слабъ, чтобы передавать это нетерпѣніе энергіей своей игры, онъ вознаграждалъ себя, повѣряя его бумагѣ, и любилъ слушать, когда другіе съ силою и выраженіемъ исполняли его пьесы, на которыхъ всплываетъ горесть человѣка, снѣдаемаго глубокою раной, какъ около нарядnаго фрегата, готоваго идти ко дну, всплываютъ обломки его боковъ, отрываемыхъ волнами.

Впечатлѣнія этого рода были тѣмъ важнѣе въ жизни Шопена, что они чувствительно проявились и въ его сочиненіяхъ. Мало-по-малу они перешли въ какую-то болѣзненную вспыльчивость, которая, достигнувъ лихорадочнаго трепета, произвела складъ мысль, замѣчаемый въ послѣд-

нихъ его произведеніяхъ. Мелодія его сдѣлалась безпокойною, нервическая и тревожная чувствительность повела къ упрямымъ мотивамъ, тягостнымъ, какъ зрѣлище мученій, происходящихъ отъ душевныхъ или тѣлесныхъ болѣзней, изцѣляемыхъ только смертью. Шопенъ страдалъ одною изъ такихъ болѣзней; усиливаясь съ каждымъ годомъ, она похитила его въ цвѣтѣ лѣтъ, и въ произведеніяхъ, о которыхъ мы говоримъ, видны слѣды разрушительныхъ страданій, какъ на прекрасномъ тѣлѣ видны слѣды когтей хищной птицы.

Эти аберраціи чувства, никогда, однакожъ, не уменьшающія красотъ гармонической основы, а напротивъ еще дѣлающія ее любопытною для изученія, рѣдко встрѣчаются въ пьесахъ Шопена, наиболѣе извѣстныхъ, и наиболѣе нравящихся большинству. Хотя *польскіе* Шопена, по трудности ихъ исполненія, не пользуются успѣхомъ, котораго заслуживали бы, однакожъ принадлежатъ къ прекраснѣйшимъ его вдохновеніямъ; они нисколько не напоминаютъ жеманныхъ и нарумяненныхъ *польскихъ* à la Помпадуръ, играемыхъ бальными оркестрами, виртуозами въ концертахъ, и внесенныхъ въ репертуаръ салонной музыки.

Первоначальный характеръ *польскаго* теперь трудно угадать: до такой степени онъ переродился. Притомъ же, большая часть народныхъ танцевъ теряютъ свою оригинальность, когда свойственная имъ одежда имъ выходитъ изъ употребленія. *Польскій* проходятъ теперь безъ всякихъ быстрыхъ движеній, безъ *па* — въ хореграфическомъ смыслѣ слова; онъ обратился въ простую, кругообразную прогулку. По какому-то рѣдкому исключенію, танецъ этотъ былъ назначенъ для того, чтобы выставлять преимущественно мужчинъ, и выказывать ихъ ловкіе пріемы.

Этимъ танцемъ хозяинъ дома открывалъ каждый балъ, выбирая, не самую красивую, но наиболѣе уважаемую даму. За хозяиномъ слѣдовали прочіе, по степени ихъ важности и значенія. Прежде, проходить польскій было гораздо труднѣе, нежели теперь. Кавалеръ первой пары долженъ былъ водить шествіе безчисленными излучинами, по множеству комнатъ, до самыхъ отдаленныхъ галлерей, иногда даже въ садъ и боскеты, куда музыка долетала слабымъ эхомъ. Послѣ того, какъ хозяинъ уже отдалъ дань гостепріимству, открывъ балъ, каждый изъ гостей имѣлъ право замѣнять его и идти съ его дамой. Такимъ-образомъ, дамы, перемѣняя своего кавалера всякій разъ, какъ новый танцоръ просилъ чести вести первую изъ нихъ, поочередно становились въ первую пару; между-тѣмъ часто случалось, что кавалеръ, открывшій шествіе, занималъ въ немъ послѣднее мѣсто, а иногда и вовсе выходилъ изъ танца, прежде его окончанія.

Кавалеръ, занявшій мѣсто въ главѣ колонны, старался превзойти своихъ предшественниковъ замысловатостью изворотовъ, которые, ограничиваясь одною залой, еще могли ясно обозначиться, и рисовали граціозныя арабески и даже цифры! Дамы и всѣ, которымъ оставалось только слѣдовать данному направленію, должны были, не влачить шаги по полу, но идти въ-ладъ, мѣрно, и гармонически покачиваться всѣмъ тѣломъ. Пары не торопились смѣнять одна другую, но скользили, подобно лебедямъ по рѣкѣ, какъ-будто невидимая влага приподнимала и опускала ихъ гибкія таліи. Мужчина подавалъ дамѣ то одну, то другую руку, то едва касаясь кончиковъ пальцевъ, то сжимая ее цѣлою ладонью; переходилъ направо и налѣво, не оставляя однакоже своей дамы, и эти движенія, подражаемыя каждою парой, пробѣгали, какъ дрожь, гигантской змѣи. Кавалеръ, повидимому, озабоченный этими многочисленными маневрами, находилъ, однакожъ, время наклониться къ своей дамѣ, и пользовался удобными мгновеньями, чтобы шепнуть ей любезность, если она была молода, и любопытную новость, если дама уже вышла изъ тѣхъ лѣтъ, для которыхъ существуютъ нѣжныя признанія.

Первоначальная музыка польскихъ, судя по ея образчикамъ, восходящимъ не далѣе какъ за одно столѣтіе, не имѣетъ большой цѣны для искусства. Характеръ этой музыки совершенно измѣнился, и уже въ польскихъ Липинскаго мелодія начинаетъ обрисовываться болѣе и болѣе, распространяя ароматъ молодости и любви. Мейзедеръ придалъ польскимъ очаровательную увлекательность концертной музыки. Подражатели его затопили насъ пьесами, которыя, подъ названіемъ *полонезовъ*, вовсе уклонились отъ прежняго стиля.

Геніальный человѣкъ — Веберъ возвратилъ этотъ стиль. Веберъ, принимаясь за какой-бы ни было сюжетъ, выжималъ изъ него, какъ сокъ, всю поэзію, и овладѣвалъ мыслью, такъ полновластно, что, послѣ него, трудно было приступить къ ней, въ надеждѣ произвести такой же эффектъ. Однакоже, Шопенъ превзошелъ его въ этомъ вдохновеніи, столько же числомъ и разнообразіемъ сочиненій въ этомъ родѣ, какъ и новостью гармоніи. Его польскіе въ la и la-bémol majeur наиболѣе приближаются, по направленію, къ веберову польскому въ mi-majeur. Шопенъ развивалъ эту тему иначе, — всегда ли счастливѣе — вопросъ щекотливый въ подобномъ дѣлѣ. Можно ли стѣснять права поэта на разныя стороны избираемыхъ имъ сюжетовъ? Развѣ не позволено поэту веселиться, когда другіе скорбятъ, и быть мрачнымъ посреди всеобщаго ликованья?

Самый замѣчательный и наиглубже задуманный польскій Шопена —

Ronde Polonaise въ fa-diéze mineur, вставленный въ мазурку: геніальный капризъ бала.

Въ *польскомъ-фантазіи*, принадлежащемъ къ послѣднему періоду сочиненій Шопена, и написанномъ подъ вліяніемъ какой-то болѣзненной тоски, нѣтъ никакого слѣда роскошныхъ картинъ.

—

Мазурки Шопена, относительно выраженія, значительно отличаются отъ его *польскихъ*. Въ нихъ совершенно иной характеръ; это другая средина, въ которой нѣжные, блѣдные и измѣняющіеся оттѣнки замѣняютъ богатый колоритъ. Въ мазуркахъ впечатлѣніе чисто индивидуальное; женскій и женственный элементъ, вмѣсто того, чтобы скрываться въ таинственную полутѣнь, является на первомъ планѣ, и получаетъ столь большое значеніе, что другіе исчезаютъ, уступая ему мѣсто, или, по-крайней-мѣрѣ, служатъ ему только аккомпанементомъ.

Удовольствіе всегда отравляеся грустью. Народные напѣвы модулируютъ это и въ музыкѣ и въ словахъ, почти всегда присоединяемыхъ къ ней, и воспроизводятъ контрастъ этого страннаго и привлекательнаго эффекта, возбуждаемаго, въ дѣйствительности, потребностью *развлеченія въ горѣ*, которая заставляетъ искать очаровательнаго забвенія въ прелести мазурки и мимолетныхъ ея грезахъ. Слова, распѣваемыя подъ ея мелодію, даютъ, сверхъ того, грезамъ возможность тѣснѣе, нежели другія танцовальныя аріи, сближаться съ прошлою любовью воспоминаніемъ. Свѣжіе и звучные голоса не разъ повторяли это воспоминаніе въ одиночествѣ, по утрамъ, въ веселые часы бездѣлья. Не эти ли пѣсни звучали въ лѣсу, на лодкѣ, въ тѣ минуты, когда нами вдругъ овладѣвало душевное потрясеніе; когда встрѣча, картина, неожиданное слово озаряли незабвеннымъ для сердца блескомъ часъ, минуту, которымъ суждено было просочиться въ нашей памяти, сквозь отдаленнѣйшіе годы и области будущаго?

Шопенъ чрезвычайно счастливо воспользовался этими вдохновеніями. Выполировавъ эти алмазы тысячью граней, онъ открылъ весь огонь камня, и, собравъ самую пыль его, обративъ ее въ розы. Да и притомъ, какая другая рама способствовала бы ему нарисовать сцены, описать эпизоды, развить цѣлыя поэмы, которыя звучали бы далѣе предѣловъ своего источника и впредь принадлежали бы къ разряду идеальныхъ типовъ, освѣщенныхъ лучезарнымъ пламенемъ искусства?

Чтобъ понять, какъ эта рамка соотвѣтствовала оттѣнкамъ чувствъ,

которыя Шопенъ умѣлъ включить въ нее такими радужными красками, надобно видѣть мазурку тамъ, гдѣ понимаютъ всю прелесть этого танца. Мужчина, выбранный дамой, овладѣваетъ ею, какъ добычей, которою онъ гордится, и показываетъ ее своимъ соперникамъ прежде, нежели унесетъ ее въ вихрѣ. Что можетъ быть очаровательнѣе зрѣлища, представляемаго баломъ, когда, въ началѣ мазурки, вниманіе всей залы, вмѣсто того, чтобы развлекаться множествомъ лицъ, устремляется на одну пару, которая пустилась въ пространство залы! Кавалеръ, такъ-сказать, ставитъ ударенія на своихъ па, оставляетъ на мгновенье даму, какъ-будто для того, чтобы лучше разсмотрѣть ее; потомъ поспѣшно беретъ ее за руку, или же самъ дѣлаетъ кругъ, какъ обезумѣвшій отъ радости. Иногда, двѣ пары пускаются въ одно время, кавалеры мѣняются дамами, или же является третій, хлопая въ ладоши, и похищаетъ одну изъ дамъ у своего партнера.

Вальсъ и галопъ разрознииваютъ танцующихъ и представляютъ, для присутствующихъ, какую-то спутанную картину; кадриль похожъ на урокъ фехтованья, въ которомъ участвующіе наступаютъ и парируютъ съ одинаковымъ равнодушіемъ, и рисуются небрежною граціею; живость польки сдѣлалась очень загадочною; фанданго, тарантеллы, менуэты — маленькія любовныя драмы, различныя по характеру, занимательны только для самихъ танцующихъ; здѣсь мужчина не выставляетъ женщины, и публикѣ остается только слѣдовать за кокетствомъ принужденной пантомимы, которая вовсе до нея не касается; въ мазуркѣ, напротивъ, публика участвуетъ въ дѣйствіи, и роль мужчины не уступаетъ ни въ важности, ни въ граціи роли женщины.

Длинные промежутки времени, раздѣляющія появленіе паръ, предоставляются бесѣдѣ танцоровъ; но когда снова приходитъ имъ очередь выступить на сцену, — въ этой бесѣдѣ участвуетъ и публика. Передъ нею-то мужчина гордится дамой, которая отдала ему преимущество; передъ нею-то онъ долженъ показать свое искусство, потому-что удивленіе кавалеру — самое лестное торжество для его дамы. Но, при послѣднемъ мгновеньи, она формально отдаетъ ему одному эти похвалы, порхнувъ къ нему и отдыхая на его рукѣ: движеніе съ тысячью оттѣнковъ, отъ страстнаго увлеченія до самаго разсѣяннаго равнодушія.

И сколько различныхъ моментовъ, пока пара обойдетъ залу! Начиная съ какою-то робкою нерѣшительностью, женщина сперва покачивается изъ стороны въ сторону, какъ птичка, готовая улетѣть; долго скользитъ одною ногою по зеркалу паркета, потомъ бѣжитъ, какъ дитя, и вдругъ улетаетъ. Тогда вѣки ея поднимаются, и, какъ Діана-охотница, съ возвышеннымъ челомъ, вздымающеюся груди, она разсѣкаетъ

воздухъ, и какъ-будто играетъ пространствомъ. Послѣ того, она опять начинаетъ кокетливое глиссе, осматриваетъ зрителей, посылаетъ нѣсколько улыбокъ, нѣсколько словъ тѣмъ, къ кому наиболѣе расположена; протягиваетъ руки къ догоняющему ее кавалеру, и снова предается своимъ нервическимъ па, которыя съ изумительною быстротою переносятъ ее изъ конца въ конецъ залы. Она скользитъ, бѣжитъ, летитъ; усталость окрашиваетъ ея щеки, зажигаетъ ея взоръ, наклоняетъ ея талію, замедляетъ ея шаги, до-тѣхъ-поръ, пока, едва переводя духъ, въ изнеможеніи, она мягко опускается въ объятія своему кавалеру, который, схвативъ ее сильною рукою, мгновенно подымаетъ на воздухъ, прежде, нежели окончитъ съ нею упоительный кругъ.

Этотъ торжественный бѣгъ варьируется безчисленными фигурами. Въ первой цѣпи, всѣ пары берутся за руки и, образуя большой кругъ, ослѣпляющій своимъ мгновеннымъ вращеньемъ, плетутъ гирлянду, въ которой каждая женщина—единственный цвѣтокъ въ своемъ родѣ, и однообразный мужской костюмъ, подобный чернымъ листьямъ, придаетъ еще болѣе блеска разнообразію красокъ. Потомъ, всѣ пары съ сверкающимъ одушевленіемъ устремляются въ пространство, и чрезъ часъ или два кругъ снова замыкается, и танецъ кончается. Въ тѣ дни, когда забава и удовольствіе разливаютъ на всѣхъ восторженную веселость, играющую, какъ сокъ виноградныхъ кистей, въ иныхъ впечатлительныхъ организаціяхъ, общая прогулка начинается опять, и ускоренный шагъ ея не позволяетъ подозрѣвать ни малѣйшей усталости въ нѣжныхъ женщинахъ, какъ-будто члены ихъ надѣлены послушною и неутомимою гибкостью стали.

Почти всѣ мазурки Шопена исполнены этой влюбленной легкости, которая, подобно электрической струѣ, носится сквозь его *прелюдіи*, *поттурны*, *экспромты*, представляющіе, одно за другимъ, всѣ видоизмѣненія страсти: прелестные обманы кокетства; неосязаемые узы расположенія; своенравные узоры фантазіи; томленіе радости, которая не пускаетъ отростковъ, родится умирающею—цвѣтокъ печали, похожій на черныя розы, наводящія грусть даже запахомъ своихъ лепестковъ, падающихъ съ хрупкихъ стеблей при малѣйшемъ дуновеніи; искры безъ отблеска, зажигаемыя ложнымъ тщеславіемъ, подобныя блеску гнилаго дерева, замѣтному въ темнотѣ; удовольствія безъ прошлаго и безъ будущаго, отнятыя у случайныхъ встрѣчъ; эскизы чувствъ, которыхъ гамма безконечна, и которымъ мы приписываемъ дѣйствительную поэзію, высоту, прелесть, благородство.

Въ бо́льшей части шопеновыхъ *вальсовъ*, *балладъ*, *этюдовъ*, и въ упомянутыхъ нами пьесахъ, почіетъ набальзамированная память той

летучей поэзіи, которую онъ идеализируетъ иногда до такой тонкости, что она кажется принадлежащею, не нашей природѣ, а міру волшебства, и раскрываетъ намъ тайны пери, Титаній, Аріэлей, царицъ Мабъ, духовъ воздуха, воды и пламени... Пьесы эти—то фантастическія, веселыя, какъ топотъ ножекъ упрямой сильфиды; то—бархатистыя и мягкія, какъ платье саламандры; иныя похожи на спазмы сдержанныхъ рыданій; другія остроумны и насмѣшливы, играются исключительно на черныхъ, и напоминаютъ веселость Шопена, который также точно касался только верхнихъ клавишъ ума, былъ воплощеннымъ аттицизмомъ, удалялся отъ простонароднаго разгула, грубаго хохота, какъ отъ животныхъ, болѣе противныхъ, нежели ядовитыхъ, одинъ взглядъ на которыхъ отталкиваетъ чувствительныя и нѣжныя натуры.

Въ мазуркахъ Шопена господствуетъ чрезвычайное разнообразіе сюжетовъ и впечатлѣній; многія между ними перемѣшаны съ бряцаньемъ шпоръ, но еще въ бо̀льшихъ, прежде всего, чувствуешь легкій шорохъ крепа и газу подъ дыханьемъ танца, шелестъ вѣеровъ, столкновеніе золота и алмазовъ. Однѣ изъ нихъ, кажется, рисуютъ удовольствіе, но подрытое страхомъ—балъ наканунѣ разлуки: сквозь танцовальный тактъ слышишь вздохи и прощанье;—другія разоблачаютъ тоску, страданія и тайную скорбь, внесенныя на пиръ, котораго шумъ не можетъ заглушить воплей сердца;—въ иныхъ слышишь страхъ, предчувствіе любви, которая борется съ ревностью, видитъ себя побѣжденною, и сожалѣетъ, не рѣшаясь проклинать;—далѣе, вихрь, бѣшенство; мелодія пробѣгаетъ по немъ туда и сюда, задыхаясь, отрывисто, какъ біеніе сердца, которое пухнетъ отъ горести, разрушается, и гибнетъ о любви;—еще далѣе, отголосокъ литавръ, какъ воспоминаніе о турнирѣ. Въ иныхъ изъ этихъ мазурокъ, ритмъ неопредѣлителенъ, какъ чувство двухъ молодыхъ любовниковъ, смотрящихъ на звѣзду, которая одиноко взошла на небесномъ сводѣ.

....Разъ, послѣ обѣда, насъ было трое, въ томъ числѣ дама, пользовавшаяся въ Парижѣ большимъ уваженіемъ. Шопенъ игралъ на фортепьяно; дама болѣе и болѣе погружалась въ размышленіе, подобное тому, какое вселяетъ видъ надгробныхъ камней, раскиданныхъ на поляхъ Турціи, которой цвѣтники и тѣнистыя деревья предвѣщаютъ веселый садъ путешественнику. Дама спросила у Шопена, откуда происходитъ невольное уваженіе, преклоняющееся передъ памятниками, повидимому, только красивыми, и какимъ именемъ назвать необыкновенное чувство, которое влагалъ онъ въ свои произведенія, какъ неизвѣстный прахъ въ драгоцѣнную урну?... Артистъ, побѣжденный слезами, увлажавшими прекрасныя рѣсницы, и съ откровенностью, весьма рѣдкою

при его скрытности во всемъ, что касалось душевныхъ сокровищъ, которыя влагалъ онъ въ блестящую оправу своихъ произведеній, отвѣчалъ слушательницѣ, что она не ошиблась въ его мечтательной тоскѣ; потому-что, допуская мимолетное развлеченіе, онъ, однакоже, никогда не отрывался отъ чувства, которое было, такъ-сказать, почвою его сердца, и для котораго онъ не находилъ другаго выраженія, кромѣ слова: *жаль*!

Шопенъ, исполняя свои сочиненія, всегда волновалъ мелодію, и обозначилъ на нихъ эту манеру, придававшую совершенно-особый отпечатокъ игрѣ, словами tempo rubato, — темпъ украдчивый, отрывистый, мѣру гибкую и въ тоже время полную нѣги, похожую на дрожаніе пламени подъ вѣтеркомъ. Впослѣдствіи Шопенъ пересталъ прибавлять это слово на своихъ изданіяхъ, будучи убѣжденъ, что понимающіе его произведенія не могутъ не угадать этого правила неправильности. Оттого, всѣ пьесы Шопена должно играть съ какимъ-то акцентированнымъ колебаніемъ, котораго тайну трудно постичь, не слышавъ, какъ онъ передавалъ ихъ самъ. Ему, кажется, хотѣлось завѣщать эту манеру своимъ многочисленнымъ ученикамъ и ученицамъ, и они или, вѣрнѣе, онѣ слѣдили за всѣми колебаніями его лазурной влаги.

—

Сказавъ о композиторѣ и сочиненіяхъ, куда, какъ слезы въ слезохранильницу, вылились всѣ воспоминанія его молодости, всѣ обольщенія сердца, всѣ восторги стремленій и недосказанныя увлеченія; о сочиненіяхъ, гдѣ, пройдя за предѣлы нашихъ чувствованій, для него слишкомъ тупыхъ, нашихъ воспріятій, для него слишкомъ тусклыхъ, онъ вторгается въ область дріадъ, ореадъ, океанидъ; намъ оставалось бы сказать объ его исполнительномъ талантѣ, еслибъ у насъ достало смѣлости, еслибъ мы могли вырыть изъ праха ощущенія, связанныя съ самыми задушевными личными воспоминаніями и окрасить ихъ саванъ въ яркіе цвѣта. Но мы не чувствуемъ въ себѣ силы для этого, да и къ чему повели бы наши усилія? Возможно ли тѣмъ, которые не слыхали Шопена, передать прелесть поэзіи, тонкую и проницательную, какъ легкій экзотическій ароматъ желѣзняка или calla-ethiopica, ароматъ, распространяющійся только въ покояхъ рѣдко посѣщаемыхъ и исчезающій, будто въ испугѣ, посреди многолюдства, гдѣ воздухъ сгущается, и сохраняетъ только живой запахъ вполнѣ расцвѣтшихъ туберозъ, или пылающей смолы.

Шопенъ зналъ, что онъ не дѣйствуетъ на толпу, не можетъ поражать массъ, потому-что, подобно свинцовому морю, волны ихъ, ковкія на каждомъ огнѣ, однакоже не легко сдвинуть съ мѣста, и онѣ тре-

буютъ могучей руки работника, чтобы вылиться въ форму, въ которой растопленный металлъ вдругъ превращается въ мысль и чувство. Шопенъ говорилъ, однажды, своему другу, пріобрѣтшему, впослѣдствіи, артистическую извѣстность: «Я не гожусь для концертовъ; мнѣ страшно въ публикѣ, дѣлается дурно отъ ея дыханія; меня парализуетъ любопытный взоръ, я нѣмѣю передъ незнакомыми лицами; но вы—назначены давать концетры; если бы вамъ не удалось задобрить публику, у—васъ есть, чѣмъ ее уничтожить.»

Понимая взыскательную природу своего таланта, онъ очень рѣдко игралъ въ публикѣ и, кромѣ нѣсколькихъ концертовъ въ Вѣнѣ и Мюнхенѣ, при дебютѣ своемъ въ 1831 году, давалъ концерты только въ Парижѣ; слабость здоровья, столь хилаго, что иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ онъ лежалъ при смерти, не позволяла ему путешествовать. Въ поѣздкѣ на Югъ, предпринятой въ надеждѣ на благотворное дѣйствіе теплаго климата, Шопенъ былъ такъ опасно болѣнъ, что содержатели гостинницъ не разъ требовали отъ него полной платы за кровать и матрацъ, чтобы потомъ сжечь ихъ, полагая, что онъ пріѣхалъ въ томъ періодѣ грудной болѣзни, когда она дѣлается скоро прилипчивою.

Во всякомъ случаѣ, мы можемъ сказать, что эти концерты утомляли не только физическое сложеніе Шопена, сколько его артистическую раздражительность. Подъ добровольнымъ отреченіемъ отъ шумныхъ успѣховъ, онъ, кажется, скрывалъ душевное сокрушеніе. Онъ ясно чувствовалъ свое превосходство; но, можетъ-быть, отголоски извнѣ не поселяли въ немъ спокойной увѣренности, что онъ будетъ оцѣненъ вполнѣ. Ему недоставало шумныхъ похвалъ, и онъ, конечно спрашивалъ у себя, до какой степени избранные салоны замѣняли своими рукоплесканіями публику, которой онъ избѣгалъ? Не многіе понимали его; но эти немногіе достаточно ли его понимали? Быть можетъ, его снѣдало неопредѣленное неудовольствіе на самого себя. Похвалы были ему почти непріятны. Тѣ, на которыя онъ имѣлъ право, не доходили до него широкой волною, а изолированныя похвалы казались ему жалкими. Сквозь холодно-вѣжливыя фразы, съ какимъ онъ часто отряхалъ ихъ, какъ докучную пыль, можно было, безъ особенной проницательности, замѣтить, что рукоплесканія находилъ онъ не только скучными, но даже неумѣстными, и желалъ бы лучше, чтобъ ими не тревожили его уединенія и чувствъ.

Слишкомъ хорошо понимая насмѣшку и будучи самъ слишкомъ остроумнымъ насмѣшникомъ, чтобы подставлять грудь подъ сарказмъ, Шопенъ не драпировался непонятымъ геніемъ. Подъ наружнымъ удовольствіемъ, онъ такъ искусно скрывалъ рану справедливой гордости, что почти не-

возможно было ее замѣтить. Но рѣдкость его концертовъ * приписываютъ, и не безъ причины, скорѣе желанію избѣгать случаевъ, которые не принесли бы ему всей должной дани, нежели слабости здоровья, разстроеннаго многочисленными уроками и трудомъ.

Достойно сожалѣнія, что несомнѣнныя для артиста выгоды имѣть дѣло съ избранною публикой — уменьшаются отъ излишней бережливости, съ какою она выражаетъ свое сочувствіе. Лоскъ, которымъ покрываетъ она свое одобреніе, и невозмутимое спокойствіе ея энтузіазма недостаточны для артиста. Поэтъ, оторванный отъ своего одинокаго вдохновенія, можетъ опять найти его не иначе, какъ въ живомъ и одушевленномъ участіи слушателей, и никогда не почерпнетъ этого вдохновенія въ холодномъ взорѣ ареопага, собравшагося судить его. Артисту должно видѣть, что онъ потрясаетъ слушателей; что его чувство нашло въ нихъ созвучіе тѣхъ же самыхъ инстинктовъ; наконецъ, что онъ увлекаетъ ихъ за собою, въ своемъ переселеніи къ безконечному, какъ предводитель крылатой стаи, когда онъ даетъ сигналъ къ отлету, и за нимъ слѣдуетъ вся станица къ лучшимъ берегамъ.

Но было иначе. Собралъ ли Шопенъ всю дань восторженнаго удивленія, котораго заслуживалъ, слушали ль его, какъ многихъ другихъ, во всѣхъ климатахъ; получалъ ли онъ блистательные тріумфы, признали ль его, вмѣсто тысячъ, только сотни, — мы не остановимся однакожъ въ исчисленіи его успѣховъ.

Что букеты для тѣхъ, которые ищутъ лавровыхъ вѣнковъ? Эфемерное сочувствіе, похвалы мимоходомъ, тяжело упоминать возлѣ могилы, взывающей къ полной славѣ. Созданіямъ Шопена суждено вносить въ отдаленные страны и годы радость, утѣшеніе, благодѣтельныя ощущенія, возбуждаемыя произведеніями искусства въ душахъ страдающихъ, алчущихъ, падающихъ или твердыхъ и полныхъ вѣры, которымъ посвящены эти сочиненія, и заключать общую связь между возвышенными натурами, на какомъ бы пунктѣ земли, въ какое бы время ни жили онѣ, — неразгаданныя своими современниками, пока онѣ молчали, и часто непонятыя ими, когда говорили!

«Есть разные вѣнки», сказалъ Гёте: «иные можно сбирать, прогуливаясь». Послѣдніе могутъ нравиться на нѣсколько мгновеній своею благоуханною свѣжестью; но мы не положимъ ихъ рядомъ съ вѣнками, которые Шопенъ снискалъ постояннымъ, примѣрнымъ трудомъ, серьозною любовью къ искусству, и горестнымъ прочувствованіемъ впечатлѣній, которыя онъ такъ прекрасно выразилъ.

* Нѣсколько лѣтъ Шопенъ вовсе не игралъ въ публикѣ, и концертъ его, въ 1844 году, въ залѣ Плейель, данъ послѣ десятилѣтняго промежутка.

Самыя лучшія пальмы, какія артистъ можетъ получить при жизни, были вручены Шопену *знаменитыми ровнями*, и восторженное удивленіе было выражено ему публикою, еще тѣснѣйшею, нежели кружокъ любителей, посѣщавшихъ его концерты. Группа знаменитыхъ именъ составляла эту публику, и имена эти преклонились передъ нимъ, какъ герои разныхъ странъ, собравшіеся торжествовать одного изъ своихъ собратій. Они-то вполнѣ принесли ему должную дань.

Въ гостиной Шопена неразъ сходились замѣчательнѣйшіе умы Парижа, сходились, правда, не на періодическіе вечера, какіе представляетъ себѣ воображеніе иныхъ церемонно-скучныхъ кружковъ; потому-что веселость, одушевленіе, увлеченіе ни къ кому не приходятъ въ назначенный часъ, а еще менѣе къ истиннымъ артистамъ. Притомъ-же, для поэтовъ и художниковъ, веселость — вещь рѣдкая! Нѣкоторые изъ нихъ, правда, имѣютъ счастливый даръ превозмогать внутреннее нездоровье, всегда легко нести свое бремя, смѣяться съ своими спутниками надъ препятствіями пути, и сохраняютъ благосклонную ясность, которая, какъ подразумѣваемый залогъ надежды и утѣшенія, одушевляетъ, и оживляетъ ихъ въ этой пріятной атмосферѣ.

Шопенъ собственно не принадлежалъ ни къ тѣмъ, ни къ другимъ; онъ владѣлъ тою врожденною прелестью обходительности, которая нетолько подчиняетъ хозяина законамъ долга гостепріимства, но еще заставляетъ его отречься отъ всякаго вниманія къ себѣ, и покориться желаніямъ и удовольствіямъ тѣхъ, кого онъ принимаетъ. Хотя Шопенъ очень замѣтно избѣгалъ общества, однакожъ былъ предупредителенъ, когда друзья дѣлали вторженія въ его гостиную, гдѣ, повидимому, не занимаясь никѣмъ, онъ успѣвалъ занять каждаго тѣмъ, что ему наиболѣе нравилось.

Не безъ труда можно было уговорить Шопена, чтобы онъ отворилъ свою дверь и фортепьяно для тѣхъ, которымъ дружба позволила просить этого настоятельно. Не одинъ изъ насъ, безъ сомнѣнія, помнитъ первый вечеръ, импровизованный у него, не смотря на всѣ отговорки, когда онъ жилъ въ Chaussée-d'Antin.

Квартира, нечаянно наводненная посѣтителями, была освѣщена свѣчами, разставленными вокругъ одного изъ тѣхъ плейелевыхъ фортепіанъ, которыя онъ особенно любилъ за ихъ серебряную звучность, отчасти томную, и за легкость туша, позволявшую извлекать изъ инструмента звуки, выходившіе какъ-будто изъ тѣхъ гармоникъ, которыхъ монополію сохранила Германія, и которыя такъ искусно устроивали старинные мастера, сочетая хрусталь съ водою.

Мебель, покрытая бѣлыми чахлами, неопредѣленной формы, рисовалась въ полусвѣтѣ, какъ призраки, явившіеся слушать звуки, которые вызвали ихъ. Свѣтъ, сосредоточенный около фортепьяно, падалъ на паркетъ, скользилъ по немъ волною, и сливался съ блескомъ камина, въ которомъ, по временамъ, вспыхивалъ оранжевый пламень, низкій и широкій, какъ гномы, привлеченные словами ихъ языка. Одинъ только портретъ — портретъ пьяниста и друга, полнаго симпатіи — былъ приглашенъ въ совѣщательные слушатели прилива и отлива тоновъ, которые стонали, гремѣли, шептали и умирали въ рамѣ стоявшаго подъ нимъ инструмента.

Около фортепьяно, въ лучезарномъ полукругѣ, сгруппировалось нѣсколько головъ.

Гейне слушалъ, съ любопытствомъ соотечественника, разсказы Шопена о таинственныхъ странахъ, которыя также часто навѣщала его фантазія. Слушатель и повѣствователь понимали другъ друга изъ полуслова, изъ полузвука, и музыкантъ отвѣчалъ изумительными разсказами на вопросы, молча предлагаемые ему поэтомъ.

Возлѣ Гейне сидѣлъ Мейерберъ, для котораго уже давно истощились всѣ междометія, выражающія удивленія, и гармонистъ циклопическихъ сооруженій съ удовольствіемъ слѣдилъ за арабесками, облекавшими мысль Шопена въ прозрачную блонду.

Далѣе, Адольфъ Нурри, благородный артистъ, страстный и строгій, мечтавшій о славѣ съ восторженностью среднихъ вѣковъ, который, въ послѣдніе годы своей жизни, отказался передавать своимъ талантомъ чувства поверхностныя и служилъ искусству съ цѣломудреннымъ уваженіемъ, смотря на него, какъ на хранилище истины и красоты. На челѣ артиста, снѣдаемаго задумчивою страстью къ прекрасному, уже ложилась роковая тѣнь, которую отчаяніе слишкомъ поздно объясняетъ людямъ, любопытствующимъ постигнуть тайны сердца и неспособнымъ ихъ разгадать.

Былъ здѣсь также Гиллеръ, одинъ изъ вѣрнѣйшихъ друзей Шопена, родственный ему по таланту. Мы часто собирались у Гиллера, и въ ожиданіи великихъ произведеній, изданныхъ имъ впослѣдствіи, между которыми первое было его замѣчательная ораторія «Освобожденный Іерусалимъ», онъ писалъ пьесы для фортепьяно. Многія изъ нихъ, подъ названіемъ *этюдовъ*, смѣлыхъ эскизовъ съ доконченнымъ рисункомъ, напоминаютъ этюды зелени, въ которыхъ пэйзажистъ набрасываетъ цѣлую поэму тѣни и свѣта однимъ деревомъ, одною вѣткой, однимъ мотивомъ, развитымъ счастливо и широко.

Евгеній Делакруа сидѣлъ молча и въ раздумьи передъ видѣніями,

наполнявшими воздухъ. Быть можетъ, онъ спрашивалъ у себя, какую взять палитру, какія кисти, какое полотно, чтобы оживить ихъ своимъ искусствомъ? Можетъ-быть, онъ думалъ, не взять ли полотно, сотканное Арахной, кисть—сдѣланную изъ рѣсницъ феи, палитру—покрытую испареніями радуги,—и улыбался въ душѣ на эти предположенія, и предавался вполнѣ рожденному ими впечатлѣнію...

Углубившись въ кресла и облокотясь на консоль, сидѣла госпожа Сандъ, внушившая своею энергическою личностью нѣжной натурѣ Шопена то удивленіе, которое точило его, какъ слишкомъ крѣпкое вино разрушаетъ слишкомъ хрупкія вазы...

—

Біографіи людей, посвятившихъ огромные таланты на прославленіе благородныхъ чувствъ въ произведеніяхъ искусства, гдѣ они блестятъ роскошными метеорами, естественно возбуждаютъ любопытство въ глазахъ удивленной и очарованной толпы. Она справляется — да иначе и невозможно—чѣмъ эти люди, влюбленные въ прекрасное, отличили свое существованіе отъ существованія большинства? Какъ дѣйствовала эта гордая поэзія, когда боролась съ вещественными интересами? Какъ эти невыразимыя ощущенія любви освободились отъ горечи и плѣсени, которыя обыкновенно ихъ отравляютъ?

Никакая изъ многочисленныхъ складокъ характера Шопена не обнаружила ни одного движенія, ни одного побужденія, которое бы не было подсказано самымъ утонченнымъ чувствомъ чести и благороднѣйшимъ понятіемъ о любви. И между-тѣмъ трудно найти натуру, болѣе-склонную къ желчи и отрывистымъ странностямъ. Воображеніе его было пламенное, чувствительность раздражительная: у него была слабая и болѣзненная организація. Кто могъ измѣрить глубину страданій, происходившихъ изъ этой противоположности? Они разрывали душу, но онъ не показывалъ ихъ, хранилъ втайнѣ, скрывалъ отъ всѣхъ взоровъ, подъ непроницаемою ясностью гордаго самоотреченія.

Нѣжность сложенія и сердца придавали его какую-то женственность. Исключенный своимъ здоровьемъ изъ сферы обыкновенной дѣятельности, не терпя безполезнаго жужжанья, въ которомъ нѣсколько пчелъ, тратя изобиліе своихъ силъ, мѣшаются съ роемъ шмелей, — онъ создалъ себѣ ячейку вдали отъ истоптанныхъ и слишкомъ людныхъ дорогъ. Никакія приключенія, никакіе эпизоды не ознаменовали его жизни, которую онъ упростилъ до-нельзя, хотя былъ окруженъ обстоятельствами, неблагопріятными для достиженія этого результата. Собственныя чувства и впечатлѣнія были для него событіями, болѣе-важными, нежели перемѣны и случайности, приходившія извнѣ. Уроки, которые онъ давалъ

постоянно, съ аккуратностью и стараніемъ, были его ежедневнымъ и домашнимъ долгомъ, — и онъ исполнялъ этотъ долгъ совѣстливо и съ удовольствіемъ. Шопенъ излилъ свою душу въ свои сочиненія; въ нихъ вложилъ онъ то, что души чистыя произносятъ, стоя на колѣняхъ: тайны страсти и скорби, которыя человѣкъ можетъ понимать безъ словъ, потому-что ему не дано высказывать ихъ словами.

Шопенъ старательно избѣгалъ зикзаковъ жизни; не вмѣшивался ни въ какое дѣйствіе, ни въ какую драму, ни въ какую завязку или развязку; не обнаруживалъ своего вліянія ни на чье существованіе. Воля его никогда не брала верха надъ желаніемъ, чьимъ бы то ни было; онъ не сжималъ, не давилъ ни чьего ума своимъ собственнымъ, не былъ деспотомъ ни одного сердца, не налагалъ покоряющей руки ни на одну судьбу; онъ ничего не домогался, и считалъ унизительнымъ что-либо просить.

Но, зато, онъ ускользалъ отъ всѣхъ узъ, отъ всякой дружбы, которыя хотѣли увлечь его и бросить въ шумныя сферы. Готовый отдать все, онъ не отдавалъ самого-себя. Можетъ-быть, онъ зналъ, какую исключительную преданность, какое безпредѣльное довѣріе онъ достоинъ былъ внушить и раздѣлить! Можетъ-быть, онъ думалъ, какъ нѣкоторыя честолюбивыя души, что любовь и дружба, если онѣ не все, то—ничто! Можетъ-быть, ему труднѣе было принять часть ихъ, нежели никогда не касаться этихъ чувствъ! Но точно-ли было такъ — никто не зналъ этого навѣрно, потому-что онъ никогда не говорилъ ни о любви, ни о дружбѣ. Онъ не былъ взыскателенъ, какъ тѣ, которыхъ права и справедливыя требованія простираются гораздо далѣе того, что имъ предлагаютъ. Самые близкіе къ нему знакомые не проникали до убѣжища, въ которомъ жила его душа, не причастная къ остальной его жизни, — убѣжища, такъ хорошо скрытаго, что его едва можно было подозрѣвать.

Въ сношеніяхъ и разговорахъ своихъ, онъ, повидимому, интересовался только тѣмъ, что занимало другихъ, и остерегался выводить ихъ изъ круга изъ личности и вводить въ свою. Разговоръ его рѣдко останавливался на потрясающихъ предметахъ. Личность Шопена не возбуждала любопытныхъ изслѣдованій; онъ слишкомъ нравился, чтобы заставлять размышлять. Все въ немъ было исполнено гармоніи и, повидимому, не требовало комментарій. Взглядъ его былъ скорѣе остроумный, нежели мечтательный; улыбка кроткая; тонкость и прозрачность его кожи прельщала глаза; волоса у него были бѣлокурые и шелковистые; носъ орлиный, поступь и манеры чрезвычайно благородныя; жесты граціозные и живые; звукъ голоса всегда глухой; ростъ не высокій; члены гибкіе. Вся его наружность напоминала растеніе convolvulus, котораго

вѣнчикъ, зыблющійся на тонкомъ стеблѣ, сотканъ такъ воздушно, что разлетается отъ малѣйшаго прикосновенія.

Въ обществѣ, Шопенъ былъ права ровнаго, какъ человѣкъ, котораго не смущаетъ никакая скука, потому-что онъ не ждетъ ничего занимательнаго. Онъ, по обыкновенію, былъ веселъ; насмѣшливый умъ его быстро схватывалъ смѣшное, не останавливаясь на поверхности, какою оно поражаетъ глаза; онъ любилъ выставлять въ каррикатурѣ странныя привычки нѣкоторыхъ виртуозовъ, передразнивалъ ихъ жесты, движенія, физіономію, съ такимъ искусствомъ, которое въ одну минуту обрисовывало личность. Тогда невозможно было его узнать; но, передавая уродливое и смѣшное, черты его не теряли врожденной граціи.

Впрочемъ, бывали мгновенья, когда мы заставали его глубоко взволнованнымъ; онъ блѣднѣлъ и синѣлъ, какъ трупъ. Но и посреди живѣйшихъ сердечныхъ ощущеній, онъ оставался сосредоточеннымъ, и тогда очень-мало, по обыкновенію, говорилъ о своихъ чувствахъ. Минутное размышленіе навсегда скрывало тайну перваго впечатлѣнія. Эта постоянная власть надъ своимъ характеромъ напоминала печальное превосходство существъ, которыя ищутъ силы въ осторожности и уединеніи, зная, какъ безполезны взрывы гнѣва, и будучи слишкомъ ревнивы къ тайнѣ своихъ страстей, чтобы открывать ее посторонним.

Онъ умѣлъ благородно прощать, и не питалъ ни малѣйшей злобы къ тѣмъ, которые огорчали его; но какъ оскорбленія эти очень глубоко западали въ его душу, то они зрѣли въ ней неясною мукой, и когда самая причина ихъ уже давно изгладилась изъ его памяти, онъ еще чувствовалъ тайное жало.

Осторожность разговоровъ Шопена простиралась на всѣ предметы, съ которыми связанъ фанатизмъ мнѣній. Будучи въ постоянныхъ сношеніяхъ съ нѣкоторыми замѣчательнѣйшими политическими людьми нашего времени, онъ умѣлъ разграничивать свои сношенія съ ними личною благосклонностію, совершенно независимою отъ единства мнѣній. Онъ слѣдилъ издали за событіями, и проницательность взгляда, какую сначала трудно было въ немъ угадать, часто заставляла его предсказывать то, чего не ожидали люди, наиболѣе свѣдующіе. Но если и вырывались у него подобныя замѣчанія, онъ не развивалъ ихъ, и его короткія фразы обращали на себя вниманіе тогда уже, когда онѣ оправдывались событіями. Здравый смыслъ скоро внушилъ Шопену совершенную пустоту бо́льшей части ораторскихъ разлагольствій, философскихъ споровъ, и онъ съ раннихъ поръ пришелъ къ любимому правилу чрезвычайно умнаго человѣка, маркиза Жюля де-Ноайля, который, говаривалъ людямъ, увлекавшимся борьбою мнѣній: «Вы убѣдитесь когда-нибудь, подобно мнѣ, что нѣтъ никакой

возможности говорить о чемъ-бы ни было, съ кѣмъ-бы то ни было». Слова эти, въ то время, удивляли наше неопытное нетерпѣніе, но впослѣдствіи поразили насъ своею вѣрностью.

Въ одномъ только случаѣ, Шопенъ нарушалъ свое обдуманное молчаніе и обычную нейтральность: когда возникалъ вопросъ объ искусствѣ,— единственный вопросъ, въ которомъ онъ, при каждомъ случаѣ, высказывалъ ясно свое сужденіе, и на который онъ настоятельно простиралъ свое вліяніе и свою волю. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, онъ съ большимъ знаніемъ дѣла участвовалъ въ спорахъ; но потомъ, когда торжество его идей уменьшило интересъ роли, онъ уже не искалъ случая снова стать въ главѣ какой-либо фаланги.

Въ 1832 году, вскорѣ по пріѣздѣ Шопена въ Парижъ, въ музыкѣ, какъ въ литературѣ, возникала новая школа, и появлялись молодые таланты, блистательно сбрасывавшіе съ себя иго старинныхъ формулъ. *Романтизмъ* сдѣлался дневнымъ вопросомъ, и о немъ жарко спорили за и противъ. Не было никакого перемирія между тѣми, которые не допускали ни малѣйшихъ уклоненій отъ прежде-существовавшихъ формъ, и тѣми, которые хотѣли предоставить художнику свободу — выбирать какую-угодно форму для выраженія своего чувства, и думали, что, по согласію правила и формы съ чувствомъ, какое хотятъ выразить, каждое особое чувство необходимо допускаетъ особую форму для своего выраженія. Одни вѣрили въ существованіе вѣчной художественной формы, которой совершенство представляло типъ прекраснаго, и съ этой точки зрѣнія судили о каждомъ произведеніи; но утверждая, что эти великіе мастера достигли послѣднихъ рубежей искусства и высочайшаго совершенства, они предоставляли послѣдующимъ художникамъ только приближаться, болѣе или менѣе, къ образцамъ подражаніемъ, отнимая даже надежду сравниться съ ними, потому-что усовершенствованіе способа никогда не можетъ возвыситься до изобрѣтенія. Другіе отрицали, что прекрасное можетъ имѣть форму постоянную и безусловную; различныя формы, проявлявшіяся въ исторіи искусства, казались имъ шатрами, разбитыми на дорогѣ идеала, — минутными стоянками, къ которымъ, по временамъ, приходитъ геній, и далѣе которыхъ должны уйти его наслѣдники. Одни хотѣли заключить въ симметрическую ограду вдохновеніе самыхъ различныхъ временъ и натуръ; другіе хотѣли предоставить каждому вдохновенію свойственную ему одежду, принимая за правило только то, что истекаетъ изъ прямыхъ отношеній чувства къ формѣ, чтобы послѣдняя была равна первому. Существующіе образцы, какъ-бы ни были они превосходны, казалось этой школѣ, еще не истощили всѣхъ чувствъ, которыми можетъ овладѣть искусство, и всѣхъ

формъ, какими оно можетъ пользоваться. Не останавливаясь на превосходствѣ формы, они заботились о ней на столько, сколько безукоризненное ея совершенство необходимо для полнаго раскрытія чувства; они не знали, что чувство неполно до-тѣхъ-поръ, пока форма, будучи несовершенною, заслоняетъ его лучезарность, какъ темное покрывало. Такимъ-образомъ, они подчиняли поэтическому вдохновенію работу, ремесло, приказывая терпѣнію и генію отыскивать въ формѣ то, что необходимо требованіямъ вдохновенія, и упрекая своихъ противниковъ въ томъ, что они обрекли вдохновеніе на муку Прокуста, не допуская невыразимости нѣкоторыхъ чувствъ въ формахъ, опредѣленныхъ заранѣе, и, такимъ-образомъ, напередъ вычеркнувъ изъ искусства всѣ произведенія, которыя посягнули-бы ввести въ него новыя чувства, облеченныя въ новыя формы, почерпнутыя въ постепенномъ развитіи человѣческаго разума и матеріальныхъ орудій и средствъ искусства.

Люди, видѣвшіе, какъ пламя таланта сожигаетъ старыя подмостки, примкнули къ музыкальной школѣ, самымъ смѣлымъ и даровитымъ представителемъ которой былъ Берліозъ. Шопенъ присоединился къ нимъ, и былъ одинъ изъ самыхъ ревнительныхъ дѣятелей, старавшихся освободить искусство отъ ига условленнаго стиля, и въ то же время преслѣдовать шарлатанство, которое замѣнило старыя злоупотребленія новыми злоупотребленіями.

Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ этой кампаніи романтизма, породившаго мастерскіе опыты, Шопенъ казался неизмѣннымъ въ своихъ симпатіяхъ и отвращеніяхъ. Онъ не отсрочивалъ разсчета ни съ кѣмъ изъ тѣхъ, которые, по его понятіямъ, не показывали чистосердечной преданности этому успѣху въ музыкѣ, и разрывалъ связи, когда онѣ стѣсняли его и удерживали у берега ржавыми цѣпями. Съ другой стороны, онъ отказывался входить въ дружественныя сношенія съ молодыми артистами, которые излишне возвышали какую-нибудь заслугу. Шопенъ не удѣлялъ ни малѣйшей похвалы тому, что не казалось ему дѣйствительнымъ пріобрѣтеніемъ для искусства, или серьознымъ сознаніемъ обязанности артиста. Онъ не хотѣлъ покупать похвалы ни у тѣхъ, ни у другихъ пощадою, уступками, которыя дѣлаютъ себѣ разныя школы въ лицѣ своихъ вождей, и которыя ввели во вражду, въ набѣгъ разныхъ стилей на разныя вѣтви искусства, переговоры, условія и трактаты. Не ища посторонней помощи своимъ произведеніямъ, Шопенъ говорилъ, что въ нихъ довольно собственной красоты, чтобы заслужить справедливую оцѣнку, и не торопился, чтобы ихъ тотчасъ признали.

Онъ давалъ нашимъ опытамъ, нашей тогдашней борьбѣ, еще сомнительной и встрѣчавшей болѣе недовѣрчивыхъ, нежели славныхъ против-

никовъ, опору спокойнаго, непоколебимаго убѣжденія, стойкаго характера, недоступнаго усталости и обольщеніямъ, и осязательную помощь — собственныя свои произведенія, лучшее доказательство правоты дѣла. Смѣлость Шопена сопровождалась такою прелестью, мѣрностью и знаніемъ, что его довѣріе къ своему генію было оправдано общимъ удивленіемъ, которое онъ внушилъ. Твердое образованіе, обдуманность, къ которой привыкъ онъ съ юности, уваженіе къ классическимъ красотамъ, въ которомъ онъ былъ воспитанъ, предохранили его отъ растраты силъ въ несчастныхъ попыткахъ и полуудачахъ, — удѣлѣ не одного приверженца новыхъ идей. Трудолюбивое терпѣніе, съ какимъ выработывалъ и отдѣлывалъ онъ свои произведенія, обезопасило его отъ критики, раздражаемой разномыслі-емъ. Шопенъ шелъ впередъ, въ силу своего основнаго начала, не вдаваясь въ преувеличенія, не обольщаясь мировыми сдѣлками, и охотно оставлялъ теоретическія формулы, стремясь только къ ихъ результатамъ. Думая болѣе объ оправданіи себя прекрасными произведеніями, нежели о спорахъ школы, онъ счастливо избѣжалъ личной непріязни и жалкихъ примиреній.

Шопенъ сохранилъ благоговѣйную любовь къ искусству, какую питали къ нему первые маэстро среднихъ вѣковъ; какъ для нихъ, искусство было для него прекраснымъ, святымъ призваніемъ, которымъ онъ гордился. Шопенъ доказалъ это чувство, въ часъ своей смерти, изъявивъ желаніе, чтобы его положили въ гробъ въ томъ фракѣ, въ которомъ онъ игралъ въ своихъ концертахъ: мысль внушенная неизсякаемымъ энтузіазмомъ къ любимому искусству, въ то мгновеніе, когда, исполнивъ послѣдній долгъ христіанина, онъ оставлялъ все, чего не могъ унести съ земли въ вѣчность. Задолго до своей кончины, онъ передалъ безсмертію свою любовь и вѣру въ искусство, и легъ въ могилу, выразивъ еще разъ, безмолвнымъ символомъ, убѣжденіе, которое хранилъ неприкосновеннымъ во всю свою жизнь. Онъ умеръ, вѣрный самому-себѣ, почитая въ искусствѣ его мистическое величіе.

Удалясь, какъ мы сказали, отъ тревогъ общества, Шопенъ ограничилъ свою заботливость и привязанность радіусомъ семейства и знакомствъ своей молодости, и поддерживалъ частыя съ ними сношенія. Особенно любилъ онъ сестру свою, Люизу, и сходство ихъ ума и наклонностей еще болѣе скрѣпляло эту дружбу. Люиза нѣсколько разъ пріѣзжала въ Парижъ, видѣться съ братомъ, и пробыла у него три мѣсяца, ухаживая за нимъ во время его послѣдней болѣзни.

Шопенъ велъ постоянную переписку съ родными, — но только съ родными. Одна изъ странностей его заключалась въ томъ, что онъ ни

къ кому не писалъ писемъ. Не разъ, онъ лучше соглашался проѣхать весь Парижъ, изъ конца въ конецъ, чтобы справиться о чемъ-нибудь или отказаться отъ обѣда, нежели написать пару строчекъ. Большая часть друзей не знали его почерка. Шопенъ очень хорошо говорилъ по-французски, но не любилъ объясняться на этомъ языкѣ, находя его незвучнымъ и холоднымъ.

Въ сношеніяхъ съ родными, Шопенъ не ограничивался одною перепиской; но, съ милою предупредительностью, пользуясь своимъ пребываніемъ въ Парижѣ, посылалъ имъ тысячу сюрпризовъ, бездѣлушекъ, которыя могли нравиться по своей новости. Онъ желалъ, чтобъ эти вещицы берегли, какъ-будто онъ самъ присутствовалъ посреди тѣхъ, кому онѣ назначались, и, въ свою очередь, считалъ драгоцѣнностью каждый предметъ, который присылали ему изъ дому, и не только не позволялъ никому пользоваться имъ, но даже показывалъ неудовольствіе, когда до него дотрогивались.

Матеріальное изящество было также врожденно Шопену, какъ изящество ума, и столько же оказывалось въ принадлежавшихъ ему предметахъ, какъ въ благородствѣ его пріемовъ. Онъ любилъ цвѣты, и не приближаясь къ блистательному богатству, съ какимъ иныя парижскія знаменитости украшали въ это время свои покои, онъ умѣлъ здѣсь, какъ и въ своей одеждѣ, держаться, между излишествомъ и недостаткомъ, инстинктивной линіи *comme il faut*.

Не смѣшивая своего времени, своей мысли, своихъ поступковъ съ чьими-бы ни были, онъ предпочиталъ дамское общество, потому-что оно не требовало дальнѣйшихъ знакомствъ. Деревенская жизнь ему очень нравилась; онъ разнообразилъ ея удовольствія и плодилъ веселые эпизоды; кромѣ-того, онъ любилъ работать въ деревнѣ, и во многихъ лучшихъ его произведеніяхъ, написанныхъ въ эти минуты, заключается воспоминаніе о лучшихъ его дняхъ.

—

Шопенъ родился въ мѣстечкѣ Волѣ, близъ Варшавы, въ 1810 году. Въ первые годы своей жизни, — что очень рѣдко случается съ дѣтьми, — онъ не зналъ своего возраста, и смутно припоминалъ его только по часамъ, съ надписью: «*Каталани, десятилѣтнему Фредерику Шопену*», которые подарила ему эта пѣвица, въ 1820 году. Артистическое предчувствіе, можетъ-быть, предсказало ребенку его будущность! Впрочемъ, дѣтство его не ознаменовалось ничѣмъ особенно замѣчательнымъ, и развивалось, вѣроятно, безъ большихъ проявленій. Такъ-какъ Шопенъ былъ слабаго сложенія, то все вниманіе родителей обратилось на его здоровье. Безъ сомнѣнія, что съ-тѣхъ-поръ, желая

успокоить ихъ, онъ привыкъ къ мягкости обхожденія, уступчивости и скрытности. Ни преждевременное развитіе способностей, ни какой другой признакъ замѣчательной душевной силы не обнаруживали въ немъ, съ дѣтства, будущей возвышенности души, ума или таланта. Хворый ребенокъ улыбался, былъ терпѣливъ и веселъ, и въ немъ до такой степени нельзя было предвидѣть странный и пасмурный нравъ, что родители, вѣроятно, любовались его качествами, предполагая, что ребенокъ предается своимъ мыслямъ всѣмъ сердцемъ и безъ всякой обдуманности. Нѣкоторыя души, при самомъ вступленіи своемъ въ жизнь, похожи на богатыхъ путешественниковъ, которые, случайно очутившись въ средѣ простыхъ пастуховъ, пока живутъ съ ними, осыпаютъ ихъ дарами, ничтожными сравнительно съ собственнымъ ихъ богатствомъ, но во всякомъ случаѣ достаточными для того, чтобы изумить своихъ хозяевъ и поселить счастіе въ ихъ бѣдномъ быту. Души эти дарятъ нѣжныхъ изліяній столько же, и даже болѣе, нежели окружающіе ихъ; мы считаемъ ихъ щедрыми, между-тѣмъ какъ, на самомъ дѣлѣ, онѣ вовсе не такъ изліятельны и не расточаютъ своихъ сокровищъ.

Шопенъ возрасталъ, какъ въ прочной и мягкой колыбели, въ привычкахъ быта однообразнаго, спокойнаго, трудолюбиваго, и оттого эти примѣры простоты, набожности и благородства остались для него навсегда самыми пріятными и самыми дорогими. Семейныя добродѣтели, милосердіе, воздержность, скромность окружали его чистою атмосферою, въ которой воображеніе его приняло нѣжную бархатность растеній, не подверженныхъ пыли большихъ дорогъ.

Музыкѣ началъ учиться Шопенъ очень-рано, на девятомъ году, и вскорѣ затѣмъ былъ ввѣренъ страстному ученику Себастьяна Баха, Живнѣ, который, въ-продолженіе многихъ лѣтъ, направлялъ его музыкальное образованіе, слѣдуя заблужденіямъ самой классической методы. Можно предполагать, что когда Шопенъ вступилъ на поприще музыканта, ни тщеславіе, ни фантастическая перспектива не ослѣпляли его глазъ и надеждъ его семейства. Его заставляли учиться серьозно и добросовѣстно, чтобы, со-временемъ, онъ сдѣлался искуснымъ и знающимъ учителемъ, и неслишкомъ безпокоились о бо́льшей или мѣньшей извѣстности, которая была бы плодомъ этихъ уроковъ и трудовъ.

Благодаря покровительству одной знатной особы, всегда ободрявшей искусства и молодые таланты и умѣвшей опредѣлять имъ цѣну, съ проницательностью зоркаго человѣка и отличнаго артиста, — Шопенъ былъ помѣщенъ въ одинъ изъ первыхъ варшавскихъ пансіоновъ, и пока находился тамъ, тотъ же покровитель помогалъ весьма скуднымъ

средствамъ его семейства. Такимъ-образомъ, Шопенъ получилъ прекрасное воспитаніе, не пренебреженное ни съ которой стороны.

Говоря объ этомъ періодѣ жизни Шопена, съ удовольствіемъ приводимъ нѣсколько прекрасныхъ строчекъ, примѣняющихся къ нему гораздо вѣрнѣе, нежели прочія страницы, на которыхъ думали схватить его сходство, но гдѣ мы находимъ его въ той ложной пропорціи, какую принялъ бы силуетъ, нарисованный на эластической ткани, которую растянули наискось съ двухъ противоположныхъ концовъ.

«Кроткій, чувствительный, утонченный во всемъ, Шопенъ, пятнадцати лѣтъ, соединялъ въ себѣ всѣ прелести отрочества съ важностью зрѣлаго возраста. Онъ остался нѣженъ тѣломъ и умомъ; но это отсутствіе мускульнаго развитія сохранило ему красоту, особенную физіономію, не имѣвшую, такъ-сказать, ни возраста, ни пола. Это былъ не мужественный и смѣлый видъ и, въ то же время, не женственная миловидность съ розовыми щеками: это было какое-то идеальное созданіе, существо, съ лицомъ прекраснымъ, какъ у женщины, погруженной въ печаль, съ формами чистыми и стройными, какъ у юнаго олимпійскаго героя, и въ довершеніе этого ансамбля — съ выраженіемъ нѣжнымъ и строгимъ, цѣломудреннымъ и страстнымъ.

«Такова была основа его существа. Мысли — самыя чистыя и восторженныя, привязанность прочная, исключительная, строжайше преданная... Но это существо понимало только то, что было тождественно съ нимъ; остальное существовало для него, какъ докучливый сонъ, изъ котораго онъ пытался увернуться, живя въ свѣтѣ. Онъ терялся въ своихъ грезахъ и не терпѣлъ дѣйствительности. Будучи ребенкомъ, онъ не могъ дотронуться до ножа, безъ того, чтобы не обрѣзать руку; въ зрѣлыхъ лѣтахъ, онъ не могъ сойтись лицомъ къ лицу съ человѣкомъ другаго характера, безъ того, чтобы не споткнуться объ это живое противорѣчіе.

«Отъ безпрестаннаго антагонизма предохраняла его добровольная и скоро вкоренившаяся привычка — не видѣть и не слушать того, что непріятно дотрогивалось до его личныхъ наклонностей. Существа, думавшія иначе, казались ему какими-то призраками, и какъ онъ былъ чрезвычайно вѣжливъ, то и можно было принять за благосклонность то, что, на самомъ дѣлѣ, было холоднымъ пренебреженіемъ, и даже неопредолимымъ отвращеніемъ.

«Минутную изліятельность души онъ выкупалъ цѣлыми часами молчанія, нравственныя причины котораго, по своей утонченности, ускользали отъ простаго глаза. Надо было вооружиться микроскопомъ, чтобы читать въ этой душѣ.

«Очень странно, что, при такомъ характерѣ, Шопенъ могъ имѣть друзей. Однакожъ, они были у него, — не только друзья матери, уважавшіе въ немъ сына благородной женщины, но и молодые люди, сверстники, пламенно его любившіе, и имъ любимые... Онъ составилъ себѣ высокое понятіе о дружбѣ, и въ возрастѣ первыхъ очарованій думалъ, что друзья и онъ, воспитанные почти одинаково и въ однихъ и тѣхъ же правилахъ, никогда не перемѣнятъ мнѣнія, и не будутъ въ рѣшительномъ разладѣ.

«Наружно, онъ былъ такъ обходителенъ, отъ хорошаго воспитанія и по врожденной прелести, что нравился даже тѣмъ, которые не знали его. Пріятная физіономія предупреждала въ его пользу; слабость тѣлосложенія дѣлала его интереснымъ въ глазахъ женщинъ; богатство и легкость ума и оригинальность бесѣды обращали на него вниманіе людей просвѣщенныхъ. Люди же, закаленные не такъ тонко, любили въ немъ необыкновенную вѣжливость, не понимая въ простотѣ сердца, что эта вѣжливость была — исполненіе долга, безъ малѣйшаго сочувствія.

«Еслибъ такимъ людямъ удалось проникнуть тайну, они сказали бы, что онъ — болѣе любезный человѣкъ, нежели любящій — и, въ отношеніи къ нимъ, это было бы правдою.

«Въ подробностяхъ жизни, его обращеніе отличалось прелестью. Всѣ формы приличія получали у него необыкновенную грацію, а благодарность выражалъ онъ съ глубокимъ душевнымъ потрясеніемъ, которое платило съ лихвою за дружбу.

«Ему вообразилось, что онъ умираетъ съ каждымъ днемъ, и, съ этою мыслію, онъ принималъ заботы друга и скрывалъ отъ него короткій срокъ, который, казалось ему, остается для того, чтобы пользоваться ими. Шопенъ, повидимому, былъ очень бодръ душою, и если не съ геройскою безпечностью молодости допускалъ мысль о близкой смерти, то, по-крайней-мѣрѣ, ожидалъ ее съ какимъ-то горькимъ наслажденіемъ.»

Въ эту пору молодости, онъ влюбился въ дѣвушку, которая не переставала приносить ему чистую дань удивленія; но уѣхавъ далеко отъ своей родины, Шопенъ прервалъ эту первую любовь... Съ-этихъ-поръ онъ болѣе не встрѣчалъ счастія, о которомъ мечталъ съ нею, и встрѣтилъ славу, о которой, можетъ-быть, и не думалъ. Дѣвушка эта, прекрасная и кроткая, съ серьозною нѣжностью во взорѣ, осталась спокойна, но печальна, и печаль, безъ сомнѣнія, увеличивалась въ этой чистой душѣ, когда узнала она, что преданность, подобная ея

преданности, не усладила существованія того, котораго она почитала съ простодушною покорностью, съ наивнымъ и высокимъ довѣріемъ.

Неожиданно разставшись съ Шопеномъ, эта дѣвушка осталась вѣрна всему, что̀ напоминало о немъ; съ дочернею заботливостью ухаживала за его родителями, и отецъ Шопена не хотѣлъ, чтобы портретъ его, который нарисовала она въ дни надежды, былъ замѣненъ въ домѣ другимъ, хотя бы написаннымъ самою опытною кистью. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ этого, мы видѣли, какъ блѣдныя щеки этой горюющей дѣвушки медленно покрывались румянцемъ, подобно алебастру передъ огнемъ, когда, смотря на этотъ портретъ, она встрѣчала глазами взоръ отца.

Прекрасный и уживчивый характеръ Шопена уже на школьной скамейкѣ снискалъ ему любовь товарищей, и какъ многіе изъ нихъ принадлежали къ знаменитымъ фамиліямъ, то доставилъ ему входъ въ лучшіе дома. Въ нихъ-то Шопенъ пріучился къ мысли, что приличія, вмѣсто того, чтобы быть однообразною маской, скрывающею подъ симметріею линій отдѣльные характеры, служатъ только къ тому, чтобы смягчать ихъ тоны, сглаживать реализмъ выраженія, который унижаетъ ихъ, непринужденность, которая доходитъ до рѣзкости.

Шопенъ былъ такъ глубоко и такъ исключительно проникнутъ чувствами, типы которыхъ онъ узналъ еще въ юности, чувствами, которыя одни онъ считалъ достойными сдѣлаться достояніемъ искусства, и на послѣднее смотрѣлъ онъ такъ неизмѣнно, съ одной и той же точки зрѣнія, что такое настроеніе духа не могло не отозваться и въ склонностяхъ артиста. Въ великихъ образцахъ искусства, онъ искалъ единственно того, что̀ соотвѣтствовало его природѣ. Что̀ приближалось къ ней — нравилось ему; тому, что уклонялось отъ нея, онъ едва отдавалъ справедливость. Соединяя въ самомъ-себѣ, часто противуположныя одно другому, качества страсти и граціи, онъ судилъ очень вѣрно и остерегался мелочнаго пристрастія; однакожъ не останавливался передъ величайшими красотами и самыми важными заслугами, если онѣ оскорбляли ту или другую сторону его поэтическаго взгляда. При всемъ уваженіи къ Бетховену, онъ находилъ, что нѣкоторыя части его сочиненій обдѣланы слишкомъ рѣзко; атлетовская постройка ихъ не нравилась ему; порывы ихъ казались ему слишкомъ бурными, страсть — похожею на потопъ; львиный мозгъ, заключающійся въ каждомъ членѣ бетховенской фразы, казался Шопену слишкомъ матеріальнымъ, и рафаэлевскіе профили, являющіеся посреди могучихъ созданій этого генія, дѣлались для него иногда почти тягостными, отъ чрезвычайно рѣзкаго контраста.

При всей справедливости къ красотамъ шубертовыхъ мелодій, Шопенъ неохотно слушалъ тѣ изъ нихъ, которыхъ очерки были слишкомъ рѣзки для его уха, — гдѣ чувство является какъ-будто обнаженнымъ, гдѣ, такъ-сказать, чувствуешь трепетъ мяса и трескъ костей въ объятіяхъ горести. Всѣ дикія рѣзкости отталкивали Шопена. Въ музыкѣ, какъ въ литературѣ, какъ домашнемъ быту, все, подходившее къ мелодрамѣ, было для него му́кой. Онъ не терпѣлъ растрепаннаго и вступленнаго романтизма, раздирающихъ душу эффектовъ и безумныхъ восторговъ. «Онъ любилъ Шекспира съ большими ограни-«ченіями; находилъ характеры списанными слишкомъ съ натуры; ему «болѣе нравились эпическіе и лирическіе синтезы, оставлявшіе въ тѣни «бѣдныя подробности человѣчества. Вотъ почему онъ говорилъ мало и «почти не слушалъ, и высказывалъ свои мысли или собиралъ чужія, «когда онѣ восходили на извѣстную высоту».

Натура эта, постоянно владѣвшая собою, осмотрительная, осторожная, для которой угадываніе, предчувствіе доставляли прелесть приблизительности, столь любимой поэтами, умѣющими доканчивать прерванныя слова и обрѣзанныя мысли, — натура эта ощущала какую-то скуку тамъ, гдѣ не оставалось ничего угадывать, и еслибъ Шопену надо было выразить свое мнѣніе съ этой стороны, онъ сознался бы, что его душѣ позволено было выражать чувствованія въ той мѣрѣ, чтобъ лучшая часть ихъ оставалась загадкою. Если, такъ-называемый, *классицизмъ* въ искусствѣ казался ему налагающимъ слишкомъ методическія ограниченія; если онъ не хотѣлъ заключиться въ холодъ условной системы, въ клѣтку симметріи, — то не хотѣлъ для того, чтобъ уноситься въ облака, пѣть, какъ жаворонокъ возлѣ голубаго неба, никогда не спускаться съ этихъ высотъ, и отдыхать не иначе, какъ паря въ возвышенныхъ сферахъ, какъ райская птичка, которая, говорятъ, спитъ съ распростертыми крыльями, баюкаемая дыханіемъ пространства тамъ, гдѣ остановился ея полетъ.

То, что въ итальянской музыкѣ такъ чистосердечно, лучезарно, лишено всякихъ прикрасъ, также мало нравилось ему. Отзываясь о Шубертѣ, Шопенъ сказалъ однажды, «что высокое гибнетъ, когда его смѣняетъ тривіальное». Изъ композиторовъ для фортепьяно, болѣе другихъ доставлялъ ему удовольствія Гуммель, а Моцартъ казался ему идеальнымъ типомъ, поэтомъ по преимуществу, потому-что онъ рѣже всякаго другаго переступалъ границы, отдѣляющія благородное отъ тривіальнаго. Шопену нравилось въ Моцартѣ именно то, что заслужило ему упрекъ отъ отца, который сказалъ ему послѣ представленія *Идоменея:* «Напрасно ты не далъ никакой пищи длиннымъ

ушамъ». Веселость Папагено отвѣчала веселости Шопена; Зерлина и Мазетто забавляли его утонченною наивностью; онъ понималъ мщеніе донны Анны, потому-что оно еще болѣе прикрывало ея скорбь. И между-тѣмъ спбаритская чистота, отвращеніе отъ общихъ мѣстъ были такъ сильны въ Шопенѣ, что даже въ *Донъ-Жуанѣ*, даже въ этомъ безсмертномъ образцовомъ произведеніи, онъ открывалъ пассажи, которые казались ему недостойными находиться въ такомъ твореніи. Отъ этого, уваженіе Шопена къ Моцарту не уменьшалась, но принимало какой-то печальный оттѣнокъ. Иногда, впрочемъ, онъ забывалъ то, что его отталкивало, но примириться съ нимъ—не могъ. Не подчинялся ли онъ, въ этомъ случаѣ, горестнымъ условіямъ высокихъ и безжалостныхъ инстинктовъ, которые, несмотря на на какія убѣжденія, ни на какіе доводы, не могутъ преодолѣть отвращеніе къ предметамъ своей антипатіи?

Пройдя курсъ гармоніи съ профессоромъ Іосифомъ Эльснеромъ, научившимъ его двумъ труднѣйшимъ вещамъ — именно: быть взыскательнымъ къ самому себѣ и пользоваться выгодами, которыя получаются терпѣніемъ и трудомъ,—Шопенъ, по желанію родителей, отправился путешествовать, чтобы ознакомиться съ исполненіемъ великихъ твореній. Съ этою цѣлью, онъ побывалъ во многихъ германскихъ городахъ; въ 1830 году прибылъ въ Вѣну, далъ тамъ нѣсколько концертовъ, но не произвелъ впечатлѣнія, какого вправѣ былъ ожидать, и отправился въ Лондонъ. Въ паспортѣ было сказано: *проѣздомъ черезъ Парижъ*. Въ этихъ словахъ заключалась вся будущность Шопена. Спустя много лѣтъ, уже освоившись съ Франціей, онъ еще говаривалъ, смѣясь: «Я здѣсь — только проѣздомъ».

Пріѣхавъ въ Парижъ, онъ далъ рядъ концертовъ, которыми возбудилъ живое удивленіе, какъ образованнаго общества, такъ и молодыхъ артистовъ. Мы помнимъ первое его появленіе въ залѣ Плейеля, гдѣ самые восторженныя рукоплесканія, казалось, еще не вполнѣ выражали наше восхищеніе, въ присутствіи таланта, который открывалъ новую сторону въ поэтическомъ чувствѣ и счастливыя нововведенія въ формѣ искусства.

Вопреки бо́льшей части пріѣзжихъ артистовъ, онъ не увлекся ни на минуту ослѣпленіемъ и упоеніемъ торжества; принялъ его безъ гордости и безъ ложнаго смиренія, не чувствуя ребяческаго тщеславія, неизбѣжнаго у выскочекъ. Шопенъ долгое время держался поотдаль отъ парижскихъ знаменитостей; шумная свита ихъ приводила его въ смущеніе. Съ своей стороны, онъ менѣе, нежели онѣ, подстрекалъ любопытство, потому-что въ характерѣ и привычкахъ его болѣе было

истинной оригинальности, нежели наружной эксцентричности. Сверхъ-того, онъ очень ѣдко отвѣчалъ тѣмъ, которые неосторожно пытались пользоваться его талантомъ. Послѣ одного обѣда, неловкій амфитріонъ раскрылъ передъ Шопеномъ фортепьяно, простодушно обѣщая гостямъ, вмѣсто рѣдкаго дессерта, какую-нибудь пьесу, которую сыграетъ этотъ артистъ. Шопенъ сначала отговаривался, но потомъ, когда настоятельныя просьбы ему наскучили, сказалъ хозяину: «Милостивый государь, да вѣдь я почти не обѣдалъ».

—

Въ 1836 году, госпожа Жоржъ Сандъ часто слышала, отъ одного музыканта, о необыкновенномъ талантѣ Шопена, узнала его произведенія и была въ восхищеніи. Особенно поразили ее въ этой поэзіи — обиліе чувства, изліянія сердца, высказанныя съ высокимъ благородствомъ

Видя, что артистъ этотъ, не воплощаетъ своей фантазіи въ порфиръ и мраморъ, не воздвигаетъ изъ своихъ созданій каріатиды, а напротивъ, отнимаетъ у нихъ всякій вѣсъ, стираетъ ихъ контуры и, въ случаѣ надобности, готовъ поднять съ земли самоё архитектуру и развѣсить ее на облакахъ, какъ воздушные дворцы фата-морганы, — госпожа Сандъ еще болѣе увлеклась неосязаемою легкостью этихъ формъ, какъ-будто прозрѣвая сквозь нихъ идеалъ. Рука ея, довольно сильная, чтобы высѣкать рѣзкія выпуклости, могла, въ то же время, дѣлать барельефы, столь нѣжные, что, казалось, ввѣряла камню только тѣнь силуэта. Госпожа Сандъ необыкновенная женщина; передъ нею природа какъ-будто развязала свой поясъ, и обнаружила всѣ прихоти, прелести, игры, которыми надѣляетъ она красоту. Взоръ ея, будучи въ состояніи обнимать огромные размѣры, не пренебрегалъ свѣтлыми жилками крыльевъ бабочки; изучалъ симметрическое и удивительное сѣтчатое сплетеніе, которое папоротникъ разстилаетъ балдахиномъ надъ лѣсною земляникой; слѣдилъ за сэлтареллами блудячихъ огоньковъ на краю полянъ и болотъ, и угадывалъ, къ какимъ химерическимъ жилищамъ ихъ предательская пляска ведетъ запоздалыхъ пѣшеходовъ; она прислушивалась къ концертамъ стрекозы, и заучила имена всѣхъ жителей крылатаго царства, которыхъ она такъ же хорошо различаетъ по ихъ пернатымъ платьямъ, какъ по ихъ насмѣшливымъ руладамъ или жалобнымъ крикамъ. Она знала всю мягкость тѣла лиліи, ослѣпительный ея цвѣтъ, и отчаяніе Женевьевы, дѣвушки, влюбленной въ цвѣты. Оттого-то ей хотѣлось узнать артиста, стремившагося къ этимъ пейзажамъ, невыразимымъ, но существующимъ гдѣ-нибудь на землѣ или на какой-нибудь планетѣ, которые такъ пріятно созерцать въ лѣсу, при закатѣ

луны, и не хотѣвшаго воротиться ни сердцемъ ни воображеніемъ къ здѣшнему міру, похожему на морской берегъ скалистой страны, гдѣ можно спастись отъ тины не иначе, какъ взбираясь на голый гранитъ одинокихъ утесовъ.

Шопенъ боялся этой женщины, которая, какъ дельфійская пиѳія, разсказывала столько вещей, неизвѣстныхъ другимъ. Онъ избѣгалъ ея, откладывалъ встрѣчу съ нею. Госпожа Сандъ, не зная объ этой боязни, пошла ему навстрѣчу, — и въ немъ разсѣялось предубѣжденіе противъ женщинъ-писательницъ.

Осенью 1837 года, Шопенъ почувствовалъ признаки болѣзни, отнявшей у него половину жизненныхъ силъ. Симптомы, возбуждавшіе сильное безпокойство, заставили его ѣхать на Югъ, чтобы избѣжать тамъ зимняго холода. Госпожа Сандъ, по всегдашнему сочувствію къ страданіямъ друзей, не хотѣла, чтобы онъ отправился одинъ, когда положеніе его наиболѣе требовало попеченій, и рѣшилась сопровождать его. Рѣшено было ѣхать на островъ Маіорку, гдѣ морской воздухъ и постоянно теплый климатъ особенно помогаютъ страждущимъ грудными болѣзнями. Хотя, передъ отъѣздомъ, Шопенъ былъ такъ слабъ, что не надѣялись на его возвращеніе, однакожъ его здоровье поправилось тамъ на нѣсколько лѣтъ.

Климатъ ли одинъ возвратилъ ему жизнь, или, можетъ-быть, онъ жилъ, потому-что хотѣлъ жить? Кто знаетъ, гдѣ предѣлъ воли надъ нашимъ тѣломъ? Какой внутренній ароматъ отдѣляетъ она, чтобы предохранять его отъ упадка, какую энергію можетъ она вдохнуть въ разслабленные органы?

Въ эту эпоху жизни Шопена соединились всѣ призмы счастія. Удивительно ли же, что онѣ снова зажгли жизнь, и что въ это мгновеніе она горѣла своимъ живѣйшимъ блескомъ? Уединеніе, окруженное голубыми волнами Средиземнаго Моря и тѣнью лимонныхъ деревъ, по самому мѣстоположенію своему соотвѣтствовало пламенному влеченію молодой души, наивно вздыхающей о счастіи на *дикомъ островѣ*! Здѣсь онъ вдохнулъ въ себя воздухъ, о которомъ такъ жестоко тоскуютъ натуры, чужія подлунному міру; воздухъ, который можно найти вездѣ и не встрѣтить нигдѣ, смотря потому, какія души вдыхаютъ его вмѣстѣ съ нами; воздухъ фантастическихъ странъ, который, вопреки дѣйствительности и всѣмъ препятствіямъ, такъ легко находишь, когда ищешь его вдвоемъ; воздухъ идеальной родины, куда хотѣлось бы увлечь то, что любишь, повторяя съ Миньоною: Dahin! dahin!... lass uns ziehn!

Во все время болѣзни Шопена, госпожа Сандъ не покидала изголовья того, кто любилъ ее до самой смерти, и остался ей вѣренъ

даже посреди своихъ страданій. Кажется, что это хрупкое существованіе испепелилось въ горнилѣ удивленія... Другіе ищутъ счастіе въ своихъ привязанностяхъ, и если не находятъ ихъ, то привязанности эти уходятъ потихоньку. Эти *другіе* любятъ, какъ всѣ; но онъ любилъ — для любви. Его не могло остудить никакое страданіе. Онъ могъ войти въ новую сферу—сферу скорби, истощивъ сферу упоенія, но былъ недоступенъ для охлажденія. Привязанность сдѣлалась для него жизнью, и очаровательная или горькая была эта привязанность — онъ не могъ оторваться отъ нея ни на мгновеніе.

Воспоминаніе о дняхъ, проведенныхъ на островѣ Маіоркѣ, сохранилось въ сердцѣ Шопена какъ восторгъ, который судьба только одинъ разъ даетъ своимъ ближайшимъ любимцамъ. Онъ жилъ не на землѣ, но посреди золотыхъ облаковъ и благоуханій, и если иногда, на лучезарной сферѣ, случайно показывался маленькій волшебный фонарь земли, Шопену дѣлалось больно, какъ-будто, въ серединѣ высокаго концерта, крикучая віола примѣшивала свой острый звукъ и площадной мотивъ къ мыслямъ великихъ мастеровъ. Впослѣдствіи, онъ отзывался объ этомъ періодѣ съ благодарностью, какъ о благодѣяніи, достаточномъ для счастія цѣлой жизни, и не надѣясь, чтобы возможно было когда-либо снова найти блаженство, въ которомъ нѣжность женщины и проблески генія, чередуясь, обозначали время, какъ цвѣточные часы, устроенные Линнеемъ въ упсальской оранжереѣ, показывали каждый часъ дня своимъ пробужденіемъ, испуская всякій разъ новый ароматъ, и обнаруживая новыя красоты, по мѣрѣ того, какъ раскрывались ихъ разновидныя чашечки.

Великолѣпныя мѣста, по которымъ проѣзжали поэтъ и музыкантъ, явственнѣе поражали воображеніе перваго. Красоты природы дѣйствовали на Шопена не такъ опредѣлительно, однакоже не съ мѣньшею силою. Душа его волновалась отъ нихъ и прямо гармонировала съ ихъ величіемъ и чарами, не требуя, чтобы умъ анализировалъ ихъ, распредѣлялъ по классамъ, называлъ по именамъ. Она дрожала унисономъ съ прелестными пейзажами, хотя не могла, въ ту минуту, указать на источникъ каждаго впечатлѣнія. Какъ настоящій музыкантъ, онъ довольствовался тѣмъ, что схватывало чувство изъ видимыхъ картинъ, оставляя безъ вниманія пластическую часть, живописную кору, которая не сходствовала съ формою его искусства и не принадлежала къ его спиритуальной сферѣ. И однакоже (обстоятельство, часто встрѣчаемое въ подобныхъ ему организаціяхъ), чѣмъ болѣе удалялся онъ отъ мгновеній и сценъ, въ которыя душевное ощущеніе затемняло его чувства, какъ дымъ благоуханій охватываетъ курильницу, — тѣмъ вы-

пуклѣе дѣлались для его глазъ рисунки и очерки мѣстъ и положеній. Въ послѣдующіе годы, онъ вспоминалъ ихъ съ восхищеніемъ; но тогда онъ былъ вполнѣ счастливъ, не дѣлалъ описи счастію, предавался ему, какъ всѣ мы предаемся ему въ дѣтскія лѣта,—подчиняясь безотчетному вліянію природы, и только впослѣдствіи находя въ нашей памяти вѣрный образъ каждаго предмета, который мы въ состояніи описать только послѣ долгой разлуки.

Да и зачѣмъ было-бы ему обращать наблюдательный взоръ на мѣстности Испаніи, сдѣлавшіяся рамкою поэтическаго счастія? Не дѣлались онѣ еще прекраснѣе подъ вдохновеннымъ перомъ его спутницы? Онъ видѣлъ снова эти очаровательныя мѣста, сквозь колоритъ ея таланта, какъ сквозь красныя стекла видишь всѣ предметы, и самую атмосферу, въ огненномъ блескѣ.

Съ 1840 года, здоровье Шопена, послѣ разныхъ колебаній, постоянно разрушалось. Недѣли, которыя проводилъ онъ въ деревнѣ Ноанъ, были въ-теченіе многихъ годовъ, лучшимъ его временемъ. Работая здѣсь съ удовольствіемъ, онъ всякій годъ выносилъ отсюда по нѣсколько сочиненій; но съ возвращеніемъ зимы, страданія усиливались. Движеніе сдѣлалось для него, сначала, труднымъ, а вскорѣ—невозможнымъ. Съ 1846 по 1847 годъ, онъ почти не ходилъ, и не могъ подниматься по лѣстницѣ, безъ болѣзненной одышки.

Весною 1847 года, здоровье разстраивалось со дня на день, и кончилось болѣзнью, отнявшею всѣ надежды. Онъ былъ спасенъ въ послѣдній разъ, но эта эпоха ознаменована столь тягостнымъ разрывомъ для его сердца, что онъ назвалъ его смертельною. И дѣйствительно, онъ недолго пережилъ разрывъ дружбы съ госпожею Сандъ, случившійся въ это время. Мадамъ Сталь,—сердце исполненное доброты и страсти, умъ острый и живой, котораго единственный недостатокъ заключался въ частомъ порабощеніи фразы педантизму, отнимавшему у него прелесть непринужденности, — мадамъ Сталь, въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда живость ощущеній сбрасывала съ нея женевскую важность, воскликнула: «Въ любви существуютъ—только начинанія!..» Восклицаніе горькаго опыта надъ безсиліемъ сердца выполнить все прекрасное, о которомъ мечтаетъ воображеніе.

Шопенъ говорилъ тогда часто и почти предпочтительно о госпожѣ Сандъ, говорилъ безъ желчи и безъ ропота. Слезы выступали у него при одномъ ея имени, но онъ съ какимъ-то наслажденіемъ предавался горестному воспоминанію прошлыхъ дней, уже лишенныхъ своего поэтическаго значенія. Несмотря на всѣ старанія друзей, удалить этотъ предметъ изъ его памяти, и спасти его отъ ужаснаго душевнаго

потрясенія, онъ любилъ возвращаться къ нему, какъ-будто хотѣлъ разрушить свою жизнь тѣми самыми чувствами, которыя нѣкогда одушевляли его. Для него было послѣднею прелестью — содрогаться, видя, какъ обезображивается его послѣдняя надежда. Тщетно старались отклонить его мысль въ другую сторону: онъ постоянно заговаривалъ о любимомъ предметѣ, а если и не говорилъ, то не продолжалъ ли думать о немъ? Страдалецъ жадно глотатъ ядъ, чтобы менѣе чувствовать его вкусъ.

Какъ ни ограниченно было число дней, оставленныхъ ему слабостью физическаго сложенія, но онъ еще могъ бы избѣжать печальныхъ страданій, которыя пресѣкли ихъ. Одаренный душою нѣжною и пламенною, но взыскательный въ своихъ привязанностяхъ и антипатіяхъ, онъ удовольствовался жизнію посреди лучезарныхъ призраковъ, которые умѣлъ вызывать, и посреди благородной скорби, которой далъ пріютъ въ своей груди. Онъ былъ благороднною жертвой мгновеннаго влеченія двухъ, противуположныхъ по своимъ наклонностямъ, натуръ, которыя, внезапно встрѣтясь, чувствуютъ удовольствіе, и, принимая его за чувство прочное, создаютъ неосуществимыя грезы. Въ минуту пробужденья, разрушается и гибнетъ та изъ двухъ натуръ, которой впечатлѣнія глубже, для которой пересаживать свои надежды и привязанности на другую почву—дѣло невозможное.

Шопенъ чувствовалъ, и часто повторялъ, что съ разрывомъ этихъ узъ, этой долголѣтней дружбы—разобьется его жизнь.

Въ-продолженіе этой болѣзни, Гутманъ, отличнѣйшій ученикъ и, въ послѣдніе годы, лучшій другъ Шопена, предоставилъ ему живѣйшія доказательства свей привязанности. Поправленіе здоровья Шопена было медленное и тягостное. Въ это время, онъ такъ перемѣнился, что его невозможно было узнать.

Слѣдующее лѣто принесло ему временное облегченіе, какое оживленная природа обыкновенно даруетъ умирающимъ. Онъ не хотѣлъ оставить Парижъ, и лишилъ себя чистаго деревенскаго воздуха и благодѣяній этой живительной стихіи.

Зима 1847 — 1848 года была тягостною и продолжительною смѣною выздоровленія и новыхъ припадковъ болѣзни. Однакожъ, Шопенъ рѣшился исполнить весною свое давнишнее намѣреніе — побывать въ Лондонѣ, куда онъ сбирался ѣхать еще въ то время, когда молодость и жизнь рисовали передъ нимъ радужную перспективу. Въ апрѣлѣ, онъ отправился въ Англію, гдѣ его произведенія уже нашли образованную публику, были извѣстны и заслужили общее удивленіе. Шопенъ оставилъ Францію въ расположеніи духа, которое англичане называютъ

low spirits. Политическія событія той эпохи возбуждали въ немъ только сожалѣніе надъ человѣческимъ безразсудствомъ. Онъ предался исключительно искусству, съ такимъ рвеніемъ, какъ въ дни полнаго расцвѣта жизни и надеждъ. Передъ отъѣздомъ изъ Парижа, онъ далъ концертъ въ залахъ Плейеля, одного изъ самыхъ постоянныхъ и преданныхъ своихъ друзей, который потомъ принесъ дань его памяти и дружбѣ, открывъ подписку для сооруженія ему памятника надъ могилой. Въ этомъ концертѣ Шопена, публика его, избранная и вѣрная, слышала его въ послѣдній разъ....

Въ Лондонѣ, Шопена встрѣтили съ восхищеніемъ, которое заставало его сбросить печаль и разсѣяло его уныніе. Онъ надѣялся забыть все прошлое, даже привычки; пренебрегалъ совѣтами врачей, не обращалъ вниманія на предосторожности, которыхъ требовало его болѣзненное состояніе; игралъ два раза въ публикѣ, и много разъ въ домашнихъ концертахъ; посѣщалъ общества, проводилъ ночи безъ сна, уставалъ, не останавливаясь предъ предосторожностями, которыхъ требовало здоровье.

У герцогини Соутерлэндской, онъ былъ представленъ королевѣ; самыя блистательныя гостиныя искали удовольствія принять его. Изъ Лондона, онъ поѣхалъ въ Эдинбургъ, котораго климатъ особенно ему повредилъ. По пріѣздѣ изъ Шотландіи, Шопенъ чрезвычайно ослабѣлъ; доктора совѣтывали ему, какъ можно скорѣе, оставить Англію, но онъ медлилъ отъѣздомъ. И кто знаетъ, отчего онъ медлилъ?...

Въ этотъ разъ, при самомъ пріѣздѣ въ Парижъ, Шопена поразила неожиданная печаль: докторъ Моленъ, котораго совѣты и умное руководство уже спасли ему жизнь, зимою 1847 года, и которому одному онъ считалъ себя обязаннымъ продлитіемъ своего существованія на нѣсколько лѣтъ, докторъ Моленъ умеръ. Потеря эта привела Шопена въ такое уныніе, въ ту минуту, когда разсудокъ сильно дѣйствуетъ на развитіе болѣзни, что онъ потерялъ довѣріе ко всѣмъ другимъ врачамъ. Съ-этихъ-поръ онъ мѣнялъ ихъ безпрестанно, недовольный ни однимъ, и не полагаясь ни на чье знаніе.

Съ зимы 1848 года, онъ не могъ даже работать послѣдовательно, и только по временамъ исправлялъ набросанные на-скоро листы, будучи не въ состояніи связать въ нихъ мысли. Уваженіе къ собственной славѣ побудило его сжечь ихъ, чтобы они не были изувѣчены, урѣзаны, и не обратилась въ посмертныя сочиненія, недостойныя композитора.

Шопенъ оставилъ въ рукописи только двѣ доконченныя пьесы: послѣдній *ноттурнъ* и *вальсъ*, очень коротенькій, — лоскутокъ на

память. Въ послѣднее время, онъ намѣревался составить фортепьянную методу, въ которой хотѣлъ изложить свои понятія о теоріи и техникѣ искусства, плодъ долголѣтнихъ трудовъ, счастливыхъ нововведеній и мудраго опыта: дѣло серьозное, требовавшее удвоенной усидчивости, даже отъ такого прилежнаго труженика, каковъ былъ Шопенъ. Удаляясь въ эти безплодныя области, онъ, можетъ-быть, искалъ въ однообразномъ и гнетущемъ занятіи того, чего Манфредъ тщетно просилъ: *забвенія!...* Забвенія, не доставляемаго развлеченіями, которыя, напротивъ, съ язвительною хитростью, вознаграждаютъ за него, растягивая время, отнятое у горести? Другой поэтъ, также бывшій жертвою безутѣшной меланхоліи, также точно, дожидаясь преждевременной смерти, старался успокоить свои горести трудомъ, къ которому взываетъ онъ, какъ послѣднему убѣжищу отъ жизненныхъ золъ, въ концѣ мужественной элегіи, названной *Идеалами:*

«Другъ вѣрный, трудъ неутомимый,
«Кому святая власть дана:
«Всегда творить, не разрушая,
«Мирить печальнаго съ судьбой,
«И силу въ сердцѣ водворяя,
«Беречь въ немъ ясность и покой.

Но Шопену недостало силъ для исполненія своихъ плановъ: это было занятіе слишкомъ отвлеченное, слишкомъ утомительное. Онъ преслѣдовалъ мысленно очеркъ своего проэкта, принимался говорить о немъ, но не могъ; набросалъ нѣсколько страницъ — и сжегъ ихъ, вмѣстѣ съ прочимъ

Наконецъ болѣзнь Шопена такъ усилилась, что опасенія друзей его перешли въ отчаяніе. Вскорѣ, онъ уже не вставалъ съ постели, и не говорилъ почти ни слова. Сестра его, пріѣхавшая, по полученіи этого извѣстія, не отходила отъ подушки больнаго. Онъ видѣлъ страхъ, печаль окружающихъ, но не показывалъ впечатлѣнія, какое они производили на него, и спокойно, съ христіанскимъ самоотверженіемъ говорилъ о своей смерти, не переставая, однакожъ, думать о завтрашнемъ днѣ. Страсть къ перемѣнѣ мѣстъ обнаружилась въ немъ еще разъ: онъ нанялъ другую квартиру, велѣлъ омеблировать ее за-ново, заботился обо всѣхъ мелочахъ; всѣ распоряженія его были исполнены, —и случилось такъ, что утромъ въ день кончины его перенесли мебель въ квартиру, въ которой ему не суждено было жить.

Съ недѣли на недѣлю, со дня на день, тѣнь смерти болѣе и болѣе сгущалась. Болѣзнь доходила до послѣдняго предѣла; страданія дѣлались мучительнѣе, кризисы многосложнѣе, и болѣе и болѣе походили на агонію. Когда же они прекращались, Шопенъ сохранялъ до конца при-

сутствіе духа, не утративъ ни ясности мыслей, ни проницательности намѣреній. Желанія, выраженныя имъ въ эти минуты отдыха, свидѣтельствуютъ о спокойной торжественности, съ какою видѣлъ онъ приближеніе своей смерти. Онъ желалъ быть схороненнымъ возлѣ Беллини, съ которымъ находился въ частыхъ и дружескихъ сношеніяхъ, во время его пребыванія въ Парижѣ. Беллини схороненъ на кладбищѣ Отца-Лашеза, рядомъ съ Керубини, и желаніе — познакомиться съ этимъ великимъ композиторомъ, къ которому Шопенъ получилъ уваженіе вмѣстѣ съ воспитаніемъ, было одною изъ причинъ, побудившихъ его, въ 1831 году, при поѣздкѣ изъ Вѣны въ Лондонъ, свернуть въ Парижъ.... Теперь, Шопенъ покоится между Беллини и Керубини, геніями отличными одинъ отъ другаго, но къ которымъ онъ приближался въ одинаковой степени, столько же уважая въ одномъ науку, сколько питая къ другому расположеніе; дыша чувствомъ мелодіи, какъ творецъ *Нормы*, и стремясь къ гармонической глубинѣ, какъ ученый старецъ; желая соединить въ одной великой и возвышенной манерѣ — воздушную легкость порыва съ достоинствами довершенныхъ мастеровъ.

Сохраняя до смерти осторожность въ своихъ сношеніяхъ, Шопенъ ни кого не звалъ проститься, но отвѣчалъ трогательною благодарностью тѣмъ, которые приходили его навѣстить. Первые дни октября разсѣяли всякое сомнѣніе и отняли всякую надежду. Роковое мгновеніе приближалось; нельзя было ручаться за завтрашній день, за слѣдующій часъ. Сестра и Гутманъ не отлучались отъ больнаго. Графиня П*** нарочно воротилась въ Парижъ, какъ только узнала о неминуемой опасности любимаго артиста. Находившіеся при умирающемъ не могли оторвать глазъ отъ зрѣлища этой прекрасной и высокой души въ рѣшительное мгновенье.

Какъ-бы ни были бурны или легкомысленны страсти, волнующія сердца; сколько-бы не обнаруживали они силы или равнодушія въ присутствіи неожиданныхъ несчастій, но зрѣлище медленной и прекрасной смерти такъ величественно, что потрясаетъ, смягчаетъ и возвышаетъ души, даже мало-приготовленныя къ чистымъ размышленіемъ. Медленный и постепенный отходъ одного изъ насъ къ берегамъ вѣчности; таинственная важность его думъ, припоминаніе мыслей и дѣлъ на узкомъ порогѣ, отдѣляющемъ прошедшее отъ будущаго, волнуютъ насъ глубже, нежели что-либо въ здѣшнемъ мірѣ. Пропасти, разверзаемыя землею подъ нашими ногами; пожары, охватывающіе цѣлые города огненнымъ поясомъ; бѣдствіе хрупкаго корабля въ объятіяхъ бури; кровь, проливаемая оружіемъ въ дыму битвъ — не такъ осязательно удаляютъ насъ отъ мелочей земнаго, какъ видъ души, бесѣдующей съ собою, и

безмолвно созерцающей многообразныя измѣненія времени и нѣмыя врата вѣчности....

Въ гостиной, смежной съ спальнею Шопена, постоянно находились лица, подходившія къ нему, чтобы уловить хотя жестъ, хотя взглядъ, если слова уже замерли на его устахъ. Въ воскресенье, 15 октября, кризисы, болѣзненнѣе прежнихъ, продолжались нѣсколько часовъ сряду. Онъ выдержалъ ихъ терпѣливо и мужественно. Графиня П***, присутствовавшая при этомъ, была сильно тронута. Шопенъ замѣтилъ ее, стоящую въ ногахъ, у постели, высокую, стройную, въ бѣломъ, похожую на очаровательное видѣнье, и, нѣсколько успокоившись послѣ припадка, попросилъ ее спѣть. Просьбу эту приняли-было за бредъ, но Шопенъ повторилъ ее настоятельно. Можно-ли было отказать? Фортепьяно придвинули въ гостиной къ дверямъ спальни, и графиня запѣла. Голосъ ея рыдалъ, слезы струились по ея щекамъ; еще никогда этотъ прекрасный талантъ и этотъ удивительный голосъ не достигали такого патетическаго выраженія. Шопену какъ-будто стало легче отъ этихъ звуковъ. Она пѣла извѣстный гимнъ, который, говорятъ, спасъ жизнь Страделлы. «Прекрасно! Боже мой, какъ это прекрасно!... Еще.... еще!» говорилъ Шопенъ, и графиня, исполняя послѣднее желаніе своего друга, опять сѣла за фортепьяно и запѣла псаломъ Марчелло. Шопену сдѣлалось дурно; всѣ были объяты ужасомъ, вдругъ упали на колѣни, никто не смѣлъ говорить, и голосъ графини одинъ парилъ, какъ дивная мелодія, надъ вздохами и рыданьями, которые были для нихъ глухимъ и погребальнымъ аккомпаньеменомъ. Это было подъ-вечеръ; сумерки набрасывали таинственную тѣнь на печальную картину; сестра Шопена, на колѣняхъ возлѣ постели, плакала и молилась, и не выходила изъ этого положенія до-тѣхъ-поръ, пока душа не покинула ея любимаго брата.

Ночью, болѣзнь усилилась; утромъ, въ понедѣльникъ, ему сдѣлалось лучше; онъ пожелалъ исповѣдаться, причастился Св. Таинъ въ присутствіи своихъ друзей; потомъ велѣлъ имъ поочереди приблизиться къ постели, и простился съ каждымъ, призывая на него Божье благословеніе.

Кризисы, одни мучительнѣе другихъ, продолжались цѣлый день; ночью, съ понедѣльника на вторникъ, онъ не произносилъ ни слова и, кажется, уже не узнавалъ окружающихъ. Къ одиннадцати часамъ вечера ему сдѣлалось легче, и какъ только онъ почувствовалъ въ себѣ силу говорить, то пожелалъ прочитать, со священникомъ, отходную. Шопенъ прочелъ ее на латинскомъ языкѣ, громко и внятно. Съ этой минуты, онъ постоянно лежалъ, опершись головою на плечо Гутмана, посвятившаго ему, въ продолженіе всей этой болѣзни, дни и ночи.

Лихорадочная дремота продолжалась до 17 сентября. Около двухъ часовъ, началась агонія; холодный потъ выступилъ крупными каплями на лбу умирающаго; послѣ короткаго забытья, Шопенъ спросилъ чуть слышно: «Кто возлѣ меня?», — поцѣловалъ руку Гутмана, который поддерживалъ его, и отдалъ душу въ этомъ послѣднемъ знакѣ дружбы и благодарности: умеръ какъ жилъ — любя!

Когда дверь гостиной распахнулась, всѣ окружили бездыханное тѣло, и долго, долго лились на него слезы....

Зная страсть Шопена къ цвѣтамъ, на другой же день убрали ими смертный одръ и всю комнату: умершій, казалось, отдыхалъ въ саду; лицо его сдѣлалось спокойнымъ и опять явилось въ юношеской красотѣ, давно изглаженной страданіями. Скульпторъ Клезингеръ воспроизвелъ эти черты въ эскизѣ, съ котораго послѣ исполнилъ мраморный бюстъ для его гробницы.

Питая высокое уваженія къ генію Моцарта, Шопенъ просилъ, чтобы на его похоронахъ былъ исполненъ *Requiem*. Отпѣваніе совершено въ церкви Магдалины, 30 октября 1849, и отложено до этого дня для того, чтобы исполненіе *Requiem* было достойно учителя и ученика. Знаменитѣйшіе парижскіе артисты пожелали участвовать въ этомъ великомъ произведеніи; Реберъ инструментовалъ, нарочно на этотъ случай, *Похоронный маршъ* Шопена, а Лефебюръ Вели сыгралъ на органѣ его *прелюдіи* въ *si* и *mi* mineur. Соловыя партіи *Requiem* передали г-жи Віардо и Кастелланъ, а Лаблашъ спѣлъ изъ него *Tuba mirum*, которое пѣлъ онъ, въ 1827 году, про погребеніи Бетховена. Мейерберъ игралъ партію на кимвалахъ.

—

При всей недостаточности этихъ страницъ, мы надѣемся однакожъ, что прелесть, справедливо возбуждаемая именемъ Шопена, дополнитъ то, чего имъ недостаетъ.

Если намъ выпало на долю пережить его, то мы хотѣли, по-крайней-мѣрѣ, выразить свою скорбь, и сочли себя обязанными положить дань благоговѣйнаго сожалѣнія на могилу замѣчательнаго музыканта, жившаго въ нашей средѣ. При нынѣшнемъ, всеобщемъ и величавомъ развитіи музыки, онъ представляется намъ, по многимъ причинамъ, тѣмъ, чѣмъ были живописцы четырнадцатаго и пятнадцатаго столѣтій, которые втѣсняли свои геніальныя произведенія на поля пергамена, но рисовали миніатюры столь счастливыми чертами, что Франзіа, Перуджины и Рафаэли впослѣдствіи перенесли эти очаровательнѣйшіе типы на полотно и фрески.

П. КР.

МЕМУАРЫ.

ВОСПОМИНАНІЯ ИЗЪ ЖИЗНИ ДЖОЗЕФА ГРИМАЛЬДИ,

ИЗДАННЫЯ ДИККЕНСОМЪ.

ГЛАВА V.

1798.

Пріятная и непріятная находка. — Лаконическое посланіе. — Двѣ важныя бесѣды съ мистромъ Гьюзомъ и забавный случай съ завистливымъ пріятелемъ. — Приготовленія къ свадьбѣ. — Новая роль.

Насталъ день. Солнце разливало блѣдный свѣтъ по безмолвнымъ еще улицамъ, по которымъ встрѣчались только пріѣзжіе, едва только вышедшіе изъ дилижансовъ или катеровъ. Хотя Гримальди съ дѣтства безвыѣздно жилъ въ Лондонѣ, однако онъ зналъ городъ менѣе каждаго инородца, разъ побывавшаго въ столицѣ; а ту часть, по которой онъ скитался въ это время, онъ никогда еще не видывалъ. Все ему было ново, и на каждомъ шагу онъ встрѣчалъ предметы, занимавшіе и удивлявшіе его. Вдругъ онъ наступилъ на что́-то, лежавшее на мостовой;

онъ взглянулъ, — это былъ щегольской вязанный кошелекъ, туго набитый золотомъ. Сначала онъ остановился въ недоумѣніи, не смѣя поднять кошелекъ; потомъ осторожно оглянулся кругомъ, какъ человѣкъ, поднимающійся на дурное дѣло, и не видя никого, взялъ находку и опустилъ ее въ карманъ. Наклонившись, онъ замѣтилъ подлѣ кошелька маленькую пачку бумажекъ, которую также поднялъ. Можно представить себѣ его удивленіе, когда, по разсмотрѣніи, оказалось, что пачка состояла вся изъ банковыхъ билетовъ!

На улицѣ мало-по-малу начинали показываться прохожіе. Гримальди часа два ходилъ взадъ и впередъ, вглядываясь въ каждое встрѣчное лицо, и будто спрашивая каждаго взоромъ: «Не обронили ли вы чего?» Но нѣтъ; никто ничего не искалъ, и не спрашивалъ его о находкѣ; ни на одномъ лицѣ не было даже признаковъ безпокойства, или тому подобнаго. Онъ возвратился въ почтамтъ, не встрѣтивъ законнаго обладателя клада; нашему пріятелю Гримальди найденныя деньги, съ непривычки, казались такою громадною суммою, что потеря ихъ, по его мнѣнію, непремѣнно была на лицѣ написана у потерявшаго. Между-тѣмъ и еще долгое время спустя онъ былъ самъ не свой отъ сильнаго безпокойства. Ему казалось, будто онъ совершилъ воровство, которое будетъ непремѣнно открыто и наказано; ноги подъ нимъ такъ дрожали, что онъ едва могъ ходить; сердце его страшно билось, а на лбу отъ времени до времени выступалъ холодный потъ. И чѣмъ болѣе онъ размышлялъ о своемъ положеніи, тѣмъ становилось ему страшнѣе. Ну что, если найдутъ при немъ деньги, кто повѣритъ, что онъ нашелъ ихъ на улицѣ? Каждый подумаетъ, что онъ ихъ укралъ! А если его обвинятъ въ воровствѣ, чѣмъ докажетъ онъ свою невинность? Нѣсколько разъ былъ онъ готовъ бросить роковой кладъ и бѣжать со всѣхъ ногъ! Но прохожіе могли это увидѣть; его стали бы разспрашивать, и его отвѣты какъ-разъ возбудили бы подозрѣніе. Казалось бы, кто бы изъ насъ не счелъ за счастіе найти подъ ногами кошелекъ, полный золота? Гримальди же, тревожимый этими мучительными мыслями, считалъ себя несчастнѣйшимъ изъ смертныхъ.

Найдя почтовую контору еще запертою, онъ побрелъ домой по Городскому-проспекту (City-road), который въ то время шелъ между огородами, и за исключеніемъ немногихъ домовъ, представлялъ длинный, непрерывный рядъ заборовъ. Это было самое удобное мѣсто, чтобы разсмотрѣть поближе находку. Въ кошелькѣ были одинъ гинеи; банковые же билеты были на разныя суммы, отъ пяти до пятидесяти фунтовъ. Впрочемъ, нигдѣ ни имени, ни адреса, ничего такого, что могло бы навести на слѣдъ законнаго владѣтеля. У Гримальди темнѣло въ глазахъ

и руки дрожали; онъ не въ состояніи былъ считать; только послѣ уже, дома, принялся онъ за это дѣло, и узналъ, что гиней было 380 штукъ, а билетовъ на 200 фунтовъ; всего 599 фунтовъ.

Онъ пришелъ домой въ восемь часовъ утра, тотчасъ улегся и проспалъ нѣсколько часовъ. Когда онъ проснулся, первою его мыслью были найденныя деньги; но первымъ дѣломъ — послѣдовать совѣту мисъ Гьюзъ, и написать вторично къ ея отцу. Отправивъ письмо на почту, онъ принялся опять размышлять, какъ поступить ему съ деньгами. Оставить ихъ у себя было бы очень недурно; но совѣсть говорила, что не должно упустить ни одного средства, чтобы отыскать ихъ хозяина. Послѣ долгихъ совѣщаній съ самимъ-собою, онъ рѣшился на послѣднее, и въ тотъ же вечеръ пошелъ посовѣтоваться съ однимъ старичкомъ, другомъ его отца. Старикъ подкрѣпилъ голосъ совѣсти, и они рѣшили, вдвоемъ, въ-продолженіе нѣсколькихъ недѣль внимательно читать объявленія о потеряхъ, во всѣхъ лондонскихъ газетахъ, которыхъ тогда было не такое безконечное множество, какъ нынче, и сами нѣсколько разъ объявить о находкѣ. Не смотря на всѣ эти мѣры, хозяинъ клада не отыскался, и Гримальди до конца жизни не узналъ, какой добрый человѣкъ обронилъ для него эти деньги.

Прошло четыре дня, весьма тяжелыхъ для Гримальди, для котораго дѣло шло о деньгахъ и о невѣстѣ. На пятый, въ субботу, получилъ онъ отвѣтъ мистра Гьюза, можетъ-быть, самый короткій, какой когда-либо перевозился въ почтовомъ брикѣ. Содержаніе его было слѣдующее: »Любезный Джо, мы увидимся денька черезъ два. Душевно преданный вамъ Р. Гьюзъ.»

Если изъ этого посланія нельзя было вывести положительнаго благопріятнаго заключенія, то не было въ немъ ничего такого, отъ чего слѣдовало бы Гримальди приходить въ отчаяніе. Мистръ Гьюзъ, очевидно, не оскорблялся его дерзостью, — просить руки его дочери. Къ такому выводу, по-крайней-мѣрѣ, пришелъ Гримальди, и это, вмѣстѣ съ возвращеніемъ Мери изъ Гревзенда, наполнило его душу невыразимою радостью. Онъ поспѣшилъ показать посланіе невѣстѣ, которая, однако, не обратила на него вниманія. — «Помилуй, Мери! вскричалъ удивленный женихъ: я показываю тебѣ письмо твоего отца, а ты почти не смотришь, словно оно до тебя и не касается!»

— Я скажу тебѣ правду, Джо! отвѣчала Мери, улыбаясь: отецъ уже пріѣхалъ. Онъ былъ уже здѣсь, когда я возвратилась домой, и поручилъ мнѣ сказать тебѣ, что онъ желаетъ поговорить съ тобою въ понедѣльникъ утромъ.

*

Гримальди вытянулъ такое печальное лицо, какъ-будто все пропало. — Я думаю, унывать тебѣ незачѣмъ, продолжала Мери: я, покрайней-мѣрѣ, ничего не боюсь, и не сомнѣваюсь въ благопріятномъ результатѣ.

Женихъ, напротивъ того, очень боялся и сомнѣвался; однако его нѣсколько успокоило увѣреніе дѣвушки, что отецъ, при свиданіи съ нею, былъ такъ же добръ и милъ, какъ всегда. Затѣмъ они провели день довольно весело, и спокойно ожидали часу, который долженъ былъ рѣшить ихъ судьбу.

Наступилъ наконецъ роковой понедѣльникъ, и Гримальди, скрѣпя сердце, отправился въ Садлервельзскій театръ, гдѣ засталъ мистра Гьюза въ кассѣ. Мистръ Гьюзъ дружески поздоровался съ нимъ, но послѣ нѣсколькихъ незначущихъ словъ сказалъ: — И такъ, Джо, вы собираетесь оставить Садлервельзскій театръ и своихъ старыхъ друзей, изъ того только, что въ другомъ мѣстѣ даютъ вамъ нѣсколько лишнихъ фунтовъ?

Гримальди былъ такъ пораженъ, что въ первую минуту не зналъ, что̀ сказать; однако скоро оправился и отвѣчалъ:

— Увѣряю васъ, что я объ этомъ и не думалъ, да и не могъ думать, потому-что я съ вами связанъ контрактомъ.

— Вы забываете, возразилъ мистръ Гьюзъ нѣсколько сурово: что вашему контракту вышелъ срокъ.

Гримальди долженъ былъ сознаться, что контракту его дѣйствительно вышелъ срокъ, и что онъ забылъ объ этомъ.

— Странно забывать такія важныя вещи! замѣтилъ мистръ Гьюзъ. Скажите же мнѣ откровенно, знаете ли вы мистра Кросса?

Мистръ Кроссъ былъ директоромъ Цирка, что нынче Суррейскій театръ, и неоднократно дѣлалъ Гримальди очень выгодныя предложенія, съ тѣмъ, чтобы онъ оставилъ Садлервельзскій театръ и поступилъ къ нему. Эти предложенія были возобновлены за нѣсколько дней до настоящей бесѣды; но Гримальди всегда отказывался отъ нихъ наотрѣзъ, имѣя слишкомъ уважительныя причины, удерживающія его на театрѣ, на которомъ онъ началъ свое поприще съ дѣтства. Изъ словъ мистра Гьюза онъ тотчасъ догадался, что кто-нибудь постарался его оговорить, и съ радостью вспомнилъ, что имѣлъ при себѣ письма мистра Кросса и отпуски своихъ отвѣтовъ, которые онъ и представилъ для своего оправданія. — Сэръ, сказалъ онъ: я не имѣю чести знать мистра Кросса лично; но мнѣ очень пріятно, что я могу сію же минуту представить вамъ мою переписку съ нимъ.

Мистръ Гьюзъ пробѣжалъ письма, и, повидимому, остался вполнѣ доволенъ. — Хорошо, сказалъ онъ, улыбаясь: — я вижу, что вы даете предпочтеніе старымъ друзьямъ; слѣдовательно, мы можемъ переговорить о новомъ контрактѣ. Вы донынѣ получали по четыре фунта въ недѣлю; что скажете на контрактъ на три года, съ жалованіемъ на первый годъ по шести, на второй по семи, а на третій по восьми фунтовъ въ недѣлю? Довольны ли?

Это было гораздо болѣе, чѣмъ Гримальди ожидалъ, и онъ не задумался принять предложеніе. Мистру Гьюзу очевидно хотѣлось порѣшить это дѣло немедленно; онъ послалъ за двумя свидѣтелями, и контрактъ былъ тутъ же написанъ и подписанъ. Когда они остались опять одни, мистръ Гьюзъ, послѣ непродолжительнаго разговора, всталъ и сказалъ: — Я, безъ сомнѣнія, увижусь еще съ вами нынче вечеромъ, потому-что собираюсь въ Дрюриленскій театръ, посмотрѣть Синюю-Бороду.

Онъ хотѣлъ уже выдти, но остановился въ дверяхъ, и спросилъ: — Не имѣете ли еще чего сказать мнѣ?

Пришло время приступить рѣшительно къ дѣлу. Гримальди собрался съ духомъ, изложилъ свое желаніе и просьбу, и заключилъ тѣмъ, что счастіе его и Мери зависитъ отъ согласія мистра Гьюза. Отецъ отвѣчалъ, что онъ уже думалъ объ этомъ, что молодые люди еще слишкомъ молоды, — однако согласился. Вслѣдъ за тѣмъ онъ отворилъ дверь смежной комнаты, гдѣ, случайно или съ умысломъ, находилась Мери, и сказалъ ей: — «Поди сюда, Мери, Джо ждетъ тебя, поцѣлуй жениха.» Мисъ Гьюзъ, какъ послушная дочка, пришла поцѣловать счастливаго жениха, какъ заслуживала его искренняя и многолѣтняя любовь. Въ радости своей, они и не замѣтили, что дверь въ эту минуту оставалась отворенною, и что третье лицо было свидѣтелемъ ихъ нѣжнаго привѣтствія.

Этотъ день былъ отмѣченъ въ календарѣ Гримальди краснымъ крестикомъ, и хорошо случилось, что роль его на этотъ вечеръ заключалась только въ нѣсколькихъ сценахъ въ концѣ пьесы. Когда онъ пришелъ въ театръ, мистръ Гьюзъ былъ уже тамъ, и осматривалъ машины къ послѣдней сценѣ Синей-Бороды, которую онъ хотѣлъ поставить въ Эксетерѣ. Увидѣвъ Гримальди, онъ замѣтилъ, что механизмъ очень сложенъ.

— Вы правы, сказалъ Гримальди: и что еще хуже, скверно дѣйствуетъ.

— Я такъ и думалъ, подхватилъ мистръ Гьюзъ: боюсь, что мои люди въ Эксетерѣ съ нимъ не справятся; нельзя ли бы въ немъ кое-что перемѣнить?

Къ разнообразнымъ занятіямъ, которымъ Гримальди посвящалъ свои досужные часы, принадлежало сочиненіе моделей для превращеній и пантомимныхъ чудесъ. Онъ занимался этимъ до самой смерти и оставилъ множество отличныхъ моделей; нѣкоторыя изъ нихъ онъ продалъ, въ 1836 году, директору Дрюриленскаго театра, Бённу, для ставившейся въ то время пьесы «Арлекинъ и Гуртонъ»*. Онъ дѣлалъ модели со всѣхъ замѣчательныхъ машинъ, какія случалось ему видѣть на театрѣ, и нерѣдко улучшалъ ихъ; такъ было и съ машинами къ послѣдней сценѣ Синей-Бороды. Эта страсть пришлась въ это время какъ нельзя болѣе кстати. Гримальди хотѣлось угодить мистру Гьюзу, и онъ предложилъ ему свои модели и услуги. Мистръ Гьюзъ былъ этимъ столько же обрадованъ, сколько и удивленъ, и пригласилъ его на слѣдующее утро къ завтраку, разумѣется, съ своими моделями и проектами, усовершенствованными и неусовершенствованными.

При этомъ свиданіи произошелъ забавный случай. У Гримальди было нѣсколько неблагопріятелей, которые были въ то время ангажированы на Садлервельзскомъ театрѣ, и изъ артистической зависти, рады были случаю досадить ему. Одинъ изъ нихъ, узнавъ отъ горничной, которая служила ему лазутчицею, о нѣжной встрѣчѣ мисъ Гьюзъ и Гримальди при открытыхъ дверяхъ, подстерегъ мистра Гьюза, и принявъ личину усердія и негодованія, поспѣшилъ увѣдомить его о событіи, столь близко касавшемся его отеческаго достоинства; при этомъ онъ конечно пустился въ весьма краснорѣчивыя и чувствительныя разсужденія о неблагодарности Гримальди и молодыхъ людей вообще, которые за глазами своихъ благодѣтелей любезничаютъ съ ихъ дочерьми, и о томъ, что за коммиссія быть отцомъ дочери и невѣсты. Мистръ Гьюзъ выслушалъ все это съ спокойствіемъ, которое сначала очень изумило ябедника, но которое онъ потомъ приписалъ подавляемой въ душѣ ярости. Когда онъ окончилъ свое донесеніе, мистръ Гьюзъ съ тѣмъ же спокойствіемъ сказалъ ему:— Не откажите мнѣ въ чести видѣться съ вами на моей квартирѣ, завтра, въ девять часовъ утра.

— Къ вашимъ услугамъ, только приказывайте, сэръ.

— А между-тѣмъ, продолжалъ мистръ Гьюзъ: позвольте мнѣ теперь же изъявить вамъ мою благодарность за участіе, которое вы изволите принимать въ обстоятельствѣ, столь близко касающемся моего семейнаго счастія. Не прикажете ли рюмочку мадеры, сэръ?

* Gurton или Gammer Gurton, тетка Гуртонъ, нѣчто въ родѣ нашей Яги-Бабы. *Прим. пер.*

— Съ искренною благодарностью.

И другъ удалился, выпивъ рюмку за успѣхъ службы, которую онъ, по своему мнѣнію, сослужилъ негодному Гримальди.

На слѣдующее утро Гримальди всталъ съ пѣтухами, чтобы сдѣлать послѣднія улучшенія въ своихъ моделяхъ Онъ былъ доволенъ своей работой, и въ назначенный часъ, сунувъ модели въ карманъ, отправился къ будущему тестю. Тамъ встрѣтила его та самая служанка, которая выболтала исторію поцѣлуя, и сказала, что мистръ Гьюзъ ждетъ его въ кассѣ; но сказала это такимъ двусмысленнымъ тономъ, что бѣднаго Гримальди взялъ тайный страхъ, не случилось ли какой бѣды, которая разрушитъ его счастіе. — Мистръ Гьюзъ одинъ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, сэръ, у нихъ есть гость, отвѣчала служанка, и произнесла имя, которое еще болѣе усилило безпокойство молодаго человѣка. Однако онъ собрался съ духомъ и вошелъ въ кассу. Мистръ Гьюзъ поклонился ему очень холодно, а ябедникъ отвернулся, не удостоивъ его ни одного слова. Гримальди стоялъ какъ осужденный. — Мистръ Гримальди, началъ хозяинъ убійственно церемоннымъ и торжественнымъ тономъ: я имѣю сообщить вамъ весьма прискорбное обстоятельство; на васъ поступила очень важная жалоба.

— Вы удивляете меня, сэръ! вскричалъ Гримальди.

— Я думаю! подхватилъ ябедникъ, заранѣе торжествуя побѣду.

— И эта жалоба, кажется, не лишена основанія, продолжалъ мистръ Гьюзъ: боюсь, что вы не въ состояніи будете отъ нея очиститься. Впрочемъ я намѣренъ соблюсти къ вамъ самую строгую справедливость, — жалоба будетъ принесена въ вашемъ присутствіи. Потрудитесь, сэръ, повторить то, что́ вы изволили сообщить мнѣ вчера вечеромъ.

Ябедникъ разразился презлою рѣчью, не безъ ораторскихъ достоинствъ, собравъ въ ней все, что́ только могъ придумать о змѣиномъ вѣроломствѣ молодаго человѣка, согрѣтаго на груди почтеннаго и счастливаго семейства, и покушающагося похитить у своихъ благодѣтелей дочь, невинную дѣвушку лишить принадлежащаго ей положенія въ свѣтѣ и собрать на ея главѣ всѣ бѣдствія и страданія, которыя неизбѣжно должны послѣдовать отъ ея союза съ кочующимъ актеромъ, не имѣющимъ ни средствъ, ни родины. Гримальди былъ пораженъ какъ громомъ, тѣмъ болѣе, что мистръ Гьюзъ, повидимому, со вниманіемъ слушалъ обвиненіе и показывалъ возрастающій гнѣвъ, и отъ времени до времени ободрялъ обвинителя взоромъ и наклоненіемъ головы, что̀, конечно, не могло придать мужества бѣдному Гримальди.

— Вы совершенно правы, сказалъ наконецъ мистръ Гьюзъ: ничто въ свѣтѣ не можетъ оправдать такого поведенія, — ничто, кромѣ одного.

— Мистръ Гьюзъ, перебилъ блюститель чужаго семейнаго счастія: ваша доброта мнѣ извѣстна, — такъ извѣстна, что я убѣжденъ, что вы станете отыскивать обстоятельства, могущія уменьшить вину неблагодарнаго; однако позвольте мнѣ, какъ постороннему, безпристрастному судьѣ, замѣтить вамъ, что нѣтъ такихъ обстоятельствъ, которыя могли бы оправдать молодаго человѣка, вкравшагося въ невинное сердце дѣвушки, стоящей несравненно выше его въ свѣтѣ, и притомъ дочери его благодѣтеля.

— Благоволите потерпѣть минутку, чтобы дать мнѣ кончить мою фразу! сказалъ мистръ Гьюзъ, съ изумительнымъ спокойствіемъ.

— Я слушаю.

— Когда вы меня такъ невѣжливо перебили, я только-что хотѣлъ сказать, что вполнѣ согласенъ съ вашимъ мнѣніемъ, и что описанное вами поведеніе молодаго человѣка ничѣмъ не можетъ оправдаться, кромѣ одного развѣ согласія родителей дѣвушки; когда же родители ея согласны, и она сама не противъ того, онъ имѣетъ полное право ухаживать за нею, какъ женихъ.

— Безъ сомнѣнія, сэръ; но въ настоящемъ случаѣ....

— Настоящій случай именно подходитъ подъ это исключеніе. Моя дочь, Мери, получила мое согласіе на бракъ съ мистромъ Гримальди, и я не сомнѣваюсь, что чрезъ нѣсколько недѣль будетъ въ нашемъ домѣ свадьба.

Обвинитель совершенно растерялся, потому-что никакъ не ожидалъ такой развязки, а Гримальди былъ въ восторгѣ: онъ наконецъ догадался, что мистръ Гьюзъ хотѣлъ тодько одурачить и порядкомъ проучить ябедника. Мистръ Гьюзъ обратился къ будущему зятю, стараясь принять строгій видъ и тщетно силясь удержать улыбку, и сказалъ:— Тѣмъ не менѣе, мистръ Гримальди, вы поступили неосторожно, поцѣловавъ мою дочь при открытыхъ дверяхъ, и прошу васъ впредь, если вы и ваша невѣста находите такія нѣжности вещью необходимою, предаваться имъ, только когда увѣрены, что никто посторонній васъ не видитъ. Этого требуютъ принятые въ обществѣ законы; да оно, вѣроятно, и согласнѣе будетъ съ дѣвичьею скромностью вашей невѣсты.

Затѣмъ мистръ Гьюзъ отвѣсилъ низкій поклонъ непрошеному другу, отворилъ дверь и приказалъ служанкѣ проводить гостя, а Гримальди повелъ въ столовую, гдѣ его ждали къ завтраку мисъ Мери и ея мать. Съ этого времени ничто не возмущало спокойствія влюбленныхъ, а обхожденіе мистра Гьюза съ Гримальди доказывало, что онъ умѣлъ цѣнить достоинства молодаго человѣка, который изъ тѣсныхъ обстоятельствъ умѣлъ проложить себѣ путь трудомъ и честностью.

Въ первую субботу послѣ разсказаннаго происшествія, Гримальди занялъ свою новую квартиру, а въ свѣтлое воскресенье молодые люди были въ первый разъ оглашены въ церкви женихомъ и невѣстою.

На слѣдующій день начались, по обыкновенію, представленія на Садлервельзскомъ театрѣ, и Гримальди явился въ новой роли, которая была важнѣе всѣхъ прежнихъ его ролей, и доставила ему огромную славу. Мѣсяцевъ пять передъ тѣмъ провелъ онъ почти въ совершенномъ отдыхѣ; быстрый переходъ отъ бездѣйствія къ новой и трудной роли чрезвычайно утомилъ его, и онъ съ этого времени началъ чувствовать то постепенное истощеніе силъ, которое составляетъ неизбѣжный удѣлъ всѣхъ актеровъ въ этомъ родѣ. Всѣ они, подобно Гримальди, подвержены ранней и болѣзненной старости, не говоря ужъ о случайныхъ поврежденіяхъ членовъ, отъ которыхъ также немногіе изъ нихъ избавлены. Публика безпрестанно осыпала Гримальди восторженными рукоплесканіями, которые побуждали его къ новымъ усиліямъ; зато, по окончаніи этого представленія онъ былъ такъ истощенъ, что едва могъ стоять на ногахъ, съ трудомъ дотащился до дому, и принужденъ былъ лечь въ постель.

Въ-послѣдствіи онъ говаривалъ, что усилія его въ самую блестящую пору его драматическаго поприща были совершенно равны его сценическимъ успѣхамъ, что онъ вполнѣ зарабатывалъ свое жалованье. Это онъ говорилъ по горькому опыту—и былъ правъ. Только очень богатое содержаніе можетъ вознаградить человѣку, особенно такому раздражительному и чувствительному, каковъ былъ Гримальди, преждевременную старость со всѣми съ страданіями.

На слѣдующее утро Гримальди почувствовалъ себя совершенно бодрымъ и освѣженнымъ; но зато проспалъ до одиннадцати часовъ, поры для него весьма поздней, потому-что обыкновенно онъ бывалъ уже на ногахъ въ семь часовъ, кормилъ голубей, игралъ на скрипкѣ, дѣлалъ модели, или занимался чѣмъ-либо другимъ. Праздность утомляла его хуже работы; онъ никогда не могъ постигнуть блаженства del dolce far niente. На этотъ разъ ему тѣмъ досаднѣе было проспать до такого поздняго часу, что послѣ перваго представленія новой пьесы всегда бывала утромъ репетиція, на которой дѣлались сокращенія и измѣненія, оказавшіяся нужными. Занимая одну изъ главныхъ ролей въ новой пьесѣ, Гримальди не могъ пропустить репетиціи; онъ одѣлся на-скоро и отправился въ театръ.

—

ГЛАВА VI.

1789.

Досадный и забавный случай съ старикомъ Лукою и мирнымъ судьею. — Волшебный серебряный жезлъ. — Два оригинальныя пари.

Все пространство, занимаемое нынѣ Клермонтскимъ, Мидльтонскимъ, Ллойдскимъ и Вильмингтонскимъ скверами, съ безчисленными улицами, пересѣкающими ихъ во всѣхъ направленіяхъ, состояло въ то время изъ луговъ и садовъ, и называлось Садлервельзскимъ полемъ. Гримальди долженъ былъ переходить его, отправляясь въ театръ. Въ это утро, какъ нарочно, собралась тутъ толпа, — болѣе тысячи человѣкъ, — занимавшаяся тѣмъ, что дразнила бѣшенаго быка: забава весьма любимая въ то время низшими классами лондонскаго населенія, и очень опасная для мирныхъ прохожихъ; нынче она уже почти вывелась, въ-слѣдствіе застройки площадей и полей, которыхъ, недалѣе какъ за четверть столѣтія, было еще такое множество въ столицѣ Англіи. Гримальди остановился въ раздумьи, не лучше-ли ему вернуться назадъ и избрать другую дорогу, посвободнѣе. Въ эту минуту подошелъ къ нему незнакомый молодой человѣкъ, и внимательно осмотрѣвъ его, спросилъ, не онъ-ли Гримальди?

— Я самъ, сэръ; позвольте спросить о причинѣ вашего вопроса?

— Причина та, отвѣчалъ незнакомецъ, указывая на стоявшаго въ нѣкоторомъ разстояніи человѣка: что я слышалъ, какъ тотъ старикъ произнесъ это имя, разговаривая съ своимъ спутникомъ.

Старикъ, на котораго указывалъ незнакомецъ, былъ въ то время очень извѣстенъ и всѣми ненавидимъ въ Клеркенвеллѣ и околодкѣ. Называли его старикомъ Лукою, и онъ занималъ должность констэбля. Старикъ Лука былъ ненавистенъ изъ всѣхъ своихъ собратій въ Лондонѣ, и вполнѣ заслуживалъ эту общую нелюбовь, если только все, что̀ о немъ разсказывается, не чистая выдумка. Говорили о немъ, что за недостаткомъ основательныхъ жалобъ, онъ сочинялъ ложныя и подтверждалъ ихъ присягою и подкупленными свидѣтелями, для того только, чтобы взять небольшую денежную награду, опредѣленную въ пользу констэблей при уличеніи подсудимаго. Какъ слава старика дошла и до Гримальди, то сообщеніе молодаго человѣка поразило его весьма непріятнымъ образомъ. Онъ съ безпокойствомъ спросилъ незнакомца, точно-ли онъ увѣренъ, что констэбль произнесъ его имя. — Совершенно убѣжденъ, отвѣчалъ тотъ: и тѣмъ

болѣе, что видѣлъ, какъ онъ записалъ это имя въ своей книжкѣ, и сказалъ спутнику, что онъ можетъ арестовать васъ, когда ему заблагоразсудится.

— Чортъ его побери! чѣмъ это я его разгнѣвалъ? Во всякомъ случаѣ, искренно благодарю васъ за предупрежденіе, хотя и не вижу изъ него, какъ мнѣ миновать бѣды.

Они разошлись; молодой человѣкъ вмѣшался въ толпу, а Гримальди вернулся назадъ, и пошелъ въ театръ другою дорогою, болѣе отдаленною, но зато безопасною, и отъ быка, и отъ старика Луки. Въ театрѣ онъ тотчасъ занялся дѣломъ, и забылъ о случившемся происшествіи. Только вечеромъ, отправляясь опять въ театръ, вспомнилъ онъ о немъ, и разсказалъ своимъ пріятелямъ, въ томъ числѣ знаменитому комику Дюбуа, другому актеру Дэвису и извѣстному канатному танцору Ришé. Разсказъ возбудилъ общій смѣхъ, и всѣ стали дразнить бѣднаго Гримальди старикомъ Лукою.

— Этотъ старикъ, сказалъ Дюбуа, корча печальную рожу: отъявленный мерзавецъ. Ему все нипочемъ, и онъ не посовѣстится вздернуть бѣднаго Джо на висѣлицу за два фунта, пожалуй даже за два шиллинга. Повѣрь, Джо, что онъ не даромъ записалъ твое имя.

— Разумѣется, что не даромъ, подхватилъ Дэвисъ: онъ хочетъ содрать съ Джо порядочныя деньжонки! Но не бойся, Джо, мы ужъ съумѣемъ проучить стараго плута.

Гримальди было вовсе не до смѣху; а чѣмъ болѣе онъ задумывался, тѣмъ болѣе дразнили его пріятели, придумывая, какое бы злодѣяніе старикъ Лука могъ взнести на него. Одинъ полагалъ, что онъ обвинитъ его въ убійствѣ, другой—въ подлогѣ, что стоило перваго, третій утѣшалъ бѣднаго Джо, увѣряя, что дѣло можетъ еще кончиться благополучно, хотя, правду сказать, Лука имѣетъ огромное вліяніе, и изъ трехъ его обвиненій два всегда ведутъ къ смертной казни. Гримальди очень хорошо видѣлъ, что пріятели его шутили; однако не могъ освободиться отъ нѣкотораго безпокойства, и взвѣшивалъ вѣроятность и невѣроятность разныхъ предположеній относительно видовъ констэбля, когда театральный слуга подбѣжалъ къ нему и сказалъ, что кто-то требуетъ его немедленно.

— Кто такой? вскричалъ Гримальди въ испугѣ.

— Да тотъ, въ очкахъ, — старикъ Лука.

Всѣ присутствующіе расхохотались, а Гримальди сталъ какъ вкопанный. Насмѣявшись вдоволь, пріятели наконецъ сами призадумались, и Дюбуа сказалъ: — Любезный Джо, шутка шуткой, а дѣло дѣломъ; мы

посмѣялись, и ты не сердился на насъ; когда же дѣло принимаетъ серьозный оборотъ, ты увидишь, что мы будемъ тебѣ вѣрными друзьями, и ничего не пожалѣемъ, чтобъ тебя выручить.

Всѣ изъявили ту же готовность служить товарищу, который искренно поблагодарилъ ихъ, и рѣшились идти вмѣстѣ съ Гримальди, и окунуть стараго мошенника въ Новую-канаву, если онъ позволитъ себѣ какое-нибудь оскорбленіе. Затѣмъ вся ватага, поставивъ Гримальди въ средину, сошла внизъ, на театральный подъѣздъ, гдѣ ждалъ констэбль. Гримальди и одинъ изъ его друзей разомъ спросили, что ему угодно.

— Чтобы вы шли со мною въ Гэттонгарденъ, грубо отвѣчалъ старикъ Лука. — Извольте идти немедленно, мнѣ некогда ждать.

Поднялся шумъ; многіе голоса приглашали старика отправиться туда, гдѣ ему будетъ потеплѣе, другіе требовали, чтобы онъ представилъ приказъ объ арестованіи. Лука не отвѣчалъ на эти требованія, а только грубо спросилъ Гримальди, намѣренъ ли онъ идти; на что всѣ присутствующіе въ одинъ голосъ прогремѣли «нѣтъ!»

— Послушайте, старикъ, сказалъ Дюбуа, выступая впередъ: что вы старый мошенникъ, извѣстно всѣмъ, а всего лучше—вамъ самимъ. Что же касается мистра Гримальди, извольте предъявить приказъ, которымъ вамъ дается право вести его; въ противномъ случаѣ убирайтесь поскорѣе, если не хотите выкупаться.

Эта угроза была подтверждена многими одобрительными восклицаніями, ибо къ этому времени около нашихъ пріятелей сошлось множество постороннихъ людей. Лука выждалъ, чтобъ шумъ стихъ, и тогда сказалъ: — Я не съ вами имѣю дѣло, мистръ Дюбуа! Идете вы, мистръ Гримальди, или нѣтъ?

— «Не пойдетъ, пока мы не увидимъ приказа!» вскричалъ канатный танцоръ Ришé.

— Не пойдетъ безъ приказа! подхватилъ Дэвисъ.

— Не пойдетъ ни подъ какимъ видомъ! заревѣлъ Дюбуа. — Приказъ на лицо, или вы отправитесь....

— Что вы изволите говорить, мистръ Дюбуа? — куда я отправлюсь?

— Въ Новый-каналъ! раздалось со всѣхъ сторонъ.

Старикъ Лука призадумался, сталъ помягче и повѣжливѣе, и среди всеобщаго хохота сказалъ: — Ваша правда, я приказа не имѣю. Онъ рѣдко требуется, потому-что всѣ знаютъ, какую должность я занимаю. Впрочемъ, если мистръ Гримальди и его почтенные друзья этимъ не довольствуются, я не буду настаивать, чтобъ онъ шелъ за мною теперь, если только онъ самъ и всѣ присутствующіе обѣщаютъ завтра въ одиннадцать часовъ явиться въ Гэттонгарденъ, къ мистру Блэмайру.

Получивъ обѣщанія, констэбль поспѣшилъ удалиться; но около него собралась уже многочисленная толпа, и изъ среды ея возвысился голосъ:

— Что́ такое, Джо?

— Дѣло въ томъ, господа, вскричалъ Дюбуа, ставъ на верхнюю ступень подъѣзда: что этотъ мошенникъ констэбль хочетъ вести Гримальди въ тюрьму.

— За что́?

— Да такъ, безъ всякой причины!

Толпа кричала и шумѣла; Лука прибавилъ шагу, но не могъ убраться такъ скоро, чтобы не получить порядочнаго количества комковъ грязи, гнилыхъ яблокъ, и тому подобныхъ гостинцевъ. Представленіе пошло своимъ чередомъ, и Гримальди отправился домой въ сопровожденіи друзей, которые обѣщали, на слѣдующее утро идти съ нимъ къ мирному судьѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они распорядились объ отысканіи молодаго человѣка, предупредившаго Гримальди о намѣреніяхъ констэбля.

Въ назначенный часъ, все общество явилось въ мирный судъ; мистръ Блэмайръ, судья, принялъ его очень вѣжливо, и пригласилъ старика Луку изложить свою жалобу. Констэбль съ невозмутимымъ нахальствомъ сталъ разсказывать, что Гримальди, проходя черезъ Садлервельзское поле, вздумалъ дразнить быка и привлекъ къ этой забавѣ множество другихъ людей; что быкъ пришелъ въ бѣшенство, чѣмъ была подвержена опасности жизнь многихъ прохожихъ; что онъ, констэбль, былъ всему этому свидѣтелемъ, и могъ представить еще другихъ свидѣтелей. Затѣмъ онъ позвалъ своихъ свидѣтелей, тѣхъ самыхъ людей, которые наканунѣ окружали констэбля; они подтвердили его показанія.

Затѣмъ судья пригласилъ обвиненнаго представить свое оправданіе. Гримальди разсказалъ все, ка́къ было, и сослался на свидѣтельство молодаго человѣка, предупредившаго его. Это былъ сынъ почтеннаго торговца, жившаго въ околодкѣ; онъ подтвердилъ слова Гримальди, и сказалъ, что Гримальди не только не дразнилъ животнаго, но даже вовсе не принималъ участія въ этой забавѣ, пробылъ на мѣстѣ всего нѣсколько минутъ, и потомъ пошелъ другою дорогой.

Мирный судья выслушалъ всѣ эти объясненія и многіе неслишкомъ вѣжливые отзывы Дюбуа и другихъ лицъ на счетъ констэбля, съ спокойствіемъ и терпѣніемъ, и затѣмъ сказалъ подсудимому: — Мистръ Гримальди, я вполнѣ убѣжденъ въ совершенной истинѣ вашихъ словъ, однако долженъ дѣйствовать на основаніи показаній констэбля и его свидѣтелей, и, противъ своего желанія, наложить на васъ штрафъ, который, впрочемъ, для васъ не будетъ тягостенъ, а вашему обвини-

телю дастъ небольшую поживу. Вы имѣете заплатить пять шиллинговъ штрафу, и затѣмъ вы свободны. Вамъ же, Лука, совѣтую вообще быть добросовѣстнѣе и построже выбирать свидѣтелей.

Гримальди и его друзья смотрѣли на это рѣшеніе, какъ на полную побѣду, и по уплатѣ обвиненнымъ пяти шиллинговъ и еще лишняго шиллинга за свое освобожденіе, отправились въ таверну «Клоуна», противъ Садлервельзскаго театра, позавтракать и посмѣяться досадѣ старика Луки, который столько надѣлалъ себѣ хлопотъ изъ ничего. При этомъ, конечно, не обошлось безъ различныхъ глубокомысленныхъ разсужденій о томъ, какъ мирный судья долженъ выслушивать обвиненія отъявленнаго лжесвидѣтеля, и въ-слѣдствіе ихъ налагать штрафъ на обвиненнаго, будучи убѣжденъ въ его невинности. Между-тѣмъ, какъ они разсуждали такимъ-образомъ, кто-то вбѣжалъ въ таверну и вскричалъ: — «Гримальди, Гримальди, старикъ Лука опять тутъ!» Всѣ, не исключая самого Гримальди, расхохотались, принявъ это за шутку. Но они ошибались: черезъ нѣсколько минутъ Лука явился лично.

— Какъ вы поспѣли явиться сюда? гнѣвно вскричалъ Дюбуа.

— У меня есть здѣсь дѣло, проворчалъ Лука. Мистръ Гримальди долженъ былъ заплатить пять шиллинговъ штрафу и шиллингъ за свое освобожденіе; но не заплатилъ ни того, ни другаго, слѣдовательно, онъ еще мой плѣнникъ.

Гримальди отвѣчалъ, что онъ заплатилъ все, и друзья подтвердили его слова.

— Что ни говорите, ничто не поможетъ, сказалъ Лука съ злобною усмѣшкою: извольте заплатить, или идти со мною.

Гримальди объявилъ рѣшительно, что не заплатитъ и не пойдетъ.

— А вотъ увидимъ! подхватилъ Лука, приближаясь къ нему.

— Посмѣйте только меня тронуть! вскричалъ Гримальди: прибью! вотъ увидите, прибью! берегитесь!

Лука однако не испугался, бросился на него, дернулъ его со стула, разорвалъ ему камзолъ и манишку, таща его къ дверямъ; но и Гримальди сдержалъ слово, и ударилъ констэбля такъ сильно, что тотъ повалился на полъ и всталъ съ весьма невзрачнымъ, разбитымъ въ кровь носомъ. Взбѣшенный первою неудачею, старикъ выдернулъ свою констэбльскую палочку, и готовился возобновить борьбу съ подкрѣпленіемъ; но въ ту самую минуту незнакомый господинъ, сидѣвшій въ той же самой комнатѣ, грозно поднялъ на констэбля такую же палочку, только серебряную, и закричалъ: — «Я не допущу до новыхъ насилій. Пусть всѣ идутъ къ мирному судьѣ; и если мистръ Гримальди

сказалъ правду, а вы только хотите вынудить лишнія деньги, — въ чемъ я, впрочемъ, нисколько не сомнѣваюсь, — ты вы будете имѣть дѣло со мною; даю вамъ слово, что я приму мѣры, чтобы это не обошлось вамъ даромъ.»

Лука отступилъ съ явною досадою, и всѣ вторично отправились къ мистру Блэмайру, который не мало удивился ихъ появленію, и разбитому носу констэбля; незнакомаго же господина съ серебряною палочкою встрѣтилъ, какъ хорошаго знакомаго. По приказанію его, старикъ Лука изложилъ свою новую жалобу, будто Гримальди не заплатилъ штрафу, (писецъ, на вопросъ судьи, съ лукавою улыбкою опровергъ это показаніе), и будто бы онъ, констэбль, вѣжливо приглашалъ Гримальди слѣдовать за нимъ, но тотъ ударилъ его.

— И разбилъ вамъ носъ? спросилъ судья.

— Точно такъ, сэръ!

— И по дѣломъ! сказалъ мистръ Блэмайръ, среди всеобщаго смѣха. Мистръ Гримальди, ваша очередь объяснить дѣло.

Гримальди разсказалъ случившееся въ нѣсколькихъ словахъ, и незнакомецъ съ серебряною палочкою подтвердилъ его показанія, и прибавилъ нѣсколько строгихъ замѣчаній относительно злонамѣренныхъ дѣйствій констэбля.

«Кто былъ этотъ господинъ, таинственно прибавляетъ Гримальди въ своихъ запискахъ: я никогда не могъ узнать въ точности; но по почтенію, которое ему оказывали въ мирномъ судѣ, полагаю, что онъ былъ человѣкъ, облеченный большою властью. Мнѣ говорили въ-послѣдствіи, что это былъ Сити-маршалъ*, котораго власть распространялась и за черту города; но поручиться въ вѣрности этого объясненія я не могу.»

Мирный судья присудилъ констэбля къ уплатѣ пяти фунтовъ штрафу, въ пользу нуждающихся въ округѣ, и сверхъ-того приказалъ ему просить прощенія у Гримальди и вознаградить его за убытки. Старикъ Лука походилъ въ эту минуту на бѣшенаго быка, перваго и невиннаго виновника всей этой глупой исторіи. Онъ съ гнѣвомъ ревѣлъ, что не заплатитъ ни гроша; на что мирный судья отвѣчалъ спокойнымъ приказаніемъ вывести его и посадить подъ арестъ, къ великой радости, не только Гримальди и его друзей, но и низшихъ чиновниковъ

* City-marshall, высшій мирно-судебный или полицейскій сановникъ. City значитъ городъ, въ томъ смыслѣ, какой придавался этому слову встарину, и какой сохранился еще отчасти въ нашихъ провинціальныхъ городахъ, гдѣ собственно *городомъ* называется только извѣстная часть всего города. *Прим. Перев.*

суда, которые, знали очень хорошо всѣ продѣлки и плутни стараго констэбля.

Гримальди и его друзья возвратились по домамъ. На другой день они узнали, что старикъ Лука, просидѣвъ и побѣсившись подъ арестомъ шесть часовъ, заплатилъ штрафъ; а часа два по освобожденіи, написалъ очень униженное письмо къ Гримальди, прося его о прощеніи, и спрашивая, какого вознагражденія онъ потребуетъ за изорванное платье. Гримальди счелъ за лучшее оставить все дѣло въ покоѣ, такъ-какъ разбитый носъ старика былъ достаточнымъ наказаніемъ за испорченный камзолъ. Старикъ Лука, съ своей стороны, разсудилъ также за благо не тревожить болѣе Гримальди. Впрочемъ это было, можетъ статься, отъ того только, что онъ самъ, вскорѣ затѣмъ, лишился своего констэбльскаго мѣста.

Нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того прошли весело и радостно, какъ свадебный звонъ, а одиннадцатаго мая и дѣйствительно раздался свадебный благовѣстъ. Гримальди и Мери Гьюзъ сочетались законнымъ бракомъ въ церкви святаго Георгія, что̀ на Ганноверъ-скверѣ, съ полнаго согласія родителей невѣсты и къ немалой радости старушки Гримальди, которая съ давнихъ лѣтъ любила Мери, какъ родную дочь.

На пятый день послѣ свадьбы, молодые поѣхали съ первымъ визитомъ къ родителямъ. Послѣ непродолжительнаго разговора, Гримальди отправился въ Садлервельэскій театръ, на пробу, гдѣ къ нему подбѣжалъ Ришé, и сталъ съ любопытствомъ разспрашивать, кто такая дама, съ которою онъ ѣхалъ за полчаса передъ тѣмъ.

— Я скажу, кто она! подхватилъ Дюбуа: это мисъ Мери Гьюзъ.

— Извини, возразилъ Гримальди: она называется совсѣмъ иначе.

— Право? А я готовъ былъ биться объ закладъ, что это была мисъ Гьюзъ! сказалъ Дюбуа.

— И пробилъ бы: эта дама, дѣйствительно, называлась прежде мисъ Гьюзъ, но съ понедѣльника уже называется мистрисъ Гримальди.

Эта радостная вѣсть разнеслась по всему театру съ быстротою молніи; со всѣхъ сторонъ посыпались поздравленія и желанія счастія, и общій восторгъ сталъ такъ шуменъ и неугомоненъ, что директоръ былъ принужденъ отмѣнить пробу и распустить артистовъ. Въ тотъ же вечеръ, свадьба Джо была отпразднована роскошнымъ ужиномъ въ театральномъ фойé, а въ слѣдующее воскресенье обѣдомъ, для низшихъ членовъ труппы. Однимъ словомъ, молодой человѣкъ, достигнувъ счастія, котораго ждалъ столько лѣтъ, хотѣлъ, чтобы всѣ, отъ перваго до послѣдняго, приняли участіе въ его радости.

Лѣтомъ этого же года, Гримальди держалъ пари, такой странный и

необыкновенный, что, по нашему мнѣнію, его стоитъ разсказать. Гримальди былъ въ это время знакомъ съ однимъ талантливымъ писателемъ, и имъ обоимъ въ одно и тоже время понадобилось ѣхать въ Гревзендъ; они сговорились совершить эту поѣздку на общій счетъ, взяли почтовыхъ лошадей и отправились почти на-зарѣ, чтобы къ вечеру быть назадъ въ Лондонѣ, потому-что Гримальди долженъ былъ играть на Садлервельзскомъ театрѣ. Поѣздка была очень пріятна, и время проходило незамѣтно. Пріятель Гримальди былъ острякъ, шутникъ, моривший хохотомъ всѣхъ своихъ знакомыхъ. Онъ ни минуты не могъ посидѣть спокойно, безпрестанно взглядывалъ то въ одно окно, то въ другое, то взадъ, то впередъ, отпуская самыя забавныя замѣчанія на счетъ мѣстности и проѣзжихъ. Миляхъ въ трехъ отъ Дартфорда, онъ замѣтилъ человѣка, ѣхавшаго верхомъ, на ружейный выстрѣлъ отъ экипажа, и очевидно имѣвшаго намѣреніе обогнать ихъ.

— Джо, взгляните на этого мужичка, что ѣдетъ за нами, сказалъ спутникъ Гримальди. Славная у него лошаденка!

Гримальди взглянулъ; всадникъ быстро приближался къ нимъ, на некрасивой, но здоровой лошади; самъ онъ былъ рослый мужчина, сложенный силачомъ, и по своему наряду принадлежалъ къ мызникамъ.

— Вижу, сказалъ Гримальди: но не нахожу ничего особеннаго ни въ немъ самомъ, ни въ его лошади.

— Особеннаго въ нихъ ничего и нѣтъ; однако, при такой рыси, какою онъ гонитъ свою лошадку, онъ скоро обгонитъ насъ? Какъ вы думаете?

— Обгонитъ, безъ всякаго сомнѣнія; минуты черезъ двѣ онъ уже поравняется съ нами.

— Ну, а если я предложу вамъ пари объ одной гинеѣ, что онъ насъ не обгонитъ?

— Вы шутите.

— Держите?

— Ни за что! Это значило бы украсть ваши деньги.

— Это моя забота; я не буду смотрѣть на вашъ выигрышъ какъ на кражу; готовъ даже назначить еще болѣе благопріятныя условія. Что жъ, идетъ? Я говорю, что онъ не обгонитъ насъ до Дартфорда.

— Идетъ! сказалъ Гримальди, ясно видя, что всадникъ объѣдетъ экипажъ черезъ полминуты, если только какая-нибудь непредвидимая причина не побудитъ его удержать лошадь.

— Только еще одно условіе, подхватилъ его спутникъ: если вы будете смѣяться, или только улыбнетесь, такъ что онъ увидитъ, вы проиграли. Идетъ?

— Идетъ! отвѣчалъ Гримальди, которому становилось очень любопытно видѣть, какое средство придумаетъ его пріятель, чтобы выиграть пари.

Между-тѣмъ, топотъ лошади слышался уже за самымъ экипажемъ. Шутникъ долго не задумывался надъ средствами. Онъ вынулъ изъ кармана пистолетъ, поспѣшно высунулся въ окно, и грозно сталъ прицѣливаться въ мызника, который, испуганный этою неожиданною встрѣчею, поблѣднѣлъ и скорчилъ такую уморительную рожу, что Гримальди, смотрѣвшій въ заднее окошечко, не могъ удержаться отъ хохота. Всадникъ, разумѣется, остановилъ лошадь на всей рыси. Нѣсколько минутъ за тѣмъ онъ медленно слѣдовалъ издали за экипажемъ, не спуская съ него глазъ и обдумывая, что́ ему дѣлать; потомъ вдругъ далъ шенкеля лошади и пустилъ ее во всю рысь, чтобы объѣхать экипажъ съ другой стороны. Но спутникъ Гримальди былъ приготовленъ къ этой военной хитрости; онъ бросился къ другому окну и опять такъ же грозно подставилъ всаднику пистолетъ. Мызникъ еще съ бо́льшимъ страхомъ дернулъ поводья, далъ экипажу отъѣхать на безопасное разстояніе, и уже не пытался опередить его. Гримальди, между-тѣмъ, нахохотавшись и видя, что онъ проигралъ пари, хотѣлъ, по-крайней-мѣрѣ, хорошенько позабавиться, и принялся разыгрывать сцену съ напуганнымъ мызникомъ, высунувшись въ другое окно, и стараясь объяснить знаками, чтобы тотъ не смѣлъ приближаться, если ему дорога жизнь. Всадникъ принялъ увѣщаніе очень серьозно, и въ свою очередь сталъ дѣлать разные знаки и ужимки, стараясь всевозможными пантомимными средствами показать, что-де онъ понимаетъ, что господинъ съ пистолетомъ — сумасшедшій, какъ-нибудь случайно добывшій такую опасную игрушку. Гримальди, знаками же, утвердилъ простака въ его мнѣніи, давъ ему понять, что самъ онъ приставленъ къ сумасшедшему для присмотра. Мнимый сумасшедшій не переставалъ прицѣливаться въ всадника, а всадникъ, держась въ почтительномъ разстояніи, не переставалъ отвѣчать по-сво́ему на всѣ подмигиванія, пожиманія плечъ и другіе знаки Гримальди. Такимъ-образомъ доѣхали они до Дартфорда. Въѣхавъ въ городъ мнимый сумасшедшій опустилъ пистолетъ въ карманъ, усѣлся въ свой уголъ, и Гримальди отсчиталъ ему проигранныя деньги; мызникъ же, не видя болѣе страшнаго оружія, далъ шенкеля лошади, стегнулъ ее кнутомъ, и пронесся стрѣлою по всему городу, къ немалому удивленію глазѣвшихъ прохожихъ.

Этотъ пари далъ шутнику поводъ разсказать другой пари, знаменитаго Шеридана съ принцемъ Валлисскимъ, о которомъ въ то время толковали.

Георгъ IV, будучи еще принцемъ Валлискимъ, каждый день просиживалъ по нѣскольку часовъ у окна одного моднаго клуба, и смотрѣлъ на улицу. Въ этомъ занятіи, конечно, помогали ему всегда нѣкоторые изъ его любимцевъ, а всего чаще Шериданъ, бывшій тогда главнымъ хозяиномъ и директоромъ Дрюриленскаго театра. Между прочими предметами, которые принцъ и Шериданъ подмѣчали въ эти часы праздности, особенно обратила на себя ихъ вниманіе одна дѣвушка, которая проходила постоянно каждый день, въ опредѣленное время, неся огромную корзину разнаго гончарнаго товара; они дивились ловкости и силѣ молодой разнощицы, которая ходила по улицамъ съ такою ношею, не оступаясь подъ ея тяжестью, ни за что не задѣвая, и искусно увертываясь отъ толчковъ въ самой тѣсной толпѣ. Однажды, когда она, по обыкновенію, шла изъ Пикадилли въ Сейнтъ-Джемзъ-Стритъ, Шериданъ сказалъ принцу:

— Вотъ опять наша горшечница! и несетъ товару еще больше обыкновеннаго.

— Не думаю, возразилъ принцъ, подходя къ окну.

— Не смѣю спорить, ваше высочество, но посмотрите сами. Право, ея корзина почти вдвое больше обыкновеннаго. Посмотрите, какъ она шатается подъ тяжестью ноши. Вотъ упадетъ! — нѣтъ, удержалась, бѣдняжка!

— Принцъ, какъ внимательно ни смотрѣлъ, а не замѣчалъ, чтобы корзина была тяжелѣе обыкновеннаго, или чтобы дѣвушка шла съ бо́льшимъ трудомъ. Между-тѣмъ Шериданъ продолжалъ говорить вполголоса, будто про себя: — Упадетъ непремѣнно! не дойдетъ до угла и упадетъ!

— Ей упасть! возразилъ принцъ: какъ-бы не такъ! она привыкла! ей ходить съ такою ношею ни по чемъ!

— А сегодня непремѣнно упадетъ! подхватилъ Шериданъ.

— Пари, что она не упадетъ! сто фунтовъ! вскричалъ принцъ.

— Идетъ! сказалъ Шериданъ.

— Идетъ! повторилъ принцъ.

Дѣвушка дѣйствительно не дошла до угла клуба, и упала; конечно случайно, потому-что кому же охота упасть съ умысломъ, да еще когда несешь цѣлую корзину глиняной посуды? Однако нѣкоторые злые языки утверждали, будто паденіе дѣвушки было не случайное, и произошло вовсе не отъ чрезмѣрной тяжести ноши. Не беремся рѣшать этотъ споръ, а скажемъ только, что Шериданъ въ этомъ случаѣ доказалъ свою необыкновенную проницательность на такаго рода вещи *.

* Такія продѣлки были совершенно въ духѣ Шеридана. Однажды, напримѣръ, прогули-

Спутникъ разсказывалъ этотъ анекдотъ между-тѣмъ, какъ въ экипажъ закладывали другихъ лошадей. Его склонность къ школьническимъ шуткамъ разыгралась, и онъ не упустилъ случая повторить сцену пистолета въ новомъ видѣ. Стоявшій на дорогѣ обозъ остановилъ экипажъ передъ гостинницею, изъ которой одинъ господинъ, вывѣсившись въ окно, смотрѣлъ на улицу съ весьма довольнымъ видомъ. Это былъ человѣкъ большаго росту и тучный, въ военномъ сюртукѣ, съ огромными бакенбартами и чрезвычайно важною и воинственною наружностью. Шутникъ-пріятель началъ съ того, что кашляньемъ и чиханіемъ обратилъ на себя вниманіе воинственнаго господина, который посмотрѣлъ на него съ величавымъ, презрительнымъ удивленіемъ. Тогда шутникъ принялъ видъ сумасшедшаго, пришедшаго въ ярость, схватилъ пистолетъ и уставилъ его прямо противъ лица важнаго господина, который поблѣднѣлъ, закрылъ лицо руками, и — отступилъ-ли назадъ или упалъ, — во всякомъ случаѣ скрылся изъ окна. Шутникъ прехладнокровно опустилъ пистолетъ въ карманъ, а Гримальди едва не лопнулъ отъ хохоту.

—

ГЛАВА VII.

Встрѣча съ Шериданомъ. — Семейныя горести. — Арлекинъ Амулетъ, новая эра въ пантомимѣ. — Любители голубей и ихъ пари. — Первая поѣздка въ провинцію. — Джонъ Кембль и Іуда Дэвисъ. — Успѣхи въ Мэйдстонѣ и Кентербёри. — Объясненія съ Кемблемъ.

Лѣто прошло очень весело; въ сентябрѣ начались представленія на Дрюриленскомъ театрѣ; но какъ въ то же время на Садлервельзскомъ театрѣ представленія прекратились, а Дрюриленская дирекція разсудила на этотъ годъ опять замѣнить пантомиму великолѣпнымъ спектаклемъ, то Гримальди былъ почти совершенно свободенъ.

Около этого времени, Гримальди встрѣтился случайно съ Шериданомъ, и между ними произошелъ слѣдующій разговоръ.

— Ну, Джо, живы-ли вы?

— Живъ, сэръ, какъ видите; женатъ и живу счастливо.

— И жена хорошенькая, Джо?

— Очень хороша.

ваясь пѣшкомъ съ своимъ товарищемъ по управленію театра, Ричардсономъ, и не имѣя денегъ, вздумалъ онъ проѣхаться въ каретѣ и заставить Ричардсона заплатить извощику. Для этого, подъѣзжая къ своему дому, онъ завязалъ съ Ричардсономъ горячій споръ, и когда отъ спора перешло къ крупнымъ словамъ, онъ выскочилъ изъ кареты, объявивъ, что совѣсть не позволяетъ ему ни минуты долѣе сидѣть съ такимъ человѣкомъ, какъ Ричардсонъ. Послѣднему пришлось заплатить за поѣздку.

— Это дѣло; живите добрымъ семьяниномъ, Джо; только въ семейной жизни можетъ человѣкъ достичь истиннаго счастья. Я самъ живу семьяниномъ, сказалъ Шериданъ, прищуривъ глазки съ тѣмъ невыразимо-юмористическимъ выраженіемъ, котораго никто не забудетъ, кто только разъ видѣлъ его. Живите добрымъ семьяниномъ, продолжалъ онъ. Но что дѣлаетъ бѣдная ваша жена по вечерамъ, когда вы играете на театрѣ? Не годится, Джо, оставлять молодую жену одну по цѣлымъ вечерамъ! Вовсе не годится! Вотъ я пособлю вамъ развлечь ее, — пришлю ей даровые билеты, для нея съ пріятельницею! — разумѣется съ пріятельницею, а не съ пріятелемъ, — иначе оно вышло-бы еще опаснѣе; что вы на это скажете, Джо?

И онъ поспѣшно удалился, не дождавшись отвѣта; но не забылъ обѣщанія, и съ слѣдующаго вечера мистрисъ Гримальди стала почти постоянно посѣщать театръ.

Безмятежно, пріятно и быстро промелькнули осень и зима. Въ-слѣдующемъ 1799 году, надежда быть скоро отцомъ, еще увеличила счастіе мужа, — увы! не надолго. По къ чему слишкомъ распространяться о тяжкихъ горестяхъ семейной жизни, которыхъ мы такъ много видимъ каждый день около себя? Послѣ многихъ колебаній между страхомъ и надеждою, Гримальди лишился жены — той, которую онъ такъ страстно любилъ почти съ дѣтства, о душевныхъ свойствахъ которой онъ съ такою нѣжностію вспоминалъ до самой смерти. — «Бѣдный Джо! о Ричардъ, люби моего бѣднаго Джо!» Это были послѣднія ея слова къ брату. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, предъ нимъ лежалъ одинъ безжизненный трупъ. Она умерла 18 октября 1799 года, и бренные останки ея были положены въ семейномъ склепѣ Гьюза, въ Сейнтъ-Джемзской церкви, въ Кларкенвелѣ.

Въ первое время Гримальди былъ убитъ горестью. Друзья его боялись даже за его жизнь, не отходили отъ него ни на минуту, и только ихъ неусыпная заботливость, ихъ теплое участіе могли мало-по-малу успокоить его жгучую скорбь. Они также знали и любили ее; они говорили съ нимъ о ней, и вмѣстѣ съ нимъ оплакивали ее! Ричардъ Гьюзъ, братъ покойной не забылъ предсмертнаго завѣщанія сестры; онъ остался вѣрнымъ и искреннимъ другомъ Гримальди до самой его кончины.

Два мѣсяца провелъ Гримальди, погруженный въ горестныя думы объ обманутыхъ надеждахъ и утраченномъ счастіи. По прошествіи двухъ мѣсяцевъ рѣшился онъ снова показаться на сценѣ, и первое появленіе его сопровождалось оглушительнымъ хохотомъ публики. Слѣды глубокой скорби на лицѣ пропали подъ слоемъ краски, и весь театръ встрѣтилъ своего любимца громкими и единодушными изъявленіями восторга.

Это было въ пантомимѣ, данной къ святкамъ на Дрюриленскомъ театрѣ. Она называлась «Арлекинъ Амулетъ, или волшебникъ острова Моны» *, имѣла огромный успѣхъ и давалась почти безъ перерыву до Пасхи 1800 года. Авторомъ ея былъ Поуель, а постановку принялъ на себя балетмейстеръ Джемзъ Бёрнъ. Она отличалась нѣкоторыми особенностями и нововведеніями, а именно, новою костюмировкою и совершенно новымъ значеніемъ, даннымъ арлекинову характеру. Костюмъ арлекина до того времени состоялъ изъ широкихъ шароваръ и куртки, а всѣ его тѣлодвиженія ограничивались пятью опредѣленными положеніями, которыя онъ безпрестанно мѣнялъ. Бёрнъ, въ первый разъ явившійся въ этомъ году въ роли Арлекина, бросилъ всѣ эти старыя условія, и создалъ изъ него новый типъ. Всѣ его тѣлодвиженія, положенія, прыжки были новы; костюмъ также подвергся современному преобразованію; Бёрнъ сшилъ его изъ бѣлой шелковой матеріи, съ затканными цвѣтными заплатками, также шелковыми; и онъ такъ гладко сидѣлъ на тѣлѣ, что нигдѣ не видно было ни складочки; множество разсыпанныхъ по немъ богатыхъ блестокъ и галуновъ придали ему необыкновенный блескъ. Это нововведеніе увлекло зрителей, и Бёрнъ былъ привѣтствованъ самыми восторженными рукоплесканіями, — «и вполнѣ заслуженными, прибавляетъ Гримальди: ибо, по моему мнѣнію, Бёрнъ былъ лучшимъ арлекиномъ своего времени, да и съ-тѣхъ-поръ немногіе только подходили къ нему, а никто не могъ его превзойдти.»

У Гримальди была въ этой пантомимѣ очень трудная и утомительная роль. Онъ являлся сначала Пунчемъ **, потомъ, въ-теченіе пьесы, превращался въ клоуна. Въ Пунчѣ онъ имѣлъ такой успѣхъ, что Шериданъ изъявилъ желаніе, чтобы онъ оставался этимъ лицомъ до конца пьесы; но Гримальди отъ этого отказался на-отрѣзъ. Въ Пунчѣ его давили и душили два огромные и тяжелые горба, одинъ на спинѣ, другой на груди, высокій колпакъ въ видѣ сахарной головы, маска съ предлиннымъ носомъ и тяжелые деревянные башмаки. Въ этомъ неудобномъ нарядѣ онъ долженъ былъ напрягать всѣ силы, безпрестанно выдѣлывать самыя разнообразныя и хитрыя полишинелевскія штуки, такъ, что къ концу шестой сцены онъ выбивался изъ силъ и принужденъ былъ превращаться въ клоуна. «Мисъ Менажъ, говоритъ Гримальди: исполняла роль Коломбины, и была въ ней удивительно хороша. Я думалъ тогда, да и теперь еще думаю, что я никогда не видывалъ такого превосходнаго Арлекина и такой отличной Коломбины, какъ Бёрнъ и мисъ Менажъ.»

* Мона, древнее имя острова Энгльзи, считавшагося особенно священнымъ у Друидовъ.
** Итальянскій Пульчинелла.

«Арлекинъ-Амулетъ» давали каждый день, до самой Пасхи, такъ, что Гримальди былъ постоянно занятъ. Это, впрочемъ, имѣло на него благодѣтельное вліяніе, тѣмъ, что отвлекало его мысли отъ горестной утраты.

По смерти жены, онъ немедленно переѣхалъ на другую квартиру, въ Бейнзъ-роу, и тамъ, для развлеченія, завелъ себѣ голубятню, гдѣ часто просиживалъ по нѣскольку часовъ, любуясь на быстрый полетъ своихъ голубей, которыхъ у него было болѣе тридцати паръ, и все самыхъ отличныхъ породъ. Съ немалою гордостью разсказываетъ онъ объ одномъ пари съ какимъ-то мистромъ Ламбертомъ; предметомъ этого пари былъ голубь, отличавшійся необыкновенными свойствами.

«Этотъ мистръ Ламбертъ, говоритъ Гримальди: былъ, подобно мнѣ, страстный охотникъ до голубей; но присоединялъ къ этой страсти другую, совершенно худую мнѣ страсть—къ хвастовству.» И такъ, мистръ Ламбертъ, въ порывѣ хвастовства, вздумалъ утверждать, что его голуби во всѣхъ отношеніяхъ превосходили голубей всѣхъ другихъ лондонскихъ голубятниковъ. Само-собою разумѣется, что такой отзывъ задѣлъ за живое всѣхъ содержателей голубей, въ томъ числѣ и Гримальди. Мистръ Ламбертъ предложилъ пари въ томъ, что у его соперниковъ не найдется ни одного голубя, который могъ бы пролетѣть двадцать миль въ двадцать минутъ. Гримальди принялъ пари. Въ назначенный день, избранный голубь былъ отданъ въ шесть часовъ утра одному пріятелю, съ приказаніемъ пустить его ровно въ двѣнадцать часовъ, близъ Сент-Альбанса, въ двадцати миляхъ отъ дома Гримальди. Затѣмъ часы были поставлены по Кларкенвальскимъ церковнымъ часамъ, и пріятель отправился съ голубемъ и съ однимъ свидѣтелемъ со стороны противника. Погода была неблагопріятная; все время шелъ частый и крупный снѣгъ съ дождемъ. Но въ условіяхъ пари погода не была оговорена, и въ двѣнадцать часовъ Гримальди и Ламбертъ, сопровождаемые нѣсколькими свидѣтелями съ обѣихъ сторонъ, отправились на голубятню. Ровно въ девятнадцать минутъ по полудни голубь опустился на крышу. Гримальди тутъ же было предложено за него двадцать фунтовъ; но онъ съ негодованіемъ отказался отъ этого предложенія.

Не всегда, однако, голуби летали такъ быстро, или были такъ исправны. Иной разъ они странствовали такъ долго, что хозяинъ терялъ надежду ихъ видѣть. Однажды отсутствіе ихъ продолжалось четыре часа. Онъ съ отчаяніемъ сидѣлъ на голубятнѣ, какъ вдругъ три оставшіеся голубя обратили на себя его вниманіе. Они вытянули шейки и устремили неподвижные взоры къ небу. Гримальди взглянулъ въ томъ же направленіи, но долго ничего не видѣлъ. Наконецъ ему показалось,

что онъ различилъ черную точку на ужасной высотѣ; точка эта постепенно приближалась и расширялась, и наконецъ, къ невыразимой его радости, всѣ его голуби опустились на голубятню. Они возвращались, безъ сомнѣнія, изъ дальняго путешествія; можетъ-быть пролетѣли нѣсколько сотенъ миль.

По окончаніи представленій пантомимы, Гримальди почти нечего было дѣлать на Дрюриленскомъ театрѣ. Его занятія ограничивались незначительными ролями въ «Лодоискѣ», въ «Рыцарскихъ временахъ», и тому подобныхъ пьесахъ, такъ что ему не трудно было поспѣвать туда по окончаніи главной пьесы на Садлервельзскомъ театрѣ. Въ іюнѣ Дрюриленскій театръ закрылся, и открылся уже въ сентябрѣ, по окончаніи Садлервельзскаго сезона. Но настоящая его дѣятельность должна была начаться только въ декабрѣ, такъ, что онъ могъ улучить нѣсколько времени въ ноябрѣ, чтобы совершить свою первую артистическую поѣздку въ провинцію.

Въ труппѣ Садлервельзскаго театра былъ тогда одинъ талантливый актеръ, по имени Лундъ, который, въ свободное время, присоединялся къ провинціальной труппѣ мистрисъ Бекеръ. Ему былъ назначенъ, на 15 число, бенефисъ въ Рочестерѣ. Онъ пріѣхалъ въ Лондонъ, явился къ Гримальди, и просилъ его принять участіе въ бенефисѣ. Гримальди никогда не отказывалъ въ просьбѣ такого рода, если только могъ ее исполнить; такъ и тутъ онъ тотчасъ изъявилъ свое согласіе. Въ назначенный день онъ прибылъ въ двѣнадцать часовъ въ Рочестеръ, сдѣлалъ пробу нѣсколькимъ пантомимнымъ сценамъ, потомъ пообѣдалъ, и отправился въ театръ, который къ шести часамъ былъ уже биткомъ набитъ. Его появленіе было привѣтствовано оглушительными рукоплесканіями; онъ долженъ былъ повторить по три раза каждую изъ своихъ комическихъ пѣсенъ, и вся игра его возбудила живѣйшее ощущеніе. Мистрисъ Бекеръ немедленно предложила ему играть слѣдующіе два вечера, съ тѣмъ, чтобы половина сбора принадлежала ему. Онъ принялъ предложеніе, и старушка директриса была въ такомъ восторгѣ, что не снимая шляпки и платка, въ томъ самомъ видѣ, какъ стояла въ кассѣ, вышла на сцену, чтобы объявить почтенной публикѣ объ ожидавшемъ ее на два слѣдующіе вечера; само-собою разумѣется, что это извѣстіе было принято со стороны публики съ громкими выраженіями радости.

Мистрисъ Бекеръ была очень замѣчательная особа. Она вела свои дѣла сама, и имѣла особенную систему финансоваго управленія. Она никогда не давала денегъ на проценты, и вообще не пускала ихъ ни въ какіе торговые обороты, а хранила ихъ въ семи или восьми пуншевыхъ

бокалахъ, которые всегда стояли на верхней полкѣ шкафа; только отъ времени до времени доставляла она себѣ чрезвычайное наслажденіе, снимая бокалы одинъ за другимъ, съ полки, и налюбовавшись на нихъ досыта, ставила ихъ на прежнее мѣсто. У нея былъ довѣренный человѣкъ, помогавшій ей во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ храненія денегъ; это былъ нѣкто Лонгъ, по чрезмѣрной своей худобѣ получившій прозвище *Костлявaго*. Послѣ спектакля, за ужиномъ, въ которомъ участвовали Лундъ, Гримальди, Генри, Вильямъ Доутоны (сыновья знаменитаго актера), директриса и Лонгъ, было условлено, что Гримальди будетъ на слѣдующій день играть Скарамучью въ «Донъ-Жуанѣ». Представилось небольшое затрудненіе въ томъ, что Гримальди привезъ съ собою только костюмъ клоуна; но мистрисъ Бекеръ тотчасъ помогла этой бѣдѣ съ помощью одного портнаго, Памера, который при этомъ случаѣ открылъ въ себѣ необыкновенный талантъ по части театральной костюмировки. Вскорѣ послѣ того онъ переселился въ Лондонъ и поступилъ костюмеромъ, сначала къ Ковентгарденскому театру, а потомъ къ Дрюриленскому, и занимаетъ эту должность по настоящее время *.

Ко второму представленію всѣ билеты были разобраны въ полчаса, и многимъ охотникамъ пришлось еще отказать; къ третьему вечеру, когда Гримальди долженъ былъ играть въ послѣдній разъ, и въ двухъ роляхъ, клоуна и Скарамучью, оркестръ былъ обращенъ въ ложи, а за сценою не оставалось полуаршина свободнаго пространства, на которомъ не было бы устроено помѣщенія для зрителей. Мистрисъ Бекеръ не помнила такого богатаго сбора.

Гримальди обѣщалъ мистрисъ Бекеръ пріѣхать къ ней въ мартѣ мѣсяцѣ и дать нѣсколько представленій съ ея труппою въ Мэйдстонѣ, если только лондонскія обязанности его позволятъ. На слѣдующее утро, Костлявый принесъ ему счетъ и слѣдовавшія ему деньги, 160 фунтовъ стерлинговъ, и затѣмъ онъ возвратился въ Лондонъ, очень довольный первою своею артистическою поѣздкою.

Къ святкамъ, на Дрюриленскомъ театрѣ, вмѣсто новой пантомимы былъ возобновленъ «Арлекинъ-Амулетъ», который давалъ опять полные сборы, почти безъ перерыва, до конца января. Въ это время явился въ первый разъ на Дрюриленской сценѣ старинный пріятель Гримальди, Дэвисъ, или Іуда Дэвисъ, какъ его называли обыкновенно **. Онъ былъ извѣстенъ, между прочимъ, какъ отчаянный шутникъ, и о немъ разсказывали забавный случай съ Кемблемъ.

* Въ 1838 году.

** Дэвисъ славился въ свое время, какъ лучшій актеръ на роли жидовъ.

Прим. пер.

Кембль давалъ однажды представленія въ сѣверной Англіи, и игралъ Гамлета на провинціяльномъ театрѣ, на которомъ былъ ангажированъ Дэвисъ. Само собою разумѣется, что вся труппа должна была участвовать въ представленіи, въ томъ числѣ и Дэвисъ, которому дали роль могильщика. Все шло хорошо до первой сцены пятаго дѣйствія, то-есть до появленія Дэвиса. Онъ привыкъ корчить самыя уморительныя рожи, которыя могли быть очень забавны въ комедіяхъ и фарсахъ, но въ трагедіи, а слѣдовательно и въ *Гамлетѣ*, были не совсѣмъ у мѣста. А что было еще хуже, публика привыкла хохотать до упаду рожамъ Дэвиса, такъ, что нравственно-философскія размышленія великаго трагика надъ Іориковымъ черепомъ были безпрестанно прерываемы страшнымъ хохотомъ, возбудившимъ въ немъ великій гнѣвъ и досаду.

По окончаніи пьесы, Гамлетъ крѣпко выбранилъ могильщика, и изъявилъ надежду, что въ будущую встрѣчу ихъ въ тѣхъ же роляхъ, Дэвисъ воздержится отъ такого безсмысленнаго паясничества. Это не помогло; Дэвисъ не терпѣлъ осужденій и наставленій, и отвѣчалъ довольно рѣзко, что не учиться ему у мистра Кембля своему искусству. Кембль оставилъ его въ покоѣ, и продолжалъ свои представленія съ такимъ успѣхомъ, что былъ ангажированъ еще на нѣсколько вечеровъ.

Въ послѣднее представленіе давали опять *Гамлета*. На этотъ разъ, какъ и прежде, все шло отлично до сцены могильщиковъ. Кембль ждалъ реплики, и съ досадою слушалъ, какъ нѣчто зловѣщее, оглушительный хохотъ, сопровождавшій бесѣду могильщиковъ. Въ ту самую минуту, какъ онъ выходилъ на сцену, Дэвисъ отпустилъ уморительную гримасу, и хохотъ возобновился. Запылалъ гнѣвомъ Кембль. Первыя слова его не произвели никакого впечатлѣніе, а когда онъ обратился къ Дэвису, онъ замѣтилъ, что тотъ, стоя въ могилѣ, корчилъ самыя комическія, но крайне-неумѣстныя рожи. Терпѣніе Кембля лопнуло. Онъ въ бѣшенствѣ топнулъ ногою и пустилъ сквозь зубы словечко, очень выразительное, но вовсе не принадлежавшее къ роли. Дѣйствіе его было самое неожиданное. При видѣ Гамлетова гнѣва, могильщикъ всплеснулъ руками отъ страха, вскрикнулъ такъ ужасно, что всѣ слушатели вздрогнули, растянулся на днѣ могилы, и уже не хотѣлъ ни говорить, ни выходить оттуда. Затѣмъ сцена была разыграна по возможности безъ могильщика, а зрители, во все продолженіе ея, громко выражали свое безпокойство и спрашивали отъ времени до времени, не случилось ли какого несчастія съ мистромъ Дэвисомъ?

Съ полгода спустя, Шериданъ случайно увидѣлъ Дэвиса гдѣ-то въ провинціи, и былъ такъ пораженъ его талантомъ, что немедленно ангажировалъ его къ Дрюриленскому театру. Въ первый же день сезона

онъ формально представилъ его директору, Джону Кемблю, который сначала не узналъ его, а показалось ему только, что онъ гдѣ-то видалъ это лицо. Послѣ нѣсколькихъ минутъ размышленія, онъ вскрикнулъ:—«А, помню, помню! вы не тотъ ли господинъ, что вдругъ растянулся въ могилѣ, и забылъ оттуда выдти?»

Дэвисъ поспѣшилъ просить извиненія въ своей неумѣстной шуткѣ. Случай былъ разсказанъ Шеридану, который, будучи самъ отъявленнымъ школьникомъ, пришелъ отъ него въ восторгъ. Даже самъ Гамлетъ забылъ гнѣвъ и досаду, и всѣ трое смѣялись отъ души.

Когда представленія *Арлекина-Амулета* прекратились, Гримальди почти нечего было дѣлать въ Лондонѣ. Помня данное обѣщаніе, онъ поѣхалъ, въ началѣ марта, къ старой директрисѣ, въ мейдстонъ, и на слѣдующее же утро мирный городокъ внезапно засуетился, прочитавъ объявленіе, что знаменитый лондонскій клоунъ явится на мейдстонскомъ театрѣ, въ роли Скарамучьи. Въ половинѣ пятаго часу не было уже проходу по улицѣ, которая вела къ театру. Мистрисъ Бекеръ отъ роду не видала такой давки, и поперемѣнно то радовалась, то приходила въ ужасъ. Она истребовала нѣсколько лишнихъ констэблей, и по приходѣ ихъ, немедленно велѣла отворить двери, и открыла кассу, крича безпрестанно: — «Партеръ или ложу? — партеръ или галерею? — ложу или партеръ?»

— Партеръ, партеръ! кричалъ десятокъ нетерпѣливыхъ охотниковъ, крѣпко хватаясь за перила, чтобы ихъ не оттиснули.

— Такъ давай скорѣе два шиллинга и проваливай, ротозѣй! отвѣчала старуха. Такъ нецеремонно обращалась она не только въ этотъ вечеръ, но и каждый разъ, какъ въ кассѣ было много народа, и со всѣми, не смотря ни на какое званіе.

Впускъ, въ этотъ вечеръ, начался въ пять часовъ, и какъ только театръ наполнился, мистрисъ Бекеръ закрыла кассу, побѣжала на сцену, и велѣла тотчасъ начинать, объясняя весьма основательно, что «въ театрѣ больше народу, чѣмъ помѣстится; не усадишь, и что чѣмъ скорѣе начнемъ, тѣмъ скорѣе съ плечъ сбудемъ». И представленіе тотчасъ началось, къ великой радости жителей, и кончилось въ началѣ десятаго.

Жители Мейдстона приняли Гримальди какъ нельзя лучше, и на слѣдующее утро всѣ городскія власти и знаменитости наперерывъ другъ передъ другомъ приглашали его къ обѣду. Но онъ отказался отъ всѣхъ приглашеній, потому-что былъ уже завербованъ директрисою, которая не спускала съ него глазъ. Утромъ, когда онъ показался на улицѣ, толпа мальчишекъ узнала его и, какъ въ Лондонѣ, проводила его радо-

стными кликами. На второе представленіе театръ былъ еще полнѣе перваго раза, хотя оно и казалось бы невозможнымъ: но сторожа какъ то уловчились, чтобы втиснуть въ залу лишнюю полсотню людей. Въ первое представленіе было собрано 154, во второе 157 фунтовъ, изъ которыхъ Гримальди получилъ ровно половину.

Мистрисъ Бекеръ предложила ему ѣхать въ Кентербюри, и дать тамъ также два представленія, на тѣхъ же условіяхъ. Онъ согласился, и директриса велѣла немедленно написать объявленіе и послать въ типографію. Въ четыре часа утра объявленія были готовы и отправлены съ нарочнымъ въ Кентербюри, а въ девять часовъ утра весь городъ зналъ уже объ ожидавшемъ его удовольствіи. Мистрисъ Бекеръ держала театры въ Рочестерѣ, Мейдстонѣ, Кентербюри и во многихъ еще другихъ городахъ; а какъ всѣ эти театры были почти одной величины, то однѣ и тѣже декораціи годились для всѣхъ. Въ назначенный день вся труппа отправилась въ Кентербюри на разсвѣтѣ; Гримальди же поѣхалъ позднѣе, на почтовыхъ, и прибылъ въ часъ пополудни. Пробу дѣлать было не для чего, потому-что актеры, музыканты, машинисты и даже служители были всѣ тѣ же. Всѣ мѣста были уже разобраны. Мистрисъ Бекеръ угостила Гримальди отличнымъ обѣдомъ, а потомъ онъ отправился въ театръ, и имѣлъ, какъ въ этотъ вечеръ, такъ и на слѣдующій, такой же успѣхъ, какъ въ Мейдстонѣ. Въ Кентербюри пришлось на его долю 155 фунтовъ девять шиллинговъ, такъ, что онъ воротился въ Лондонъ, изъ четырехъ-дневной поѣздки, съ 312 фунтами и 19 шиллингами въ карманѣ.

Вскорѣ по возвращеніи онъ съ удивленіемъ прочиталъ на афишахъ Друриленскаго театра, что въ непродолжительномъ времени будетъ возобновленъ Арлекинъ Амулетъ, въ которомъ мистръ Гримальди будетъ исполнять прежнюю роль. Это объявленіе было противно условіямъ его контракта, и никакъ не могло согласиться съ его обязанностями относительно Садлервельзскаго театра. Поэтому онъ рѣшился идти немедленно къ директору, Джону Кемблю, и объясниться съ нимъ.

Онъ засталъ директора въ театрѣ. Кембль принялъ его съ тѣмъ директорскимъ величіемъ и повелительнымъ видомъ, которыя онъ принималъ каждый разъ, какъ ожидалъ сопротивленія своей волѣ. Гримальди вѣжливо поклонился, а Кембль важно и церемонно приложилъ руку къ шляпѣ, и холодно спросилъ, что ему угодно. Гримальди объяснилъ, что онъ по своему контракту обязанъ послѣ Пасхи играть только въ маленькихъ пьесахъ, а не въ пантомимѣ, и что ему даже невозможно играть въ ней по причинѣ контракта съ Садлервельзскимъ театромъ; что обѣ дирекціи всегда распоряжались такимъ образомъ, чтобы не пре-

пятствовать ему въ исполненіи обоихъ контрактовъ; и что ему будетъ весьма прискорбно, если отъ отказа его произойдетъ какая-либо непріятность, но что ему невозможно явиться въ той роли, которая объявлена на афишахъ Дрюриленскаго театра.

Кембль выслушалъ представленіе Гримальди съ холодною важностью, помолчалъ съ минуту, и потомъ сказалъ торжественнымъ, голосомъ:— «Джо, я скажу вамъ одно слово, которое стóитъ тысячи: вы должны играть».

Гримальди стало ужасно досадно; потому что слово «должны» сказано было съ непріятнымъ выраженіемъ. Онъ увлекся минутнымъ гнѣвомъ, и отвѣчалъ запальчиво: —«Хорошо, сэръ. На ваше «долженъ» я отвѣчу однимъ же словомъ,—*не хочу*, сэръ!

— Не хотите, Джо? не хотите?

— Не хочу.

— Вотъ что? сказалъ Кембль рѣзкимъ, ироническимъ голосомъ, а Гримальди повторилъ еще съ бóльшею досадою: — «Не хочу!»

— Въ такомъ случаѣ имѣю честь свидѣтельствовать вамъ мое почтеніе, отвѣчалъ Кембль, снявъ шляпу и низко кланяясь.

Гримальди также снялъ шляпу и поклонился, и съ тѣмъ они разошлись. На другой же день имя Гримальди на афишѣ смѣнилось именемъ какого-то новаго, совершенно неизвѣстнаго въ Лондонѣ клоуна, которому пришлось исчезнуть со сцены такъ же быстро, какъ онъ явился. Дебютъ его былъ такъ неудаченъ, что послѣ перваго представленія пантомима была отказана.

Гримальди между-тѣмъ готовилъ новую и очень значительную роль въ пьесѣ, ставившейся на Садлервельзскомъ театрѣ, подъ благозвучнымъ и заманчивымъ названіемъ «Большаго дьявола». Онъ полагалъ большія надежды на роль и на пьесу; но объ этомъ въ слѣдующей главѣ.

—

ГЛАВА VIII.

1801 — 1803.

Какъ добываются деньги. — Отказъ отъ Дрюриленскаго театра и новый ангажементъ. — Монахъ Люисъ. — Люисъ и Шериданъ. — Семейное приращеніе и денежная убыль.

«Большой дьяволъ» вполнѣ оправдалъ ожиданія Гримальди; но этотъ успѣхъ стоилъ ему большихъ трудовъ. Онъ игралъ въ пьесѣ двѣ роли,

и кромѣ фехтовальныхъ и другихъ упражненій, долженъ былъ переодѣваться девятнадцать разъ. Пьеса много нашумѣла и давалась въ-продолженіе всего сезона.

Въ предыдущей главѣ мы показали, что приносила Гримальди его артистическая дѣятельность; теперь кстати покажемъ, чего стоило ему добывать эти деньги. Ежедневная служба его начиналась на Садлервельзскомъ театрѣ, гдѣ онъ игралъ длинную, трудную роль въ «Большомъ дьяволѣ». Потомъ онъ былъ клоуномъ при танцованіи на канатѣ и въ пантомимѣ; въ послѣдней онъ пѣлъ двѣ комическія пѣсни, которыя долженъ былъ каждый разъ повторять по два и по три раза. Когда все это было кончено, ему надо было на скоро переодѣться и спѣшить — иногда бѣжать — въ Дрюриленскій театръ, чтобы участвовать тамъ въ послѣдней пьесѣ.

Послѣ шести такихъ вечеровъ, на седьмой день онъ былъ совершенно разбитъ. Онъ, очевидно, слишкомъ напрягалъ свои силы, и это было, безъ сомнѣнія, первою причиною разслабленія, постигшаго его въ послѣдніе годы жизни; онъ имѣлъ полное право, на старости, говорить, что если онъ и получалъ хорошія деньги, то эти деньги не равнялись четвертой части трудовъ, которыхъ онѣ ему стоили.

Иногда представленіе на Садлервельзсомъ театрѣ было такъ продолжительно, что занавѣсъ опускался въ то самое время, когда начиналась послѣдняя пьеса на Дрюриленскомъ театрѣ. Тогда онъ бывалъ принужденъ бѣжать туда, не останавливаясь ни разу, чтобы перевести духъ. Какой онъ былъ въ то время мастеръ бѣгать, доказывается тѣмъ, что однажды, когда представленіе на Садлервельзскомъ театрѣ задержало его долѣе обыкновеннаго, онъ съ своимъ товарищемъ, мистромъ Фербротеромъ, добѣжалъ оттуда до Дрюриленскаго театра въ восемь минутъ. Въ другой разъ, — это было въ то время, когда дрюриленская труппа играла въ зданіи Итальянской Оперы, — они вдвоемъ прибѣжали туда въ четырнадцать минутъ, и исполнивъ тамъ свое дѣло, то-есть явившись въ большой выходъ въ «Кимонѣ», возвратились въ Садлервельзскій театръ въ тринадцать минутъ, какъ разъ во-время, чтобы Гримальди успѣть переодѣться и явиться клоуномъ въ пантомимѣ.

Гримальди былъ всегда чрезвычайно точенъ и совѣстливъ въ исполненіи своихъ обязанностей, такъ что во все продолженіе его многолѣтняго и труднаго поприща, онъ ни разу не обманулъ ожиданіе публики, и ни разу не отказался отъ роли, объявленной на афишѣ.

Послѣ своего объясненія съ Кемблемъ, онъ три мѣсяца исполнялъ свои обязанности на Дрюриленскомъ театрѣ, и ссора ихъ, повидимому, не имѣла никакихъ послѣдствій, кромѣ того, что Кембль не оказывалъ

ему прежняго расположенія, и встрѣчаясь съ нимъ, кланялся ему очень важно и холодно. Гримальди, съ своей стороны, соблюдалъ туже холодную и чопорную вѣжливость. Однако опасенія его наконецъ сбылись; 26 іюня онъ получилъ записку, подписанную Поуэлемъ, тогдашнимъ суфлеромъ, въ которой онъ извѣщался отъ имени дирекціи, что она, для своей пользы, признавала нужнымъ на будущее время обойтись безъ его услугъ.

Эта записка очень огорчила Гримальди; поступокъ дирекціи казался ему жестокимъ и несправедливымъ. Сначала онъ думалъ подать жалобу въ судъ на Шеридана, какъ главнаго владѣльца Дрюриленскаго театра, и по смыслу своего контракта, онъ долженъ-бы непремѣнно выиграть процессъ. Но потомъ онъ отказался отъ этого намѣренія и пошелъ за совѣтомъ къ своему вѣрному другу, мистру Гьюзу, который, прочитавъ записку, сказалъ ему: — «Бросьте записку, и не думайте объ этомъ. По окончаніи садлервельзскаго сезона, вы поѣдете со мною въ Эксетеръ и пробудете тамъ до открытія его вновь. Вы получите за это время, по четыре фунта въ недѣлю и полный бенефисъ. Это будетъ для васъ чуть-ли не выгоднѣе Дрюриленскаго театра.»

Гримальди не поколебался принять предложеніе мистра Гьюза, и не думалъ болѣе о причиненной ему обидѣ.

Лѣтній сезонъ на Садлервельзскомъ театрѣ прошелъ очень быстро, до августа мѣсяца. Въ это время случилось происшествіе, которое могло имѣть для Гримальди очень горестныя послѣдствія. Играя въ «Большомъ дьяволѣ» разбойничьяго есаула, онъ имѣлъ въ сапогѣ пистолетъ, который онъ долженъ былъ въ одномъ мѣстѣ поспѣшно вытащить и выстрѣлить изъ него. Однажды онъ при этомъ задѣлъ курокъ, и пистолетъ выстрѣлилъ и разорвалъ ему сапогъ. Не смотря на страшную боль, Гримальди не хотѣлъ прервать представленія и остался на сценѣ до конца пьесы. Когда онъ вышелъ, и сапогъ былъ снятъ съ ноги, оказалось что пыжъ и чулокъ загорѣлись отъ выстрѣла, и горѣли все время. Гримальди послѣ того четыре недѣли не могъ выходить изъ комнаты. Во все это время, одна актриса Дрюриленскаго театра, мисъ Бристау, ухаживала за больнымъ съ заботливостью родной сестры; каждое утро приходила она перевязывать ему ногу, и просиживала у него по цѣлымъ часамъ, чтобы разсѣять его скуку. Изъ благодарности онъ слѣдующею же зимою женился на ней и прожилъ съ нею, въ совершенномъ счастіи, до самой ея смерти, то-есть болѣе тридцати лѣтъ.

Представленія на Дрюриленскомъ театрѣ возобновились 30 сентября, пьесою «Какъ вамъ угодно», и «Синею бородою.» Въ послѣдней роль Гримальди заключалась преимущественно въ фехтовальной сценѣ, вста-

вленной для того, чтобы дать время для нужныхъ приготовленій къ послѣдней картинѣ. Кембль не подумалъ объ этомъ, и вмѣсто того, чтобы пріискать кого-нибудь на мѣсто Гримальди, велѣлъ просто выпустить сцену, что̀ очень не понравилось публикѣ. Театръ былъ въ этотъ день полонъ, и все шло отлично до послѣдней картины. Начать ее вслѣдъ за предыдущею было невозможно, и зрителямъ, вмѣсто фехтовальной сцены, приходилось смотрѣть другъ на друга, или на глупую декорацію. Началось шиканье, а вслѣдъ за тѣмъ партеръ сталъ громко требовать фехтовальной сцены; нѣкоторые хотѣли, чтобы Кембль вышелъ извиниться и объяснить причины, по которымъ фехтовальная сцена была выпущена; другіе — чтобы онъ самъ дрался на эспадронахъ, если ему некого заставить драться. Наконецъ, началась послѣдняя картина, но шумъ все возрасталъ, и занавѣсъ опустился при неистовомъ шиканьи, свистѣ и другихъ изъявленіяхъ неудовольствія.

Шериданъ, въ этотъ вечеръ, сидѣлъ въ своей ложѣ съ пріятелями, и неоднократно радовался множеству зрителей и успѣшному ходу представленія. Внезапная перемѣна въ расположеніи публики очень раздосадовала его и вмѣстѣ съ тѣмъ удивила, потому-что онъ не понималъ причины ея. Какъ только занавѣсъ опустился, онъ выбѣжалъ на сцену, и прислонясь спиной къ занавѣсу, гнѣвно спросилъ собравшихся актеровъ, изъ чего могъ произойти этотъ адскій шумъ? Актеры боялись встрѣчаться съ Шериданомъ въ такое время, когда онъ бывалъ раздраженъ, и потому никто сначала не рѣшался отвѣчать на его вопросъ; наконецъ Барриморъ выступилъ впередъ, и сказалъ, что въ прежнее время Роффей и Гримальди вставляли передъ послѣднею картиною фехтовальную сцену, нынче же эта сцена выкинута, и что это обстоятельство и было причиною неудовольствія публики.

— Зачѣмъ же эта сцена нынче выкинута? спрашиваю васъ, зачѣмъ? гдѣ Гримальди?

— Право, не умѣю вамъ сказать, сэръ; директоръ уволилъ нашего стараго товарища Гримальди еще въ концѣ прошлаго сезона.

Шериданъ очень разсердился и наговорилъ множество непріятныхъ вещей, въ родѣ того, что онъ хочетъ быть у себя хозяиномъ, и проситъ директора не мѣшаться въ чужое дѣло, и прочая. Затѣмъ онъ послалъ немедленно къ Гримальди, просить его пожаловать на другой день въ театръ, ровно въ двѣнадцать часовъ, и важно поклонившись актерамъ, вышелъ въ сильномъ неудовольствіи. На слѣдующій день онъ принялъ Гримальди любезнѣе, чѣмъ когда-либо, тотчасъ возобновилъ контрактъ и прибавилъ къ его прежнему содержанію одинъ фунтъ въ недѣлю.

Вслѣдъ затѣмъ афиши объявили, что въ слѣдующій понедѣльникъ будетъ возобновленъ *Арлекинъ-Амулетъ*. На первой пробѣ Кембль подошелъ къ Гримальди, и сказалъ, что ему очень пріятно его видѣть опять на Дрюриленской сценѣ, и что онъ надѣется, что они уже не скоро разстанутся. Гримальди отвѣчалъ въ томъ же смыслѣ, и такимъ-образомъ, его увольненіе не имѣло другихъ непріятныхъ послѣдствій, кромѣ увеличенія его содержанія. О предполагавшейся поѣздкѣ въ Эксетеръ не было уже рѣчи, потому-что мистръ Гьюзъ устроивалъ ее только для пользы своего зятя.

«Въ это время, говоритъ Гримальди, я очень часто видалъ покойнаго Люиса. Онъ имѣлъ удивительно женское лицо, вѣчно торчалъ въ уборной Дрюриленскаго театра и говорилъ съ актерами и актрисами ужасно жеманно и приторно, что бо́льшей части изъ нихъ очень надоѣдало. Литературные труды его доказываютъ, что онъ былъ человѣкъ съ дарованіемъ и образованный; изъ разговора же его этого никакъ нельзя было замѣтить. Шериданъ вѣчно посмѣивался и подтрунивалъ надъ нимъ, нерѣдко даже открыто. Между-тѣмъ его «Замокъ привидѣній»* имѣлъ огромный успѣхъ на Дрюриленскомъ театрѣ, давалъ хорошіе сборы и большинство публики было отъ него безъ ума. Если слѣдующій анекдотъ справедливъ, то изъ него должно заключить, что Шериданъ судилъ эту пьесу совсѣмъ иначе. Между нимъ и Люисомъ завязался однажды споръ въ тавернѣ, за бутылкою вина. Люисъ, разгорячившись, предложилъ биться объ закладъ. — «Хорошо, но о чемъ?» спросилъ Шериданъ, начинавшій уже сомнѣваться въ своей правотѣ. — «Одинъ сборъ «Замка привидѣній!» вскричалъ авторъ. — «Это много для такого пустаго спора, отвѣчалъ Шериданъ: — а вотъ, если хотите, будемъ биться объ всемъ внутреннемъ достоинствѣ вашего «Замка», какъ литературнаго произведенія.»

Люисъ переносилъ всѣ подобныя выходки своего остроумнаго собутыльника съ примѣрною кротостью и безобидчивостью. Гримальди тутъ же разсказываетъ другой анекдотъ, который мы передадимъ въ собственныхъ его выраженіяхъ.

«Зимою 1802 года, я часто имѣлъ честь видѣть его величество короля Георга IV, бывшаго тогда еще его высочествомъ, принцемъ Валлисскимъ. Онъ часто приходилъ за кулисы Дрюриленскаго театра и восхищалъ всѣхъ своею обходительностью, благородствомъ манеръ и остроуміемъ. Въ Крещенье, вечеромъ, по обычаю, издавна существую-

* Пьеса крайне ничтожная, скучная и нелѣпая; но привидѣнія были тогда въ большомъ ходу. *Прим. Пер.*

щему у артистовъ Дрюриленскаго театра, мы всѣ собирались въ уборной, на святочный пирогъ *, въ исполненіе духовнаго завѣщанія покойнаго Бэддели, который отказалъ на этотъ предметъ Дрюриленской труппѣ три гинеи ежегоднаго дохода.»

Въ 1801 и 1802 годахъ на Дрюриленскомъ театрѣ не было пантомимъ; на Садлервельзскомъ театрѣ также не было ничего новаго въ 1802 году, и очень кстати, потому-что Гримальди было вовсе не до того; 21 ноября, Богъ, къ великой его радости, послалъ ему сынка.

Впрочемъ 1802 годъ не во всѣхъ отношеніяхъ былъ для него такъ счастливъ. Приписать ли это злой судьбѣ, или собственной неосторожности, или неопытности въ мірскихъ дѣлахъ, но онъ опять лишился, и самымъ неожиданнымъ образомъ, небольшаго капитала, который успѣлъ скопить трудомъ. Незадолго передъ тѣмъ онъ познакомился съ однимъ купцомъ, Чарльзомъ Нюлендомъ, который пользовался всеобщимъ уваженіемъ и слылъ за ужаснаго богача. Однажды утромъ, въ февралѣ, Нюлендъ пришелъ къ нему, и сказалъ, тономъ человѣка, которому самому странно и смѣшно, что онъ можетъ нуждаться въ нѣсколькихъ сотняхъ фунтовъ: — «Любезный Гримальди, вы удивитесь, когда узнаете, зачѣмъ я пришелъ: не можете ли ссудить меня нѣсколькими сотнями фунтовъ, — если только это васъ не стѣснитъ. У меня много денегъ, да всѣ въ оборотѣ, а въ настоящее время нужно нѣсколько

* Святочный пирогъ играетъ большую роль въ святочныхъ удовольствіяхъ лондонцевъ. Онъ печется изъ сдобнаго тѣста, съ сахаромъ, изюмомъ, миндалемъ, коринками и разными пряностями, никогда не приготовляется дома, а берется у кондитеровъ, всегда бываетъ круглый и украшенъ различно, по усмотрѣнію кондитера; на верхушкѣ его всегда кладется вѣнокъ. Цѣна измѣняется, по объему пирога, отъ десяти шиллинговъ (3 руб. сер.) до десяти фунтовъ (62 руб. 50 коп. сер.). Ольдерменъ Бёрчъ, знаменитый въ свое время кондитеръ, бывшій полковникомъ лондонскихъ городскихъ волонтеровъ, а въ-послѣдствіи и лордомъ-меромъ, испекъ однажды святочный пирогъ такого росту, что нужно было впрячь въ него лошадь, чтобы вытащить его изъ печи, и продавалъ его по фунтамъ. При святочномъ пирогѣ дается колода картъ, изображающихъ арлекина, коломбину и всѣ лица пантомимы, старыхъ дѣвъ, стараго холостяка, и прочая. Гости съ кускомъ пирога выдергиваютъ наудачу карту, и на весь вечеръ сохраняютъ званіе выдернутой фигуры. Въ послѣднее время этотъ обычай мало-по-малу выводится, и всегда ограничивался однимъ Лондономъ.

Помянутый Ольдерменъ Бёрчъ, кромѣ своего кондитерскаго достоинства, былъ еще извѣстенъ какъ типъ кореннаго лондонскаго мѣщанина, вылѣзшаго въ большіе купцы. Пріятель Шеридана, Ричардсонъ, сочинилъ ему шутливую эпитафію, употребивъ въ ней рѣченія, изобличающія лондонца низшихъ классовъ:

Here lies alderman Birch,
Our late worthy Lord Mayor;
He's left *this here* world,
And gone to *that there*.

Прим. Пер.

наличныхъ». Гримальди не трогалъ клада, найденнаго имъ на улицѣ, а напротивъ еще увеличилъ сумму, такъ-что она въ это время заходила за шестьсотъ фунтовъ. Онъ поспѣшилъ вручить свое богатство пріятелю, увѣряя, что далъ бы и больше, еслибъ было у самого. Купецъ далъ ему росписку и отправился домой. Черезъ нѣсколько дней открылось, что онъ былъ несостоятеленъ, бѣжалъ въ Америку и умеръ на пути. Такимъ-образомъ весь капиталъ Гримальди пропалъ до послѣдней копѣйки.

—

ГЛАВА IX.

1803.

Замѣчательный случай.

Однажды вечеромъ, около половины ноября 1803 года, слуга пришелъ къ Гримальди, въ уборную Друриленскаго театра, сказать ему, что два господина ждали на подъѣздѣ и желали его видѣть. Гримальди въ это время сходилъ на сцену, и потому велѣлъ сказать гостямъ, что выйдетъ къ нимъ, какъ только кончитъ роль. Окончивъ свое дѣло и вышедши на подъѣздъ, онъ увидѣлъ двоихъ молодыхъ людей, одѣтыхъ очень прилично, изъ которыхъ одинъ привѣтствовалъ его съ особеннымъ жаромъ. Онъ казался почти однихъ лѣтъ съ Гримальди, но сильный загаръ очевидно свидѣтельствовалъ долгое пребываніе его въ болѣе знойномъ климатѣ. На немъ были, по тогдашней модѣ, синій фракъ съ золоченными пуговицами, бѣлый жилетъ, длинныя узкія панталоны, и въ рукѣ тонкая трость съ золотымъ набалдашникомъ. — Джо, Джо, какъ поживаешь, старый другъ? вскричалъ онъ, протягивая руку къ Гримальди. Такое короткое обращеніе со стороны совершенно незнакомаго лица очень удивило Гримальди, и онъ очень церемонно спросилъ, съ кѣмъ имѣлъ честь говорить. — Какъ, не узнаешь? Вотъ забавно! вскричалъ незнакомецъ, и захохоталъ; спутникъ его захохоталъ также. Гримальди немножко обидѣлся и хотѣлъ уже удалиться; но незнакомецъ раскрылъ рубашку на груди, и Гримальди, увидѣвъ на груди рубецъ, узналъ по этой примѣтѣ давно пропавшаго брата. Они принялись обниматься и со слезами радости разспрашивать другъ друга о своемъ житьѣ-бытьѣ.

— Пойдемъ со мной на верхъ, сказалъ Гримальди: тамъ увидишь ты и мистра Роутона, того, что̀ снарядилъ тебя въ море; онъ очень обрадуется твоему возвращенію.

*

Они пошли на верхъ, а спутникъ воротившагося брата, о которомъ они въ радости своей совсѣмъ забыли, закричалъ имъ вслѣдъ: —Такъ до свиданія-же, Джонъ! — Джонъ крикнулъ ему въ отвѣтъ, что будетъ у него завтра утромъ, ровно въ десять часовъ, и отправился съ братомъ въ уборную, гдѣ былъ представленъ многимъ товарищамъ Джозефа.

Занятія на сценѣ не позволили Гримальди вступить въ длинный разговоръ съ братомъ; однако онъ успѣлъ урывками узнать, что Джону повезло за моремъ. — Вотъ и въ настоящую минуту, сказалъ Джонъ, указывая на бумажникъ въ карманѣ, я имѣю при себѣ шесть-сотъ фунтовъ.

— Немножко опасно носить при себѣ большія деньги, замѣтилъ Джозефъ.

— Вздоръ! отвѣчалъ Джонъ, улыбаясь: мы, моряки, знать не хотимъ опасности. Впрочемъ, если у меня и украдутъ эти деньги, я по міру отъ того не пойду. И лукавый взглядъ, сопровождавшій эти слова, доказалъ Джозефу, что братъ его дѣйствительно хорошо устроилъ свои дѣла.

Въ эту минуту Джозефъ былъ отозванъ. Въ отсутствіе его, мистръ Роутонъ вступилъ въ разговоръ съ морякомъ, который повторилъ то, что̀ говорилъ брату, и въ подтвержденіе своихъ словъ показалъ туго набитый кошелекъ.

По окончаніи пьесы, Джозефъ возвратился, и когда мистръ Роутонъ простился съ ними, спросилъ брата, давно–ли онъ въ Лондонѣ, и что̀ намѣренъ дѣлать? Джонъ отвѣчалъ, что онъ пріѣхалъ всего часа за два или за три передъ тѣмъ, только–что успѣлъ пообѣдать и тотчасъ отправился въ театръ, и что онъ еще ни о чемъ другомъ не думалъ, кромѣ того, чтобы увидѣться съ матерью и братомъ. Джозефъ пригласилъ его поселиться у него, на что̀ Джонъ охотно согласился, прибавивъ, что долженъ видѣть мать въ тотъ же вечеръ, и что безъ того не заснетъ. Джозефъ объяснилъ ему свою квартиру, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтилъ, что пусть лучше Джонъ дастъ ему только время переодѣться, и пойдетъ съ нимъ вмѣстѣ.

Джозефъ Гримальди былъ такъ сильно взволнованъ, что руки его дрожали, ничто не шло на ладъ, и онъ употребилъ на переодѣваніе гораздо болѣе времени, чѣмъ–бы слѣдовало. Сходя на сцену, онъ встрѣтилъ на лѣстницѣ Поуэля, поздравившаго его съ радостнымъ происшествіемъ. Чтобы чѣмъ-нибудь отвѣчать на поздравленіе, онъ спросилъ Поуэля, давно–ли онъ видѣлъ его брата? Да, съ минуту назадъ, отвѣчалъ Поуэль; онъ ждетъ васъ на сценѣ. Но не хочу васъ задерживать; онъ и то уже жалуется, что вы долго заставляете его ждать!

Гримальди поспѣшилъ на сцену; — брата его тамъ не было. — Кого вы ищите, Джо? спросилъ Баннистеръ. — Брата; я оставилъ его здѣсь за четверть часа. — Да я сію-же минуту самъ видѣлъ его и говорилъ съ нимъ, внизу, на подъѣздѣ; полагаю, что онъ вышелъ изъ театра.

Гримальди сбѣжалъ на подъѣздъ и сторожъ сказалъ ему, что братъ его вышелъ сію минуту, и врядъ-ли успѣлъ дойти до конца улицы. Джо пробѣжалъ нѣсколько разъ отъ одного конца улицы до другаго, — но Джона нѣтъ какъ нѣтъ.—Онъ, вѣроятно, зашелъ къ какому-нибудь старому пріятелю, живущему по близости, съ тѣмъ, чтобъ тотчасъ-же воротиться въ театръ, подумалъ Гримальди, и вспомнилъ, что за нѣсколько домовъ отъ театра жилъ нѣкто Боулей, школьный ихъ товарищъ и другъ. Онъ тотчасъ побѣжалъ на квартиру Боулея, и сталъ крѣпко стучаться; Боулей самъ отворилъ ему дверь, и повидимому былъ очень удивленъ.—Да, я видѣлъ Джона, отвѣчалъ онъ на вопросъ Гримальди: и, признаюсь, отъ роду не помню такого неожиданнаго случая!

— Онъ еще здѣсь?

— Нѣтъ, онъ только-что вышелъ.

— Куда-же онъ пошелъ?

— Повернулъ къ Герцогской улицѣ.

— Вѣроятно, пошелъ на нашу старую квартиру, къ Бэйли, подумалъ Гримальди, отправляясь туда-же. Долго пришлось ему стучаться, потому-что въ домѣ всѣ уже спали. Наконецъ служанка взглянула изъ окна, и съ сердцемъ закричала, что-де она разъ уже сказала, что хозяина нѣтъ дома, и что ни на что не похоже такъ безъ нужды будить людей. Узнавъ однако Гримальди, она смягчилась, и объяснила ему, что не задолго передъ нимъ стучался какой-то господинъ, спрашивалъ мистра Бэйли, и узнавъ, что его нѣтъ дома, ушелъ. Гримальди спросилъ о наружности этого господина, но служанка замѣтила только, что на немъ былъ бѣлый жилетъ.

Какой-то смутный страхъ сталъ щемить сердце Гримальди; онъ побѣжалъ въ театръ, но Джонъ туда не приходилъ, обошелъ всѣ дома, въ которыхъ могъ надѣяться найдти брата, но нигдѣ его не видали и не слыхали о немъ; опять побѣжалъ онъ въ театръ,—театръ уже былъ запертъ. Тутъ только вспомнилъ онъ, что объяснилъ ему свою квартиру; всего вѣроятнѣе казалось, что сынъ, такъ давно не видавшій матери, пошелъ къ ней. Гримальди побѣжалъ домой, стараясь скрыть душевное волненіе; ему показалось, что мать была блѣднѣе обыкновеннаго, Джона же при ней не было.

— Ничего не случилось особеннаго, матушка? спросилъ онъ.

— Нѣтъ; я по-крайней-мѣрѣ не слыхала.

— Никто не приходилъ? — никакой близкій человѣкъ, послѣ многолѣтней отлучки? продолжалъ Гримальди, котораго опасенія возрастали.

— О комъ ты это говоришь?

— О комъ-же, какъ не о братѣ! Джонъ живъ и здоровъ; онъ воротился и привезъ столько богатства, что всѣмъ намъ можно будетъ зажить на славу.

Старушка вскрикнула и лишилась чувствъ. Когда она пришла въ себя, Гримальди разсказалъ ей все случившееея. И мать его и жена были очень удивлены. Мистрисъ Гримальди заключила, что Джонъ зашелъ къ какимъ-нибудь пріятелямъ, и что онъ еще придетъ, а что Джозефу надо лечь отдохнуть, потому-что онъ усталъ. Сама она просидѣла всю ночь, поджидая давно невиданнаго сына; но съ этого дня не было о немъ ни слуху, ни духу, ни даже слѣда, по которому можно-бы догадываться о постигшей его судьбѣ.

Гримальди, конечно, не оставилъ этого происшествія безъ самыхъ точныхъ розысковъ, въ чемъ содѣйствовали ему всѣ его знакомые. Одинъ весьма важный и сильный человѣкъ принялъ живое участіе въ дѣлѣ; всѣ суда, прибывшія около этого времени, были тщательно осмотрѣны, вся полиція была поставлена на ноги, для розысковъ по всему городу. И все было напрасно; нигдѣ не открылось слѣдовъ молодаго моряка, или хотя его смерти. Само-собою разумѣется, что не обошлось безъ разныхъ предположеній насчетъ его участи. Благородный лордъ полагалъ, что Джонъ былъ завербованъ въ матросы и погибъ въ одномъ изъ морскихъ сраженій, которыхъ въ то время было такъ много. Онъ съ самаго начала принялъ вымышленную фамилію, почему отыскать его въ корабельныхъ спискахъ было невозможно. Еще правдоподобнѣе была догадка одного опытнаго полицейскаго чиновника, который полагалъ, что несчастный молодой человѣкъ былъ завлеченъ мошенниками, знавшими о его деньгахъ, въ какой-нибудь воровской притонъ, обобранъ и зарѣзанъ. Джонъ былъ всегда легкомысленъ и сговорчивъ, и презиралъ опасности; притомъ неизвѣстный пріятель, приходившій съ нимъ въ театръ, также пропалъ безъ вѣсти. Еслибъ онъ не зналъ о внезапномъ сокрытіи Джона, то, безъ сомнѣнія, пришелъ-бы справиться о немъ, тѣмъ болѣе, что между ними было назначено свиданіе на слѣдующее утро; а онъ не являлся, и всѣ мѣры къ отысканію его остались безуспѣшны. По всѣмъ этимъ причинамъ, родные Джона признали его неизвѣстнаго пріятеля за виновника или соучастника преступленія, лишившаго ихъ во второй разъ сына и брата. Справедливо-ли было ихъ подозрѣніе, или нѣтъ, — вѣроятно, навсегда останется тайною.

ГЛАВА X.

Семейство Болонья. — Поѣздка въ Кентъ. — Мистръ Макинтошъ. — Большая охота.— Происшествіе въ трактирѣ.

Синьоръ Болонья, болѣе извѣстный между друзьями подъ именемъ Джака Болоньи, былъ землякъ отца Гримальди, изъ Генуи, и пріѣхалъ въ Англію въ 1787 году, съ женою, двумя сыновьями и дочерью. Самъ онъ былъ отличный пантомимный артистъ; жена его танцовала на канатѣ; сыновья, Джонъ (въ-послѣдствіи извѣстный арлекинъ) и Люисъ и дочь Барбара, были очень хорошіе танцоры. Сначала они ангажировались на Садлервельзскій театръ, гдѣ они и познакомились съ семействомъ Гримальди. Джозефъ, еще ребенкомъ, игралъ по утрамъ на улицѣ, а вечеромъ являлся на сценѣ съ маленькими Болоньями, и тутъ возникла между ними дружба, не измѣнявшаяся до самой смерти.

Въ 1804 году Гримальди опять встрѣтился на Садлервельзсковъ и на Дрюриленскомъ театрахъ съ Джономъ Болоньею, и они возобновили знакомство, прерванное многолѣтнею отлучкою послѣдняго. Однажды друзья жаловались на то, что занятія ихъ по двумъ театрамъ совершенно истощали ихъ силы; при этомъ Болонья вспомнилъ, что у него былъ знакомый въ Кентѣ, который не разъ приглашалъ его къ себѣ погостить, предоставляя ему привезти съ собою пріятелей и обѣщая устроить для нихъ охоту. Болонья предложилъ Гримальди ѣхать съ нимъ для отдыха; въ тотъ-же день написалъ о томъ своему провинціяльному знакомцу, который возобновилъ приглашеніе, и въ первыхъ числахъ ноября наши друзья отправились изъ Лондона въ Кентъ. Дорогою Болонья разсказалъ своему спутнику, что мистръ Макинтошъ, къ которому они ѣхали, былъ богатый помѣщикъ, жившій доходами съ своихъ земель и имѣвшій прекрасныя лѣсныя дачи, очень обильныя дичью. — Я никогда еще не бывалъ у него, прибавилъ Болонья, но когда онъ пріѣзжаетъ въ Лондонъ, онъ безпрестанно посѣщаетъ театръ, водится со всѣми актерами, и много разъ уже звалъ меня къ себѣ на охоту.

Слушая это, Гримальди уже заранѣе гордился своимъ будущимъ знакомствомъ съ знатнымъ и богатымъ помѣщикомъ. Между-тѣмъ друзья наши подъѣхали къ мѣстечку Бромли, въ двухъ съ половиною миляхъ отъ усадьбы мистра Макинтоша; тутъ встрѣтился имъ человѣкъ въ камзолѣ изъ толстаго сѣраго сукна, ѣхавшій въ одноколкѣ, запряженной маленькою, хромою лошаденкою. Поравнявшись съ ними, онъ остановился и фамильярно окликнулъ ихъ. Это очень удивило Гримальди, который никогда не видывалъ этого человѣка; но еще болѣе удивился онъ, когда

Болонья дружески пожалъ руку незнакомцу въ сѣромъ камзолѣ, и представилъ его своему спутнику подъ именемъ мистра Макинтоша.

— Мнѣ весьма пріятно познакомиться съ вами, мистръ Гримальди, сказалъ Макинтошъ, принимая покровительственный видъ: — я такъ и думалъ, что встрѣчу васъ здѣсь,—и выѣхалъ, чтобы служить вамъ проводникомъ.

Гримальди сказалъ нѣсколько вѣжливыхъ словъ въ отвѣтъ на эту любезность, и одноколка и кабріолетъ пустились въ путь рядомъ. — Съ прискорбіемъ долженъ я предупредить васъ, началъ мистръ Макинтошъ, что вы не совсѣмъ удачно выбрали день, по-крайней-мѣрѣ для охоты, потому-что завтра праздникъ. Впрочемъ, завтра вы осмотрите здѣшнія мѣста, а послѣзавтра — зададимъ мы дива всему околодку.

— Много въ нынѣшнемъ году дичи? спросилъ Болонья.

— Пропасть! отвѣчалъ мистръ Макинтошъ.

Гримальди во все это время не спускалъ глазъ съ новаго знакомца, тщетно стараясь узнать въ немъ знатнаго и богатаго помѣщика, какимъ описывалъ его Болонья. Но ему предстояло еще многому подивиться. Проѣхавъ мили двѣ, Болонья спросилъ, далеко-ли еще до дому.— Нѣтъ, теперь ужъ недалеко, вотъ мой домъ, отвѣчалъ Макинтошъ, указывая на постоялый дворъ, весьма скромной наружности, съ вывѣскою, на которой было имя Макинтоша и надпись: «Постой и кормъ для людей и для скотовъ». Болонья взглянулъ на Гримальди, потомъ на постоялый дворъ, потомъ на мнимаго помѣщика; но послѣдній слишкомъ самодовольно засмотрѣлся на свои владѣнія, чтобы замѣтить удивленіе гостя. — Да, продолжалъ онъ, тутъ найдете вы вина высшихъ сортовъ, пиво, эль, постель, табакъ, сарай для лошадей, кегли, словомъ все, чего вы пожелаете.

— Позвольте однако, перебилъ Болонья, котораго очевидно забирала досада, между-тѣмъ какъ Гримальди съ трудомъ удерживался отъ смѣху: — я полагалъ, что вы человѣкъ независимый и не пускаетесь въ дѣла?

— Я дѣйствительно не занимаюсь дѣлами, отвѣчалъ Макинтошъ: заведеніе принадлежитъ матушкѣ.

На лицѣ Болоньи выразилась еще большая досада, а Гримальди фыркнулъ; но Макинтошъ нисколько этимъ не обидѣлся; онъ даже улыбнулся съ самодовольствіемъ, какъ-будто видѣлъ въ этомъ какую-то лесть себѣ. — Да, продолжалъ онъ, я могу считать себя въ высшей степени независимымъ человѣкомъ, разъѣзжаю себѣ только въ своей колымагѣ, или брожу съ ружьемъ или съ удочкою. Матушка сама ведетъ всѣ дѣ-

ла. Впрочемъ я у нея одинъ сынъ, и когда-нибудь придется мнѣ принять заведеніе въ свое управленіе. Онъ помолчалъ съ минуту, потомъ дружески ударилъ Болонью по плечу кнутомъ, и сказалъ: — А вамъ и не грезилось, дружище, что вы пріѣдете гостить на постоялый дворъ?

— Да, я этого не ожидалъ! отвѣчалъ Болонья съ сердцемъ.

— Я такъ и думалъ, что вы очень удивитесь, сказалъ Макинтошъ, смѣясь отъ души: — я никогда не показываю своимъ лондонскимъ знакомымъ, кто я и что́ я такое, если только они не такіе добрые мои пріятели, какъ, на-примѣръ, вы и мистръ Гримальди. Я только навожу ихъ на мысль, что я долженъ быть очень значительнымъ лицомъ, а дальше ни на шагъ. Какая бѣда, что люди вообразятъ меня тѣмъ, чѣмъ я никогда не бывалъ? Но вотъ мы пріѣхали, выходите изъ кабріолета, и будьте увѣрены, что Макинтошъ, хотя не дворянинъ и не помѣщикъ, а съумѣетъ принять гостей, которыхъ любитъ и уважаетъ!

При всей необтесанности этого человѣка, въ его прямодушномъ обращеніи и неподдѣльной добротѣ было что́-то такое, отъ чего сердце невольно лежало къ нему. Гримальди чувствовалъ это, и старался своею любезностью вознаградить его за сердитое молчаніе Болоньи. Хозяинъ, повидимому, былъ ему за это очень благодаренъ, повелъ гостей въ свои покои и представилъ ихъ матери, какъ близкихъ и много-уважаемыхъ друзей. Старушка приняла ихъ какъ гостепріимная хозяйка, а черезъ полчаса они сидѣли уже за простымъ, но обильнымъ и вкуснымъ обѣдомъ, который, при содѣйствіи отличнаго, шипучаго эля, совершенно разсѣялъ досаду Болоньи.

Послѣ обѣда, они отправились гулять; окрестности были очень хороши, и друзья воротились только къ ужину, который былъ такъ-же вкусенъ и прошелъ такъ-же весело, какъ обѣдъ. Ложась спать, Болонья сознался, что не такъ уже скверно они попались; но благоразумно замѣтилъ, что конецъ дѣло вѣнчаетъ, и воздержался отъ похвалъ хозяину, чтобы посмотрѣть сначала, что́ скажетъ обѣщанная имъ охота. Слѣдующій день прошелъ очень весело въ ѣдѣ, питьѣ, разговорѣ съ хозяевами и посѣтителями заведенія, и приготовленіи ружей; друзья наши все мечтали объ опустошеніи, которое они произведутъ въ дачахъ своего хозяина, а Макинтошъ не переставалъ восхвалять богатство своихъ лѣсовъ дичью. На третій день, они встали на разсвѣтѣ, закусили на скорую руку, и отправились въ походъ; Макинтошъ не взялъ ружья, говоря, что онъ будетъ только вожатымъ. Черезъ нѣсколько времени, они пришли къ косогору, взобрались по немъ, прошли небольшой перелѣсокъ, и достигли низкихъ рѣшетчатыхъ воротъ, которыя вели въ за-

сѣянное поле. Вожатый, нѣсколько отставшій отъ нихъ, закричалъ имъ чтобы они подождали :

— Постойте, постойте минуту; вы не знаете здѣшней охоты такъ, какъ я. Съ этими словами онъ подошелъ къ воротамъ, заглянулъ въ поле, и сказалъ: — Теперь самая пора; въ полѣ цѣлая стая птицъ.

Гости подошли также къ воротамъ, и очень удивились, увидѣвъ только множество голубей.

— Какова вереница! сказалъ Макинтошъ съ самодовольствіемъ.

— Какая вереница? гдѣ? возразилъ Гримальди: — я вижу однихъ голубей.

— Однихъ голубей! развѣ этого мало? а вы чего-же хотѣли?

— Фазановъ и куропатокъ! вскричали оба охотника въ одинъ голосъ.

Злость взяла опять Болонью, и онъ готовъ былъ излить ее на хозяина; но Макинтошъ былъ очень удивленъ, или прикидывался очень удивленнымъ притязаніями гостей. — Фазановъ и куропатокъ! повторилъ онъ: ну, ужъ извините; я звалъ васъ въ Кентъ пострѣлять, но не обѣщалъ вамъ ни фазановъ, ни куропатокъ, которыхъ негдѣ взять; да и чѣмъ не хороши голуби? Стрѣляйте ихъ если угодно. Я съ своей стороны исполнилъ все, къ чему обязался. Фазановъ и куропатокъ! да откуда вы взяли, что они здѣсь водятся?

— Хозяинъ-то выходитъ пустомеля и хвастунишка! шепнулъ Болонья своему спутнику: — нечего дѣлать, будемъ стрѣлять голубей.

Они выстрѣлили по разу, и произвели порядочное опустошеніе. На одномъ полѣ собрали они штукъ двадцать, да штукъ десять на другомъ, не говоря о тѣхъ, которыхъ не могли отыскать въ кустарникѣ. Удачный выстрѣлъ и удовольствіе подбирать голубей развеселили ихъ, и все шло отлично, пока Макинтошъ не подъѣхалъ съ вопросомъ. — Кажется, всѣхъ уже подобрали?

— Кромѣ тѣхъ, что упали туда, въ кустарникъ, отвѣчалъ Болонья.

— Тѣхъ уже тамъ и оставьте, сказалъ Макинтошъ: и послушайтесь моего совѣта, — убирайтесь скорѣе по-добру по-здорову.

Болонья и Гримальди взглянули на него въ нѣмомъ изумленіи.

— Право, послушайтесь, и убирайтесь отсюда! повторилъ Макинтошъ.

— Это зачѣмъ? спросилъ Болонья.

— Извѣстно зачѣмъ! тутъ и спрашивать нечего, — затѣмъ, что настрѣляли голубей!

— Да что за притча такая, что мы должны убираться за тѣмъ, что стрѣляли голубей?

— Эхъ, какъ вы сегодня безтолковы! Неужто вы не понимаете,

какъ будетъ сердиться помѣщикъ, когда узнаетъ? Оно ясно, какъ день, что если вы не уберетесь во-время, онъ въ гнѣвѣ своемъ велитъ васъ схватить и засадить. Понимаете теперь? Такъ послѣдуйте-же моему совѣту, и улетайтесь какъ можно скорѣе, пока онъ не выслалъ за вами погони!

— Ба, плохо-же вы знаете законы! презрительно возразилъ Болонья. Никакой помѣщикъ въ Англіи не можетъ схватить и засадить насъ за то только, что мы подстрѣлили нѣсколько десятковъ вашихъ голубей, хотя-бы мы охотились и безъ билетовъ.

— Моихъ голубей! вскричалъ Макинтошъ: да они никогда не бывали моими! они принадлежатъ помѣщику, который отъ нихъ безъ ума, и чортъ знаетъ какъ взбѣсится, когда узнаетъ, какое вы произвели между ними опустошеніе! Послушайтесь-же благоразумнаго совѣта; настрѣляли голубей, подобрали ихъ, такъ теперь убирайтесь скорѣе.

Болонья и Гримальди были поражены какъ громомъ. Они не вѣрили ушамъ, переглядывались другъ на друга, дрожа сначала отъ гнѣва, потомъ отъ страху. Они сдѣлали строгій выговоръ Макинтошу, который выслушалъ его съ удивительнымъ спокойствіемъ, и наконецъ благоразумно рѣшили, что имъ оставалось только немедленно послѣдовать его совѣту. Не теряя времени, воротились они на постоялый дворъ, уложили своихъ голубей, позавтракали, усѣлись въ кабріолетъ и простились съ хозяиномъ и его матерью. Макинтошъ, повидимому, очень радовался ихъ отъѣзду и безпрестанно дѣлалъ имъ лукавые, таинственные знаки, которые были такъ забавны, что гости, несмотря на свою досаду, не могли удержаться отъ смѣху.

На слѣдующее утро Болонья и Гримальди встрѣтились случайно въ Ковентгарденѣ. Взглянувъ другъ на друга, они оба захохотали, и отправились въ таверну подъ вывѣской «Гарриковой головы», выпить бутылочку хересу и поговорить о своихъ вчерашнихъ похожденіяхъ. Содержателемъ таверны былъ въ то время нѣкто Спенсеръ, отставной арлекинъ Дрюриленскаго театра. Болонья и Гримальди встрѣтили его у входа, и предложили ему выпить съ ними стаканчикъ; онъ охотно принялъ приглашеніе, и отвелъ ихъ въ свои покои, гдѣ они, за бутылкой вина и при общемъ хохотѣ, разсказали ему свои кентскія приключенія. Когда они насмѣялись вдоволь, онъ сказалъ имъ: — Напрасно вы не сказали мнѣ, что желали поохотиться, я доставилъ-бы вамъ это удовольствіе; я самъ родомъ изъ Гейза, у меня по всему Кенту разсѣяны родные, и притомъ я въ дружбѣ почти со всѣми лѣсничими графства. Они всегда останавливаются у меня, когда бываютъ въ городѣ, и мнѣ

стоило-бы только слово замолвить моимъ добрымъ друзьямъ, — они ни въ чемъ не откажутъ.

— И мы могли бы стрѣлять куропатокъ вмѣсто голубей! подхватилъ Болонья, у котораго ужъ текли слюнки отъ такого лакомаго кусочка

Спенсеръ опять захохоталъ; но хохотъ его былъ прерванъ приходомъ молодаго человѣка, котораго Болонья и Гримальди не знали. Спенсеръ дружески пожалъ ему руку, просилъ его сѣсть и сказалъ: — Ну, Джозефъ, что принесло тебя такъ скоро назадъ въ городъ?

— Ахъ, пренепріятное дѣло! отвѣчалъ молодой человѣкъ. Забрались въ наши стороны какіе-то два негодяя изъ Лондона, настрѣляли у моего помѣщика штукъ шестдесятъ голубей и украли ихъ. Вотъ я и пріѣхалъ отыскивать ихъ и жаловаться на нихъ въ судъ; со мною и констебль, чтобы арестовать молодчиковъ; я оставилъ его внизу, въ буфетѣ, за стаканомъ эля.

Болонья поблѣднѣлъ, а Гримальди покраснѣлъ какъ ракъ; но Спенсеръ подмигнулъ имъ, и послѣ нѣкотораго размышленія, сказалъ: — Какъ же ты думаешь справиться съ этимъ дѣломъ, Джозефъ? Лондонъ вѣдь городъ большой; выслѣдить въ немъ человѣка не то, что у васъ въ деревнѣ.

— Въ томъ-то и дѣло, что слѣдъ уже найденъ! отвѣчалъ лѣсничій. — Я вывѣдалъ, что мошенники стояли у старухи Макинтошъ, и что они пріятели съ ея сыномъ. Вчера вечеромъ я былъ у него, чтобы узнать ихъ имена и мѣстожительства, но онъ, не давъ мнѣ слова выговорить, сказалъ: «О, я знаю, зачѣмъ вы пожаловали! недочетъ въ голубяхъ!» Я погрозилъ ему, что его самого засадятъ, если онъ не дастъ свѣдѣній, но онъ отвѣчалъ, что вовсе съ ними не знакомъ, что они ему вовсе не пріятели, а просто какіе-то лондонскіе актеры; одинъ клоунъ, другой арлекинъ. Больше онъ мнѣ сказать или не могъ, или не хотѣлъ; но я знаю, что ты знакомъ со всѣми почти актерами, и потому пришелъ къ тебѣ за помощью; не можешь-ли сказать мнѣ, кто бы такіе именно были этотъ клоунъ и этотъ арлекинъ?

— Такъ помѣщикъ очень сердитъ?» спросилъ Спенсеръ.

— Ужасно сердитъ; говоритъ, что во что бы ни стало, а добьется, чтобы виновные были наказаны по всей строгости законовъ.

Гримальди былъ въ сильномъ волненіи; онъ былъ увѣренъ, что Спенсеръ ни за что не выдастъ ихъ, но боялся какъ бы имъ самимъ не проболтаться. Что-жъ касается Болоньи, на него стоило только взглянуть, чтобы узнать въ немъ виновнаго: лицо его было пепельнаго цвѣта, и онъ такъ дрожалъ, что не могъ поднести стакана ко рту, и

принужденъ былъ поставить его на колѣна; глаза его съ выраженіемъ ужаса приковались къ лѣсничему.

— Объ одномъ только, кажется, забылъ твой помѣщикъ, сказалъ Спенсеръ: прежде чѣмъ наказывать, надо добраться до виновныхъ.

— Оно, конечно, такъ, отвѣчалъ лѣсничій, и я боюсь, что не доберусь до-нихъ во вѣки вѣковъ, если только ты не поможешь. Вѣдь въ Лондонѣ много клоуновъ и арлекиновъ?

— Очень много; я самъ, на-примѣръ, также изъ нихъ.

— Былъ, возразилъ лѣсничій, улыбаясь: но не ты, конечно, укралъ голубей!

— Конечно не я, отвѣчалъ Спенсеръ очень спокойно: но что, если я скажу тебѣ, что воры—близкіе мнѣ люди, добрые пріятели?

Невольное восклицаніе удивленія вырвалось съ устъ Джозефа; а Болонья бросилъ на Гримальди такой взглядъ, который ясно говорилъ, что все пропало, и что имъ не уйдти.

— Тебѣ пріятели, — гмъ! сказалъ наконецъ лѣсничій, призадумавшись: — слѣдовательно отъ тебя помощи не жди?

— Разумѣется, отвѣчалъ Спенсеръ: а ступай ты съ Богомъ во всѣ театры, насмотрись на всѣхъ клоуновъ и арлекиновъ, трудъ пропащій не будетъ! Покажутъ тебѣ такихъ чудесъ, такихъ штукъ, что ты въ вѣкъ не нахохочешься.

Лѣсничій опять задумался, и наконецъ сказалъ: — Ну, если они тебѣ пріятели, Спенсеръ, такъ дѣло другое.

— Послушай, Джозефъ, перебилъ Спенсеръ: не говори болѣе объ этомъ, а друзья мои заплатятъ за голубей такъ, чтобы ни кому не было обидно, и сегодня же поставятъ тебѣ бифстексъ и бутылочку вина. Согласенъ?

Лицо лѣсничаго прояснилось. — «О, вскричалъ онъ, что до голубей, мы уже какъ-нибудь поладимъ. Если эти господа тебѣ пріятели, такъ и дѣло въ шляпѣ,—я ужъ берусь образумить помѣщика. Что же касается бифстекса и бутылки вина, такъ ты самъ знаешь, что я не спѣсивъ, и отъ хорошаго угощенія никогда не отказываюсь; только уговоръ: твои пріятели должны зато на будущей недѣлѣ пріѣхать ко мнѣ въ Кентъ, а тамъ ужъ мое дѣло будетъ устроить имъ небольшую охоту.

— Дѣльно сказано, братъ! такъ по рукамъ! сказалъ Спенсеръ, вставая, и затѣмъ, очень чинно и церемонно представилъ своихъ гостей другъ другу.—Джозефъ, вотъ эти господа,— мистръ Болонья, мистръ Гримальди. Господа, мой пріятель, мистръ Джозефъ Кларкъ.

Новые знакомые сѣли за столъ, смѣялись, ѣли, пили, разговарива-

ли очень весело. Болонья и Гримальди съ радостью приняли приглашеніе Кларка, и въ назначенный день поѣхали опять въ Кентъ, гдѣ застрѣлили, на этотъ разъ, не голубей, а четырехъ зайцевъ и десять фазановъ. Къ прежнему своему другу Макинтошу они и не заходили; но возвращаясь въ Лондонъ, не могли нахвалиться новымъ пріятелемъ, мистромъ Кларкомъ, который, вѣроятно, не обидится, если мы выскажемъ свое смиренное предположеніе не стакнулся ли онъ съ мистромъ Спенсеромъ, чтобы подшутить надъ Болоньей и Гримальди, напугать ихъ и вкусно пообѣдать на ихъ счетъ?

На Дрюриленскомъ театрѣ не было ничего новаго до праздниковъ. Джонъ Кембль оставилъ этотъ театръ еще въ концѣ предыдущаго сезона, и перешелъ въ Ковентгарденъ, купивъ акціи мистра В. Люиса. Его тотчасъ назначили директоромъ, а въ Дрюриленъ выбрали на его мѣсто мистра Роутона.

Въ январѣ 1805 была дана на Дрюриленскомъ театрѣ жалкая пантомима «*Арлекинъ въ домашнемъ быту*», которая однако, противъ всѣхъ ожиданій, продолжалась нѣсколько недѣль, и дала хорошіе барыши. Впрочемъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; поэтъ Дибдинъ очень основательно говорилъ удивлявшемуся Гримальди, что пьеса сама по себѣ была дрянь, но что она не могла не имѣть успѣха при превосходной игрѣ дрюриленскихъ артистовъ. Не видимъ ли и мы тоже самое почти каждый день?

Представленія на Садлервельзскомъ театрѣ начались, по обыкновенію, на Пасхѣ. Гримальди и Болонья были ангажированы оба, и сезонъ оказался очень блистателенъ и выгоденъ. На Дрюриленскомъ театрѣ, по окончаніи представленій «*Арлекина въ домашнемъ быту*», Гримальди почти не являлся. Театръ закрылся въ іюнѣ, и снова открылся въ концѣ сентября, «*Венеціянскимъ мавромъ*» и «*Лодоискою*». Въ послѣдней пьесѣ играли не только самъ Гримальди, но и мать его и жена.

Въ это время Гримальди имѣлъ съ директоромъ разговоръ, который былъ сначала очень пріятенъ и обѣщалъ ему большія выгоды, но кончился тѣмъ, что черезъ шесть недѣль онъ долженъ былъ отказаться отъ театра, на которомъ въ первый разъ выступилъ передъ публикой и съ успѣхомъ подвизался почти двадцать четыре года

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

I.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ОПЕРА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

СТАТЬЯ I.

—

Французская пословица. — Россини и полный каталогъ его оперъ. — Беллини.—Элегическій стиль. — Верди. — Ultra-декламаціонный стиль. — Риголетто. — 2-й періодъ Верди. — Мейерберъ. — Послѣднія его оперы.

У каждаго народа есть свои, пословицы, въ которыхъ говорятъ отражается и разумъ и духъ народный. Французы говорятъ, напримѣръ; «Il n'y a pas de rose sans épines», или, нѣтъ удовольствія, въ которое не вкрались-бы непріятности! Легкомысліе и такъ-сказать безпечная вѣтренность французскаго нрава, какъ нельзя лучше выражается въ этой пословицѣ. Удовольствіе въ жизни ихъ первый нумеръ! У русскаго народа есть поговорка гораздо глубокомысленнѣе «Нѣтъ худа безъ добра»! и дѣйствительно, человѣческій родъ имѣетъ такое непреодолимое стремленіе къ первому, что одна уже мысль о возможности извлечь доброе и полезное изъ того, что́ такъ часто попадается на пути жизни, отрадная и утѣшительна.

И странно! то и другое изрѣченіе подходятъ, однакожъ, какъ нельзя лучше, къ обстоятельствамъ человѣческой жизни. «Il n'y a pas de rose sans épines» скажемъ мы говоря о водвореніи въ Петербургѣ Итальянской Оперы. Ежегодное присутствіе у насъ первоклассныхъ европейскихъ

артистовъ, безспорно, доставляетъ намъ величайшее наслажденіе, развиваетъ и совершенствуетъ музыкальный вкусъ нашей публики, но.... невольно приходитъ въ голову мысль, что, можетъ-быть итальянская опера остановила развитіе русской оперы! — За то нынѣ наша публика оцѣнила-бы гораздо лучше, вѣрнѣе и основательнѣе произведенія М. И. Глинки; она не запинаясь признала бы огромное дарованіе нашего національнаго композитора; прелесть его вдохновенныхъ мелодій, богатство и изящество его инструментовки, глубокое знаніе контрапункта, музыкальной колоритъ, все это было бы нынѣ совершенно взвѣшено и оцѣнено. — Слѣдовательно, прекрасный составъ нашей Итальянской Оперы, кромѣ доставляемыхъ наслажденій, принесъ очевидную пользу, усовершенствовавъ музыкальное наше образованіе; но неменѣе того Глинка умолкъ; и многіе, можетъ-быть, отечественные даровитые музыканты не осмѣлились выступить на поприще состязанія, покинутое добровольно геніалнымъ композиторомъ.

Къ тому же, вслушавшись однажды въ очаровательное пѣніе итальянскихъ артистовъ, трудно удовольствоваться другими пѣвцами; писать же музыку на чуждыя слова не всякой способенъ; — потому что мелодическія мысли иначе слагаются на чужомъ языкѣ.

Глукъ, Моцартъ, Россини и даже Мейерберъ составляютъ самыя рѣдкія исключенія, да и эти геніальные композиторы, сочиняя на иностранномъ языкѣ, перенесли въ свои оперы отпечатокъ, такъ-сказать, роднаго слова. Въ «Армидѣ» Глука слышенъ безпрестанно германскій отголосокъ; многія мелодіи въ «Донъ-Жуанѣ», этомъ совершеннѣйшемъ произведеніи Моцарта, не совсѣмъ итальянскаго происхожденія. Знаменитая, напримѣръ, теноровая арія «Il mio tesoro intanto» и по вымыслу и по семитактному музыкальному ритму первой фразы, конечно далеко не итальянская. Въ дуэтѣ «Карла Смѣлаго» Россини, мелодія «Oh! Mathilde idole de mon âme», несмотря на кровное французское восклицаніе, не могла, намъ кажется, быть задумана иначе, какъ итальянцемъ. — Въ «Робертѣ» Мейербера очень часто обороты фразъ и въ особенности ферматы и украшенія напоминаютъ германское образованіе композитора. Изъ этихъ немногихъ примѣровъ очевидно, что и для геніальныхъ композиторовъ трудно и почти невозможно преодолѣть вліяніе роднаго языка. Написать же итальянскую оперу на русскій ладъ было-бы эстетически непростительно.

Вотъ почему, съ водвореніемъ у насъ итальянской оперы отечественнымъ музыкантамъ оставалось только умолкнуть на время. Въ этомъ случаѣ мы конечно не приведемъ русской пословицы, а упомянемъ французскую поговорку «Il n'y a pas de rose sans épines», и скажемъ съ полнымъ

убѣжденіемъ, что придетъ счастливая пора и для нашихъ композиторовъ. Пѣвцы мало-по-малу сформируются, музыкальный вкусъ болѣе и болѣе будетъ развиваться, и въ добавокъ будущіе наши сочинители найдутъ цѣнителей съ полнымъ музыкальнымъ образованіемъ. Въ ожиданіи этой благополучной эпохи, нѣкоторые изъ нашихъ композиторовъ, какъ напримѣръ, Даргомыжскій, Ѳ. Толстой, Рубинштейнъ и другіе пишутъ сотнями и печатаютъ иногда десятками музыкальныя сочиненія, которыя, за неимѣніемъ другаго названія, именуютъ *романсами*. Тяжело укротить художническую дѣятельность, и когда мысли долго клубятся въ головѣ, волею или неволею приходится ихъ выпустить на бѣлый свѣтъ; въ томъ или другомъ видѣ. Произведенія, о которыхъ мы упомянули имѣютъ тотъ недостатокъ, что для тѣхъ диллеттантовъ, которые ищутъ легонькихъ куплетовъ и еще легчайшаго акомпанимента, они не по силамъ; часто въ этихъ такъ-называемыхъ *романсахъ* встрѣчаются и замысловатая гармонія, и небольшіе контрапункты, и слишкомъ, можетъ-быть, драматическая декламація — плоды музыкальнаго развитія и дѣятельности, которымъ не даютъ простора. Не всякой оцѣнитъ эти, вспышки творчества. Съ другой стороны любители, привыкшіе пѣть большія аріи, не находя въ вышеупомянутыхъ сочиненіяхъ, речитатива, анданте и неизбѣжной кабаллеты, оставляютъ ихъ въ пренебреженіи. «Нѣтъ худа безъ добра» скажемъ мы на этотъ разъ! Какое дѣло, что наши труженики артисты не заслуживаютъ пока громкой славы своими произведеніями, мысли ихъ несовершенно пропадаютъ, и рано или поздно отыщутся подъ грудами *романсовъ*, и отзовутся громко и далеко.

Прошу извинить за это отступленіе отъ основнаго предмета моей статьи, т. е. отъ «обозрѣнія прошлаго сезона».

«Но это только предисловье
«Теперь къ разсказу приступлю»

Изъ *статистическихъ* свѣдѣній, которыя будутъ помѣщены въ концѣ обзора, мы видимъ, что въ сезонъ 1852—1853 на нашей оперной сценѣ преобладала итальянская музыка, и преимущественно россиніевская; въ-слѣдствіе чего мы полагаемъ неизлишнимъ сказать нѣсколько словъ о состояніи музыки и искусства пѣнія въ Италіи, до появленія Россини.

Можно любить или не любить итальянскую музыку,—это зависитъ отъ менѣе или болѣе правильнаго направленія вкуса; но во всякомъ случаѣ, нельзя не признать въ ней мелодическаго достоинства, безъ котораго музыка, и въ особенности драматическая, почти ничего не выражаетъ, и

невозможно не изумиться тому, какое огромное количество даровитѣйшихъ сценическихъ композиторовъ произвела Италія съ начала 16-го столѣтія до нашихъ временъ. Въ первомъ періодѣ, т. е. до 1760 года, блистаютъ и отличаются Скарлати, Лео, Дуранте, Перголезе, Порпора, Жомелли; позже Пичини, Сакини, Гульельми, Чимароза Паизьелло, Перъ, Павези, Фіорованти; въ наше время Керубини, Спонтини, Россини, Беллини, Меркаданте, Доницетти, Пачини, Верди. Изумительное богатство, и тѣмъ болѣе, что если мы обратимся къ другимъ странамъ Европы, то насчитаемъ весьма немного драматическихъ композиторовъ; конечно между знаменитыми именами мы назовемъ и величайшихъ, всемірныхъ геніевъ, но зато объ остальныхъ почти и не стóитъ упоминать. Гендель, Гайднъ, Глукъ и Моцартъ, незабвенныя имена для каждаго музыканта, занимаютъ первое мѣсто; Мегюль, Веберъ, Боельдье, Мейерберъ, Оберъ, Герольдъ и Галеви замыкаютъ, если не ошибаемся, блестящую плеяду, доставшуюся въ удѣлъ остальной части Европы *.

Съ музыкою, Шпорá, Линднентнера, Флотова, Лорцинга, Лахнера, Вагнера и другихъ мы весьма мало знакомы.

Давно уже принято, что Италія родина мелодіи и хорошихъ голосовъ, слѣдовательно, и успѣхъ и упадокъ въ искусствѣ пѣнія принимаютъ начало въ Италіи, и распространяются оттуда на весь музыкальный міръ. Въ началѣ XVIII столѣтія оперы писались не многосложныя; финалы и вообще morceaux d'ensemble не были еще въ употребленіи; главную роль играли аріи, которыя отличались простотою основной мелодической мысли, но зато каденцы, ферматы, фіоритуры оставлялись на произволъ пѣвцовъ и давали имъ средства высказать самую изумительною и часто самую вычурную вокализацію. Композиторы были совершенно подъ властію знаменитыхъ пѣвцовъ, и нерѣдко со слезами отстаивали каждую музыкальною фразу, потому-что иному пѣвцу она казалась слишкомъ длинна, другому коротка, и проч. и проч. Представителями блистательнѣйшей эпохи пѣнія были: Кафарелли, Фаринелли, Бернаки, Минготи, Фаустини, Паньероти, Габріелли, Маркези, Грассини и проч.

Гульельми и Чимароза первые укротили своеволіе пѣвцовъ; мелодіи Чимарозы имѣли слишкомъ уже важное значеніе, чтобы ихъ предоставить произволу исполнителей; однакожъ окончательной переворотъ и переходъ власти отъ пѣвцовъ къ композиторамъ былъ совершенъ вліяніемъ Россини.

Въ 1814 году, Россини, присутствуя при первой репетиціи

* Намъ кажется что Гретри, Рамо, Люли, Монсиньи, Адана и Фелисьена Давида нельзя поставить въ разрядъ замѣчательнѣйшихъ композиторовъ, а національная скромность не позволяетъ намъ упомянуть о Глинкѣ.

своей оперы «Aureliano in Palmira», приведенъ былъ въ восторгъ пѣніемъ Велути (знаменитаго сопраниста). На второй репетиціи Россини съ нетерпѣніемъ ожидалъ понравившихся ему пассажей, но они были замѣнены другими.—На третьей репетиціи Велути заливался такими неслыханными руладами, трелями, исполнялъ такія неожиданныя фіоритуры, что Россини не узнавалъ уже своей музыки.—По окончаніи репетиціи, озадаченный маэстро подошелъ къ знаменитому пѣвцу.

— Вы поете отлично, illustrissimo, робко замѣтилъ Россини: но нельзя-ли вамъ пѣть мою музыку, а не собственныя ваши импровизаціи.

Велути посмотрѣлъ свысока на молодаго маэстро, потрепалъ его по щекѣ, пожалъ плечами и не удостоилъ отвѣта.

Огорченный маэстро задумался: «Хорошо, если всегда будетъ попадаться такой пѣвецъ, какъ Велути; говорилъ онъ про себя: а какъ наткнешься на бездарнаго артиста, который Богъ знаетъ чего наставитъ въ оперу; что тогда будетъ съ твореніемъ композитора?

Съ-тѣхъ-поръ Россини, котораго слава росла ежедневно, сталъ писать ферматы со всѣми руладами, пасажами, и требовалъ отъ пѣвцовъ, чтобъ они исполняли партіи совершенно такъ, какъ онѣ имъ были написаны. Начало было хорошо; самое даже достоинство композиторовъ требовало укрощенія своеволія пѣвцовъ; но къ сожалѣнію, Россини увлекся производимымъ эфектомъ на слушателей придуманными имъ же фіоратурами и руладами, и не довольствовался писать ихъ для ферматъ, а ввелъ ихъ въ самый составъ мелодій, что не мало помрачило истинное драматическое выраженіе.

Рулады напр: въ знаменитой фразѣ «Se il padre m'abbandona», когда Дездемона, простертая у ногъ своего отца, умоляетъ его о прощеніи, поражаютъ своею несообразностію. Однакоже должно сознаться, что руладная Россиніевская эпоха имѣла свою полезную сторону.

Въ то время пѣвцу нельзя было предстать предъ публикою, не изучивъ основательно искусство пѣнія; нѣсколько лѣтъ неусыпныхъ трудовъ, ежедневныхъ солфеджій едва были достаточны, чтобъ приготовить пѣвца для сцены. Отъ него требовались, кромѣ правильнаго *изложенія* голоса (emission de voix), быстрыя восходящія и нисходящія гаммы, групетти, морденти и настоящая звучная трель, а не слабое дребезжаніе голоса, какъ нынѣ это часто дѣлается.

Музыкальное вліяніе Россини тѣмъ болѣе было велико, что блистательный маэстро, несмотря на огромное свое дарованіе, не прокладывалъ новой стези, а шелъ сначала по стопамъ своихъ мелодическихъ предшественниковъ. Прокладывать новый путь, преодолѣвать препятствія было вовсе не въ духѣ Россини; онъ сладко распѣвалъ мотивы,

которые сотнями зараждались у него въ головѣ, и вся Италія повторяла за нимъ дивныя его мелодіи.

Сначала нововведенія Россини пали только на нѣкоторыя незначительныя формы кантиленъ, потомъ онъ ввелъ, какъ мы уже сказали, рулады и фіоритуры въ составъ своихъ мелодій, пополнилъ инструментацію, въ операхъ seria уничтожилъ совершенно речитативъ говоркомъ съ акомпаниментомъ клавикордъ, и замѣнялъ его речитативомъ съ полнымъ оркестромъ.—Наконецъ, Россини развилъ до чрезвычайности квартеты, квинтеты, финалы въ своихъ операхъ, и положилъ вѣнецъ своей славы, написавъ, въ 1827 году, «Вильгельма Телля», образцовое произведеніе, въ которомъ соединены достоинства: прелестнѣйшихъ и самыхъ богатыхъ мелодій, блистательный инструментовки и самого вѣрнаго и высокаго драматизма.

Съ 1810 по 1829 годъ, Россини написалъ 37 оперъ и 9 большихъ кантатъ; въ каждомъ изъ произведеній Россини видѣнъ несомнѣнный отпечатокъ дарованія, но нѣкоторыя изъ нихъ нынѣ вовсе забыты, а другія до-сихъ-поръ сохранили прелесть и живость мелодій.

Представляемъ здѣсь списокъ лучшимъ операмъ Россини, съ краткими отмѣтками замѣчательнѣйшихъ нумеровъ. *

1.) Demetrio e Polibio — была первая опера Россини, мало извѣстная и нынѣ вовсе забытая.

2) L'inganno felice (1812), для Генеціи. Первая опера, въ которой талантъ Россини выказался яркими красками; она долго держалась на репертуарѣ; въ особенности замѣчателенъ въ ней терцетъ, который въ-послѣдствіи вставлялся въ разныя оперы.

3) Tancredi (1813), для Венеціи. — Въ *Танкредѣ* самостоятельность Россини высказывается уже вполнѣ. — Прекрасные речитативы, умѣстные ритурнели, измѣненныя формы интродукціи, финаловъ и вообще morceaux d'ensemble доказываютъ геніяльность маэстро.—*Танкреди* произвелъ въ Венеціи неописанный восторгъ. Отъ знатнаго патриція до послѣдняго гондольера всѣ напѣвали дивныя мелодіи новой оперы.— Извѣстную арію «Di tanti palpiti» пѣли и во всѣхъ палацахъ и на всѣхъ перекресткахъ улицъ. — Имя пѣвицы Миланоте, для которой была написана партія Танкреда, вскорѣ сдѣлалось извѣстно всей Италіи.

4) L'Italiana in Algieri (1813), для Венеціи. Прелестная комическая опера въ двухъ актахъ, которая дышетъ неподдѣльною веселостію отъ начала до конца. Знаменитый буфъ того времени Пачини,

* Каталогъ операмъ Россини и хронологическія свѣдѣнія почерпнуты изъ сочиненія Стендаля и Біографическаго Словаря Фетиса.

который исполнялъ роль Таддео (мужа итальянки) говаривалъ, что онъ не промѣняетъ ни на какіе обѣды, пиры и прогулки въ гондолахъ, удовольствія сыграть роль messer Таддео.

Арія тенора «languir per una bella» свѣжа и прелестна до-сихъ-поръ (замѣтимъ мимоходомъ, что ее пѣвалъ встарину съ необычайнымъ успѣхомъ Давидъ, въ пользу котораго недавно еще давали концертъ въ нашей залѣ Дворянскаго Собранія).

Дуэтъ «se inclinassi aprende moglie» прекрасенъ; другой дуэтъ «ai capricci della sorte» самое граціозное и кокетливое произведеніе въ этомъ родѣ. Ничего не можетъ-быть забавнѣе и живѣе финала перваго акта «Sono come una cornachia, che spennota fa crà crà, т. е. я какъ ощипанная ворона, которая съ горя кричитъ: кра, кра. Трудно описать гомерическій смѣхъ, которымъ заливались бывало всѣ зрители во-время исполненія этого истинно-комическаго финала. Во второмъ актѣ также много прекраснаго, но въ-особенности хорошъ терцетъ «Papataci», который до-сихъ-поръ поется и приводитъ въ восхищеніе слушателей самыми свѣжими мелодіями. Послѣдняя арія «Pensa alla patria» осталась въ памяти всѣхъ современныхъ диллетантовъ.

5) Aureliano in Palmira» (1814), для Милана. Эта опера вовсе забыта, но мы ей обязаны укрощеніемъ своеволія пѣвцовъ, о чемъ мы выше упомянули. Велути имѣлъ въ этой операѣ большой успѣхъ, но самая опера упала.

6) Il Turco in Italia (1814), для Милана. Странно, что эта опера въ свое время имѣла весьма мало успѣха, и только въ-послѣдствіи понравилась и осталась въ репертуарѣ до-сихъ-поръ. Самые замѣчательные въ ней нумера: дуэтъ «d'un bel uso de Turchia и квинтетъ, кончающійся самымъ увлекательнымъ вальсомъ.

7) Elisabetta (1815), для Неаполя. Замѣчательна тѣмъ, что увертюра, для нея написанная, взята потомъ въ «Севильскаго Цирульника»! Весьма странно, потому-что Elisabetta opera seria.

8) Il barbiere de Siviglia (1816) для Рима. Въ этомъ образцовомъ произведеніи Россини въ комическомъ родѣ все прелестно отъ начала до конца; у насъ «Севильскаго Цирульника» знаютъ наизустъ, слѣдовательно, и описывать его мы почитаемъ излишнимъ; но мы осмѣлимся сообщить читателямъ нѣкоторыя разсужденія, порожденныя конечно заслуженнымъ, но необычайнымъ успѣхомъ «Севильскаго Цирульника». Безспорно, мелодіи этой оперы живы, прелестны и увлекательны, но и въ «Итальянкѣ въ Алжирѣ», напримѣръ, онѣ также прекрасны и къ тому же веселые мотивы въ ней перемѣшаны съ выразительными кантиленами. Въ «Севильскомъ Цирульникѣ» инструментація игрива, въ

pezzi concertati голоса сочетаются весьма искусно, но и въ другихъ операхъ Россини есть тѣ же достоинства. Отчего же «Севильскаго Цирульника» предпочитаютъ всѣмъ комическимъ операмъ Россини, и съ 1816 года до нашихъ временъ не перестаютъ давать на всѣхъ европейскихъ театрахъ? Первою тому причиною, мы полагаемъ, остроумный сюжетъ Бомарше и хорошо веденная интрига, а вторая и главная причина столь блистательнаго и долговременнаго успѣха основана на томъ, что въ Фигаро отразился живой, веселый, безпечный нравъ самого Россини. Блестящему стилю маэстро тутъ полный разгулъ.

Россини, которому сначала его музыкальнаго поприща все въ жизни улыбалось, не для чего тутъ принимать личину мрачнаго драматизма; характеры блистательнаго Альмавивы, хитраго и веселаго Фигаро, своенравной Розины, безтолковаго Бартоло, лукаваго Базилія — всѣ ему подъстать. Вотъ почему Россини предпринялъ смѣло написать музыку «Севильскаго Цирульника» на сюжетъ, въ которомъ знаменитый Паизьелло имѣлъ огромный успѣхъ, и еще при жизни этого маэстро; вотъ почему Россини написалъ эту очаровательную музыку *въ тринадцать дней*; и наконецъ: «Севильскій Цирульникъ», будучи самое полное и самостоятельное выраженіе геніальнаго таланта величайшаго итальянскаго композитора нашей эпохи — не могъ не имѣть огромнаго успѣха, затмѣвающаго отчасти всѣ прочія произведенія того же маэстро.

9) Otello (1816), для Неаполя. Въ «Отелло»—Россини въ первый разъ употребилъ для речитативовъ постоянный акомпаниментъ оркестра. Хотя въ этой оперѣ онъ еще не возвысился до степени драматизма, которой онъ достигъ въ-послѣдствіи, но многія въ ней мѣста величественны и поразительны эфектны. Входная арія Отелло «Ah si per voi gia sento» прекрасно изображаетъ воинственный характеръ полководца мавра. Квинтетъ «incerta l'anima» въ мелодическомъ отношеніи превосходенъ. Дуэтъ «l'iga d'aversa» выразителенъ до крайности. Третій актъ намъ намъ кажется совершеннѣйшимъ въ оперѣ; знаменитый романсъ Десдемоны, баркаролла «nessun maggior dolore» и финальный дуэтъ исполнены истиннаго драматизма.

10) La Cenerentola (1817), для Рима. Эта опера, по нашему мнѣнію, немногимъ уступаетъ «Севильскому Цирульнику», въ-особенности въ мелодическомъ отношеніи; но неправдоподобность содержанія либретто и тривіальность нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ оставляютъ ее на второмъ планѣ. Впрочемъ, трудно придумать что-нибудь прелестнѣе въ этомъ родѣ, какъ напримѣръ, арія «Don Magnifico», квинтетъ «Signor una parola»; секстетъ «Questo un nodo» и проч.

Трудно повѣрить — но по свидѣтельству бо́льшей части современ-

ныхъ журналовъ, Ченерентола въ первое время не имѣла никакого успѣха въ Миланѣ. Всѣмъ извѣстно, что и «Севильскаго Цирульника» въ первое представленіе освистали въ Римѣ — но это было только для выраженія негодованія за выборъ сюжета, на который Паизьелло написалъ музыку.

11) La gazza ladra (1817). Судя по пріему, сдѣланному «Ченерентолѣ», Россини не безъ опасенія предсталъ предъ миланскою публикою; но опасенія его оказались напрасны! Послѣ перваго мотива увертюры, публика пришла уже въ совершенное волненіе, и увертюра окончилась при самыхъ восторженныхъ, оглушительныхъ рукоплесканіяхъ и крикахъ «Eviva Rossini».

Дѣйствительно, первое впечатлѣніе этой увертюры поразительно! Завязка драмы основана на томъ, что Фернандо — солдатъ, служившій въ какомъ-то полку, принужденъ дезертировать, для избѣжанія послѣдствій, сдѣланнаго имъ вызова на поединокъ старшаго себѣ по чину. Россини, для опредѣленія воинственнаго сюжета драмы, открываетъ увертюру барабанною дробью, которая начинается тихо, мало-помалу возвышается, потомъ вновь уменьшается, и теряется вдали. Съ послѣдними ея звуками весь оркестръ вдругъ разражается съ необычайною силою, и разражается не однимъ шумомъ, а прекраснымъ величественнымъ мотивомъ, самого опредѣленнаго ритма и музыкальнаго рисунка. Новизна эфекта и твердость очертанія музыкальной мысли произвели, какъ мы уже сказали, неописанный восторгъ, и съ первой минуты до послѣдней все представленіе было настоящее торжество для Россини, который выбился изъ силъ, безпрестанно раскланиваясь, для изъявленія своей благодарности за «Eviva maestro», неумолкавшіе въ продолженіе всей оперы. Въ операѣ «Сорока воровка» столько прелестнѣйшихъ мелодій, что всѣ перечесть ихъ здѣсь невозможно; но въ-особенности замѣчательны: интродукція, арія «di piacer mi balza il cor, финалъ перваго акта во-время допроса Нинеты, хоръ втораго акта, слѣдующій за нимъ квинтетъ и арія Фернандо, погребальный маршъ и пр. и пр..

Огромный успѣхъ «Сороки-воровки» имѣлъ однакоже, по нашему уразумѣнію, довольно прискорбныя послѣдствія: общій восторгъ, произведенный драматическою оперою, подалъ мысль Россини, что настоящее его призваніе къ патетической, а не къ комической музыкѣ, и съ-тѣхъ-поръ геніальный маэстро пересталъ вовсе писать искрящіяся веселостью, живостью, огнемъ оперы — и предался совершенно драматическому роду.

12) Mosi in Egitto (1818), Неаполь. Съ появленіемъ оперы

«Моисей» начинается вторая эпоха таланта Россини, или, какъ иные называютъ, вторая его манера. Извѣстно, что Россини въ своей молодости учился музыкѣ весьма поверхностно; онъ не болѣе года оставался подъ руководствомъ знаменитаго контрапунктиста, Padre Mattei, и оставивъ, въ 1808 году, болонскій лицей, почти тотчасъ же принялся писать кантаты и оперы. Италія привѣтствовала съ восторгомъ появленіе молодаго маэстро, у котораго прелестныя мелодіи рождались, такъ-сказать, съ каждымъ взмахомъ пера. Россини ласкали, любили и, какъ говорится, носили на рукахъ; жизнь его протекала въ пиршествахъ и шумныхъ бесѣдахъ съ многочисленными поклонниками и друзьями. Когда тутъ было изучать серьозно музыку? Да кажется Россини и не находилъ въ томъ нужды, потому-что, когда въ партиціяхъ его, которыя онъ бо́льшею частію писалъ окруженный пріятелями, проскакивали иногда запрещенныя квинты, неправильныя реголюціи, или рѣзкіе переходы, онъ отмѣчалъ подобные промахи крестикомъ и писалъ въ выноскѣ: Pel somme piacere dei s-ri pedanti, то-есть «для наибо́льшаго удовольствія гг. педантовъ». Однакоже геніальная организація Россини напутствовала его вопреки разсѣянной его жизни, и открывая ему безъ труда и ученія таинства искусства, прокладывала молодому маэстро новый путь.

Чтобы вполнѣ о характеризовать Россиніеву эпоху съ 1810 по 1818 г. приведемъ собственные отзывы знаменитаго маэстро о себѣ:

«Меня укоряютъ господа педанты (rigoristi какъ выражается Россини), зачѣмъ въ моихъ партиціяхъ проскакиваютъ ореографическія ошибки; оно не безъ того, но можетъ ли быть иначе при моемъ образѣ жизни? Посудите сами! Я странствую изъ одного города въ другой, и пишу всегда къ извѣстному сроку. За шесть недѣль до начатія сезона, пріѣзжаю въ какой-нибудь городъ; въ день моего пріѣзда окружаютъ меня неистовые поклонники (amiratori e dilletanti furiosi), начинаются серенады, пиры, ужины и проч. Это продолжается, по-крайней-мѣрѣ, десять дней. Признаться сказать, я и самъ непрочь повеселиться, да когда же и веселиться, какъ не въ мои лѣта и при моихъ успѣхахъ! (Succesi in ogni generi) прибавляетъ лукаво маэстро. Другіе десять дней проходятъ въ спорахъ съ poeta (сочинителемъ либретто) который пытается спустить подъ моимъ флагомъ (sotto la mia bandiera) всякую возможную дребедень. Къ тому же надобно ознакомиться со средствами пѣвцовъ. Часто случается, что у контральта недостаетъ нѣсколькихъ нижнихъ нотъ, у тенора верхнихъ, басъ хрипитъ, баритонъ кричитъ; все это надобно уладить, ко всему приноровиться, а между-тѣмъ время летитъ безъ пощады! Не успѣешь опомниться, какъ до перваго представленія остается какихъ-нибудь двѣ недѣли. Тутъ ужъ я прини-

маюсь серьозно за дѣло, пишу день и ночь, упорно отказываюсь отъ званыхъ обѣдовъ и ужиновъ; но отъ *поклонниковъ* отдѣлаться невозможно! Они наполняютъ мою комнату, суетятся, шумятъ вокругъ меня! Часто случалось, что я принужденъ былъ скрываться отъ нашествія *варваровъ* въ постели. Окончивъ дуэтъ или арію, отсылаю партицію къ переписчикамъ, которые выписываютъ партіи и отдаютъ ихъ разучивать. Конечно, при такомъ способѣ сочиненія не можетъ-быть безъ грѣха; но я отвѣчаю за *вдохновеніе*, потому-что чувствую, какъ оно *движется* въ голосѣ (come si muove nel cervello), а за ороографическія ошибки, слуга покорный!»

Этотъ отзывъ Россини о самомъ себѣ почерпнутъ нами изъ разговоровъ съ современниками великаго маэстро. Въ пребываніе мое въ Италіи, въ 1833 году, несмотря уже на владычество Беллини, всѣ истинные любители музыки еще проникнуты были воспоминаніями о Россини. Понятно послѣ этого, что появленіе оперы «Моисей» поразило неожиданно всѣхъ поклонниковъ Россини. Ко всеобщему удивленію *знатоковъ*, маэстро явился въ этой операѣ въ полномъ блескѣ. Во многихъ мѣстахъ видны контрапунктическія намѣренія (въ особенности въ интродукціи), оркестровка обработана тщательно и искусно, всѣ партіи написаны съ истиннымъ знаніемъ музыки. Болѣе всего привела въ восторгъ слушателей знаменитая молитва. Давно на итальянской сценѣ не раздавались такія величественные, торжественные звуки. Минорный мотивъ, который начиналъ Порта (исполнявшій роль Моисея), переходитъ отъ одного дѣйствующаго лица къ другому; по мѣрѣ присоединенія голосовъ, онъ ростетъ, развивается; наконецъ, народъ, толпившійся вокругъ Моисея, падаетъ на колѣна, и мотивъ разражается въ мажорномъ тонѣ съ новою силою.

Пламенные итальянцы были такъ поражены неожиданностію впечатлѣнія, что всѣ присутствующіе въ ложахъ и въ партерѣ встали съ своихъ мѣстъ, запѣли въ одинъ голосъ вмѣстѣ съ хоромъ, и по окончаніи молитвы долго оглашали залу восторженными криками. «Eviva Rossini, il gran maestro». Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что подобныя впечатлѣнія, истинно естетическія впечатлѣнія, потому-что онѣ основаны на высокихъ музыкальныхъ наслажденіяхъ, а не на эквелибристикѣ, оптикѣ, или искусствѣ декоратора, средствахъ, къ которымъ нынѣ не рѣдко прибѣгаютъ.

13) La donna del-lago (1819), Неаполь. Опера эта замѣчательна швейцарскимъ колоритомъ, который умѣлъ ей придать Россини; въ ней въ первый разъ показалась пѣвица Pisaroni, которая въ-послѣдствіи

имѣла большой успѣхъ; изъ этой же оперы, въ 1842 г., Россини извлекъ гимнъ въ честь папы Пія IX.

14) Semiramide (1823), Венеція. У насъ эта опера весьма извѣстна; всѣ помнятъ прекрасные хоры интродукціи, финалъ перваго акта, дуэтъ, начинающійся речитативомъ «è dunque vero audace» дуэтъ 2-го акта «quella ricordati» и пр. и пр. Для составленія предлагаемой статьи, мы пробѣжали старинные журналы тѣхъ годовъ, въ которыя давались оперы Россини, и хохотали отъ души, прочитавъ критику на «Семирамиду», въ которой рецензентъ осуждалъ Россини, по поводу этой оперы, за *германское его направленіе!!* Отчего съ 1823 по 1826 годъ музыкальная дѣятельность Россини уменьшилась, опредѣлить въ точности мы не можемъ; но слѣдя внимательно за произведеніями великаго маэстро, можно вывести слѣдующее предположеніе. Мы сказали выше, какъ огромный успѣхъ «Сороки Воровки» подалъ Россини мысль, что его призваніе къ патетическому, а не къ комическому роду музыки. Съ-тѣхъ-поръ однакожъ, кромѣ «Моисея», всѣ оперы Россини не имѣли полнаго, единодушнаго успѣха, и даже Семирамида была принята довольно равнодушно. Россини не довольствовался рукоплесканіями однихъ своихъ поклонниковъ — онъ искалъ общаго восторга; возвратиться къ комическому роду казалось ему недостойнымъ его таланта; геній его жаждалъ болѣе широкаго поприща. Россини обратилъ взоры на Парижъ, который въ то время держалъ скипетръ моды и управлялъ самовластно всемірнымъ вкусомъ.

Три года Россини посвятилъ на изученіе французскаго языка и обработку новаго плана. Побуждаемый однакожъ нетерпѣніемъ парижской публики, онъ передѣлалъ изъ «Магомета II» первую свою оперу на французскомъ языкѣ и поставилъ подъ именемъ:

15) Le Siege de Corinthe (1826), Парижъ. Опера эта хотя имѣла успѣхъ, но не удержалась на репертуарѣ.

16) Le comte Ory (1827) Парижъ. Въ этой оперѣ demi-seria, замѣтно вліяніе французской музыки и французскаго вкуса. Необычайная легкость, и такъ-сказать кокетливость мелодій, соединена съ нѣкоторою изысканностію инструментовки. Въ особенности въ этой оперѣ замѣчательны: финалъ 1-го акта и 2-го квинтетъ и хоръ пилигримовъ.

Наконецъ появляется «Карлъ Смѣлый», это совершеннѣйшее лирическое произведеніе XIX-го столѣтія. Въ этой оперѣ геній Россини выказывается вполнѣ; изумительное богатство мелодій, свойственное изъ современныхъ музыкантовъ одному Россини, интересная и разнообразная инструментовка, искуснѣйшее употребленіе хоральныхъ массъ, глубокое чувство драматизма — все въ этой оперѣ

соединяется и образуетъ изъ нея совершеннѣйшее твореніе Россини. Увертюра, начинающаяся кантиленою віолончелей, раздѣленныхъ на четыре голоса, имѣетъ совершенно пасторальный колоритъ; изъ оркестра вѣетъ свѣжимъ, горнымъ воздухомъ. Сладкое и тихое чувство овладѣваетъ душою;—но вдругъ появляется легкое тремоло въ струнныхъ инструментахъ; прерывающіеся звуки духовыхъ, на самыхъ верхнихъ нотахъ, накрапываютъ крупнымъ дождемъ на волнующіеся аккорды. Тремоло болѣе и болѣе увеличивается; хроматическія гаммы всѣхъ высокихъ инструментовъ съ силою разражаются и потокомъ стремятся внизъ, басы подвигаются къ нимъ навстрѣчу, и какъ эхо отвѣчаютъ бурнымъ порывамъ. Но вскорѣ гроза укротилась, завыванія бури утихли. Небо ясно, воздухъ чистъ и благоуханенъ; вдали, съ цвѣтистой поляны слышны тихіе звуки пастушеской свирѣли. Невозможно ничего вообразить прелестнѣе, свѣжее и проще этой дивной мелодіи, отъ которой вѣетъ весеннимъ воздухомъ. Послѣдняя часть увертюры (allegro) не соотвѣтствуетъ, по нашему мнѣнію, высоко-художественному ея началу; хотя, однакожъ, мотивъ алегро (въ родѣ галопа) исполненъ живости и огня. Впрочемъ, нужно слышать его въ парижской консерваторіи, чтобы составить себѣ о немъ полное понятіе; невозможно описать энергіи, съ какою исполняютъ скрипки allegro этой увертюры! Интродукція такъ проникнута пасторальнымъ колоритомъ, она такъ очаровательно изображаетъ мирный сельскій бытъ, что мрачные звуки Вильгельма Теля, въ душѣ котораго волнуются замыслы нарушить эту мирную тишину, грустно сжимаютъ сердце. Вообще, вся интродукція Вильгельма Теля совершенство—отъ начала до конца. Тутъ каждый звукъ на своемъ мѣстѣ, каждая мелодія глубоко проникаетъ въ душу слушателя. Еслибы мы вздумали описывать всѣ красоты этой оперы, то намъ и цѣлой книги «Пантеона» навряд достало бы; въ-слѣдствіе чего мы, къ сожалѣнію, удовольствуемся только указать на самыя поразительныя мѣста; какъ напримѣръ: дуэтъ Вильгельма Теля съ Арнольдомъ: какое удивительное музыкальное очертаніе характеровъ. Вильгельмъ Тель постоянно мраченъ и суровъ, Арнольдъ пылокъ и страстенъ. Что за удивительныя мелодіи. «Oh Mathilde, idole de mon âme», и далѣе: Oh ciel, tu sais si Mathilde m'est chere. Возможно ли придумать что-нибудь упоительнѣе этихъ страстныхъ звуковъ.

Мотивъ танцевъ въ *re minor* свѣжъ и оригиналенъ до чрезвычайности; финалъ 1-го акта безподобенъ, никто, конечно, въ наше время не съумѣетъ лучше расположить голосныхъ массъ.

Терцетъ 2-го акта останется навсегда образцомъ для всѣхъ будущихъ произведеній въ томъ же родѣ; кто не помнитъ впечатлѣнія, ко-

торое производитъ душевный вопль Арнольда. «Mon pere tu m'a du maudire», и этотъ поражающій эфектъ достигнутъ самымъ простымъ средствомъ, переходомъ изъ *mi majeur* въ *do majeur*, оставляя въ басу общую ноту обоимъ нотамъ *mi*. Конечно послѣ подобнаго andante и прекраснѣйшаго перваго allegro, которое въ особенности замѣчательно благородствомъ выраженія музыкальныхъ фразъ, почти невозможно было ожидать еще поразительнаго окончательнаго allegro — и безпристрастіе побуждаетъ насъ сказать, что относительно послѣдняя часть терцета не соотвѣтствуетъ достоинствамъ начала, и могла бы быть интереснѣе. Для описанія финала 2-го акта мы не находимъ словъ! Это цѣлая поэма, въ которой великій маэстро звуками очерталъ различные характеры жителей швейцарскихъ кантоновъ.

То въ горахъ раздаются рога, то съ полянъ слышна свирѣль, то по гладкой поверхности озера переливается тихая пѣсня гребцовъ.... наконецъ всѣ сходятся. Въ узкомъ ущельѣ, окруженномъ высокими горами, собираются поселяне на призывъ суроваго Вильгельмъ Теля.

Глухой, но быстрый пиччикато всѣхъ струнныхъ инструментовъ предшествуетъ прекрасному хору фугато; всѣ покоряются волѣ одного; единодушіе, смѣлость, энергія выражены тутъ безподобно.

Въ прекрасномъ речитативѣ Вильгельмъ Тель объясняетъ свои намѣренія; слѣдующій за нимъ общій хоръ, неописанно величественъ. Музыкальную фразу «Si parmi nous il est un traitre» голосныя массы исполняютъ унисономъ, но въ оркестрѣ басы сильно звучатъ на нижней секундѣ, что производитъ мрачное и поразительное впечатлѣніе. Довольно.... мы и такъ слишкомъ увлеклись. Въ заключеніе скажемъ, что послѣдніе два акта гораздо, по нашему мнѣнію, слабѣе первыхъ. Но я спрашиваю, могло ли быть иначе!

Человѣческому вдохновенію должны быть предѣлы, не то утлая наша физическая природа не выдержитъ напора, разрушится и погибнетъ.

Намъ кажется, что послѣ финала 2-го акта вдохновенію Россини слѣдовало ослабнуть, или ему самому погибнуть.

Россини не погибъ, но увы! онъ умолкъ, и умолкъ во всей силѣ несравненнаго своего таланта, на 37-мъ году отъ рожденія, и никакія убѣжденія въ мірѣ не могли поколебать съ-тѣхъ-поръ упорнаго его молчанія. Извините! мы ошибаемся. Россини написалъ (кажется въ 1842 или 1843 году) Stabat Mater; но хотя въ немъ есть прекраснѣйшія мѣста; мы не можемъ не пожалѣть, что онъ нарушилъ роковое, завѣтное свое молчаніе для произведенія, которое не вполнѣ соотвѣтствуетъ громадности его таланта.

Если мы представили довольно широкій списокъ твореніямъ Россини

и распространились, по возможности, насчетъ его оперъ—то это собственно потому, что мы почитаемъ его величайшимъ геніемъ XIX столѣтія въ мелодическомъ отношеніи. Мелодія-же — душа драматической музыки, гармонія служитъ ей (то-есть драматической музыкѣ) прочнымъ основаніемъ и придаетъ ей колоритъ, инструментовка ее поддерживаетъ и украшаетъ. Соединеніе трехъ этихъ началъ (какъ напримѣръ въ Вильгельмѣ Телѣ) составляетъ совершенство.

Если мелодія сжата и коротка, это доказываетъ недостаточность вдохновенія композитора; чѣмъ мелодія шире, тѣмъ яснѣе выраженіе мысли. По нашему уразумѣнію, стиль Россини раздѣляется на три періода. Къ первому (отъ 1810 до 1818) принадлежатъ прелестнѣйшія комическія оперы: Italiana in Algeri, Turco in Italia, Barbiere di Seviglia, Cenerentola и даже опера demi-seria Gazza ladra.

Жизненность и сила юнаго вдохновенія Россини выказываются въ этомъ періодѣ яркими красками.

Ко второму періоду (отъ 1818 до 1823) принадлежатъ Moise, Mathilde de Shabran, La donna del lago и Semiramide.... Въ этихъ операхъ есть прекраснѣйшія мѣста, мелодіи въ нихъ истекаютъ изъ того же источника; но въ нихъ множество драматическихъ несообразностей, которыя помрачаютъ изящность произведеній, и потому онѣ не оставляютъ полноты впечатлѣнія, которое должно производить истинно художественное твореніе.

Опера «Le Comte Ory» не принадлежитъ собственно ни къ какому періоду, и хотя въ ней видны свойственныя Россини достоинства — но въ ней также замѣтно постороннее вліяніе. Къ третьему періоду принадлежитъ единственная, неподражаемая опера «Карлъ Смѣлый» или вѣрнѣе сказать, первые два акта этой оперы. Тутъ сосредочены всѣ качества лирическаго произведенія: богатыя и прелестныя мелодіи, колоритъ и музыкальное очертаніе характеровъ, искуснѣйшія инструментаціи. Намъ прискорбно остановиться на мысли, что причина удаленія Россини изъ Италіи была основана на одномъ матеріальномъ разсчетѣ. Мы предпочитаемъ приписать ее тому, что высокое эстетическое чувство самого Россини не удовлетворялось *руладнымъ*, анти-драматическимъ родомъ, который онъ самъ же развилъ въ Италіи.

Увлеченіе итальянцевъ было такъ велико, они съ такимъ наслажденіемъ слушали вокальныя упражненія любимыхъ ими пѣвцовъ, что Россини показалось труднымъ разрушить разомъ то, что онъ соорудилъ съ такимъ быстрымъ и блистательнымъ успѣхомъ; продолжать идти по стезѣ, которую онъ признавалъ не художественною, онъ не могъ — и не хотѣлъ болѣе! Между-тѣмъ, вскорѣ по удаленіи Россини и

въ самой Италіи нѣкоторые любители съ истиннымъ драматическимъ чувствомъ стали задумываться, и слегка порицая руладную систему, начали пріискивать средства, какъ-бы возвратиться къ болѣе естественному выраженію драматизма. Для осуществленія этой мысли явился наконецъ Беллини.

Vincenzo Bellini родился въ Сициліи, въ городѣ Катаньи, 3 ноября 1802. Слабое здоровье и нѣкоторыя домашнія обстоятельства были причиною, что Беллини довольно поздно началъ изучать музыку. На восьмнадцатомъ году отъ рожденія онъ поступилъ въ неапольскую консерваторію, и хотя учитель композиціи Трито жаловался на лѣность молодаго Vincenzo — однако онъ обратилъ на себя вниманіе директора консерваторіи Зингарелли, который и принялъ Беллини подъ личное свое руководство.

Во-время пребыванія своего въ консерваторіи, Беллини болѣе занимался поэзіею, чѣмъ музыкою; по цѣлымъ днямъ онъ углублялся въ чтеніе любимыхъ имъ поэтовъ Альфіери, Манзони, Сильвіо Пеллико — и пристрастился даже къ Шиллеру и Гёте. Замѣчательно, что Беллини не игралъ ни на какомъ инструментѣ и пѣлъ довольно плохо, имѣя весьма слабый и неопредѣленный голосъ. Въ-послѣдствіи, онъ прекрасно изучилъ пѣніе, слушая безпрестанно неподражаемаго Рубини, для голоса котораго Беллини и писалъ бо́льшую часть теноровыхъ партій.

Въ первой операѣ (Bianca e Gernando, 1826), которую написалъ Беллини, замѣтно уже эллегическое направленіе, и хотя она не имѣла большаго успѣха, — однакожъ обратила на себя нѣкоторое вниманіе, вслѣдствіе чего молодой маэстро вызванъ былъ въ Миланъ, гдѣ и написалъ, въ 1823 году, для Пасты и Рубини «Пирата». Въ этой операѣ Беллини обнаружилъ неотъемлемый талантъ въ декламаціи. — Онъ удалилъ изъ среды своихъ кантиленъ, рулады и украшенія и изгналъ ихъ въ ферматы и окончанія музыкальныхъ фразъ. Вообще, мелодіи Беллини плавны, пѣвучи, проникнуты чувствомъ, но къ сожалѣнію слишкомъ однообразны. Въ Пиратѣ въ особенности замѣчательны: Каватина тенора «Nelfuror delle tempeste», allegro этой каватины «per te di vane lagrime» чрезвычайно выразительно и поразило слушателей простотою и ясностью изложенія. Во второмъ очень хороши дуэтъ и финальная арія «Tu vedrai la sventurata. Кабалета «Ah non fia sempre odiata» положила основаніе всѣмъ будущимъ кабалетамъ Беллини; — всѣ онѣ имѣютъ родство между собою и иногда разительное сходство, какъ напримѣръ, кабалета въ Сомнамбулѣ «Ah perche non posso odiarti». «Пиратъ» имѣлъ огромный успѣхъ, и несмотря на нѣкоторыя его достоинства мы, по совѣсти, полагаемъ, что Беллини этимъ обязанъ бо́льшею частью, по-крайней-мѣрѣ, Рубини и Пастѣ, дивное пѣніе которыхъ украсило произведеніе

начинающаго маэстро. Какъ-бы то ни было, но съ-тѣхъ-поръ Беллини сдѣлался кумиромъ Италіи. Обращая особое вниманіе на выраженіе словъ, Беллини вынудилъ пѣвцовъ отчетливо выговаривать и тѣмъ оказалъ не малую услугу драматическому пѣнію и даже драматическому искусству, потому-что съ-тѣхъ-поръ стали осторожнѣе въ выборѣ содержанія оперы, — а до того времени итальянскія либретто были часто образцамъ нелѣпости.

Въ 1828 году Беллини написалъ «la Straniera», въ 1830, «Beatrice», въ 1831 «la Sonnambula». Въ этой прелестной оперѣ все основано на глубокомъ чувствѣ; каждый звукъ дышетъ любовью. Съ перваго до послѣдняго, всѣ нумера были приняты публикою съ восторгомъ. Въ финалѣ перваго акта «Vogli il cielo che il mio tormento» Рубини пѣлъ такъ выразительно и увлекательно, что слушатели заливались слезами. Сцена сомнабулизма и финальная арія Пасты «ah m'abbrassia» произвели также неописанное впечатленіе. Публика была растрогана и взволнована до чрезвычайности; мнѣ случилось быть въ Миланѣ годъ спустя послѣ представленія Сомнамбулы, но и тогда прекрасныя миланки говорили еще со слезами о прошедшемъ впечатлѣніи.

Въ 1833 году Беллини написалъ «Норму», которая имѣла также весьма большой успѣхъ, но по нашему мнѣнію, несмотря на видимое намѣреніе маэстро возвысить свой стиль, Сомнамбула совершеннѣе. Въ Нормѣ попадаются драматическіи несообразности, какъ напримѣръ allegro аріи casta diva. Въ устахъ величественной Нормы мотивъ «Ah bello à me ritorno» кажется вовсе неумѣста; онъ слишкомъ игривъ и развязенъ. Не менѣе того въ Нормѣ есть прекраснѣйшія мѣста; финалы перваго и въ особенности втораго акта весьма выразительны.

Мѣстами Норма выше Сомнамбулы — но она не представляетъ въ цѣломъ взящной полноты Сомнамбулы.

Въ 1834 году Беллини написалъ «Пуританъ». Въ этой оперѣ успѣхи молодаго маэстро очевидны; — мысли въ ней болѣе развиты, инструментовка искуснѣе, въ мелодіяхъ болѣе разнообразія. Но увы! это было послѣднее произведеніе даровитаго Беллини. Шесть мѣсяцовъ спустя послѣ перваго представленія «Пуританъ», Беллини скончался, на тридцать-третьемъ году отъ рожденія, искренно оплакиваемый всѣми любителями его замѣчательнаго таланта. Странное и роковое сближеніе участи многихъ даровитыхъ художниковъ! Перголезе, Рафаэль, Моцартъ, Беллини умерли въ тридцатыхъ годахъ ихъ жизни, а Россини умолкъ на тридцать-седьмомъ году.

Здѣсь мы вновь приведемъ французскую пословицу «Il n'y a pas de rose sans épines». Эллегическій и декламаціонный стиль Беллини ока-

залъ весьма важную услугу драматической музыкѣ. Онъ замѣнилъ наслажденія слуха наслажденіями сердечными; но къ сожалѣнію, масса слушателей неспособна къ слишкомъ разнообразнымъ впечатлѣніямъ, и хотя Беллини оставилъ въ каденцахъ и нѣкоторыхъ окончательныхъ кабалетахъ фіоритуры и различныя трудности, публика, затронутая глубокими, душевными впечатленіями, перестала обращать исключительное вниманіе на искусство пѣвцовъ. Слушатели приходили въ восторгъ отъ выразительнаго пѣнія, и холодно выслушивали рулады. Пѣвцы, замѣтивъ вкусъ публики, стали пренебрегать солфеджіями и вообще основательнымъ изученіемъ труднаго искусства пѣнія. Звучный и вѣрный голосъ, хорошій выговоръ, и менѣе или болѣе чувства, были достаточными орудіями для совершеннаго успѣха. «Разумѣется что рѣчь идетъ о массѣ пѣвцовъ; артисты же, подобные Рубини, Тамбурини, Віардо и проч., составляютъ исключеніе. Они хотя иногда, повидимому, и подчиняются вкусу большинства публики, но истинно артистическая ихъ природа побуждаетъ ихъ изучать сокровеннѣйшія и драгоцѣннѣйшія тайны искусства, почему и бываютъ замѣтны въ ихъ исполненіи проблески, обозначающіе другую эпоху искусства, различную съ современнымъ направленіемъ.

Мало-по-малу основныя начала и правила хорошей методы стали исчезать, и послѣ смерти Беллини едва осталось въ Италіи нѣсколько избранныхъ артистовъ, вѣрныхъ стариннымъ преданіямъ, но и тѣ спѣшили оставить родину и разсѣялись по Европѣ.

Къ тому же всегда находятся люди, стремящіеся къ преувеличенію. Беллини удачно выражалъ тихія сердечныя, меланхолическія чувства; энтузіасты драматической выразительности не довольствовались этимъ: имъ хотѣлось перенести на лирическую сцену порывы бурныхъ страстей, изступленія, гнѣва и ревности. Вотъ при какихъ обстоятельствахъ появился въ Италіи Верди.

Онъ засталъ искусство пѣнія въ упадкѣ, а вкусъ публики стремящимся къ преувеличенію истиннаго драматическаго чувства. Не находя хорошихъ пѣвцовъ. Верди прибѣгнулъ къ вспомогательнымъ средствамъ шумнаго оркестра; онъ ввелъ безпрестанное употребленіе громкихъ инструментовъ, трубъ, тромбоновъ, офиклеидъ и даже турецкаго барабана.

Пѣвцы, нерѣдко заглушенные громкими своими союзниками, то-есть, инструментами, оркестра, котораго непосредственное назначеніе сопровождать пѣніе, а не заглушить его, стали неимовѣрно форсировать голосъ, надрываться и, наконецъ, кричать.

Первыя оперы Верди Nabucco, Ernani, Lombardi, и многія другія наполнены маршами, хорами, громко и сильно инструментованы, но

истиннаго пѣнія, хорошаго кантабиле, вѣрной декламаціи въ нихъ весьма мало. Не менѣе того, у Верди много дарованія и въ вдохновеніи нѣтъ недостатка; доказательствомъ тому служитъ, что музыкальную его фразу не по обстановкѣ, но по одному ея очерку можно узнать; это доказываетъ, что у него есть свой типъ, своя печать такъ-сказать, а въ искусствахъ вообще это весьма важно. Впрочемъ, очевидно, что когда Верди писалъ первыя свои оперы, онъ еще мало былъ знакомъ съ искусствомъ пѣнія, потому-что бо́льшая часть мотивовъ задуманы скорѣй для какого-нибудь духоваго или струннаго инструмента, чѣмъ для человѣческаго голоса. Вникните, напримѣръ, въ поллаку Ломбардовъ — мелодія ея, конечно, прекрасна, исполнена жизни и огня; но вокализація въ ней совершенно *инструментальная*, если можно такъ выразиться.

Давно носились слухи, что Верди вслушался наконецъ въ справедливыя жалобы пѣвцовъ, вникнулъ въ нѣкоторыя безпристрастныя критики, и измѣнилъ нѣсколько свою шумную методу. Говорили, что въ операѣ «Риголетто» совершился этотъ важный переворотъ.

Вотъ и у насъ поставили на сцену Риголетто! Дѣйствительно въ Риголетто менѣе шуму, чѣмъ въ предшествовавшихъ ей операхъ; декламація гораздо естественнѣе; пѣвцы не вынуждены кричать; инструментовка не оглушительна, разнообразна и занимательна. Во многихъ мѣстахъ Верди выказываетъ истинно поэтическія — музыкальныя намѣренія. Но къ сожалѣнію, самостоятельный Вердіевской типъ, по которому можно было узнать музыкальную фразу Верди по одному ея очерку, почти совершенно утраченъ въ операѣ Риголетто. Мелодіи ея правильнѣе прежнихъ, но часто напоминаютъ мелодія другихъ композиторовъ, и въ тональности (la tonalité) замѣчается какая-то изысканность, которой прежде не было замѣтно у Верди. Впрочемъ, послѣднее обстоятельство доказываетъ только, что маэстро еще не сталъ ловко на новой стезѣ, но, судя по дарованію Верди, можно надѣяться, что самостоятельность его ярче выкажется, когда онъ болѣе свыкнется и усвоитъ себѣ новый свой стиль.

Послѣдній актъ въ Риголетто — самый замѣчательный; въ немъ много музыкальнаго колорита, т. е. характеры дѣйствующихъ лицъ ярко очерчены, музыкальныя фразы умѣстны и выразительны, инструментація интересна и живописна.

Въ этомъ актѣ особеннаго вниманія заслуживаетъ квартетъ, въ которомъ разнородные характеры прекрасно выражены мелодически, и отлично обрисованы, отъ начала до конца. Граціозное и веселое пѣніе тенора, ироническій смѣхъ контральта, удачно изображенный двузвязными нотами, выразительное и грустное пѣніе сопрано, перерывающіяся фразы

баритона, все это искусно сочетается, но не сливается, — и каждую музыкальную фразу можно различить и прослѣдить отъ начала до конца анданте. Въ-теченіе того-же акта, Верди мастерски употребилъ въ дѣло *грозу* и *молнію*, которая сливается въ оркестрѣ хроматическими гаммами и быстрыми тріолетными фразами, не мѣшая ходу гармоніи и развитію другихъ музыкальныхъ мыслей. — Послѣ Риголетто, Верди написалъ оперу «Луиза Миллеръ». Сюжетъ этотъ почерпнутъ изъ драмы «Коварство и любовь». По словамъ Берліоза, турецкій барабанъ вовсе изгнанъ изъ этой оперы, и успѣхи Верди въ развитіи музыкальныхъ мыслей и въ правильной декламаціи весьма замѣтны. Душевно радуемся! потому-что музыкальное вліяніе Верди въ Италіи чрезвычайно велико, — слѣдовательно и благоразумная перемѣна въ его стилѣ непременно отзовется и въ искусствѣ пѣнія; а всѣмъ извѣстно, что въ хорошихъ пѣвцахъ нынѣ большой недостатокъ. Говорятъ, что въ январѣ мѣсяцѣ Верди поставилъ новую оперу въ Римѣ, подъ названіемъ «Il Trovatore». Опера имѣла успѣхъ, но подробностей насчетъ ея, еще не имѣется.

—

Судя по всегдашнему стеченію публики въ операхъ Мейербера можно заключить, что первенство успѣха въ истекшій сезонъ осталось за нимъ. Мы почитаемъ не лишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ, какъ о происхожденіи знаменитаго маэстро, такъ и о произведеніяхъ его вообще.

Мейерберъ родился въ Берлинѣ 1794 года. Богатое состояніе его родителей было не малою помѣхою въ избранномъ имъ артистическомъ поприщѣ; его предназначали къ болѣе положительной и *выгодной* карьерѣ; но истинное призваніе Мейербера восторжествовало надъ препятствіями, и онъ совершенно предался раціональному изученію музыки. — Главный его наставникъ въ *таинствахъ* гармоніи и контрапункта былъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ теоретиковъ Германіи, аббатъ Фоглеръ. У аббата Мейерберъ познакомился и подружился съ Карломъ-Маріею-Веберомъ. Веберъ имѣлъ не малое вліяніе на музыкальной стиль молодаго композитера, обративъ особенное его вниманіе на изученіе оркестровки. На 18-мъ году отъ рожденія Мейерберъ выступилъ на лирическое поприще трехъ-актной оперой «La fille de Jephté». Эта опера (написанная вѣроятно на нѣмецкій текстъ) была представлена въ Мюнхенѣ и не имѣла никакого успѣха. — Неудача не испугала молодаго маэстро! Годъ спустя, ему удалось поставить въ Вѣнѣ новую оперу, подъ названіемъ «Les deux califes». Таже участь постигла и новое произведеніе, и Мейерберъ въ томъ-же году, по совѣту извѣстнаго композитора Сальери, отправился въ Италію. — Въ Венеціи Мейерберъ услышалъ въ первый разъ «Танкреда»

Россини. — Прелестная эта опера (въ мелодическомъ отношеніи) такое произвела впечатлѣніе на Мейербера, что несмотря на сильное его предубѣжденіе противъ итальянской музыки, онъ тотчасъ-же рѣшился попробовать написать оперу на итальянскомъ языкѣ. — Въ Падуѣ ему посчастливилось, и первая его итальянская опера «Romilda e Costanza» имѣла блистательный успѣхъ — частію по милости знаменитой Пизарони, которая исполняла главную роль *. Вслѣдъ за тѣмъ и въ-продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ Мейерберъ не переставалъ писать для Италіи. Emma de Rosburgo, Margherite d'Anjou, Il Crociato (который былъ поставленъ въ Венеціи въ 1825 году) упрочили славу Мейербера въ Италіи и сдѣлали имя его извѣстнымъ и въ другихъ странахъ.

Въ 1825 году, Мейерберъ былъ призванъ въ Парижъ, для постановки оперы его Il Crociato. **

Вскорѣ послѣ представленія il Crociato, Мейерберъ приглашенъ былъ написать большую оперу, собственно для парижской сцены. Мейерберъ весьма хорошо понялъ, что для парижской Большой Оперы нельзя писать также, какъ для Италіи. — Французамъ нужна интересная драма, великолѣпный спектакль, танцы и пр.; одними мелодіями ихъ не затронешь.—Мейрберъ сталъ прилѣжно изучать всю старинную и современную французскую музыку, и въ головѣ его набралось столько французскихъ мелодій, что онъ во множествѣ набросалъ ихъ въ 1-мъ своемъ произведеній, написанномъ для парижской сцены. Но развитіе мыслей, необычайный музыкальный колоритъ, драматическое очертаніе дѣйствующихъ лицъ дѣлаютъ изъ «Роберта» высоко-художественное произведеніе. — Въ Робертѣ ясно выказывается глубокая мысль: изобразить духовную борьбу злаго начала съ вліяніемъ добрыхъ и чистыхъ помышленій.—Мрачные звуки Бертрама шипятъ и *зміятся* въ-теченіе оперы и составляютъ отличный контрастъ съ простыми, наивными кантиленами Алисы.—Описать всѣ красоты «Роберта» мѣсто намъ не позволяетъ; къ тому же мы разобрали уже разъ эту оперу во всѣхъ ея подробностяхъ въ трехъ длинныхъ статьяхъ. Нынѣ мы скажемъ только, что интродукція перваго акта, финалъ, всѣ танцы вообще, заклинаніе съ тромбоннымъ соломъ (которое хотя и имѣетъ свое начало въ безсмертной фразѣ тоже тромбона въ Requiem Моцарта, но производитъ

* Замѣтимъ здѣсь, что почти всѣ нѣмецкіе великіе драматическіе композиторы писали оперы на итальянскія слова, многіе даже изучали композиціи въ Италіи. Глюкъ, Гендель. Гайднъ, Моцартъ написали множество итальянскихъ оперъ.—Мнѣ кажется, что изъ числа истинныхъ знаменитостей, одинъ Веберъ составляетъ въ этомъ случаѣ исключеніе.

** Россини былъ также призванъ въ Парижъ въ 1821 году. Роковое сближеніе въ исторіи искусства, потому-что носились слухи, будто-бы огромнѣйшій успѣхъ «Роберта» причиною преждевременнаго молчанія Россини.

невыразимое впечатлѣніе и въ Робертѣ), молитва, окончательный терцетъ, всѣ мѣста, нами названныя, останутся навсегда образцовыми музыкальными произведеніями.

Съ появленія «Роберта» Мейерберъ сталъ во главѣ современныхъ композиторовъ, и каждое изъ рѣдкихъ его новыхъ твореній, появлявшихся десятилѣтіями, составляетъ эпоху въ музыкальномъ мірѣ.

И Россини болѣе двадцати лѣтъ хранитъ упорное молчаніе?! Россини, величайшій современный мелодическій геній, терпѣливо переноситъ первенство счастливаго соперника! Россини не состязается! непонятно!

Десять лѣтъ спустя послѣ «Роберта», т. е., если не ошибамся, въ 1839 году, Мейерберъ поставилъ на парижской же сценѣ «Гвельфовъ и Гибеллиновъ». Въ этой операѣ, намъ кажется, еще болѣе чувства и энергіи.—Въ ней маэстро противупоставилъ мирское суетное чувство строгому, религіозному убѣжденію.—Въ прелюдіи Мейерберъ мастерски сочеталъ величественный хоралъ съ живыми, веселыми музыкальными фразами.—Мотивы эти сочетаются, какъ мы выразились, но не сливаются, а рѣзко отдѣляются другъ отъ друга.—Музыкальное очертаніе характера Марселя выдержано отъ начала до конца, и хоралъ Лютера проходитъ чрезъ всю оперу, сокрушая часто на пути, строгимъ своимъ величіемъ, игривыя мирскія мелодіи.

Въ третьемъ актѣ, во-время кроваваго заговора, талантъ Мейербера достигаетъ величайшихъ размѣровъ.—Первая фраза, «pour cette cause sainte», не имѣетъ, повидимому, сначала, большаго мелодическаго значенія; но тутъ композиторъ доказалъ, что значитъ умѣнье развить музыкальную мысль и окружить ее всѣми сокровищами гармоніи, контрапункта и могущественной оркестровки. — Съ каждымъ изложеніемъ основная мысль ростетъ и принимаетъ новый видъ.

Вскорѣ входятъ главные заговорщики и за ними толпа народа; въ оркестрѣ раздаются трубные, продолжительные, зловѣщіе звуки.—Страшно звучитъ неумолкаемая труба, какъ-бы напоминая непреклонность кроваваго замысла.—Тяжелая, свинцовая можно сказать музыкальная мысль служитъ очертаніемъ преступныхъ намѣреній заговорщиковъ. — Одинъ изъ нихъ излагаетъ въ речитативѣ гнусныя наставленія для предстоящаго кровопролитія —Въ оркестрѣ глухо раздаются стоны и жалобы; мѣдные инструменты тихо содрагаются на нижнихъ нотахъ, скрипки взвизгиваютъ и извиваются.—Волненіе болѣе и болѣе увеличивается, ростетъ, возвышается; въ изступленіи фанатизма всѣ заговорщики обнажаютъ мечи, и въ это время разоблачается вновь основная мысль, но въ новомъ, поразительнѣйшемъ изложеніи: — голосныя массы, духовые и мѣдные инструменты и басы оркестра исполняютъ мелодію

унисонно;—скрипки тріолетами упорно звучатъ на верхнемъ si.—По окончаніи каждаго ритма, т. е. послѣ каждыхъ четырехъ тактовъ, весь оркестръ поднимается и опускается громовымъ crescendo.—Духъ захватываетъ, слушая эти ужасающіе звуки, и, признаюсь откровенно, что, къ стыду моему, я заплакалъ, какъ ребенокъ, когда въ первый разъ услыхалъ этотъ поражающій музыкальный эфектъ.

Изумительно, что послѣ такого огромнаго развитія массъ и сильной звучности, впечатлѣнія еще не истощаются, и слѣдующій за симъ дуэтъ слушается съ напряженнымъ вниманіемъ.—Причиною тому истинно драматическое положеніе дѣйствующихъ лицъ и удачный выборъ мелодій, которыя представляютъ самый разительный контрастъ съ предыдущими музыкальными фразами.

Въ 1849 году, Мейерберъ поставилъ въ Парижѣ «Осаду Гента» * Много было толковъ объ этой оперѣ.—Иные приписывали огромный ея успѣхъ постороннихъ обстоятельствамъ, независящимъ отъ достоинствъ музыки; увѣряли, что великолѣпная обстановка, катанье на конькахъ, электрическое освѣщеніе и пр. не мало содѣйствовали ея успѣху.—Другіе утверждали, что въ этой оперѣ стиль Мейербера достигъ до полнѣйшаго драматическаго развитія, и что никогда еще самостоятельность знаменитаго маэстро не выказывалась такими яркими красками.

Наконецъ, въ концѣ прошедшаго сезона, и у насъ поставлена была новая опера Мейербера.—Трудно еще рѣшить, что произвело болѣе всего впечатлѣнія на публику въ этой оперѣ: музыка-ли? или великолѣпная обстановка и роскошные *аксесуары*.—Основная мысль драмы кажется намъ не совсѣмъ удачною. — Въ «Робертѣ» сюжетъ фантастическій, въ «Гвельфахъ и Гибеллинахъ» касается возвышеннѣйшихъ человѣческихъ чувствъ. — Въ новой-же оперѣ вся завязка основана на томъ, что злонамѣренные люди увлекаютъ въ преступные свои замыслы легковѣрнаго которой оказывается въ-послѣдствіи порочнымъ властолюбцемъ, предпочитающимъ самоубійство искренному раскаянію.—Отступничество самозванца отъ матери даетъ поводъ конечно къ весьма драматической сценѣ,—но самое основаніе драмы шатко и не имѣетъ возвышеннаго интереса.—Мысли Мейербера такъ тѣсно соединяются съ мыслью драмы, что недостатки поэмы необходимо отражаются и въ музыкѣ оперы.—Въ «Гвельфахъ» хоралъ Лютера служитъ, такъ-сказать, прочнымъ основаніемъ, на которомъ сооружаются, развиваются и красуются другія музыкальныя мысли.

* Послѣ «Гвельфовъ и Гибелиновъ» Мейерберъ написалъ оперу «Силезскій лагерь», но не видавъ ее на сценѣ, мы почитаемъ себя не въ правѣ ее описывать.

Величественная эта фраза съ твердостію гранита выдерживаетъ всѣ гармоническія украшенія, изобильные контрапункты и измѣненія ритма, которые плодовитое воображеніе композитора смѣло громоздитъ на ней. Въ новой оперѣ есть также хоралъ, который появляется неоднократно; но ханжество анабаптистовъ отразилось и на вымыслѣ этой музыкальной фразы. На шаткой мысли невозможно соорудить ничего прочнаго.

Хоралъ «въ Осадѣ Гента» бѣденъ и тощъ; вотъ почему Мейерберъ не украсилъ его контрапунктами; маэстро въ-теченіе оперы изрѣдка прибѣгаетъ къ сильной звучности для изложенія хорала, но излагаетъ его въ одномъ и томъ же тонѣ, безъ всякаго измѣненія гармоніи, и наконецъ, какъ бы самъ убѣжденный въ безсиліи музыкальной этой мысли, покидаетъ ее, не удостоивъ малѣйшаго развитія. Конечно и въ новой оперѣ, Мейерберъ выказываетъ глубокое обдумываніе предмета, искусство въ оркестровкѣ, умѣнье приготовить и произвести музыкальные эфекты; но намъ кажется, что вся опера непроникнута высокою, творческою мыслію. Самая замѣчательная и интересная роль въ оперѣ, безспорно принадлежитъ Фидесѣ; основанная на безпредѣльной материнской любви, она возвышается надъ прочими ролями, двигателями коихъ (исключая Берты) менѣе или болѣе преступныя страсти. Мейерберъ, вынужденный соблюсти постепенность въ развитіи характера Фидесы, сдѣлалъ роль ея, такъ-сказать, двойственною. Сначала драмы, Фидеса представлена какъ женщина добрая и простая; вотъ почему и кантилены ея чрезвычайно просты и напоминаютъ отчасти фактурою пѣсни или романсы. Но съ той минуты, какъ Фидеса услышала, что народъ возноситъ мольбы за благоденствіе самозванца, котораго она признаетъ виновникомъ всѣхъ бѣдствій отечества и собственныхъ ея несчастій, съ той минуты, какъ она, въ незнаніи, проклинаетъ своего сына, думая проклинать злодѣя, извѣстнаго ей только по его преступленіямъ, музыкальный очеркъ характера Фидесы вдругъ измѣняется, и высокій лиризмъ преобладаетъ во всѣхъ ея выраженіяхъ. Конечно эти перемѣны вынуждены драматическимъ положеніемъ; но не нарушаетъ ли это художническаго единства, и можетъ ли вдругъ, внезапно, добрая и простая старушка преобразоваться въ величественную Норму? Это еще вопросъ!!

Роль Іогана, сына Фидесы, намъ кажется, также немного натянута, неестественна, и эти недостатки съ такимъ колористомъ, какъ Мейрберъ, разумѣется отражаются и на музыкѣ. Въ роли Іогана всего *двѣ* небольшія естественныя и милыя кантилены (мы здѣсь не упоминаемъ о вакхической пѣсни, а почему — объяснимъ ниже).

Перва яфраза «le jour baisse et ma mère» прекрасна именно своею

простотою (несмотря даже на вычурную гармонію въ окончаніи ритма). Тутъ Іоганъ выражается просто — потому-что и положеніе его естественно.

Разсказывая свое сновидѣніе, Іоганъ самъ не свой, и въ-слѣдствіе этого прибѣгаетъ къ такимъ изысканнымъ звукамъ, что врядъ ли самъ Маріо узнаетъ свой собственный голосъ. Въ этомъ *симфоническомъ* речитативѣ есть, конечно, прекраснѣйшія мѣста, какъ напримѣръ: ритурнель, который подтверждаетъ, такъ-сказать, предсказаніе сновидѣнія, тихо обрисовывая мелодію женскаго хора, во-время коронованія, и возгласъ Іогана «Clemenza». Но неужели можно или слѣдуетъ такъ писать для голоса? Время рѣшитъ! Послѣ сновидѣнія Іоганъ поетъ pastorale: pour Bertha moi je soupire. Эти мелодіи прелестны, и прелестны потому именно, что онѣ естественны и что въ этомъ мѣстѣ характеръ Іогана простъ и натураленъ. Но съ той минуты, какъ онъ предается вліянію анабаптистовъ, бѣдный трактирщикъ Іоганъ самъ себя не понимаетъ.

Почти до самаго конца оперы, всякой разъ, какъ ему приходится пѣть, онъ вдается въ самую неслыханную гармонію. Гимнъ «Dieu des rois» подлежитъ исключенію; онъ величественъ и гармонія его замысловата. Въ особенности насъ *поражаетъ* гармоническая прогрессія во время *экзорсизма*. Просимъ любителей изучить эту прогрессію и сдѣлать ей логическое опредѣленіе! и тѣмъ болѣе досадно, что это очевидно только капризъ композитора, потому-что того же воздушнаго, колебающагося ефекта можно было бы достигнуть правильною гармоніею, — обстоятельство, конечно извѣстное Мейерберу болѣе, чѣмъ кому-нибудь.

Въ самомъ почти концѣ оперы оказывается, какъ мы говорили, что Іоганъ порочный властолюбецъ, и болѣе ничего. Мы видимъ его окруженнаго одалыками, съ кубкомъ вина въ рукахъ; — онъ безпечно распѣваетъ, въ то-время, какъ уже сдѣланы имъ самимъ распоряженія похоронить себя и всѣхъ присутствующихъ на пиршествѣ, подъ развалинами великолѣпнаго замка. Можно ли имѣть участіе къ подобному человѣку? И что могъ придумать для него маэстро иначе, какъ вакхическую пѣснь. Но вотъ обстоятельство, превышающее наши понятія! Фидеса, вѣрная, преданная Фидеса, которая достигаетъ до величія безпредѣльностію любви своей къ заблудшемуся сыну — является на сцену, чтобы умереть вмѣстѣ съ нимъ, и къ несказанному нашему удивленію, поетъ также *вакхическую пѣснь*.

Кстати! Вслушайтесь хорошенько въ мелодію этой пѣсни, которую Маріо поетъ между прочимъ безподобно! вслушайтесь! и съ ужасомъ узнаете въ ней, подъ прикрытіемъ легкаго темпа въ $^6/_8$ л., безсмерт-

ный мотивъ изъ Донъ-Жуана «Laci darem la mano». Какъ и почему это сдѣлано, объяснить мы не беремся, но всякій разъ, какъ мы слышимъ вакхическую пѣснь, странное это сходство — болѣзненно сжимаетъ наше сердце. Мы разсматривали двѣ главныя роли этой оперы съ драматической точки, стараясь изыскать, какое вліяніе имѣлъ вымыселъ поэта на вымыселъ музыканта. Что же касается до музыки вообще, то въ новой оперѣ есть много прекрасныхъ отдѣльныхъ пьесъ. Въ первомъ актѣ замѣчательнѣе прочихъ интродукція, tempo di marcia хора анабаптистовъ, дуэтино «Ah monseigneur», вальсъ въ трактирѣ, романсъ Маріо, и Віардо.

Во второмъ актѣ танцы и катанье на конькахъ обратили на себя особое вниманіе публики; далѣе терцетъ названный, буффо.

Въ концѣ 2-го акта замѣчательны электрическое солнце и гимнъ. Третій актъ, безспорно, интереснѣе всѣхъ, какъ въ музыкальномъ, такъ и въ драматическомъ отношеніяхъ; къ сожалѣнію однакожъ, интересъ музыкальный не выдержанъ въ финалѣ, и вдохновеніе маэстро вдругъ прекращается послѣ хора, который поется во-время присяги самозванца. Вообще намъ кажется, что новая опера далеко уступаетъ предъидущимъ операмъ Мейербера — и въ особенности въ *мелодическомъ* отношеніи. Намъ возразятъ, что есть драматическія положенія, которыя не дозволяютъ пространныхъ мелодій;

«Кто сильно чувствуетъ
«Тотъ не теряетъ словъ».

сказалъ мнѣ одинъ любитель. Согласенъ! но въ такомъ случаѣ замолчите! а не повторяйте одно и тоже десять разъ, какъ напр. фразу «L'ingrat il ne me reconnait pas». Но почему же эта *мелодія* вамъ не нравится? спросите вы почтенный читатель. Попробуемъ удовлетворить вашему любопытству.

Въ піитикѣ составъ стихотворнаго періода опредѣленъ слѣдующимъ образомъ «Соединеніе стиховъ, выражающихъ мысль вполнѣ развитую и «оконченную, образуетъ *періодъ стихотворный*».

Совершенно тоже можно сказать о мелодіи. Члены періодовъ, которые отдѣляются другъ отъ друга, вмѣсто знаковъ препинаній четверть и полукаденцами, составляютъ періоды, отдѣляющіеся цѣлыми каденцами; нѣсколько же періодовъ составляютъ *мелодію*, которую тогда только можно назвать хорошею, когда она *полна, развита* и *окончена*. Изложите напр: слѣдующую мысль:

Терекъ воетъ дикъ и злобенъ!

Повторяйте эту фразу сколько вамъ угодно разъ, говорите ее тихо,

прокричите ее во весь голосъ, мысль отъ этого не измѣнится, и слушатель составляетъ себѣ только весьма ограниченное понятіе о томъ, что «Терекъ и дикъ и злобенъ.»—Но пополните эту фразу:

Терекъ воетъ, дикъ и злобенъ,
Межъ утесистыхъ громадъ,
Бурѣ плачь его подобенъ,
Слезы брызгами летятъ.

Тогда представляется воображенію цѣлая жизненная картина, — мысли здѣсь находятся въ логической послѣдовательности, и воображеніе и разумъ вполнѣ удовлетворены. Хорошія мелодіи должны быть сооружены совершенно на тѣхъ-же самыхъ основаніяхъ; члены періодовъ, должны, такъ-сказать, истекать одинъ изъ другаго, ритмъ долженъ соотвѣтствовать другому ритму, и всѣ мысли должны быть изложены ясно и логично. Позвольте кстати обратить ваше вниманіе на удивительное открытіе, сдѣланное г. Скудо въ области искусства.

Въ Revue des deux Mondes 15 декабря прошлаго года, говоря о неспособности Верди развивать мелодическія мысли, г. Скудо выражается слѣдующимъ образомъ «L'art de developper une idée melodique s'appelle dans science tout simplement contrepoint. — Каково положеніе? вотъ вся наша наука и терминологія, разрушенная до основанія.

То, что̀ почиталось *гармоніею*, дѣлается *мелодіею*, и вѣроятно на оборотъ.—Въ теоретическихъ книгахъ (*у Рейхе напр.*) сдѣлано слѣдующее опредѣленіе контрапункту.

«Les mots contrepoint et harmonie sont synonymes» etc., и далѣе «Bien que le mot contrepoint pris à la lettre signifie harmonie; on n'emploie ce mot dans la pratique moderne que pour désigner une harmonie renversable.—То-есть, хотя контрапунктъ значитъ, гармонія т. е. (сочетаніе двухъ, трехъ и болѣе голосовъ), но подъ этимъ именемъ обыкновенно подразумѣваютъ и гармонію *удобо-обращаемую*,—т. е. изобличаются такого роду музыкальныя фразы, которыя могли-бы безъ всякаго измѣненія быть переносимы изъ однаго голоса въ другой. — Наконецъ, скажемъ, что самое слово contrepoint означаетъ *точка* противу *точки*, или нота противъ ноты, а не нота за нотою.— Слѣдовательно, мелодію можно украсить *контрапунктомъ*,—но развиваютъ ее другими способами, потому-что мелодія можетъ-быть исполнена въ полномъ ея развитіи *однимъ голосомъ*, а для контрапункта необходимы, покрайней-мѣрѣ, *двѣ партіи*

Впрочемъ: И на старуху
Бываетъ *проруха*

Или приводимъ пословицу, которая гораздо полезнѣе въ житейскомъ быту.

«Каждый сверчокъ
Знай свой шестокъ.»

Ergo—tacet какъ пишется нерѣдко въ партіяхъ оркестра; (желательно чтобы для турецкаго барабана это выраженіе писалось-бы почаще.)

РОСТИСЛАВЪ.

II.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Драмы изъ романовъ и *Три Мушкетера.* — Бенефисъ Мондидье — Бенефисъ Бертона. — Возобновленныя пьесы. — Водевили въ бенефисѣ г-жи Мила. — *Edgard et sa bonne.* — Бенефисъ г-жи Мейеръ. — Пьесы Баяра — *Урна.* — Новая драма Эмиля Ожье. — Водевили въ бенефисъ г-жи Вольнисъ. — Комедія изъ оперы и новая пьеса со старымъ сюжетомъ. — Статистическіе выводы изъ обзора прошлогодней дѣятельности французской труппы. — Составъ труппы, ея согласіе и усовершенствованіе.

Первые два мѣсяца нынѣшняго года, — послѣдніе прошлогодняго сезона, замѣчательны нестолько количествомъ, сколько качествомъ новыхъ и возобновленныхъ пьесъ, игранныхъ въ это время. Ихъ было всего двадцать одна. Скажемъ нѣсколько словъ о каждой, по порядку ихъ появленія на сценѣ.

Въ бенефисъ г. Мондидье шла *хроника* въ *девяти* картинахъ: *Молодость Мушкетеровъ* (La jeunesse des mousquetaires), взятая изъ извѣстнаго романа Дюма имъ же самимъ. Несмотря на громкое названіе пьесы, это не только не *хроника,* — къ какимъ принадлежатъ историческія драмы Шекспира, но даже и просто не пьеса, а наборъ отдѣльныхъ сценъ изъ романа, то идущихъ подрядъ, какъ въ романѣ, то прерывающихся вдругъ въ-продолженіе нѣсколькихъ томовъ, — безо всякой причины, — точно также, какъ безо всякой причины выбирались изъ романа другія сцены для драмы. Есть между этими сценами и занимательныя, есть и утомительныя, но цѣлаго никакъ не поймете лицо, нечитавшее романа. Впрочемъ, кто же изъ посѣщающихъ театръ не читалъ этаго романа, хотя бы въ русскомъ переводѣ? Кого не интересовали, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, эти Атосы, Портосы, Арамисы, — господа весьма храбрые и почтенные, хотя и несовсѣмъ правдоподобные и возможные. И кто станетъ требовать, въ наше время, правдоподобія отъ романа? Недовольно-ли того, если онъ займетъ насъ на нѣсколько часовъ, дней, или мѣсяцевъ? А если эти мѣсяцы сложатся въ года, и любопытство наше не охладѣетъ, если судьба героевъ романа не перестаетъ занимать насъ въ промежутки между важными занятіями и не-

обходимыми развлеченіями, — не довольно ли этого для успѣха романа, для славы автора? Чéго еще въ-правѣ мы требовать отъ писателя: психологическихъ изслѣдованій, анатомическаго анализа свойствъ и страстей человѣка?... Но вѣдь чтеніе подобныхъ произведеній тотъ же трудъ,—а развѣ мы и безъ того мало трудимся въ жизни? Люди, понимающіе дѣло, не будутъ требовать отъ романа ничего, кромѣ самаго романа, то-есть выдумки, сказки, невозможнаго. На что́ намъ возможное? Оно около насъ, подлѣ насъ, въ насъ самихъ, и наскучило намъ именно потому, что возможно. Давайте намъ Монте-Кристо съ его мильонами, Мушкетеровъ.... у этихъ, правда, нѣтъ мильоновъ, но легко могли бы быть, еслибы они ихъ не пропивали, не проѣдали и не употребляли на другія занятія. И если пріятно встрѣчаться съ подобными героями въ романѣ, то, конечно, еще пріятнѣе видѣть ихъ олицетворенными, живыми на сценѣ. Мы жалѣемъ только, что въ хроникѣ девять картинъ, а не девяносто-девять; что самая незначительная часть подвиговъ мушкетеровъ умѣстилась въ этихъ девяти картинахъ; что авторъ не переложилъ всѣхъ главъ въ явленія, всего романа въ пьесу. Къ сожалѣнію, мы сами видимъ, что это невозможно. Читать можно съ толкомъ, съ чувствомъ, съ разстановкой; смотрѣть и слушать надо напряженно, усиленно, постоянно. Надъ романомъ можно, почитавъ его, уснуть немножко, и проснувшись, опять спокойно приняться за продолженіе.... Можно, конечно, уснуть и въ піесѣ—что́ и пробовали, какъ намъ показалось, нѣкоторыя лица, вѣроятно не такъ хорошо знавшіе романъ;—но во-первыхъ, отъ сна могъ очень непріятно разбудить вопль какого-нибудь героя, у котораго отравляютъ его возлюбленную, а во-вторыхъ, вздремнувъ хотя на нѣсколько минутъ, можно потерять нить пьесы, безъ того поминутно прерывающуюся, и не понять наконецъ ровно ничего изо всей этой массы лицъ и происшествій, мѣняющихся передъ вашими глазами съ калейдоскопическою быстротою. Мы ни однимъ глазомъ не спали во-время представленія драмы, но еслибы насъ спросили: почему одно явленіе слѣдовало за предшествовавшимъ, зачѣмъ такое-то лицо выходитъ на сцену и о чемъ оно говоритъ, признаемся, — этотъ вопросъ поставилъ бы насъ въ большое затрудненіе. Мы не можемъ даже отвѣчать положительно, имѣла ли успѣхъ пьеса и понравилась ли публикѣ. Должно быть понравилась, потому что на масляницѣ ее играли довольно часто.

Водевиль *Обожженный мужъ* (Un mari brulé), игранный въ этотъ же бенефисъ, принадлежитъ къ числу пьесъ, которыя смотрятся съ удовольствіемъ, хотя и не оставляютъ потомъ никакого впечатлѣнія. Мужъ, обжегшій себѣ лицо, уѣзжаетъ отъ своей жены, изъ боязни,

чтобы она не разлюбила его, видя его безобразіе; когда же онъ вылечивается и возвращается, жена не узнаетъ его и не хочетъ вѣрить, чтобъ это былъ ея мужъ. Вотъ все содержаніе водевиля, оканчивающагося, разумѣется, благополучно.

Другой новый водевиль, данный въ бенефисъ Бертона: *Господинъ который никакъ не хочетъ уйти* (Un monsieur qui ne veut pas s'en aller) нѣсколько слабѣе: это исторія человѣка, явившагося нанимать квартиру въ домѣ, откуда еще не выѣхали прежніе жильцы и располагающагося въ этой квартирѣ, несмотря на сопротивленіе жильцовъ. Остальныя пьесы этого бенефиса были возобновленныя, но до-сихъ-поръ еще нравящіяся и дѣйствительно весьма замѣчательныя: это пятиактная драма *Шахъ* и *Матъ* (Echec et Mat) и одноактная *Ролла*. Въ первой изъ нихъ, хотя не совсѣмъ согласно съ исторіей, но хорошо очерчены Филлипъ IV, испанскій, и его дворъ. Во второй сильно и живо изображены страданія художника, принужденнаго разбить свою статую, въ которую онъ перелилъ всю жизнь.

Въ третій бенефисъ—г-жи Мила—шли пять новыхъ водевилей; оперѣ изъ которой передѣланъ одинъ изъ этихъ водевилей: *Одинъ часъ женитьбы* (Une heure de mariage), лѣтъ сорокъ, если небольше. Давали его и на русской сценѣ подъ тѣмъ же названіемъ. Содержаніе ея состоитъ въ томъ, что строгій дядюшка требуетъ, чтобы племянникъ его женился непремѣнно на одной особѣ, и тотъ проситъ эту особу согласиться назваться его женою, хотя она уже замужемъ и самъ онъ женатъ. Изъ заблужденія дяди происходитъ множество сценъ смѣшныхъ, потому-что ихъ прекрасно разыгрываютъ, но черезъ чуръ избитыхъ и устарѣлыхъ по положенію. Другой водевиль этого бенефиса: *Гостепріимство* (l'Hospitalité) также весьма пустой. Одна гризетка даетъ у себя убѣжище другой, и та, въ благодарность, спасаетъ ее отъ одного волокиты, доказавъ ей, что этотъ господинъ волочился прежде за ней... А еслибы она не знала его, то какъ бы спасла свою подругу?...

Третій водевиль, названный первымъ стихомъ извѣстной басни Лафонтена: *Deux coqs vivaient en paix*, хорошъ потому, что заранѣе знаешь его содержаніе изъ самаго названія и афиши дѣйствующихъ лицъ. Два зажиточные крестьянина живутъ мирно, покамѣсть къ нимъ не пріѣзжаетъ ихъ двоюродная сестра изъ Парижа, въ которую они оба влюбляются; но она объявляетъ имъ, что уже невѣста, и они успокоиваются. Незамысловато и неинтересно.

Четвертый водевиль *La femme aux oeufs d'or* заключается вотъ въ чемъ: Племянникъ, чтобы выманить денегъ у двухъ дядюшекъ, пишетъ одному, что женатъ на испанкѣ, другому—на англичанкѣ. Тѣ присылаютъ

ему денегъ на свадьбу, потомъ на крестины. Онъ сбирается просить денегъ на похороны жены, какъ вдругъ оба дядюшки пріѣзжаютъ въ одно время; но племянника выручаетъ изъ бѣды его сосѣдка, олѣвающаяся поперемѣнно испанкою и англичанкою и выдающая себя за жену племянника. Все это не ново, не правдоподобно но занимательно. Лучшею пьесою бенефиса и вообще однимъ изъ лучшихъ водевилей всего сезона былъ: *Edgard et sa bonne*. Это исторія молодаго человѣка, которому понравилась горничная его матери и который поставленъ, въ-слѣдствіе этого заблужденія молодости, въ весьма непріятное и затруднительное положеніе. Жаль только, что авторы водевиля прибавили нѣсколько вовсе ненужныхъ фарсовъ къ этому даже не смѣшному положенію.

Всего въ восемнадцать спектаклей января мѣсяца сыграно было десять новыхъ пьесъ.

Февраль начался бенефисомъ г-жи Мейеръ. Двухъ-актная комедія—водевиль Баяра: *Thérèse ou l'ange et diable* и трехъ-актная: *Матушкинъ сынокъ* (Un fils de famille) этого же писателя принадлежатъ къ послѣднимъ произведеніямъ этого замѣчательнаго водевилиста, умершаго такъ рано для искусства. Начавъ свое драматическое поприще съ сотрудничества Скрибу, Баяръ написалъ и самъ потомъ множество замѣчательныхъ пьесъ, до-сихъ поръ не сходящихъ съ репертуара. Въ каждомъ его произведеніи видно большое знаніе сцены и умѣнье поддерживать интересъ пьесы. Обѣ новыя пьесы его отличаются тѣми же самыми достоинствами. *Тереза*, не новая по идеѣ, выкупается именно мастерски веденнымъ ходомъ дѣйствія. Двѣ сестры, одна честная дѣвушка, другая порочная женщина, живутъ въ разныхъ слояхъ общества и такъ похожи другъ на друга, что дѣвушку всѣ принимаютъ за другую и на нее обрушиваются всѣ несчастія; она теряетъ доброе имя, жениха, и невинность ея обнаруживается только въ концѣ пьесы. Комедія расположена такъ, что обѣ сестры ни разу не встрѣчаются, и ихъ играетъ одна актриса. Г-жа Мейеръ прекрасно исполнила эту двойную роль. Немножко холодная въ тѣхъ мѣстахъ, отъ которыхъ требуется сильное и глубокое чувство, она неподражаема въ роляхъ наивныхъ и веселыхъ женщинъ. Напрасно только авторъ окончилъ комедію—трагедіею, заставивъ одного изъ ея обожателей убить виновную сестру,—конечно нечаянно. *Матушкинъ сынокъ* тоже очень занимательная исторія одного молодаго человѣка, поступившаго, несмотря на свое богатство, простымъ солдатомъ въ военную службу, чтобы искупить шалости молодости. Недостатокъ этой пьесы состоитъ только въ томъ, что она немножко длинна. Въ этотъ же бенефисъ играна была также премилая драматическая пословица остроумнаго *Октава Фелье*, — *Урна*, кото-

рую мы представляемъ въ переводѣ читателямъ въ нынѣшнемъ же нумерѣ нашего журнала,—и возобновленный водевиль: *A la belle étoile*, гдѣ всего два дѣйствующихъ лица, разныхъ половъ, и которымъ приходится, въ-слѣдствіе разныхъ приключеній, проводить вмѣстѣ ночь на улицѣ.

Въ бенефисъ нашей первой драматической артистки, г-жи Вольнисъ, шла наконецъ давно ожидаемая драма Эмиля Ожье, лучшаго современнаго французскаго драматурга — *Діана*. На нѣмецкой сценѣ она была еще прежде играна въ переводѣ. Весьма-бы желали мы увидѣть ее и на русской, гдѣ имѣлъ такой успѣхъ *Бенвенутто Челлини*, пьеса, несравненно слабѣйшая. *Діана*—лучшее произведеніе Ожье, послѣ *Авантюристки*, хотя и напоминаетъ нѣсколько извѣстную французскую драму *Marion de Lorme*. Сюжетъ ея основанъ на одномъ изъ заговоровъ противъ кардинала Ришелье и на извѣстномъ эдиктѣ кардинала, запрещавшемъ дуэли подъ смертною казнью. Молодой, бѣдный дворянинъ Польде Мирмандъ убиваетъ на поединкѣ маркиза де-Крюа, оскорбившаго его сестру, Діану. Де-Піеннъ скрываетъ у себя въ домѣ Поля, когда сыщики Ришелье являются взять преступника. Лаффема, видя, что Діана отправилась къ де-Піенну, заключаетъ, что она пошла на свиданіе съ братомъ. Діана, чтобы спасти брата, говоритъ, что она пришла на свиданіе не къ нему, но къ де-Піенну. Поль слышитъ это и не принимаетъ жертвы сестры, но выходитъ изъ своего убѣжища. Діана бѣжитъ во дворецъ просить у короля прощенія ея брату, и случайно дѣлается свидѣтельницею разговора Людовика XIII съ Ришелье; изъ этого разговора она узнаетъ всю великую душу кардинала, и видитъ, какъ онъ необходимъ для Франціи. Зная о заговорѣ и любя отечество болѣе всего на свѣтѣ, — она рѣшается предупредить Ришелье, и говоритъ, чтобы онъ не ходилъ на другой день къ герцогу Гастону, гдѣ его должны убить. Ришелье хочетъ полнаго признанія и именъ заговорщиковъ.—Я не могу назвать ихъ, потому-что люблю одного изъ нихъ, — отвѣчаетъ Діана. Видя ея непоколебимость, Ришелье прощаетъ ея брата, но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшается узнать тайну Діаны. Подозрѣвая, что она любитъ де-Піенна, онъ даетъ ему опасное порученіе, и Діана сама уговариваетъ его ѣхать. Де-Піеннъ предлагаетъ ей свою руку передъ отъѣздомъ, — Діана отказывается, говоря, что любитъ другаго. Де-Піеннъ уѣзжаетъ въ отчаяніи, рѣшаясь умереть, тогда какъ Діана, любя его страстно, только потому и отказалась отъ любви его, чтобы спасти его отъ мщенія Ришелье....

Вотъ блѣдный очеркъ этой превосходной драмы, написанной звучными, сильными стихами. Всѣ лица очерчены мастерски: король, кар-

диналъ, Лаффема, пылкій, но вѣтряный Поль, благородный де-Піеннъ, герцогиня де-Роганъ, гордая и ревнивая женщина, любящая де-Піенна, Гранденъ, заговорщикъ по неволѣ, Парнажонъ, типъ вѣрнаго слуги, и наконецъ, сама Діана, характеръ мужественный, непоколебимый, способный на всѣ жертвы.

Выполненіе этой трудной роли приноситъ честь г-жѣ Вольнисъ.

Всѣ остальные артисты также хорошо сыграли свои роли.

Два водевиля, игранные въ этотъ-же бенефисъ: *Двѣ капли воды* (Deux gouttes d'eau) и *Подтяжки Цезаря* (Les bretelles de César) очень забавны. Въ первомъ есть даже хорошая мысль. Довольно вѣтренный супругъ, котораго, кромѣ его домашняго крова и суда, гдѣ онъ исполняетъ должность адвоката, видятъ часто въ разныхъ увеселительныхъ мѣстахъ и на загородныхъ балахъ, увѣряетъ, что въ Парижѣ есть другой человѣкъ, похожій на него, какъ двѣ капли воды, до того, что онъ самъ удивился, встрѣтясь съ нимъ однажды. Жена, конечно, не очень вѣритъ существованію этого двойника и убѣдясь въ томъ, что мужъ обманываетъ ее — ставитъ его въ весьма непріятное положеніе, разсказывая ему, что онъ только-что сейчасъ ушелъ отъ нея, послѣ разговора, въ которомъ былъ очень ласковъ. Мужъ приходитъ въ отчаяніе отъ своей собственной выдумки, и когда узнаетъ, что жена, въ свою очередь, подшутила надъ нимъ, успокоивается, сбираясь придумать что-нибудь поумнѣе и позамысловатѣе на будущее время. *Подтяжки Цезаря* основаны на разрывѣ двухъ любящихся сердецъ, послѣ котораго одинъ возвращаетъ другой вышитыя ею подтяжки. Два акта наполнены похожденіями этихъ подтяжекъ. Водевиль много выигралъ-бы, впрочемъ, еслибы былъ короче.

Въ бенефисъ — г-жи Плесси — шли двѣ новыя пьесы и одна возобновленная. Послѣднею былъ старинный, но очень смѣшной водевиль. La mère et l'enfant se portent bien, принадлежащій къ разряду тѣхъ пьесъ, которыя французы называютъ égrillardes. Новыя пьесы были также не очень новы: одна изъ нихъ: Les diamants de la couronne, извѣстная опера Скриба и Обера, игранная нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Парижѣ, изъ которой выбросили только всю музыку. Сюжетъ пьесы самый оперный, неправдоподобный до крайности, но очень занимательный. Дѣйствіе происходитъ въ Португаліи, и героиня пьесы въ первомъ актѣ предводительница шайки фальшивыхъ монетчиковъ, во второмъ является подъ видомъ знатной дамы, а въ третьемъ дѣлается такою персоной, что зритель становится въ тупикъ. Вторая новая трехъ-актная комедія *Солливанъ*, тоже не совсѣмъ нова. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на французской-же сценѣ явилась пьеса Le docteur

Robin, игранная и по-русски въ переводѣ. Въ этой одноактной комедіи извѣстный актеръ Гаррикъ, въ котораго влюбляется молоденькая дѣвушка, видѣвшая его на сценѣ, излечиваетъ ее отъ этой любви тѣмъ, что притворяется скупымъ, пьяницей, дурнымъ человѣкомъ. Въ *Солливанѣ* точно тоже содержаніе, съ тою только разницею, что Гаррикъ замѣненъ актеромъ гораздо менѣе извѣстнымъ—Солливаномъ, и пьеса оканчивается тѣмъ, что, не смотря на леченіе актера, влюбившаяся въ него особа все-таки кончаетъ тѣмъ, что выходитъ за него замужъ. Не смотря на весьма не новое содержаніе, *Солливанъ* веденъ очень хорошо, занимателенъ и очень понравился; въ немъ прекрасно очерчено англійское общество средняго круга.

Кромѣ-того, передъ самой масляницей возобновили старую и умную комедію *Маркиза Сеннетеръ* (La marquise de Sennetterre), въ которой извѣстная Маріона де-Лормъ даетъ такіе прекрасные уроки молодой женщинѣ, какъ возвратить любовь вѣтреннаго мужа.

Всего въ февралѣ было сыграно одиннадцать новыхъ пьесъ, въ двадцать восемь спектаклей, считая въ этомъ числѣ семь утреннихъ, шесть вечернихъ спектаклей на масляницѣ и два въ посту — для иностранцевъ, втораго и третьяго марта.

Приведемъ теперь нѣсколько статистическихъ выводовъ, въ дополненіе къ обзору дѣятельности нашей французской труппы въ-продолженіе сезона 1852 года.

Начавшись съ 3-го апрѣля 1852 года и окончившись 3-го марта 1853, этотъ сезонъ продолжался, стало-быть, ровно одиннадцать мѣсяцевъ, за исключеніемъ двухъ-недѣльнаго поста въ августѣ. Въ-продолженіе этого времени, въ первый разъ въ прошедшемъ сезонѣ явилось *сто двадцать шесть* пьесъ. Всѣхъ французскихъ спектаклей въ это время было *сто сорокъ четыре*; бенефисовъ было *пятнадцать;* въ нихъ сыграно и возобновлено новыхъ пьесъ *пятдесятъ одна* Въ ста двадцати шести пьесахъ всего *двѣсти пятдесятъ пять* актовъ и эти пьесы, повторявшіеся нѣсколько разъ, были играны *четыреста шестдесятъ семь разъ* въ сто сорокъ четыре спектакля. Составъ труппы былъ слѣдующій:

Актрисы: Плесси, Вольнисъ, Мейеръ, Мила, Мальвина, Лемениль, Пеллетье, Бурде, Варле, Бра, Амели, Шамарандъ, Элиза.

Актеры: Бертонъ, Лемениль, Верне, Руже, Мондидье, Готти, Давлуи, Дешанъ, Варле, Дюссеръ, Пешена, Люге, Шамарандъ, Аликсъ, Викторъ, Феде, Франсисъ.

Объ удивительномъ согласіи этихъ артистовъ въ исполненіи пьесъ, объ исторической вѣрности костюмовъ, роскоши декорацій и монтировки вообще считаемъ излишнимъ говорить. Такихъ труппъ, какъ наша, не много въ Европѣ; дѣятельность ея изумительна. Мы не знаемъ ни одной пьесы, которая когда-нибудь была-бы дурно разыграна на французскомъ театрѣ. Многія изъ нихъ, напротивъ, успѣхомъ своимъ одолжены единственно игрѣ артистовъ, — и если въ послѣднее время на французской сценѣ являлось не такъ много образцовыхъ пьесъ, — виною этому конечно не наша труппа, выбирающая лучшія пьесы изъ репертуара *всѣхъ* французскихъ театровъ. Что-же дѣлать, если часто не изъ чего или не возможно выбрать? Во французскомъ театрѣ отдыхаешь душой; изъ него выходишь часто совершенно довольный, даже тронутый. Три, четыре спектакля въ недѣлѣ даютъ время артистамъ добросовѣстно обдумать пьесы, изучить роли; артисты не считаютъ унизительнымъ занимать самыя ничтожныя роли въ хорошихъ пьесахъ, для совершеннаго ихъ ансамбля. Самымъ лучшимъ доказательствомъ совершенства этой труппы служитъ то, что многіе артисты ея образуются и играютъ лучше съ каждымъ годомъ, пріобрѣтая все болѣе и болѣе любовь публики, какъ напримѣръ, гг. Бертонъ и Дешанъ и г-жа Мальвина.

—

III.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Нѣмая сиротка Лиза, драма въ 2 дѣйствіяхъ, соч. *г. Анца*.

Женихъ по ошибкѣ, или за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь, оперетта въ 1 дѣйствіи.

Дипломатія жены, комедія водевиль въ 1 дѣйствіи, передѣланный съ французскаго *г. Н. Крестовскимъ*.

Жидъ за печатью, шутка въ 1 дѣйствіи, заимствованная съ польскаго *г. Оникcомъ*.

(Бенефисъ г-жи Самойловой 1).

Сумасшедшій, комедія въ 1 дѣйствіи, въ стихахъ, соч. г. *Жемчужникова*.

Замужняя невѣста, комедія въ 3 дѣйствіяхъ, соч. *Корженевскаго*.

Послѣдняя пѣснь лебедя, водевиль въ 3 дѣйствіяхъ, соч. графа *С. Потемкина*.

Сцены изъ трагедіи Шиллера «Марія Стюартъ»

(Прощальный бенефисъ г-жи Самойловой 2).

Не въ свои сани не садись, комедія въ 3 дѣйствіяхъ, соч. г. *Островскаго*.

Гжа Читау и г. Бурдинъ. Дебютантки.

Прошедшій мѣсяцъ былъ для петербургскаго театра траурнымъ мѣсяцемъ; въ теченіе четырехъ недѣль умерли три артиста, составлявшіе честь и украшеніе нашей сцены. Умеръ Яковъ Григорьевичь Брянскій, ровно черезъ недѣлю послѣ него умерла Елена Ивановна Гусева, ровно черезъ двѣ недѣли послѣ нея скончался Василій Андреевичъ Каратыгинъ 1. Въ теченіе этого-же времени сошла со сцены Вѣра Васильевна Самойлова 2-я *. Грустно театральному лѣтописцу приниматься за перо, послѣ столькихъ утратъ, тяжело разсказывать о вымышленныхъ, неоставляющихъ впечатлѣнія драмахъ, послѣ столькихъ дѣйствительныхъ, глубоко-потрясшихъ насъ драмъ. Но читателю нѣтъ дѣла до того, что̀ чувствуетъ подрядившійся разсказывать ему ежемѣсячно о театральныхъ новостяхъ; читатель хочетъ знать о бенефисѣ госпожи Самойловой 1, о томъ сколько разъ вызвали въ прощальномъ бенефисѣ ея сестру, почемъ продавались мѣста, много-ли было народу.

* Обо всемъ этомъ подробно разсказано въ «Петербургскомъ Вѣстникѣ», подъ рубрикою «Общественная жизнь».

Какое дѣло намъ, страдалъ-ли ты, иль нѣтъ?
Зачѣмъ намъ знать твои волненья. . .

Вы совершенно правы, любезнѣйшій читатель, совершенно правы, и мы не станемъ вамъ разсказывать ни о страданьяхъ нашихъ, ни о волненіяхъ, а повѣдаемъ вамъ о страданіяхъ и волненіяхъ *пѣмой сиротки Лизы,* которыя, разумѣется, должны быть несравненно занимательнѣе и раздирательнѣе. Впрочемъ, мы предвидимъ одно очень важное затрудненіе: страданія *пѣмой сиротки Лизы* принадлежатъ къ разряду драмъ, которыя забываются на другой же день, а мы видѣли ее мѣсяцъ тому назадъ. Попытаемся, однако-же, припомнить.

Лиза осиротѣла и онѣмѣла въ одно и то-же время; когда она была еще ребенкомъ, какой-то злодѣй убилъ ея родителей; она была свидѣтельницею этого убійства, и лишилась, отъ страха, способности говорить. Потомъ.... Что-же потомъ?... Право не помнимъ хорошенько.... помнимъ только, что въ роли сиротки была очень хороша госпожа Андреянова, и что она, то-есть сиротка, или госпожа Андреянова, какъ хотите, потому-что въ сущности это одно и то-же, получила подъ конецъ пьесы даръ слова, въ-слѣдствіе сильнаго потрясенія, произведеннаго на нее видомъ убійцы. На насъ, какъ видите, эта драма произвела совершенно противоположное дѣйствіе....

Гораздо лучше помнимъ мы оперетту неизвѣстнаго автора «*Женихъ по ошибкѣ, или за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь*». Почему мы помнимъ эту пьеску лучше *Пѣмой сиротки Лизы,* ужъ право не умѣемъ вамъ сказать, но только мы помнимъ ее, и готовы доказать это на дѣлѣ.

Жилъ-былъ на свѣтѣ полковникъ Свѣтковскій; у него было три сына... виноватъ, двѣ дочери; старшую звали Зиночкой, младшую Наташей. Обѣ онѣ были уже дѣвушки на возрастѣ, дѣвушки – невѣсты, и потому полковникъ сталъ помышлять о томъ, какъ-бы ихъ пристроить. Зиночка и Наташа были дѣвушки хорошенькія, приданое было у нихъ также хорошее, слѣдовательно, за женихами дѣло не стало-бы; можно было даже опасаться, что ихъ явится слишкомъ много. Къ счастію, первый представившійся женихъ пришелся полковнику очень по вкусу, и онъ тотчасъ же обѣщалъ ему руку Зиночки, не спросивъ даже ее, согласна-ли она. Впрочемъ, онъ имѣлъ полное право надѣяться, что Зиночка будетъ согласна, потому-что женихъ имѣлъ важный чинъ и хорошее состояніе. Правда, онъ былъ уже не въ первой молодости, даже вовсе не молодъ, скорѣе старъ, но чадолюбивые родители, особенно же въ водевиляхъ, рѣдко обращаютъ на это обстоятельство вниманіе, и считаютъ его ничтожнымъ, когда оно сопровождается туго-набитымъ

карманомъ и болѣе или менѣе значительнымъ положеніемъ въ свѣтѣ. Давъ слово генералу Пермскому, полковникъ призвалъ Зиночку и спросилъ ее, хочетъ-ли она замужъ? Вы скажете, пожалуй, что полковникъ немного поздно подумалъ объ этомъ; согласны, но вѣдь вы знаете пословицу: лучше поздно, чѣмъ никогда. Притомъ же на этомъ обстоятельствѣ основана вся пьеса, и безъ нея мы не имѣли-бы удовольствія разсказывать вамъ исторію о женихѣ по ошибкѣ.

— Такъ скажи-же мнѣ, Зиночка, сказалъ полковникъ Свѣтковскій: хочешь-ли ты за мужъ?

Зиночка покраснѣла, сконфузилась, потупила глазки. — Полно, дурочка, не робѣй, продолжалъ полковникъ, говори прямо, я вѣдь отецъ твой. Ты уже дѣвушка на возрастѣ, я старъ, могу умереть, желалъ-бы пристроить тебя,—и такъ далѣе, все, что говорится въ подобныхъ случаяхъ *благородными отцами*.

Какъ вы думаете, что отвѣчала Зиночка?

— Хочу папаша, очень, ужасно хочу за мужъ!

Да, такъ-таки и отвѣчала. Васъ это удивляетъ? А между-тѣмъ, это какъ нельзя болѣе похоже. Не говоря уже о томъ, что въ дѣвушкѣ на возрастѣ весьма естественно желаніе выйти за мужъ, обзавестись собственнымъ домкомъ, и такъ далѣе, у Зиночки была и другая, весьма побудительная къ тому причина: Зиночка любила поручика Лескова. Но, спросите вы, что общаго между поручикомъ Лесковымъ и генераломъ Пермскимъ? — Общаго между ними, правда, ничего нѣтъ, но вѣдь полковникъ не сказалъ Зиночкѣ, за кого онъ ее хочетъ выдать, а какъ Зиночка, за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ, рѣшила вмѣстѣ съ Лесковымъ, что онъ будетъ просить у полковника ея руку, то радость и согласіе ея были совершенно естественны: она думала, что дѣло идетъ о Лесковѣ. Каково же было ея разочарованіе, когда она узнала, что отецъ говорилъ о Пермскомъ! Румянецъ и улыбка сбѣжали съ лица бѣдняжки, уступивъ мѣсто блѣдности и двумъ непрошеннымъ слезамъ, которыя навернулись на глазахъ ея. Но дѣлать было нечего: робость и стыдъ мѣшали Зиночкѣ открыть отцу всю правду.

Богъ знаетъ, какъ-бы кончилось это дѣло, еслибъ не вмѣшалась въ него Наташа, дѣвушка бойкая, рѣзвая и предпріимчивая. Наташа выручила сестру свою. Она стала кокетничать съ Пермскимъ, и до того умѣла ему понравиться, что онъ влюбился въ нее по уши, забывъ о Зиночкѣ, и даже рѣшился написать ей письмо, съ самымъ страстнымъ выраженіемъ своихъ чувствъ. Этого только и нужно было Наташѣ. Она назначила Пермскому свиданіе, распорядившись, чтобъ ихъ засталъ отецъ, а когда отецъ пришелъ, она отдала ему, въ присутствіи Зиночки

и Лескова, полученное ею отъ Пермскаго письмо. Развязку угадать не трудно. Зиночка отказала Пермскому подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ любитъ Наташу; Наташа также отказала ему, притворившись оскорбленной тѣмъ, что онъ искалъ ея руки, будучи женихомъ сестры. Пермскій удалился со стыдомъ, а Лесковъ, какъ вы догадываетесь, женился на Зиночкѣ.

Пьеска эта названа на афишѣ опереттой, вѣроятно потому, что г-жа Самойлова 1, играющая роль Наташи, поетъ въ ней нѣсколько куплетовъ, музыка которыхъ аранжирована К. Н. Лядовымъ; но музыка эта чисто водевильная, давно уже извѣстная публикѣ, и потому гораздо лучше-бы назвать пьеску водевилемъ. Впрочемъ, это вопросъ неважный. Пьеска недурна; она написана, какъ насъ увѣряли, женщиной.

Кромѣ этихъ двухъ пьесъ, давали еще, въ бенефисъ госпожи Самойловой 1, «Дипломатію жены» и «Жида за печатью»; первая изъ этихъ пьесокъ очень удачная передѣлка г. Крестовскаго (не беллетриста) изъ миленькой французской комедіи «La diplomatie du ménage», знакомой читателямъ «Пантеона» по отчетамъ о французскихъ театрахъ; вторая — очень неудачное заимствованіе г. Оникса изъ какой-то польской пьесы, съ которой намъ вовсе не хотѣлось-бы знакомить читателей.

Жидъ вошелъ продавать свои товары въ старый, полуразвалившійся домъ, въ ту самую минуту, когда этотъ домъ заперли и запечатали, изъ опасенія, чтобъ онъ на кого-нибудь не обрушился. Единственная дверь, въ которую вошелъ жидъ, сдѣлалась непроходимою, потому-что стѣна, обрушившаяся вслѣдъ за входомъ жида, завалила ее кирпичами. Жидъ началъ плакать, *пѣть пѣсни*, звать на помощь; наконецъ его выпустили. Можетъ-быть все это и смѣшно, но только мы, несмотря на все наше желаніе, не могли даже улыбнуться.

Театръ въ бенефисъ госпожи Самойловой 1-й былъ совершенно полонъ.

Прощальный бенефисъ госпожи Самойловой 2, оставившей сцену, состоялъ: изъ комедіи Корженевскаго «Замужняя невѣста», комедіи въ стихахъ г. Жемчужникова «Сумасшедшій», водевиля графа С. Потемкина «Послѣдняя пѣснь Лебедя» и сценъ изъ трагедіи Шиллера «Марія Стюартъ».

О комедіи Корженевскаго мы говорить не будемъ, потому-что она была напечатана въ одной изъ прошлогднихъ книжекъ «Пантеона»*.

Новая комедія г. Жемчужникова гораздо лучше первой его комедіи *Странная ночь;* въ основаніи ея лежитъ мысль въ-самомъ-дѣлѣ ко-

* Въ ноябрской.

мическая, но развитіе этой мысли въ дѣйствіи, такъ-же, какъ и въ *Странной ночи*, грѣшитъ противъ естественности, о чемъ нельзя не пожалѣть, потому-что комедія имѣетъ и другое достоинство: она написана очень хорошими стихами.

У каждаго человѣка есть какая-нибудь любимая мысль, слабая сторона, *конекъ*, и если вы посмотрите на человѣка съ этой слабой стороны, въ ту минуту, когда онъ выѣзжаетъ на своемъ *коньк*, человѣкъ вамъ непремѣнно покажется смѣшнымъ и страннымъ. Возьмите ученаго, въ ту минуту, когда онъ вздумаетъ развивать предъ вами свою любимую мысль, въ-особенности-же спеціалиста, посмотрите на него посерьознѣе, онъ покажется вамъ мономаномъ, помѣшаннымъ на этой мысли. То-же можно сказать и о людяхъ обыкновенныхъ, людяхъ свѣтскихъ.

У каждаго конекъ есть свой....

На этой-то мысли построилъ г. Жемчужниковъ свою комедію, но избралъ, къ сожалѣнію, для выраженія этой мысли въ дѣйствіи, лицъ, слишкомъ ничтожныхъ въ нравственномъ отношеніи, и не съумѣлъ, сверхъ-того, сдѣлать ихъ естественными и занимательными.

Дѣйствіе происходитъ въ гостиной женщины высшаго общества, графини; это ея день, и потому къ ней съѣзжаются гости. Полковникъ, князь Порѣцкій, влюбленный въ княгиню, открываетъ ей, что одинъ изъ тѣхъ, кто будетъ у нея вечеромъ, сумасшедшій; графиня наблюдаетъ, въ-слѣдствіе этого, за каждымъ изъ своихъ гостей по очереди, и всѣ они, поочередно, кажутся ей сумасшедшими. Но въ заключеніи открывается, что Порѣцкій назвалъ сумасшедшимъ Волунина, копію съ Чацкаго, господина, озлобленнаго на людей и свѣтъ за его пороки и положившаго цѣлію своей жизни преслѣдовать ихъ словомъ и дѣломъ. Такой господинъ можетъ дѣйствительно показаться сумасшедшимъ, но и прочія лица комедіи показались намъ такими-же, чего никакъ бы не должно быть.

Одинъ изъ нихъ, баронъ Блуменбахъ, помѣшанный на своихъ побѣдахъ надъ женщинами, выражается слѣдующимъ образомъ:

Жизнь моя летитъ, какъ сонъ,
Исполненный сердечныхъ приключеній....
Вездѣ мнѣ слышатся признанья и мольбы,
Вездѣ разставлены мнѣ сѣти искушеній.

ГРАФИНЯ.

Вы правы. Вамъ нельзя не обвинять судьбы,
И на нее, баронъ, сердиты вы за дѣло.

БАРОНЪ.

Нѣтъ, не шутя, мнѣ жизнь такая надоѣла.
Отъ женщинъ нѣтъ свободы ни на мигъ!

Мнѣ кажется, по мнѣнью ихъ,
Мои способности такъ низки,
Что созданъ для одной я съ ними переписки!
Я утро каждое, едва глаза открывъ,
Читаю письма.... что-жъ? вѣдь отвѣчать обязанъ....
Ну, словомъ, по рукамъ и по ногамъ я связанъ!
(*Вынимаетъ изъ кармана письмо*).
Сейчасъ я получилъ отвѣтъ на мой разрывъ.
(*Обращаясь къ графинѣ и къ Волунину*).
Прошу, чтобъ между насъ однихъ все это было.
(*Показываетъ письмо*).

Слезъ больше, нежели чернила!
Прислали не письмо, а носовой платокъ!
Все заученое! упреки, клятвы тѣ-же....
(*Вынимаетъ цвѣтокъ изъ кармана*).
А вотъ вамъ свѣженькій цвѣтокъ изъ ручки свѣжей
Дѣвицы свѣженькой, свѣжѣе чѣмъ цвѣтокъ!
(*Графинѣ*).

Вы эту знаете дѣвицу.
Онъ стоитъ, чтобъ заткнуть его въ петлицу.
(*Затыкаетъ цвѣтокъ въ петлицу и встаетъ*)
Мнѣ очень жаль ее. На ней я не женюсь...
Жениться я всегда боялся и боюсь!
Зато охотницы до титла баронессы
Произвели меня въ опасные повѣсы,
Въ угодность маменькамъ и тетушкамъ своимъ...
(*На лѣстницѣ слышенъ звонокъ*).
Прошу, чтобъ между насъ однихъ все это было.

А вотъ графъ Касимовъ, помѣшанный на англоманіи; онъ вездѣ ищетъ себѣ рыжаго кучера, и зная, что Волунинъ только-что возвратился изъ поѣздокъ по Россіи, обращается къ нему съ вопросомъ:

Видали-ль вы вблизи, иль хоть издалека
Рыжеволосаго, большаго мужика,
Лѣтъ двадцати пяти, худаго, съ длиннымъ носомъ,
Который съ виду глупъ, неловокъ и лѣнивъ,
А въ обращеньи грубъ, суровъ и молчаливъ?

ВОЛУНИНЪ, *смотря на него съ удивленіемъ*.

Не помню. Можетъ-быть.

ГР. КАСИМОВЪ.

Не правда! Быть не можетъ!
Простите мнѣ, я неучтивъ....
Но это фактъ! и онъ давно меня тревожитъ.
Такихъ не встрѣтите у насъ, ручаюсь я!
Россія, слова нѣтъ, богата и пространна,
Но я вездѣ искалъ, нигдѣ найти нельзя! и т. д.

Третій изъ гостей графини помѣшанъ на желудкѣ, четвертый на французскихъ маркизахъ, пятый только смѣется и ничего не говоритъ. Согласитесь, что можно было бы выбрать характеры немного посерьознѣе, а эти всѣ господа, съ позволенія вашего, просто глупы.

Комедія г. Жемчужникова была отлично разыграна лучшими артистами нашей труппы, но имѣла весьма незначительный успѣхъ, потому-

что, кромѣ упомянутыхъ нами недостатковъ, она имѣетъ еще одинъ, очень важный и общій всѣмъ, такъ называемымъ *салоннымъ пьесамъ*, введеннымъ въ моду пословицами Альфреда де-Мюссе: въ ней нѣтъ дѣйствія, и все, что̀ желалъ выразить авторъ, выражается монологами дѣйствующихъ лицъ. Даже самые характеры этихъ лицъ, какъ вы могли замѣтить изъ сдѣланныхъ нами выписокъ, дѣлаются понятными изъ того, что̀ лица говорятъ сами о себѣ, а не изъ дѣйствія.

Изъ «Маріи Стюартъ» г-жа Самойлова 2-я выбрала сцену свиданія съ Елизаветою, и сыграла ее довольно сильно.

О водевилѣ графа Потемкина мы просимъ позволенія не говорить, изъ уваженія къ имени автора и къ его вполнѣ достойному похвалы намѣренію. Мы смотримъ на его пьесу, какъ на любезность бенефиціанткѣ, какъ на желаніе привлечь въ театръ нѣсколько лишнихъ зрителей. Онъ вполнѣ успѣлъ въ этомъ, потому-что театръ былъ полонъ сверху до низу, несмотря на то, что цѣны мѣстамъ были баснословныя. Бель-этажъ продавался по 50 рублей серебромъ, первый рядъ креселъ по 25, послѣдній по 5 и т. д.

Бенефиціантку вызвали, по окончаніи спектакля, болѣе двадцати разъ.

И такъ, г-жа Самойлова 2-я сошла со сцены — потеря чувствительная, особенно въ настоящее время, когда русскій театръ лишился трехъ первоклассныхъ артистовъ. Г-жа Самойлова была актриса даровитая, умная, добросовѣстная. Драма и комедія, въ-особенности же такъ называемыя салонныя пьесы, многаго въ ней лишились. Мы не всегда бывали согласны съ г-жою Самойловой въ воззрѣніи на роли, не разъ высказывали ей откровенно наше мнѣніе на этотъ счетъ, но всегда уважали въ ней даровитую артистку, и считаемъ долгомъ поблагодарить ее здѣсь, въ послѣдній разъ, за многія минуты наслажденія, которыя часто доставляла намъ ея игра.

Какъ въ природѣ мы встрѣчаемъ очень часто рядомъ съ ядомъ противуядіе, такъ и въ жизни за печалью часто слѣдуетъ радость, за утратой — вознагражденіе. Многаго лишились мы въ-теченіе прошедшаго мѣсяца, но вознагражденіе уже началось. Мы убѣдились недавно, что одна изъ нашихъ молодыхъ артистокъ, на которую мы, впрочемъ, не разъ обращали вниманіе читателей, обладаетъ первостепеннымъ дарованіемъ, которому недостаетъ только нѣсколькихъ достойныхъ его ролей, чтобъ явиться во всемъ блескѣ своемъ. Мы говоримъ о госпожѣ Читау, сыгравшей недавно съ замѣчательнымъ искусствомъ очень трудную роль, въ новой комедіи А. Н. Островскаго «Не въ свои сани не садись». Г-жа Читау показала въ этой роли столько художественнаго такта, столько неподдѣльнаго чувства, что мы, точно

такъ-же, какъ и публика, были въ восторгѣ. Рѣдко случалось намъ видѣть роль, исполненную съ такою отчетливостію и полнотою. Мы не можемъ сдѣлать за нее госпожѣ Читау рѣшительно ни одного серьознаго упрека, и отъ всего сердца благодаримъ ее.

Самая комедія г. Островскаго явленіе въ высшей степени отрадное; она далеко оставляетъ за собой все видѣнное нами въ-теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Вѣрность и выдержанность характеровъ, мастерское изложеніе, ни на минуту не ослабѣвающій интересъ дѣйствія, и при всемъ этомъ необыкновенная простота и безъискуственность, какъ въ изложеніи, такъ и въ дѣйствіи, ставятъ эту комедію на ряду съ лучшими произведеніями нашей литературы. Мы посвятимъ ей въ одной изъ ближайшихъ книжекъ «Пантеона» отдѣльную критическую статью. Комедія имѣла большой успѣхъ и выдержала, въ-теченіе десяти или двѣнадцати дней, семь представленій, на которыя трудно было доставать билеты.

Для развитія сценическихъ талантовъ необходимы хорошія пьесы; это мы говорили не разъ, и теперь видимъ подтвержденіе словъ нашихъ. Комедія г. Островскаго выдвинула впередъ не одну госпожу Читау, она дала случай еще одному молодому артисту, г. Бурдину, показать публикѣ свое дарованіе. До-сихъ-поръ г. Бурдинъ оставался въ тѣни, хотя игралъ иногда очень недурно, и часто замѣщалъ, въ случаѣ болѣзни, первыхъ нашихъ артистовъ; роль купца Бородкина, человѣка наружно-смѣшнаго, но въ сущности благороднаго и пылкаго, сыгранная имъ очень отчетливо, вѣрно и съ увлеченіемъ, обратила на него вниманіе публики, и дастъ ему, мы надѣемся, средства къ дальнѣйшимъ успѣхамъ.

Вообще комедія г. Островскаго была разыграна на нашей сценѣ дружно и согласно, хотя нѣкоторыя роли были, по нашему мнѣнію, исполнены не вполнѣ отчетливо. Мы поговоримъ обо всемъ этомъ подробнѣе въ обѣщанной нами статьѣ.

Было два дебюта: г-жи Ленской, дочери извѣстнаго водевилиста и московскаго актера, и г-жи Румянцовой, воспитанницы театральнаго училища. Г-жа Ленская, дебютировавшая въ «Материнскомъ благословеніи», показала дарованіе и много сценическаго такту; но она еще очень молода, физическія средства ея, какъ, напримѣръ, голосъ, не достигли еще полнаго своего развитія, и потому мы совѣтовали бы ей не торопиться играть большія драматическія роли, а начать съ такихъ, которыя не требуютъ отъ актрисы большихъ физическихъ средствъ.

Г-жа Румянцева дебютировала въ двухъ водевиляхъ: «Ножка» и «Взаимное обученіе». Мы, пока, ничего еще не можемъ сказать о ней.

ПРОВИНЦІЯЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ ВЪ РОССІИ.

Нѣсколько словъ о *Севаетопольскаго театра.*—Г. Жураховскій и его старые сотрудники: г-жа Шульцъ, г. Лебедевъ, Алексѣевъ, Зубовичъ и Струковъ. — *Кишиневскіе театры:* Труппы гг. Соколова и Прункула. Актеры и актрисы. — *Кіевскіе театры:* Труппы гг. Федецкаго и Мориса-Піонъ. — Артисты польскіе и русскіе. — *Харьковскій театръ.* Артисты: г-жи Федорова, Микульская, Червинская и Пронская, и гг. Алексѣевъ, Львовъ, Виноградовъ, Пронскій и Михайловъ. — *Курскій театръ:* Труппа г. Вощенко-Захарченко.—Появленіе гг. Живокини и г. Орлова.—Антрепренеръ Малѣевъ.— Паденіе театра. *Театръ въ Костромѣ.*

Между множествомъ газетныхъ новостей, въ послѣднее время, мы вычитали одну интересную — для нашего отдѣла. Изъ нея мы узнаемъ, что г. Жураховскій съ труппою своею пріѣхалъ, на время, въ Севастополь. Это навело насъ на мысль познакомить нѣсколько нашихъ читателей съ г. Жураховскимъ, старымъ и опытнымъ антрепренеромъ, который, съ незапамятныхъ временъ, въ южныхъ губерніяхъ Россіи, дѣлитъ свои сценическіе успѣхи вмѣстѣ съ г Зелинскимъ, антрепренеромъ Ставропольскаго театра... Тотъ и другой вполнѣ труженики и любители своего дѣла; они мало, или почти — незнакомы большинству читателей, слѣдящихъ усердно за успѣхами провинціяльной сцены.

Первымъ основателемъ провинціяльнаго театра и первымъ антрепренеромъ въ Россіи — былъ, когда-то, Штейнъ. «Труппа его, говоритъ одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ, кочевала отъ Нижняго до Херсони, и вездѣ была принимаема съ радушіемъ и истиннымъ удовольствіемъ. Въ этой труппѣ актеры служили *постоянно* * и вѣрно своему *содержателю*. — Штейнъ весьма нерѣдко выколачивалъ платье на своихъ сюжетахъ, давая имъ, въ то же время, уроки хореграфіи и драматическаго искусства.... И теперь, что̀ есть лучшаго въ провинціи—все это изъ разсадника школы Штейна».

* Провинціяльные артисты не уживаются на одномъ мѣстѣ — это перелетныя птицы.

Немного осталось послѣднихъ: иные одряхлѣли и отжили свое время, другіе умерли, а третьи далеко ушли впередъ отъ своихъ собратовъ, и не хотятъ вспомнить ни ихъ, ни почтеннаго Штейна.... не назовемъ этихъ счастливцевъ!

Преемниками дѣятельности Штейна и образователями провинціяльныхъ труппъ могутъ назваться гг. Жураховскій и Зелинскій.... Досихъ-поръ мы еще такъ мало любимъ исторію нашихъ провинціяльныхъ театровъ, что много говоря о настоящемъ (не интересномъ впрочемъ), ничего не сказали о прошедшемъ**.... и именно никто изъ нашихъ почтенныхъ корреспондентовъ не заикнулся о трудахъ и дѣятельности двухъ нами поименованныхъ лицъ.

Скажемъ, что́ знаемъ объ одномъ изъ нихъ.

Г. Жураховскій, какъ купецъ, душою и тѣломъ принадлежалъ когда-то славнымъ Ромнамъ, какъ артистъ—Севастополю. Всѣмъ извѣстно, что въ названномъ нами городѣ потребность къ удовольствіямъ и наслажденіямъ гораздо сильнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ уголкѣ Россіи. Обитатели древняго Ахтіара, въ обиліи служебной дѣятельности, небогаты минутами, которыя могутъ посвятить отдохновенію и удовольствіямъ, а потому, дорожатъ этими немногими минутами, и рады нечастымъ развлеченіямъ. И должно сказать кстати, что въ рѣдкомъ городѣ провинціяльный артистъ найдетъ столько образованныхъ и опытныхъ цѣнителей искусства, какъ въ Севастополѣ. Здѣсь большинство публики составляютъ русскіе моряки, люди болѣе или менѣе съ образованіемъ европейскимъ, всѣ знакомые съ столичными сценами, а нѣкоторые и съ заграничными, особенно съ театрами Венеціи и Тріеста. Стало-быть, здѣсь плохая посредственность не назовется геніемъ, и провинціяльный геній не избалуется отъ лишнихъ похвалъ....

Севастополь посѣщали труппы Зелинскаго, Мочалова, Рекаловскаго, Полони и другихъ. Всѣ они являлись и исчезали незамѣченными, непризнанными, не повитыми ни плющемъ, ни лавромъ. Одна только труппа Зелинскаго пользовалась заслуженнымъ вниманіемъ публики, потому-что и самъ антрепренеръ ея человѣкъ съ большимъ знаніемъ своего дѣла, и помощники его почти всѣ безъ исключенія принадлежали къ числу провинціяльныхъ знаменитостей. Такъ-напримѣръ: дочери содержателя, потомъ г. Рыбаковъ, Алексѣевъ, Соленикъ и другіе. Но въ тѣ минувшія времена Севастополь, имѣя актеровъ, можно-сказать, не имѣлъ театра. Послѣдній помѣщался гдѣ-то въ Артиллерійской слободкѣ, за гранью базара,

** Усердно просимъ нашихъ почтенныхъ корреспондентовъ, по возможности, подѣлиться съ редакціею свѣдѣніями, какія имъ извѣстны и которыя касаются исторіи провинціяльныхъ театровъ.

въ неказистой и темной мазанкѣ, тѣсной до того, что г. Полони, чрезвычайно размашистый декламаторъ, первый трагикъ въ комическихъ роляхъ и первый комикъ въ драмѣ, невольно забылъ здѣсь свою милую привычку раскидывать руками....

Съ появленіемъ г. Жураховскаго Севастополь обзавелся и театральнымъ зданіемъ. Человѣкъ ловкій, коммерческій, любезный съ каждымъ, услужливый для всѣхъ, г. Жураховскій съ перваго шага къ своимъ предпріятіямъ, въ лицѣ нѣкоторыхъ истинныхъ любителей искусства встрѣтилъ добрыхъ друзей.... При ихъ матеріяльной помощи онъ успѣлъ выстроить театральное зданіе, которое нынѣ помѣщается между бульваромъ и обрывомъ надъ дорогою, идущею въ обрѣзъ правымъ берегомъ южной бухты. Немногіе провинціяльные города наши имѣютъ такое удобное и чистенькое театральное зданіе, какъ Севастополь. Театръ Жураховскаго имѣетъ два яруса ложъ, до сотни стульевъ, галлерею для разночинцевъ и довольно обширную сцену съ двумя уборными. Кромѣ-того въ немъ нѣсколько комнатъ служатъ помѣщеніемъ для артистовъ, двѣ для буфета и одна для билліарда. Наглядно г. Жураховскій небогатъ костюмами. Въ его уборной встрѣтится до пяти париковъ, изъ шерсти крымскихъ иноходцевъ, — на полкахъ два крѣпко полинявшихъ пейзана изъ коленкора, да четыре, если не три, французскихъ камзола, отъ которыхъ отказался-бы каждый блузникъ, на томъ основаніи, что всѣ эти камзолы весьма наивно напоминаютъ кое-гдѣ урѣзанныя, кое-гдѣ украшенныя блестками свитки херсонскихъ чумаковъ.... Но мы уже сказали, что г. Жураховскій человѣкъ коммерческій, человѣкъ разсчета... Въ его сундукахъ, но не въ уборной, хранится порядочный запасъ мишуры, шелка и даже бархата, въ которыя онъ наряжаетъ или себя, или артистовъ заслуженныхъ, перваго амплуа, и тѣхъ въ особенности, которые не имѣютъ обыкновенія уснуть въ костюмѣ послѣ спектакля... Такихъ немного, и г. Жураховскій находитъ, и весьма справедливо, что коленкоръ терпѣливѣе бархата!

Лѣтъ восемь или болѣе, какъ г. Жураховскій остается единственнымъ антрепренеромъ севастопольскаго театра, и въ-продолженіе этого времени у него переслужили почти всѣ замѣчательные артисты провинціи.... Изъ первыхъ, послѣ *первыхъ*, въ этой труппѣ, въ-продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, были гг. Лебедевъ, Зубовичъ, г-жа Шульцъ, Алексѣевъ, Струковъ и.... но всѣхъ не помнимъ. Скажемъ нѣсколько словъ о пяти нами названныхъ артистахъ, тѣмъ болѣе охотно, что о нихъ, если исключить г. Зубовича, еще никто не отозвался, да кажется и самое имя ихъ провинціяльная Мельпомена спрятала въ мѣшокъ забвенія.

Г. Лебедевъ, молодой человѣкъ, курскій урожденецъ, когда-то студентъ медицины, человѣкъ съ душою, съ умомъ и съ большою страстью къ театру, обладалъ большимъ драматическимъ талантомъ. У старожиловъ Севастополя должно остаться на памяти исполненіе имъ нѣкоторыхъ ролей изъ драмъ Н. В. Кукольника. Этотъ артистъ, ученикъ покойнаго Мочалова (московскаго), шелъ постоянно его дорогою на поприщѣ искусства. Къ чему не лежала его душа, гдѣ не воспринимала она — тамъ онъ являлся самою плохою посредственностію, но если роль требовала одушевленія, если эта роль затрогивала его сердце — онъ былъ поразительно отчетливъ и хорошъ.... Любимою его ролью была роль Прокопа Ляпунова, въ пьесѣ «Скопинъ Шуйскій». Въ ней онъ являлся артистомъ, обладавшимъ изумительнымъ постиженіемъ драмы... Особенно въ сценѣ, когда онъ приноситъ отравленнаго Скопина, и потомъ, когда Екатерина подъ ножемъ Ляпунова пьетъ отраву.... Не рожденный для водевиля, онъ и въ немъ, нерѣдко и по необходимости, удачно и добросовѣстно выполнялъ комическія роли.... О г. Алексѣевѣ*, какъ о хорошемъ исполнителѣ — сказать нечего, но какъ о полезномъ сотрудникѣ г. Жураховскаго должно сказать многое. Не обладая дарованіемъ первокласснымъ, даже не выходя изъ колеи посредственности, по таланту, этотъ актеръ прекрасно зналъ сцену, и потому въ труппѣ былъ постояннымъ режиссеромъ, готовымъ не сходить со сцены ни днемъ, ни ночью, замѣняя больныхъ и *скоропостижно* захворавшихъ товарищей.... Въ цѣломъ репертуарѣ водевилей, комедій, драмъ и даже оперъ, нельзя отыскать роли, которой-бы когда-нибудь не исполнялъ г. Алексѣевъ... Въ-послѣдствіи его замѣнилъ Струковъ, перейдя съ симферопольской сцены на севастопольскую. Въ немъ было болѣе сценическихъ данныхъ, нежели въ г. Алексѣевѣ, но онъ имѣлъ право только на ремесло актера, которому нужна указка и руководитель, и потому въ г. Струковѣ севастопольская сцена пріобрѣла только невзрачнаго комика, но не режиссера.... Дѣла пошли хуже!

Рѣдко встрѣчаются артистки до такой степени полезныя, талантливыя и разнообразныя въ своихъ амплуа, какова была г-жа Шульцъ. Такая актриса въ небольшой провинціальной труппѣ кладъ, сокровище! Въ-продолженіе одного вечера, г-жа Шульцъ, уже немолодая женщина, часто являлась въ четырехъ совершенно разнохарактерныхъ роляхъ, вездѣ и во всемъ оставаясь удовлетворительною. Послѣ удачно выполнен-

* Просимъ не смѣшивать съ нимъ его однофамильца, единственнаго комика провинціальной сцены, который нынѣ, кажется, въ Харьковѣ.

ной роли Ангелики въ «Уголино», она такъ же удачно выполняла роль шалуньи Лизы въ «Лисичкинѣ».

О Зубовичѣ мы уже высказали свое мнѣніе. (Пантеонъ № 11, ноябрь 1852 года). Теперь скажемъ нѣсколько словъ о самомъ г-нѣ Жураховскомъ.

Какъ актеръ, г-нъ Жураховскій не оставитъ потомству своего бюста, повитаго лавромъ. Имѣя талантъ на нѣкоторыя комическія роли, онъ много теряетъ въ глазахъ зрителя своею принужденною манерою, апатическою дикціею и произношеніемъ, по которому нельзя не признать, что родина г. Жураховскаго Полтава.... Еще страннѣе встрѣтить этого актера въ драмѣ и въ роли юноши или молодаго человѣка, а онъ нерѣдко является въ нихъ, разумѣется, не по страсти къ пьесѣ и роли, но потому, что это часто бываетъ неизбѣжно. За то немного, если только не двое, гг. Микульскій и Дрейсихъ, найдется по плечу г. Жураховскому въ роляхъ, которыми обрисованъ характеръ Малороссіянина... Въ этихъ роляхъ г-нъ Жураховскій артистически хорошъ!

Какъ антрепренеръ и содержатель театра, онъ совершенно на своемъ мѣстѣ. Его умѣнье выбрать актера *недорогаго*, но хорошаго, можетъ служить наукою для многихъ. Дѣятельный, запасливый и разсчетливый, онъ всегда готовъ со своими сотрудниками перекочевать на время въ другой городъ, рѣдко оставляя Севастополь совершенно безъ артистовъ. Онъ поспѣваетъ явиться и въ Вознесенскѣ, бывалъ и въ Херсони, и прежде всѣхъ почти постоянно кончитъ дѣла съ хозяйкою елисаветградскаго театральнаго зданія, и явится туда на время смотровъ и лѣта.... Но обратимся къ послѣднимъ новостямъ.

Мы уже говорили, что Кіевъ, Кишеневъ и Полтава имѣютъ по два театра и по двѣ труппы. Теперь, имѣя изъ первыхъ двухъ городовъ болѣе обширныя и положительныя свѣдѣнія, передаемъ ихъ нашимъ читателямъ.

—

КИШЕНЕВСКІЕ ТЕАТРЫ.

Въ былыя времена, для странствующей Мельпомены отводилось въ г. Кишеневѣ помѣщеніе гдѣ-нибудь и какое-нибудь; часто богиня театра мокла у насъ въ сквозныхъ шалашахъ, и еще чаще чахла въ сырыхъ подвалахъ. Первымъ устройствомъ сколько-нибудь приличнаго театральнаго зданія Кишневъ обязанъ князю Гагарину. Съ этого времени, можно сказать, начинается исторія кишневскаго театра и постоянное пре-

бываніе въ городѣ русской трупы, которой содержателемъ почти все время оставался предпріимчивый, понимающій свое дѣло, антрепренеръ г. Соколовъ. О немъ издавна отзывались, нерѣдко и печатно, какъ объ умномъ режиссерѣ и хорошемъ артистѣ.

Г. Соколовъ, въ-продолженіе трехъ лѣтъ не оставлялъ Кишенева. Совершенно преданный своему дѣлу, а въ тоже время и обладая дальновидностію, онъ на заработанный имъ трудовой капиталъ выстроилъ въ городѣ новый театръ, далеко превосходящій, по удобству и красотѣ, старый. Послѣдній, въ свою очередь, несмотря на его ветхость, потоки грязи по стѣнамъ и кривой потолокъ, обѣщающій когда-нибудь рухнуть на контробасы — не остался пустъ. Нашелся человѣкъ, который кое-какъ исправилъ руины древняго Колизея и сталъ потѣшать въ немъ публику. Такимъ-образомъ, въ Кишеневѣ теперь два театра: старый состоитъ подъ управленіемъ мѣстнаго жителя Прункула, а новый, подъ управленіемъ Соколова. Въ старомъ, доживающемъ свою годовщину, обращаетъ на себя вниманіе г-жа Кравченкова. Мягкость голоса, непринужденность игры, благородныя манеры и наконецъ, не послѣднее достоинство въ актрисѣ, стройный ростъ, пріятная наружность и чистое произношеніе сдѣлали ее любимицей публики. И нельзя не сознаться, что подобной драматической артистки въ Кишиневѣ никогда не бывало. Кто видѣлъ ея игру, тотъ безусловно согласится съ мнѣніемъ кишеневской публики, что г-жа Кравченкова истинно сокровище для этой сцены.

Г-нъ и г-жа Бобровы въ составѣ этой трупы занимаютъ также первое мѣсто. Г-нъ Бобровъ—какъ прекрасный комикъ, а г-жа Боброва какъ миленькая актриса, исполняющая роли молоденькихъ, наивныхъ дѣвушекъ. Въ водевилѣ никто лучше ея не поетъ куплетовъ. Голосъ ея свѣжъ, чистъ и звученъ; каждый выходъ г-жи Бобровой встрѣчается шумнымъ аплодисментомъ. Г-жа Протасова 1-я въ роляхъ старухъ весьма натуральна. Ей знакомы почти всѣ провинціальныя сцены, и вездѣ она играла съ большимъ успѣхомъ. Г. Леоновъ, бывшій когда-то на роляхъ молодыхъ людей, прежде живой, полный энергіи, развязный г. Леоновъ теперь кажется вялымъ, безжизненнымъ. Еще можно не безъ удовольствія видѣть его въ нѣкоторыхъ драмахъ. Г. Протасовъ, конечно, не безъ дарованія и опытности, но большой охотникъ до фарса, особенно въ роляхъ простаковъ—гдѣ эти фарсы переходятъ за предѣлы комизма и становятся черезъ чуръ приторны. О немъ же, какъ о режиссерѣ трупы, мы должны замѣтить, что многіе изъ сюжетовъ часто бываютъ не на своихъ мѣстахъ, между-тѣмъ, какъ въ болѣе эфектныхъ роляхъ мы видимъ самаго г. режиссера. Объ остальныхъ актерахъ и актрисахъ,

какъ-то: о г-жахъ Левицкой, Михайловой 2-й и о гг. Дмитріевѣ, Новиковѣ, Козобродскомъ, мы когда-нибудь поговоримъ отъ скуки. Впрочемъ, долгъ справедливости требуетъ замѣтить, что эти актеры не такого рода персонажи, которые уже вовсе для сцены не годятся. Къ этому роду театральныхъ сюжетовъ принадлежитъ только одна Протасова почти безталантная и въ драмѣ, и въ комедіи, и въ водевилѣ, и какъ фигурантка, и какъ статистка. Она постоянно играетъ въ роляхъ самыхъ важныхъ съ кокетливыми манерами, съ фальшивымъ голосомъ и даже съ обыкновеннымъ иногда незнаніемъ и самой роли. Объ этомъ театрѣ мы должны замѣтить еще одно и весьма важное неглижерство. Здѣсь играютъ пьесы съ мéньшими или бóльшими пропусками, смотря по количеству посѣтителей. Напримѣръ: недавно давали Эсмеральду, и такъ-какъ было мало зрителей, то «четыре рода любви», изъ любви къ быстротѣ, были превращены въ Тришкинъ кафтанъ. Музыка стараго театра весьма плоха. Аріи и куплеты всегда поются въ диссонансъ съ музыкой. Въ антрактахъ трагедій и водевилей вѣчно слышится мазурка или старый вальсъ и полька. Далѣе, къ недостаткамъ стараго театра должно отнести: 1) уничтоженіе прежде бывшаго фойе, въ которомъ было, при г. Соколовѣ, все такъ чисто и опрятно, причемъ посѣтитель могъ пользоваться нѣкоторыми журналами и періодическими изданіями, и 2) наглухо забиты всѣ прежде бывшіе выходы изъ театра, кромѣ однихъ главныхъ, а это заставляетъ зрителей, выходящихъ изъ галлереи, ложъ и креселъ, представлять картину толкучаго рынка... Сказавъ нѣчто о старомъ, обратимся къ новому театру, въ составѣ труппы котораго занимаютъ первое мѣсто г-нъ и г-жа Михайловы. Эти даровитые сюжеты, старые друзья Кишенева и давно не разстаются съ Кишеневымъ. Особенно хорошъ г-нъ Михайловъ въ малороссійскихъ роляхъ; а г-жа Михайлова въ драмѣ истинно прекрасна. Дѣвицы Эльстраки, 1-я и 2-я, хорошія пѣвицы, но дурно владѣютъ русскимъ языкомъ... Г-жа Людвигъ, послѣ бенефисныхъ букетовъ и стиховъ, постоянно доказываетъ игрой своей, что оцѣнила эти поощренія, и теперь съ каждымъ спектаклемъ она видимо идетъ впередъ. Г-нъ Громовъ извѣстенъ не одному Кишеневу, какъ драматическій артистъ и какъ переводчикъ драматическихъ пьесъ съ польскаго. Г-нъ Соболевъ (недавно прибывшій), при первомъ спектаклѣ, въ роли «Ляпунова», былъ болѣе, чѣмъ хорошъ. Г. Сливскій, недавно появившійся на сценѣ новаго театра, успѣлъ уже понравиться публикѣ; талантъ его разнообразенъ, усердія много. Что же касается до гг. Охотникова, Григорьева, Звѣздочкина, то объ нихъ повторимъ то самое, что сказали о театральной мебели стараго театра. Конечно

намъ бы слѣдовало указать и на игру г. Соколова, но на него не поднимается рука! Почтенный труженикъ искусства въ послѣднее время почти совершенно потерялъ зрѣніе, а съ этой печальною утратою, и ощупью идя на сценѣ—уйти далеко нельзя. Оркестръ новаго театра сформированъ довольно хорошо. Дирижеръ его, г. Ляхеръ, даровитый музыкантъ и знатокъ своего дѣла; при этомъ считаемъ не излишнимъ замѣтить, что въ нашемъ новомъ театрѣ костюмы всѣ безъ исключенія очень стары. Желательно, чтобы г. Соколовъ замѣнилъ эту печальную ветошь чѣмъ-нибудь поприличнѣе. Декораціи таковыя же, какъ костюмы. Театръ освѣщается ни лучше, ни хуже, какъ всѣ таверны Лондонскихъ Тайнъ и Подземелья Радклифъ. Заключимъ наше краткое сказаніе о кишеневскихъ театрахъ немногими словами, которые вполнѣ выражаютъ желаніе большинства кишеневской публики. Два театра не улучшаютъ и не увеличиваютъ нашихъ сценическихъ удовольствій, которыя несомнѣнно могутъ увеличиться тогда только, когда обѣ труппы г. Соколова и г. Прункула соединятся вмѣстѣ... Успѣхъ отъ этого дѣла очевиденъ: у г. Соколова есть *умѣнье*, а у Прункула имѣнье... Чего не сдѣлаетъ практическій умъ съ деньгами.

Н. ГЕРБАНОВСКІЙ.

—

КІЕВСКІЕ ТЕАТРЫ.

Въ Кіевѣ также два театра, и замѣтьте, что — оба временные, первый, въ Липкахъ, въ домѣ генерала Бѣлоградскаго, подъ управленіемъ К. Федецкаго, (контрактъ заключенъ на три года), другой, на Подолѣ, подъ управленіемъ бывшаго директора варшавскаго балета, г. Мориса-Піонъ (по контракту на шесть лѣтъ). Такъ-какъ труппа г. Мориса-Піонъ еще не давала своихъ представленій, а только намѣрена начать съ открытіемъ контрактовъ, то мы и сообщимъ о нихъ при первой возможности. Теперь же скажемъ нѣсколько словъ о театрѣ въ Липкахъ. Помѣщеніе этого театра уже черезчуръ миніатюрное, оно состоитъ: изъ 96-ти креселъ 17-ти ложъ и партера; полный сборъ простирается не свыше 150 рублей серебромъ, а съ такими доходами далеко не уйдешь! Спектакли состоятъ изъ польскихъ и русскихъ одноактныхъ водевилей, а иногда и изъ пяти-актной комедіи, напримѣръ, «Ревизоръ»— Гоголя... Трудно и грустно вспомнить объ исполненіи этой пьесы труппою Федецкаго, и мы рѣшительно не вызывали бы минувшаго, еслибъ роль Хлестакова исполнялъ кто-нибудь другой, а не любимецъ харьковской публики—г. Зубовичъ, который былъ хорошъ, безъ

всякаго упрека... О другихъ исполнителяхъ молчимъ; плохихъ и бездарныхъ артистовъ вездѣ много, дурно играютъ пьесы не въ однихъ Липкахъ, и потому, давая полный отчетъ о исполненіи «Ревизора», мы ничего не скажемъ новаго и пріятнаго... Труппою г. Федецкаго первый спектакль данъ былъ 18-го ноября прошлаго года, и состоялъ изъ пьесъ, на русскомъ языкѣ: «Дѣвушка-Гусаръ» Ѳ. А. Кони, на польскомъ: «Путетшественникъ и путешественница», и на малороссійскомъ: «Москаль-Чаривникъ». Нѣтъ сомнѣнія, что при такомъ разнообразіи и на случай открытія театра — онъ былъ полонъ посѣтителями. Такъ-какъ въ театрѣ этомъ только бельетажъ, а бенуара нѣтъ, то бо́льшая часть зрителей смотрѣла изъ-подъ ложъ. Какое же оставилъ по себѣ впечатлѣніе первый спектакль?.. Право, рѣшить трудно... Тѣ, которые понимаютъ польскій языкъ, оставя театръ, вынесли съ собою много удовольствія, доставленнаго имъ игрою г. Федецкаго, его женою и сестрою; — дѣйствительно всѣ трое сыграли превосходно, и пьеса прошла плавно, хорошо, живо и согласно! Пьесы русскія прошли холодно, незамѣтно, и мы не могли бы прослушать ихъ безъ признательной зѣвоты, еслибы къ довершенію зла и горя — въ нихъ не приняли участія г. Рекановскій (Чупруна), гг. Звѣревъ (школяра), Степановъ (сынъ пивовара), а г-жа Звѣрева (Габріель). Труппа г. Федецкаго въ настоящее время сдѣлалась еще меньше; сперва она состояла изъ 9-ти лицъ, а теперь ограничивается скромною цифрою 6. Г-жа Звѣрева, и гг. Сазоновъ и Степановъ перешли въ труппу г. Мориса-Піонъ.

Самъ г. Федецкій занимаетъ амплуа (въ польскихъ пьесахъ) молодыхъ кутилъ, фатовъ, повѣсъ и любовниковъ. Игра его вездѣ легкая, плавная и непринужденная. Обладая пріятною дикціею и благородною манерою, онъ отлично выполнялъ роли: Держантіеръ (Захожденіе солнца), Шарлемань, Дюкре (Карета) и многія другія. Немалое достоинство въ немъ то, что онъ знаетъ прекрасно мимику, понимаетъ сцену, и до конца выдерживаетъ пьесу. Отъ души совѣтуемъ ему не браться за русскія роли, но играть только въ пьесахъ на польскомъ языкѣ.

Г-жа Федецкая и ея хорошенькая сестрица играютъ очень мило, но такъ же не въ русскихъ, а въ польскихъ пьесахъ; онѣ обѣ довольно развязны, несмотря на то, что дѣвицѣ Федецкой едва-ли исполнилось 14 лѣтъ... Есть въ Кіевѣ такіе дилеттанты, которые апплодируютъ ей въ русскихъ роляхъ... Но это ужъ *рыцари люстры*... Суди ихъ Фебъ! Очевидно, что они не друзья, а враги молодой актрисы... Своимъ шумнымъ браво съ хлопушкой они не поощряютъ, а обижаютъ актрису, потому-что она сама знаетъ, что дурно говоритъ по-русски, ибо часто смѣется на сценѣ неудачно произнесенному ею слову.

Амплуа молодыхъ любовниковъ, то-есть, самыя неблагодарныя роли, играетъ г. *Стоппель*, у котораго запасъ дарованія не составляетъ большаго груза; однако есть надежда, что онъ разовьется и, при стараніи, будетъ однимъ изъ хорошихъ актеровъ въ провинціи. Кромѣ названныхъ нами актеровъ на польскія роли, въ труппѣ г. Федецкаго есть еще г. Шмитковъ и г–жа Дріонъ — но о нихъ ни намъ, ни исторіи говорить не слѣдуетъ...

Изъ актеровъ для русскихъ ролей, можно сказать положительно, кромѣ г. Зубовича никого нѣтъ, и онъ безпрепятственно занялъ здѣсь первое амплуа, которое, до его пріѣзда, было постоянно вакантно. Г. Зубовичъ артистъ съ большимъ талантомъ, и кіевская публика полюбила и приняла его отъ души. Первый дебютъ его былъ въ первыхъ числахъ января, въ роляхъ Губкина («Студентъ артистъ, хористъ и аферистъ» Ѳ. А. Кони) и Елизара (Вечеръ на хуторѣ), потомъ онъ игралъ въ продолженіи «Студента–артиста», г. Григорьева, роль Заборскаго (Утка и стаканъ воды), и вездѣ былъ превосходенъ. Сердцу больно, когда вспомню, что Зубовичъ попалъ въ ту труппу, гдѣ нѣтъ ему подобныхъ, и можетъ заблаговременно изжить, израсходовать свой талантъ!

Дѣвица Гончарова, молоденькая, рѣзвая, недурная собой и развязная актриса, занимаетъ первыя роли въ русскихъ пьесахъ, но тоже по необходимости, потому–что она одна на русское амплуа. Со-временемъ есть надежда, что она будетъ дѣльной актрисой... А теперь, должны безпристрастно сказать, она играетъ посредственно...

Г. Шмитковъ иногда занимаетъ роли молодыхъ людей, а иногда стариковъ... Роль Рожкова (Утка и стаканъ воды) была имъ выдержана довольно хорошо.

Есть еще нѣсколько актеровъ и актрисъ, но всѣ они не выходятъ изъ второй шеренги, и только *первыми* стоятъ *отъ воды*.

Декораціи довольно удовлетворительны; костюмы, если иногда не соотвѣтствуютъ роли, то это въ провинціи бываетъ часто; если въ оркестрѣ играетъ пять и много семь человѣкъ, то это тоже не бѣда,— мы пришли смотрѣть театръ, а не слушать оперу или концертъ. Вотъ краткій обзоръ труппы и театра г. Федецкаго.

Съ открытіемъ театра и балета г. Мориса-Діонъ будетъ дебютировать первая танцовщица придворнаго вѣнскаго театра, дѣвица Тереза Риза, которая, какъ видно изъ объявленія, выступитъ въ роли Клеоры, въ балетѣ: «Акбаръ, атаманъ морскихъ разбойниковъ».

А. ФОНЪ-ЮНКЪ.

—

ХАРЬКОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

Настоящій отчетъ о харьковскомъ театрѣ начинается г-жею Ѳедоровою, и вотъ — какъ двусмысленно нашъ корреспондентъ рисуетъ ея портретъ и говоритъ о ея достоинствахъ. «Г-жа Ѳедорова, наша королева, субретка, героиня, — все, что хотите. Посмотрите на ея величественную походку, на ея гигантскій ростъ, послушайте ея голосъ, и вы станете въ изумленіе, и спросите себя: откуда явилось на сценѣ губернскаго города такое чудо? Это чудо, мм. гг., явилось къ намъ еще въ незапамятное время: откуда — того положительно незнаемъ. Воспитанница школы, она въ первое время выходила украдкою на сцену, но не признанная неблагодарными столичными жителями, не умѣвшими цѣнить ея блестящаго дарованія, не видѣвшими огня, таившагося въ ней, — г-жа Ѳедорова бросила столицу и отправилась въ провинцію.... Но ей, какъ видно, на роду написано быть вездѣ *непризнаннымъ геніемъ*, и наконецъ у насъ въ Харьковѣ, благодаря, вѣроятно, климату (?) и другимъ побочнымъ обстоятельствамъ, нашла она то, чего такъ долго искала. Здѣсь она обжилась, и одна дирекція, сдавая другой театръ, движимое и недвижимое имущество, сдаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и г-жу Ѳедорову, какъ необходимую принадлежность его... Сначала она играла невинныхъ дѣвушекъ, граціозныхъ созданій, но потомъ взглянула какъ-то въ зеркало, и увидѣвъ свою величественную фигуру, сказала самой себѣ: «Э, да чѣмъ я не героиня!» — И вотъ г-жа Ѳедорова сдѣлалась театральной героиней. Спасибо ей и зато, потому-что тутъ хоть фигура соотвѣтствуетъ роли... Но иногда *воспоминанія дѣтства* пробуждаются въ душѣ ея, и она снова является намъ молодою страдалицей, жертвою любви и несчастій. Такъ, я помню, играла она роль Маріи въ драмѣ *Старая мыза;* здѣсь она была молодою дѣвушкой, любящей тайно и боящейся оскорбить честныя сѣдины старика отца... Ее дѣлаютъ царицею праздника розъ, и по принятому въ этихъ случаяхъ обыкновенію, несутъ на торжественныхъ носилкахъ... Смѣйтесь, любезные читатели, а мы плакали, плакали изъ сожалѣнія, не къ судьбѣ бѣдной дѣвушки, а къ участи бѣдныхъ носильщиковъ... и проч. и проч., все въ такомъ же родѣ... Да не оскорбится г-жа Ѳедорова моими замѣчаніями, говоритъ рецензентъ; виноватъ ли я, что у нея такъ мало таланта, что дикція ея монотонна и однообразна, никогда не повышается и не понижается, что голосъ ея дребезжитъ, какъ слабо натянутая струна, и что читая какой-нибудь страстный монологъ, она похожа на школьника, говорящаго дурно и заикаясь вытверженную басенку.

Если современемъ у насъ будутъ писаться роли для рослыхъ артистокъ, то и г–жа Ѳедорова займетъ первое амплуа...

Но перейдемъ къ г–жѣ Микульской, недавно выступившей на сцену нашу и успѣвшей уже снискать себѣ расположеніе и любовь той части публики, которая не увлекается партіями, съ нѣкоторыхъ поръ такъ сильно дѣйствующими въ Харьковѣ,—и смотритъ равно строго на всѣхъ артистовъ. Г–жа Микульская на нашей сценѣ всего два мѣсяца; первый дебютъ ея былъ въ водевиляхъ: «Барабанщикъ», «Двое за шестерыхъ» и «Взаимное обученіе». Признаюсь, не совсѣмъ благопріятное впечатлѣніе произвелъ на меня этотъ первый дебютъ, и хотя въ нѣкоторыхъ сценахъ артистка выказала присутствіе въ ней истиннаго, врожденнаго таланта, но все какъ будто–бы чего-то не доставало для того, чтобы можно было сказать: «вотъ отличная актриса!» Во второй разъ видѣлъ я ее въ *Полковникѣ старыхъ временъ*, и съ восхищеніемъ поздравилъ и себя и харьковскую публику съ новымъ, отличнымъ пріобрѣтеніемъ: такъ хороша она была въ этой пьесѣ, такъ ловко и ново передала она роль Юлія де Креки, столько разъ игранную и переигранную.... Немногіе забудутъ, надѣюсь, прекрасныя минуты, доставленныя намъ нашею новою гостьею въ роляхъ Ришелье (Первое волокитство Ришелье), Анеты (Комедія съ дядюшкой), Полиньки (Новички въ любви), Сабины (Деревенская простота) и т. п. Главное амплуа ея — роли мужскія, вѣтренныхъ и вмѣстѣ наивныхъ дѣвушекъ;—но что̀ будете дѣлать съ нашею дирекціею, или скорѣе, съ нашею публикою. Извѣстной части публики нужны непремѣнно большія драмы, дирекція должна ихъ ставить; г–жа Ѳедорова теперь играть не можетъ, — и вотъ на артистку водевильную взвалили огромныя драмы, въ родѣ Живой Покойницы, Антонія, Смерть или Честь, Каспара Гаузера, и т. п. Глядя на г–жу Микульскую въ этихъ пьесахъ, видно было, что у ней есть и душа и чувство, что она ясно сознаетъ то, что̀ играетъ, чувствуетъ не какъ актриса, а какъ женщина, но нѣтъ навыка, нѣтъ еще умѣнья передать вполнѣ драматическую роль.... Согласитесь, что бо̀льшая часть нашихъ драматическихъ ролей поставлены на ходули, самое простое чувство облегчено часто въ напыщенныя фразы, лишено натуры, и поэтому, чтобы стать на ходули, нужно упражненіе, навыкъ, а этого еще нѣтъ у г–жи Микульской: драму она читаетъ какъ–то на распѣвъ, и видно, что ей трудно покамѣсть сладить съ своимъ новымъ амплуа. Зато какъ перерождается она въ *своихъ* пьесахъ, какъ входитъ она въ свою роль! Вы часто забываете, что видите актрису: вамъ кажется, что передъ вами или ловкій полковникъ стараго времени, безпечный, влюбчивый, благородный, или мальчикъ Ришелье, этотъ молодой любимецъ женщинъ. Одно изъ большихъ достоинствъ

г–жи Микульской—это пламенная любовь ея къ сценѣ и вниманіе къ ролямъ своимъ, (что, между нами будь сказано, рѣдкость между нашими актерами: иной выходитъ на сцену и не прочитавши роли, и когда его спросишь: «какъ вы станете играть», онъ молча указываетъ на суфлерскую будку, какъ на спасительный барказъ, а на суфлера, какъ на кормчаго, который долженъ провести его черезъ всѣ подводные камни....) Это усердіе къ искусству даетъ намъ право надѣяться, что г–жа Микульская станетъ со-временемъ на ту степень развитія, на которую становится истинный талантъ, когда, пройдя различныя испытанія, повстрѣчавъ много хорошаго и дурнаго, онъ является въ настоящемъ своемъ свѣтѣ. Не можемъ еще умолчать объ умѣньи г–жи Микульской одѣваться и о богатствѣ ея костюмовъ, дѣйствующихъ на публику тѣмъ болѣе пріятно, что наши театральные испанцы одѣты часто французами, временъ Людовика XIV, а французы той эпохи ходятъ въ кафтанахъ временъ XVIII–го столѣтія.

Послѣ г–жи Микульской нельзя не отдать должной справедливости г–жѣ Ладиной, занимающей роли комическихъ старухъ и исполняющей ихъ съ неподдѣльнымъ, истиннымъ комизмомъ. Это артистка толковая, очень даровитая, и ни одного замѣчанія не можемъ мы ей сдѣлать, развѣ только то, чтобы она не бралась за роли старухъ серьозныхъ. Впрочемъ, тутъ не ея вина: ей даютъ эти роли, и отказываться нельзя.

Но тише, тише.... слышите пѣснь:

«Это онъ, это онъ, мой полкъ родной!»

слышите? это поетъ нашъ закулисный чижикъ, г–жа Червинская. Г–жа Червинская пріѣхала къ намъ года полтора тому назадъ изъ Вильны и привезла съ собою мѣстный выговоръ, непріятно подѣйствовавшій на насъ, привыкшихъ слышать чисто русскія рѣчи; вмѣстѣ съ этимъ выговоромъ привезла она излишнюю самоувѣренность въ своемъ талантѣ. Правда, что съ теченіемъ времени рѣзкость выговора ея немного изгладилась, правда и то, что игра ея значительно улучшилась, но самоувѣренность осталась, поддерживаемая еще болѣ *любезными кавалерами*, нашептывающими безпрестанно молодой актрисѣ, что она чуть–чуть не Самойлова.... Вѣрьте мнѣ, г–жа Червинская, не увлекайтесь похвалами тѣхъ, которымъ нѣтъ дѣла до развитія вашего театральнаго дарованія, а которые заботятся только о развитіи вашей красоты; (такъ какъ красота актрисы не составляетъ предмета рецензіи, то я умолчу объ этомъ достоинствѣ г–жи Червинской); начните заниматься ролями, входите въ нихъ, слѣдуйте примѣру хорошихъ артистовъ и учитесь у

нихъ, не думайте, что безъ васъ нельзя обойтись и что вы одна опора нашего театра, и я увѣряю васъ, что отъ этого будетъ лучше и вамъ, и публикѣ. Природа надѣлила васъ извѣстною степенью таланта, требующаго долгаго и долгаго развитія; зачѣмъ же пренебрегать даромъ природы? «У меня хорошій голосъ, скажете вы, и съ нимъ я все сдѣлаю». Положимъ, у васъ голосъ хорошъ, и даже, если это вамъ нравится, увлекателенъ; но не забудьте того, что у насъ не оперная труппа, что въ водевилѣ, драмѣ и комедіи голосъ не составляетъ главнаго, и что если вамъ и будутъ аплодировать за него, то все же вашъ драматическій талантъ не пойдетъ впередъ, и тамъ, гдѣ не нужно вамъ пѣть, зрители должны будутъ жить только воспоминаніемъ о вашемъ голосѣ, а вѣдь это черезъ чуръ идеальная пища, и ее не сваритъ никакой естетическій желудокъ.

Наконецъ передъ нами еще одна артистка—г-жа Пронская, сначала заставлявшая думать, что она пойдетъ впередъ, но до-сихъ-поръ не оправдавшая надеждъ. Игра г-жи Пронской, что́ называется, *ни то, ни сё:* нѣтъ одушевленія, нѣтъ живости, нѣтъ чего-то, что́ заставляетъ публику сочувствовать актрисѣ. Были роли, (Денизы въ пьесѣ: Жена-барыня, а мужъ слуга, Анеты въ водевилѣ: Утка и стаканъ воды и т. п.), когда мы думали, что изъ г-жи Пронской выйдетъ хорошая актриса, тѣмъ болѣе, что она еще очень молода; но вдругъ талантъ ея остановился на точкѣ замерзанія. Вообще съ нѣкотораго времени замѣтно въ ней больше, чѣмъ когда-либо, отсутствіе всякой энергіи, она какъ бы убита чѣмъ-то, и выходя на сцену, часто говоритъ такъ, что́ васъ или обдаетъ холодомъ, или вы въ первомъ ряду креселъ ничего не слышите. Отчего это происходитъ — пусть рѣшитъ какой-нибудь другой смертный, а я не берусь.... Одинъ очень важный совѣтъ, который мы позволимъ себѣ сдѣлать г-жѣ Пронской — заключается въ томъ, чтобы она старалась избѣгать игры въ драмахъ, потому-что въ водевиляхъ ей помогаетъ хотя наивность, а въ драмѣ читаетъ она такъ, что голосъ ея походитъ на завываніе осенняго вѣтра.... Дай Богъ ей успѣха, дай Богъ, чтобъ прежнія надежды наши на нее оправдались! Она еще молода, занимается ролями, и, можетъ-быть, со временемъ изъ нея что́-нибудь выйдетъ.

Вотъ и весь прекрасный полъ нашъ; правда, въ глубинѣ театра толпятся еще г-жи Новикова, Соколова, Чертова и т. п.; но о нихъ, *aut bene, aut nihil*.... я избираю послѣднее.

Теперь пойдемте на мужскую половину и протянемъ сначалу руку г. Алексѣеву, нашему первому комику и любимцу всей харьковской пу-

блики. Главныя роли, которыя онъ выдерживаетъ съ большимъ успѣхомъ—молоденькіе поселяне-дурачки, робкіе молодые люди и старики-волокиты; въ нихъ заставляетъ онъ васъ любоваться имъ, смѣяться непритворнымъ смѣхомъ и дружно ему аплодировать. Но при всемъ моемъ уваженіи къ таланту г. Алексѣева, да позволитъ онъ мнѣ сдѣлать ему два замѣчанія, и да не сочтетъ ихъ упрекомъ, а просто голосомъ человѣка, желающаго отъ души не видѣть въ любимомъ артистѣ никакихъ недостатковъ: 1-е однообразіе въ пріемахъ, жестахъ и въ тонѣ голоса и 2-е не всегдашнее глубокое изученіе ролей, (въ этомъ второмъ недостаткѣ нельзя, впрочемъ, вполнѣ упрекнуть нашего комика: его заставляютъ играть такъ часто и въ столькихъ пьесахъ, что, право, не станетъ времени даже для изустнаго изученія). Еслибы г. Алексѣевъ принялъ мои скромныя замѣчанія къ сердцу, еслибы хотѣлъ онъ исправиться въ томъ, что̀ замѣтилъ не одинъ я, а многіе, — то нѣтъ сомнѣнія, что талантъ нашего любимаго артиста сталъ-бы высоко, и мы не завидовали-бы вамъ, гг. столичные жители! — Публика наша любитъ и уважаетъ г. Алексѣева; театръ всегда полонъ въ бенефисы его, и каждый, посмотрѣвъ на веселую, живую игру нашего комика, приноситъ ему душевное *спасибо* и желаетъ бо́льшаго и бо́льшаго усовершенствованія. Ничто́ не достается безъ труда, и алмазъ нуждается въ отдѣлкѣ, и самое блестящее дарованіе погибаетъ, если не сопровождается развитіемъ....

Г. Львовъ, нашъ первый драматическій актеръ, человѣкъ съ душою, исполненною неподдѣльной, истинной теплоты, понимающій драматическое искусство не такъ, какъ понимаютъ его наши провинціальные трагики: онъ не смѣется адскимъ смѣхомъ, не колотитъ себя неистово въ грудь и не смотритъ на публику такъ свирѣпо, какъ-будто говоритъ: «постойте, вотъ я васъ пройму.» Дикція его отличается чистотою и правильностію, манеры благородны, фигура соотвѣтствуетъ ролямъ, которыя онъ занимаетъ, и только въ страстныхъ сценахъ, гдѣ нужно увлеченіе, гдѣ говоритъ пылкое, молодое сердце, жаждущее одной любви, г. Львовъ холоденъ и какъ-будто не на своемъ мѣстѣ....

Замѣчательное дарованіе обнаружилось съ перваго дебюта въ г. Виноградовѣ, сыгравшемъ въ первый разъ роль Горбуна-де-Крао въ драмѣ «Пятый актъ», и сыгравшемъ ее съ рѣдкимъ искусствомъ и знаніемъ дѣла. Мы отъ души радовались новому пріобрѣтенію и ждали многихъ, прекрасныхъ минутъ.... Правда, ожиданія наши не совсѣмъ были обмануты, но и не совсѣмъ оправдались. Амплуа г. Виноградова—положительные люди, комическіе старики и холодные *злодѣи;* но во всѣхъ этихъ роляхъ замѣтна излишняя холодность, отсутствіе всякой

энергіи. Мы часто говорили объ этомъ г. Виноградову, и онъ всегда отвѣчалъ, что хочетъ какъ можно ближе подойти къ натурѣ. Положимъ такъ: но каждая натура, какъ-бы неподвижна она ни была, все-таки имѣетъ отличительныя черты свои, оттѣнки, составляющіе ея разнообразіе,— а этого нѣтъ у г. Виноградова: у него во всѣхъ роляхъ почти одинъ и тотъ же тонъ, одно и тоже безстрастіе.... А между-тѣмъ врожденнаго таланта у него бездна: одно появленіе его, одинъ взглядъ часто заставляютъ смѣяться отъ души; (стоитъ вспомнить *Земляникуу* въ Ревизорѣ, *барона де-Бель-Шасъ* въ «Первомъ волокитствѣ Ришелье,» *Шалюмо* въ фарсѣ: «Одинъ стулъ для двоихъ», и тому-подобное).

Упрекъ въ холодности и безстрастіи еще больше можно отнести къ г. Пронскому, нашему jeune-premier; — говорю, *больше*, потому-что тутъ онъ не можетъ уже отговориться стараніемъ приблизиться къ натурѣ: роли, которыя онъ занимаетъ, требуютъ большой живости, одушевленія, а онъ стоитъ на сценѣ точно не живой; для него все-равно сказать: «Я умираю, помни обо мнѣ!» и «человѣкъ, дай мнѣ стаканъ воды.» На лицѣ всегда одно и тоже выраженіе, одна и таже неподвижность; иногда промелькнетъ улыбка, но она похожа на маленькій кусокъ неба, когда онъ проглянетъ сквозь густыя тучи и потомъ опять спрячется.... Одинъ разъ г. Пронскій былъ очень и очень не дуренъ, именно въ роли Хлестакова, которую, нужно замѣтить, онъ разучилъ въ одинъ день. Хорошее выполненіе этой трудной роли навело на мысль, что г. Пронскій могъ-бы быть очень дѣльнымъ актеромъ, еслибы кто-нибудь, что́ называется, наставилъ его.... На сценѣ онъ всего годъ съ небольшимъ, одѣвается съ большимъ вкусомъ, держитъ себя очень прилично, дарованіе есть, — вотъ данныя, ручающіяся за то, что при бо́льшей живости и развязности г. Пронскій займетъ видное мѣсто на провинціальной сценѣ.... Не мѣшаетъ ему замѣтить еще и то, что нерѣдко роль его исполняется суфлеромъ.

Наконецъ мы должны упомянуть о г. Малевскомъ, пріѣхавшемъ къ намъ очень недавно на комическія роли. За недѣлю до его появленія были разосланы объявленія, въ которыхъ извѣщалось, что скоро будетъ играть пріѣхавшій изъ Вильны (опять изъ Вильны!) *извѣстный артистъ* г. Малевскій. Кому онъ былъ извѣстенъ, — это никому не извѣстно; но скоро стало извѣстно то, что г. Малевскій говоритъ не по-русски а по-польски, что русскія слова у него получаютъ совсѣмъ другое значеніе, (такъ существительное *запахъ* превратилось въ глаголъ *запа́хъ*), что на сценѣ онъ довольно развязенъ, и что если онъ считался нѣкоторыми извѣстнымъ артистомъ, то этимъ онъ дивилъ не

всѣхъ. Впрочемъ, онъ сыгралъ у насъ всего три или четыре роли, и окончательнаго сужденія о его талантѣ произнести мы не можемъ.

За нимъ слѣдуютъ еще: г. Михайловъ, актеръ полезный, но оправдывающій поговорку, что полезное не всегда соединяется съ пріятнымъ; г. Пилони, актеръ бездарный, съ голосомъ, непріятнымъ... За ними... но тутъ слѣдуютъ уже г. Новиковъ, отчаянно водящій глазами, свирѣпо смотрящій на публику, въ пьесахъ играющій наперсниковъ, а въ антрактахъ скромно передвигающій кулисы и исправляющій должность машиниста; г. Чернухинъ, съ вѣчной улыбкой на *устахъ*, со взоромъ, который, кажется, говоритъ публикѣ: «не троньте меня, я вѣдь и водой не замутилъ»; г. Ладинъ, нашъ *нотаріусъ*, очень эффектно исполняющій нѣмыя роли, и пр. и пр. и пр.

Изо всего этого вы видите, что если въ театрѣ нашемъ есть довольно много дурнаго, то зато есть на что посмотрѣть; а между-тѣмъ, въ театрѣ всегда почти пусто, и лучшіе актеры наши, теряя всякое одушевленіе, играютъ, что называется, спустя рукава. Отчего же это? спросите вы. Оттого, что здѣсь не заботятся о постановкѣ новыхъ пьесъ, а нашей публикѣ нужно всегда новое, оттого, что репертуаръ нашъ избитъ, оттого, что пьесы обставляются часто неудовлетворителенъ, (такъ въ Ревизорѣ роль городничаго исполняетъ г. Малевскій, роль Осипа г. Пилони, надъ ролями Бобчинскаго и Добчинскаго гг. Чернухинъ и Дмитренко); оттого что всѣ древніе костюмы у насъ дѣйствительно сильно пахнутъ древностію; оттого.... да мало-ли отчего? всѣхъ причинъ не перескажешь. А между-тѣмъ, эта холодность публики вредитъ не столько театру, сколько актерамъ, которые не видятъ поощренія, тратятъ «и силу, и душу, и чувство», тратятъ ихъ передъ пустыми мѣстами, и наконецъ утрачиваютъ все, что составляетъ ихъ славу и украшеніе!

Н$^{+++}$.

—

КУРСКІЙ ТЕАТРЪ.

Съ 11-го апрѣля прошлаго 1852 года, въ Курскѣ пребываетъ постоянно вновь сформированная труппа. Актеры большею частію были аганжированы въ Москвѣ — страстнымъ любителемъ театра, помѣщикомъ А. Е. Вощенко-Захарченко, который имѣетъ прекрасный оркестръ. Можно сказать, что г. Вощенко-Захарченко не щадилъ ни трудовъ, ни денегъ — и какъ человѣкъ очень образованный, вполнѣ понимая невозможность ставить на маленькой сценѣ драму, трагедію и

блистательные спектакли съ огнемъ и фонтанами, началъ съ водевилей которые, при строгомъ выборѣ и тщательной постановкѣ, шли кругло, отчетливо. Несмотря на весеннее время, театръ былъ почти всегда полонъ, такъ-что билеты нужно было пріобрѣтать за недѣлю.

Первое мѣсто между артистами, составлявшими труппу, принадлежало, безспорно, г-жѣ Алинской. Она обладаетъ пріятнымъ голосомъ, знаніемъ сцены и развязностію.

За нею назовемъ г-жу *Гусеву 2-ю,* которая недурна въ роляхъ наивныхъ дѣвушекъ, крестьянокъ и въ роляхъ съ переодѣваньемъ.

Г-жа *Лилѣева* производила фуроръ цыганскими пѣснями.

Г-жа *Гусева 1* Фигура ея баснословно массивна, и въ комическихъ роляхъ, особенно въ пейзанскомъ костюмѣ, она производила удивительный эфектъ. Пѣла прекрасно и играла всегда съ душой и съ замѣтнымъ стараніемъ.

Г-жа *Полякова.* Такъ-себѣ! За неимѣніемъ лучшей, играла вторыя роли старухъ; но въ роляхъ простыхъ бабъ, въ родѣ слесарши въ «Ревизорѣ», она неподражаема.

Г. *Артюръ-де-Сегенъ,* роли первыхъ любовниковъ, фатовъ, повѣсъ, отчаянныхъ кутилъ и т. п. игралъ чень хорошо. Имѣя въ высшей степени подвижную физіономію и множество неподдѣльнаго комизма, онъ приводилъ курскую публику въ восторгъ и былъ первымъ изъ ея любимцевъ.

Г. *Садовскій 2.* На роли резонеровъ и на амплуа втораго комика... былъ недуренъ

Г. *Васильевъ 2.* Молодой человѣкъ съ талантомъ и пріятною наружностію; отличался незнаніемъ ролей, и однажды отличился въ пьесѣ «Еще Робертъ» (Роберта) и въ роли Спичкина въ Водевилѣ съ переодѣваньемъ.

Г. *Докучаевъ.* Счастливой наружности, съ пріятнымъ голосомъ, и пріятной манерой. Только въ однихъ роляхъ — перваго любовника онъ былъ неудовлетворителенъ: говорилъ такъ сладко, чуть дыша, со вздохами и плаксивою физіогноміей, которая нимало не шла къ его порядочному росту.

Г. *Жермень* (Большаковскій). Въ роляхъ простаковъ очень хорошъ, въ-особенности Жано Бижу (Цирульникъ-Стихотворецъ) и Жужу (Парики).

Г. *Александръ* (Александровъ, Дрейеръ). Былъ меньше, нежели ничто; и находясь въ хорошей труппѣ, вскорѣ на нашихъ глазахъ — переродился совершенно... Занялся изученіемъ ролей, внимательно наблюдалъ игру товарищей — и изъ суфлерской будки (откуда часто

выходятъ лучшіе провинціальные актеры) явился на сценѣ, удачно, къ общему изумленію, исполнивъ роль Шапо (Взаимное обученье). О гг. Драво, Васильевѣ, Стотти — сказать нечего!

Въ маѣ мѣсяцѣ труппа отправилась въ Лебедки, и около 20 іюня возвратилась изъ Коренной ярмарки опять въ Курскъ. Публика, насытившись вдоволь всѣми удовольствіями, разбрелась по деревнямъ. Городъ опустѣлъ. — Въ театрѣ продолжались регулярно три раза въ недѣлю спектакли. Сборы сдѣлались очень плохи и часть труппы неизбѣжно должно было отпустить. Въ августѣ мѣсяцѣ, случайно, какъ-то проѣзжалъ чрезъ Курскъ г. Живокини 1, съ сыномъ Живокини 2 (гг. столичные артисты къ намъ попадаютъ всегда почти случайно). Имя такого гостя, какъ г. Живокини, не могло не сдѣлаться общею приманкой, и театръ въ пять спектаклей — былъ совершенно полонъ. Наконецъ кончился и тріумфъ заѣзжаго гостя, а съ нимъ затворились и двери опустѣлаго храма Таліи. Бездѣйствующая труппа оставила Курскъ и перебралась въ Орелъ, гдѣ, не жалѣя никакихъ издержекъ, г. Вощенко-Захарченко устроилъ въ манежѣ сцену, кресла, партеръ и проч. Въ Орелъ случайно явился тотъ же г. Живокини, и участвовалъ въ десяти спектакляхъ. Не съ большими успѣхами труппа возвратилась въ родной городъ Курскъ, гдѣ ее ждало то же невниманіе. Театръ былъ пустъ совершенно. Нѣкоторыя изъ хорошо знакомыхъ со вкусомъ публики совѣтывали измѣнить репертуаръ и ставить драмы, что̀ г. Вощенко-Захарченко и сдѣлалъ. Явился г. Рыбаковъ съ своей супругой. Первый игралъ въ роляхъ Гамлета, Нино, Доверстона, Дятла, свирѣпствовалъ, оглашая раздирающими звуками залу, плакалъ; но толпа ему не внимала, и послѣ двухъ представленій театръ совершенно бросили. Рыбаковы брали по 35 рублей серебромъ за спектакль. Г-жа Рыбакова пустилась было въ водевиль; но и тутъ неудача! Рыбаковыхъ смѣнилъ ветеранъ московской сцены г. Орловъ, и игрою Осипа, (Ревизоръ) которою онъ говорятъ когда-то производилъ чудеса въ Москвѣ—не произвелъ никакого эфекта. Появленіе Орлова было лебединою пѣснью. Театръ покинули совершенно, къ нему охладѣли рѣшительно. Г. Вощенко-Захарченко снова увезъ труппу въ Орелъ, на масляницу, и говорятъ, театръ былъ полонъ. Нѣкоторые изъ артистовъ на великій постъ возвратились въ Курскъ, другіе остались въ Орлѣ. Г. Захарченко привезъ изъ Москвы артистку балетной труппы г-жу Каблукову и, кажется, вмѣстѣ съ нею передалъ всю труппу П. В. Малѣеву. На громкое воззваніе г. Малѣева (въ Кур. Губ. Вѣд. и С. Пет. Вѣд.) поддержать театръ абонементомъ на десять спектаклей, въ ожиданіи будущихъ удовольствій, курская публика отвѣтствовала равнодушнымъ

молчаніемъ. Г. Малѣевъ, чрезъ два мѣсяца разстался съ дѣтьми Аполлона и передалъ ихъ другимъ, а какъ всякіе дѣти, не исключая и Аполлоновыхъ, у семи нянекъ бываютъ безъ глазу, то и курская труппа, переходя изъ однихъ рукъ въ другія—совершенно въ-послѣдствіи не была уже похожа на первую. Изъ порядочныхъ артистовъ остались одни Гусевы — и какъ жаль видѣть ихъ на сценѣ, окруженныхъ Павловыми, Даниловыми и т. п. Подъ-пару къ послѣднимъ недостаетъ еще Ижорскаго и Ижорской (Виноградова). Послѣдняя въ труппѣ г. Вощенко-Захарченко была на выходахъ и иногда, для вящаго разнообразія, качучировала и тамбуринировала, все на одинъ ладъ, и ихъ-то хотятъ выписывать!

Теперь мы въ совершенной безнадежности. Долго и очень долго намъ не наслаждаться удовольствіями сцены... Вѣрно въ Курскѣ не ко двору хорошая труппа!

Ѳ. И. ГРѢХНОВСКІЙ.

ТЕАТРЪ ВЪ КОСТРОМѢ.

Въ послѣднее время Кострома несказанно богата удовольствіями: театръ, благородный спектакль, балы въ домѣ Собранія и въ частныхъ домахъ, маскерады, гулянья, концерты, московскіе цыгане — все! желать нельзя болѣе! Взглянувъ на этотъ перечень наслажденій — всякій можетъ думать, что скука въ Костромѣ вещь необыкновенная. Но кто такъ думаетъ, тотъ ошибется, и ошибется жестоко. Скука здѣсь дѣло обыденное и на частныхъ вечеринкахъ, и на большихъ пирахъ. У насъ отъ скуки играютъ, отъ скуки зѣваютъ, отъ скуки бѣгаютъ и непремѣнно попадаютъ на нее. Если же Кострома теперь веселится, такъ это дѣло случая, стеченіе разныхъ непредвидѣнныхъ, и слѣдовательно, невходящихъ въ обыкновенный, вседневный разсчетъ обстоятельствъ.

Новости театральныя и хороши, и дурны... Къ числу первыхъ отнесемъ пріѣздъ новаго актера: г. *Гумилевскаго* съ женою и актера *Чернышева*. Послѣдній человѣкъ съ большимъ дарованіемъ, и именно такой, въ какомъ нуждалась труппа: амплуа его никѣмъ не было занято, за неимѣніемъ кандидатовъ, и по этой причинѣ многія прекрасныя пьесы оставались нетронутыми и неизвлеченными изъ пыли театральнаго архива. Г. Чернышевъ комикъ, вполнѣ удовлетворяющій своему назначенію. Мы даже смѣло назовемъ этого актера художникомъ, какой нуженъ въ-такъ называемыхъ классическихъ пьесахъ, въ которыхъ тонко и съ глубокимъ знаніемъ человѣческаго сердца

очерченные характеры требуютъ художественной отдѣлки, пониманія этихъ характеровъ и изученія самой природы человѣческой. Онъ игралъ Гарпагона въ Мольеровой пьесѣ: «Скупой», и надо отдать ему справедливость, что одна эта роль доставляетъ ему заслуженную похвалу и благодарность со стороны публики. Здѣсь не помогаетъ рутина, здѣсь фарсы и пошлые куплеты, сказанные на распѣвъ, съ особеннымъ удареніемъ, не являются на выручку бездарному актеру. Гарпагонъ типъ, типъ многосторонній и требующій основательнаго и долгаго изученія. Ухватки, увертки, гримасы, дрожаніе мускуловъ и судорога ихъ не дадутъ намъ вѣрнаго понятія о характерѣ Гарпагона; одинъ только талантъ сильный, находчивый, одаренный пониманіемъ и воспріятіемъ человѣческой страсти, можетъ передать его. За эту роль можетъ взяться или смѣлость, или истинный талантъ. Пріятно сознаться, что г. Чернышевъ выполнилъ эту трудную задачу съ честью, и заставилъ публику, такъ легко скучающую въ классическихъ пьесахъ, съ удовольствіемъ и лестнымъ для актера вниманіемъ слѣдить за ходомъ мольеровскаго «Скупаго». Въ особенности г. Чернышевъ хорошъ былъ въ послѣдней сценѣ третьяго дѣйствія. Надѣямся, современемъ, если онъ останется въ Костромѣ, сообщить объ немъ подробнѣе. Къ непріятнымъ вѣстямъ принадлежитъ отъѣздъ г. Садовскаго, Бѣляева и четы Докучаевыхъ, которые, по разнымъ недоразумѣніямъ съ антрепренеромъ, оставили нашъ городъ. Скажемъ имъ спасибо за доставленное намъ удовольствіе и пожелаемъ имъ счастливаго пути!

Въ остальномъ составѣ труппы замѣчается, какъ и прежде, все тотъ же недостатокъ въ женскихъ персонажахъ на роли любовницъ и вообще молодыхъ дѣвицъ. Вообще хорошихъ актрисъ здѣсь слишкомъ мало въ сравненіи съ составомъ труппы; оттого многія пьесы идутъ дурно, а другія остаются совершенно неисполненными. Пренебреженіе этой частью даетъ намъ право вывести заключеніе, что г. Солорьевъ, антрепренеръ труппы, худо понимаетъ свою собственную выгоду и вообще немного смыслитъ въ театральномъ дѣлѣ.

Г. *Платоновъ*, молодой человѣкъ прекрасной наружности (это, впрочемъ, излишнее условіе для актера въ роляхъ первыхъ любовниковъ), недавно поступившій на сцену, подаетъ пока только надежды на будущее. Если онъ оставитъ нѣкоторую манерность, которая сильно проявляется въ его пѣніи куплетовъ, станетъ тверже выучивать свои роли, и будетъ подражать болѣе природѣ, то, быть-можетъ, современемъ пріобрѣтетъ имя полезнаго актера.

Къ ужасу всѣхъ *меломановъ*, на нашей сценѣ кочуетъ цыганскій таборъ. Примадонны, весьма старыя, любопытныя только для

антикварія, заглушаютъ всѣхъ своимъ дикимъ, неистовымъ ревомъ. Репертуаръ у нихъ очень бѣденъ, но грудь, къ несчастію, очень здорова. Удивляемся, и, простите нашему профанизму, не понимаемъ, кому этотъ крикъ и гамъ могутъ нравиться. Животное, находясь подъ пыткой истязанія, не можетъ кричать неистовѣе, пронзительнѣе этихъ дикарей. Какъ бы они хорошо сдѣлали, еслибы оставили нашу маленькую сцену, сказавъ себѣ: «Мнѣ душно здѣсь — я въ лѣсъ хочу!» Туда имъ и дорога!

Какъ-будто въ насмѣшку, судьба прислала намъ концертиста, играющаго на *гитарѣ*. Кажется, контрастъ не можетъ быть разительнѣе!

Г. *Соколовскій* артистъ въ полномъ смыслѣ этого слова, на такомъ бѣдномъ и неблагодарномъ инструментѣ, какъ гитара, удовлетворилъ всѣхъ вполнѣ; публика была въ восхищеніи отъ его игры «Рондо изъ оперы «Пуритане», съ акомпаниментомъ фортепьяно, выполнено было съ большимъ эфектомъ «Carnaval de Venise» забавлялъ насъ, какъ подражаніе, какъ фокусъ-покусъ, но отнюдь не какъ музыкальная пьеса. Carnaval неподражаемая, кокетливая, восхитительная пьеса на скрипкѣ, но на гитарѣ — это тыква въ-сравненіи съ ананасомъ!

Пріятнымъ долгомъ считаемъ извѣстить о двухъ благородныхъ спектакляхъ, заслуживающихъ похвалу, какъ по выполненію ихъ и наслажденію, ими доставленному, такъ и по своей благодѣтельной, благородной цѣли. Первый былъ данъ въ пользу костромскаго дѣтскаго пріюта, второй въ пользу дѣтскаго пріюта и бѣдныхъ жителей города Костромы. Благодарны мы должны быть, какъ г. Начальнику губерніи, принимавшему такое дѣятельное участіе въ составленіи ихъ, и всѣмъ участвующимъ, за ихъ прекрасную игру, такъ и нашей публикѣ, съ такою готовностію и усердіемъ поддержавшей это истинно благородное предпріятіе. Задолго до дня спектакля не было возможности добиться билета: всѣ ложи и кресла были заняты, несмотря на высокую цѣну.

Выборъ пьесъ во второмъ спектаклѣ (о первомъ не говоримъ, потому-что намъ не удалось быть въ немъ) былъ самый удачный: «Женитьба Гоголя» «Богатый холостякъ и двое женатыхъ» «Путешественникъ и Путешественница» и разнородный, прекрасный «Дивертисманъ».

Роль Подколесина была выполнена извѣстнымъ нашимъ писателемъ *А. Ѳ. Писемскимъ*, въ высшей степени превосходно; мнѣ кажется, нельзя и опытному артисту вѣрнѣе и лучше олицетворить этого нерѣшительнаго флегматика Подколесина, какимъ представилъ его г. Писемскій. Это былъ типъ, срисованный вѣрною рукою художника съ натуры; вы позабыли бы, что дѣйствіе происходитъ на сценѣ — вамъ

непремѣнно показалось бы, что предъ вами самъ нерѣшительный Подколесинъ, со всѣмъ своимъ тревожнымъ спокойствіемъ. Г. Писемскій не игралъ Подколесина, а весь переродился въ него. Превосходна была особливо сцена молчанія съ невѣстой (въ третьемъ дѣйствіи), которая была передана съ неподражаемымъ юморомъ. Хлопотунъ Кочкаревъ (графъ А. Д. Толстой) былъ преуморителенъ, и съ такимъ искусствомъ смѣшили публику онъ и морякъ Жевакинъ (*А. А. Потѣхинъ*) въ первомъ дѣйствіи, что вся публика разразилась единодушнымъ, гомерическимъ хохотомъ. Рѣдко удавалось мнѣ слышать на сценѣ такой, въ высшей степени натуральный, хохотъ, какимъ владѣетъ г. *Потѣхинъ*; нѣтъ возможности удержаться, по неволѣ расхохочешься, самъ не зная чему.

М. И. Готовцева, въ роли Ѳеклы Ивановны была прелестна; не постигаю, гдѣ ей удалось перенять ухватки и увертки настоящихъ свахъ.

Г. *Колюпановъ* (экзекуторъ Яичница), г. *Н. В. Калычевъ* (гостинодворецъ Стариковъ), выполнили свои роли прекрасно и съ большою ловкостью.

Сцена молчанія (во второмъ дѣйствіи), гдѣ всѣ женихи на лицо, усѣлись и не знаютъ, съ чего начать разговоръ съ предметомъ общаго обожанія, Агафьею Тихоновной (супруга г. *Писемскаго*), была истинно художественная сцена, возбудившая общій восторгъ. Вообще пьеса шла, какъ нельзя лучше, и была принята отлично.

Г. *П. А. Сальковъ* (въ роли Морошки въ Богатомъ Холостякѣ) и г. *Н. П. Лопатинъ* (Чухломскій въ той же пьесѣ) были до того хороши каждый въ своемъ родѣ, что право не знаю, которому изъ нихъ отдать преимущество. Роли свои они знали прекрасно, рисовались подъ ихъ съ рѣдкимъ искусствомъ, и выдержали до конца характеръ. Игра ихъ развязна и доказываетъ большой навыкъ и прекрасный талантъ. Роль слуги Алексѣя была выполнена г. *А. М. Зузинымъ* мастерски.—

Г-жи *Н. В. Голоушева* (Цвѣткова въ «Богатомъ Холостякѣ» и «Путешественница). *К. И. Матюнина* (Прибирохина), *Е. П. Писемская* (Агафья Тихоновна въ «Женитьбѣ»), *Ѳ. А. Владимірова* (Арина Пантелеймоновна въ «Женитьбѣ»), дѣвица *В. Ѳ. Жолова* (служанка въ «Богатомъ Холостякѣ», Дуняша въ «Женитьбѣ», трактирщица въ «Путешественникѣ»), заслуживаютъ полную благодарность за свою прекрасную, развязную, ловкую игру.

А. А. Потѣхинъ, потѣшившій насъ до нельзя, какъ морякъ Жевакинъ въ «Женитьбѣ», привелъ всѣхъ въ восхищеніе въ девертисманѣ, декламируя разсказъ охотника изъ водевиля: «Вѣкъ живи, вѣкъ

учись, или женихи». Онъ неподражаемо и съ такимъ одушевленіемъ передалъ эту сцену, что никто не могъ устоять противъ могущества его таланта. Не знаю, можетъ ли кто-нибудь послѣ него взяться за эту роль — онъ не знаетъ въ ней соперниковъ!

Вотъ краткій очеркъ этого прекраснаго въ эстетическомъ отношеніи вечера. Общество въ театрѣ было самое изысканное; дамы всѣ въ прелестныхъ нарядахъ, съ истиннымъ удовольствіемъ просидѣли до перваго часа по полуночи.

Е. ГРИНБЕРГЪ.

ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

Заграничная корреспонденція.

I.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА отъ $^{10}/_{22}$ марта.

Трогательное положеніе корреспондента. — Бальныя наслажденія и бальныя послѣдствія. — Бархатный фракъ и кружевное жабо. — Голова девятнадцатаго столѣтія на туловищѣ восемнадцатаго. — Водевильныя сцены при разъѣздѣ. — Похожденія мера и мѣра терпѣнія его супруги. — Водевиль безъ музыки. — Раздача премій. — Скаковая лошадь и M-lle de la Seigliére. — Баяръ. — Нѣжное сердце Жюль-Жанена. — Кстати, еще маленькій процессъ. — Вторженіе Абд-эль-Кадера во французскую поэзію. — Академія музыки. *Луиза Миллеръ*, опера Верди, сокращенная и дополненная. — Комическая опера. *Глухой* опера Адольфа Адана; *Свадьба Жаннеты*, опера Виктора Массе; *Зеркало*, опера, Гастинелли. — Французскій театръ. *Леди Тартюфъ*, ком. г-жи Жирарденъ. — Т. Разнообразія. *Будутъ молоть вздоръ*, вод. Лабиша, Деланда и Делакура. Еще три водевиля. — Т. Веселости *Дядя Томъ*, драма Аппсе Буржуа, Вальи и Тексье; *Маленькій Провансъ*, водевиль. — Фарсы театра Драматическихъ шалостей. — Пале-Ройяль. *Вотъ изволите жить въ своемъ домѣ*. Вод. Баяра. — Царя извѣстій изъ Новаго-Свѣта.

Въ этотъ разъ, мой изящный «Пантеонъ» я поплатился за свое усердіе собирать для тебя новости. На столикѣ съ рѣзными ножками

на этомъ станкѣ изъ розоваго дерева, на которомъ я всякій мѣсяцъ плету для тебя кружева изъ парижскихъ новостей, — поднимается благоуханною струйкой паръ фіалки, которая, въ видѣ цѣлительнаго питья, явилась утѣшать *инфлюэнцу*, или, пожалуй, гриппъ — называйте, какъ угодно. И по дѣломъ! Зачѣмъ было мнѣ не вѣрить газетамъ и въ слякоть бѣгать отъ бульвара Магдалины въ улицы Houssaye и Chaussée d'Antin, чтобы удостовѣриться, что тамъ дѣйствительно отстраиваются, изъ плитняка и желѣза, два дома, въ которыхъ точно восемь тысячъ пять сотъ оконъ и дверей? Зачѣмъ было тискаться на балъ, на которомъ прекрасный полъ растерялъ на паркетѣ столько башмаковъ, что ими можно-бы наполнить цѣлую лавку? Зачѣмъ было, въ потѣ лица, пробираться къ буфету, когда я зналъ навѣрное, что вмѣсто оржаду мнѣ дадутъ стаканъ мутной холодной воды?... Но по-крайней-мѣрѣ я не пропустилъ ни одного замѣчательнаго бала. Ab uno disce omnes, *по одному суди обо всѣхъ;* общее правило: какъ ни трудно получить входъ на оффиціальный балъ, но все-таки гораздо легче было попасть въ залы, нежели выбраться изъ нихъ на улицу, сквозь неподвижныя волны платьевъ и фраковъ. Вѣроятно, вы уже знаете, что нѣкоторымъ парижскимъ денди вздумалось, нынѣшней зимою, воскресить бальный нарядъ временъ Людовика XV: фантазія выгодная для портныхъ, но едва-ли исполнимая въ нашъ экономическій вѣкъ. Впрочемъ, вотъ этотъ костюмъ, какъ онъ явился на балѣ, въ Ратушѣ: бархатный фракъ, покроя à la маркизъ де-Монкадъ, съ пуговицами стальными, или изъ драгоцѣнныхъ камней (поддѣльныхъ), на бѣлой атласной подкладкѣ; бѣлый атласный жилетъ съ разноцвѣтнымъ шитьемъ; панталоны изъ бѣлаго казимира или бархату, такого же, какъ фракъ; блѣдно-розоваго цвѣта шелковые чулки; башмаки лакированные, съ пряжкою; кружевныя манжеты, падающія до пальцевъ; густое кружевное жабо; кисейный галстухъ, безъ воротничковъ и безъ узла; стальная шпага въ ножнахъ изъ шагреновой кожи; складная шляпа съ чернымъ плюмажемъ.... и при этомъ костюмѣ — борода, усы, англійскій проборъ, тутъ подстрижено, здѣсь — завито: голова девятнадцатаго вѣка на туловищѣ восемнадцатаго! Особенно красиво выглядывали изъ этого наряда плѣшивыя головы! Рѣшительно умора! Эти послѣднія забыли, что во времена фраковъ à la Монкадъ, общепринятый парикъ прикрывалъ всѣ лысины, и гладко выбритый подбородокъ придавалъ всему лицу видъ опрятности, которая теперь уступила мѣсто артистическому безвкусію. Правда, что черный фракъ и панталоны въ обтяжку, по-англійски, рисовались очень жалко посреди возобновленнаго наряда маркизовъ; но развѣ нельзя, между ексцентрическою модой Аль-

біона и костюмомъ кавалеровъ Мариво́, найдти среднюю пропорціальную, благоразумную и осуществимую моду? Какъ-бы ни было, но кажется, можно утвердительно сказать, что возстановленіе стариннаго роскошнаго костюма удалитъ многихъ изъ гостиныхъ; одни не покорятся этому шутовству по солидному характеру, по робости; другіе и уступили-бы реформѣ—да не достанетъ средствъ идти за нею. Первое обзаведеніе маркизскимъ костюмомъ, съ головы до ногъ, сто́итъ очень-дорого; поддерживать его—также разорительно. Для свѣжести лакированнаго башмака нуженъ экипажъ, а шелковый чулокъ надо бросать, какъ только распустится одна петелька. Свѣтлый жилетъ бросается въ глаза и примелькается съ двухъ разъ; ergo — заказывайте, вмѣсто одного, три дюжины. Бархатный фракъ хорошъ, пока не измятъ,—а складки на немъ уже не изгладишь; кромѣ-того, толкотня у буфета угрожаетъ ему всѣми возможными пятнами, а люстры усыпаютъ его безжалостно спермацетомъ. А кружева-то? Можно-ли носить поддѣльныя кружева при дамахъ, у которыхъ вы завоевали ихъ роскошное убранство? Впрочемъ, какъ только пройдетъ первый пылъ, съ какимъ молодежь бросается на каждое нововведеніе въ одеждѣ, уровень ея опредѣлится самъ-собою и мало-по-малу.

Самые блистательные балы, не говоря уже о тюильерійскомъ, о которомъ вы, безъ сомнѣнія, уже читали во всѣхъ газетахъ, были у маршала Сентъ-Арно́, военнаго министра, у Бароша, предсѣдателя государственнаго совѣта и г. Друэнъ-де-Люиза, министра иностранныхъ дѣлъ. Общій недостатокъ всѣхъ баловъ заключается въ несоразмѣрности вмѣщающаго съ вмѣщаемымъ. Тоже случилось и съ баломъ, даннымъ въ Ратушѣ. Нѣкоторымъ пришлось ждать два часа на лѣстницѣ, пока отыскали они.... своихъ. Экипажи стояли на протяженіи версты въ окружности. — Жена говоритъ мужу: мнѣ душно.... я умираю отъ жажды.... у меня разорвали блондовые воланы.... я потеряла эмалевый браслетъ.... и башмакъ.... Велите подать карету.

Мужъ, вообще, не охотникъ до баловъ, въ душѣ очень-радъ уроку, который получила жена, и отвѣчаетъ:

— Кажется, моя милая, здѣсь вовсе не такъ жарко.... Весьма сожалѣю о твоемъ воланѣ, о твоемъ браслетѣ, у меня разрывается сердце отъ твоего башмака; но если мы попали на балъ, то будемъ наслаждаться имъ вполнѣ.... Ты же такъ долго мечтала о немъ....

— Да, но я не предвидѣла.... я не знала.... я не.... Велите подать карету.

— Не пройтись-ли еще разъ по заламъ?

— Покорно благодарю. Чтобы потерять и другой башмакъ?

Сказавъ это, она увлекаетъ мужа. Англичанинъ, въ красномъ мундирѣ, наступаетъ ему на ногу оксфордскою ботфортой. Мужъ, въ свою очередь, выходитъ изъ терпѣнья и желаетъ удалиться. Вотъ, наконецъ, слѣдуя по теченью толпы, они добрались, черезъ часъ, до прихожей. Въ-продолженіе этой переправы, супруга успѣла потерять свой шарфъ. Мужъ оставляетъ жену въ прихожей, и идетъ на лѣстницу, звать Жана. Но на лѣстницѣ такое множество Жановъ, и ихъ кличутъ столько разомъ, что искомаго невозможно отыскать, тѣмъ болѣе, что искомый Жанъ ушелъ въ угловой погребокъ, прохладиться, а можетъ-статься, развѣсилъ уши, слушая рóсказни себѣ подобныхъ. Тщетно вызывая своего Жана, супругъ пытается самъ завоевать плащъ и мантилью, оставленные въ гардеробной. Но гардеробная — недоступная Колхида, и Язону легче было увезти золотое руно, нежели озабоченному супругу добыть женину и свою одежду. Въ отчаяніи, онъ рѣшается самъ отыскать карету, и бѣжитъ на улицу — въ бархатномъ фракѣ и шелковыхъ чулкахъ. Пока Язонъ превращается въ Христофора Колумба, дама, разумѣется, decolтée, зябнетъ на лѣстницѣ, напрягая всѣ силы, чтобы потокъ удаляющихся гостей, которые тоже бѣгутъ искать своихъ Жановъ и Жаковъ, не унесъ ее на улицу. Наконецъ, Колумбъ находитъ пустой фіакръ; извощикъ спрашиваетъ за проѣздъ три франка, совершенно *по тарифу* (за полночь), но проситъ сверхъ этой платы, еще десять франковъ *на водку*. Нечего дѣлать! Господинъ беретъ фіакръ — вмѣсто плаща, — но несчастному надо цѣлый часъ, чтобы по лѣстницѣ добраться, сквозь толпу, до дражайшей и дрожащей половины, надѣваетъ ей на плеча фуляръ, вмѣсто палантина. Слава Богу: вышли на тротуаръ!

— А гдѣ же мой фіакръ? — спрашиваетъ господинъ, смотря туда, гдѣ велѣлъ ему ждать.

Увы! Пока мужъ отыскивалъ жену, какой-то лордъ уже успѣлъ заключить договоръ съ извощикомъ; соблазнилъ его двадцатью франками на водку, сверхъ установленной платы, и умчался въ свою отель.

Между-тѣмъ дрожащей четѣ надо же воротиться домой; пѣшкомъ идти еще можно — квартира не далеко; но безъ плаща и безъ мантильи!

— Любезнѣйшій! — говоритъ бархатный фракъ изношенному каррику, гороховаго цвѣта, который, сидя на тумбѣ, любуется, сквозь дымъ своей трубки, на общую суматоху:—любезнѣйшій, не продашь-ли мнѣ вотъ это?

Это — былъ старый каррикъ.

— Мой каррикъ о шести воротникахъ?

— Да. Я даю по луидору за воротникъ.

— Идетъ. Посмотримъ, что́ за луидоры.

Мѣна состоялась. Дама надѣла на плеча отвратительную обновку, и въ деревянныхъ башмакахъ, купленныхъ у того же каррика, отправилась въ путь. Судите сами, какой гриппъ, на другой же день, приговорилъ супруговъ къ лекарству!... Воротиться домой въ грязномъ, изорванномъ, сальномъ каррикѣ!... Пусть этотъ урокъ послужитъ въ пользу дамамъ, слишкомъ настойчивымъ, когда дѣло идетъ о балѣ.

Другая исторія — о мерѣ и его супругѣ.

На одинъ изъ послѣднихъ баловъ былъ приглашенъ меръ, только-что пріѣхавшій изъ провинціи. Какъ не воспользоваться случаемъ, взглянуть на парижскія знаменитости и не показать ихъ супругѣ? Въ девять часовъ, супруга господина мера, нарядившись во всѣ брилліянты, сѣла въ наемную карету. Доѣхавъ до рѣшетки ярко-освѣщенной отели, карета остановилась, и примкнула къ безконечной вереницѣ экипажей, въѣзжавшихъ одинъ за другимъ въ главныя ворота.

— Не пройтись-ли намъ пѣшкомъ до подъѣзда? спрашиваетъ мерша: иначе придется намъ ждать битыхъ два часа.

— Хорошо, мой другъ, отвѣчаетъ меръ.

Идутъ; дорога усыпана пескомъ.

При входѣ, швейцаръ спрашиваетъ у г. мера пригласительные билеты.

— Вотъ мой билетъ.

— Но это только одинъ. А билетъ вашей дамы?

— Развѣ моей супругѣ нуженъ особый билетъ?

— Непремѣнно.

— Странное дѣло; я думалъ, что, приглашая меня, приглашаютъ и мою супругу. Мы вездѣ бываемъ вмѣстѣ; мы составляемъ единицу.

— Извините, сударь, но я не могу пустить безъ билета.

— Чортъ возьми? Это, право, досадно; одѣваться, нанимать карету — и по пустякамъ. Что́ же намъ дѣлать?

— Да, что́ намъ дѣлать?

— А вотъ что, моя милая: я оставлю тебя на минуту у швейцара, обойду разокъ залы, брошу общій взглядъ, и сейчасъ ворочусь. Позвольте, швейцаръ, ввѣрить вамъ мою супругу: я тотчасъ вернусь.

— Не оставайся долго, мой другъ.

— Говорю тебѣ, что я только брошу общій взглядъ.

Мерша сѣла въ швейцарской, меръ пошелъ по лѣстницѣ. Давка. Онъ пробирается бочкомъ, употребляя въ дѣйствіе локти, достигаетъ до залы; пространство, необходимое для одного человѣка, занимаютъ пятеро или шестеро. Вальсъ. Надо подождать, пока онъ кончится. Послѣ вальса, толпа снова пускается въ путь. За вальсомъ, кадриль — и новый отдыхъ для прилива: ни туда, ни сюда. Въ часъ, мера придвинули къ буфету; онъ проглотилъ рюмку сотерна, на-лету поймалъ тартинку.... Но не стану воспѣвать всю его Одиссею; дѣло въ томъ, что онъ присоединился къ своей супругѣ въ три часа: бѣдняжка спала въ швейцарской....

Одинъ мой пріятель непремѣнно хотѣлъ воспользоваться этими эпизодами и настряпать изъ нихъ водевилей. Я совершенно согласенъ съ мыслью пріятеля, и совѣтовалъ ему осуществить ее; какъ можно скорѣе: не то придется ему пустить водевиль безъ куплетовъ, или съ куплетами, но безъ музыки; потому-что между драматическими писателями и композиторами романсовъ возникъ споръ о музыкальной собственности, и дѣло пущено въ ходъ судебнымъ порядкомъ. Повѣренный общества, основаннаго музыкантами, предложилъ коммиссіи драматическихъ авторовъ окончательно и положительно установить, что́ должно платить музыкантамъ за ихъ сочиненія, которыя водевилисты будутъ брать для своихъ куплетовъ? Вопросъ этотъ назначено рѣшить черезъ три мѣсяца.

Между-тѣмъ вопросъ о наградахъ за лучшія драматическія произведенія кончился назначеніемъ двухъ премій: въ пять тысячъ франковъ, г. Серре́, за драму въ пяти дѣйствіяхъ, les Familles, и въ три тысячи франковъ, господамъ Мишелю Массону и Анисе́ Буржуа, за пятиактную пьесу, la Mendiante. Газеты находятъ, что такое присужденіе наградъ уклонилось отъ утвержденныхъ правилъ, а именно, что первая изъ двухъ увѣнчанныхъ пьесъ выходитъ изъ предѣловъ года, опредѣленнаго декретомъ: она написана прежде его изданія, значитъ закону дано обратное дѣйствіе; а вторая — въ пяти дѣйствіяхъ, тогда какъ декретъ назначаетъ премію въ три тысячи франковъ за пьесу въ трехъ дѣйствіяхъ. Упрекъ газетъ падаетъ на г. Сентъ-Бёва, докладчика коммисіи, которая, подъ предсѣдательствомъ Ромьё, состояла изъ гг. Скриба, Лебрёна, Мериме́, Филарета Шаля, Лефевра-Дёмье, Перро и Делаборда. Всего было представлено на конкурсъ пятдесятъ двѣ пьесы, изъ которыхъ четыре десятка тотчасъ же отвергнуты коммиссіей. Кто́-бы повѣрилъ, что въ числѣ этихъ отвергнутыхъ были: M-lle de

la Seigliére, Sullivan, Diane, Ulysse, le Coeur et la Dot? Могли-ли ждать этого Жюль Сандо, Мельвилль, Эмиль Ожье, Понсаръ и Малльфиль?

Говоря о драматическихъ потеряхъ, я долженъ сообщить вамъ печальную новость: смерть Баяра, который тридцать лѣтъ, и почти всегда безъ страха и упрека, подвизался на драматическихъ турнирахъ, и умеръ полный таланта и остроумія, въ ту минуту, когда на двухъ сценахъ ставились его новыя пьесы.

Жанъ-Франсуа-Альфредъ Баяръ родился въ Шароллѣ (департаментъ Саоны-и-Лоары), 17 марта 1796 года. Большая часть французскихъ водевилистовъ получили образованіе въ Школѣ Правъ. Баяра тоже предназначали къ тогѣ адвоката, но судьба распорядилась иначе. Усердно изучая Дигесты и Пандекты, онъ сдѣлался отличнѣйшимъ водевилистомъ. Общее правило: парижскій студентъ правъ, въ-продолженіе перваго года своего курса, пописываетъ куплетцы къ сосѣдкѣ — модисткѣ или цвѣточницѣ; потомъ, выдержавъ экзаменъ на баккалавра, пріобрѣтаетъ новыя познанія, посѣщая Люксанбургскій театръ, и черезъ три мѣсяца пишетъ для него пьесу: — за водевиль платится юному автору, обыкновенно, двѣнадцать франковъ; наконецъ, наступаетъ третій и послѣдній годъ; черезъ двѣнадцать мѣсяцевъ работы, подобной предыдущей, баккалавръ защищаетъ свою тезу, съ величайшимъ успѣхомъ, а потомъ, сдѣлавшись *адвокатомъ*, защищаетъ, для дебюта, процессъ директора Ambigu или Gaité, которые, съ своей стороны, допускаютъ къ предварительному чтенію его мелодраму, въ бо́льшемъ или ме́ньшемъ числѣ актовъ. Но какъ въ Парижѣ слишкомъ-мало — всего двадцать съ чѣмъ-то! — театровъ для восьми или девяти-сотъ писателей, которыхъ ежегодно производитъ драматическая школа площади Пантеона; то изъ девяти-сотъ адептовъ, двадцати пяти или тридцати удается, въ-послѣдствіи, занять мѣсто рядомъ съ своими прежними сотоварищами — Скрибомъ, Мельвилемъ, Баяромъ, и проч., между-тѣмъ какъ остальные восемь-сотъ семдесять, помечтавъ о славѣ, кулисахъ, и авторскихъ правахъ, подъ-конецъ покупаютъ себѣ нотаріальную контору, или поступаютъ просто писцами, смотря по тому, счастливо-ли успѣютъ жениться.

Баяру было вдвойнѣ предназначено занять со-временемъ видное мѣсто въ водевильной литературѣ; потому-что, до вступленія въ Школу Правъ, онъ кончилъ курсъ въ заведеніи Ste-Barbe,— разсадникѣ драматическихъ писателей, романистовъ и журналистовъ. Основатель этого пансіона, г. Делонно́, какъ-будто предвидѣлъ многочисленную фалангу

литераторовъ, которые созрѣютъ подъ его бдительнымъ надзоромъ, и потому составилъ и издалъ въ свѣтъ *Словарь рифмъ*, — заключающій въ себѣ почти всю библіотеку нынѣшнихъ водевилистовъ.

Успѣхъ первой пьесы Баяра доставилъ ему дружбу Пикара и безденежный входъ въ театръ. Этого ободренія было довольно для начинающаго автора, и занимаясь адвокатствомъ, онъ посвятилъ свободныя минуты любви къ драматическому искусству. Первыя пьесы Баяра — многія между ними въ стихахъ — были представлены на сценѣ Одеона, котораго партеръ безжалостно выражаетъ свое неудовольствіе на писателей. Значитъ, литератору–дебютанту, имѣющему дѣло съ такими судьями, надо строго обсуживать свои произведенія, и пускать ихъ въ ходъ доконченными, отдѣланными, по возможности. Оттого–то первые драматическіе опыты Баяра не остались безплодными для его будущности, и если въ–послѣдствіи публика признала даже въ самыхъ простыхъ его водевиляхъ настоящія идеи комедіи и отблески сцены болѣе-возвышенной, то авторъ былъ обязанъ успѣхомъ своему первому, серьозному труду.

Когда Волшебный стрѣлокъ, подъ названіемъ Robin de Bois, завладѣлъ Одеономъ и вытѣснилъ изъ него комедію, Баяръ отправился на театръ Гимназіи, тогда бывшій въ модѣ, и здѣсь огромный успѣхъ пьесы, la Reine de seize ans, поставленной при содѣйствіи добраго Дезожье, рѣшилъ участь Баяра. Съ-тѣхъ-поръ, онъ предался исключитесьно водевилю. Незадолго до вступленія своего на театръ Гимназіи, онъ женился на племянницѣ Скриба.

Изъ двухъ–сотъ пьесъ Баяра, игранныхъ на всѣхъ сценахъ, я напомню вамъ главнѣйшія, которыя почти всѣ переведены на русскій языкъ, и если теперь сошли со сцены, то по-крайней-мѣрѣ прежде постоянно являлись на аффишѣ.

На театрѣ Одеона: Oncle Philibert.

Комическая-Опера: le Remplaçant.

Драматическая Гимназія: la Reine de seize ans, — la Manie des places, — les Actionnaires, — le Serrurier, — le Gardien, — la Fille de l'avare, — la Lectrice, — le Gamin de Paris, — le Muet d'Ingouville, — Moiroud et Compagnie, и друг.

Т. Водевиля: Marie Mignot, — Mathilde ou la jalousie, — le Démon de la nuit.

Т. Разнообразія: le Pére de la débutante, — Mathias l'invalide, и друг.

Въ 1847 году, Баяръ получилъ орденъ Почетнаго Легіона, но не

былъ членомъ Французской Академіи, въ которой давнымъ-давно засѣдаетъ г. Ансло́, авторъ вялыхъ и водянистыхъ комедій, осужденныхъ на забвеніе павлинымъ перомъ Жюль Жанена.

Кстати. Неподражаемый театральный критикъ недавно попалъ, по очереди, на цѣлыя двѣ недѣли, въ присяжные судьи благочинія. Добрый, веселый Жюль-Жаненъ надѣлъ мантію, чтобы разбирать права на собственность украденныхъ носовыхъ платковъ, и примирять хозяекъ съ кухарками! Впрочемъ, съ перваго же засѣданія, судьи замѣтили, что присяжные представили имъ бездну, такъ-называемыхъ, circonstances atténuantes, обстоятельствъ, смягчающихъ вину, и судьи сперва не поняли, откуда произошла такая необыкновенная доброта. Начали добираться до ея источника, и вотъ что́ оказалось: оказалось, что Жюль Жаненъ простеръ свое вліяніе на присяжныхъ. Это вліяніе обнаружилось по поводу дѣла о шестидесятилѣтней старухѣ, которая посягнула.... на рубашку и пару башмаковъ, — всего на шесть франковъ. Судьи оправдали старуху, и она ушла домой, да притомъ и не съ пустыми руками, а съ деньжонками, которыя, въ томъ же засѣданіи, собрали ей присяжные между своею братіей, по предложенію мосьё Жанена. Но правительство справедливо разсудило, что такая поблажка, такое наводненіе смягчающихъ обстоятельствъ, приводимыхъ кстати и некстати, могутъ имѣть опасныя послѣдствія, и что неголяи воспользуются имъ, и въ полночь подстерегутъ, на углу улицы Vaugirard, самого же присяжнаго, когда онъ будетъ возвращаться домой послѣ представленія новой пьесы, или послѣ партіи домино, въ которомъ каждый вечеръ онъ поражаетъ Понсара, — и потому запретило г. Жанену умиляться предъ человѣческою слабостью.

Какъ я заговорилъ о судѣ, то вотъ два слова о процессѣ, который затѣялъ-было директоръ Итальянской Оперы, г. Конти, съ пѣвицею Крувелли. 25 января назначена была опера *Луиза Миллеръ*. Сеньора Крувелли, игравшая въ этой пьесѣ, 23 числа вечеромъ получила обычную повѣстку, но въ день представленія сказалась больною. Послали доктора, для освидѣтельствованія; эскулапъ увѣдомилъ директора, что у госпожи Крувелли нѣтъ ни лихорадки, ни особеннаго жара, ни одышки, ниже какого либо признака болѣзни, препятствующей явиться въ должность. Однакожъ, больная все-таки не поѣхала въ театръ. Въ-слѣдствіе чего Конти призвалъ ее въ судъ, требуя двѣ тысячи франковъ штрафу. Отъ примадонны потребовали объясненія. Она объявила, что по формальному условію съ директоромъ, послѣдній обязался внести банкиру, не позже 2 февраля, тридцать пять тысячъ франковъ, слѣдующихъ ей до окончанія театральнаго сезона, а между-тѣмъ денегъ этихъ не вноситъ. Судьи

подумали — и рѣшили: что сеньора Крувелли должна внести сеньору Конти двѣ тысячи франковъ штрафу, поелику не играла роли *Луизы Миллеръ* и тѣмъ нанесла ущербъ театру, а сеньоръ Конти обязанъ внести сеньорѣ Крувелли тридцать пять тысячъ франковъ, и не позже, какъ черезъ три дня. Затѣмъ, истецъ и отвѣтчикъ раскланялись съ судьями и поѣхали домой.

Во всемъ этомъ очень мало поэзіи; впрочемъ, не думайте, что муза рѣшительно замолкла во Франціи: она поетъ—и въ столицѣ и въ департаментахъ. Недавно нѣкто г. Легильонъ издалъ стихотворный сборникъ, въ которомъ помѣщенъ, между французскими поэтами, — кто́ бы вы думали? — *Абд-эль-Кадеръ!...*

И такъ, поэзія еще здравствуетъ. Журналистика тоже начинаетъ оживляться. Въ Парижѣ явилось нѣсколько новыхъ газетъ и журнальцевъ, бо́льшею частію, художественнаго и юмористическаго содержанія: Paris, — Critique, — l'Europe artiste, и другіе. Есть, впрочемъ надежда, что эти свѣжіе листки упадутъ, какъ только растустятся листья на деревьяхъ.

Въ нынѣшній разъ, болѣе нежели когда-нибудь, я вправѣ жаловаться на недостатокъ театральныхъ новостей, разумѣется, замѣчательныхъ; потому-что въ фарсахъ не бываетъ неурожая, особенно въ карнавальное время, когда дирекціи театровъ лезутъ изъ кожи, чтобы тѣшить почтеннѣйшую публику.

Въ Императорской Академіи Музыки даютъ попрежнему оперу Верди: *Луиза Миллеръ*, сокращенную и дополненную: довольно-странное сочетаніе двухъ прилагательныхъ, противорѣчащихъ одно другому. Дополненіе заключается въ томъ, что изъ трехъ-актной пьесы, какъ она дается въ Италіи, переводчикъ сдѣлалъ четыре акта. Сокращеніе же— выкинулъ изъ партитуры мѣста, которыя не по силамъ пѣвцамъ и пѣвицамъ. Можете вообразить, какъ выиграли отъ этой передѣлки искусство и публика, хотя, впрочемъ, дирекція не въ убыткѣ.

Пока на одномъ театрѣ такъ безцеремонно обошлись съ Верди, Комическая-Опера поставила давно-извѣстную, по сюжету, оперу въ трехъ дѣйствіяхъ: *Глухой* или *полный трактиръ* (le Sourd, ou l'Auberge pleine), съ музыкой Адольфа Адана. Названіе пьесы популярное: пьеса эта обошла всѣ сцены. Ей апплодировали всѣ поколѣнія, ее играли всѣ знаменитые комики. *Глухой* пользовался въ-продолженіе сорока лѣтъ неслыханнымъ успѣхомъ, какимъ не могутъ похвалиться многія образцовыя произведенія. Въ первый разъ комедія подъ этимъ названіемъ была представлена въ 1790 году. Роль Даньера создалъ тог-

да Баптистъ-младшій, вставившій въ нее уморительныя шутки, и между-прочимъ забавную сцену, въ которой Даньеръ устроиваетъ себѣ постель изъ трактирнаго стола и разныхъ принадлежностей столовой, какія попадаются ему подъ руку. Это было въ 1790 году; въ 1853, Даньеръ спитъ въ креслахъ. Соли, которая восхищала парижскую публику за шестьдесятъ лѣтъ, тоже нѣтъ въ пьесѣ. Вообще, она потерпѣла значительныя перемѣны; остался на прежнемъ основаніи только желтый фракъ Баптиста. Ему наслѣдовалъ теперь Сентъ-Фуа, играющій свою роль весело, игриво, къ совершенному удовольствію партера, которому, впрочемъ, не менѣе нравится —

Свадьба Жаннеты (Les Noces de Jeannette), опера въ одномъ дѣйствіи, пьеска простенькая, съ музыкой Виктора Массѐ, написанная на слова г.г. Коррѐ и Жюля Барбье, неразлучныхъ, какъ чашка и блюдечко. «Свадьба Жаннеты» нѣсколько, и даже порядочно, похожа на «le Châlet». Исторія простая: Жану хотѣлось, страхъ какъ хотѣлось жениться на сосѣдкѣ, мамзель Жаннетѣ. Она согласилась; женихъ и невѣста приходятъ къ меру, чтобы подписать контрактъ; но въ то мгновеніе, какъ надо было произнести рѣшительное: *да*, и подписаться, Жанъ убѣжалъ изъ меріи. Не думайте, чтобы онъ не любилъ Жаннеты: нѣтъ, но ему, просто, сдѣлалось страшно. Жанъ возвращается домой, снимаетъ фракъ и хочетъ еще разъ насладиться холостою жизнью съ товарищами. Жаннетта, разумѣется, требуетъ, чтобы онъ объяснилъ свой странный поступокъ. Жанъ отвѣчаетъ, что онъ раздумалъ, не хочетъ жениться, и идетъ гулять съ пріятелями. Жаннета была огорчена, однакожъ, прикинулась равнодушною.

Жанъ подгулялъ и едва поддерживаетъ равновѣсіе. Жаннета приходитъ усовѣстить его, и говоритъ, что въ этотъ разъ онъ долженъ дать отвѣтъ не ей, но ея отцу, отставному солдату, который, несмотря на свою болѣзнь, всталъ съ постели, и потребуетъ у него объясненія. Жану остается только одно средство выпутаться изъ бѣды: подписать бумагу, которую подаетъ ему Жаннетта. Вы уже угадали, что эта бумага — свадебный контрактъ. Жаннета знаетъ, что Жанъ въ душѣ добрый малый, и такъ твердо увѣрена снова пріобрѣсти его любовь, что тутъ же и сама подписываетъ контрактъ. Жанъ приложилъ подпись, не прочитавъ бумаги: у него рябило въ глазахъ; но какъ только узналъ, въ чемъ дѣло, то пришелъ въ ярость и, разумѣется, началъ ломать стулья. «А, мамзель Жаннета! вы хотите быть моею женою! «Хорошо-же: вы будете у меня ѣсть черствый хлѣбъ, пить воду, спать «на соломѣ; я заставлю васъ пасти телятъ, водить лошадей на водо-«пой, и проч. и проч.» Изливъ негодованіе, Жанъ хлопнулъ дверью,

и пошелъ спать на чердакъ. Пока вино испарялось въ глубокомъ снѣ, Жаннета поставила, вмѣсто старой мебели Жана, другую, новую, которая досталась ей въ наслѣдство отъ крестной матери; приготовила ему ужинъ, такъ, что, проснувшись, Жанъ не вѣрилъ глазамъ. Нечего и говорить, что эти доказательства любви Жаннеты подѣйствовали на него, и онъ сію-же минуту пошелъ къ меру, засвидѣтельствовать подлинность подписи, которая его такъ ужасала.

Мадмуазель Міоланъ чрезвычайно мила въ роли Жаннеты, а Кудеркъ, играющій Жана, восхитилъ публику, какъ пѣвецъ, и какъ прекрасный комикъ.

Третья новость Комической-Оперы, —

Зеркало (le Miroir), не та необходимая мебель прекраснаго пола, которую, въ прошломъ столѣтіи, называли *дамскимъ совѣтникомъ*, но волшебное зеркало, придуманное Баяромъ и д'Овриньи, которое имѣетъ удивительное свойство: тускнуть, какъ только въ него поглядится невѣрная супруга, или дѣвушка, позволившая поцѣливать себя какому-нибудь любезнику.

Это ужасное зеркало подаетъ совѣты въ бѣдной тирольской деревнѣ, у фрау Беатрисы, Если ревнивые и мнительные мужья въ восхищеніи, что у нихъ есть пробный камень узнавать вѣрность женъ, зато послѣднія очень имъ недовольны, и въ одинъ прекрасный день, когда все мужское народонаселеніе деревни отправилось на стрѣльбу въ цѣль, жены прибѣжали толпою къ Беатрисѣ, чтобы разбить предательное зеркало, — и непремѣнно исполнили бы свое намѣреніе, еслибъ не вмѣшался въ дѣло бургомистръ, Фришманъ, который хочетъ жениться на Эдіоѣ, племянницѣ Беатрисы, и желалъ-бы узнать ея расположеніе къ своей персонѣ.

Между-тѣмъ, охотники пріѣзжаютъ, чтобы по мѣстному обычаю назначить «королеву» королю охоты. Выборъ падаетъ на Эдіоѣ. Представьте ея удивленіе, когда она узнаетъ въ охотникѣ—Карла, красиваго молодаго человѣка, черты котораго врѣзались у ней въ сердцѣ съ того дня, когда онъ чуть не погибъ, срывая для нея незабудку на краю пропасти! Карлъ также сохранилъ нѣжную привязанность къ Эдіоѣ, и докадываетъ свою любовь, не только на словахъ, но на дѣлѣ: онъ поцѣловалъ ее. «Вы погубили меня!» вскричала дѣвушка, закрывъ лицо руками, и убѣжала.

У Эдіоѣ есть подруга, Мина, на которой Карлъ обѣщалъ жениться, если будетъ богатъ. Встрѣтясь съ Миной, онъ сдѣлалъ довольно-неловкую мину, однакожъ, чтобы какъ-нибудь поправить дѣло, цѣлуетъ свою прежнюю невѣсту. Въ это роковое мгновенье, входитъ бургомистръ;

Мина бѣжитъ опрометью въ ту комнату, гдѣ спряталась Эдіоь. Геръ Фришманъ думаетъ, то охотникъ поцѣловалъ его будущую супругу; но, въ это время, двѣ дѣвушки выходятъ разомъ изъ одной комнаты. Которую же такъ коварно поцѣловалъ Карлъ, — Эдіоь или Мину? Надо спросить у зеркала: бургомистръ, по глупости, вѣритъ въ его волшебное дѣйствіе. Начинается испытаніе. Мина, зная по опыту безсиліе зеркала, не колеблется предстать на его судъ. Стекло отражаетъ ея черты и не тускнетъ. Но Эдіоь ни за что не хочетъ поднять глаза на судью. Дѣло рѣшеное: ее поцѣловалъ Карлъ, и бургомистръ предлагаетъ свою руку Минѣ, чрезвычайно довольной судьбою.

Однакожъ Карлъ не хочетъ, чтобы на его возлюбленную падалъ оскорбительный упрекъ, называетъ волшебную силу зеркала — сказкою, и разбиваетъ его кулакомъ. О чудо! Съ дребезгами зеркала посыпались золотыя и серебряныя монеты, которыя фрау Беатриса скопила въ приданое своей племянницѣ, показывая, разумѣется не даромъ, свое зеркало любопытнымъ. Славную штуку сыграла, фрау Беактриса! Да у нея одной больше ума, нежели у цѣлой деревни!

Зеркало—первое произведеніе композитора Гастинеля, получившаго институтскую премію въ 1846 году. Въ партитурѣ много мелодій, и мелодій оригинальныхъ; жаль только, что ихъ заглушаетъ оркестровка, нѣсколько шумная и слишкомъ ученая. Во всякомъ случаѣ, молодаго композитора можно скорѣе упрекнуть въ избыткѣ, нежели въ недостаткѣ таланта.

Капитальная сценическая новость прошлаго мѣсяца—пяти-актная комедія, въ прозѣ, *Леди Тартюфъ* (Lady Tartuff). Каждое драматическое произведеніе г-жи Жирарденъ—событіе въ драматической литера турѣ; оттого и новая пьеса этой смѣлой, чрезвычайно даровитой писательницы привлекла во Французскій Театръ самое блестящее общество. Ложи, галлереи, кресла были заняты всѣми возможными знаменитостями большаго свѣта и умственной дѣятельности.

Леди Тартюфъ происходитъ по прямой линіи отъ Мольерова Тартюфа, только эта леди—современная и дочь французскихъ нравовъ. Ее зовутъ Виргинія де-Блоссакъ, а новое прозваніе она получила послѣ своего путешестія по Шотландіи. Женщина эта скрываетъ подъ личиною кротости и доброты величайшее честолюбіе. Главная цѣль у ней—выйдти за-мужъ за г. д'Эстиньи, и для достиженія этой цѣли, леди Тартюфъ пріобрѣтаетъ союзника въ лицѣ друга д'Эстиньи, баронѣ Детурбьерѣ, одолживъ ему, въ критическую минуту, двадцать тысячъ франковъ. Заемъ этотъ, разумѣется, ставитъ барона въ совершенную зависимость отъ кредитора.

Д'Эстиньи намѣревается на-дняхъ выдать свою племянницу, невинную, простодушную дѣвушку, Жанну де-Клермонъ, за-мужъ за Гектора де-Ренвиля. Матери этой Жанны, графинѣ Клермонъ, обязана Виргинія прозваніемъ «леди Тартюфъ», и какъ притворщица уже четыре года влюблена безъ памяти въ Гектора, то теперь въ ней вспыхиваютъ разомъ ненависть, обманутая любовь, честолюбіе и ревность, и она рѣшается, какими-бы ни было средствами, разстроить предполагаемый бракъ. Мадамъ де-Блоссакъ клевещетъ на свою соперницу, которая будто-бы вела, въ Блуа, интригу съ Шарлемъ де-Вальре, и въ тоже время захватываетъ довѣрчиваго д'Эстиньи въ свои сѣти, такъ что онъ выгоняетъ изъ дому г-жу Клермонъ вмѣстѣ съ ея дочерью.

Гекторъ не сомнѣвается въ чистотѣ Жанны и требуетъ, чтобы мадамъ де-Блоссакъ объяснила ему, изъ какихъ видовъ она очернила его невѣсту. Тогда Виргинія открывается ему въ любви и обѣщаетъ сама придти къ нему и разсказать всю истину. Но Гекторъ не такъ простъ, какъ старый д'Эстиньи, и соглашается на предложеніе хитрой женщины только для того, чтобы оправдать Жанну.

Между-тѣмъ Детурбьеръ освобождается отъ обязательности леди Тартюфъ, заплативъ ей занятые двадцать тысячъ франковъ, и принимаетъ сторону слабыхъ.

Какъ разъяснить темное дѣло? На какомъ основаніи могли подозрѣвать Жанну? Призываютъ Леонарда, стараго садовника замка г-жи Клермонъ, человѣка честнаго, неспособнаго на ложь, и который, говорятъ, былъ свидѣтелемъ свиданія своей молодой хозяйки съ Шарлемъ де-Вальрѐ. Леонардъ подтверждаетъ, что онъ видѣлъ собственными глазами, какъ Жанна провожала, г. де-Вальрѐ до садовой калитки. Однакожъ разсказъ этотъ не можетъ поколебать довѣрія Гектора де-Ренвиля, и онъ проситъ г-жу Клермонъ позвать дочь. При имени де-Вальрѐ, Жанна покраснѣла и подняла глаза. Она дала клятву хранить втайнѣ это приключеніе, но теперь, по настоятельнымъ просьбамъ матери, простодушно открываетъ истину. Назадъ тому съ годъ, графиня Клермонъ была больна при смерти, и только продолжительный сонъ могъ ее спасти. Но едва больная заснула, какъ въ саду раздался лай сторожевой собаки; Жанна бросилась изъ комматы матери, и увидѣла, что Медоръ гонится за г. де-Вальрѐ. Чтобы унять собаку, дѣвушка подошла къ молодому человѣку, начала съ нимъ дружески разговаривать, взяла его подъ руку, вывела изъ саду, и Медоръ замолчалъ, увѣрившись, что Шарль—домашній! Но какъ и зачѣмъ де-Вальрѐ попалъ въ садъ, Жанна рѣшительно не

понимаетъ. Такимъ-образомъ, Жанна оправдана въ глазахъ матери и жениха. Остается только уличить клеветницу, и Детурбьеръ является грозною Немезидой, представивъ живѣйшія доказательства, что Шарль де-Вальре, мнимый почитатель Жанны, попалъ въ лапы Медору, выскочивъ изъ окна сосѣдняго дома, и что въ томъ домѣ жила не иная кто, какъ леди Тартюфъ!

Въ комедіи мадамъ Жирарденъ бездна ума, много сердца, но публика и газеты говорятъ единогласно, что контуру главнаго лица пьесы недостаетъ твердости, и что безъ игры такой актрисы, какова Рашель, роль Виргиніи — невозможна.

Но — довольно серьознаго. Пойдемте лучше въ театръ Разнообразія: тамъ

Будутъ молоть вздоръ (On dira des bêtises), и очень забавный, потому-что для него сошлись три веселые водевилиста: Лабишъ, Деландъ и Делакуръ. Не угодно-ли?

Мосьё Дюбуке пріѣхалъ изъ Прованса въ Парижъ, пріискать себѣ мѣстечко, да кстати повеселиться о масляницѣ, и остановился у своего племянника, Поля, служащаго на какой-то конторѣ. Роясь въ бумагахъ племянника, дядюшка нечаянно находитъ приглашеніе на балъ, присланное модисткою, мадамъ Сенъ-Леонъ. На запискѣ былъ оригинальный post-scriptum: «будутъ молоть вздоръ!» Поль-же кстати въ этотъ день былъ приглашенъ на вечеръ къ мадамъ де-Преванъ, которая взялась вывести Дюбуке въ люди, — и дядюшкѣ ничто не мѣшаетъ замѣнить племянника. Дюбуке беретъ своего друга, Бигоро, и отправляется по указанному адресу.

Но тутъ вышло маленькое недоразумѣніе: два провансальца ошиблись дверью, и попали, вмѣсто третьяго этажа, въ бель-этажъ; шли молоть вздоръ у мадамъ Сенъ-Леонъ, а очутились на свѣтскомъ балѣ, у мадамъ де-Преванъ. Но Дюбуке, ничего не подозрѣвая, старается изо всѣхъ силъ тѣшить гостей; выдѣлываетъ разныя невѣроятныя па въ китайскомъ вкусѣ, бросаетъ подъ ноги хлопушки, приклеиваетъ къ стѣнѣ бумажку съ надписью: *будутъ молоть вздоръ!* и сверхъ-того отворяетъ дверь ватагѣ пьерро, дебардеровъ, пастушекъ, которые являются сюда съ бала мадамъ Сенъ-Леонъ. Можно себѣ представить какая выходитъ изъ всего этого суматоха на тонномъ вечерѣ. Но дѣло объясняется; публикѣ жаль, что такъ скоро развязался забавный фарсъ, и занавѣсъ опускается при громѣ аплодисментовъ. Разумѣется, что Поль женится на племянницѣ мадамъ де-Преванъ, и что этому браку помогаетъ почтеннѣйшій Дюбуке, подаривъ племяннику сотню ты-

сячъ франковъ, — то-есть, почти столько-же, сколько этотъ водевиль доставитъ прибыли театру.

Театръ Разнообразія угадалъ вкусъ своей публики. Другія пьесы, представленныя на этой сценѣ, не уступаютъ ни на волосъ въ веселости водевилю, который я сейчасъ разсказалъ вамъ; но я не стану анатомировать ихъ; потому-что

Дочка мадамъ Грегуаръ (La Fille de madame Grégoire), водевиль Мишеля Делапорта и Монто,

Бѣдовый другъ (Un Ami acharné), комедія водевиль, Лабиша и Желли, и

Огородъ Колифише (le Potager de Colifichet), водевиль Бризбарра и Ню,—всѣ три одно-актныя,—назначены, не для литературной критики: это путаница веселыхъ сценъ, написанныхъ собственно для актеровъ.

Я хотѣлъ бы разсказать вамъ содержаніе драмы, *Дядя Томъ* (L'Oncle Tom), въ пяти дѣйствіяхъ и одиннадцати картинахъ, передѣланной изъ того же романа Генріэтты Стовъ, изъ котораго l'Ambigu выкроилъ драму la Case de l'oncle Tom; но эта такая великолѣпная чепуха, такое сплетеніе обстоятельствъ, что вы ничего не узнаете изъ маленькаго очерка, а разсказывать подробно — не стоитъ, хотя *Дядя Томъ*, сочиненіе Анисе Буржуа, Вальи и Тексье, и доставляетъ огромные сборы Театру Веселости.

Въ противуположность этой драмѣ, исполненной сильныхъ ощущеній, здѣсь даютъ, для съѣзда каретъ, преуморительный водевиль въ одномъ дѣйствіи, *Маленькій Провансъ* (la Petite Provance), неистощимый каскадъ каламбуровъ. *Маленькимъ Провансомъ* называется часть Тюильерійскаго сада, куда собираются няньки съ дѣтьми и старики, живущіе своими доходами; здѣсь же отдаются въ наемъ стулья и газеты. Случилось однажды, что мосье Кло-Вужо, зайдя въ Тюильерійскій садъ, чтобы убить время, увидѣлъ на рукахъ піонера ребенка.

— Чей это малютка? спрашиваетъ онъ у сына Марса и Беллоны.

— Чей? Разумѣется, мой! Это мой сынъ! отвѣчаетъ піонеръ, чтобы прикрыть безпечность кормилицы, которая попросила его подержать малютку.

Папенька взбѣшенъ, отнимаетъ своего будущаго наслѣдника изъ рукъ піонера и бѣжитъ со всѣхъ ногъ. Піонеръ бѣжитъ за папенькой, кормилица бѣжитъ за піонеромъ, мадамъ Кло-Вужо бѣжитъ за кормилицей, ловкій франтъ бѣжитъ за мадамъ Кло-Вужо. Изъ всей этой

бѣготни выходитъ пропасть забавныхъ quiproquo. Наконецъ, ребенка находятъ на печуркѣ у привратника, кладутъ въ люльку и дѣло разъясняется, къ общему удовольствію. Публика надрываетъ животики въ-продолженіи всей пьесы.

Къ этому же разряду невиннаго вздора принадлежатъ, поставленные на театрѣ Драматическихъ Шалостей: *Карнавалъ мужей* (le Carnaval des maris), водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, Кармона и Гранже; *Балъ съ сильными ощущеніями* (Un bal à émotions), водевиль въ одномъ дѣйствіи, сочиненія Буасело.

Единственная порядочная комедія съ куплетами принадлежитъ покойному Баяру, и представлена въ Пале-Ройялѣ, подъ названіемъ: *Вотъ извольте жить въ своемъ домѣ!* (Habitez-donc votre immeuble!) Дюроше наскучило выдѣлывать антрша въ Оперѣ, и онъ хочетъ отдохнуть въ собственномъ домѣ, нажитомъ въ потѣ икръ и пятокъ. Но едва поселился онъ посреди своихъ пенатовъ, съ своею воспитанницей, какъ ему начинаютъ надоѣдать жильцы. Сначала, мосьё Александръ, его племянничекъ, который живетъ подъ крышею, въ пятомъ этажѣ, и питаетъ высокую любовь къ мамзель Виргиніи, ввѣренной бдительному надзору бѣднаго Дюроше, а потомъ мамзель Леопольдина, старинная страсть нынѣшняго домохозяина, занимающая квартиру въ нижнемъ этажѣ. Бель-этажъ занимаетъ чета, состоящая изъ бенгальскаго тигра и чувствительной жены, которая сдаетъ въ наемъ одному офицеру часть квартиры четвертаго этажа. Дюроше стоитъ подъ перекрестнымъ огнемъ: съ одной стороны — любовь племянника и воспитанницы; съ другой — просьбы жилицы бель-этажа, которая умоляетъ хозяина выпроводить изъ четвертаго этажа неисправнаго постояльца; здѣсь — мелкіе жильцы требуютъ починокъ, тамъ — идетъ нестерпимый запахъ изъ лавочекъ. Дюроше узнаетъ, но уже поздно, что единственное наслажденіе владѣть домомъ — не платить за квартиру, и радъ-радехонекъ, что можетъ сбыть его съ рукъ, отдавъ его въ приданое за мамзель Виргиніей, на которой женится Александръ.

Вотъ и все. Бѣдный мѣсяцъ для драматической литературы; зато, вотъ вамъ пара новостей, привезенныхъ изъ Новаго Совѣта съ послѣднимъ пароходомъ:

— Въ Чинчиннати умеръ, на пятдесятъ-седьмомъ году, знаменитѣйшій трагическій актеръ Соединенныхъ-Штатовъ, Юніусъ-Брутусъ Бутъ, игравшій роли героевъ съ такимъ совершенствомъ, что его прозвали вторымъ Киномъ. Бутъ нажилъ порядочное состояніе и былъ замѣчательнымъ эксцентрикомъ въ домашней жизни.

— Въ мирномъ и красивомъ городѣ Лимѣ произошла ссора между двумя странствующими труппами актеровъ, въ которой игралъ порядочную роль перуанскій журналецъ, el Correo.

На одномъ и томъ же театрѣ давали испанскую драму и итальянскую оперу. Пѣвцы играли два раза въ недѣлю, а драматическіе актеры — три раза. Публика предпочитала итальянцевъ. Это не понравилось испанцамъ, и они открыли огонь, изъ столбцевъ газеты el Correo, нападками на примадонну, мадамъ Борили-Торнъ. Нападки продолжались до того дня, когда диллетанты, наконецъ, открыли автора пристрастныхъ статеекъ. Испанская труппа была ошикана во-время представленія и удалилась со сцены до окончанія пьесы; а въ тотъ же вечеръ, восторженные меломаны дали, подъ окнами примадонны, серенаду съ факелами. Но торжество сеньоры Борили было непродолжительно: el Correo на другой же день возобновилъ нападки. Мужъ пѣвицы, сынъ нью-йорскаго милльонера Торна, счелъ долгомъ вступиться за жену; подстерегъ редактора el Correo, и желая наказать его, ошибкою ранилъ одного француза, вовсе непричастнаго къ дѣлу. Торнъ, разумѣется, тотчасъ же былъ схваченъ, и теперь производится слѣдствіе. Театръ закрыли, а итальянцы отправились въ Санъ-Франциско. Какъ-бы только не перессорились они съ калифорнійскими журналистами!

А. БОНАВЕНТУРА.

—

II.

ПИСЬМО ИЗЪ ЛОНДОНА, отъ $^{11}/_{23}$ февраля 1853 года.

Англійская литература.—Мистрисъ Горъ, леди Джорджіана Фоллертонъ и Корреръ Белль.—Романъ автора «Дженни Эйръ», — «Вильетта.» — Больверъ. — Лондонскіе театры.— Макбетъ. — Новая пьеса Дугласа Джерольда. — Сентъ-Джемскій театръ и французская труппа.—Комикъ Равель.—Концерты.

Погода стоитъ дурная, и никуда не хочется выходить изъ дому. Мы играемъ по вечерамъ въ пикетъ и толкуемъ о послѣднемъ романѣ мистрисъ Гарріетъ Стовъ, которую, какъ говорятъ, пригласили въ Англію ливерпульскія и глазговскія дамы. Необыкновенный успѣхъ «Дяди Тома» вывелъ изъ бездѣйствія здѣшнихъ писательницъ. Англійскія

дамы не остались въ долгу у Америки. Три романа вышли почти въ одно время. Мистрисъ Горъ написала «Дочь декана»; леди Джорджіана Фоллертонъ издала свой романъ «Леди Бердъ», а авторъ «Дженни Эйръ» скрывающій свое настоящее имя подъ псевдонимомъ Корреръ-Беля, явилась въ свѣтъ съ новымъ романомъ «Вильетта», который чрезвычайно нравится англійской публикѣ. Признаюсь, я развернулъ его съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, вспомня про неудачу «Ширлея», но прочтя нѣсколько словъ, убѣдился вполнѣ, что одна эта книга могла бы сдѣлать имя Корреръ Беля извѣстнымъ въ литературѣ. Въ этомъ романѣ, какъ и въ Дженни Эйръ, авторъ заставляетъ героиню Люси Сновъ, разсказывать свою исторію. Оба разсказа имѣютъ, конечно, нѣкоторое сходство, но оно ни мало не вредитъ занимательности. Элементы характера тѣже—избытокъ чувствительности, какая-то врожденная прелесть и сила воли, при самыхъ печальныхъ обстоятельствахъ. Обѣ героини не блестятъ красотою, обѣ любятъ со всею пылкостью души, и обѣ привязываютъ къ себѣ почти одинакими качествами. Здѣсь прекращается сходство, и положеніе Люси Сновъ такъ мало напоминаетъ Дженни Эйръ, а человѣкъ, котораго она любитъ, Поль Эмануэль, такъ не похожъ на Рочестера, что всякое сравненіе дѣлается невозможнымъ.

Впрочемъ, достоинства этого романа заключаются не въ сюжетѣ. Положеніе бѣдной дѣвушки, гувернантки въ одномъ изъ брюссельскихъ пансіоновъ не представляетъ никакихъ драматитескихъ эфектовъ, но зато даетъ случай автору мастерски очертить совершенно новые характеры. Содержательница пансіона, мадамъ Бекъ, съ ея кошачьею походкою, живыми, бѣгающими глазами и неподвижнымъ лицомъ, такое существо, для очерка котораго необходимъ геніальный талантъ. Ни малѣйшій оттѣнокъ не ускользнулъ отъ наблюдательности автора. Ни въ чемъ не видно преувеличенія,—жизнь является передъ вами такъ, какъ она есть на самомъ дѣлѣ. Этотъ романъ можно смѣло рекомендовать читателямъ, и мы позволимъ себѣ сдѣлать изъ него небольшую выписку, чтобы дать понятіе о содержаніи и слогѣ.

Весь интиресъ романа раздѣляется между Люси Сновъ и Полиной Хомъ, милымъ созданіемъ, надъ портретомъ которой съ особенною любовью останавливается писательница. Въ первой части вы видите ее ребенкомъ, но во второй она является уже очаровательною женщиною, съ дѣтскимъ же сердцемъ и дѣтскою оригинальностью. Мы выписываемъ здѣсь эпизодъ изъ жизни мистрисъ Меримондъ, у которой въ домѣ живетъ въ-послѣдствіи Люси Сновъ.

— «Дитя мое, сказала она, наканунѣ Рождества я принарядилась

въ ожиданіи жениха, съ которымъ мы скоро должны были обвѣнчаться. Я сѣла и стала ждать. Какъ теперь, я помню эту минуту, какъ теперь вижу дневные лучи, прокрадывающіеся ко мнѣ въ окно, у котораго не спущена была стора, потому-что мнѣ хотѣлось видѣть, какъ онъ поѣдетъ мимо; какъ теперь, чувствую теплоту огонька, пылавшаго въ каминѣ, отражавшагося на моемъ шелковомъ платьѣ, и вижу молоденькое лицо свое въ зеркалѣ Я вижу, какъ полная луна тихой зимней ночи поднимается, свѣтлая и холодная, надъ темнымъ кустарникомъ и посеребренными полями моей мызы. Я жду, съ нетерпѣніемъ въ душѣ, но безъ сомнѣнія въ сердцѣ. Огонекъ потухъ въ каминѣ, и угли еще не остыли; луна поднялась высоко, но все еще видна была изъ окна; часы пробили десять; онъ рѣдко пріѣзжалъ позже этого времени, но раза два случалось, что онъ опаздывалъ

— Неужели онъ не пріѣдетъ?— Нѣтъ, этого быть не можетъ; да вотъ онъ и ѣдетъ, ѣдетъ шибче, чтобъ вознаградить себя за потерянное время. Франкъ, вы нетерпѣливый ѣздокъ, сказала я въ душѣ, съ радостью, но и съ безпокойствомъ въ душѣ прислушиваясь къ лошадиному топоту; но я васъ побраню: я скажу вамъ, что вы не бережете *моей* шеи, потому-что все ваше—мое. Онъ прискакалъ: я видѣла его; но кажется, слезы не дали мнѣ хорошенько разглядѣть ето. Я видѣла лошадь, слышала топотъ, я видѣла какую-то массу — слышала крикъ. Что-же это несли черезъ лугъ? Какъ назвать то, что́ луна освѣтила предо мною? Какъ выразить чувство, стѣснившееся въ моей груди.

Я могла только выбѣжать. Вороная лошадь Франка, дрожа и фыркая, стояла у воротъ. Кто-то держалъ ее: я думала, Франкъ.

— Что́ случилось? спросила я.—Ступайте въ домъ, сударыня, рѣзко отвѣчалъ слуга нашъ Томасъ. И потомъ, обращаясь къ женщинѣ, выбѣжавшей изъ кухни, прибавилъ: «Уведи отсюда барышню». Но я стояла на колѣнахъ на снѣгу, возлѣ чего-то лежавшаго, возлѣ—чего-то, стопавшаго на моей груди. Онъ не былъ мертвъ; онъ еще не совсѣмъ лишился чувствъ. Я велѣла внести его въ комнату; я не слушала, когда мнѣ приказывали отойти прочь. Во мнѣ было столько твердости, что я могла повелѣвать не только собою, но и другими. Со мною стали обращаться, какъ съ ребенкомъ, какъ всегда обращаются съ людьми, убитыми горемъ,; но я не слушала никого, кромѣ доктора, и когда онъ сдѣлалъ все, что́ могъ, я перенесла умирающаго Франка въ свою комнату. Онъ собралъ послѣднія силы, чтобы обнять меня, чтобы произнести мое имя; онъ могъ слышать, какъ я тихо надъ нимъ молилась, и чувствовать, какъ я старалась его утѣшить.

— Мери, сказалъ онъ, я умираю счастливымъ. Эти слова вырвались у него съ послѣднимъ дыханіемъ. Когда наступило утро Рождества, моего Франка уже не было на свѣтѣ.»

Бульверъ окончилъ и издалъ въ свѣтъ свой романъ «Моя повѣсть» (My Novel), печатавшійся въ одномъ изъ здѣшнихъ журналовъ. Содержаніе довольно интересное, и напоминаетъ нѣсколько «Семейство Кекстоновъ», но растянутость и безпрестанныя отступленія отъ главнаго сюжета отнимаютъ у него много достоинствъ.

Несмотря на упадокъ англійской драмы, пьесы Шекспира имѣютъ постоянный успѣхъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ ихъ стали чаще давать на сценѣ. Въ Виндзорскомъ замкѣ недавно поставлены были *Макбетъ* и *Генрихъ IV*, и послѣ того первая изъ этихъ драмъ дана была на театрѣ Принцессы (Princess Theater). Кинъ игралъ роль Макбета; мистрисъ Кинъ—роль леди Макбетъ, и представленіе шло превосходно. При поднятіи занавѣса на сценѣ совершенно темно, и глазъ не вдругъ различаетъ въ этой темнотѣ три формы вѣдьмъ. Вообще въ сценахъ, гдѣ являются вѣдьмы, декораціи не измѣняются, но сцена дѣлается совершенно темною. Когда Геката исчезаетъ въ воздухѣ, темнота нѣсколько разсѣевается, и при лунномъ свѣтѣ видны вдали горы. Тѣнь *Банко* является сначала при яркомъ свѣтѣ, сосредоточенномъ на его лицѣ, а потомъ показывается сквозь каменную колонну, сдѣланную прозрачною, а призраки королей видны въ полусвѣтѣ. Послѣднія сцены чрезвычайно эфектны, въ особенности, когда молодаго короля Малькольма воины въ тріумфѣ поднимаютъ на щитъ. Декораціи великолѣпныя.

Новая пьеса Дугласа Джерольда «Доротея», данная сначала въ Виндзорскомъ замкѣ, недавно перешла оттуда на театръ Принцессы, но не имѣла никакого успѣха. Мы шли въ театръ въ полномъ ожиданіи видѣть интересную завязку, новые характеры и тьму остроумія, котораго такъ много бываетъ у Джерольда; но Доротея не прибавитъ ни одного листка къ его лаврамъ. Можетъ-быть, въ Виндзорскомъ замкѣ не зѣвали изъ этикета, но на театрѣ Принцессы многіе изъ зрителей произносили свой приговоръ этою многозначущею пантомимою. Дѣйствіе происходитъ въ 1715 году, въ то время, когда мысль о возстановленіи Стюартовъ явилась у нѣкоторыхъ лицъ и обратила на себя вниманіе правительства. Меръ, разсматривая письма, распечатываетъ одно, показавшееся ему подозрительнымъ. Въ этомъ письмѣ какая-то Доротея Будъ пишетъ между-прочимъ своей подругѣ, что цыганка предсказала ей необыкновенное счастіе: что внукъ ея будетъ герцогомъ,

что она будетъ имѣть до пяти сотъ фунтовъ въ годъ на булавки, свою карету, жокеевъ и прочее. Въ этой пустой запискѣ меръ видитъ слѣдствіе какого-то заговора и приказываетъ навести справки. Племянникъ его, серъ Валентинъ, раздѣляетъ мнѣніе дяди; будучи обожателемъ прекраснаго пола, онъ, отъ нечего дѣлать, отправляется отыскивать сочинительницу письма, которую воображеніе его уже окружило всѣми прелестями красоты и молодости. Очень мило написана декорація «Сиреней», мѣстечка близь Кенсингтона, гдѣ живетъ Доротея, и куда приходитъ серъ Валентинъ. Отецъ Доротеи, докторъ философіи Будъ, занимается обученіемъ англійскаго юношества. Онъ въ отчаяніи: каникулы приходятъ къ концу, а у него нѣтъ гувернера. Объявленіе, обѣщавшее завидную плату по десяти фунтовъ стерлинговъ въ годъ, человѣку, чувствующему себя въ состояніи обучать греческому, латинскому и еврейскому языкамъ, математикѣ, танцованію и музыкѣ, не произвело никакого дѣйствія. Увидя Доротею, серъ Валентинъ влюбляется въ нее и рѣшается поступить въ гувернеры, чтобы жить въ одномъ домѣ съ нею. Но въ домѣ уже поселился двоюродный братъ Доротеи, Бельфлеръ, также очень неравнодушный къ своей кузинѣ, которая однако не платитъ ему тѣмъ же. Серъ Валентинъ узнаетъ, что Бельфлеръ приверженецъ Стюартовъ и намекаетъ ему объ этомъ; соперники вызываютъ другъ друга на дуэль, и серъ Валентинъ, обезоруживъ противника, щадитъ его жизнь. За такое великодушіе, Бельфлеръ платитъ неблагодарностью:

Онъ открываетъ Доротеѣ, что гувернеръ — переодѣтый шпіонъ, который для своихъ видовъ играетъ ея чувствами. Между-тѣмъ серъ Валентинъ влюбленъ не на шутку и хочетъ оставить домъ доктора Буда; но когда Доротея, со всею горечью обиженной любви, упрекаетъ его въ низости, онъ остается и даже прикидывается приверженцемъ Стюартовъ, такъ, что бѣдная дѣвушка начинаетъ бояться за его безопасность. Между-тѣмъ дядя, который въ первомъ дѣйствіи страдалъ подагрою, является сюда и подслушиваетъ этотъ разговоръ; думая, что измѣнникъ хочетъ вкрасться въ довѣріе дѣвушки, онъ объявляетъ ему, что попалъ на слѣдъ Бельфлера. Узнавъ это, серъ Валентинъ помогаетъ убѣжать своему сопернику, и потомъ объявляетъ Доротеѣ свое настоящее имя и проситъ ея руки. Докторъ Будъ въ изумленіи узнаетъ, что его гувернеръ не гувернеръ, а баронетъ, и не знаетъ, какъ благодарить цыганку, которая за шиллингъ предсказала его дочери такое неожиданное счастіе.

Эта пьеса, бѣдная своимъ содержаніемъ, еще бѣднѣе характерами. Одна только роль доктора Будда довольно интересна; изъ остальныхъ, при всемъ стараніи актеровъ, нельзя было ничего сдѣлать.

На Геймаркетскомъ театрѣ, для открытія, давали комедію Бульвера «*Мы не такъ дурны, какъ кажемся*». Я еще не видѣлъ ее и потому ничего не могу сказать, но говорятъ что авторъ «Денегъ» очень скученъ и утомителенъ въ своей новой пьесѣ.

На Дрюриленскомъ театрѣ даютъ переводъ драмы Казиміра Делвиня «Людовика XI».

Сентъ-Джемскій театръ, гдѣ даются только французскія пьесы, также недавно открытъ для лондонской публики. На нынѣшній сезонъ содержатель театра, Митчель, ангажировалъ изъ Парижа, изъ театра Пале-Ройяля, извѣстнаго комика Равеля и M-lle Лаберъ, изъ Gymnase— M-lle Лютеръ, изъ Variétés — M-lle Пажъ, изъ Французскаго Театра Маделину Броганъ. Актеры все старые знакомцы лондонской публики: Лафонъ, Ренье и Буффе. Рашель также ангажирована на двѣнадцать представленій, въ числѣ которыхъ обѣщаютъ дать «Діану» Эмиля Ожье. Съ каждымъ годомъ французскіе спектакли болѣе и болѣе привлекаютъ англичанъ; они становятся равно необходимы и для забавы публики, и для развитія драматическаго искусства въ Англіи, служа въ тоже время школою и актерамъ и критикамъ.

Равéль явился въ первый разъ въ маленькой пьесѣ: *Un monsieur qui suit les dames*. Какъ комическій актеръ онъ имѣетъ рѣдкую способность возбуждать смѣхъ, не прибѣгая ни къ смѣшнымъ костюмамъ, ни къ чудовищнымъ парикамъ, ни къ другимъ фарсамъ, которыми пользуются только посредственные актеры. Лучшіе англійскіе комики, Чарльзъ Матьюсъ и Бокстонъ уступаютъ ему въ разнообразіи игры. На Сентъ-Джемскомъ театрѣ до-сихъ-поръ давали еще пьесы: Le Chevalier des dames, La fièvre brullante, Edgar et sa bonne, Tambour battant и l'Etourneau.

Музыкальный міръ начинаетъ также мало-по-малу оживляться. Здѣсь очень много филармоническимъ обществъ, которыя по очереди даютъ концерты. Вотъ что обѣщано въ будущемъ мѣсяцѣ любителямъ музыки. Духовно-гармоническое общество (Sacred Harmonic Society) даетъ *Іуду Маккавея* Генделя; Гармоническое собраніе (Harmonic Union) *Мессію* его же, а Лондонское общество —*Сотвореніе міра* Гайдна.

Мадамъ Плейель продолжаетъ восхищать лондонскую публику. На театрѣ Lyceum она играла недавно варьяціи Листа изъ Prophète и *Тарантеллу* Тальберга, въ концертѣ Алькрофта, гдѣ участвовала также M-lle Фіорентини. Напрасно думаютъ, что англичане не любятъ музыки; здѣшніе концерты почти всегда полны, и артисты встрѣчаютъ самый

благосклонный пріемъ. Въ залы Гармоническаго общества почти невозможно бываетъ достать билетъ.

Выставка картинъ въ нынѣшнемъ году не представляетъ ничего особеннаго; въ слѣдующемъ письмѣ я скажу о ней нѣсколько словъ.

П. Ч—въ.

СМѢСЬ.

УРНА.

Комедія въ одномъ дѣйствіи*

(*Октава Фелье*).

—

(Дѣйствіе происходитъ во времена пудры, мушекъ и роброновъ)

—

Передъ замкомъ красивый лугъ. Свѣтлое весеннее утро. Окна въ замкѣ открыты и освѣщены солнцемъ. Отъ подъѣзда идетъ длинная аллея. За деревьями видѣнъ направо паркъ, покрытый еще утреннимъ туманомъ. Издали мелькаютъ статуи и фонтаны. **ЛИЗА** ухаживаетъ за цвѣтами, посаженными въ китайскихъ вазахъ. Подлѣ нея маленькій арабъ, въ красной ливреѣ съ золотомъ, обрѣзываетъ сухія вѣтки и поблекшіе цвѣты:

ЛИЗА (*поетъ вполголоса*).

Вчера еще цвѣты блистали
Такъ ярко, пышно... Ночь одна!..
Они свернулись и завяли.
Я срѣзать, бросить ихъ должна ..

---

* Представлена 1-го февраля, на Михайловскомъ театрѣ, въ бенефисъ г-жи Милà.

Ахъ дѣвушки! и вы цвѣтете,
Весна васъ грѣетъ и живитъ.
Вы веселитесь и поете...
Но вдругъ зима, — цвѣтокъ забытъ...

Кто это тамъ ѣдетъ по аллеѣ... Посмотри-ка, черномазый!.. Я узнаю его по шитому кафтану и по хлысту, которымъ онъ сбиваетъ листья съ деревъ... Это, кажется, маркизъ...

НЕГРЪ. Да! это баринъ.

ЛИЗА. Баринъ! Глупецъ! Надобно звать его маркизомъ, говорить ему ваше сіятельство... Откуда онъ однакоже такъ рано, въ восемь часовъ утра. (*Маркизъ въѣзжаетъ верхомъ, а Лиза притворяется испуганною*). Ай, вы задавите меня...

МАРКИЗЪ. Ахъ, это ты, Лизета. Ты ужъ проснулась... Чего же ты испугалась?.. Не бойся! Что ты здѣсь дѣлаешь? Рвешь букетъ цвѣтовъ... Плутовка! Знаешь ли, что ты сама похожа на корзинку съ цвѣтами... (*Слѣзаетъ съ лошади*). Эй! Боабдилъ! отведи лошадь... Ну, что жена?..

ЛИЗА. Маркиза еще не вставала; она играетъ съ своимъ краснымъ попугаемъ... А вы, вѣрно, на охотѣ были?

МАРКИЗЪ. Нѣтъ! ѣздилъ до города, разсѣять свою меланхолію... (*Негръ уводитъ лошадь*).

ЛИЗА. Знаете ли, что меланхолія очень опасная болѣзнь.

МАРКИЗЪ. А ты боишься меланхоликовъ?

ЛИЗА. Конечно... Вѣдь имъ можетъ придти въ голову Богъ знаетъ что.

МАРКИЗЪ. Ты дѣвушка умная, и не будешь пугаться всякихъ пустяковъ... А вѣдь въ-самомъ-дѣлѣ я въ отчаяніи. Ты очень хорошо знаешь, что я люблю жену... Послушай, ты вѣдь знала ея покойнаго мужа. Скажи мнѣ, пожалуйста, по совѣсти, между нами, неужели онъ въ-самомъ-дѣлѣ былъ такой удивительный человѣкъ, что о немъ все еще можно до-сихъ-поръ плакать? Неужели онъ стоитъ того, чтобы маркиза безпрестанно представляла его мнѣ какъ образецъ всѣхъ добродѣтелей?

ЛИЗА. Развѣ я смѣю судить объ этихъ вещахъ? Могу вамъ сказать только, что мы всѣ его любили. Вы не изволили видѣть памятника который маркиза поставила ему въ паркѣ?

МАРКИЗЪ. Нѣтъ! Я не любопытенъ. Такъ этотъ графъ былъ настоящій феникъ. Я то же не такъ дуренъ собою, не хуже многихъ... Но вотъ ужъ больше полгода напрасно истощаю всѣ средства,

чтобъ утѣшить его вдову, и между-тѣмъ я до того влюбленъ, Лиза.. Не могу тебѣ разсказать всѣхъ подробностей моего несчастія, но ты бы очень удивилась... ты бы не повѣрила...

ЛИЗА. Какъ бытъ, счастье и несчастье приходятъ попеременно.

МАРКИЗЪ. Да мнѣ-то въ удѣлъ достается одно несчастіе... Послушай, Лиза. Вѣдь у тебя не каменное сердце, а ты тоже съ жестокостію обходишься съ бѣднымъ моимъ Лафлёромъ. Мнѣ его жаль. Онъ все плачетъ. Берегись, онъ превратится въ фонтанъ.

ЛИЗА. Развѣ въ винный..

МАРКИЗЪ. Ты несправедлива... я еще сегодня по утру видѣлъ, что у него глаза были заплаканы... Если онъ тебѣ рѣшительно не нравится, я отошлю его. Нельзя же, чтобъ мой камердинеръ былъ плаксa... Скажи: ты не хочешь выйти за него замужъ?

ЛИЗА. Могу ли я думать о свадьбѣ, когда сама безпрестанно плачу о моемъ покойномъ Фронтенѣ?..

МАРКИЗЪ. Какъ? И ты вдова? И у графа былъ камердинеръ?

ЛИЗА, Какъ же-съ! Два года тому поѣхалъ онъ вмѣстѣ съ графомъ на бракосочетаніе испанской инфатты, и погибъ, храбро сражаясь съ алжирскимъ корсаромъ... Несчастный корсаръ!.. Ужасный Фронтенъ!..

МАРКИЗЪ. Ты спуталась, моя милая... Но кто тебѣ сказалъ, что твой Фронтенъ убитъ... Въ донесеніи о смерти графа ни слова объ этомъ не сказано.

ЛИЗА. Непремѣнно убитъ! Еслибъ онъ былъ такой трусъ, или пьяница, какъ вашъ Лафлёръ, онъ конечно бы спрятался во-время сраженія за винную бочку... Но онъ былъ такой трезвый, храбрый, такой... ахъ, и онъ убитъ. (*Плачетъ*).

МАРКИЗЪ. Значитъ и я, и Лафлёръ одинаково несчастливы... Не плачь же, Лизета, а не то я право расхохочусь... (*Хочетъ уйти*).

ЛИЗА. Вы не въ паркъ ли, посмотрѣть памятникъ?

МАРКИЗЪ. Убирайся ты съ памятникомъ... (*Останавливается*). Послушай, Лиза, можетъ-быть я за это дѣло не такъ взялся...

ЛИЗА. Можетъ-быть.

МАРКИЗЪ. Можетъ-быть, я напрасно такъ сильно выражаю ей мою любовь...

ЛИЗА. Можетъ-быть...

МАРКИЗЪ. Но въ томъ-то и бѣда, что я ее люблю сильно и искренно.

ЛИЗА. Дѣйствительно бѣда.

МАРКИЗЪ. А гдѣ жъ поставленъ этотъ знаменитый памятникъ?

ЛИЗА. Идите все по этой аллеѣ и потомъ поверните направо.

МАРКИЗЪ (*сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, возвращается*). Ты говоришь, что графиня еще не встала... Не пойти ли мнѣ къ ней? Иногда сны оставляютъ въ сердцѣ такую теплоту, такое расположеніе, нѣжность... Нынѣшнее утро такъ хорошо, солнце такъ ярко свѣтитъ, эта зелень, эти цвѣты, должны бы, кажется, смягчить тигровъ... Какъ ты думаешь, Лиза?..

ЛИЗА. Это до меня не касается...

МАРКИЗЪ. Ну, такъ хорошо, я пойду... (*Идетъ къ подъѣзду*).

ЛИЗА (*смотритъ вслѣдъ*). А жаль бѣдняжку!

—

II.

Комната маркизы. — Маркиза лежитъ въ утреннемъ пеньюарѣ на кушеткѣ и кормитъ попугая.

МАРКИЗА. Да, попинька! Ты одинъ все мое утѣшеніе на свѣтѣ. Я только тебя теперь и люблю... Положеніе наше одинаково. Когда ты прячешь головку свою подъ крылушко, то вѣрно мечтаешь о своей родинѣ, гдѣ яхонты и изумруды распускаются на солнечныхъ лучахъ и гдѣ ты вѣрно оставилъ подругу сердца... Ты тоскуешь по ней... Фу! Да какой ты жадный! все бы ѣлъ!.. (*Стучатъ*). Ахъ, Боже мой! Кто тамъ?

МАРКИЗЪ (*входя*). Это я... Какое прекрасное зрѣлище... Какая картина...

МАРКИЗА. Какъ вы смѣли войти, маркизъ? Оставьте меня.

МАРКИЗЪ. Не стоило бы труда и приходить, чтобъ тотчасъ вернуться.

МАРКИЗА. Но развѣ можно войти ко мнѣ такъ внезапно... съ хлыстомъ, въ охотничьихъ сапогахъ... Полно, во Франціи ли мы? Неужели въ двухъ миляхъ отъ Версаля.. Такъ поступаютъ только въ Томбукту...

МАРКИЗЪ. За что вы сердитесь? Мнѣ вздумалось пораньше засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе..

МАРКИЗА. И вы явились только для этого?

МАРКИЗЪ. Можетъ-быть. (*Подходитъ къ попугаю*). Попинька, здравствуй, дай поцѣловать головку.

МАРКИЗА. Оставьте, пожалуйста, моего попугая.

МАРКИЗЪ. Развѣ и онъ также сердитъ на меня, какъ вы?..

МАРКИЗА. Я была бы очень рада, еслибъ онъ васъ укусилъ...

МАРКИЗЪ. Да за что-же? Что я вамъ сдѣлалъ?.. Вчера вы было затравили меня своимъ Медоромъ, который и теперь на меня бросился. Сегодня отдаете меня на съѣденье попугаю... За что? Будьте справедливы! Неужели только зато, что я васъ такъ люблю?

МАРКИЗА. Зачѣмъ вы пришли сюда? Я сперва думала, что вы мнѣ разскажете о какой-нибудь важной новости. . Но вотъ ужъ полчаса вы стойте передо мною, какъ ширмы передъ солнцемъ, и въ рѣчахъ вашихъ нѣтъ ни толку, ни смысла... Чего же вы хотите?

МАРКИЗЪ (*обидясь*). Ничего.

МАРКИЗА. Такъ ступайте къ себѣ.

МАРКИЗЪ (*махнувъ рукою, хочетъ уйти, но останавливается*). Однако, послушайте, маркиза. Нельзя же, чтобъ это всегда такъ продолжалось...

МАРКИЗА. Что, продолжалось?..

МАРКИЗЪ. Другіе давно потеряли-бъ терпѣніе...

МАРКИЗА. Глупцовъ на свѣтѣ много.

МАРКИЗЪ. Конечно... Но вотъ полгода, какъ мы женаты, а живемъ въ очень странномъ положеніи.

МАРКИЗА. Такъ что же?

МАРКИЗЪ. А то, что... Мнѣ пришла мысль прогуляться сегодня съ вами по окрестностямъ...

МАРКИЗА. Это зачѣмъ?

МАРКИЗЪ. Чтобъ хоть нѣсколько смягчить ваше сердце вліяніемъ весны... Я не охотникъ до эклогъ, но утро безподобное... Я ѣздилъ верхомъ и былъ въ восторгѣ... Вездѣ въ природѣ радость и любовь... Одинъ я, какъ-будто чужой на этомъ всеобщемъ праздникѣ.

МАРКИЗА. Какія романическія мечты!

МАРКИЗЪ. Я не смѣюсь, маркиза; мнѣ грустно въ моемъ уединеніи... Напрасно я оглядываюсь; подлѣ меня нѣтъ руки, которая бы пожала мою руку, нѣтъ сердца, которое бы отозвалось моему сердцу, нѣтъ души, которая бы поняла мои ощущенія... Я думалъ о тебѣ, Луиза, о твоей красотѣ, молодости, прелести, и не постигалъ, какъ этотъ идеалъ пигмаліоновой статуи осудилъ себя быть вѣчно холоднымъ... Я думалъ, что чувства мои согрѣютъ, одушевятъ тебя... Неужели я ошибся?..

МАРКИЗА (*посмотрѣвъ на него нѣсколько времени*). Вы очень хорошо играете комедію... Пошлите мнѣ, пожалуста, мою горничную... Вы вѣдь знаете ее...

МАРКИЗЪ (*встаетъ, холодно*). Знаю! (*Уходитъ*).

МАРКИЗА (*послѣ минутнаго молчанія*). Боже мой! какъ я страдаю. Какъ я несчастна! (*Рыдаетъ*). Досаднѣе всего, что я сама не знаю, чѣмъ страдаю... Вижу только, что мнѣ никто не хочетъ помочь, что меня непремѣнно уморятъ... Докторъ мой пошлый дуракъ... Увѣряетъ, что я совершенно здорова.... А маркизъ вѣритъ ему.... Пусть же они думаютъ, что я здорова... Скоро они увидятъ... Я, можетъ-быть, съ виду и здорова... Но то, что я чувствую въ головѣ, въ сердцѣ... это непостижимо... У меня вѣрно порвалось нѣсколько жилъ. . я непремѣнно съ ума сойду, или умру... А вѣдь я еще молода... почти ребенокъ... О, какъ я несчастна!.. Всѣ меня бросили... (*Встаетъ*). Однако, не надобно отчаяваться. (*Входитъ Лиза*). А это ты, наконецъ...

ЛИЗА. Простите; меня опять задержалъ маркизъ.

МАРКИЗА. Что мнѣ до этого за дѣло.

ЛИЗА. Когда насъ ласкаютъ, то никогда не спрашиваютъ: нравится-ли намъ это.

МАРКИЗА. Ты права, Лиза. Мужчины всѣ таковы. У нихъ ужъ такая грубая натура... (*Садится къ туалету*). Представь всѣ нравственныя совершенства, всѣ сокровища, всѣ утонченности чувствительнаго сердца, самое рѣдкое постоянство, страсть, переживающую даже смерть, однимъ-словомъ—все, что можетъ увлечь порядочнаго человѣка,—они не тронутся, они будутъ холодны, какъ мраморъ;—но покажи имъ только маленькую ножку, пухленькую ручку, они вспыхнутъ, какъ порохъ... это я очень хорошо знаю. . (*Глядя въ окно*). Кто это тамъ поскакалъ на лошади?...

ЛИЗА. Это Лафлёръ.

МАРКИЗА. Лафлёръ!... А! Маркиза не видать?

ЛИЗА Никакъ нѣтъ-съ... Ахъ, позвольте... вотъ онъ! Прикажете позвать его.

МАРКИЗА. Боже сохрани!.. Чѣмъ онъ занимается?...

ЛИЗА. Стоитъ, скрестивъ руки на груди, подъ большимъ каштановымъ деревомъ, и кажется, о чемъ-то думаетъ...

МАРКИЗА. Странный, непонятный человѣкъ...

ЛИЗА. Онъ пошелъ по аллеѣ... и кажется къ памятнику, который вы поставили...

МАРКИЗА. Въ-самомъ-дѣлѣ? Это любопытно... Зачѣмъ ему туда идти? Замѣчай, что̀ онъ будетъ дѣлать...

ЛИЗА. Онъ подошелъ къ памятнику....

МАРКИЗА. Ну, что̀-жъ онъ дѣлаетъ?

ЛИЗА. Что̀-то разсуждаетъ самъ съ собою... (*Отскакиваетъ*). Ахъ!...

МАРКИЗА. Что̀ ты?

ЛИЗА. Маркизъ сюда идетъ скорыми шагами и несетъ что̀-то тяжелое на рукахъ...

МАРКИЗА. Боже мой!... Онъ хочетъ убить меня... Лиза! не уходи отсюда... защищай меня. (*Входитъ Маркизъ, неся урну*).

МАРКИЗЪ (*мрачно*). Что̀ это за урна, маркиза?

МАРКИЗА. Это урна... она, кажется, изъ порфира... (*Лиза смѣется*).

МАРКИЗЪ. Лиза! (*Указываетъ ей на дверь, Лиза уходитъ*). Я серьозно спрашиваю васъ, маркиза, что̀ это за урна и что̀ за смыслъ этой надписи?...

МАРКИЗА. Надписи?...

МАРКИЗЪ. Да, сударыня! Прочтите: «Въ память благороднѣйшаго изъ людей, у котораго былъ одинъ только недостатокъ. Онъ былъ не долговѣченъ.» — Что̀ вы объ этомъ скажете!

МАРКИЗА. Ничего... Кажется надпись не дурна...

МАРКИЗЪ. Вы, кажется, увѣрены, что терпѣніе мое безпредѣльно. Но есть всему границы... Когда вы согласились отдать мнѣ свою руку, то просили у меня позволенія поплакать еще нѣсколько времени надъ покойнымъ мужемъ... я думалъ, что это минутный капризъ—и поступилъ довольно глупо, согласившись на это условіе... Но этотъ трауръ въ замужствѣ поставилъ насъ наконецъ въ самое странное и даже смѣшное положеніе.

МАРКИЗА. На что̀ же вы жалуетесь?.. Вы сами обѣщали... сами согласились на всѣ условія... это было великодушно съ вашей стороны... я не скрывала отъ васъ моего сердца и любви къ покойнику... я просила уважить память погибшаго героя—и вы обѣщали...

МАРКИЗЪ. Обѣщалъ... обѣщалъ! это правда. . Но, во-первыхъ, о подобныхъ предметахъ не спорятъ до свадьбы, и даже не объясняются. Я, разумѣется, надѣялся, что моя любовь скоро заставитъ васъ забыть человѣка, съ которымъ вы, по слухамъ, вовсе не такъ были счастливы... Но я ошибся... вы всякой день болѣе влюбляетесь въ тѣнь умершаго, безпрестанно говорите о немъ, вспоминаете всѣ малѣйшія обстоятельства,—и наконецъ воздвигли ему памятникъ, и паркъ мой превратили въ кладбище... это ужъ не трауръ вдовы, а насмѣшка жены... я помню

въ исторіи жену Мавзолея... она съ горя выпивала всякой день по частицѣ пепла своего мужа... но когда проглотила послѣднюю порцію, то успокоилась и не говорила уже объ немъ.

МАРКИЗА. Ошибаетесь, маркизъ. Вы не знаете исторію. Бѣдная вдова черезъ годъ умерла съ горя...

МАРКИЗЪ. Или отъ несваренія желудка.... Ну, да все-равно.... Что-жъ вы не подражаете ей... Вѣдь только этого и не достаетъ, чтобъ заставить всѣхъ надо мною смѣяться...

МАРКИЗА. Смѣяться!... такъ вотъ что́ васъ бо́льше всего трогаетъ...

МАРКИЗЪ. Разумѣется, Развѣ вы думаете, что никто не видитъ странности нашего положенія? Каково-же мнѣ быть предметомъ насмѣшекъ? Клянусь вамъ, что для меня гораздо было бы легче, еслибъ у меня былъ живой соперникъ... я бы конечно справился съ нимъ.... но съ мертвецами мнѣ дѣлать нечего...

МАРКИЗА. Стыдитесь, маркизъ! Какъ можно говорить съ неуваженіемъ о тѣни героя...

МАРКИЗЪ. Я бы, напротивъ того, желалъ, чтобы онъ былъ живъ... я бы его отправилъ туда, гдѣ онъ теперь...

МАРКИЗА. Довольно, маркизъ. Если женщина видитъ себя предметомъ подобныхъ оскорбленій,—ей остается молчать. Обнажите, сударь, свою шпагу—и проколите мнѣ сердце, я не пошевелюсь.

МАРКИЗЪ. Нѣтъ, маркиза!... Я не обнажу шпаги, не проколю вашего сердца... это не въ нашихъ нравахъ... я сдѣлаю гораздо лучше... Я предложу вамъ иначе прекратить все это,—попросимъ развода.

МАРКИЗА. О! какъ я вамъ буду благодарна .. тогда я вполнѣ могу предаться своей горести.

МАРКИЗЪ. Такъ уѣзжайте къ вашему батюшкѣ. .

МАРКИЗА. Сегодня-же.

МАРКИЗЪ. Но съ условіемъ...

МАРКИЗА. Съ какимъ?

МАРКИЗЪ. Возьмите съ собою и эту урну.

МАРКИЗА. О! съ восторгомъ! Въ ней вся моя жизнь, все счастіе, вся любовь, всѣ воспоминанія молодости...

(*Лиза быстро вбѣгаетъ, запыхавшись*).

ЛИЗА. Ахъ, какой неожиданный ударъ... какое счастіе — хотѣла я сказать...

МАРКИЗА. Что́ случилось, Лиза?

ЛИЗА. Фронтенъ, мой Фронтенъ воротился...

МАРКИЗА. Камердинеръ графа?... быть не можетъ... Онъ умеръ...

ЛИЗА. Нѣтъ, онъ увѣряетъ, что живъ... хотя онъ и лгалъ всю

свою жизнь, но нельзя ему не вѣрить въ этомъ случаѣ... Какое удивительное приключеніе!

МАРКИЗА. Это невѣроятно!.. И онъ здѣсь?

МАРКИЗЪ. Не обманщикъ-ли это какой-нибудь?

ЛИЗА. Мнѣ ли не знать своего Фронтена? Онъ проситъ позволенія видѣть васъ, сударыня.

МАРКИЗА. Веди его! скорѣе.

ЛИЗА (*отворяя дверь*). Войди сюда, Фронтенъ.

(*Маркизъ съ неудовольствіемъ садится въ уголъ. Фронтенъ входитъ съ нѣкоторою неловкостію.*

МАРКИЗА. Такъ это ты самъ, Фронтенъ?...

ФРОНТЕНЪ. Я самъ. Воротился, какъ видите.

МАРКИЗА. Онъ едва на ногахъ стоитъ, Лиза... подай ему стулъ... Бѣднякъ усталъ...

ФРОНТЕНЪ. И есть отчего, а вы, добрая наша графиня, вы все также снисходительны...

МАРКИЗА. Графиня!... Да! вѣдь онъ еще не знаетъ о моемъ замужствѣ... Лиза, не говори ему покуда. Откуда же ты теперь?

ФРОНТЕНЪ. Прямо изъ Алжира...

МАРКИЗА. Несчастный!.. какъ-же это ты добрался сюда?

ФРОНТЕНЪ. Все пѣшкомъ, графиня.

МАРКИЗЪ. Какъ, негодяй! по морю пѣшкомъ?

ФРОНТЕНЪ. То-есть, изъ Тулона пѣшкомъ.

МАРКИЗА. Понимаю... Посмотри Лиза, какъ онъ похудѣлъ. Вѣрно ты много страдалъ въ плѣну?...

ФРОНТЕНЪ. Особливо отъ жажды.

МАРКИЗА. Да! въ жаркомъ климатѣ... Лиза! дай ему бисквитовъ и рюмку кипрскаго вина... да вели приготовить ему завтракъ. (*Лиза наливаетъ ему нѣсколько рюмокъ и кормитъ бисквитами*). Ну, что хорошо-ли? легче ли тебѣ?...

ФРОНТЕНЪ. Гораздо легче.

МАРКИЗА. Теперь разскажи мнѣ... не бойся расшевелить мою горесть. Я такъ тверда, такъ привыкла къ печали... Въ ней все мое утѣшеніе. Разскажи мнѣ все. Не скрывай ни малѣйшей подробности.

ФРОНТЕНЪ. Если прикажете...

МАРКИЗЪ. Бездѣльникъ еще церемонится. Разсказывай, да не лги.

ФРОНТЕНЪ (*Лизѣ*). Кто этотъ господинъ, который такъ громко поговариваетъ.

ЛИЗА. Сосѣдъ.

ФРОНТЕНЪ. Очень непріятный сосѣдъ... (*Маркизѣ*). Вы помните, что графъ былъ посланъ королемъ въ званіи посланника къ испанскому двору, чтобъ присутствовать при свадьбѣ Инфанты... Впрочемъ, кромѣ этого, имѣли мы и секретныя порученія... вы конечно не измѣните... и я вамъ могу открыть, что по инструкціямъ нашимъ мы должны были все высмотрѣть, разузнать, провѣрить... вы понимаете.

МАРКИЗЪ. Къ дѣлу, болванъ!

ФРОНТЕНЪ. Какой непріятный сосѣдъ!.. И такъ, торжество брака совершилось съ обычнымъ великолѣпіемъ... Былъ бой быковъ, карусель, и другія удовольствія въ испанскомъ вкусѣ... Мы участвовали во всѣхъ этихъ праздненствахъ и провели время самымъ пріятнымъ образомъ, не забывая и своихъ инструкцій, которыя, какъ вы знаете...

МАРКИЗЪ. Опять!

МАРКИЗА. Кончай скорѣе, Фронтенъ... Вы отправились обратно изъ Кадикса?..

ФРОНТЕНЪ. Да, мы нарочно выбрали этотъ городъ, чтобъ посмотрѣть на тамошнихъ... (*Останавливается*).

МАРКИЗА. На кого смотрѣть?

ФРОНТЕНЪ. Да на всѣхъ жителей... на окрестности...

МАРКИЗЪ. Узнаю графа. Онъ готовъ былъ сдѣлать сто миль лишнихъ, чтобъ посмотрѣть на хорошій ландшафтъ... Онъ страстно любилъ природу...

ФРОНТЕНЪ. Да-съ! Всю природу... Вотъ мы 13 мая и отправились въ Марсель... О! тутъ мнѣ надобно собрать всѣ свои силы (*Протягиваетъ рюмку Лизѣ, та наливаетъ*). Вы конечно знаете, что море составляетъ обширный водоемъ, подверженный притягательной силѣ луны...

МАРКИЗА. Знаю, знаю...

ФРОНТЕНЪ. Вотъ отъ этого-то и произошло наше несчастіе... Боясь силы прилива, мы непрежде вышли въ море, какъ уже ночью... Вдругъ встрѣтили мы ужасную алжирскую фелуку, которая попотчивала насъ залпомъ со всего борта...

МАРКИЗА. И сраженіе началось...

ФРОНТЕНЪ. Оно было очень непродолжительно. Турки, по привычкѣ, бросились на абордажъ... Я тотчасъ взлѣзъ на мачту... знаете, чтобъ наблюдать за ходомъ сраженія... И еслибъ всѣ послѣдовали моему примѣру, то конечно не было бы никакихъ несчастій... Сидя тамъ, я безпрестанно заряжалъ ружье, такъ что послѣ сраженія нашли въ немъ пятнадцать патроновъ...

МАРКИЗА. Пятнадцать?..

ФРОНТЕНЪ. Да, цѣлыхъ пятнадцать!.. Я ужасно разгорячился.

МАРКИЗЪ. Скажи лучше, бездѣльникъ, что ты струсилъ и не налъ со страха, что́ дѣлалъ...

ФРОНТЕНЪ. Если вы лучше моего знаете дѣло, извольте разсказывать, а я буду слушать.

МАРКИЗА. Ну, что́ же дальше, Фронтенъ... Разскажи о несчастномъ графѣ.

ФРОНТЕНЪ. О! это великій человѣкъ... Окруженный непріятелемъ, купался онъ въ ихъ крови и наводилъ страхъ на всѣхъ корсаровъ... Вдругъ шпага его переломилась у самаго эфеса.

МАРКИЗА. Боже мой! И тутъ злодѣи умертвили его...

ФРОНТЕНЪ. Умертвили? Какъ умертвили? Никакъ нѣтъ-съ. Онъ, слава Богу, живъ и здоровъ...

МАРКИЗА. Кто? графъ? Графъ живъ?

МАРКИЗЪ. Что́ ты сказалъ, бездѣльникъ?

ФРОНТЕНЪ. Повторяю вамъ, что графъ здоровехонекъ... Ему немножко скучно въ плѣну, вотъ и все...

МАРКИЗА (*падая на диванъ*). Онъ живъ! (*Лиза помогаетъ ей*).

МАРКИЗЪ. Боже мой! Маркиза! Успокойтесь... Это какой-нибудь обманъ... Я все узнаю... Этотъ плутъ лжецъ и мошенникъ.

ФРОНТЕНЪ. Извините, я сказалъ сущую правду... (*Маркиза открываетъ глаза и вслушивается*). И я и графъ были ранены, взяты въ плѣнъ, и черезъ полтора года Дей отпустилъ меня, чтобъ привезти выкупъ за графа... Со мною всѣ бумаги, всѣ документы... и вотъ во-первыхъ письмо отъ пріора, съ печатью и подписью...

МАРКИЗЪ (*прочтя*). Ты это могъ поддѣлать...

ФРОНТЕНЪ. Проѣзжая чрезъ Парижъ, я далъ засвидѣтельствовать подпись въ министерствѣ...

МАРКИЗЪ. Можно поддѣлать и подпись...

ФРОНТЕНЪ. А вотъ и свидѣтельство неаполитанскаго консула въ Алжирѣ.

МАРКИЗЪ. Консула Гаррига... Покажи, я съ нимъ хорошо знакомъ и знаю руку его, какъ свою собственную.

ФРОНТЕНЪ. Вотъ извольте... (*Подаетъ. Маркизъ внимательно разсматриваетъ*).

МАРКИЗА (*слабымъ голосомъ*). Что́ маркизъ?

МАРКИЗЪ. А то, что я рѣшительно въ отставкѣ... (*Съ сердцемъ бросается въ кресла*).

МАРКИЗА. И такъ, все это правда! И тебя прислали ко мнѣ, Фронтенъ?

ФРОНТЕНЪ. Къ вамъ... Вы знаете, что все имѣніе графа при первомъ слухѣ о его смерти, перешло въ руки наслѣдниковъ его... Надобно начинать съ ними тяжбу, а между-тѣмъ графъ булетъ томиться въ плѣну... И потому графъ увѣренъ, что вы заплатите за него требуемый выкупъ.

МАРКИЗА. А сколько?

ФРОНТЕНЪ. Да за обоихъ насъ Дей хочетъ сто тысячъ червонныхъ.

МАРКИЗА. Это конечно много, Фронтенъ; впрочемъ, я и больше-бы отдала, еслибъ у меня было.... Но продавши все свое имѣнье, а все-таки не соберу ста тысячъ червонныхъ.... я готова на все.... если графу угодно....

ФРОНТЕНЪ. Теперь ему угодно было-бы покуда не получать палочныхъ ударовъ по пятамъ.... У алжирцевъ это весьма непріятная привычка.

МАРКИЗА (*съ разстановками*). Послушай, Фронтенъ... Воротись опять въ Алжиръ.... и скажи графу.... что я не переставала проливать слезы съ того дня, какъ получила извѣстіе о его смерти; что моя вѣрность и любовь безграничны; что мнѣ впрочемъ остается не долго жить на свѣтѣ.... я больна — и доктора отказались уже отъ меня.... ста тысячъ червонныхъ у меня нѣтъ теперь.... но я съ нынѣшняго же дня буду питаться хлѣбомъ и водою, чтобъ скопить требуемую сумму.... надѣюсь что черезъ нѣсколько лѣтъ.... если я доживу до того....

МАРКИЗЪ. Извините, маркиза. Я не допущу до этого.... Женщина которая была ко мнѣ такъ добра.... не должна страдать.... У меня есть сто тысячъ червонныхъ... Я ей даю взаймы—не вамъ, вы-бы можетъ быть отказались, — но графу, котораго освобожденіе нашъ общій долгъ....

ФРОНТЕНЪ. Ахъ, чудно! вотъ прекрасная черта съ вашей стороны.

МАРКИЗА. Это благородно, маркизъ.... Но мнѣ нужно поговорить съ вами.... Лиза, отведи Фронтена на кухню и накорми его.

ФРОНТЕНЪ. Еще разъ, скажу сударь, вы прекрасно поступили.... Пойду — и выпью за ваше здоровье. (*Уходитъ съ Лизой*).

МАРКИЗА. Вашъ поступокъ, маркизъ, очень великодушенъ.... но я боюсь, чтобъ вы не разстроили своего состоянія....

МАРКИЗЪ. Нѣтъ, маркиза.... Для моей будущей жизни мнѣ не много надобно....

МАРКИЗА. Какой жизни?...

МАРКИЗЪ. Вѣчнаго холостяка.... Нашъ бракъ теперь недѣйствителенъ.... я хочу навсегда уѣхать изъ Франціи.... Здѣсь мнѣ было-бы тяжело оставаться. Но въ Америкѣ теперь война, и я посмотрю, не нужна-ли будетъ тамъ одна лишняя шпага французскаго дворянина. (*Лиза входитъ*) Позвольте, маркиза, написать въ вашемъ кабинетѣ письмо къ моему нотаріусу насчетъ ста тысячъ....

МАРКИЗА. Вы здѣсь хозяинъ.... (*Маркизъ входитъ въ кабинетъ, не запирая двери. Маркиза садится на диванъ и погружается въ размышленіе. — Лиза стоитъ передъ нею*).

МАРКИЗА (*печально Лизѣ*). Ну что, Лиза?

ЛИЗА. Ничего, маркиза. Что вы?

МАРКИЗА. Я такъ рада, Лиза. (*Плачетъ*).

ЛИЗА. И я тоже. (*Тоже плачетъ*).

МАРКИЗА. Я плачу потому, моя милая, что у женщинъ всѣ сильныя чувства выражаются слезами.

ЛИЗА. А я плачу ужъ конечно не отъ радости.

МАРКИЗА. Что ты говоришь? Когда судьба возвратила тебѣ Фронтена.

ЛИЗА. Судьба ужъ слишкомъ милостива.... Онъ гораздо больше мнѣ нравился, когда не возвращался.... Чтобъ подстрекнуть Лафлёра, я придумывала, вспоминая съ нимъ о Фронтенѣ, тысячу добрыхъ качествъ, которыхъ у Фронтена вовсе не было.

МАРКИЗА. Это кокетство, Лиза.

ЛИЗА. Какъ быть! Главная бѣда въ томъ, что я наконецъ сама себя увѣрила, что Фронтенъ былъ порядочный малый. Вотъ почему въ первую минуту я и обрадовалась, увидѣвъ его. Я надѣялась впрочемъ, что несчастія исправили его.. . Но вышло напротивъ. Вотъ ужъ съ четверть часа, какъ онъ здѣсь, а насказалъ мнѣ столько глупостей, что на цѣлый годъ станетъ. Вы давича изволили замѣтить, что онъ еле на ногахъ стоитъ.... Я думала, что это отъ усталости и изнуренія.... а онъ просто былъ пьянъ.... Вы же приказали поднести ему нѣсколько рюмокъ, и онъ теперь разсказываетъ, съ пьяныхъ глазъ, Лафлёру такія турецкія исторіи, что я бѣжала.... Ну, если графъ возвратится.... а по словамъ Фронтена нельзя и сомнѣваться въ этомъ, тогда и вамъ придется испытать....

МАРКИЗА. Но у графа при отъѣздѣ не было такихъ недостатковъ.... какіе ты замѣтила въ Фронтенѣ.

ЛИЗА. Конечно–съ.... Только онъ и тогда строилъ комплименты всѣмъ женщинамъ....

МАРКИЗА. Будто онъ былъ вѣтренникъ?

ЛИЗА. О! за это я вамъ могу поручиться.... Сверхъ-того онъ бывало цѣлыя ночи просиживалъ за картами. Дуэлей у него конечно не было, — потому-что въ храбрости его всѣ сомнѣвались.... любилъ онъ тоже плотно поужинать въ холостой компаніи.... а впрочемъ, у него не было никакихъ недостатковъ.

МАРКИЗА. Я этого не знала.... или лучше сказать забыла.... Помню только, что онъ немножко былъ упрямъ.... и не очень чувствителенъ.... Но къ чему ведутъ наши разсужденія?... Развѣ ты мнѣ хочешь доказать, что у маркиза больше достоинства въ одномъ пальцѣ, чѣмъ у графа съ ногъ до головы? Къ чему это? Развѣ я виновата въ томъ, что́ случилось?... Развѣ я могу помѣшать графу воротиться?... Развѣ ты хочешь, чтобы я пришла въ отчаяніе, чтобъ совершенно растерялась?... Оставь меня! я хочу быть одна.... (*Видитъ вдругъ маркиза, тихонько вышедшаго изъ кабинета*) Это вы?... Вы были здѣсь?... Вы насъ подслушали?.. (*Лиза уходитъ*).

МАРКИЗЪ. Нѣтъ! я былъ занятъ.... Дверь была не заперта, — и только нѣсколько словъ долетѣли до меня. Впрочемъ, я увѣренъ, что вы при мнѣ не повторите ихъ....

МАРКИЗА (*встаетъ и подходитъ къ нему, говоря ласково и тронутымъ голосомъ*). Нѣтъ, маркизъ, я никогда не отпираюсь отъ своихъ словъ.... Я очень передъ вами виновата и жестоко за это наказана.... Я играла вашими чувствами.... Это было очень дурно.... Но я была ребенокъ.... котораго, по несчастію, всѣ баловали.... Когда я вышла за графа, то раскрыла ему все свое сердце и мысли.... Я надѣялась этимъ средствами заставить полюбить меня.... Мнѣ это, къ сожалѣнію, не удалось, хотя мои чувства были самыя искреннія.... Выйдя за васъ, я вздумала дѣйствовать совершенно наоборотъ, и надѣялась быть счастливѣе.... Повѣрьте, что притворство это дорого мнѣ стоило. Какъ часто.... Еще сегодня поутру, когда вы мнѣ говорили такія милыя вещи.... я хотѣла броситься къ вамъ на шею.... но побоялась.... я думала, что обнаруживъ вамъ любовь мою, я уменьшу вашу. Притомъ же самолюбіе женщины.... Простите мнѣ... Но вы сами также виноваты.... Вамъ такъ легко было вырвать глупую тайну изъ моего сердца и побѣдить мое ребяческое упрямство.... а вы... Вы слишкомъ добры, маркизъ.... вотъ вашъ недостатокъ.... Женщинѣ

непремѣнно надобно чувствовать повременамъ свою зависимость.... Что́ мнѣ еще сказать вамъ.... я худо принялась за дѣло, это правда.... Но и вы не должны были оставлять меня безъ сожалѣнія и состраданія.... Послушайте.... неужели нельзя этого поправить?... (*Сложа руки, умоляющимъ голосомъ*) Прошу васъ.... возьмите меня, увезите куда хотите.... въ Америку.... въ дремучія лѣса.... къ дикарямъ.... я послѣдую за вами повсюду, — буду вездѣ счастлива, — вездѣ, всегда! Я буду благословлять васъ, если вы меня спасете отъ тиранства графа.... котораго я ненавижу, который не былъ никогда достоинъ любви моей, который мучилъ меня во все время замужства.... (*Плачетъ*) и который теперь нарочно возвратился, чтобъ окончательно меня замучить, и въ ту самую минуту, какъ я хотѣла сказать вамъ, что люблю васъ отъ всего сердца....

МАРКИЗЪ (*посмотрѣвъ на нее нѣсколько времени пристально, медленно подходитъ къ урнѣ, приноситъ ее къ окну и кричитъ внизъ*). Берегись, ушибу. (*Бросаетъ урну*) Еслибъ я смѣлъ броситься къ вашимъ ногамъ, маркиза, — я былъ-бы самымъ счастливымъ человѣкомъ, потому-что вы въ эту минуту самое прелестное созданіе на свѣтѣ.... Но съ законами шутить нельзя.... я женился на замужней женщинѣ — и бракъ мой недѣйствителенъ.... (*Стучатъ*) Кто тамъ? (*Входитъ Лиза*) Что́ тебѣ, Лиза?

ЛИЗА. Письмо, съ которымъ курьеръ прискакалъ изъ Версаля.

МАРКИЗЪ. Подай.... (*Читаетъ*).... Вѣрно у васъ, маркиза, есть пріятели, которые распоряжаются судьбою.... Это письмо́ отъ генералъ-полиціймейстера.... Онъ пишетъ, что Фронтенъ бѣжалъ съ тулонскихъ галеръ, гдѣ сидѣлъ за воровство,—и вздумалъ воскресить своего графа чтобъ выманить у васъ сто тысячъ червонныхъ....

МАРКИЗА. Возможно-ли? (*Вырываетъ письмо*).

МАРКИЗЪ (*Лизѣ*). Бѣги, и смотри, чтобъ негодяй не скрылся....

ЛИЗА. О, нѣтъ, ваше сіятельство, не уйдетъ.... Онъ лежитъ безъ чувствъ. (*Уходитъ*).

МАРКИЗЪ. Теперь, позвольте спросить, въ сердцѣ вашемъ тѣ ли еще чувства, или вы уже перемѣнили ваше намѣреніе?

МАРКИЗА. О, нѣтъ!... Только это письмо поспѣло во-врѣмя.... Да и все прочее такъ хорошо уладилось.... Послушайте, однако.... Вы сегодня поутру куда-то ѣздили.... Потомъ Лафлёръ куда-то поскакалъ... Между вами и Фронтеномъ замѣтила я нѣкоторые таинственные взгляды.... все это кажется мнѣ немножко нечисто.... Признайтесь....

МАРКИЗЪ. Какъ можно, маркиза....

МАРКИЗА. Говорите, положа руку на сердце.... Какую роль играли вы въ этой комедіи? Обманутаго, или обманщика?...

МАРКИЗЪ (*смѣется*). Вы ужъ слишкомъ догадливы, маркиза.... И если графъ умеръ, — рѣшительно умеръ — неправда ли?... (*Маркиза киваетъ головою, — Маркизъ становится на одно колѣно и беретъ ея руку*) — Ну, такъ откровенно признаюсь.... я былъ немножко.... обманщикомъ.

ПАСТЕТЪ.

Разсказъ В. Иваницкаго.

Въ жизни человѣческой встрѣчается много случаевъ, часто ничтожныхъ, быстро мелькнувшихъ, а между-тѣмъ, имѣющихъ огромное вліяніе на людей, на ихъ предпріятія, надежды и даже цѣлую судьбу. Иногда, какая-нибудь бѣшеная муха, не во-время укусившая губу человѣка — лишаетъ его званаго и вкуснаго обѣда; иногда мелькнувшая подъ носомъ карета, брызнувъ изъ-подъ колесъ цѣлымъ фонтаномъ грязи, пачкаетъ бѣлоснѣжные брызжи франта, и какое-нибудь интересное свиданіе, по поводу непризваннаго пятнышка, отлагается надолго, надолго! Адамъ Адамычъ сватался десять лѣтъ, и въ двадцать восьмой разъ не получилъ ни руки, ни сердца — сердцу милой, зато только, что наступилъ на хвостъ сонной шавкѣ, любимицѣ будущей тещи. Какой-то прекрасный гидалго, во-время карнавала въ Лимѣ, лишился глаза — потому только, что не увернулся отъ апельсина, кинутаго ему не въ бровь... Но можно ли пересчитать всѣ микроскопическія неудачи, которыя мѣшаютъ удовольствіямъ цѣлой жизни? Исторія Ивана Семеныча Ключика, какъ нельзя лучше, поясняетъ непрочность человѣческихъ предложеній, разлетающихся въ мелкій прахъ, какъ мыльный пузырь, отъ одного дуновенія вѣтра.

Семенъ Иванычъ былъ человѣкъ весьма положительный: никогда ни у кого не занималъ и никому не давалъ въ займы на слово... Семенъ Иванычъ началъ жить съ мѣднымъ грошемъ, а въ сорокъ лѣтъ своей практической и резонной жизни уже имѣлъ домишко, гдѣ-то тамъ, на Петербургской, и въ шкатулкѣ ломбардный билетецъ, единственнаго друга своего одинокаго быта. Семенъ Иванычъ не былъ писателемъ или ученымъ; не хватая звѣздъ, онъ и не гонялся за ними, разсуждая, какъ человѣкъ положительный: «что звѣзды — такъ себѣ звѣзды, блестятъ заимствованнымъ свѣтомъ!» Онъ не былъ даже поэтомъ, что на петербургской — между старыми холостяками, рѣдкость... Однако Семенъ Иванычъ слылъ человѣкомъ спеціальнымъ въ наукѣ коноводства и коноторговли. Лошади составляли единственную мечту Семена Иваныча; на лошадяхъ же онъ и вывезъ своего ломбарднаго товарища. Бывало съ зарею поднимется Ключикъ, кое-какъ пригладитъ свои русыя кудри, накинетъ шинель, заложитъ саврасенькую, и провожаемый любопытными глазами всѣхъ невѣстъ Плуталовой улицы, отправится на Пески, и возвращается домой уже на нѣгой, или на сѣрой въ яблокахъ, встрѣчаемый тѣми же взорами...

Казалось, Семенъ Иванычъ такъ и скоротаетъ свою скромную, положительную жизнь, гдѣ-нибудь на торной дорогѣ, испытывая бѣгъ рьянаго иноходца... Но нетакъ случилось!

Показалось однажды Семену Иванычу, что сосѣдка, хорошенькая дочь весьма почтеннаго человѣка, очень пристально на него посматриваетъ... Сердце не камень. Просто-ли шалунъ Амуръ ущипнулъ черствое сердце холостяка, или по другой причинѣ, только съ этой минуты Ключикъ чаще сталъ запирать замокъ своей двери и прогуливаться подъ окнами сосѣда, иногда даже заговаривалъ съ Аксиньею, своею кухаркою, о томъ: какъ люди женятся, и для чего они женятся и какъ ихъ женятъ?

— Вѣстимо, какъ... отвѣчала Аксинья.

— Ну, а какъ? спрашивалъ Семенъ Иванычъ.

— Да просто... У насъ, вотъ и *всегды* такъ: возьмутъ да и повѣнчаютъ.

— Возьмутъ, да и повѣнчаютъ! обыкновенно возражалъ Ключикъ... Вѣдь, для того, чтобы обвѣнчать, прежде надо посватать!

— А, вѣстимо *надоть*... А то какъ же! Ну, тамъ женихъ, на предки, что ни на есть подаритъ невѣстѣ...

— Вотъ ужъ ты, Аксинья, и лжешь! возражалъ Семенъ Иванычъ... Этого не бываетъ и быть этого не должно!.. Подарить! говорилъ онъ съ какимъ-то трусливымъ волненіемъ, и на этомъ словѣ кончалъ свои разспросы и разговоръ, изрѣдка повторяя вполголоса:

— Подарить! Хмъ! и подаришь? А, какъ не женишься... вѣдь бываетъ же такъ, что подаришь, да и не женишься.... Нѣтъ, это ужъ не резонъ.... Это, выходитъ, не разсчетъ, промахъ, за который долго придется каяться.... Нѣтъ, нѣтъ.... Глупый порядокъ.... Ну, еще женѣ подарить — ничего! Это все-таки мое и будетъ; потому-что и жена моя, а то.... невѣстѣ.... Ну право — не резонъ! При этомъ Семенъ Ивановичъ всѣмъ корпусомъ наклонялся и махалъ рукою.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, въ-продолженіе которыхъ Аксинья не разъ замѣчала, по вечерамъ, долгое отсутствіе своего господина, какъ однажды, въ ноябрское, морозное утро, Семенъ Иванычъ быстро вбѣжалъ въ свою квартиру. Овальное лицо его играло румянцемъ, тусклые глаза ожили, и несмотря на озабоченный видъ, улыбка удовольствія покривила его уста.

— Аксинья! вскричалъ онъ, противъ своего обыкновенія, небрежно бросая на стулъ шинель свою.

— Чего изволите? откликнулась женщина.

— Чтобы сегодня у насъ все было чисто.... слышишь — все! Вы-

мой окна, полы, достань у жильцовъ чистую скатерть, нѣсколько ножей, вилокъ, тарелокъ, стакановъ, стульевъ... ломберный столъ.... и блюдо! Особенно блюоо!

— Да дадутъ ли они такую обузу добраго?

— Дадутъ! Скажи я прошу.... Хозяинъ, скажи — молъ, приказалъ кланяться и просить!... Ну! валяй! мой, мойся, чисти, убирай и убирайся за посудой!

Семенъ Иванычъ такъ размахивалъ руками, такъ быстро шагалъ по комнатѣ, что уже, не считая многосложныхъ приказаній, одна его необыкновенная, подвижная и быстрая жестикуляція—привела въ изумленіе вѣрную слугу.

— Ну, чего-жъ ты дожидаешься! вскричалъ онъ.... Сказано—надо дѣлать! Сегодня у меня гости, и очень важные гости!

— Кто же это, Семенъ Иванычъ?

— Кто? Ужъ, вотъ не догадаешься, Аксинья? А! Ну-ко раскинь умомъ разумомъ!

— Не знаю.

— Просто за просто, невѣста съ отцемъ.... Женюсь, другъ мой.... Пропадай холостая жизнь!... Вотъ какъ надоѣла.... И Семенъ Иванычъ, при этомъ, прорѣзалъ себя рукою по горлу.... Надоѣла она! Теперь хозяйка у тебя будетъ, Аксюша... молодая, такъ-сказать, Амуръ писанный; на двухъ языкахъ говоритъ, французскія книги читаетъ, умница такая, что хоть кого защелкаетъ! У!... Ну, и отецъ—человѣкъ... ничего! Съ головой человѣкъ, я тебѣ скажу.... Сварливъ немного.... ну, да уживемся—ничего!

— Да, какъ же это вы такъ скоро окрутились, Семенъ Иванычъ; увидали, да и на!

— Скоро! Нѣтъ голубушка, ужъ дѣло-то я запрягъ два мѣсяца тому назадъ.... Знаешь Охлопкиныхъ?

— Марью Сергѣвну? Еще отецъ-то такой здоровый; всегда въ старой шляпѣ ходитъ....

— Ну.... ну—да! Вотъ, видишь ты, какъ исторія-то порѣшилась.... Дочь мнѣ приглянулась.... Я, знаешь ли, чтобы на свахъ не тратиться, попросилъ пріятеля, того молодаго Сусликова, познакомить меня съ Охлопкиными.... Онъ сватался на ней, да сдуру-то меня и отрекомендуй, а я ему и подрадѣлъ.... Ха, ха, ха! А? Хорошо вѣдь? Вотъ тебѣ и пріятель! Ну, да извѣстное дѣло: куда-жъ ему?... Мальчишка: копѣйки за душой нѣтъ! А сегодня-то отецъ и приговорился побывать у меня.... Имъ, изволишь ты видѣть, насказали; что и скряга-то я, и брюзга, и живу-то не по состоянію.... такъ, то-есть, гряз-

ненько. Я, выходитъ, небудь промахъ.... да съ разу, чтобы не ударить въ грязь лицомъ, взялъ да и пригласилъ ихъ ужинать.... Ну, думаю, куда ни шло нѣсколько рублей, зато ужъ жена будетъ персикъ, абрикосъ.... миндалина!

— Ужинать? съ большимъ изумленіемъ спросила Аксинья.... Да какъ же это ужинать, когда мы и обѣда-то не готовили?

— Ужъ не безпокойся.... Будетъ паштетъ! Съ благовонной начинкой, великолѣпнѣйшій, съ этими.... какъ ихъ называютъ.... маленькіе огурчики.... Удивительное кушанье!... Сахаръ, малина, такъ-сказать.... объѣдательное печенье! Я, знаешь ли, бросился, было, на Невскій.... тамъ есть этакій сытный магазинъ.... Странно какъ-то называется.... Кажется, *Пате-а-суа*... то-есть, перевести на русскій, значитъ: поди-ка сюда! Ну, вотъ я туда бѣгомъ. Вошелъ. Такая хорошенькая Нѣмочка спрашиваетъ:

— Чего вамъ?

— Паштетъ мнѣ, говорю.... А самъ, такъ, нехотя, глаза вытаращилъ.... Очень хорошенькая.... въ локонахъ....

— Въ какую, говоритъ, цѣну?

— Подешевле, сударыня; мнѣ не обширный, а такъ, чтобы двое—трое могли быть сыты...

Улыбнулась злодѣйка, кликнула какого-то господина въ бѣломъ колпакѣ, сказала ему нѣсколько словъ, не по-русски .. Смотрю, выносятъ паштетъ, такой величественный, корочки румяно поджарились . цышка цышкой стоитъ на подносѣ.

— Ну, говорю, что стóитъ эта лакомая штука?

— Двадцать руб. серебромъ... Серебромъ, Аксюша, прошу замѣтить... Меня какъ-будто кипяткомъ обдало... Ужъ и не помню, судорога-ли, лихорадка-ли, горячка-ли .. только вотъ такъ отъ головы до пятъ и прогвоздило. И холодно, и жарко стало!

— Да, что-же это, сударыня, позволилъ я себѣ замѣтить... Червонцами онъ начиненъ, смѣю васъ спросить?

— Нѣтъ, говоритъ: тамъ курица, дичь... грибки...

— Но, помилуйте! вскричалъ я съ невыдержаннымъ азартомъ: неужели эти курицы несли золотыя яйца!

Нѣмка надула немного свои хорошенькія губки.... и вообрази! преважно обращаясь къ господину въ колпакѣ, махнула рукой... и паштетъ исчезъ... Я оттуда въ трактиръ къ Власову. Ну, и тамъ заказалъ отличный, по самой дешевой цѣнѣ... Должно быть, что это модное кушанье... При мнѣ еще какой-то господинъ заказалъ большой

паштетъ... Въ очкахъ такой солидный господинъ: онъ живетъ съ нами рядомъ... Смотри-же не прозѣвай... а теперь за дѣло.

Къ шести часамъ вечера скромная комната Семена Иваныча приняла видъ праздничный. Окна были вымыты, полы тоже, ломберный столъ, съ поставленными на него двумя свѣчами, помѣщался у дивана, взятые на прокатъ стулья стояли на виду, хозяйскіе въ тѣни. Самъ Ключикъ торжественно расхаживалъ между этою новою мебелью, любуясь въ зеркало своими густыми бровями и классическимъ носомъ. Онъ тревожно переставлялъ ломанныя статуетки на своей этажеркѣ, передвигалъ стулья, бросалъ подъ нихъ каждую встрѣчную соринку и отдавалъ приказанія своей Аксиньѣ. Малѣйшій шумъ подъ окнами заставлялъ трепетать взволнованное сердце холостяка; съ каждымъ новымъ скрипомъ двери, Семенъ Ивановичъ лихорадочно произносилъ:

— А... вотъ идутъ!—и опрометью бросался къ двери, желая встрѣтить дорогихъ гостей. Наконецъ торжественная минута настала...

Высокій, плотный мужчина, съ румянымъ лицомъ, вошелъ въ комнату; за нимъ слѣдовала молодая дѣвушка, стыдливо опустивъ глазки и стараясь спрятаться за плотною спиною своего папаши.

— Мое глубочайшее почтеніе Семену Иванычу и дому его благоденствіе! сказалъ толстякъ, протянувъ руку хозяину.

— Очень радъ съ... Несказанно обрадовали! отвѣчалъ оторопѣвшій Ключикъ, бросая на свою суженую взглядъ, полный страстнаго выраженія.

— Вы-съ столь были великодушны, продолжалъ онъ, манерно рисуясь передъ нею, что посѣтили мой укромный уголъ... такъ сказать... уголъ... того... изволите видѣть.... этаго... очень, весьма и много обязали... Аксинья! трубку Акакію Сазоновичу....

— Ай-да зятекъ—голубокъ! подхватилъ гость, знаетъ службу... Давайте трубку и стаканъ воды .. Дѣло будетъ...

— Сейчасъ чай, почтеннѣйшій Акакій Сазоновичъ! съ крутымъ поклономъ замѣтилъ хозяинъ.

— Чай чаемъ, отецъ и благодѣтель, да мы и за водой не поскучаемъ! Вотъ какъ-съ! эфектно подмигувъ, отозвался гость.

Трубку и воду подали. Будущій тесть Ключика нецеремонно раскинулъ ноги, какъ-будто-бы перекидываясь черезъ сѣдло, пыхнулъ дымомъ и хлебнулъ воды.

— А матку правду молвить, дорогой мой,—началъ онъ, дворъ-то у васъ грязненекъ... солома, сѣно... Просто грязи—по колѣно!... Ха, ха, ха! А... разлюбезный мой Семенъ Иванычъ... Ась!

— Что дѣлать... Нельзя-съ... Лошади свои... знаете... дворъ необширный...

— Понятно, понятно! разумѣется... понимается. Вѣдь я только такъ, съ проста... какъ съ мосту... Ха, ха, ха!... Такъ-то!

— Какъ время изволите проводить Марья Акакіевна, сказалъ Ключикъ, обращаясь къ своей невѣстѣ.

— Читаю... вышиваю...

— Такъ съ.... Что изволите читать? Вѣрно романы? Охъ.... дѣвушки большія охотницы-съ—до пріятныхъ разсказовъ.

— Я теперь читаю «Memoires de Talma.

— Ну, вотъ, подхватилъ отецъ, развѣ Семенъ Иванычъ понимаетъ, что ты говоришь; отвѣчай, душа моя, по-русски....

— Это Записки Тальмы, извѣстнаго французскаго актера....

— А, вотъ-съ что? глубокомысленно замѣтилъ женихъ. Я думаю, очень любопытны эти записки?

— Ахъ, очень, очень... Особенно исторія желтой шляпки...

— Вы вѣрно любите театръ?

— Люблю.... Это лучшее мое наслажденіе....

— И мое также. Знаете, я, просто иногда ночей не сплю, когда посмотрю какую-нибудь драму съ ужасами.... «Черную Немочь»—напримѣръ.... или Мартынова — такъ сказать....

— Да, это артистъ съ большимъ талантомъ....

— Съ ужаснѣйшимъ, я вамъ скажу.... Съ ужаснѣйшимъ, повторилъ женихъ. Вѣдь какъ это у него все смѣшно выходитъ.... удивительно!... Просто иной разъ нехотя смѣешься... Знаете, у меня однажды захворала лошадь.... Скука напала на меня смертная.... Хожу, какъ помѣшанный... Думаю: куда? Ну въ театръ—поѣхала!... Что-жъ вы скажете? какъ рукой сняло, когда посмотрѣлъ Мартынова. Удивительный человѣкъ!

Въ этомъ родѣ разговоръ не прерывался за чаемъ и послѣ чаю. Наконецъ Аксинья просунула свою рыжую голову въ полурастворенную дверь и позвала зачѣмъ-то своего хозяина. Послѣдній извинился передъ гостями и вышелъ.

— Ну, что? сказалъ Охлопкинъ, обращаясь къ дочери и таинственно указывая на дверь... Что скажешь, моя красотка, вѣдь женихъ-то находка!

— Помилуйте, папашенька: онъ говорить порядочно не умѣетъ.

— Важная притча.... Зато молвить правду матку — имѣетъ свою лошадку....

— Онъ старъ, папашенька....

— Денженки есть... Полно, ударь-ка порукамъ, улыбнись молодцу, да и къ вѣнцу....

Дѣвушка тяжело вздохнула.

Между-тѣмъ Ключикъ, переступивъ порогъ прихожей, остановился у окна въ какомъ-то торжественномъ удивленіи. Диво-дивное, огромный пастетъ красовался на этомъ окнѣ.

— Ай да Власовъ! прошепталъ Семенъ Иванычъ. Вотъ не ожидалъ-то.... Ну! одолжилъ, канашка!... Съ цѣлый корабль испекъ штуку, и за такія небольшія деньги! При этомъ Ключикъ невольно пожалъ плечами.... Вотъ онъ, добрый-то человѣкъ.... честный, добродѣтельный, а не выжимка какая-нибудь, не нѣмецъ, который грошовую булку съ грибами продаетъ за двадцать рублей серебромъ.... Да еще серебромъ, прахъ его возьми! Вотъ паштетъ, такъ паштетъ! Дѣльный, солидный, румяный, со всякими, я думаю, спеціями — и съ каланчу ростомъ.... Браво! Постой-же, не мѣшаетъ прихвастнуть.

— Бѣги Аксинья за Сусликовымъ, сказалъ Семенъ Иванычъ, и скажи, что, дескать, баринъ ....смотри, скажи баринъ.... проситъ къ себѣ закусить.... Пусть у него глаза разбѣгутся: на завтра всѣ сосѣди буду знать.... каковы мы!

Аксинья бросилась за званымъ, а улыбающійся и какъ нельзя болѣе довольный Семенъ Иванычъ возвратился къ гостямъ.

— Ну, другъ мой, мы у васъ засидѣлись.... Чувствую и знаю самъ, что пора по домамъ!... Прощайте! сказалъ Охлопкинъ, оставляя свое мѣсто.

— Нѣтъ, нѣтъ, Акакій Сазоновичъ!... Смѣю просить васъ закусить — чѣмъ Богъ послалъ.... Угощу васъ паштетомъ отличнымъ! Заказывалъ нарочно на Невскомъ.... Два дни пекли — такого онъ ужъ устройства.

— А! это дѣло — во-время поспѣло.... Резонъ не дуренъ, зѣло уменъ... Почему-же очень радъ, давайте. Я же охотникъ до заморской стряпни.

— Сію минуту, сію минуту, дорогой гость.

Между-тѣмъ явился и Сусликовъ. Молодой человѣкъ встрѣченный притворною ласкою хозяина, печально переглянулся съ дѣвушкою, почтительно поклонился ея отцу и скромно прижался въ уголъ.

Въ тоже время ломберный столъ накрылся чистою скатертью, на немъ явились куверты, бутылка непризнаннаго хересу.... и пастетъ!

Гости звучнымъ междометіемъ выразили свое изумленіе при взглядѣ громадной глыбы тѣста.

— Ну батюшка.... порція не мала.... честь вамъ и хвала! сказалъ Охлопкинъ.... Это называется: что есть въ печи — все на столъ мечи! Извините, дорогой мой.... Попросту безъ затѣй — лишь бы покушать сытнѣй, я примусь пластать эту печеную скалу....

И Акакій Сазоновичъ, медленно и самодовольно улыбаясь, взялся за ножикъ.

Ключикъ торжествовалъ....

Вдругъ въ прихожей послышался громкій говоръ, за тѣмъ шумъ и споръ, въ которомъ безпрестанно слышались слова: «Да ты скажи, съѣли вы что-ли!...

— Что это такое? Что случилось? въ одинъ голосъ спросили и гости и хозяинъ.

— Не знаю.... рѣшительно не знаю! отвѣчалъ оробѣвшій Семенъ Иванычъ. Но онъ не успѣлъ еще и кончить своей фразы, какъ въ комнату вбѣжалъ молодой парень и прямо бросился къ столу.... Въ то же мгновеніе онъ опустилъ на столъ маленькій каравай, вырвавъ изъ-подъ ножа Охлопкина великолѣпный пастетъ.

— Вотъ вашъ-то, а не этотъ!... Больно лакомы, сударь! сказалъ парень, бросивъ презрительный взглядъ на Акакія Сазоновича.

— Что ты! Что это такое? вскричали Ключикъ и Охлопкинъ.

— Ничего больше, какъ не своимъ добрымъ хотѣли поживиться... Сами, господа, изволите знать; можно-ли въ два-то рубли серебромъ испечь этакой паштетъ.... Вамъ его принесли ошибкой, а вы и того... Этотъ паштетъ готовился вонъ для того господина, что живетъ насупротивъ васъ....

Съ этими словами и съ великолѣпнымъ пастетомъ парень исчезъ.

Ключикъ стоялъ, какъ пронизанный молніею. Сусликовъ и дѣвушка помирали со смѣху. Охлопкинъ побагровѣлъ отъ досады.

— Да, что-же это, вскричалъ онъ, бросивъ на столъ ножикъ съ невыдержанною досадою.... На столъ поставили цѣлаго верблюда, пастетъ съ добрую корзину, а неугодно-ли.... предлагаютъ ѣсть не больше, не меньше печенье ростомъ съ дрянную табакерку.... Благодарю покорно! Смѣяться изволите? Ась! Нѣтъ, такъ извините.... этого я не позволю. Не нужно намъ васъ.... У моей дочери есть женихъ.... Господинъ Сусликовъ.... Маша домой! Николай Петровичъ помогите ей одѣться.... Прощайте, сударь, прощайте!

Торжествующіе молодые люди оставили комнату и убитаго холостяка; за ними вышелъ Охлопкинъ.

Когда грустная тишина водворилась въ комнатѣ — Ключикъ печально посмотрѣлъ на окружавшіе его предметы, тяжело вздохнулъ, и опускаясь на диванъ, прошепталъ:

— Все кончено! предательское печенье... вотъ тебѣ и паштетъ, Анисья!

СОВРЕМЕННОЕ *

ЛИТЕРАТУРА. — Новалисъ (Фридрихъ фонъ-Гарденбергъ. — Очеркъ современной поэзіи въ Германіи. — Дочь Седена. — **ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.** — Исторія одного музыканта, разсказанная Арсеномъ Гуссе. — Предсказаніе г-жи Ленорманъ.—Вызовъ автора.— **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ.** — Зимнее воздушное путешествіе. — Таины химіи. — **МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ.** — Пляшущіе дервиши въ Капрѣ. — Поѣздка на Чинчайскіе острова за гуано. — Встрѣча двухъ караванонъ. — Жизнь въ Корсикѣ. — Суэцъ и пустыня. — Необыкновенное сходство. — Роза и Октавія.

—

I. ЛИТЕРАТУРА.

Новалисъ (Фридрихъ фонъ-Гарденбергъ.) Его жизнь. — Сказанія Людовика Тика.— Геніальное дѣтство.— Фантастическія игры.— Занятія положительными науками. — Литература и литераторы того времени.—Пылкіе планы и болѣзненность души.—Смерть.— Отрывки изъ поэмы «Гимны Ночи» и два лирическія стихотворенія.—Германскій поэтъ, которому великій Гёте предрекалъ славу законодателя въ литературѣ, и дарованіе котораго, по словамъ извѣстнаго критика, Людвига Тика, имѣло такое сильное вліяніе на направленіе современной ему поэзіи Германіи,—поэтъ жившій въ самомъ блестящемъ періодѣ европейской литературы,—Фридрихъ фонъ-Гарденбергъ, извѣстный подъ вымышленнымъ именемъ Новалиса, родился 2 мая 1772 года, въ сельскомъ имѣніи Мансфельдскаго графства. Отецъ его, баронъ фонъ-Гарденбергъ, былъ директоромъ саксонскихъ солеломень, и кромѣ его, имѣлъ еще десять человѣкъ дѣтей, которыхъ постоянно соединяла самая нѣжная дружба, самая горячая любовь. Этотъ дѣятельный глава семейства, за частыми отлучками своими изъ дому, предоставилъ почти все домашнее попеченіе о дѣтяхъ—своей женѣ. Ея-то теплая любовь и нѣжное дружество старшей дочери ея воспитали самостоятельный характеръ Новалиса.

* Заимствовано изъ журналовъ: Voleur, Revue des deux mondes, Journal des Débats, Erheiterungen, Novellen-Zeitung, Moden-Zeitung, Litterary-gazette, Revue de Paris, Magasin fur die Litteratur des Auslandes.

Съ самого младенчества, слабое и болѣзненное дитя, Фридрихъ фонъ-Гарденбергъ былъ вѣчно грустенъ, молчаливъ, убѣгалъ общества и игръ сверстниковъ. На девятомъ году, перенеся страшное воспаленіе внутренностей,—онъ вдругъ какъ-бы переродился... и изъ хилаго ребенка сдѣлался дѣятельнымъ мальчикомъ.

По двѣнадцатому году, онъ оказалъ замѣчательные успѣхи въ древнихъ языкахъ и исторіи; болѣе же всего онъ пристрастился къ фантастическимъ вымысламъ народныхъ сказокъ и повѣрій. Одинъ изъ его лучшихъ біографовъ, Людвигъ Тикъ, разсказываетъ объ оригинальной и любимой игрѣ маленькаго Новалиса—съ двумя младшими братьями. Каждый изъ нихъ представлялъ особеннаго генія. Одинъ—былъ геніемъ воды, другой земли, третій неба... И каждый воскресный вечеръ, забившись въ тѣсный уголъ полуосвѣщенной комнаты, маленькій поэтъ—таинственнымъ и трепетнымъ голосомъ разсказывалъ своимъ товарищамъ импровизованныя событія, случившіяся будто-бы въ области каждаго изъ нихъ... Часто самъ онъ, испуганный призраками своего вымысла, прижимался къ боязливымъ слушателямъ, боясь выдуманныхъ имъ самимъ привидѣній...

Въ 1789 году, Новалисъ сталъ посѣщать гимназію. Черезъ годъ онъ отправился учиться въ Іену, и здѣсь оставался до 1792 года. Наконецъ, посѣтивши Лейпцигъ, онъ прибылъ въ Виттенбергъ, и здѣсь уже окончилъ академическое ученіе. Не имѣя постояннаго руководителя, онъ остался въ своемъ образованіи самостоятельнымъ, и пріобрѣлъ тотъ оригинальный взглядъ на вещи, который такъ ясно выражается въ его произведеніяхъ. Около этого времени онъ познакомился съ Фихте. Шлегель былъ также однимъ изъ его близкихъ друзей.

Изъ Виттенберга, Новалисъ отправился въ Арнштадтъ, въ Тюрингію, для усовершенствованія въ практическихъ искусствахъ и наукахъ. Поэтическій талантъ его не презиралъ и прозы жизни. Химіею и полицейскимъ правомъ онъ занимался также съ большимъ рвеніемъ. Въ томъ, къ чему онъ стремился, онъ искалъ всегда цѣлости выполненія, глубины истины. Ничего онъ не касался поверхностно; часто два три раза передѣлывалъ одну и туже работу... Новую книгу онъ прочитывалъ въ-четверо скорѣе другихъ; потомъ онъ ее откладывалъ встороиу,—и, казалось, болѣе не думалъ о ней. Если-же кому случалось, черезъ мѣсяцъ, чрезъ годъ, спросить его мнѣніе объ этой книгѣ, онъ не только могъ разсказать все ея содержаніе, подробности замѣчательныхъ мѣстъ, но зналъ даже ея малѣйшіе недостатки и достоинства. Такъ читалъ онъ, такъ работалъ, такъ изучалъ людей.

Знакомство со многими изъ славныхъ и великихъ ученыхъ, даже личная дружба съ нѣкоторыми изъ нихъ, доставили ему случай изучить разнообразныя средства и системы въ трудахъ ихъ на поприщѣ науки и литературы. Любимою книгою его въ это время былъ извѣстный всѣмъ Вильгельмъ Мейстеръ, Гёте.

Послѣдовательность въ идеяхъ, эстетическая тонкость вкуса и фантазіи, и наука, въ ея обширномъ смыслѣ, — вотъ что занимало всю жизнь Новалиса.

Въ ранней молодости онъ привязался чувствомъ самой чистой любви къ одной дѣвушкѣ. Этому прекрасному и нѣжному существу онъ, въ своемъ воображеніи, придавалъ самые поэтическіе образы. Двадцати-пяти лѣтъ онъ былъ съ нею помолвленъ. Его мать и сестры восхищались почти столько-же, какъ и онъ, прекрасною невѣстою. Новалисъ прославилъ ее въ своихъ стихахъ... Но неожиданная смерть, послѣ тяжелой и быстрой болѣзни, прекратила дни дѣвушки. Счастіе молодаго поэта исчезло; но покорный водѣ Неба, ни одной жалобы, ни одной слезы не пролилъ онъ... И въ «Гимнахъ ночи» художественной пѣсни души тоскующей, но полной вѣры въ будущее, — онъ незримо для всѣхъ, тихомолкомъ выплакалъ свое земное горе... «Гимны Ночи» написаны мѣрною прозою и стихами. Мы приводимъ ниже отрывки изъ нихъ.

Прекрасное сердце Новалиса еще болѣе узнается въ проявленіи другаго чувства. Нѣжнѣйшая дружба связывала его съ самаго дѣтства съ любимымъ, младшимъ братомъ его Эразмомъ. Самыя свѣтлыя надежды улыбались имъ въ будущемъ... Но однажды, въ часъ безпечной радости, въ кругу семейнаго праздника, Новалисъ вдругъ получилъ письмо съ извѣстіемъ о смерти Эразма, и снова счастіе покинуло поэта... Въ чемъ-же излилась его горькая тоска? Въ отчаяніи, въ ропотѣ на судьбу?—Нисколько... Вотъ слова его къ другому брату своему: «Утѣшься, другъ!... Эразмъ оставилъ насъ, но знай: душистые цвѣты любимаго вѣнка здѣсь разрываются только для того, чтобы нѣкогда вновь соединиться тамъ, гдѣ все прекрасно, благо и вѣчно!...»

Какъ ни твердо перенесъ Новалисъ эти потери, но два удара жестоко потрясли душу его, и съ новаго отъѣзда его изъ Тюрингена въ Фрейбергъ начинается достопамятная эпоха его жизни...

Городъ Фрейбергъ находится въ Саксоніи, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Альтенбурга. Здѣсь Новалисъ, подъ вліяніемъ тихой грусти и сладкихъ воспоминаній съ какою-то лихорадочною дѣятельностью предался занятію положительными науками.

Получивъ новое призваніе, Новалисъ, съ разсчетливостью самаго страшнаго скупца, сталъ считать минуты своей завидной жизни въ области наукъ. Природа, здравая философія и въ-особенности безсмертіе души были главными предметами его занятій. Теперь, находясь при саксонскихъ соледомняхъ, онъ сталъ изучать исключительно физику, химію, математику, геологію, металлургію, технологію, горное искусство, даже медицину...

Но подобно любимцу своему, Фридриху Великому, который часто на барабанѣ, подъ громомъ пушекъ, писалъ самые восторженные стихи, Новалисъ, занимаясь изученіемъ самыхъ отвлеченныхъ и сухихъ предметовъ, даже дѣлая метеорологическія наблюденія для усовершенствованія разныхъ частей горнаго искусства. — еще съ большею ревностью служилъ поэзіи.

Къ этому времени относятся его: «Цвѣты», «Любовь и Вѣра», или «Король и королева», и «Сайскіе ученики». Онъ помѣщалъ ихъ подъ

именемъ Новалиса, въ ежемѣсячныхъ прусскихъ изданіяхъ 1798, и въ Шлегелевомъ Атенеѣ, 1799 и 1800 годовъ.

Около этого-же времени онъ познакомился съ двумя военными людьми, Функомъ и Тилеманомъ. Они пробудили было въ поэтѣ страсть къ искусству Цезаря и Наполеона... Было время, — впрочемъ еще въ ранней юности Новалиса,—когда онъ хотѣлъ даже поступить въ военную службу. Л. Тикъ съ восторгомъ вспоминаетъ въ своихъ послѣднихъ сочиненіяхъ о тѣхъ прекрасныхъ дняхъ, которые онъ провелъ съ Новалисомъ въ этомъ обществѣ, возвышаемомъ присутствіемъ Шлегеля.

Здѣсь-то родилась въ пылкой головѣ Новалиса мысль написать романъ, идеею котораго было: изображеніе апоѳеоза поэзіи. Въ 1800 году уже онъ писалъ къ одному изъ литературныхъ друзей своихъ: «Мой Генрихъ фонъ-Офтердингенъ (задуманный романъ) въ полномъ ходу. Весь планъ его, уже составленный—у меня въ головѣ. Первый томъ уже готовъ; онъ будетъ основою другихъ... Цѣлое должно быть апоѳеозомъ поэзіи!... Въ первой части Генрихъ фонъ-Офтердингенъ будетъ выведенъ человѣкомъ, въ которомъ только начинаютъ созрѣвать сѣмена будущаго плода. Во второй, онъ является уже поэтомъ. Это первая попытка вновь пробудившейся фантазіи. Между спекуляціями, я было самъ чуть не сталъ спекуляціею... Въ этомъ романѣ много пѣсенъ въ моемъ вкусѣ... Голова моя кипитъ идеями.... И новые эскизы романовъ, даже драмъ, рождаются въ ней незванныя, но дорогія гостьи!»

Скоро Новалисъ уже читалъ своимъ пріятелямъ лучшія главы изъ этого романа; но онъ никогда не былъ конченъ. И при всѣхъ достоинствахъ его поэтической идеи, при всѣхъ яркихъ и свѣжихъ краскахъ художественной формы, Генрихъ фонъ-Офтердингенъ останется однимъ изъ слабыхъ произведеній Новалиса. Въ немъ отзывается духъ и направленіе Гётевскаго Вильгельма Мейстера, — отъ котораго Новалисъ не могъ оторваться до самой кончины. И однакоже онъ самъ сказалъ: «Философія наука высокая, если не считать ее исходною точкою практической жизни. Но одна математика не сдѣлаетъ никого геніемъ механики или военнаго искусства, — точно такъ и одна философія — не сдѣлаетъ никого человѣкомъ въ полномъ смыслѣ этого слова».

Фантазія и необыкновенная теплота сердца были главными свойствами Новалиса; онѣ придали ему неподражаемую оригинальность, и проявлялись въ его нѣжной привязанности къ родителямъ, въ его дружбѣ къ братьямъ и сестрамъ, въ любви къ невѣстѣ, въ стремленіи къ тихому крову домашней жизни, даже въ дѣтскихъ играхъ, наполненныхъ представленіями призраковъ изъ міра духовъ.

Съ каждымъ годомъ эти поэтическія чувства крѣпли въ немъ, и горизонтъ ихъ сливался въ одно цѣлое, прекрасное, святое чувство стремленія души къ источнику свѣта и блаженства. Религія стала предметомъ его поэзіи, потребностью всей жизни. Въ Новалисѣ готовился поэтъ, полный вдохновенія истиннаго; но рано умолкла эта поэзія. Ему было двадцать-восемь лѣтъ, когда вновь помолвленный, въ

Вейсенфельсѣ, съ одной прекрасною и образованною дѣвушкою, онъ готовился къ счастію семейной жизни, и въ это время — родные и друзья его вдругъ стали замѣчать въ счастливомъ женихѣ перемѣну. Блѣдность лица и одышка при самыхъ легкихъ движеніяхъ — обезпокоили всѣхъ: ему запретили употребленіе вина, мяса, кофе, и позволили только молоко и овощи. До свадьбы оставалось нѣсколько мѣсяцевъ.

Давно, — еще въ лѣта первой юности, задумалъ Новалисъ составить книгу священныхъ, поэтическихъ пѣсенъ. Теперь желаніе осуществить эту мысль забилось въ его сердцѣ живѣе и опредѣленнѣе. Тикъ далъ ему слово — участвовать своими трудами въ этомъ предпріятіи. «Пѣсни новыхъ христіанъ», составляютъ одну изъ блестящихъ сторонъ прекрасной поэзіи Новалиса. Если онъ не былъ — подобно Рембрандту въ области живописи — знакомъ съ классическими образцами музы древнихъ грековъ и римлянъ; если изъ новыхъ поэтовъ, онъ зналъ только одного Гёте, и былъ чуждъ законовъ новѣйшей теоріи изящнаго, — то драгоцѣннѣйшее въ поэзіи — теплота чувствъ и вдохновенная фантазія ставятъ его въ число лучшихъ поэтовъ прошлаго вѣка

Его «Священныя пѣсни», кромѣ полнаго изученія духа христіанства, — изображаютъ самыя трогательныя думы.

Достойно замѣчанія, что отецъ его, всегда сурово глядѣвшій на артистическое направленіе сына и, между-тѣмъ, бывавшій подчасъ въ восторгѣ отъ его произведеній, — угрюмо встрѣтилъ и эти «Священныя пѣсни». Но однажды вошелъ онъ въ церковь. Тамъ хоръ пѣлъ такую высоко-гармоническую духовную пѣсню, какой онъ еще никогда не слыхивалъ. Тронутый, со слезами на глазахъ, выходилъ онъ изъ церкви по окончаніи службы.

— Не знаете-ли, чье произведеніе — эта духовная мелодія, и чьи слова къ ней? спросилъ онъ сосѣда.

— Какъ! вы этого не знаете? отвѣчалъ ему раздосадованный бюргеръ.... Вы не знаете Новалиса, сочинителя этой пѣсни? И не подозрѣвая, что онъ говоритъ съ отцомъ поэта, простодушный сосѣдъ сталъ разсказывать ему о поэзіи Новалиса.

Такъ росла и крѣпла, вмѣстѣ съ славою, сила генія Новалиса. Но между-тѣмъ физическая болѣзнь его не дремала....

Это было въ началѣ 1800 года.

Родители и невѣста поэта собрались, вмѣстѣ съ нимъ, ѣхать въ Фрейбергъ, гдѣ предполагали совершить давножеланный бракъ. И вдругъ у Новалиса пошла горломъ кровь.... Однакожъ доктора не видѣли опасности, и объявили, что это не будетъ имѣть важнаго вліянія на его здоровье. Припадки однакоже вскорѣ усилились, и были причиною того, что свадьбу отложили еще на мѣсяцъ.

Новалисъ переѣхалъ съ своими родителями въ Дрезденъ. Оставшись здѣсь на нѣкоторое время одинъ, онъ получилъ извѣстіе, что маленькій братъ его утонулъ, по неосторожности, въ озерѣ; это извѣстіе поразило его такъ сильно, что врачи отказались его лечить. Съ этой поры любимою мыслію Новалиса была поѣздка на югъ.

Въ январѣ 1801 года, онъ возвратился къ своимъ родителямъ въ Вейсенфельсъ. Созвали консиліумъ лучшихъ лейпцигскихъ и іенскихъ докторовъ. Поэтъ не чувствовалъ почти никакой боли въ груди, и по прежнему трудился и писалъ. Онъ задумалъ совершенно передѣлать своего Офтердингена.

«Теперь», говорилъ онъ съ восторгомъ: «я вполнѣ чувствую въ себѣ геній художества.... Теперь я понимаю, что̀ такое поэзія, — безчисленныя видѣнія возстаютъ въ моей фантазіи, и образы идеаловъ ея одѣваются прекрасными, невѣдомыми еще доселѣ одеждами.»

Двадцать-пятаго марта былъ свѣтлый, теплый день. Съ самаго утра Новалисъ весело и съ увлеченіемъ разговаривалъ о трудахъ на поприщѣ поэзіи, — со своимъ другомъ, Фридрихомъ Шлегелемъ. Вечеромъ попросилъ онъ своего брата дать ему нѣкоторыя изъ любимыхъ его книгъ; заказалъ себѣ легкую закуску, и просилъ сыграть ему что̀-нибудь на фортепьяно. Услужливый братъ вызвался доставить ему это удовольствіе, — и скоро задумчивые звуки мелодіи Бетховена раздались подъ сводами бѣдно-освѣщенной комнатки. Солнце скрылось за обнаженными кустами сада. Увидѣвъ, что братъ сладко спитъ, молодой артистъ оставилъ фортепьяно, и поцѣловавъ поэта, тихо вышелъ изъ комнаты.

Въ двѣнадцать часовъ ночи Шлегель вошелъ къ нему. На полураскрытыхъ устахъ Новалиса была тихая улыбка; какая-то высокая идея выражалась въ лицѣ его. Но Фридриха-фонъ-Гарденберга уже не было на свѣтѣ.... Тихо и незамѣтно отлетѣла душа его въ лучшій міръ.

Новалисъ былъ высокаго роста, худощавъ и хорошо сложенъ. Темные волосы его спускались длинными локонами до самыхъ плечъ. Вѣчно блестящіе, умные глаза были выразительны; разговоръ живъ и звученъ; несмотря на болѣзненное состояніе его, рѣдко было замѣтно въ немъ утомленіе. Онъ любилъ читать одинъ, лежа, передъ сномъ. Ласковость и веселость его были одинаковы со всѣми. Истина составляла любимый предметъ его разговоровъ, и лучшими изъ этихъ разговоровъ были тѣ, въ которыхъ онъ касался глубины человѣческаго духа. Въ это время — вдохновенный онъ импровизировалъ свои религіозныя думы.

Вотъ переводъ нѣкоторыхъ строфъ его «Гимновъ ночи».

I.

«Кто, полный жизни, полный чувствъ, не полюбитъ, прежде прочихъ явленій міра,—радостнаго *Свѣта*, этого чуднаго созданія, съ его блескомъ, красками, волненьемъ? Кто не полюбитъ его обаятельнаго присутствія при восходѣ майскаго утра? Какъ душа жизни, вдохновляетъ онъ необъятный звѣздный міръ, сверкающій, вѣчно безмолвный, драгоцѣнный камень, растеніе, полное чувствъ и жизни, и дикаго, стройнаго звѣря; но прежде всего вдохновляетъ онъ поэта. Какъ царь земной природы, онъ сзываетъ силы къ безчисленнымъ трудамъ,

онъ отражаетъ свой небесный образъ въ каждомъ земномъ созданіи. Дивное царство міра являетъ намъ присутствіе его!

Перенесусь къ святой неизъяснимой, таинственной *Ночи*. Вдали покоится міръ, погруженный въ глубокую тьму.

Непонятное чувство забилось въ сердцѣ. Не ужель и ты, тёмная ночь, чаруешь насъ? Что ты скрываешь подъ своей мантіей? Изъ руки твоей, изъ маковой связки, каплетъ бальзамъ драгоцѣнный... Ты поднимаешь отяжелѣвшія крылья духа. Я вижу гордый, благородный образъ; тихо и благоговѣйно склоняется онъ на грудь мою. Какъ бѣденъ, какъ дѣтски неполонъ *Свѣтъ* мнѣ теперь! Закатъ его—моя отрада.

II.

«Опять настало утро! Когда-жъ конецъ владычеству солнца? Дневныя заботы сгоняютъ даже отблескъ плѣнительной Ночи. Неужели вѣчно не горѣть таинственному свѣтилу любви? Свѣтъ имѣетъ предѣлы; но безвременно, внѣ пространства, владычество Ночи. Время сна вѣчно! Плѣнительный сонъ, прости глупцовъ, незнающихъ тебя, незнающихъ младенческихъ мечтаній, которыя слетаютъ къ намъ въ минуты сладкихъ вечернихъ сумерекъ. Имъ неизвѣстно, что ты, по сказкамъ старины, восходишь въ чертоги Фей и несешь ключи къ обителямъ эдема, ты, посолъ молчаливый безчисленныхъ тайнъ!

III.

«Теперь я знаю время, когда взойдетъ для меня послѣдняя заря: не будетъ страшенъ Свѣтъ тогда ни Ночи, ни Любви, и только сонъ одинъ, да блѣдныя видѣнья будутъ царствовать. Я чувствую въ себѣ блаженную усталость. Тяжелъ и далекъ былъ мой путь къ заповѣдной могилѣ, крестомъ осѣненной.

Я дамъ охотно руку Свѣту для трудовъ; я готовъ славить твой пышный блескъ, слѣдить созданія твоего искусства, разумный ходъ часовъ твоихъ! Но сердце втайнѣ будетъ вѣрно Ночи и сестрѣ ея, Любви. И можешь ли ты мнѣ найти вѣчно-вѣрнаго друга? Имѣетъ ли твое солнце дружескіе взоры, которые утѣшили-бы меня въ горѣ?

Вновь къ землѣ мой духъ стремится—
Прочь тоска души...
Скоро, вольный, отдохну я
Съ милою въ тиши.
Много мыслей, много жизни
Все еще во мнѣ;
Только солнца кругъ багровый
Не блеститъ въ огнѣ...
Не блеститъ и закатился
Въ темные края...

Обойми-жъ меня пожарче,
Милая моя!
Обойми—и задремлю я
Подъ напѣвъ любви....
Разлилось въ душѣ томленье,
Стихнулъ жаръ въ крови!
Полный духа, упованій,
Я тоскую днемъ;
И сгораю въ мракѣ ночи
Неземнымъ огнемъ! —

Вотъ, наконецъ, переводъ двухъ изъ лучшихъ мелкихъ стихотвореній Новалиса. Въ нихъ, какъ и во всемъ вообще, что̀ написалъ рано умершій поэтъ, отразилась свѣтлая душа его и любовь къ небесному.

I.

ВЕЧЕРНІЙ ГИМНЪ.

Въ тысячѣ образовъ я созерцалъ тебя,
Дѣва Пречистая, матерь спасенія—
Но всѣхъ вѣрнѣй Тебя только душа моя
Только она начертитъ въ часъ моленія.

Близится ль часъ этотъ, въ мирномъ сіяніи,
Звѣзды, какъ птички, на небо слетаются;
Вижу ль Тебя тогда—въ сладкомъ молчаніи
Мысли, какъ звѣзды, въ душѣ загораются. —

II.

КРЫЛЬЯ.

Ночь пришла, окошко отворю я,
Отворю его на дальній югъ;
Скорбный духъ надеждой оживлю я,
Оживлю мольбы застывшій звукъ...

Какъ горитъ воздушныхъ странъ дорога!
Чтобъ летѣть по ней душа могла,
Намъ любовь, намъ умъ даны отъ Бога—
Два живыхъ, властительныхъ крыла!

Разверну же ихъ я на свободѣ,
И душа помчится высоко,
И любовь и умъ во всей природѣ
Будетъ мнѣ благословить легко!

—

Очеркъ современной поэзіи въ Германіи. — Посреди столькихъ различныхъ мнѣній и убѣжденій въ Германіи, простыя и вѣрующія сердца давно уже нуждались въ истолкователѣ своихъ чувствъ. Онъ явился въ недавнее время, и произведенія его составили эпоху въ литературѣ. Авторъ этотъ былъ совсѣмъ неизвѣстенъ, — а между-тѣмъ уже болѣе четырехъ лѣтъ, посреди множества другихъ событій, впечатлѣніе, произведенное имъ, все еще живо — и поэма его успѣла въ это время дожить до четырнадцатаго изданія. Нельзя вообразить себѣ ничего прелестнѣе, простодушнѣе, нѣжнѣе и благонамѣреннѣе этого произведенія.

Оскаръ Редвицъ-Шмольцъ родился 25 іюня 1833 года въ Лихтенау, близъ Аншпаха (въ Баварской Франконіи). Онъ принадлежитъ старинной дворянской фамиліи. Отецъ его занималъ важныя публичныя должности. Мать, Анна Миллеръ, племянница извѣстнаго поэта Миллера. Еще въ молодости Редвицъ переселился въ Рейнскую Баварію. Въ 1846 году возвратился онъ въ Шпейеръ, и приготовился къ званію юрисконсульта, исполняя желаніе своего семейства; но поэзія призывала его. Часто она бываетъ только искусственною дѣятельностію ума, но для Оскара поэзія была основою всѣхъ душевныхъ ощущеній.

По смерти отца своего женился онъ на молодой дѣвушкѣ, которой вліяніе весьма замѣтно въ поэмѣ *Амаранта*, написанной имъ въ то время, когда онъ жилъ близъ своей подруги, въ окрестностяхъ Кейзерлаутерна, въ скромномъ сельскомъ домикѣ, подъ тѣнью сосноваго лѣса. При внимательномъ разсмотрѣніи этой поэмы, въ ней нѣтъ ничего новаго, — но зато вездѣ искреннее и теплое чувство.

Какъ всѣ произведенія *миннезенгеровъ*, поэма начинается описаніемъ весны. Лѣсъ позеленѣлъ и благоухаетъ цвѣтами, птицы поютъ на вѣтвяхъ, ручьи журчатъ во мху, долина покрыта тысячью цвѣтовъ, озаряемыхъ яркимъ солнцемъ, — это Черный-лѣсъ, это долина Неккара.

Посреди долины живетъ молодой человѣкъ. Дѣйствіе происходитъ въ среднихъ-вѣкахъ. Главные миннезенгеры собрались на поэтическое ратоборство; Гейнрихъ Фрауэнлобъ готовился воспѣть германскихъ женщинъ; Готфридъ Страсбургскій пишетъ стихи, полные нѣжной задумчивости; Вольфрамъ Эшенбахъ воспѣваетъ высокіе подвиги. Тогда вездѣ процвѣтала поэзія — у герцоговъ и у ландграфовъ, въ сельскихъ хижинахъ, въ стѣнахъ университета, и въ рядахъ войскъ. Вальтеръ, лишась отца, воспитанъ былъ въ старинномъ замкѣ своею матерью. Онъ достигнулъ юношескаго возраста, когда природа требуетъ дѣятельности. Охотясь по лѣсамъ, Вальтеръ мечтаетъ какъ-бы возстановить древній блескъ своего дома. Но вмѣстѣ съ воинственнымъ жаромъ ощущаетъ онъ и вдохновеніе поэзіи. Воспѣвая битвы и побѣды, вспоминаетъ онъ о матери и мечтаетъ о семейномъ счастіи.

Вальтеръ собирается ѣхать въ крестовый походъ съ императоромъ Фридрихомъ,— и мать уже благословила его. Вдругъ въ замокъ пріѣзжаютъ богатые иностранцы — изъ Италіи. Одинъ италіянскій графъ и отецъ Вальтера были военными товарищами, и дали слово другъ-другу соединить дѣтей своихъ. Графъ присылаетъ къ другу своему просить

руки Вальтера для дочери своей Гисмонды. Вальтеръ отправляется чрезъ Черный-лѣсъ, въ Италію, къ своей нареченной невѣстѣ.

Во второй пѣснѣ является героиня поэмы. Ночь; молнія блеститъ, дождь ливмя льетъ. Рыцарь, закутанный въ плащъ, стучится у дверей уединеннаго домика въ лѣсу—это Вальтеръ. Ему отворяетъ дверь молодая дѣвушка; она разводитъ огонь, сушитъ его платье и идетъ увѣдомить отца, что Богъ послалъ имъ гостя. Отецъ и гость садятся за ужинъ; дѣвушка уходитъ въ свою комнату. Вальтеръ влюбляется въ *Амаранту*. Отецъ ея—миннезенгеръ, воспѣвавшій въ XII вѣкѣ славу и любовь. Онъ былъ женатъ, но одинъ недостойный гость увезъ его жену, и съ тѣхъ-поръ онъ удалился въ полуразрушенный замокъ, гдѣ живетъ бѣденъ и недовѣрчивъ къ людямъ. Амаранта осталась единственнымъ утѣшеніемъ, привязывающимъ его къ жизни.

Амаранта также полюбила Вальтера. Одна изъ прекрасныхъ сценъ поэмы та, гдѣ дѣвушка разсказываетъ коню Вальтера то, что̀ чувствуетъ къ молодому человѣку. Вальтеръ застаетъ ее, но помня цѣль своего путешествія, скрываетъ свои ощущенія. Онъ только робко пожимаетъ руку молодой дѣвушки, когда та задумчиво склоняетъ свою голову на его плечо. Но вскорѣ и она узнаетъ, куда и зачѣмъ ѣдетъ Вальтеръ. Тогда, затаивъ въ груди любовь, прибѣгаетъ она къ молитвѣ.

Вальтеръ пріѣзжаетъ въ Италію. Замокъ отца Гисмонды возвышается на берегахъ Комскаго озера. Здѣсь праздники слѣдуютъ за праздниками — и Гисмонда царицею этихъ баловъ. Она прелестна, горделива и обворожительна. Она полюбила Вальтера — и тотъ покоряется могуществу ея красоты. Но онъ печаленъ. Воспоминаніе объ Амарантѣ все еще живетъ въ душѣ его.

Вскорѣ происходитъ роковое объясненіе; Гисмонда отказываетъ Вальтеру, — и онъ отправляется въ Палестину.

Въ послѣдней пѣсни поэмы Вальтеръ возвращается изъ Палестины въ Черный-лѣсъ и отыскиваетъ Амаранту. Онъ находитъ ее, женится на ней и увозитъ въ свой замокъ.

Поэма эта имѣла величайшій успѣхъ, особливо въ южной Германіи. Университеты послали Редвицу дипломы на званіе доктора. Поэма его ходила по всѣмъ рукамъ, — и каждые два мѣсяца появлялось новое изданіе.

Послѣ-того Редвицъ напечаталъ легенду: *Источникъ и сосна*, и Собраніе стихотвореній. Отличительнымъ качествомъ его поэзіи смиреніе и простекающія изъ него добродѣтели. «Будьте покорны, — повторяетъ онъ безпрестанно своимъ соотечественникамъ; — будьте скромны какъ дѣти!»

Въ стихотвореніяхъ Редвица много оригинальныхъ балладъ, полныхъ истинной религіозности. *Агнеса* — небольшая драма, гдѣ преимущество христіанки надъ мусульманкою доказано вѣрно, сильно и естественно. Поэтъ проситъ вдохновенія у каждой травки, у ручья, журчащаго подъ камнемъ, у куста, у птицы, воспѣвающей красоту утра. «Отчего у тебя голосъ такъ чистъ, крылатый пѣвецъ весенняго утра»?—Оттого, что я

малъ, — отвѣчаетъ птица. Будь такъ-же малъ, какъ я, и ты будешь пѣть точно также». — Эта идея повторяется у Редвица вездѣ и подъ различными формами.

Успѣхъ Редвица составилъ около него родъ школы.

Изо-всѣхъ учениковъ его замѣчательнѣе прочихъ Германъ Бекингаль, авторъ двухъ поэмъ, недавно изданныхъ. Первая называется *Гиларіонъ*. Это опроверженіе Фауста и подражаніе книгѣ Іова. Подобно Фаусту, Гиларіонъ изучилъ всѣ науки, которыми человѣкъ такъ гордится — и признаетъ ихъ совершенное безсиліе для разгадки недоступныхъ человѣку тайнъ. Но вмѣсто того, чтобъ, какъ Фаустъ, предаться злому духу, онъ ввѣряется Провидѣнію. Изъ этой прекрасной и простой идеи авторъ извлекаетъ много высокихъ истинъ. Это преобразованіе идеи Фауста — совершенно поэтическое. Напрасно злой духъ смущаетъ Гиларіона. Напрасно всѣ друзья оставляютъ его, жена измѣняетъ ему, сынъ дѣлается неблагодарнымъ. «Что мнѣ всѣ страданія? говоритъ Галаріонъ... Спокойствіе и радость въ моей совѣсти. Пусть у меня похитятъ всѣ блага земли, небесныя останутся со мною.»

Эта сила духа выражена поэтомъ прекрасно.

Вторая поэма его *Блондель*. Какъ Гиларіонъ былъ символомъ вѣры въ Провидѣніе, такъ Блондель символъ преданности. Но въ самомъ разсказѣ авторъ впадаетъ въ нѣкоторыя погрѣшности. Служитель короля Ричарда воспѣвается какъ герой вѣрности, — это вѣрно и прекрасно; но чтобъ Блондель обратилъ въ христіанство Саладина; чтобъ дочь его Нурмагала вступила въ монахини, а потомъ взошла на престолъ Англіи, — эти вымыслы нашъ критическій вѣкъ найдетъ неумѣстными и неэстетическими.

Редвицъ поселился теперь въ Боннѣ и изучаетъ поэзію среднихъвѣковъ у извѣстнаго филолога Карла Зимрока, знающаго литературу XII и XIII вѣковъ, которую умѣетъ воспроизводить какъ истинный артистъ. Его переводы въ стихахъ Нибелунговъ, Персиваля, Титуреля, и другихъ средне-вѣковыхъ поэмъ можно назвать безукоризненными.

Редвицъ одушевленъ прежде всего теплымъ чувствомъ. Въ немъ нѣтъ глубины Новалиса, блистательнаго воображенія Брентано, ни энергіи Арнима; но зато чувство его вѣрно и возвышенно. Надобно, только опасаться, чтобъ онъ не увлекся мечтами, какъ рыбакъ Гёте коварными ласками Ундины.

Представимъ теперь обзоръ отдѣльныхъ балладъ и другихъ замѣчательнѣйшихъ стихотвореній, явившихся въ послѣднее время. Конечно, лишенныя очарованія мелодическаго размѣра и риѳмы, эти произведенія должны много потерять въ переводѣ, — но и въ прозѣ будетъ видна идея поэта.

Современный германскій поэтъ не *галлофагъ*, не древній тевтонъ, не клянется однимъ Германомъ, — нѣтъ, онъ любитъ и Францію, и все хорошее чужеземное. Рейнъ для него священъ, но онъ радъ, когда западные вѣтры, перелетѣвъ черезъ зеленыя волны, посреди которыхъ Лорелея стонетъ на своей скалѣ, принесутъ ему отголосокъ какой-нибудь веселой пѣсенки. Онъ часто наполняетъ свой лукъ стрѣлами не-

германской иронiи и остроумiя, которыми послѣ такъ мѣтко и глубоко поражаетъ своихъ противниковъ, варварскихъ и сантиментальныхъ поэтовъ.

Всегда были писатели сатирики съ холоднымъ и неумолимымъ сердцемъ, иронiя которыхъ сокрушала все; — но нашъ поэтъ, владѣя также искусно этимъ орудiемъ, обладаетъ совершенно-отличительнымъ качествомъ. Вмѣстѣ съ ненавистiю, одушевленъ онъ любовiю, столь-же сильною и искреннею. И это будутъ вовсе не риторическiя фразы, если мы скажемъ, что онъ жестокосердъ и нѣженъ, коваренъ и простодушенъ, скептикъ и легковѣренъ, сентименталенъ и насмѣшникъ, страстенъ и холоденъ какъ ледъ, остроуменъ и мечтателенъ, античный и модный человѣкъ; однимъ-словомъ, у него всѣ качества и всѣ недостатки, уничтожающiе другъ друга. Это созданiе, само себѣ противурѣчащее, безъ особенныхъ усилiй и безъ твердой рѣшимости. Онъ самъ все это чувствуетъ. Сердце его, какъ зеркало, отражаетъ всѣ изображенiя. Никогда Протей не принималъ на себя столько видоизмѣненiй; никогда боги Индiи не имѣли столько превращенiй. И при всемъ этомъ, онъ вездѣ сохраняетъ чистоту и совершенство пластики. Подъ его художественною отдѣлкою нѣмецкiй языкъ становится гладкимъ, звучнымъ, изящнымъ, какъ древняя греческая статуя. Изъ тевтоническаго дуба, изъ котораго, казалось, можно только вырубить безобразный кумиръ Ирминсула, изваялъ онъ гармоническую статую Аполлона.

Явившись на литературномъ горизонтѣ позже Виланда, Клопштока, Шиллера, Гёте, онъ вскорѣ вошелъ въ группу этой блистательной плеяды, имѣя возможность избѣгнуть многихъ ошибокъ, въ которыхъ упрекали его предмѣстниковъ. Клопштока упрекали въ томъ, что онъ утомителенъ въ своемъ глубокомъ мистицизмѣ; Виланда, что онъ слишкомъ легокъ; Шиллера, что его идеализмъ часто неестественъ; наконецъ Гёте, хотѣвшаго соединить чувство съ умомъ, упрекали часто въ ледяной холодности. Современный поэтъ чувствителенъ отъ природы, идеалы его вездѣ пластическiе, — и въ особенности онъ вездѣ остроуменъ. Талантъ его не имѣетъ ничего общаго съ Клопштокомъ, потому-что все скучное ему несвойственно. Отъ Виланда заимствовалъ онъ свою чувствительность, отъ Шиллера — истинное чувство, отъ Гёте его спиритуализмъ. Все это онъ слилъ воедино, и составилъ одно прекрасное цѣлое. Идея и формы сливаются у него повсюду; рельефность и оттѣнки его превосходны. Каждая его фраза одушевленный и блистательный микрокосмъ. Кажется, его изображенiя выходятъ изъ камеръ-обскуры, фигуры его отдѣляются отъ картины, и появленiемъ своимъ производятъ такое же впечатлѣнiе, какъ еслибы портреты выступили изъ своихъ рамъ и стали разговаривать. Слова его не обозначаютъ предметовъ, но вызываютъ ихъ. Это уже не чтенiе,—это магическое явленiе. Поэтъ ввелъ васъ въ кругъ заклинанiй, и около васъ толпятся фантастическiя существа съ потрясающею истиною формъ. Передъ глазами вашими тянется рядъ картинъ, до того невѣроятныхъ, невозможныхъ, что вы чувствуете какое-то головокруженiе.

Для читателя не-Германца это смѣшенiе разнородныхъ элементовъ

покажется удивительнымъ. То вы видите блистательную иронію, которая, кажется, похищена у Кандида, то въ той-же строфѣ докторъ Панглосъ философствуетъ съ какой-нибудь Эльфой, или русалкою. Въ насмѣшкѣ Вольтера часто звучитъ меланхолическая нота поэзіи весны и лѣсовъ. Саркастическій поэтъ спокойно располагается въ готическомъ замкѣ; воспоминаніе прошедшаго одушевляетъ его; оружіе звучитъ по стѣнамъ, цвѣта гербовъ оживляются, разноцвѣтныя стекла блестятъ, органы наигрываютъ древнія мелодіи; рыцарь выѣзжаетъ изъ феодальнаго замка на боевомъ конѣ, — и никогда, ни Уландъ, ни Тикъ, ни Шлегель, влюбленные въ рыцарство, не описывали такъ вѣрно среднихъ-вѣковъ. Сила картинъ и чувство красоты увлекли на нѣсколько строфъ нашего поэта, — но вдругъ онъ самъ смѣется надъ своею сантиментальностію, и рукавомъ шутовскаго наряда утираетъ навернувшіяся на глазахъ слезы, звонитъ опять въ свои побрякушки и хохочетъ отъ всей души надъ самимъ-собою. Онъ васъ только дурачитъ; онъ своею сантиментальностію разставлялъ сѣть, и вы попали въ нее. По-крайней-мѣрѣ онъ увѣряетъ васъ въ этомъ; — но онъ лжетъ; онъ самъ былъ разстроганъ, потому-что въ этой измѣнчивой натурѣ все истинно. Невѣрьте ему, когда онъ говоритъ, что и смѣхъ его и слезы — все притворно. Нѣтъ! Смѣхъ гіены, слезы крокодила — не могутъ быть искусственны.

Въ новѣйшихъ балладахъ, несмотря на частую иронію, воскресаетъ жизнь прошедшихъ временъ.

Вотъ еще нѣкоторыя изъ лучшихъ балладъ.

ГАРАЛЬДЪ ГАРФАГАРЪ.

Гаральдъ Гарфагаръ обитаетъ въ глубинѣ океана съ прекрасною морскою феею. Годы приходятъ и проходятъ.

Волшебство и очарованіе Ундины удерживаютъ его. Онъ не можетъ ни жить, ни умереть. Вотъ уже двѣсти лѣтъ, какъ продолжается счастливое его мученіе.

Голова Гаральда склонилась на грудь очаровательницы, въ глаза которой онъ всматривается съ любовію. Онъ все еще не можетъ насмотрѣться на нее.

Золотистые его волосы давно уже посѣдѣли, какъ серебро; румяныя щеки пожелтѣли; все тѣло одряхлѣло.

Иногда пробуждается онъ отъ своего влюбленнаго очарованія, когда морскія волны зашумятъ надъ головою его, и кристальный сводъ дворца задрожитъ.

Иногда въ этомъ шумѣ волнъ и въ свистѣ вѣтра все слышится ему военный крикъ норманновъ. Онъ вскакиваетъ, радостно содрогается, протягиваетъ свои руки,—но они опять падаютъ отъ безсилія.

Иногда слышится ему пѣснь моряковъ, поющихъ надъ нимъ военныя пѣсни о подвигахъ Гаральда Гарфагара.

Тогда Гаральдъ стонетъ, плачетъ и рыдаетъ. Но фея быстро склоняется къ нему и цѣлуетъ его своими улыбающимся устами.

УНДИНЫ.

Волны ударяютъ въ пустынный берегъ. Луна встала. Рыцарь отдыхаетъ на песчаномъ берегу, погруженный въ тысячи мечтаній.

Прелестныя Ундины, одѣтыя въ бѣлыя покрывала, выходятъ изъ глубины водъ. Тихими шагами подходятъ онѣ къ молодому человѣку, полагая, что онъ въ-самомъ-дѣлѣ уснулъ.

Одна съ любопытствомъ прикасается къ перьямъ его берета; другая осматриваетъ его перевязь и шлемъ.

Третья улыбается,—и глаза ея блестятъ. Она вынимаетъ мечъ изъ ноженъ, и опершись на блестящую сталь, съ восторгомъ любуется рыцаремъ.

Четвертая прыгаетъ вокругъ него и тихо шепчетъ: о! еслибы ты полюбилъ меня, милый рыцарь.

Пятая цѣлуетъ его руку; шестая колеблется, но наконецъ цѣлуетъ его въ щеку и губы.

Рыцарь не глупъ. Онъ не раскрываетъ глазъ — и спокойно даетъ обнимать себя прелестнымъ ундинамъ при свѣтѣ луны.

ТАМБУРЪ-МАЖОРЪ.

Вотъ нашъ тамбуръ-мажоръ. Какъ онъ упалъ! Во времена французской имперіи онъ славился; онъ былъ веселъ и шутливъ.

Съ улыбкою удовольствія махалъ онъ своею большою палкою. Серебряные галуны мундира его блистали при солнечномъ сіяніи.

Когда, при звукѣ барабановъ, входилъ онъ въ города и деревни, сердца женщинъ и дѣвушекъ привѣтствовали его.

Онъ приходилъ, видѣлъ—и побѣждалъ всѣхъ красавицъ. Черные усы его всегда были омочены слезами нашихъ сантиментальныхъ нѣмокъ.

Надобно было пережить это! Вездѣ гдѣ проходили иноземные завоеватели. Наполеонъ покарялъ мужчинъ, тамбуръ-мажоръ — женщинъ.

Долго мы съ нѣмецкимъ дубовымъ терпѣніемъ переносили это горе, покуда намъ не помогли сбросить съ себя иго.

Какъ быкъ въ день мадритскаго боя сбросили мы съ себя это иго, и запѣли диѳирамбы Кернера.

О ужасные стихи! Они испугали нашихъ враговъ. Наполеонъ и тамбуръ-мажоръ—оба скрылись отъ нихъ.

Наполеонъ попался въ руки Англичанъ.

Тамбуръ-мажоръ, чтобъ не умереть съ голода, принужденъ былъ служить привратникомъ въ нашемъ домѣ.

Онъ топитъ печи, натираетъ полы, носитъ дрова и воду. Съ сѣдою и трясущеюся головою, онъ, запыхавшись, взбирается вверхъ по лѣстницамъ.

Всякій разъ, когда другъ мой Фрицъ навѣщаетъ меня, онъ не про-

пускаетъ случая посмѣяться надъ этимъ бѣднымъ, длиннымъ и худощавымъ человѣкомъ—и помучить его.

Оставь свои насмѣшки, о Фрицъ! Сынамъ Германіи неприлично обременять глупыми шутками несчастіе.

Ты долженъ съ уваженіемъ обращаться съ этими людьми. Кто знаетъ? можетъ-быть этотъ старикъ твой дальній родственникъ.

Мы только назоземъ нѣсколько другихъ балладъ, которыя уже были переведены и всѣмъ извѣстны. Напримѣръ *Два гренадера*, подавшіе идею къ *Ночному смотру* Зедлица, явившемуся гораздо позже. *Дона Клара*, повтореніе *Альманзора* въ другомъ видѣ. Тамъ мусульманинъ сдѣлался христіаниномъ. Тутъ еврей дѣлается рыцаремъ изъ любви къ дочери Алькада. *Пилигримство въ Кевлаарѣ*—чисто католическое и религіозное стихотвореніе о капеллѣ, гдѣ образъ Мадонны излечиваетъ отъ всѣхъ болѣзней.

Въ Германіи много глубокаго сочувствія къ древней сѣверной поэзіи. Германія любитъ всѣ эти прибалтійскія легенды, эти башни въ которыхъ заперты дочери конунговъ, этихъ женщинъ съ лебедиными шеями, этихъ героевъ съ лазурными бронями, этихъ боговъ, которымъ вороны шепчутъ наухо вѣсти нездѣшняго міра, эти исполинскія борьбы на легкихъ лодочкахъ. Оттѣнокъ Эдды отсвѣчиваетъ, какъ сѣверное сіяніе, въ сценахъ убійствъ и любви, таинственныхъ силъ и наслажденій. Но лучше всего описаніе прелестныхъ и коварныхъ существъ, ундинъ, русалокъ, эльфъ, виллисъ, которыхъ обольщеніе скрываетъ погибель, чьи бѣлыя руки увлекаютъ васъ въ глубину темныхъ водъ. Несмотря на всю италіянскую любезность канцонъ, на иперболы и кончетти сонетовъ, каждая женщина этихъ балладъ не много русалка, или виллисъ,—и когда поэтъ, говоря о Лузиньянѣ и его феѣ Мелюзинѣ, восклицаетъ: «Счастливъ тотъ, у кого возлюбленная только вполовину змѣя!»—онъ высказываетъ свою тайную теорію любви.

Во всѣхъ самыхъ страстныхъ стихотвореніяхъ этого рода есть что-то безпокойное. Любовь похожа на цвѣты и тѣнистыя деревья; но цвѣты тутъ ядовиты, а тѣни деревьевъ смертельны. Сфинксы съ лицомъ прелестной дѣвы, съ грудью женщины, съ тѣломъ и когтями льва, улыбаются съ высоты своихъ мраморныхъ цоколей и выпускаютъ острыя когти. Въ этихъ волшебныхъ удовольствіяхъ, пѣнье очаровываетъ, взглядъ лишаетъ силъ, цвѣты ослѣпляютъ, прелесть коварна, красота вѣроломна, холодныя уста даютъ жгучіе поцѣлуи,—а пламенныя губы поцѣлуи холодные и мертвящіе. Обольщеніе—всегда обманываетъ, всякое очарованіе опасно; повсюду являются смерть и измѣна. Поэтъ похожъ на человѣка, ласкающаго тигра, играющаго съ гремучей змѣею. И однакожъ опасность ему нравится. Она привлекаетъ его, какъ свистъ змѣи маленькую птичку. Онъ любитъ на краю бездны срывать незабудки.

Въ описаніяхъ Сѣвернаго моря много картинъ, которыя превосходнѣе Бакгюйзена, Фанъ-де-Вельда и Верне. Строфы глубоки какъ океанъ. Риѳмы льются какъ волны. Только Бейронъ и Шеллей любили такою же страстію море. Но по странному своенравію, на берегахъ Балтики, передъ этими льдинами, приплывающими съ полюса, нѣмецъ дѣлается

грекомъ. У него надъ холодными и голубыми волнами поднимаетъ голову Посейдонъ. Вмѣсто сѣверныхъ рыбъ, играютъ классическіе тритоны. Онъ позволяетъ себѣ анахронизмы, какъ Рубенсъ и Веронезъ. Онъ вводитъ въ хижину рыбака переодѣтаго бога Гомеровой миѳологіи,—и самъ похожъ на Аполлона въ красной матросской рубашкѣ, осужденнаго не стеречь стада Адмета, а ловить сельдей въ Сѣверномъ морѣ.

Но вмѣстѣ съ созерцаніемъ природы смѣшиваются философскія мечтанія и воспоминанія любви. Удаленный хотя на минуту отъ опасности, то есть отъ женщины, онъ уже не такъ остороженъ. Въ морѣ онъ безпеченъ. Тутъ являются скромные и благородные идеалы. Чистая дѣва смѣняетъ чудовище. На днѣ моря поэтъ видитъ потопленный городъ, гдѣ у окошка сидитъ, облокотясь, дѣвушка, которую можно было бы любить безъ страха и ревности. Невозможно передать въ прозѣ этой поэмы, въ которой развиваются столько поэтическихъ впечатлѣній, мечтаній, любви, страданій, восторговъ, очарованій. Это анализъ всей души поэта, со всѣми ея противорѣчіями. Въ этомъ короткомъ переѣздѣ изъ Гамбурга въ Гельголандъ,—а оттуда въ Бременъ, на дрянномъ пакетботѣ, въ кругу грубыхъ матросовъ и скучныхъ пассажировъ, мысль поэта уединяется и дѣлается велика, какъ безпредѣльность моря. Но что̀ это за любовь, которая какъ молнія освѣщаетъ по временамъ сердце поэта, то окруженная туманами сѣвера, то принимающая классическіе оттѣнки?—Все это найдемъ мы далѣе, въ одной изъ поемъ *Интермедіи*, гдѣ вся тайна его страданій. Тамъ найдемъ мы идеалъ поэта, бывшій для него тѣмъ-же, что̀ Лаура для Петрарки, Беатриче для Данте. Но приведемъ прежде еще нѣкоторыя мелкія стихотворенія.

«Вставайте, ветавайте, мои пѣсни, мои добрыя пѣсни! Вооружитесь! Трубите въ трубы и поднимите на щиты красавицу, которая должна отнынѣ царствовать надъ моимъ сердцемъ.

«Привѣтъ тебѣ, моя обладательница!

«Съ свѣтящагося сонца сорву я лучистое золото и сдѣлаю тебѣ изъ него вѣнецъ. Изъ лазурнаго атласа, раскинутаго надъ нами и усѣяннаго бриллiантовыми звѣздами, я оторву кусокъ и сошью тебѣ изъ него мантію. Придворными твоими будутъ мои сонеты, терцины и стансы. Умъ мой будетъ твоимъ скороходомъ, воображеніе мое — твоимъ шутомъ, а юморъ—твоимъ пестрымъ герольдомъ. Самъ же я брошусь къ твоимъ ногамъ, и склонясь на бархатную подушку, принесу тебѣ въ дань остатокъ моего разсудка, который оставила во мнѣ твоя предшественница.»

ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ.

На берегу моря сидѣлъ въ задумчивости и уединеніи. Солнце спускалось и бросало на поверхность водъ пламенные лучи. Бѣлыя и широкія волны, поднимаясь въ приливѣ, подвигались впередъ съ шумомъ и пѣною. То былъ странный шумъ свистъ и ропотъ, смѣхъ и

журчанье, вздохи и предсмертныя судороги, перемѣшанныя съ нѣжною колыбельною пѣснію. Мнѣ казалось, что я слышу разсказы о старыхъ прошедшихъ временахъ, о старыхъ волшебныхъ сказкахъ, которыя сказывали дѣтямъ нашего сосѣда, гдѣ и я, прикурнувъ на камнѣ у дверей въ лѣтній вечеръ, слушалъ ихъ со всѣмъ вниманіемъ дѣтскаго сердца, съ открытыми глазами любопытства, — а въ это время взрослыя дѣвушки сидѣли у окна надъ нами, близь горшковъ съ пахучими цвѣтами, и подобно розамъ, улыбались при лунномъ свѣтѣ.

НОЧЬ НА БЕРЕГУ.

Ночь холодна и беззвѣздна. Море бушуетъ, а на морѣ безобразный сѣверный вѣтеръ, растянувшись, какъ ворчунъ-старикъ, болтаетъ что-то таинственнымъ и стенящимъ голосомъ, разсказываетъ сумасбродныя сказки, повѣсти объ исполинахъ, старыя исландскія легенды, наполненныя битвами и историческимъ вздоромъ. Въ промежуткахъ хохочетъ онъ и воетъ, какъ заклинатель Эдды, вызывающій руническихъ духовъ. Все это, съ такою звѣрскою радостію, съ такимъ комическимъ буйствомъ, что бѣлые дѣти моря прыгаютъ по воздуху и испускаютъ радостные крики.

И вотъ по песчаному берегу, гдѣ приливъ оставилъ свои лужицы, приближается путникъ, котораго сердце еще въ бо́льшемъ волненіи, нежели волны и вѣтеръ. При всякомъ шагѣ его сыплются искры и хрустятъ раковины. Онъ закутанъ въ сѣрый плащъ, и быстро шагаетъ сквозь ночь и вѣтеръ, слѣдуя за путеводнымъ свѣтомъ, кротко и привлекательно сіяющимъ изъ пустынной хижины рыбака.

Отецъ и братъ въ морѣ. Дома въ хижинѣ осталась одна дочь рыбака, прелестная дѣвушка. Она сидитъ у очага и слушаетъ глухой и фантастическій шумъ кипящаго котла. По временамъ подбрасываетъ она въ огонь вѣтки и раздуваетъ пламя, которое ярко отсвѣчивается на свѣжемъ лицѣ ея, на бѣлыхъ и нѣжныхъ плечахъ, такъ мило оттѣняющихся отъ ея грубой и сѣрой рубашки, и на ея маленькой ручкѣ, которая заботливо подвязываетъ коротенькую юбочку къ стройному стану.

Но вдругъ дверь отворяется, и ночной путникъ входитъ въ хижину. Кроткимъ и спокойнымъ взоромъ посмотрѣлъ онъ на бѣлую и слабую дѣвушку, которая дрожала передъ нимъ, какъ испуганная лилія,—и сбросивъ на полъ свой плащъ, улыбнулся и сказалъ:

«Видишь-ли, дитя мое; я сдержалъ слово и воротился. Со мною возвратились и древнія времена, когда боги сходили къ земнымъ дѣвамъ. Однакоже, дитя мое, перестань пугаться моего мнимаго божества. Сдѣлай мнѣ поскорѣе чаю съ ромомъ. Береговой вѣтеръ былъ очень холоденъ,—а въ такія ночи и намъ богамъ холодно, и мы боимся получить ревматизмъ и безсмертный кашель.

ПОССИДОНЪ.

Солнечные лучи играли въ бунтующемъ морѣ. Вдали на рейдѣ ви-

днѣ былъ корабль, который долженъ былъ отвезти меня въ отечество. Но я ждалъ попутнаго вѣтра, и спокойно сѣлъ на песчаномъ берегу; я сталъ читать пѣсни Одиссеи, эти старыя, вѣчно-юныя пѣсни, навѣвающія мнѣ шумъ волнъ, шорохъ листьевъ и запахъ божественной амброзіи, великолѣпную весну человѣчества и блистательное небо Эллады.

Сердце мое усердно слѣдило за всѣми шагами сына Лаэрта. Вмѣстѣ съ нимъ садился я, съ печалью въ душѣ, у гостепріимныхъ пепелищъ, гдѣ королевы ткутъ пурпуръ. Я помогалъ ему лгать и счастливо спасаться изъ пещеры великана, или отъ колдовства нимфы—очарователь-ницы. Я слѣдовалъ за нимъ въ ночь Киммерійскихъ странъ, въ бури и кораблекрушенія,—и переносилъ съ нимъ невыразимыя страданія.

Я говорилъ вздыхая: «о жестокій Поссидонъ! Гнѣвъ твой ужасенъ, и я тоже боюсь, что ты не допустишь меня увидѣть мое отечество.»

Едва произнесъ я эти слова, какъ море покрылось пѣною, — и изъ бѣлыхъ волнъ вышла голова морскаго бога, увѣнчанная осокою. Онъ съ насмѣшкою сказалъ мнѣ: «Не бойся ничего, милый мой маленькій стихотворецъ. Я вовсе не намѣренъ разбивать твоего суденышка, ни безпокоить твою невинную жизнь слишкомъ опасными потрясеніями. Ты, поэтъ, никогда меня не раздражалъ; ты не разрушилъ ни одной башенки священнаго города Пріама, ты не выдернулъ ни одного волоса изъ головы моего сына Полифема, и никогда не получалъ наставленій отъ богини мудрости Паллады-Аѳины.»

Такъ говорилъ Поссидонъ, и погрузился опять въ море. Эта грубая выходка заставила разсмѣяться подъ водою Амфитриду, эту олимпійскую пуассардку, и глупыхъ дочерей Нерея....

НОЧЬЮ ВЪ КАЮТѢ.

У моря есть свой жемчугъ, у неба свои звѣзды,—но у моего сердца, у моего сердца есть своя любовь.

Море велико, небо обширно, но мое сердце еще обширнѣе, а любовь моя красивѣе жемчуга и блистательныхъ звѣздъ.

Тебѣ, молодая дѣва, принадлежитъ это сердце вполнѣ. Сердце мое, море и небо,—все соединилось въ моей любви.

Я бы хотѣлъ пламеннымъ поцѣлуемъ приложить уста свои къ лазурному своду неба, гдѣ блистаютъ звѣзды, и излить тамъ потоки слезъ.

Эти звѣзды также ярки, какъ глаза моей возлюбленной. Съ высоты своего лазурнаго свода посылаютъ они своимъ блескомъ тысячу привѣтствій.

Часто и долго я смотрѣлъ на эти блестящія свѣтила, — вдругъ туманный покровъ скрылъ ихъ отъ меня.

Въ перегородку, на которую склонилась моя голова, бьютъ волны, свирѣпыя волны: Онѣ шумятъ мнѣ въ уши: «Бѣдный сумасбродъ! рука твоя коротка, а небо далеко. Звѣзды крѣпко прикрѣплены на небес-

номъ сводѣ золотыми гвоздями Напрасны твои желанія! Лучше усни!»

Я видѣлъ во снѣ пустынную степь, покрытую бѣлымъ и молчаливымъ снѣгомъ. Подъ этимъ снѣгомъ лежалъ я погребенъ и спалъ сномъ смерти.

И однакоже съ высоты видѣлъ я, что звѣзды и глаза моей возлюбленной попрежнему блистаютъ. Блескъ ихъ спокоенъ и торжественъ, хотя и полонъ любви.

СПОКОЙСТВІЕ.

Море спокойно. Лучи солнца отражаются въ водѣ. На волнисто-сребристой поверхности корабль прорѣзываетъ смарагдовыя полосы.

Боцманъ лежитъ у руля и храпитъ. У грота-мачты сидитъ юнга, облитый смолою, и чинитъ паруса.

Краска щекъ его видна изъ-подъ слоя грязи; губы его дрожатъ; онъ печально осматривается прекрасными глазами.

Передъ нимъ стоитъ капитанъ, кричитъ и сердится и называетъ его воромъ —Бездѣльникъ! «Ты укралъ у меня въ бочкѣ селедку.»

Море спокойно. Маленькая рыбка всплываетъ на поверхность воды, грѣетъ свою головку на солнышкѣ, и весело играетъ своимъ хвостикомъ.

Вдругъ съ высоты налетѣла чайка, схватила трепещущую рыбку, и полетѣла съ нею къ облакамъ.

НА ДНѢ МОРЯ.

Я лежалъ на бортѣ корабля и смотрѣлъ задумчивыми взорами въ свѣтлое зеркало водъ. Все глубже и глубже проникалъ я въ бездну. Вдругъ на днѣ морскомъ увидѣлъ я сперва туманные облака, потомъ мало-по-малу различилъ куполы и башни, — а когда солнце освѣтило все это, то и цѣлый городъ древней Голландіи, полный жизни и движенія. Старики, закутанные въ черныхъ плащахъ, съ бѣлыми откидными воротниками, почетными цѣпями, длинными шпагами и длинными лицами, гуляли по площади, близь ратуши, украшенной бюстами, не очень красиво изваянными. Недалеко оттуда, передъ рядами домовъ съ блистающими стеклами, подъ тѣнью липъ, обстриженныхъ въ видѣ пирамидъ, гуляли молодыя женщины, шумя шелковыми платьями. Розовыя лица ихъ скромно выглядывали изъ черныхъ чепчиковъ, и золотистые локоны спускались на плечи. Толпа красивыхъ рыцарей въ испанскомъ костюмѣ вертѣлась около нихъ, и бросала на нихъ пламенные взгляды. Матроны, одѣтыя въ темныя платья, съ молитвенниками и четками въ рукахъ, шли мѣрными шагами къ большому собору, призываемыя колокольнымъ звономъ и мелодіею органовъ.

При этихъ отдаленныхъ звукахъ пробѣжала по мнѣ дрожь. Непонятныя желанія, глубокая грусть овладѣли моимъ сердцемъ, которое

такъ еще недавно зажило отъ ранъ. Эти раны вновь раскрылись и каплютъ кровью, капля по каплѣ, на старый домикъ этого подводнаго города. Этотъ домъ съ высокою крышею, кажется, опустѣлъ; только у одного окна сидитъ молодая дѣвушка, облокотясь на руку головою. Я знаю тебя, бѣдное дитя. Въ припадкѣ дѣтскаго своенравія, ты скрылась отъ меня такъ далеко, на дно моря, и не могла уже воротиться оттуда. Вотъ уже столѣтіе, какъ ты здѣсь сидишь, чужая между чужими,—а я, съ душею, полною грусти, такъ долго искалъ тебя по всей землѣ, и всегда любя тебя, наконецъ нашелъ здѣсь. Я вижу твое кроткое лицо, твои умные, спокойные взгляды, твою тонкую улыбку. Никогда я тебя больше не оставлю. Я спѣшу къ тебѣ, простираю къ тебѣ объятія, и хочу прижать тебя къ моему сердцу...

Капитанъ успѣлъ меня схватить за ногу и отдернуть отъ борта, сказавъ довольно грубо: «Послушайте, вы съ ума сошли!»

ОЧИЩЕНІЕ.

Оставайся на днѣ моря, безумная мечта которая нѣкогда по ночамъ обольщала мое сердце ложнымъ счастіемъ и которая еще теперь, какъ призракъ мучитъ меня и днемъ. Оставайся подъ волнами на вѣки. Возьми съ собою всѣ мои страданія и грёзы, возьми шутовскую мою шапку съ бубенчиками, которая такъ долго звонила около ушей моихъ; возьми и холодное притворство, эту змѣиную кожу, которая такъ долго оковывала мою душу; возьми всѣ болѣзни души, отвергавшей все.... Гойго! Гойго! Вотъ подулъ вѣтеръ! распускайте паруса!—Они заполоскались, вздулись; корабль двинулся по свѣтлому зеркалу водъ,—и освобожденная душа испускаетъ радостные крики.

УТРЕННІЙ ПРИВѢТЪ.

Таллато! Таллато! * Привѣтствую тебѣ вѣчное море Тысячу разъ
* Море.
привѣтствую тебя радостнымъ сердцемъ, какъ нѣкогда привѣтствовали тебя десять тысячъ греческихъ сердецъ, несчастныхъ въ битвахъ, вздыхающихъ по своему отечеству: — сердца, знаменитыя въ исторіи міра.

Волны вздымались и шумѣли. Солнце проливало на море свои розовые лучи, стаи чаекъ, испуганныя, летѣли съ рѣзкимъ крикомъ; кони били копытами, щиты издавали радостные звуки. Какъ пѣснь побѣды раздавались клики: Таллато! Таллато!

Привѣтствую тебя, вѣчное море. Въ шумѣ волнъ твоихъ слышу я отголосокъ отечества. На поверхности волнъ видятся мнѣ сны моего дѣтства, — и я вспоминаю о всѣхъ благородныхъ и прекрасныхъ подаркахъ, о всѣхъ красныхъ кораллахъ, о жемчугахъ и позолоченныхъ раковинахъ, которыя ты такъ таинственно скрываешь въ своей глубинѣ.

О! какъ мнѣ скучно было на чужбинѣ! Какъ цвѣтокъ, завядшій въ жестяномъ ящикѣ ботаника, сердце мое изнывало въ груди. Мнѣ ка-

залось, что я, какъ больной, просидѣлъ всю зиму въ темной и нездоровой комнатѣ. И вотъ я покинулъ ее. Зеленая весна, оживленная солнцемъ, сіяетъ передъ моими очарованными взорами; я слышу шорохъ деревьевъ, покрытыхъ благоуханнымъ снѣгомъ. Распускающіеся цвѣты смотрятъ на меня своими пестрыми и разноцвѣтными глазами. Вся атмосфера плачетъ и вздыхаетъ, радуется и улыбается. Птицы въ лазурномъ небѣ восклицаютъ талатто! талатто! О храброе сердце, котораго все мужество состояло въ бѣгствѣ. Сколько разъ варварскія красавицы сѣвера мучили тебя своею любовію. Побѣдоносные большіе глаза бросали въ меня таинственныя стрѣлы; острыя слова хотѣли разрѣзать мое сердце на-двое; длинными своими взорами она лишала разсудка бѣдную мою голову, напрасно подставлялъ я имъ щитъ; стрѣлы свистали, удары раздавались. Наконецъ, эти сѣверныя красоты пригнали меня къ берегу, — и я вздыхаю свободно. Привѣтствую тебя море любимое, море освободительное. Талатто! Таллатто!

БУРЯ.

Буря глухо легла на море, и сквозь черную стѣну тучь дрожитъ зубчатая молнія, которая мгновенно блеснетъ и гаснетъ, какъ мысль, вышедшая изъ головы Зевса-Кроніона. Надъ пустынными и бунтующими волнами медленно гремитъ громъ и скачутъ бѣлые кони Посидона, порожденные Бореемъ отъ длинно-гривыхъ кобылъ Эрихтона Морскія птицы кружатся, какъ тѣни мертвыхъ, которыхъ Харонъ отталкиваетъ отъ своей переполненной лодки, везущей черезъ Стиксъ мертвецовъ.

Видѣнъ бѣдный корабликъ, который вдали пляшетъ самую опасную пляску. Эолъ послалъ ему самыхъ буйныхъ музыкантовъ, которые кружатъ его самымъ жестокимъ образомъ. Одинъ свиститъ, другой дуетъ, третій играетъ на контробасѣ. Лоцманъ стоитъ, шатаясь, у руля, безпрестанно посматриваетъ на компасъ, — и отчаявается въ спасеніи.

КОРАБЛЕКРУШЕНІЕ.

Надежда и любовь! Все разбито, — и я, какъ трупъ, выброшенный моремъ съ презрѣніемъ, лежу распростертъ на берегу, на голомъ и пустынномъ берегу. Передо мною разстилается большая водяная степь; за мною — изгнаніе и печаль. Надъ головою моею тянутся тучи, сѣрыя и безобразныя дочери воздуха, которыя туманными ведрами черпаютъ воду изъ моря, съ трудомъ несутъ ее потомъ, и опять низвергаютъ въ море. Печальное, скучное и безполезное занятіе, такое же, какъ жизнь моя.

Волны шумятъ, чайки кричатъ, воспоминанія прошедшаго приходятъ мнѣ на мысль: это забытыя мечты, изгладившіяся картины, пріятныя и печальныя.

Есть на сѣверѣ одна прелестная женщина; роскошная бѣлая одежда обвиваетъ ея стройный, какъ кипарисъ, станъ; черные локоны волосъ спускаются съ головы ея, какъ ночь, и своенравно окружаютъ блѣдное

и кроткое лицо ея, въ которомъ блестятъ, какъ два темныя солнца, большіе и повелительные глаза ея.

О черное солнце! Сколько разъ изливало ты на меня пожирающее пламя восторга, — и сколько разъ находился я подъ очаровательнымъ вліяніемъ этихъ лучей. Но тогда кроткая, дѣтская улыбка оттѣняла уста твои, произносившія сладостныя слова, подобныя свѣту луны и запаху розъ. Восторженная душа моя возносилась къ небесамъ.

Замолчите волны и чайки! Счастье и надежда! Надежда и счастье — все погибло! я несчастный лежу на землѣ послѣ кораблекрушенія,— и прижимаю къ сырому песку пылающее чело мое.

ГРЕЧЕСКІЕ БОГИ.

Подъ блескомъ лунныхъ лучей море сіяетъ какъ растопленное золото. Свѣтъ, соединяющій въ себѣ блескъ дневнаго свѣта и очаровательную роскошь ночей, озаряетъ весь берегъ, а на лазурномъ, беззвѣздномъ сводѣ неба тихо тянутся бѣлыя облака, какъ колосальныя фигуры древнихъ боговъ, изсѣченныя изъ мрамора.

Нѣтъ! это не облака. Это боги Эллады, которые, кажется мнѣ, послѣ паденія своего, странствуютъ въ полночь по небу, какъ исполинскія привидѣнія.

Съ изумленіемъ и очарованіемъ смотрѣлъ я на этотъ воздушный Пантеонъ, на эти колоссальныя фигуры, которыя двигались съ торжественнымъ безмолвіемъ. Вотъ Кроніонъ, обладатель Олимпа. Снѣгъ вѣковъ осеребрилъ локоны его волосъ, которые нѣкогда потрясали небо и землю. Въ рукахъ его погасшая молнія; лицо его, полное печали и несчастія, не потеряло еще древней гордости. Я узнаю также гордую Юнону. Увы! твои взоры теперь неподвижны и лилейная рука безсильна. Вотъ и Паллада—Аѳина.... Я узнаю и тебя, Афродита, прежде златовласая, теперь сѣдая. Красота твоя наводитъ на меня ужасъ. Еслибы ты полюбила меня, какъ другихъ героевъ древности, я-бы, кажется, умеръ со страха. Теперь ты богиня смерти, Венера—Либитина.

Грозный Арей не смотритъ уже на тебя влюбленными глазами; юный Фебъ-Аполлонъ печально склонилъ голову. На лирѣ его, звучавшей прежде на празднествѣ боговъ, оборваны всѣ струны. Ганимедъ печаленъ и не оспариваетъ уже у Гебы права наливать нектаръ богамъ. Веселіе исчезло между вами. Я никогда не любилъ васъ, обитатели Олимпа,—но мнѣ стало жаль васъ, видя скитающимися по ночамъ посреди облаковъ, разносимыхъ вѣтрами....

Когда я это говорилъ, тѣни боговъ покраснѣли, посмотрѣли на меня умирающимъ взглядомъ — и исчезли. Луна зашла за облака, которые все болѣе и болѣе сгущались. Море возвысило свой голосъ, и изъ вѣчнаго шатра неба выступили вѣчныя звѣзды.

ГАВАНЬ.

Счастливъ человѣкъ, достигшій пристани и оставившій позади себя

море и бури. Онъ спокойно и тепло можетъ сидѣть въ бременской тавернѣ, Rathskeller.

Какъ весь свѣтъ вѣрно и пріятно отражается въ зеленомъ кристалѣ и какъ сладостно этотъ движущійся микрокосмъ спускается въ жаждущее сердце. Въ этомъ стаканѣ вся исторія древнихъ и новыхъ народовъ. Все тутъ перемѣшано: и турки и греки, Гегель и Гансъ, лимонныя рощи и военные смотры, Берлинъ и Аѳины, Тунисъ и Гамбургъ,— но въ особенности тутъ *твое* изображеніе, моя милая, на днѣ золотистаго Рейнвейна.

О, какъ ты прелестна, моя возлюбленная. Ты настоящая роза, расспускающаяся въ бременскомъ ратскеллерѣ. А это роза изъ розъ. Чѣмъ она старѣе, тѣмъ прелестнѣе цвѣтетъ. Запахъ ея сдѣлалъ меня счастливымъ и пьянымъ. Я былъ въ такомъ восторгѣ, что еслибы не буфетчикъ ратскеллера, я бы непремѣнно упалъ.

Добрый человѣкъ! Мы сидѣли вмѣстѣ и пили братски. Мы разсуждали о великихъ и таинственныхъ вопросахъ. Мы вздыхали и обнимались, и онъ меня заставилъ вѣрить въ любовь. Я пилъ за здоровье лютѣйшихъ моихъ враговъ, простилъ всѣмъ дурнымъ поэтамъ, и самъ жду такого же прощенія. Я плакалъ отъ умиленія.... Передо мною отворилась дверь, гдѣ стояли двѣнадцать огромныхъ бочекъ вина,— которыя молча говорятъ мнѣ дивныя вещи.

Вотъ существа! наружность ихъ проста; одежда деревенская. Одни внутреннія качества блистаютъ у нихъ. Какъ все радуется около нихъ! И я до того радовался, что буфетчикъ отнесъ меня на зарѣ въ мою комнату.

Мы много выписываемъ, но намъ кажется, что поэзія лучше всего объясняется ея собственными словами и произведеніями. Только близкое знакомство съ поэтомъ можетъ выказать всѣ блестящія стороны его разнообразнаго и прихотливаго дарованія. У насъ знаютъ современную нѣмецкую поэзію болѣе по передѣлкамъ и подражаніямъ. Между-тѣмъ нѣмецкіе поэты создали новый, имъ однимъ свойственный родъ поэзіи, и изученіе его очень любопытно и полезно. Въ нашемъ переводѣ мы старались болѣе всего быть вѣрными подлиннику и передавать его со всѣми странностями и недостатками, происходящими, по нашему мнѣнію, отъ желанія блеснуть оригинальностью. Приведемъ въ заключеніе одно изъ самыхъ послѣднихъ стихотвореній.

ПОДЕ ГАСТИНГСКОЙ БИТВЫ.

Вальтгамскій аббатъ тяжело вздыхалъ, узнавъ, что король Гарольдъ погибъ при Гастингсѣ,

Онъ отправилъ двухъ монаховъ Асгода и Айльрика искать трупъ Гарольда среди мертвыхъ.

Монахи ушли печальные, и печальные возвратились.—Святой отецъ, судьба наша тяжела; счастіе измѣнило намъ.

Мы искали направо, искали на лѣво, до-тѣхъ-поръ, пока всякая надежда была потеряна; мы не нашли трупа короля Гарольда.

Такъ говорили Асгодъ и Айльрикъ. Аббатъ сложилъ руки съ видомъ отчаянія. Онъ долго былъ погруженъ въ глубокую задумчивость, наконецъ сказалъ, вздыхая:

«Въ Гренденфильдѣ, близь Барденштейна, въ самой срединѣ лѣса, живетъ Эдиѳь—съ лебяжьей шеей, въ бѣдной хижинѣ.

Ее зовутъ Эдиѳью съ лебяжьей шеей потому, что ея шея похожа на лебединую. Король Гарольдъ покровительствовалъ этой молодой дѣвушкѣ Время идетъ скоро; этому уже шестнадцать лѣтъ.

Ступайте, братья; отыщите эту женщину и возвратитесь съ нею въ Гастингсъ. Женскій глазъ найдетъ короля.

Потомъ вы принесете трупъ въ вальтгамское аббатство, чтобы мы могли похоронить тѣло по христіанскому обряду и пропѣть псалмы за за упокой души.»

Среди ночи посланники пришли къ хижинѣ въ лѣсу. Вставай Эдиѳь—съ лебяжьей шеей и ступай скорѣе за нами.

Норманскій герцогъ одержалъ побѣду, и на гастингскомъ полѣ король Гарольдъ лежитъ мертвый.

Пойдемъ съ нами въ Гастингсъ; мы будемъ искать тамъ трупъ между мертвыми, и отнесемъ его въ вальтгамское аббатство, какъ приказалъ аббатъ.

Эдиѳь—съ лебяжьей шеей не сказала ни слова. Она одѣлась и пошла за монахами. Вѣтеръ развѣвалъ ея волосы, начинавшія сѣдѣть.

Она шла босыми ногами, бѣдная женщина, черезъ болота и терновникъ. При восходѣ дня она увидѣла мѣловую равнину Гастингса.

Туманъ, покрывавшій поле битвы бѣлымъ саваномъ, мало-по-малу разсѣялся; вороны летали надъ долиной съ зловѣщимъ карканьемъ.

Тысячи труповъ валялись на окровавленной землѣ, обнаженные, обезображенные, растерзанные, перемѣшанные съ лошадьми.

Эдиѳь—съ лебяжьей шеей шла смѣло босыми ногами по крови. Изъ ея неподвижно устремленныхъ глазъ вылетали взгляды, вѣрные какъ стрѣлы.

Она искала налѣво, она искала на право; нѣсколько разъ ей приходилось съ трудомъ отгонять стаи жадныхъ воронов, Монахи едва поспѣвали за нею.

Она искала цѣлый день; насталъ вечеръ. Вдругъ изъ груди бѣдной женщины вырвался рѣзкій, страшный крикъ.

Эдиѳь—съ лебяжьей шеей нашла трупъ короля Гарольда. Она не сказала ни одного слова, не пролила ни одной слезы; она поцѣловала лицо, блѣдное лицо.

Она поцаловала лобъ; она поцаловала уста; она крѣпко поцаловала грудь короля, его кровавую рану.

Монахи въ это время собрали древесныхъ вѣтвей, сдѣлали носилки, положили на нихъ короля.

Они снесли его въ вальтгамское аббатство, чтобы тамъ похоронить его. Эдиѳь съ-лебяжьей шеей шла за трупомъ.

Она пѣла надгробные псалмы дѣтскимъ голосомъ, полнымъ благочестія. Грустно раздавались эти звуки среди ночи. Монахи шептали молитвы....

—

Мѣсто не позволяетъ намъ приводить другихъ стихотвореній. Не можемъ однакоже не назвать между ними: *Рампсенита*, извѣстную исторію одного фараона, у котораго неизвѣстный воръ похищалъ сокровища; *Бѣлаго Слона*—странное стихотвореніе, полное юмору и неожиданности; балладу *Готфридъ Рудель и Мелизанда Триполійская*, отъ которой вѣетъ средними вѣками; *Карла I-го* — балладу, оставляющую самое грустное впечатлѣніе, и наконецъ *Витцлипутцли*, стихотвореніе до того оригинальное, что мы не знаемъ ничего ему подобнаго. Витцлипутцли—имя мехиканскаго бога войны; дѣйствіе происходитъ вовремя отступленія Кортеса изъ Мехики, послѣ смерти Монтезумы. Послѣ упорнаго и кровопролитнаго сраженія на плотинѣ, отдѣляющей Мехико отъ твердой земли, восемдесятъ испанцевъ достаются живыми въ плѣнъ къ мехиканцамъ, и тѣ приносятъ ихъ въ жертву своему богу.—Вотъ и все содержаніе этой баллады, но надо прочесть ее въ подлинникѣ, чтобы видѣть, какой неистощимый родникъ юмора и поэзіи, заключенъ почти въ каждой строкѣ этого стихотворенія.

—

Дочь Седена. У Седена было нѣсколько взрослыхъ дочерей. Та, которая была лучше всѣхъ, Гіацинта, мечтала о несбыточномъ замужствѣ съ живописцемъ Давидомъ. Нельзя было назвать Давида Аполлономъ Бельведерскимъ; на строгомъ его лицѣ никогда не являлась улыбка, волосы у него стояли щетиной, какъ у кумской сивиллы. Его портретъ, самимъ имъ рисованный, поражаетъ типомъ головъ древнихъ. Но можно-ли вѣрить портрету, писанному самимъ художникомъ? Когда онъ писалъ свой портретъ, не ослѣпляли-ли его типы нѣкоторыхъ римскихъ лицъ, временъ Цезаря? А эти физіономіи не были идеаломъ дѣвушекъ XVIII столѣтія; Гіацинта прельстилась извѣстностью Давида болѣе, нежели имъ самимъ; она любила въ немъ артиста. Человѣкъ, изображающій страсти, никогда не кажется такимъ, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ.

Давидъ часто обѣдалъ у Седена. Въ эти дни Гіацинта радостно улыбалась и украшала себя цвѣтами. Она говорила Давиду о его картинахъ сладкимъ голосомъ сирены; потому-что сирены, исчезнувъ навсегда въ океанѣ, передали очарованіе своего голоса всѣмъ красавицамъ и влюбленнымъ дѣвушкамъ. Въ эти дни садилась она къ фортепіано и разыгрывала самыя нѣжныя пьесы друга ея Гретри. Не разъ находила она у этого-же фортепіано новыя вдохновенія. Давидъ слушалъ первую арію и холодно говорилъ: это не дурно! разваливался въ креслахъ и дремалъ. Если онъ и не совсѣмъ засыпалъ, бѣдная Гіацинта ничего отъ этого не выигрывала, потому-что Давидъ уносился въ эти минуты за двадцать столѣтій назадъ, къ древнимъ Римлянамъ и

Грекамъ. Другое дѣло, еслибы Гіацинта была красивый древній мраморный или бронзовый бюстъ! Но за нее говорили только любовь, умъ, молодость, красота и душа; достоинства,—которыя Давидъ не могъ понять и оцѣнить.

Несмотря на это, дочь Седена прощала артисту его разсѣянность.

Однажды, со слезами на глазахъ, она сказала отцу своему: «Онъ меня наконецъ замѣтилъ.»

Извѣстно, что Давидъ имѣлъ свою школу и своихъ учениковъ. Въ концѣ каждаго академическаго курса въ Римѣ, непремѣнно одинъ изъ учениковъ Давида былъ увѣнчанъ. Наконецъ захотѣли наградить и профессора. Людовикъ XVI, понимавшій искусства, потребовалъ, чтобъ Давидъ жилъ въ Луврѣ.

До этого времени живописецъ не думалъ о женитьбѣ; онъ мечталъ только о твореніяхъ своего генія. Онъ былъ принужденъ заняться помѣщеніемъ своей мастерской въ Луврѣ, и переговорить съ королевскимъ архитекторомъ Пекуль. Онъ зналъ сына его въ Римѣ и часто разговаривалъ съ нимъ о родинѣ и отсутствующихъ родныхъ. Сынъ Пекуля говаривалъ Давиду: у меня есть красавицы сестры, выберите одну и мы будемъ братьями. При отъѣздѣ художника въ Парижъ, онъ далъ ему письмо къ отцу; но главное желаніе его было, чтобы онъ увидѣлъ его сестеръ. Прошло болѣе двухъ лѣтъ. Давидъ хранилъ письмо между рисунками. Когда оно попалось ему на глаза, онъ думалъ:—кто знаетъ, быть-можетъ тутъ содержится рѣшеніе моей участи! И потомъ опять полгода онъ и не вспоминалъ объ этомъ письмѣ. Наконецъ онъ долженъ былъ увидѣться съ Пекулемъ по волѣ короля.

— А! сказалъ архитекторъ, это вы, Давидъ: вы хотите жить въ Луврѣ?

— Да, король былъ такъ милостивъ, что отдалъ приказаніе объ этомъ.

— Еслибы вы пришли ко мнѣ года два или три тому назадъ, съ письмомъ, котораго я жду до-сихъ-поръ, я самъ могъ-бы помѣстить васъ въ Луврѣ.

Давидъ взялъ съ собою письмо; покраснѣвъ вынулъ онъ его и передалъ архитектору.

— Пусть это письмо подождетъ еще немного, сказалъ Пекуль: приходите ко мнѣ обѣдать, и мы прочтемъ его за десертомъ.

Сказавъ это Пекуль, въ свою очередь, положилъ письмо въ карманъ.

— Но квартира? спросилъ Давидъ.

— Днемъ раньше, днемъ позже все равно, отвѣчалъ Пекуль.

Давидъ, въ ожиданіи обѣда, отправился къ другу своему Седену, который также жилъ въ Луврѣ, и разсказалъ ему свое свиданіе съ Пекулемъ.

— Я тутъ ровно ничего не понимаю, отвѣчалъ Седенъ: это какая-то путаница.

Гіацинта была при этомъ разговорѣ; она вдругъ страшно поблѣднѣла.

— Я поняла, прошептала она.

Она сѣла за рояль и заиграла грустную элегію изъ Ричарда львиное сердце: Une fièvre brullante.

Сильная горячка овладѣла несчастной дѣвушкой: она знала дѣвицъ Пекуль. Если онѣ не были лучше ея лицомъ, то получили образованіе блистательное.

Давидъ отправился обѣдать въ гости. Его встрѣтило всевозможное кокетство, вся грація чувствъ. Пекуль хотѣлъ во что-бы то ни стало, чтобъ слава и богатство Давида принадлежали одной изъ дочерей его.

Во-время дессерта, между шампанскимъ и испанскимъ виномъ, Пекуль взялъ письмо сына и громко прочелъ его. Это была театральная выходка. Въ глубокомъ молчаніи, дѣвицы наклонили головки, смотря на Давида; Давидъ мечталъ о сфинксахъ. Пекуль, читая письмо, старался отгадать мысли Давида. Только одна мать думала о томъ, кто писалъ письмо, потому-что сынъ ея былъ еще въ Римѣ.

Письмо было не длинно; вотъ его содержаніе: «Рекомендую тебѣ, дорогой мой батюшка, лучшаго моего друга; похлопочи сдѣлать его моимъ братомъ. Это очень просто, ему двадцать-пять лѣтъ, а у тебя есть дочери невѣсты; у него геній, а у тебя деньги.»

Пекуль давно кончилъ, а его все еще слушали.

— Вотъ видите-ли, сказалъ наконецъ Давидъ, вашъ братецъ устроиваетъ дѣла по своему; мнѣ лестно его хорошее мнѣніе обо мнѣ, но онъ не знаетъ, что нельзя принуждать ни дочь, ни сестру къ браку.

Что касается до меня, я, безъ сомнѣнія, былъ-бы счастливъ, еслибы мое уединеніе украсилось красотою и добродѣтелью.

На эту натянутую фразу, сказанную въ тогдашнемъ модномъ стилѣ, дѣвицы Пекуль отвѣчали краснорѣчивымъ молчаніемъ.

Давидъ взглянулъ на обѣихъ, не зная которая ему назначена, или которую онъ имѣетъ право выбрать. Въ-самомъ-дѣлѣ, истинная страсть Давида, истинная его поэзія, была живопись.

Архитекторъ прервалъ молчаніе и сказалъ Давиду, что послѣдуетъ совѣтамъ сына, такъ какъ славный живописецъ не отказывался отъ женитьбы.

Бесѣда возобновилась; говорили много и весело; но когда Давидъ собирался уйти, онъ еще не зналъ, которая изъ дѣвицъ Пекуль его суженая. Прощаясь, онъ окинулъ ихъ быстрымъ взглядомъ, и удалился, спрашивая себя, къ которой изъ нихъ онъ болѣе сочувствуетъ, разсматривая ихъ съ артистической точки зрѣнія.

По привычкѣ, отправился онъ къ Седену.

Гіацинта была блѣднѣе, чѣмъ наканунѣ, и если это ускользнуло отъ Давида, то потому, что онъ не обратилъ на нее вниманія.

— Ну! любезный Давидъ, сказалъ Седенъ, добродушно улыбаясь: вы и веселы и озабочены.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, продолжала Гіацинта, чтобъ скрыть свое горе: у васъ странное выраженіе въ лицѣ.

— Да! вскричалъ Давидъ, вы отгадали, я обѣдалъ, какъ вы знаете, у Пекуля; мнѣ опять говорили о женитьбѣ. Къ чему мнѣ жениться ?

— Я не вижу причины, нетерпѣливо сказала Гіацинта.

— Подождите, продолжалъ Давидъ: чтобы жениться нужно имѣть на примѣтѣ женщину, а у меня ихъ двѣ.

Несчастная дѣвушка вздохнула. Еще одна мечта, — подобная надеждѣ въ минуту смерти — подкрѣпила ее.

— Да, у меня ихъ двѣ, сказалъ Давидъ, разсуждая самъ съ собою. Я не люблю ни ту, ни другую, но почти готовъ любить какъ одну, такъ и другую; одна брюнетка, другая блондинка. Гіацинта вздохнула и приподняла голову, чтобы взглянуть въ зеркало камина на свои бѣлокурые волосы.

— Черты брюнетки правильнѣе, профиль римскій; типъ блондинки деликатнѣе, контуры округленнѣе....

Гіацинта продолжала смотрѣться въ зеркало.

— Когда мнѣ было двадцать лѣтъ, сказалъ Седенъ, блондинки занимали меня болѣе брюнетокъ. Чтобъ жить при Людовикѣ XVI развѣ нуженъ римскій профиль временъ Августа?

Гіацинта покраснѣла и поспѣшила сказать, что ей не нравятся блондинки, и что она всегда жалѣла о томъ, что она не брюнетка.

— И такъ, сказалъ Давидъ, вы совѣтуете мнѣ жениться на римскомъ типѣ?

— Да, прошептала Гіацинта: впрочемъ это въ вашемъ вкусѣ; у васъ геній римскій, какъ у Корнеля.

У Гіацинты сжалось сердце; она была не въ силахъ прибавить ни одного слова; она чувствовала, что должна умереть или съ радости, или съ горя; она боялась, чтобы Давидъ не выбралъ дѣвицы Пекуль; она боялась также, чтобы онъ ей не отвѣтилъ: Такъ-какъ вы совѣтуете мнѣ жениться на соперницѣ вашей, я женюсь на васъ. Она была увѣрена, что Давидъ въ нерѣшимости, и не знаетъ, кого выбрать, ее или дѣвицу Пекуль.

Но вдругъ Давидъ, прохаживаясь по залѣ, подошелъ къ Гіацинтѣ и неосторожно сказалъ ей:

— Кстати, вы знаете дѣвицъ Пекуль?

— Да, прошептала она, совершенно убитая.

— И такъ, какъ вы ихъ знаете, то рѣшите сами, которую изъ нихъ мнѣ выбрать.

Гіацинта поблѣднѣла, произнесла нѣсколько несвязныхъ словъ и упала въ обморокъ; она наконецъ поняла свою горькую участь.

Несчастный Седенъ, который также все понялъ, бросился на колѣни передъ дочерью, и приподнялъ ея голову.

— Что съ ней? спросилъ тронутый Давидъ, потому-что все-таки любилъ ее какъ сестру.

— Что съ ней? сказалъ Седенъ, грустно покачавъ головою: если вы сами не догадываетесь, то я вамъ также не скажу.

Мертвое молчаніе послѣдовало за этими словами.

Давидъ взялъ Гіацинту за руку и говорилъ съ ней съ отеческой лаской. Она открыла глаза, поблагодарила его за вниманіе, сказала, что она тронута, но что объ ней нечего безпокоиться.

Она тихо поднялась, добрела до фортепьяно и начала играть арію: Une fièvre brulante — De profundis ея любви.

Давидъ женился на дѣвицѣ Пекуль, — римскомъ типѣ; Гіацинта ждала только смерти отца, чтобы умереть вслѣдъ за нимъ. Больше ей было не зачѣмъ жить на свѣтѣ....

—

II. ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.

Исторія одного музыканта, разсказанная Арсеніемъ Гуссе. — Недавно умеръ музыкантъ, всѣми забытый и оставленный, держа въ рукахъ изломанный віолончель, музыкантъ, знавшій веселые праздники, любовь и поэзію, который провелъ свою юность при нѣмецкихъ и французскихъ дворахъ, которому покровительствовала принцесса Боргезе. Это былъ человѣкъ умный, простосердечный какъ дитя, энузіастъ какъ итальянецъ, любившій музыку до безумія, любившій живопись ничего въ ней не понимая, наконецъ, любившій женщинъ съ тою утонченною любезностью, которую воспѣвалъ Бенсерадъ.

Бланджини родился въ Туринѣ въ 1781 году. Жизнь отца его прошла въ тяжбахъ; въ-слѣдствіе чего онъ оставилъ сыну всего на все портфель, наполненный бумагами, подтверждающими его права на владѣніе имѣніемъ въ Торичелли. Бланджини отказался отъ наслѣдства; бросилъ бумаги въ огонь, и предпочелъ тратить время на разыгрываніе гаммъ – тяжбамъ объ итальянскихъ палаццо, стоющихъ не болѣе воздушныхъ замковъ. Мать его, происходившая изъ благородной фамиліи де-Гене, находилась въ свитѣ принцессы Фелиціи де-Савуа.

Она была чрезвычайно гостепріимна къ французскимъ выходцамъ 1792 года. Между эмигрантами, прибѣгавшими къ сердцу и кошельку госпожи Бланджини, была одна молодая дама знатной фамиліи. Она, во-время изгнанія, вышла замужъ за г. де-Тро въ Туринѣ. Молодые супруги, увлеченные медовымъ мѣсяцемъ, хотѣли возвратиться во Францію Госпожа Бланджини нашла, несмотря на свою бѣдность, сто луидоровъ для опаснаго путешествія. Они уѣхали, одинъ сухимъ путемъ, другая моремъ, и прибыли въ Парижъ въ самое страшное время. Они встрѣтились тамъ, но вскорѣ снова разстались, боясь смерти и гильотины. Супруга вступила, подъ именемъ простой дѣвушки, къ одной портнихѣ; де-Тро отправился неизвѣстно куда. Вскорѣ бѣдная супруга узнала по газетамъ, что де-Тро осужденъ на смерть. Она явилась къ Фукье-Тенвилю. «Мой мужъ долженъ завтра умереть, я хочу умереть съ нимъ вмѣстѣ, сказала она.» Это прекрасная черта, отвѣчалъ Фукье-Тенвиль. Я согласенъ.

Она присоединилась къ своему мужу. Они провели вмѣстѣ послѣдніе часы; имъ позволили ѣхать на площадь въ одной телегѣ, и они умерли вмѣстѣ, не жалуясь на судьбу.

Бланджини началъ какъ Гретри. Семи лѣтъ онъ былъ пѣвчимъ туринскаго собора Ему дали латинскаго и музыкальнаго учителя. Къ

чему латинскій языкъ тѣмъ, которые готовятся быть музыкантами? Аббатъ Оттани выучилъ его гаммамъ; онъ учился съ такимъ рвеніемъ, что на двѣнадцатомъ году сочинилъ и исполнилъ, въ церкви Троицы, замѣчательную пьесу.

Съ этого времени онъ занялся игрою на віолончели Онъ говорилъ, съ жаромъ берясь за смычокъ: «Въ этотъ віолончель мало-по-малу влились всѣ мои надежды и страданія; въ этомъ инструментѣ есть душа, которой я могу дать жизнь; въ немъ заключается все мое счастіе, потому-что жизнь моя — одно воспоминаніе. При первомъ ударѣ смычка является передо мною моя Полина.»

Дворъ въ Туринѣ очень любилъ религіозную музыку. Бланджини былъ воспитанъ среди священныхъ пѣсенъ. Счастливы тѣ, которые учатся любить Бога еще на зарѣ ихъ жизни; эта любовь наполняетъ всю жизнь ихъ; они возвращаются къ ней, какъ къ дорогому убѣжищу; въ дни горести или скуки, они встрѣчаютъ смерть съ твердостью и спокойнымъ сердцемъ.

Въ Туринѣ Бланджини вошелъ однажды въ театръ Кариньяно, когда играли l'Amor imaginario Фіоравенти. Онъ былъ восхищенъ этой музыкой; l'Amor imaginario долго занималъ его воображеніе. «Спустя полстолѣтія, я знаю еще наизусть эту музыку, говоритъ онъ. Въ моихъ уединенныхъ досугахъ, когда пальцы бѣгали по клавишамъ, я всегда невольно игралъ аріи этой оперы». Послѣ Фіоравенти его плѣнилъ Паезіелло своею «Ниною». Бланджини былъ внѣ себя отъ этой оперы. «Я былъ простъ и скроменъ — говоритъ онъ, въ-слѣдствіе воспоминанія этихъ произведеній. Я бы могъ надѣлать болѣе шума въ моей музыкѣ, но боялся разбудить тѣни тѣхъ великихъ артистовъ, которые никогда не дѣлали изъ гармоніи грома и треска.»

Бланджини писалъ свои мемуары, какъ Жанъ-Жакъ и Шатобріанъ. Онъ обладалъ поэтическимъ и краснорѣчивымъ слогомъ въ разсказѣ о своей жизни. «Едва помня о томъ, что̀ случилось вчера — пишетъ онъ, воспоминанія моего дѣтства необыкновенно свѣжи и ясны. Память моя такъ воспріимчива, что я могу перенестись въ туринскій соборъ, гдѣ я пѣлъ въ хорѣ чистымъ и дѣтскимъ голосомъ; я забавляюсь пересказывая самому-себѣ, какъ я проводилъ день пасхи: вотъ ветхія колонны, окружающія алтарь; вотъ королевская фамилія въ высокой ихъ ложѣ. Воображеніе мое такъ сильно, что ладанъ, курящійся въ прекрасныхъ серебряныхъ кадильницахъ, наполняетъ еще теперь воздухъ, которымъ я дышу.»

Шестнадцати лѣтъ, Бланджини отправился въ Болонью, въ то время, когда генералъ Бонапарте покорялъ Италію. Госпожа Бланджини, вскорѣ лишившись всего во-время войны, рѣшилась отправиться во-Францію. Она была музыкантша, и надѣялась на концерты, которые намѣревалась давать со своими шестью дѣтьми въ южныхъ городахъ Франціи. Все семейство собралось въ дорогу; это было въ пятницу, несмотря на просьбы Бланджини, который не любилъ пятницы (онъ умеръ въ пятницу). Путешествіе продолжалось счастливо два дня; но, въ горахъ ихъ ждала довольно непріятная встрѣча. Ветурино началъ

свистать весьма фальшиво. Какое положеніе для музыканта! вскричалъ Бланджини. Вскорѣ они услышали крикъ: стой! Бланджини поспѣшилъ выдти изъ экипажа, и увидѣлъ предъ собой трехъ замаскированныхъ вооруженныхъ людей, прицѣлившихся въ него. Всѣ вышли изъ кареты. Разбойники безпощадно ограбили ихъ, послѣ чего велѣли Бланджини встать на колѣни, чтобы разстрѣлять его, только, благодаря слезамъ его матери и сестеръ, они довольствовались тѣмъ, что обобрали его до рубашки, выкупали въ снѣгу и осмѣяли.

Въ Ниццѣ, семейство дало первый концертъ. Собрался народъ, изъ любопытства; желали видѣть бѣдную мать, бѣжавшую добровольно изъ отечества и везущую съ собой полдюжину маленькихъ дѣтей музыкантовъ. Собравши довольно денегъ на дорогу, они уѣхали въ Марсель. Въ Марсели, въ Монпелье, въ Ліонѣ, во всѣхъ южныхъ городахъ давали они также концерты. Это странствованіе было продолжительно.

Наконецъ они рискнули побывать въ Парижѣ. Семейство артистовъ поселилось въ улицѣ Шершъ-Миди, и жило бѣдно, довольствуясь тѣмъ, что̀ успѣло накопить. Въ этой квартирѣ Бланджини каждый вечеръ, между девятью и десятью часами, слышалъ старинную музыку надъ его комнатой; это были старыя аріи Люлли и Рамо. Любопытство мало-по-малу привело Бланджини къ дверямъ музыканта. Онъ постучался въ волненіи; его приняла старушка восьмидесяти лѣтъ, одѣтая à la Pompadour, сохранившая еще улыбку, остроуміе и ловкость этого времени; это была маркиза де-Сен-Симонъ. Она взялась протежировать молодаго музыканта, дала ему понятія о свѣтѣ, превозносила его всѣмъ своимъ знакомымъ.

Въ 1799 году имя Бланджини можно было вписать между именами настоящихъ артистовъ. Онъ каждую недѣлю давалъ музыкальное утро. Начали говорить объ немъ и о несчастіяхъ его семейства; былъ ли это случай, изъ любопытства, или дѣйствительно любили его музыку, только посѣщали очень часто концерты его. Восьмнадцатилѣтнимъ юношею вошелъ онъ въ моду въ высшемъ кругу. Мать его получила вѣрный кусокъ хлѣба, чего уже давно не было. Въ 1800 году онъ началъ издавать собранія своихъ романсовъ; съ-этихъ-поръ сдѣлались извѣстны его прекрасныя ноктурны, и граціозныя пѣсенки, при воспоминаніи которыхъ не одно сердце трепещетъ сладостными чувствами даже въ наше время.

Отъ романсовъ онъ перешелъ къ комической оперѣ, и написалъ La Fausse Duégne; но находя, что романсы были выгоднѣе для него, опять принялся за нихъ. Нѣкоторые романсы Бланджини разошлись по всему свѣту, что̀ случается со всѣми легкими произведеніями, трогающими сердце. Графъ де-Сегюръ, замѣтилъ, что онъ даже въ Сибири слышалъ его романсъ: Il est trop tard. Вскорѣ всѣ стали брать уроки у Бланджини и слушать его пѣніе. Никогда ни у одного музыканта не было такихъ блестящихъ ученицъ: королева баварская, королева вестфальская, королева голландская, принцесса Полина, герцогиня де-Берри, княгиня Понятовская, графиня д'Аппони, супруга мар-

шала Нея, герцогиня де-Ровиго, маркиза Полиньякъ, герцогиня Брольи, однимъ-словомъ, почти всѣ женщины его времени, знатныя рожденіемъ, красотою и умомъ, пѣли съ Бланджини. Онъ не имѣлъ ни одной свободной минуты, и въ одинъ вечеръ, присутствовалъ въ десяти салонахъ. Возвращаясь домой измученный, усталый, онъ едва имѣлъ силы обнять мать и молодыхъ сестеръ, которыя плакали отъ радости и благодарности. Это былъ для него самый пріятный часъ дня. Онъ очень мало спалъ. Въ-продолженіе четырехъ или пяти часовъ ночи, проведенныхъ имъ въ своей комнатѣ, онъ часто писалъ романсы, ноктурны или пѣсни, иногда даже оперу. Но опера всегда была ему не по силамъ. Нельзя основать оперу на однихъ романсахъ и пѣсняхъ. Опера обдумывается не торопясь, въ тишинѣ. Бланджини всегда суетился среди шумнаго свѣта. Ноктурны были его истинной славой; ихъ пѣли всѣ и вездѣ: въ Парижѣ, въ провинціи, въ театрѣ, на улицѣ, во дворцѣ и на чердакахъ.

Было время, когда онъ не могъ сдѣлать шагу безъ того, чтобъ не услышать свою музыку. Это заставляло его часто зажимать уши.

Ему не обошлось даромъ посѣщеніе высшаго круга, всѣхъ этихъ красивыхъ и граціозныхъ женщинъ, этихъ законодательницъ модъ; но какъ истинный ученикъ Платона, онъ видѣлъ въ любви только чистаго духа, вливающаго въ наши души самый цѣломудренный ароматъ этого чувства. Впрочемъ еще лучше Платона понималъ любовь Петрарка. Его сонеты и канцоны были вдохновеніемъ Лауры, какъ лучшія ноктурны и романсы Бланджини были внушены ему одной изъ его прекрасныхъ ученицъ. Онъ любилъ молча, не смѣя сказать ничего даже взглядомъ. Его любили также въ тайнѣ, и эта любовь переходила въ пѣсни. Но развѣ мало соединенія двухъ голосовъ въ гармонію сердца? Сколько людей хорошо бы сдѣлали, еслибъ въ любви ограничились пѣніемъ! Бланджини чаще всего вспоминалъ о госпожѣ де Монпесанъ и графинѣ де Люберзакъ.

Въ 1805 году семейство Бланджини уменьшилось: сестра, игравшая на скрипкѣ, отправилась въ Германію, другая, пѣвица, возвратилась въ Италію. Въ свою очередь, Бланджини вздумалъ путешествовать, чтобъ отдохнуть отъ парижскаго шума. Онъ отправился въ Германію, гдѣ встрѣтилъ однажды, при мюнхенскомъ дворѣ, бельгійскаго короля, бывшаго тогда еще герцогомъ Саксенъ-Кобургскимъ. Бланджини сдѣланъ былъ капельмейстеромъ герцога. По возвращеніи его въ Парижъ открылись ему двери Большой Оперы. Онъ написалъ оперу *Нефтали* также легко, какъ-будто это былъ ноктурнъ въ два голоса. Либретто было очень дурно, музыка — не многимъ лучше, и несмотря на это, *Нефтали* заслужилъ успѣхъ энтузіазма; занавѣсъ опустили при громкихъ аплодисментахъ, и вызвали автора; это еще не все: едва произнесли имя Бланджини, какъ шумные крики возобновились. Онъ стоялъ за кулисами, совершенно растерявшись, не слыша ни одной ноты своей музыки. Пѣвцы вывели его на сцену, чтобы показать публикѣ. Въ это время время всѣ причесывались à la Titus; это была всеобщая лесть Наполеону; но Бланджини не обрѣзалъ своихъ

напудренныхъ волосъ, падавшихъ ему на плечи. При видѣ его хорошенькаго испуганнаго личика, почти покрытаго густыми черными волосами, партеръ принялъ его съ шумнымъ смѣхомъ. Онъ плакалъ какъ дитя. Но это былъ скоропреходящій успѣхъ, продолжавшійся только шесть мѣсяцевъ. Отъ всей этой музыки осталась одна арія, которую любилъ Мегюль: Votre coeur est-il inflexible?

Послѣ этой оперы онъ написалъ Femmes vengées, которая, благодаря Еллевіу и госпожѣ Гаводанъ, была принята довольно снисходительно. Другія комическія оперы, послѣдовавшія за этой, не имѣли успѣха. Около этого времени онъ сдѣлался придворнымъ музыкантомъ. Оберъ-церемоніймейстеръ, Талейранъ и самъ Наполеонъ, принимали его какъ ребенка, избалованнаго женщинами и геніемъ; но еще лучше онъ былъ принятъ прекрасною принцессою Полиною. Онъ привязался къ ней всею душею; она улыбалась, видя, что вдохновляла его. Онъ написалъ для нея знаменитый ноктурнъ, который такъ много пѣли въ его время: Jo son lontano del mio diletto, и романсъ, слова котораго написала она сама: Il faut partir, le ménestrel vient de l'apprendre, также какъ множество другихъ свѣжихъ и граціозныхъ мелодій. Принцесса сдѣлала его директоромъ своей музыки; императрица Жозефина на другой же день назначила его также своимъ придворнымъ композиторомъ. Что дѣлать?

Бланджини избралъ службу у принцессы. Она уѣхала въ Ниццу; онъ послѣдовалъ за нею въ придворномъ экипажѣ.

Въ Ниццѣ вставали рано; послѣ веселаго завтрака ѣздили въ кабріолетѣ, спускались въ садъ, или отправлялись къ морю.

Вечеромъ у Бланджини было много дѣла: онъ поминутно сочинялъ музыку на разные случаи. Въ воскресенье воздвигали въ залѣ алтарь для обѣдни; Бланджини игралъ на фортепьяно, вмѣсто органа. Въ этомъ дворцѣ, полномъ музыки и счастья и походившемъ на волшебный дворъ, Бланджини не былъ однакожъ покоенъ; счастье всегда боязливо. Наполеонъ могъ каждую минуту отправить артиста подпоручикомъ въ Испанію, пѣть свои ноктурны подъ акомпаниментъ пушекъ. Съ другой стороны, принцесса была довольно своенравна; надобно было безпрестанно доставлять ей новыя развлеченія. Въ одинъ вечеръ онъ отправился пѣть къ префекту Ниццы; за нимъ отправили нарочнаго, съ приказаніемъ прервать пѣніе и привезти артиста домой. Приказаніе было точь въ точь исполнено.—До какого мѣста вы дошли въ вашемъ пѣніи? спросили его по возвращеніи? Я пѣлъ арію изъ Нефтали: Nous le touchons, ce fertile rivage, но не могъ кончить ее; у префекта подумали, что здѣсь пожаръ. — Это бы еще ничего, но я скучала; начните арію съ той ноты, на которой вы остановились у префекта.

Во-время пребыванія въ Ниццѣ, Бланджини ѣздилъ въ Миланъ, надѣясь тамъ почерпнуть музыкальныя идеи; но что нашелъ онъ въ Миланѣ? Ему сказали, что сынъ Моцарта живетъ въ этомъ городѣ. Изъ уваженія къ отцу, Бланджини хотѣлъ поклониться сыну великаго артиста. Онъ отправился въ его квартиру; входитъ, кланяется; госпо-

динъ довольно пріятной наружности, занимавшійся какими-то цифрами, отвѣчаетъ ему отрывисто.

— Вы сынъ великаго Моцарта?

— Да.

— Вы поселились въ этой странѣ искусствъ, подъ покровительствомъ тѣни вашего отца?

Моцартъ второй ничего не понялъ изъ этихъ словъ.

— Я надѣялся найти васъ со скрипкой или фортепьяно.

— Что за вздоръ вы несете; я терпѣть не могу музыки!

— Какъ, вы не музыкантъ?

— Я! За кого вы меня принимаете? Я банкиръ. Вотъ вамъ моя музыка. Моцартъ взялъ горсть червонцевъ и постучалъ ими по своей конторкѣ.

Бланджини былъ вскорѣ принужденъ возвратиться въ Парижъ, въ довольно дурномъ положеніи, и снова принялся за работу.

Онъ не былъ счастливъ въ писателяхъ романсовъ и оперъ; лучшія слова ему писали женщины. Между прочимъ Грассини вдохновила его аріею:

Adora i cenni tuoi questo mio cor fedele;
Sposa sarò se vuoi non dubitar di me,
Ma un sguardo sereno ti chiedo d'amor.

Грассини пѣла ее не разъ при Наполеонѣ, покровительствовавшемъ ей.

Бланджини возвратился въ Германію, директоромъ музыки короля Вестфальскаго; онъ жилъ на большую ногу при дворѣ. Въ концѣ года, король, недовольный своей каппелой, отправилъ его, съ 100,000 франковъ, во Францію или въ Италію, отыскать трехъ хорошихъ пѣвцовъ. Бланджини сдѣлалъ прекрасное путешествіе, но возвратился одинъ и впалъ въ немилость; это было въ 1814 году. Онъ возвратился въ Парижъ, и началъ пѣть для Англичанъ, съ Клеопатрой и Грассини. У Бланджини не было отечества; это самая грустная глава его жизни. Въ 1817 году, Людовикъ XVIII сдѣлалъ его главнымъ капельмейстеромъ своей капеллы, спустя не много времени, герцогъ де Берри сдѣлалъ его также директоромъ своей музыки. Бланджини женился на одной изъ красивѣйшихъ женщинъ Парижа; но слава его уже угасала.

Принцесса Полина его не забыла и все писала ему, что ждетъ его въ Италіи. Какъ не возвратиться въ Италію? Но какъ оставить жену и семейство? Онъ остался въ Парижѣ.

Какъ всѣ тѣ, которые случайно, или по прихоти счастья, сдѣлались модными композиторами, Бланджини вышелъ наконецъ изъ моды; блестящая извѣстность его мало-по-малу погасала, молодость прошла. Отъ большой оперы перешелъ онъ къ комической, отъ комической къ водевилю, отъ водевиля къ романсу, отъ романса къ забвенію.

Въ послѣдніе дни жизни онъ до того былъ оставленъ всѣми, что искалъ мѣста помощника мера въ маленькомъ селеніи. Къ счастію, музыка не совсѣмъ его оставила; какъ въ юности, такъ и теперь, она была лучшимъ его прибѣжищемъ; она оставалась вѣрна ему, хотя онъ

не смѣлъ уже выводить ее въ свѣтъ, гдѣ поговаривали о ея сѣдинахъ; онъ занимался ею въ уединеніи; это были отблески прошлаго прекраснаго времени. Я часто слышалъ, когда бѣдный Бланджини, предаваясь своему вдохновенію, создавалъ мелодіи, достойныя прошлаго. Глаза его оживлялись, онъ слушалъ самъ съ грустью пѣніе, которое не трудился записывать, которое терялось въ небесахъ, съ его послѣдними надеждами. Иногда онъ вставалъ совершенно встревоженный, опускалъ руки, грустно наклонялъ голову и казалось, говорилъ: «Все-таки это музыка.» И Бенсерадъ, который тоже имѣлъ свою славу, при дворѣ Людовика XIV, Бенсерадъ, любимецъ славы и счастья, кончилъ тѣмъ, что никто не хотѣлъ болѣе печатать его хорошенькіе стихи; но ему оставалось утѣшеніе записывать ихъ на стѣнѣ его комнаты, куда собирались ихъ читать приверженцы его дарованія. Бланджини не хотѣлъ болѣе записывать свои пѣсни. Нѣтъ зрѣлища тяжелѣе бѣднаго артиста съ пылкимъ сердцемъ, переживающаго свою славу.

Бланджини былъ Гретри въ миніатюрѣ; безсильная грація его походила на беззаботное пѣніе птицъ. Важность церковнаго пѣнія не оставила эха въ его душѣ. Онъ изучалъ музыку Фіоравенти, любилъ простоту великихъ артистовъ, но для простоты надо быть геніемъ. Простота Бланджини было нерѣдко слѣдствіемъ безсилія. Его погубилъ успѣхъ въ 18 лѣтъ; онъ растратилъ въ напрасномъ шумѣ, въ ноктурнахъ, въ пѣсенкахъ все богатство души; онъ расточалъ полными руками свои едва созданныя мелодіи; онъ сорвалъ цвѣтъ съ дерева, не дождавшись плодовъ. Дерево сдѣлалось неплодоноснымъ; но по-крайней-мѣрѣ, Бланджини самъ упоилъ себя благоуханіемъ цвѣтовъ своей весны.

Въ одинъ зимній вечеръ, лѣтъ десять тому назадъ, я встрѣтилъ Бланджини въ свѣтѣ, гдѣ онъ уже рѣдко показывался. Мы вечеромъ разговаривали о Моцартѣ; разставшись пожали другъ другу руку; онъ скучалъ; всѣ друзья его оставили; онъ съ улыбкой навѣщалъ двадцатилѣтняго, бѣднаго рифмача, живущаго по сосѣдству съ нимъ. На другой день до разсвѣта я проснулся при шумѣ отворяющейся двери:

— Кто тутъ.—Бланджини пріѣхалъ за вами.—Ѣхать? куда-же?

— Въ мою Ѳиваиду.

Я зажегъ свѣчу, посмотрѣлъ недовѣрчиво на Бланджини, но нашелъ его въ совершенно нормальномъ состояніи. Подумавши немного, я послѣдовалъ за нимъ. Нѣсколько минутъ спустя, я сѣлъ въ его почтовую карету; фортуна не совсѣмъ оставила его. Мы отправились на его дачу, въ самомъ центрѣ Орлеанскаго лѣса. Наше путешествіе, несмотря на зимнее время, было пріятно; мы провели два мѣсяца въ лѣсу, въ компаніи волковъ. Его уединеніе было довольно шумно: фортепіано, віолончель, гобой, попеременно звучали. Даже ночью эолова арфа играла намъ самыя погребальныя пѣсни.

Бланджини удалился отъ свѣта, въ Орлеанскій лѣсъ, съ любимыми воспоминаніями, съ віолончелемъ, съ портретомъ принцессы Полины, писаннымъ сухими красками. Это былъ гостепріимный и любимый

всѣмъ селеніемъ отшельникъ; бѣдные дѣлали нарочно двѣ мили, чтобы пройти мимо его дверей.

Потерявъ его на нѣкоторое время изъ виду, я встрѣтилъ его снова, года три тому назадъ, послѣдній разъ, у продавца рѣдкостей. Онъ былъ все тотъ-же, грустный и улыбающійся, безпокойный, странный, встревоженный, съ глазами, полными огня.—Ну! любезный Бланджини, что ваши пѣсенки? Пѣсенки? Теперь я пою мой requiem. А вашъ віолончель?—Я пролилъ надъ нимъ много слезъ. Надѣюсь, что Богъ дастъ мнѣ довольно силы разбить его въ часъ моей смерти; — нѣтъ, продолжалъ онъ съ грустной улыбкой, пожимая мнѣ руку, я не хочу, чтобы другой отгадалъ тайны моего сердца.

Бланджини не былъ музыкантомъ, но скорѣе поэтомъ, писавшимъ гимны смычкомъ, на віолончели, краснорѣчивой книгѣ, заключавшей въ себѣ гаммы страстей и отвѣчавшей всѣмъ біеніямъ сердца. Надъ его скромной могилой можно было написать: «Здѣсь покоится шумъ вѣтра», какъ говорилъ Антипатеръ на могилѣ Орфея.

—

Предсказаніе г-жи Ленорманъ.— Тремонъ, извѣстный своею благотворительностью и пособіями бѣднымъ художникамъ, согласился однажды, по просьбѣ многихъ дамъ, отправиться съ ними къ гадальщицѣ Ленорманъ, и предложилъ ей для рѣшенія вопросъ: «Какая будетъ участь моего друга, о которомъ я теперь думаю? Г-жа Ленорманъ разложила карты, подумала и объявила, что если съ этимъ другомъ ничего чрезвычайнаго не случится, то онъ умретъ въ бѣдности и несчастіи. Тремонъ, возвратясь домой, тотчасъ-же назначилъ въ своемъ завѣщаніи 6,000 франковъ дохода своему другу. Но въ-послѣдствіи эта статья завѣщанія было уничтожена завѣщателемъ. Съ другомъ его случилось въ-самомъ-дѣлѣ чрезвычайное происшествіе. Онъ самъ сдѣлался богачемъ посредствомъ своихъ многочисленныхъ музыкальныхъ сочиненій. Это былъ композиторъ Оберъ.

—

Вызовъ автора. — Недавно на дублинскомъ театрѣ давали *Антигону* Софокла, съ музыкою Мендельсона, и публика приняла эту пьесу съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ. Но зрители партера и галлерей не хотѣли довольствоваться обыкновеннымъ аплодисментомъ. Они кричали *автора*! Извѣстно, что Ирландцы очень упрямы, и потому увѣщаніе нѣкоторыхъ зрителей и увѣреніе ихъ, что авторъ умеръ 2,000 лѣтъ тому назадъ—были безполезны. Крики *автора* продолжались; наконецъ занавѣсъ поднялся, вышелъ директоръ, и объявилъ съ поклономъ, что хотя дѣйствительно автора теперь нѣтъ въ театрѣ, но дирекція употребитъ надлежащія мѣры сообщить ему, посредствомъ газетъ, о высокой чести, оказанной ему дублинскою публикою.

—

III. ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ.

Зимнее воздушное путешествіе. — Обыкновенные аеронавты совершаютъ свои путешествія лѣтомъ, но польза наукъ требуетъ подобныхъ опытовъ и зимою. 2 декабря 1852 года, въ 9 часовъ утра участвовалъ въ воздушной поѣздкѣ естествоиспытатель г. Лануа, а шаромъ управлялъ извѣстный аеронавтъ Луи Дешанъ.

Въ донесеніи Лануа, между-прочимъ сказано слѣдующее: Мы быстро поднимались до высоты четырехъ-сотъ метровъ; дождь, который провожалъ насъ отъ самой поверхности земли, былъ уже тутъ неощутителенъ. Термометръ, безпрестанно опускавшійся, дошелъ до +2°.

На высотѣ 500 метровъ воздушный шаръ принялъ другое направленіе. Насъ понесло по направленію на Западъ-Сѣверо-Западъ, по случаю торжества 2-го декабря слышали мы пушечные выстрѣлы; при каждомъ давленіи воздуха происходило нѣкоторое углубленіе въ стѣнкахъ шара. Мы стали подниматься тише и описывали видимо-кривую линію. Облака дѣлались около насъ все гуще и гуще.

На высотѣ восьми сотъ метровъ слышали мы глухой звукъ пушечныхъ выстрѣла съ отголоскомъ. Поднимаясь далѣе, мы уже не слышали этого отголосковъ, хотя выстрѣлы и повторялись каждыя двадцать минутъ. Только въ девяти-стахъ метровъ услышали мы опять отголосокъ.

Достигнувъ тысячи-трехъ-сотъ метровъ, попали мы въ средину густаго слоя облаковъ, и вокругъ насъ сдѣлалась совершенная темнота. Термометръ, показывавшій при началѣ путешествія +6 ½°, упалъ ниже нуля.

Въ тысячи-шести-стахъ метрахъ попали мы въ другое воздушное теченіе. Покуда нижняя часть нашего шара находилась еще подъ вліяніемъ западо-сѣверо-западнаго теченія, мы видѣли, какъ верхняя половина увлекаема была постояннымъ вѣтромъ. Болѣе секунды пробылъ шаръ нашъ въ этомъ положеніи, увлекаемый двумя противуположными теченіями.

Мы продолжали подниматься: Въ двухъ-тысячахъ метрахъ (2 версты) поднялись мы выше облаковъ. Солнце ярко свѣтило. Тѣнь отъ насъ случайно падала на носившійся подъ нами туманъ. Термометръ опять поднялся до 2°, на которыхъ и оставался до окончанія путешествія.

—

Тайны химіи. — Въ Times напечатано, что бристольское общество газоваго освѣщенія предлагаетъ 20,000 галлоновъ аммоніакальнаго масла. Какое же это масло? Это весьма непріятная жидкость, которую газовое заведеніе обязано сбыть съ рукъ, несмотря на ничтожность цѣны, получаемой за нее. Послѣ превращенія каменнаго угля въ коксъ, пары, выходящіе изъ ретортъ, бываютъ чрезвычайно сложнаго состава. Кромѣ газа для освѣщенія, содержатъ они въ себѣ кислоты и щелочи, а сверхъ-того другіе газы, отъ которыхъ надобно очищать употребляе-

мый для освѣщенія. Это очищеніе производится промывкою въ рѣчной водѣ и въ известковой. Простая вода, насыщенная аммоніакомъ, а известь сѣрнистоводороднымъ газомъ, принимаютъ самый отвратительный запахъ,—и въ первое время приготовленія газа фабриканты чрезвычайно затруднялись, куда сбывать этотъ матеріалъ. Но успѣхи въ химіи вскорѣ научили, что и это вещество полезно на разныя приготовленія.

Дамскіе пузырки, съ духами содержатъ часто въ себѣ летучую соль, извлекаемую изъ этихъ аммоніакальныхъ остатковъ. Другое произведеніе ихъ—углекислый аммоніакъ. Изъ дегтя каменно-угольнаго получается *бензоинъ*, замѣчательная летучая жидкость, употребляемая лакировщиками и парфюмерами. Послѣдніе называютъ ее *миндальнымъ масломъ*. Бережливыя дамы употребляютъ ее на выводъ пятенъ и чистку лайковыхъ перчатокъ. Нефтяная масса, которою засариваются часто газовыя трубы, даетъ прекрасное кристальное вещество.

На парижскихъ бойняхъ приготовляютъ изъ костей и жилъ студенистое вещество, имѣющее также различныя употребленія. На лондонской выставкѣ были сдѣланы изъ него прозрачные листы для приготовленія искуственныхъ цвѣтовъ и для рисованія картинъ. Если распустить это вещество въ водѣ, то оно служитъ для выдѣлки шерстяныхъ матерій и очищенія вина. Въ сухомъ видѣ, кондитеры рѣжутъ его на нитки и украшаютъ имъ свои торты.

Многія дамы испугались бы, еслибъ знали происхожденіе своихъ духовъ. Химія открываетъ эти тайны. При заготовленіи хлѣбнаго вина отдѣляется всегда вонючее масло. Если его дистиллировать съ сѣрною кислотою и поташемъ, то оно превращается въ *бергамотное масло*, съ сѣрною же кислотою и двухромомою—даетъ *яблочное масло*. Ананасное масло, получается отъ соединенія гнилаго сыра съ сахаромъ, или дистиллировкою мыльнаго масла съ алкоголемъ и сѣрною кислотою, и въ большомъ количествѣ расходится въ Англіи для приготовленія *ананаснаго пива*.

Искусственное миндальное масло, употребляемое въ такомъ количествѣ на мыло и кондитерскія издѣлія, приготовляется изъ селитряной кислоты, съ каменно-угольнымъ дегтемъ. Извѣстные духи eau de mille fleurs большею частію состоятъ изъ коровьей урины.

—

IV. МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ И НОВОСТИ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ.

Пляшущіе дервиши въ Каирѣ. — Сен-Джонсъ, путешествовавшій по Европѣ, такъ описываетъ одинъ праздникъ въ Каирѣ, на главной, обширной площади, Эсбехи служащей вмѣсто публичнаго сада, потому-что по ней проведено нѣсколько аллей, а входъ на площадь обложенъ акаціями и дикими смоковницами. «Праздникъ начинается часъ спустя по захожденіи солнца; стоятъ два ряда освѣщенныхъ палатокъ, оканчивающихся рядомъ четырехъ высокихъ мачтовыхъ де-

ревьевъ, обвѣшенныхъ множествомъ фонарей и плошекъ, съ разными полатками для праздничной публики. Около этого мѣста собирается толпа многочисленная; здѣсь происходятъ очень любопытныя явленія. Подлѣ фокусника, забавляющаго толпу самыми недвусмысленными шуточками, стоитъ дервишъ, и рѣзкими, горловыми звуками проповѣдуетъ египтянамъ славу Магомета. Внутри палатокъ видны также дервиши, занимающіеся разными обрядами. Въ одной, слабоосвѣщенной палаткѣ два или три дервиша производятъ самые удивительные скачки, какъ-будто они резинные мячики. Въ другой палаткѣ дервиши во славу Магомета лежатъ подъ грудами плащей и одѣялъ, и увѣряютъ, что посредствомъ пота душа ихъ получаетъ тѣсное сообщеніе съ Магометомъ. Въ отдѣльной большой палаткѣ, освѣщенной деревянною люстрою, сидитъ до тридцати человѣкъ и передъ ними бѣлобородый дервишъ начинаетъ пѣсню мослема. Подъ тактъ пѣнія всѣ тридцать головъ разомъ повертываются къ лѣвому плечу. Наконецъ движеніе и пѣніе дѣлаются такъ быстры, что кажется эти люди хотятъ непремѣнно стряхнуть свои головы съ плечъ. Всѣ повторяютъ возгласъ стараго дервиша, дѣлающійся какимъ-то чудовищнымъ воемъ. Вдругъ всѣ дервиши вскакиваютъ, головы продолжаютъ вертѣться, глаза хотятъ выскочить, лица искажаются судорогами, тюрбаны сваливаются, и обритыя головы все продолжаютъ повертываться; на губахъ выступаетъ пѣна, но дикіе звуки все еще наполняютъ воздухъ. Наконецъ одинъ изъ тридцати падаетъ на землю въ судорогахъ; остается двадцать-девять, — и тѣ попрежнему продолжаютъ свое бѣснованіе, но уже движенія измѣнились. Теперь они состоятъ въ безпрестанномъ соединеніи ногъ съ колѣнами, — и при каждомъ соприкосновеніи раздается тотъ же крикъ — повторяемый всѣми двадцатью девятью дѣйствующими лицами.

Вотъ другое явленіе праздника. Оно происходитъ днемъ. Не далеко отъ главной палатки дервишей, толпа ожидаетъ обряда Досеха, или попиранія лошадьми. Тысячи зрителей собрались, чтобъ видѣть это явленіе. Одни влезли на стѣны, другіе на деревья, третьи на крыши домовъ, бо́льшая же часть тѣснится на площади. Вдругъ въ толпѣ происходитъ движеніе — и всѣ зрители внезапно выросли на два дюйма, потому-что всякій поднялся на цыпочки. Отъ Желѣзныхъ воротъ видны приближающіеся знамена, бо́льшею частію зеленыя и исписанныя изрѣченіями корана. Люди, вооруженные палками, идутъ передъ знаменами и очищаютъ путь въ толпѣ на шесть футовъ ширины. Всякій зритель, чувствуя силу палочныхъ убѣжденій, отступаетъ и даетъ дорогу.

Длинною процессіею, по два въ рядъ, тѣсно сплетясь руками, шли впередъ двѣсти молодыхъ дервишей. Они почти бѣгомъ являются на мѣсто обряда; головы ихъ съ такою автоматическою точностію повертываются то направо, то налѣво, при безпрестанныхъ возгласахъ одного изъ дервишей. Всѣ они блѣдны, облиты по́томъ; взоры ихъ одушевлены дикимъ фанатизмомъ ; нѣкоторые подкрѣпили себя спиртуозными средствами. Вдругъ всѣ они останавливаются, бросаются лицемъ на землю, и тѣсно соединясь между собою, составляютъ живой мостъ.

Другіе дервиши тутъ же бѣгаютъ и поправляютъ положеніе лежа-

щихъ. Однако же они еще лежатъ не неподвижно. Носомъ трутся они объ землю,—и попрежнему кричатъ во все горло. Нѣкоторые изъ зрителей вдругъ одушевляются фанатизмомъ и бросаются подлѣ нихъ на землю, чтобъ удостоиться того же счастья, къ которому готовятся первыми. Толпа зрителей дикими криками выражаетъ свой восторгъ...

Вдругъ высокій мужчина, на сильной лошади, окруженный свитою человѣкъ въ двадцать, является изъ Желѣзныхъ воротъ и быстрою рысью проѣзжаетъ по всѣмъ лежащимъ на землѣ. Отъ соприкосновенія съ подковами, руки и ноги подбрасываются кверху; попираемые перегибаются какъ червяки. Шейхъ продолжаетъ свой путь по этому живому мосту и потомъ уѣзжаетъ.

Товарищи дервишей бѣгутъ тогда къ нимъ, поднимаютъ ихъ и шепчутъ имъ *Вахедъ*! Но иные могутъ только испускать стоны, другіе падаютъ въ обморокъ. Только немногіе исполняютъ приказаніе, хотя на губахъ ихъ показывается кровавая пѣна. Безчувственныхъ подбираютъ и относятъ.... Толпа мало-по-малу расходится по домамъ, очень довольная бывшимъ спектаклемъ.

—

Поѣздка на Чинчайскіе острова за гуано. — Три голыя скалы, на которыхъ нѣтъ ни одной травки, поверхность которыхъ растрескалась отъ жгучаго солнца, рѣдко помрачаемаго облаками; скалы, на которыхъ со временъ всемірнаго потопа не было ни капли дождя, составляютъ теперь главное богатство Перу. Это Чинчайскіе острова, далеко превосходящіе Лобосскіе количествомъ и качествомъ гуано. Они лежатъ въ ста пятидесяти миляхъ на югъ отъ Каллао, и въ девяти или десяти отъ небольшой гавани Писко. Уже на разстояніи пяти или шести миль подъ вѣтромъ близость ихъ очень ощутительна для обонянія. Самый южный изъ трехъ острововъ еще не начали разработывать, — и по поѣздкѣ, произведенной на этотъ островъ, должно заключить, что онъ богаче всѣхъ прочихъ. Средній островъ, гдѣ нагружаются гуано, менѣе посѣщается; всѣ берутъ гуано на самомъ сѣверномъ.

Формація этихъ острововъ почти одинакова. Берега, обращенные къ материку, круто поднимаются изъ моря, — и на краю этой отвѣсной крутизны лежатъ слои гуано, поднимаясь до средины острова, гдѣ кончаются высокою скалою, откуда уже отлого идутъ опять почти до самаго морскаго берега. Издали каждый изъ этихъ острововъ похожъ на срѣзанную кеглю. Въ первобытномъ видѣ острова состояли изъ скалъ и долинъ. Но какъ слои гуано мало-по-малу наполнили всѣ долины и покрыли остроконечности скалъ, то глубина слоевъ и простирается отъ ста восьмидесяти футовъ до нѣсколькихъ дюймовъ. По примѣрному исчисленію, находится на всѣхъ трехъ островахъ до пяти милліоновъ центнеровъ гуано.

«Бросивъ якорь между сѣвернымъ и среднимъ островами», говоритъ одинъ путешественникъ «поѣхали мы на лодкѣ, чтобъ поближе осмотрѣть эти громады птичьяго помета. Мы вышли на берегъ, на песчаную почву, оставляющую узкую полосу у подножія скалы. Появленіе наше

встревожило тысячи птицъ, принадлежащихъ къ породѣ водяныхъ. Но матросы разсказывали, что теперь *совсѣмъ уже нѣтъ* птицъ, съ тѣхъ-поръ, какъ сюда стали пріѣзжать корабли. Сколько же было ихъ прежде. Вотъ и теперь летитъ надъ нами цѣлое стадо пеликановъ на охоту за рыбою. Они тучею носятся надъ моремъ, и съ быстротою молніи спускаются на всякую рыбу, которая всплыветъ на поверхность воды. Птица совсѣмъ ныряетъ въ воду, но тотчасъ же выплываетъ, и несетъ въ клювѣ пойманную добычу. Кромѣ пеликановъ, въ воздухѣ кружатся цѣлыя стаи морскихъ птицъ. На отдѣльныхъ скалахъ и по берегу важно стоятъ пингвины, въ черныхъ перьяхъ и бѣломъ ожерельи. Короткія ноги, приставленныя, какъ-будто по ошибкѣ, слишкомъ далеко къ задней его части, длинное туловище, высокій ростъ, не позволяютъ пингвину прогуливаться по берегу. Онъ по цѣлымъ часамъ сидитъ неподвижно и смотритъ на воду. Кажется такъ-бы и схватить его, — но лишь только лодка подъѣдетъ, только рука протянется къ нему, онъ вдругъ самымъ смѣшнымъ образомъ бросается головою впередъ въ море, ныряетъ подъ лодку, и только черезъ полчаса всплываетъ гдѣ-нибудь на поверхности. Это самый лучшій въ свѣтѣ пловецъ и водолазъ.

Перебравшись чрезъ груды скелетовъ морскихъ львовъ, вступили мы вскорѣ въ настоящую область гуано, въ которомъ погрязли тотчасъ же по колѣни.

Гуано лежитъ правильными слоями. Нижніе сдѣлались плотнѣе отъ давленія верхнихъ и получили темнокрасный цвѣтъ, тогда какъ верхніе свѣтлѣе. На поверхности образовалась сѣроватая кора, высохшая отъ солнца. Въ эту кору кладутъ птицы свои яица, рѣдко болѣе двухъ вмѣстѣ, — и потому вся кора покрыта ямками для этихъ гнѣздъ. Иногда эти гнѣзда соединяются и составляютъ цѣлыя галлереи съ нѣсколькими входами. Это строительная система такъ распространена здѣсь, что нельзя сдѣлать шагу, чтобъ не провалиться до колѣнъ, — и чтобъ въ это же время за ногу не щипнулъ крѣпкій клювъ какой-нибудь птицы.

Съ нѣкоторыми трудностями и съ потерею нѣсколькихъ дюймовъ кожи на ногахъ достигли мы наконецъ высшей точки острова, — и потомъ стали спускаться къ птичьему кладбищу.

Здѣсь, на небольшой площадкѣ, очищенной отъ гуано, построена факторія этого острова. Она состоитъ изъ двадцати или тридцати жалкихъ сараевъ, поддерживаемыхъ каждый четырьмя длинными шестами, вколоченными въ землю, съ плоскою крышею изъ цыновокъ, сплетенныхъ изъ травы и покрывающихъ также внутреннія стѣны. Передняя часть сараевъ открыта. Мебель этихъ домовъ, заключается въ парѣ деревянныхъ скамеекъ, двухъ или трехъ грязныхъ сковородахъ, нѣсколькихъ оловянныхъ горшкахъ. Иногда стоитъ въ углу небольшой странно устроенный глиняный кувшинъ, въ которомъ хранится *писко*, довольно крѣпкій спиртуозный напитокъ. Вмѣсто постелей — служатъ тоненькія цыновки. Только немногіе изъ жителей имѣютъ красныя шерстяныя одѣяла, какія носятъ всѣ перуанцы.

Одежда почитается здѣсь излишнею роскошью. Изношенный *пончо* и изорванное коленкоровое нижнее платье почитаются здѣсь щегольствомъ. Прочіе ходятъ совершенно нагіе. Въ одной хижинѣ, болѣе другихъ похожей на человѣческое жилье, живутъ два англійскіе матроса, называющіеся лоцманами и принимающіе подъ свое покровительство приходящіе корабли.

Отъ самой факторіи спускается къ морю узкая и каменистая тропинка, по которой доставляютъ припасы и воду.

На сѣверномъ островѣ стоитъ такой же городъ, но гораздо значительнѣе, потому-что въ немъ до пятидесяти сараевъ и живетъ комендантъ. Это старикъ пріятной, воинственной наружности, который живетъ здѣсь какъ сибаритъ, потому-что у него въ домѣ есть одно окно.

На сѣверномъ островѣ живетъ до двухъ-сотъ человѣкъ, на среднемъ до восьмидесяти. Впрочемъ, это число измѣняется, смотря по требованіямъ на гуано. Жители—индѣйцы, которымъ здѣшняя жизнь нравится, хотя даже кушанье пропитывается здѣсь запахомъ гуано. Имъ платятъ хорошее жалованье, — и они по своему живутъ хорошо, работаютъ по ночамъ, днемъ спятъ и курятъ. Чтобъ сбывать съ рукъ накопленныя деньги ѣздятъ они въ Писко, гдѣ забавляются танцами, музыкою, водкою — *писко* и *чича* (маисовое пиво).

Отвѣсная скала, возвышающаяся изъ моря, какъ стѣна, и образующая у самаго берега глубину въ семь сажень, чрезвычайно облегчаетъ нагрузку судовъ. На вершинѣ скалы устроена площадка, окруженная большими шестами, которые связаны между собою толстыми цѣпями. На площадкѣ этой помѣщается отъ четырехъ до пяти-сотъ тоннъ гуано. Кверху площадка открыта, но постепенно съуживается до окраины скалы, гдѣ пробито небольшое отверстіе, въ которое вставляется большой холстинный рукавъ, или продолговатый мѣшокъ, открытый съ обоихъ концовъ, и висящій вдоль скалы почти до самаго моря. Корабль, нагрузивъ сперва посредствомъ перевозки на лодкахъ столько гуано, сколько ему нужно для составленія себѣ балласта, подъѣзжаетъ потомъ подъ мѣшокъ, который и вкладывается въ люкъ верхней палубы. Тогда начинаютъ ссыпать туда гуано, около трехъ-сотъ пятидесяти тоннъ въ день, — а ночью площадка опять наполняется гуано.

Иногда нужно пособлять ссыпкѣ гуано, и тогда ставится у отверстія индѣецъ, который, то натягивая, то опуская канатъ, ускоряетъ движеніе гуано сверху внизъ. Сверхъ-того, отъ разныхъ частей мѣшка проведены веревки къ мачтамъ и къ палубѣ, и за веревки эти держатся матросы. Если всыпанный гуано остановится въ мѣшкѣ, веревки приводятся въ движеніе и помогаютъ работѣ. Если же, отъ нерадѣнія матросовъ или клейкости матеріала, гуано остановится, то его очень трудно протискать, потому-что онъ тотчасъ же слипается въ плотную массу — и мѣшокъ надо тогда разрѣзать. Иногда попадаются въ мѣшокъ съ гуано птицы, которыя и остаются въ числѣ груза. Однажды попалъ туда несчастный индѣецъ,— и его отрыли въ трюмѣ, разумѣется задохшимся

На каждомъ островѣ устроены по двѣ площадки: одна побольше другая поменьше. Съ послѣдней нагружаютъ только лодки.

Мы прибыли на острова въ воскресенье, — слѣдственно имѣли время осмотрѣть окрестности. Каждая неровная поверхность на островѣ сгладилась отъ гуано, — и всеобщій краснотемный цвѣтъ грунта измѣняется только на высокихъ скалахъ, гдѣ свѣжій гуано бѣловатаго цвѣта.

Кругомъ около острововъ выдаются мѣстами скалистые мысы, бо́льшею частію уже подмытые безпрестаннымъ напоромъ волнъ. Въ этихъ скалахъ образовались, въ-теченіе вѣка пещеры, гдѣ обитаетъ множество морскихъ львовъ. Жизнь этихъ пещерныхъ жителей проходитъ въ томъ, что они неподвижно лежатъ въ темныхъ углахъ и выходятъ только, побуждаемые голодомъ, для нападенія на рыбъ, проходящихъ въ проливѣ. Когда эти рыбы проходятъ, ихъ скопляется такое множество, что имъ невозможно свободное плаваніе. Онѣ проходятъ, беззаботно играя на поверхности, озаряемой солнцемъ. Вдругъ между ними является черное рыло морскаго льва; все приходитъ въ движеніе,— но дюжина несчастныхъ истреблена уже однимъ глоткомъ. Подобныя черныя головы появляются внезапно и въ нѣсколькихъ другихъ мѣстахъ, истребляя тысячи рыбъ.

Началась наконецъ и наша работа. Мы выбросили балластъ и стали нагружать, вмѣсто его, гуано. Большая лодка безпрестанно приходила и отходила. Чтобъ начать работу какъ можно раньше, мы съ лодкою остались на ночь подъ устроеннымъ уже съ вечера мѣшкомъ, — и я никогда не забуду этой безпокойной ночи. У самой лодки была мрачная пещера, въ которую каждая волна могла бросить насъ. Прибой былъ очень силенъ. Сажени двѣ выше этого выдавался въ море уединенный скалистый мысъ, — и волны, разбиваясь о него, разсыпались на насъ дождемъ. Вправо отъ насъ стоялъ на якорѣ, у самой скалы, корабль, начавшій уже грузиться, — и фосфоричность водъ осыпала его тысячами искръ. Надъ нами висѣлъ приготовленный мѣшокъ, и съ каждымъ движеніемъ волнъ то поднимался, то опускался. Вдали былъ видѣнъ сосѣдній островъ, по разбивающимся о скалы фосфорическимъ волнамъ. Эта свѣтящаяся линія видна была даже у береговъ материка, гдѣ при свѣтѣ луны рисовались грозныя массы Кордильеровъ.

При наступленіи утра роса до того насъ промочила, что мы рады были начать работу. По первому знаку посыпалась по мѣшку огромная масса гуано. Наши глаза, ротъ, носъ, все въ минуту наполнилось ѣдкою пылью. Мы поѣхали къ кораблю, выгрузили лодку и воротились опять къ берегу. Эта работа продолжалась три недѣли.

Наконецъ корабль нашъ могъ подъѣхать подъ большой мѣшокъ. Тутъ началось главное мученіе, хотя положеніе наше было лучше положенія индѣйцевъ, насыпающихъ мѣшокъ. Весь воздухъ вокругъ наполнился массою летающаго гуано, посреди котораго нагіе индѣйцы работали. Единственная ихъ защита состояла въ кускѣ пакли, привязанной ко рту и къ носу и пропускающей воздухъ, а не пыль. Паклю надобно перемѣнять каждыя двадцать минутъ.

Экипажъ на кораблѣ также работалъ веревками, содѣйствуя ско-

рѣйшему и правильнѣйшему ссыпанію гуано; но и матросы всѣ защищены кусками пакли, потому-что изъ трюма поднимается та же мелкая и ѣдкая пыль.

Впрочемъ, корабль весь покрытъ парусиною, и несмотря на это, гуано проникаетъ и въ каюту капитана, и въ котелъ повара; пыль эта входитъ въ малѣйшее отверстіе,—и даже слышно, какъ отъ нее чихаютъ крысы. По счастію, довольно трехъ дней, чтобъ нагрузить самый большой корабль. Въ четвертый мы уже шли на всѣхъ парусахъ въ Писко.

Здѣсь пробыли мы три дня, чтобъ возвратить кораблю прежній его видъ и цвѣтъ. Это была трудная работа. Реи, мачты, паруса, такелажъ—все было покрыто гуано. Мы пошли къ Каллао, гдѣ спустили на берегъ нанятыхъ нами здѣсь индѣйцевъ, и сами выкупались и кое-какъ отмылись въ свѣтлой, чистой рѣкѣ, бѣгущей изъ Пампасовъ.

—

Встрѣча двухъ каравановъ. — «Однажды ночью, говоритъ путешественникъ, ѣхавшій изъ Каира, на восточномъ краю неба неожиданно загорѣлось зарево. Сперва оно было не ясно, но по мѣрѣ приближенія нашего дѣлалось все виднѣе и виднѣе. Сначала я не могъ себѣ объяснить причины этого явленія. Открылось, что это былъ почтовый поѣздъ изъ Остъ-Индіи и Китая, отправляющійся изъ Суэца въ Каиръ, — тогда какъ мы ѣхали изъ Каира къ Красному-морю. Нашъ поѣздъ состоялъ изъ сорока каретъ, и подлѣ каждаго кучера на козлахъ сидѣлъ арабъ съ факеломъ. Слѣдственно, блескъ сорока факеловъ, отражаемый къ небу песчаною равниною, былъ очень силенъ. А какъ караванъ, приближавшійся къ намъ навстрѣчу, былъ вдвое многочисленное нашего, то отраженіе ихъ факеловъ и было вдвое сильнѣе. Это было въ полночь, — и эффектъ былъ самый величественный.

Оба каравана встрѣтились какъ двѣ непріятельскія арміи, но вмѣсто боя послышались отовсюду привѣтствія, хотя никто другъ друга не зналъ. Рѣшено было остановиться на десять минутъ, чтобъ всякой могъ разспросить о томъ, что̀ ему казалось нужнѣе. Всѣ вышли изъ каретъ; въ нихъ остались только дамы и больные. Загорѣлыя и полныя лица нѣкоторыхъ путешественниковъ доказывали, что онѣ на Востокѣ умѣли нажить состоянье и не прожить здоровья. Другіе медленно подвигались среди толпы съ потухшими глазами и исхудалыми, блѣдножелтыми лицами, пострадавшими отъ убійственнаго климата и болотъ Остъ-Индіи. Послѣдніе спѣшили домой, чтобъ умереть на англійскомъ берегу, или, по-крайней-мѣрѣ, на островѣ Мальтѣ.

— Нѣтъ-ли кого изъ Пирчшейра? закричалъ чей-то густой басъ.

— Я изъ Инвернесса, — отвѣчалъ голосъ чистымъ шотландскимъ произношеніемъ, — и между ними начались разспросы и разсказы.

— А что̀? спросилъ одинъ изъ политиковъ, — виги все еще въ министерствѣ.

— Нѣтъ! вскричалъ другой. Ихъ прогнали.

— Правда-ли, — спросилъ третій, — что у насъ съ Франціею война?

— Правда-ли, что цѣны на сало поднялись? — спросилъ четвертый.

— Здѣсь-ли новый губернаторъ Гонгъ-Кочга?

— Здѣсь! — отвѣчалъ самъ старый и почтенный полковникъ.

— А что? — вашъ братъ выбранъ опять депутатомъ въ Сюрреѣ....

Тысячи вопросовъ перекрещались съ отвѣтами.... Вдругъ раздался роковой возгласъ:

— По мѣстамъ! ѣдемъ дальше.

Все бросилось къ каретамъ. Но въ потьмахъ многіе не находили своихъ мѣстъ.

— Папа! гдѣ ты? — кричалъ ребенокъ.

— Гдѣ докторъ? — съ отчаяніемъ кричали двѣ дамы.

— Кучеръ! постой на минуту?

— Прощайте!..,

И черезъ минуту оба каравана уже разъѣхались, — и едва-ли всѣ эти люди увидятъ еще разъ другъ-друга въ жизни. Долго виднѣлись факелы, долго краснѣло на небѣ зарево. Наконецъ и оно потухло. Опять молчаніе.... степь!...

—

Жизнь въ Корсикѣ. — Кто въ первый разъ пріѣзжаетъ въ Корсику, тотъ всегда ищетъ слѣдовъ бандитовъ, которыми островъ этотъ прославился. Эта идея занимаетъ путешественника, и почти никто не воображаетъ, что пріѣхалъ дѣйствительно въ опасную страну. Всякій увѣряетъ себя, что онъ во французскомъ департаментѣ, подъ защитою сильнаго правительства и дѣятельной полиціи. Но если онъ проживетъ здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ, то убѣдится, что Корсика все таже страна вендетты и дикихъ нравовъ, какою была за нѣсколько вѣковъ. Если путешественникъ вдругъ самъ очутится въ непріятномъ положеніи заплатить за себя выкупъ по письменному требованію какого-нибудь бандита, грозящаго, въ противномъ случаѣ, смертью, если онъ узнаетъ, что и многіе другіе подверглись такимъ же требованіямъ, то тотчасъ же пойметъ, что онъ за тысячу миль отъ образованности и благоустроеннаго общества.

Знаю только то, что во-время моего пребыванія, жители города Аяччіо находились въ подобномъ положеніи, и никто изъ нихъ не смѣлъ выходить изъ дома, а нѣкоторые почли лучшимъ вести переговоры съ бандитами и сойтись съ ними. Никто не надѣялся на защиту, многіе думали, какъ бы имъ самимъ справиться и отмстить злодѣямъ.

— Соль не ржавѣетъ, сказалъ мнѣ одинъ корсиканецъ. Черезъ полгода, черезъ годъ, я можетъ-быть найду случай и самъ отмстить.

Для лучшаго доказательства состоянія Корсики, вотъ отрывки изъ донесенія одного тамошняго должностнаго лица, напечатаннаго въ Journal des Débats въ іюлѣ 1852 года.

«Положеніе Корсики требуетъ болѣе, нежели когда-либо, сильныхъ мѣръ. Распоряженія здѣсь безсильны, всякая власть исчезла, публичныя начальства слабы, суды также.

При этомъ упадкѣ общественнаго порядка умножаются всякаго ро-

да преступленія; междоусобныя вражды ожесточаются; всѣ вооружены; война обнаруживается на всѣхъ пунктахъ.

Это происходитъ отъ трехъ причинъ: 1) всеобщее вооруженіе всего народонаселенія; 2) шайки бандитовъ; 3) недостатокъ сильнаго дѣйствія законовъ.

Всѣ жители вооружены, и потому нужно немногое, чтобъ воспламенить всѣхъ. Чтобъ вѣрнѣе судить объ этомъ злѣ, надобно видѣть его вблизи. Въ Венцоласко (округъ Бастіи) въ четырехъ миляхъ отъ главнаго города, въ одной изъ плодоснѣйшихъ общинъ Корсики, находятся во враждѣ два семейства Филиццы и Петроньани,—а съ ними и всѣ жители. Дома этихъ враждующихъ партій укрѣплены какъ цитадели и снабжены бойницами. И дома эти стоятъ одни противъ другихъ. Въ-теченіе двухъ лѣтъ убито въ этой деревнѣ десять человѣкъ.

При выборахъ 1848 года жители Босковати вступили въ бой, въ которомъ убито было четверо и множество ранено. Въ Кампителло, въ Каллакучіи, въ Піедикроче, произошло подобное же столкновеніе и тѣже результаты. Въ Піелѣ и Канолѣ свирѣпствуетъ безпрерывно междоусобіе, достигшее до высшей степени варварства и ожесточенія. Между обѣихъ деревень стоитъ церковь для тѣхъ и другихъ жителей, но и это священное мѣсто не укрощаетъ ихъ звѣрства. Однѣ женщины бываютъ при богослуженіи.

Въ Арбелларѣ (Сартенскій округъ) свирѣпствуетъ настоящая война. Тамъ семейства Фоччіоли и Джустиньано, близкіе родственники между собою, живутъ уже пятьдесятъ лѣтъ въ войнѣ и производятъ безпрестанныя убійства. Въ домахъ предводителей, превращенныхъ въ крѣпости, содержатся постоянные гарнизоны. У домовъ этихъ устроены высокія башни, для наблюденія окрестностей, соединенныя съ домами галлереями.

Во-время моего пребыванія въ Корсикѣ случались часто подобныя происшествія. Приведу нѣкоторыя изъ нихъ, для доказательства, что въ Корсикѣ убійства сдѣлались обыкновеннымъ, вседневнымъ случаемъ.

Въ 1851 году убитъ былъ докторъ Маласпина. Сынъ его умертвилъ одного старика, который отказалъ ему въ рукѣ своей дочери. Это случилось въ присутствіи нѣсколькихъ вооруженныхъ людей.

Черезъ три дня потомъ убитъ однимъ бандитомъ богатый житель того округа, Пинелли, и черезъ день тутъ же убиты два жителя.

Въ 1850 году убитъ былъ одинъ священникъ, при выходѣ изъ церкви. Въ декабрѣ того же года еще одинъ, сопровождаемый отрядомъ жандармовъ — бандитомъ изъ-за куста.

Въ 1851 года убитъ былъ одинъ жандармъ, только что застрѣлившій одного бандита, но потомъ слишкомъ поспѣшно къ нему подошедшій. Бандитъ имѣлъ довольно силы, чтобы выстрѣлить по немъ.

Всѣ эти сцены междоусобій пріучили корсиканцевъ къ самоуправству. Покуда всѣ будутъ вооружены, Корсика будетъ вѣчнымъ полемъ битвы. Это положеніе препятствуетъ мирному и правильному развитію общественнаго узаконенія. Народонаселеніе не занимается хлѣбопашествомъ и лучшія полосы острова лежатъ невоздѣланными.

Число бандитовъ въ Корсикѣ весьма значительно. Сверхъ-того приходятъ сюда многіе съ острова Сардиніи. Извѣстныхъ бандитовъ считаютъ *двѣсти-шестьдесятъ-пять*. Ихъ чрезвычайно трудно истребить, потому-что убѣжища ихъ никто изъ жителей никогда не откроетъ. А между-тѣмъ они имѣютъ важное вліяніе на общественныя дѣла и даже на выборы, потому-что жители во всемъ повинуются имъ, отъ страха.

Покуда они не будутъ истреблены, нельзя ничего предпринять. Жандармы и корсиканскіе волтижеры оказались для этого недостаточны. Учтроенъ теперь баталіонъ подвижныхъ жандармовъ. Но надобно много дѣятельности и рѣшимости, чтобы преслѣдовать бандитовъ.

До-сихъ-поръ Корсика сохранила всѣ свои древнія обычаи, и совершенно не принадлежитъ къ образованной Европѣ.

Съ 1830 года введенъ здѣсь судъ присяжныхъ; но можетъ ли кто изъ судей дѣйствовать по закону и совѣсти, когда его сторожитъ по выходѣ изъ суда пуля бандита?

Много было предложено средствъ къ исправленію этого состоянія дѣлъ. По моему мнѣнію, прежде всего должны благонамѣренные и честные жители помогать правительству къ отысканію злодѣевъ и искорененію зла, тогда какъ теперь никто не доноситъ ни на грабежъ, ни на убійство. Даже умирающіе не произносятъ имени своего убійцы и уносятъ въ могилу гибельную тайну. Теперь, если жандармы придутъ въ деревню, недавно опустошенную бандитами, никто изъ жителей не содѣйствуетъ правительству, а напротивъ, даютъ знать бандитамъ о приходѣ полиціи.

Но этому нужно прежде всего издать декреты о всеобщемъ обезоруженіи корсиканцевъ. Во-вторыхъ, назначить сильныя денежныя награды за поимку бандитовъ. Въ-третьихъ, уничтожить безполезный судъ присяжныхъ, а предоставить ходъ дѣлъ уголовнымъ и военнымъ судамъ. Наконецъ, для развитія дѣятельности земледѣлія и промышленности, нужно заняться осушеніемъ болотъ, обработкою запущенныхъ полей и всевозможнымъ поощреніемъ къ улучшенію народной нравственности.

—

— **Суэцъ и пустыня.** (Отрывокъ изъ путешествія Юнггуна изъ Явы въ Европу) 11-го октября 1848 года, въ половинѣ восьмаго ввечеру, съ корабля восточные берега Аравійскаго-залива сдѣлались еще отложе, а на западной, египетской сторонѣ усмотрѣли мы послѣдній мысъ, спускающійся въ море. Полчаса спустя, бросили мы якорь въ самой сѣверной части залива и въ самой южной Суэцкаго перешейка. Но отъ города того же имени были мы еще на три англійскія мили разстоянія, потому-что коралловые рифы мѣшаютъ ближе подходить кораблямъ.

Я сѣлъ въ небольшую лодку, съ двумя арабскими гребцами. Море было на нѣсколько миль такъ мелко, что при лунномъ свѣтѣ видно коралловое дно — и я могъ доставать палкою до рифовъ.

Не прежде какъ черезъ часъ достигли мы до берега; но эта

ночь съ 11-го на 12 октября была такъ оригинальна, такъ полна романтическими противуположностями, что никогда не изгладится изъ моей памяти. Лодочникъ мой высадилъ меня у большаго двухъ-этажнаго зданія, съ двумя флигелями и съ фасадомъ, обращеннымъ къ морю. По широкой лѣстницѣ вошелъ я въ крытую галлерею, выходившую на внутренній дворъ *суэцкаго отеля*, гдѣ все бѣгало и суетилось. Насъ прибыло изъ Остъ-Индіи до полутораста пассажировъ; сто шестдесятъ другихъ, пріѣхавшихъ изъ Европы, уже были тамъ и готовились къ отъѣзду, укладывая чемоданы, зашивая тюки для перенесенія на пароходъ *Бентинкъ*, шедшій въ Калькутту. Слѣдственно, кромѣ прислуги отеля, оффиціантовъ, носильщиковъ, лодочниковъ и коммиссіонеровъ, толпилось еще триста путешественниковъ, которыхъ цѣль и желанія были совершенно противуположны, потому-что одна половина ѣхала туда, откуда другая только что прибыла. Притомъ же холера, переставшая свирѣпствовать въ Каирѣ, начинала похищать въ Суэцѣ ежедневныя жертвы, — и всякій путешественникъ, разумѣется, требовалъ, чтобъ его какъ можно скорѣе отправили отсюда. Полтораста спѣшили на пароходъ, а полтораста въ Каиръ. Каждая минута промедленія казалась для всѣхъ безвозвратною, опасною потерею.

Какъ ни обширно было зданіе отеля, но первоприбывшіе европейскіе путешественники заняли почти всѣ комнаты; недоставало служителей, чтобъ разводить нашихъ пассажировъ по оставшимся нумерамъ; надобно было самимъ отыскивать и брать, что̀ находили. Еслибы пассажиры были шайкою разбойниковъ имъ, бы легко было не только совершенно разграбить весь отель, но и городъ Суэцъ.

Расхаживая по коридорамъ зданія, я находилъ много пустыхъ комнатъ, оставленныхъ уже жильцами, отправившимися на пароходъ. Въ нѣкоторыхъ оставлены были даже горѣвшія свѣчи, на столикахъ, у самыхъ занавѣсокъ кроватей; вездѣ былъ живописный безпорядокъ.

Въ общей столовой, въ нижнемъ этажѣ, можно было получить вино, пиво, молоко, кофе, чай, бульонъ, хлѣбъ и такъ далѣе; но здѣсь была такая тѣснота, что всякій бралъ самъ, что̀ ему было нужно, а уставшіе, или больные пассажиры рады были, если добывали себѣ стулъ, чтобъ посидѣть на немъ. На открытомъ воздухѣ, на дворѣ, было очень свѣжо, — и пріѣзжіе изъ Остъ-Индіи дрожали какъ въ лихорадкѣ.

Въ этомъ же зданіи была контора почтовыхъ отправленій, гдѣ такіе пассажиры, какъ я, то есть ѣдущіе не прямо въ Англію, должны были брать билеты до Александріи. И въ конторѣ была ужаснѣйшая тѣснота; всѣ скамьи заняты пассажирами, отдыхавшими, кто сидя, кто лежа.

На дворѣ лежали на пескѣ ящики и товарные тюки въ самомъ дикомъ безпорядкѣ. Впрочемъ, отъ самаго берега вплоть до отеля навалены были груды товаровъ.

Переѣздъ путетешественниковъ отсюда чрезъ пустыню производится въ двухъ-колесныхъ экипажахъ, по шести человѣкъ въ каждомъ. А чтобъ на маленькихъ станціяхъ, лежащихъ на пути, не накопилось слишкомъ много путешественниковъ, отправляются только по четыре

экипажа, каждый разъ съ промежуткомъ отъ полутора до двухъ часовъ, смотря по количеству пассажировъ. Тѣ, которые ѣдутъ прямо въ Англію, имѣютъ преимущество предъ прочими; остальные отправляются по очереди ихъ появленія и записыванія въ суэцской конторѣ. А какъ я былъ изъ послѣднихъ, то мнѣ и объявили, что я отправлюсь съ поѣздомъ въ четыре часа утра.

Слѣдственно, я могъ бы и уснуть. Но какъ я не могъ достать комнаты съ постелью, а на лавкахъ было очень неудобно, то и предпочелъ, несмотря на ночной холодъ и холеру, провести это время въ прогулкѣ по улицамъ Суэца.

Днемъ здѣсь бываетъ сильный жаръ, когда лучи солнца отражаются сыпучимъ пескомъ, или голыми скалами; зато ночью быстро охлаждается безплодная пустыня. Я очень озябъ и сожалѣлъ, что сверхъ легкой остъ-индской одежды не запасся теплою европейскою. Воздухъ былъ такъ чистъ, что при свѣтѣ луны, даже въ тѣни ясно можно было различать всѣ предметы. Мертвая тишина, царствовавшая по всему городу, производила на меня сильное впечатлѣніе послѣ шума и тѣсноты гостинницы. По набережной и ближайшимъ улицамъ навалены были груды товаровъ, похожія на высокіе холмы. Между ними тихо прохаживались, какъ тѣни, часовые. Все остальное было погружено въ глубокій сонъ.

Подлѣ взгроможденныхъ товаровъ лежали бедуины вмѣстѣ со своими верблюдами, которые сторожили лучше часовыхъ, потому-что при каждомъ прохожемъ повертывали голову и осматривали его.

Я пошелъ бродить по узкимъ улицамъ, между сѣро-грязными домами. Здѣшніе домики плоски сверху, голы и однообразны снаружи, построены отдѣльно, безъ связи и малѣйшаго плана о правильности улицы, или фасада. Окна, съ вдѣланными въ нихъ желѣзными рѣшетками, придавали этимъ домамъ какой-то таинственный видъ. Иныя улицы такъ узки, что двоимъ трудно разойтись. Дома похожи на песчаные холмы въ пустынѣ, коническо-усѣченной формы, случайно приставленные другъ къ другу, а потомъ уже раздѣленные, для сообщенія, безъ всякаго плана и правильности; только изрѣдка виднѣлось изъ-за забора фиговое дерево; еще рѣже показывалась фигура бедуина изъ за угла, но увидя европейца, сейчасъ же исчезала.

Голыя стѣны домовъ, съ маленькими продушинами, укрѣпленными рѣшетками; внутри четвероугольный дворъ, куда выходятъ окна дома; водоемы на этихъ дворахъ, мѣстами минареты мечетей, похожія на цилиндрическія дымовыя трубы европейскихъ фабрикъ, плоскія крыши, — вотъ общая принадлежность восточныхъ городовъ.

Во-время прогулки по этому хаосу, между этой грудой грязныхъ стѣнъ, обоняніе мое удостовѣрило меня, что прилагательное *грязный*, данное всѣми путешественниками городу Суэцу, вполнѣ вѣрно и справедливо, потому-что всякаго рода нечистота лежала грудами по улицамъ, съ прибавленіемъ гніющихъ труповъ ословъ, крысъ, собакъ и даже верблюдовъ. Трупъ одного верблюда принудилъ меня даже воротиться, потому-что загораживалъ всю улицу, по которой я шелъ.

Вотъ причина всегдашняго появленія чумы въ этихъ странахъ и быстраго распространенія холеры.

Впрочемъ, чье расположеніе духа настроено романтически, тотъ нашелъ бы много привлекательнаго въ ночныхъ картинахъ путешествія.

О поклажѣ нашей не имѣли мы надобности заботиться. Она тотчасъ же, безъ нашего содѣйствія, отправлена была, по выгрузкѣ съ парохода, на верблюдахъ чрезъ пустыню. Въ экипажахъ не имѣли мы право ничего брать съ собою, кромѣ узелка, который помѣстился бы подъ ногами каждаго. Только по снисходительности моихъ товарищей, могъ я взять съ собою барометръ. Двухъ-колесныя кареты наши снабжены были со всѣхъ сторонъ стеклами, поднимающимися и опускающимися по волѣ каждаго. Каждый пассажиръ сидитъ спиною къ стеклу, то-есть въ каретѣ устроены двѣ боковыя скамьи — и на каждой сидитъ по три человѣка, лицомъ къ лицу. Помѣщеніе вообще очень тѣсно, а какъ каждый старается взять съ собою сколько можно больше поклажи, то отъ этого дѣлается еще тѣснѣе. Дверцы кареты отворяются сзади, и въ карету влѣзаютъ по приставляемой лѣсенкѣ.

Наконецъ бо́льшая часть ночи прошла, и время отъѣзда нашего наступило. Это, кажется, былъ третій транспортъ, состоявшій изъ четырехъ каретъ. Было ровно четыре часа утра 12 октября, когда мы выѣхали изъ пустыннаго Суэца, и окруженные столбами пыли, въѣхали въ степь. Каждая карета была запряжена четырьмя сильными лошадьми, которыя бѣгутъ вскачь.

«Мертво и неподвижно простирается пустыня, какъ голая, скалистая оболочка вымершей планеты»,— сказалъ Гумбольдтъ, — и эту надпись можно было бы сдѣлать надъ въѣздомъ въ пустыню. Чѣмъ болѣе день разсвѣталъ, тѣмъ виднѣе и ужаснѣе становилась печальная степь. Иногда почва ея состояла изъ сыпучаго песку, въ который колеса наши глубоко уходили, и тогда лошади сильно храпѣли; иногда этотъ песокъ былъ крупный и перемѣшанный съ мелкимъ камнемъ, иногда изъ одного мелкаго камня (это маленькіе округленные обломки валуновъ, величиною до одного фута). По послѣдней почвѣ карета наша быстро катилась, подскакивая иногда фута на полтора кверху, когда наѣзжала на большой камень, и непріятно пробуждала дремлющихъ путешественниковъ. Иногда пустыня была совершенно гладка, иногда же волнообразна и усѣяна песчаными холмами, но повсюду дика, безжизненна, безплодна. Ни горсти растительной земли, ни травки, ни капли воды, ни малѣйшаго движенія, ни жизни, все песокъ, все пыль, раскаленный жаръ, однообразіе, утомляющее взоръ безпредѣльностію и наполняющее сердце безнадежностію.

Путешествіе наше отъ Суэца до Каира продолжалось пятнадцать съ половиною часовъ. Вычтя изъ этого три съ половиною на остановки по станціямъ, весь проѣздъ нашъ во сто англійскихъ миль, по прямому направленію отъ востока къ западу, совершенъ былъ въ двѣнадцать часовъ, то-есть по восьми миль въ часъ. Чрезъ каждые пять, шесть миль построены были по всей пустынѣ конюшни для лошадей и

домики станціонныхъ смотрителей, гдѣ перемѣняли лошадей, уже заранѣе приготовленныхъ, со всею сбруею, къ пріѣзду экипажей.

По всей этой дорогѣ устроены воздушные телеграфы, дающіе вѣсть объ отъѣздѣ и приближеніи каждаго транспорта. Эти телеграфы не только учреждены по пустынѣ, но и отъ Каира до Александріи. На трехъ станціяхъ останавливаются для завтрака, обѣда и ужина. Надобно отдать полную справедливость аппетиту англичанъ: они на каждой станціи ѣли и пили съ удивительною исправностію. При пріѣздѣ нашемъ вездѣ уже все было готово; только прежде чѣмъ садиться за столъ, каждый путешественникъ отмывалъ себѣ, въ особенной общей комнатѣ, лицо и руки, покрытые слоями пыли, и освѣжалъ пылающую голову. Вездѣ были приготовлены: супъ, рисъ, баранина, куры, картофель, зелень, хлѣбъ и сухари, вино и пиво. Послѣ обѣда подавали кофе, и въ отдѣльныхъ комнатахъ можно было курить. Были особенныя комнаты съ кроватями, для нездоровыхъ и усталыхъ. Всѣ эти станціи содержатся египетскимъ намѣстникомъ, на основаніи контракта, заключеннаго имъ съ Остъ-Индскою Компаніею, — и надобно признаться, что мы на этихъ станціяхъ лучше пили и ѣли, нежели въ первомъ трактирѣ въ Каирѣ, хотя всѣ припасы и даже вода привозились въ пустыню издалека.

Станціи каменныя, одноэтажныя, подъ одинъ фасадъ съ конюшнями, но плоская форма крышъ и здѣсь сохранена. Самая большая станція устроена посрединѣ, гдѣ мы обѣдали. Здѣсь надобно было подниматься по лѣстницѣ, и видъ съ открытой галлереи на всю пустыню величественъ

Кромѣ остановокъ для перемѣны лошадей, встрѣчали мы мѣстами шедшіе по степи караваны. Направленіе дороги обозначается грудами камней, но ихъ часто заноситъ пескомъ — и горе каравану, сбившемуся съ пути: онъ погибъ. Голые скелеты верблюдовъ, изрѣдка разбросанныя по степи, доказывали, что много путешественниковъ было поглощено пустынею.

—

Необыкновенное сходство. Недавно Горасъ Верне ходилъ задумавшись по бульварамъ и думалъ о картинѣ, которую назначалъ на выставку и которая должна изображать сраженіе и Императора Наполеона на первомъ планѣ. Вдругъ онъ невольно остановился и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на молодаго человѣка, глядѣвшаго въ окна магазиновъ.

Незнакомецъ былъ въ мундирѣ почтамтскаго служителя, и при немъ ящикъ съ письмами; но лицо его поражало такимъ необыкновеннымъ сходствомъ съ Наполеономъ, что живописецъ не могъ оторваться отъ него.

Молодой человѣкъ замѣтилъ, что за нимъ наблюдаютъ, и думая, что на него могутъ пожаловаться зато, что онъ неисправно исполняетъ свою службу, сказалъ Горасу Верне:

— Я успѣю еще разнести мои письма, ихъ не много.

— Что мнѣ за дѣло до писемъ, отвѣчалъ живописецъ, не понимая оправданій молодаго почталіона.

— Я остановился у оконъ магазина только на минуту, продолжалъ молодой человѣкъ, а вы могли подумать, что я здѣсь давно, и пожаловаться моему начальству.

— Полноте, прервалъ его артистъ: мнѣ нѣтъ никакого дѣла до вашихъ занятій и службы. Скажите мнѣ лучше, знаете ли вы, на кого вы похожи?

Можетъ-быть, почтальонъ и зналъ, что онъ живой портретъ Наполеона, но онъ торопился на службу и отвѣчалъ художнику.

— Нѣтъ, не знаю.

— Вотъ на кого мой другъ, сказалъ Горасъ Верне и всунулъ ему въ руку золотую монету съ изображеніемъ Императора.

Удивленный почталіонъ не зналъ, что ему дѣлать, и пока смотрѣлъ на монету, Верне уже скрылся.

— Знаешь-ли ты, кто говорилъ сейчасъ съ тобою? сказалъ ему одинъ прохожій.

— Нѣтъ.

— Это Горасъ Верне.

— Ну, такъ я найду его.

На другой день, молодой человѣкъ поспѣшилъ разнести письма, не останавливаясь у магазиновъ, а потомъ побѣжалъ въ мастерскую знаменитаго живописца.

— Что вамъ угодно? спросилъ Горасъ Верне.

— Я пришелъ отдать вамъ то, что вы вчера дали мнѣ.

— Я не знаю, о чемъ вы говорите, мой другъ, но очень радъ, что вы пришли; вы мнѣ необходимы. Дайте мнѣ хорошенько разглядѣть васъ и потомъ сидите смирно.

— Что вы хотите дѣлать со мною?

— Я хочу нарисовать вашъ портретъ и помѣстить его въ моей большой картинѣ. Согласны-ли вы?

— Съ удовольствіемъ.

Происшествіе это сдѣлалось извѣстнымъ, и необыкновенное сходство молодаго почтальона привлекло къ нему множество любопытныхъ. Живописцы и скульпторы наперерывъ дѣлаютъ его изображенія, и на будущей выставкѣ, вѣроятно, будетъ нѣсколько портретовъ молодаго человѣка, только въ одеждѣ Наполеона Консула или Императора. Его уговариваютъ даже оставить службу въ почтамтѣ, и дирекція Цирка назначаетъ ему большое жалованье, чтобъ онъ занималъ въ военныхъ картинахъ роль Императора.

—

Роза-Октавія. Эмиль Рансе былъ въ Блуа, на свадьбѣ у своего старшаго брата, и въ первый разъ встрѣтился тамъ съ Розою-Октавіею Леліаръ. Нельзя было не замѣтить и не отличить отъ нея подругъ это нѣжное, робкое созданіе, для котораго необходима была самая тихая и покойная жизнь, потому-что малѣйшее волненіе или страданіе должно

было, повидимому, убить слабую, нервическую дѣвушку. Цвѣтъ лица ея, обыкновенно блѣдный, покрывался иногда прозрачнымъ румянцемъ, но взглядъ ея большихъ голубыхъ глазъ выражалъ не одну скромность и благородство; въ немъ замѣтна была твердость, которая, можетъ-быть, не имѣла случая выказаться, и которую не подозрѣвала, можетъ-быть, сама Роза. Эмиль Рансе былъ капитаномъ артиллеріи; двадцати семи лѣтъ, онъ только-что вернулся изъ Африки, откуда вывезъ рубецъ на лбу, доказывавшій его участіе въ сраженіяхъ. У него былъ серьозный характеръ, который невольно пріобрѣтается посреди вседневныхъ опасностей и страданій.

Праздники по случаю свадьбы Симона Рансе продолжались три недѣли, и потому молодые люди могли не только познакомиться, но даже подружиться. Старшій братъ Эмиля былъ извѣстный адвокатъ, благородный человѣкъ и самый веселый товарищъ. Онъ женился на молоденькой и хорошенькой вдовѣ, у которой по смерти перваго мужа ея родные хотѣли отнять все имѣніе и начали процессъ, вѣроятно продолжившійся бы нѣсколько лѣтъ; но Симонъ Рансе встрѣтилъ гдѣ-то вдову и она ему очень понравилась. Онъ взялся хлопотать по ея дѣлу, выигралъ процессъ, и когда отказался отъ платы за свои труды, то хорошенькая вдовушка поняла, что молодой адвокатъ хотѣлъ выиграть свой собственный процессъ; не задумываясь долго, она отдала ему свою маленькую ручку.

Симонъ былъ совершенно счастливъ, и хотѣлъ, чтобъ всѣ его родные и знакомые радовались вмѣстѣ съ нимъ. Каждый день онъ выдумывалъ для своей жены то балъ, то ужинъ, то гулянье, то серенады, то иллюминаціи; словомъ, онъ старался всѣми средствами доказать свою любовь хорошенькой Клементинѣ и оставить для себя пріятное воспоминаніе въ будущемъ.

Поутру, передъ церемоніею, Симонъ представилъ своего брата всѣмъ гостямъ и потомъ Розѣ-Октавіи, лучшей подругѣ его жены. Эмиль поклонился ей холодно, и замѣтилъ только, что она была вся въ бѣломъ. Въ церкви, во-время службы, когда торжественное пѣніе раздавалось подъ сводами, благоуханія курились и солнце, проходя сквозь узкія окна, освѣщало молодыхъ, молившихся тихо и пламенно, Эмиль съ волненіемъ поднялъ голову, и глаза его встрѣтились съ глазами Розы, полными слезъ.

Когда подписывали свадебный актъ, Эмиль увидѣлъ возлѣ себя стараго полковника, тоже артиллериста, и изъ вѣжливости подалъ ему перо и сказалъ:

— Я подпишусь послѣ васъ, полковникъ.

Но старикъ улыбнулся какъ-то странно и проворчалъ, кусая сѣдые усы:

— Я не пишу.

Эмиль покраснѣлъ отъ смущенія и жалости, потому-что только въ эту минуту замѣтилъ, что артиллеристъ былъ безъ правой руки.

— Извините, полковникъ, я не замѣтилъ... проговорилъ Эмиль съ

такимъ раскаяніемъ, что всякій бы тронулся его невольною ошибкою; но старикъ не сказалъ ни слова и отошелъ отъ него.

Вечеромъ, на балу, Эмиль опять встрѣтился съ полковникомъ, и опять возобновилъ свои извиненія, но старикъ только разсердился, нахмурился еще болѣе, и не давъ кончить фразы молодому человѣку, отвернулся отъ него и началъ разговаривать съ какимъ-то франтомъ. Эмиль поблѣднѣлъ отъ досады, и готовъ былъ забыться, но въ эту минуту маленькая ручка новобрачной увлекла его въ другую сторону.

— Что съ вами, братецъ? говорила Клементина. Вы не въ духѣ, вы разстроены, и въ день моей свадьбы...

— Зачѣмъ вы на свадьбу приглашаете такихъ людей, отвѣчалъ артиллеристъ съ досадою, и разсказалъ ей все, что случилось поутру между нимъ и полковникомъ.

— Старикъ хотѣлъ подшутить надъ вами, Эмиль, сказала, смѣясь, молодая женщина. Онъ очень хорошо подписываетъ лѣвой рукой, и когда вы ушли, онъ взялъ перо и подписался.

— За что-же онъ разсердился на меня, что я ему сдѣлалъ?

— Не знаю... Не смотрѣли-ли вы много на его дочь?

— Кто его дочь?

— Моя лучшая подруга, Октавія, которую я люблю какъ сестру и которую... знаете ли братецъ, что я придумала. Отчего вы не послѣдуете примѣру Симона?...

— Полноте шутить, Клементина.

— Я совсѣмъ не шучу! Ахъ, какъ было-бы хорошо, еслибы вы сошлись. Октавія чудная дѣвушка, но отецъ ея терпѣть не можетъ воонныхъ, и въ-особенности артиллеристовъ. Замѣтили-ли вы молодаго человѣка въ черномъ, съ которымъ онъ разговариваетъ. Это совѣтникъ префектуры и богатый женихъ, котораго онъ назначаетъ своей дочери... но все это ничего, если только вы понравитесь другъ-другу и полюбите. .

— Какъ ничего!

— Разумѣется ничего, продолжала новобрачная, взявъ руку Эмиля и садясь съ нимъ на диванъ. Выслушайте меня со вниманіемъ, братецъ. Понимаете-ли вы, отчего артиллерійскій полковникъ ненавидитъ артиллеристовъ? Какое онъ имѣетъ на это право? Развѣ не самъ онъ выбралъ эту службу, гдѣ отличился храбростью и хладнокровіемъ, и когда потерялъ руку въ сраженіи, то купилъ домъ въ Фонтене, гдѣ каждый день слышна стрѣльба въ Венсенѣ. Онъ поклялся, семнадцать лѣтъ тому назадъ, что продастъ тотчасъ-же свой домъ и до-сихъ-поръ не можетъ найти покупщика. Что все это значитъ? На кладбищѣ Фонтене схоронена его жена, и онъ часто посѣщаетъ ея могилу, потому-что любилъ ее страстно; но все-таки онъ также страстно любитъ военную службу и въ-особенности артиллеристовъ. Я разгадала его тайну и передаю ее вамъ. Жена полковника была слабая, робкая женщина. Она любила своего мужа также, какъ и онъ ее, потому-что любовь часто рождается отъ контрастовъ. Геркулесъ прялъ же у ногъ Омфалы. Нашъ артиллеристъ не подозрѣвалъ и не понималъ, что его карьера полна

опасностей, что его походы и сраженія, вѣчный шумъ и стрѣльба могли разстроить здоровье бѣдной женщины и довести ее до гроба. Когда у нихъ родилась дочь, полковникъ закричалъ въ радости: она будетъ женою артилериста! Но мать Октавіи, чувствуя приближеніе смерти и боясь за жизнь дочери, сказала мужу, отчего она умираетъ, и просила, чтобъ мужъ отдалилъ отъ ребенка все, что̀ разстраиваетъ здоровье и убиваетъ слабыхъ женщинъ. Бѣдный артилеристъ обѣщалъ исполнить желаніе умирающей и воспиталъ дочь свою вдали отъ шума и пальбы, такъ что она похожа на существо, которое нуждается въ твердой опорѣ и въ мужѣ военномъ. Не правда-ли братецъ?

— Я совсѣмъ не сбираюсь жениться, милая сестрица.

— Это ничего не значитъ.

— Вы находите?

— Совершенно ничего. Подите танцуйте съ Октавіей.

— Извольте, для васъ.

И Эмиль ангажировалъ молодую дѣвушку на кадриль. Взявъ ее за руку и разсмотрѣвъ ближе правильное личико, освѣщенное невинною улыбкою, онъ почувствовалъ смущеніе; но тотчасъ-же поправился и сказалъ хладнокровно и твердо:

— Вы знаете, что я братъ новобрачнаго.

— Знаю.

— Я тоже знаю, что вы лучшій другъ Клементины, моей сестры.

— Она говорила вамъ про меня?

— Говорила, и вотъ почему я хочу предупредить васъ. Вы, вѣроятно, знаете прежде меня, что Клементина немного вѣтрена и легкомысленна.

— Немного.... отвѣчала молодая дѣвушка, улыбаясь. Что̀-же она сказала вамъ про меня?

— Моей сестрицѣ пришла странная мысль сватать насъ.

— Насъ!

И Октавія, удивленная, строго посмотрѣла на артиллериста.

— Увѣряю васъ, продолжалъ Эмиль, что я не имѣю никакого намѣренія оскорбить васъ. Я знаю, какъ сильно на васъ дѣйствуетъ каждое неожиданное волненіе, и рѣшился лучше объясниться съ вами и предупредить васъ о намѣреніяхъ Клементины, потому-что ничего нѣтъ несноснѣе и скучнѣе, какъ услуги друзей, которые насильно хотятъ сдѣлать насъ счастливыми, когда мы даже вовсе не знаемъ другъ друга.

— Благодарю васъ, г. Рансе, вы поступили благородно, и я не боюсь уже никакого волненія. Вы очень снисходительны...

— Я не люблю комплиментовъ.

— Я это вижу, отвѣчала Октавія съ небольшой досадой.

— Вашъ батюшка, кажется, не любитъ военныхъ?

— Я раздѣляю всѣ мнѣнія моего отца, и согласна всегда со всѣми его желаніями, прихотями, даже капризами. Онъ можетъ сдѣлать изъ меня все, что̀ хочетъ. Я умѣю только повиноваться.

— А я хочу имѣть жену съ волей и твердостью. Моя жена должна уважать родъ моей службы и не бояться ее. Она не должна страдать,

когда я на войнѣ, но должна понимать, что̀ такое слава и честь для военнаго.

— Вы имѣете право требовать всего, что̀ вамъ угодно — отъ вашей жены.

— Стало-быть вы видите, что мы никакъ не можемъ сойтись даже въ мнѣніяхъ.

— Какъ же мы избѣжимъ преслѣдованій и настойчивости Клементины?

— Если вамъ тяжело встрѣчаться со мною, я завтра-же уѣду.

— Нѣтъ, я не могу этого требовать. Вы здѣсь въ своемъ семействѣ, а я съ батюшкой рѣдко выхожу изъ нашего уединенія. Ему скучно въ обществѣ, и я увѣрена, что онъ давно хочетъ домой, но остается для меня. По этому уѣду я — а вы оставайтесь. Прощайте, г. Рансе.

На другой день Клементина удивилась, что Октавія не является, сама поѣхала за ней и привезла ее къ себѣ гостить.

— Успокойтесь, господинъ Рансе, сказала молодая дѣвушка, встрѣтя Эмиля: я пріѣхала къ Клементинѣ только на одномъ условіи.

— Какое-же это условіе?

— Я сказала ей, что знаю о ея намѣреніяхъ и просила ее не безпокоиться ни о моей судьбѣ, ни о вашей.

— Благодарю васъ.

Симонъ Рансе и не подозрѣвалъ, что жена его сватаетъ брата Октавіи. Клементина, какъ опытная женщина, даже не намекала о своихъ намѣреніяхъ. Она очень хорошо знала, что мужчины только портятъ или мѣшаютъ, когда возмутся не за свое дѣло.

Началась новая жизнь, полная удовольствій и сюрпризовъ; но молодые, какъ настоящіе влюбленные, часто находили случаи отдаляться отъ общества, чтобъ поговорить о важныхъ дѣлахъ. Эмиль иногда принужденъ былъ оставаться одинъ съ Октавіей, и изъ вѣжливости занимать и развлекать молодую дѣвушку. Всякій день, на гуляньи, въ столовой, въ саду они встрѣчались, и хотя Симонъ и Клементина старались скрывать свою любовь, особенно при нихъ, но они часто замѣчали то страстный взглядъ, то пожатіе руки, то тихій шопотъ, и чувствовали невольное волненіе. Эмиль старался не смотрѣть на блѣдную дѣвушку, напоминавшую ему поэтическую виньетку, а Роза Октавія, оскорбленная холодностью и невниманіемъ артиллериста, обходилась съ нимъ гордо и казалась скучною.

Наконецъ, когда истощились всѣ домашнія увеселенія, молодые выдумали взять почтовыхъ лошадей и объѣхать всѣ окрестности. Все общество пошло осматривать какой-то замокъ, и занялось историческими изслѣдованіями; Симонъ съ братомъ вошелъ въ прохладную темную аллею, но не успѣли они сдѣлать десяти шаговъ, какъ ихъ догнала Клементина съ Октавіей, и прежде чѣмъ Эмиль могъ остеречься, онъ уже шелъ возлѣ молодой дѣвушки, а молодые нечаянно отстали и начали о чемъ-то шептаться. Артиллеристъ находился въ затруднительномъ положеніи; онъ слышалъ, что Клементина съ намѣреніемъ удерживаетъ мужа, не зналъ, что̀ говорить Октавіи, не смѣлъ оглянуться назадъ, и вдругъ

услышалъ ясно звукъ поцѣлуя... Эмиль громко кашлянулъ, закусилъ усы, и растерявшись совершенно, сказалъ молодой дѣвушкѣ:

— Сколько выстрѣловъ сдѣлали Французы въ лейпцигскомъ сраженіи?

Вопросъ этотъ былъ разумѣется страненъ, но отвѣтъ былъ еще страннѣе, потому-что Октавія, смущенная и взволнованная тѣмъ-же, чѣмъ Эмиль, отвѣчала:

— Двѣсти двадцать тысячъ выстрѣловъ.

— Почему вы это знаете? проссилъ артиллеристъ съ удивленіемъ.

— Батюшка командовалъ одной батареей и въ этомъ сраженіи потерялъ руку.

Радуясь, что нашелся предметъ разговора, Эмиль продолжалъ:

— Полковникъ былъ участникомъ въ страшномъ сраженіи. Онъ много перечувствовалъ въ этотъ ужасный день.

— Да, батюшка называетъ эти дни ужасными, потому-что онъ старъ, но вы должны дать имъ другое названіе.

— Какое-же?

— Вы должны называть ихъ *великими днями*. Французовъ было вчетверо менѣе, нежели непріятелей, и если мы потеряли сраженіе, то выиграли уваженіе нашихъ враговъ.

И это говорила молодая, слабая дѣвушка нѣжнымъ голосомъ, идя неровнымъ шагомъ по мягкой травѣ, закутываясь въ воздушный шарфъ и дрожа отъ волненія.

— Вы правы, отвѣчалъ Эмиль, но мы еще не дошли до этого. Наши враги кабилы боятся насъ, но не думаю, чтобъ они насъ уважали.

— Вы стоите уваженія, прервала Октавія съ нетерпѣніемъ, но вы не перестаете ихъ побѣждать, и это ожесточаетъ ихъ.

— Стало быть вы тоже уважаете нашу молодую армію, моя прекрасная непріятельница, сказалъ Эмиль, подавая руку Октавіи, которая, казалось, устала. Она неохотно оперлась на нее и отвѣчала

— Я справедлива, и признаю, что вы въ Африкѣ сдѣлали много прекраснаго.

— Вы находите, что мы не совсѣмъ плохіе солдаты?

— Да.

— Но все-таки мы далеки отъ эпопеи Имперіи.

— Нисколько. Ваша война въ Африкѣ придаетъ вамъ особенный рыцарскій характеръ. Вы сражаетесь противъ фанатизма и суевѣрія, и побѣждаете всѣ преграды.

— Кажется, ваши теперешнія мысли не могутъ быть внушены вамъ полковникомъ?

— Я не обязана думать совершенно такъ, какъ батюшка.

— Вотъ что...

— Скажите мнѣ, прервала молодая дѣвушка, гдѣ вы были ранены въ голову?

— При осадѣ Константины.

— А! вы тамъ были, сказала она съ смущеніемъ и поглядѣла на Эмиля съ любопытствомъ.

Артиллеристъ тоже почувствовалъ волненіе, и сказалъ тихо:

— Да, я тамъ былъ раненъ.

— Куда вы убѣжали, Эмиль, Октавія! закричалъ Симонъ. Подождите насъ.

Эмиль нехотя остановился. Онъ совершенно забылъ о братѣ и его женѣ, и проворчалъ съ неудовольствіемъ:

— Недостаетъ только, чтобъ Симонъ прочелъ намъ нравоученіе.

Аллея кончалась, и адвокатъ почти бѣжалъ, чтобъ догнать молодыхъ людей. Клементина шла дальше, одна, и была разсержена. Видно было, что она хотѣла удержать мужа, прежде ласками, а потомъ силою, но Симонъ догадался о ея намѣреніи и подбѣжалъ къ брату и Октавіи.

— О чемъ вы такъ жарко разговариваете? спросилъ онъ.

— О войнѣ, отвѣчалъ Эмиль, а вы?

— Что тебѣ за дѣло до насъ. Что у тебя за фантазія говорить о войнѣ съ Октавіею. Развѣ ты не знаешь, что этотъ ребенокъ боится фейерверка и занимается только музыкою и живописью. Послѣ твоихъ разсказовъ бѣдная Октавія не заснетъ всю ночь, и полковникъ будетъ намъ благодаренъ за то, что мы разстроили его дочь. Да и мѣсто-ли говорить о войнѣ, когда передъ вашими глазами зелень, цвѣты и стада. Пойдемте со мною, Октавія; я наберу вамъ огромный букетъ, а ты, Эмиль, возьми мою жену и разсказывай ей про войну; она пойметъ тебя.

И адвокатъ увелъ дальше молодую дѣвушку и скрылся на поворотѣ аллеи, а Клементина начала, по обыкновенію, бранить всѣхъ мужчинъ, и особенно мужа.

Молодой артиллеристъ, оставшись одинъ, съ удивленіемъ спросилъ себя:

— Что за странное созданіе эта Октавія! Неужели подъ робкою ея наружностію скрывается твердая, сильная душа, и она изъ любви къ отцу скрываетъ свои достоинства. Бѣдняжка обманывается. Старый солдатъ далъ обѣщаніе женѣ сдѣлать изъ дочери слабую, нѣжную женщину, но онъ страдаетъ. Онъ лучше-бы желалъ, чтобъ Октавія была вся въ него, неустрашимая и твердая, какою должна быть по друга воина.

На другой день, какъ и надобно было ожидать, началась война между супругами. Сбирались ѣхать въ Шамборъ, и Клементина хотѣла непремѣнно, чтобы отправились всѣ верхами. Симонъ же настаивалъ ѣхать въ экипажахъ.

— Подумай только, что до Шамбора четыре мили; вы всѣ измучаетесь верхомъ, — говорилъ онъ.

— Нисколько, отвѣчала молодая женщина, дорога гладкая, превосходная, и въ экипажахъ ѣхать просто несносно. Мы пріѣдемъ цѣлою кавалькадой, какъ придворные Генриха III.

— Хороши вы будете. Нѣтъ, я не позволю этого. Ты очень устанешь.

— Прошу васъ не безпокоиться обо мнѣ.

— Да и Октавіи нельзя ѣхать верхомъ; ты знаешь, какъ она слаба здоровьемъ.

— Октавія лучше меня управляетъ лошадью

— Но ея отецъ не позволяетъ ей подходить къ лошади, даже къ хромой.

— Зато она у меня скачетъ сколько ей угодно.

— Этого то я и не могу допустить. Притомъ-же я отгадалъ, что вы задумали распоряжаться судьбою моего брата, и объявляю вамъ, что не хочу сдѣлать его несчастнымъ. Я хорошо знаю полковника, и прошу васъ не мѣшаться въ это дѣло.

— Давно-ли вы такъ благоразумны? Вы хотите только поссориться со мной, надѣлать мнѣ непріятностей. Извольте! Я обязана васъ слушаться во всемъ; распоряжайтесь прогулкою, какъ вы хотите, но я объявляю, что не уступлю вамъ и не откажусь отъ своихъ намѣреній выдать Октавію за Эмиля.

Симонъ не обращалъ большаго вниманія на слова. Онъ, какъ адвокатъ, привыкъ выслушивать хладнокровно и не такія рѣчи. И потому онъ спокойно приказалъ закладывать коляску, и самъ спряталъ всѣ дамскія сѣдла...

Во всю дорогу Клементина дулась и не говорила ни слова. Эмиль былъ разсѣянъ, Октавія задумчива. Наконецъ подъѣхали къ чудному древнему зданію съ готическими окнами, круглыми башенками и шпилями. При видѣ этого величественнаго зданія, воображеніе населяло его тотчасъ-же рыцарями, пажами и блестящею толпою придворныхъ; но наши гуляющіе не были настроены къ поэтическимъ мечтамъ о прошедшемъ, и Клементина сказала даже съ досадою:

— Я не вижу ничего хорошаго въ вашемъ Шамборѣ, для меня гораздо лучше Венсенскій замокъ.

— Я тоже думаю, что Венсенъ лучше, сказала Октавія, не замѣчая хитраго намѣренія молодой женщины.

— У васъ странный вкусъ, сказалъ Эмиль Октавіи.... Я живу въ Венсенѣ, и увѣряю васъ, что онъ очень скученъ.

— Скажи лучше невыносимъ, отвѣчалъ Симонъ. Какъ пріятно каждое утро, вмѣсто обѣдни, слышать пушечные выстрѣлы!... Какая шумная поэзія.

— Вѣдь вы слушаете-же каждый день рѣчи въ судѣ, сказала Клементина, развѣ это не все равно.

— Вы очень любезны.

— Что̀ж вамъ нравится въ Венсенѣ? спросилъ Эмиль у Октавіи.

— Разумѣется дубъ Св. Людовика, отвѣчалъ за нее Симонъ.

— Да, я люблю и венсенскій лѣсъ, сказала молодая дѣвушка, замѣчая въ первый разъ, что молодые супруги, кажется, ссорятся и еще изъ-за нее.

— Хорошъ вашъ лѣсъ, продолжалъ Симонъ. Его почти вырубили весь, настроили тамъ трактировъ, провели дороги, и если вы захотите искать въ немъ уединенія, то встрѣтите только омнибусы, полькеровъ, услышите вездѣ музыку, или звонъ стакановъ.

— Если его и весь уничтожатъ, сказала Октавія, то останется все-таки воспоминаніе. Я была съ батюшкой нѣсколько разъ въ Фонтене,

и долго гуляла въ лѣсу. Не знаю, что̀ меня привлекаетъ къ нему. Можетъ-быть то, что тамъ близко могила моей матери.

— Можетъ-быть тамъ бродитъ тѣнь Мильвуа, замѣтилъ иронически Симонъ.

— Вы очень перемѣнились, сказалъ Эмиль Октавіи: недавно еще вы разсуждали иначе.

— Есть чему удивляться, перебилъ смѣясь адвокатъ, чертя что̀-то на пыльной плитѣ концемъ палки. Развѣ женщины могутъ быть одинаковы? Ты видѣлъ, что недавно еще г-жа Рансе была добра и любезна со мною, а сегодня она не удостоиваетъ меня ни однимъ взглядомъ.

— Симонъ! Какъ тебѣ не стыдно, закричала молодая женщина со слезами въ голосѣ, и подбѣжавъ къ камню, на которомъ мужъ ея начертилъ знаменитое двустишіе Франциска II:

Souvent femme varie;
Bien fol est qui s'y fie!

она стерла все концемъ своего зонтика.

— Помните, продолжалъ адвокатъ. Всѣмъ намъ показывали окно въ кабинетѣ, на которомъ король начерталъ эти два стиха. Но стекло чисто и гладко, и всѣ съ удивленіемъ спрашивали: куда же дѣвалась надпись. Теперь я помимаю это, и увѣренъ, что стекло разбила женщина.

— Перестань, Симонъ, прошу тебя, говорила Клементина, подходя къ мужу и подавая ему руку.

Эмиль и Октавія поняли, что они будутъ лишніе при сценѣ примиренія супруговъ и тихо отошли въ сторону.

— Долженъ-ли я думать объ васъ то, что̀ братъ мой написалъ на камнѣ, сказалъ артиллеристъ молодой дѣвушкѣ. Я не понимаю, отчего въ васъ произошла такая перемѣна. Что̀ вы думаете о двустишіи короля Франциска?

— Я думаю, что если женщины заслужили эти стихи, то мужчины еще скорѣе утѣшаются и забываютъ свои клятвы.

Сказавъ это, Октавія покраснѣла и смутилась.

— Вы ошибаетесь, Октавія, отвѣчалъ тихо Эмиль. Я знаю одного человѣка, который живетъ въ любимомъ вами Венсенѣ и который никогда не утѣшится, если надежды его обманутъ. А онъ смѣетъ надѣяться и, кажется, не ошибся въ своемъ выборѣ.

Молодая дѣвушка не знала, какъ скрыть свое волненіе и что̀ отвѣчать Эмилю, который смотрѣлъ на нее такъ пламенно и ожидалъ отвѣта. Къ счастію, въ аллеѣ показались гуляющіе, и Октавія побѣжала къ нимъ.

На другой день она не могла такъ скоро отдѣлаться отъ настойчиваго африканца. Собралось веселое общество осматривать феодальныя развалины вблизи города. Изъ всего зданія осталась только одна башня, съ вершины которой былъ прекрасный видъ на окрестности. Но чтобъ добраться до дверей башни, надобно было перейти черезъ узенькій полуразвалившійся мостикъ, который былъ переброшенъ черезъ канавку. Ни одна женщина не рѣшалась перейти, хотя преданіе говоритъ о женщинѣ неустрашимой и твердой, которая взяла приступомъ

этотъ замокъ, и первая перешла мостикъ, чтобъ укрѣпить на башнѣ свое знамя. Но та женщина называлась Іоанною д'Аркъ, а наши молодыя дамы и дѣвицы толпились только у мостика и съ ужасомъ смотрѣли, какъ камни, обрываясь, падали въ мутную воду.

Наконецъ Симонъ неожиданно схватилъ Клементину и перенесъ ее на ту сторону. Самые храбрые послѣдовали его примѣру, и все общество разсыпалось въ развалинахъ. У мостика осталась только Октавія; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея Эмиль старался разобрать на камнѣ какую-то старинную надпись.

Между-тѣмъ Клементина съ мужемъ вбѣжала на верхъ башни, и перегнувшись черезъ парапетъ, увидѣла двухъ молодыхъ людей.

— Ступайте сюда, закричала она. Здѣсь видъ удивительный.

— Эмиль, закричалъ адвокатъ, сердясь не на шутку, что̀ ты тамъ разсматриваешь кирпичи. Оставь Октавію одну собирать цвѣты. Что̀ ей за дѣло до Іоанны д'Аркъ и ея завоеваній.

— Вы слышите, что̀ о васъ думаетъ братъ? сказалъ артиллеристъ, подходя къ молодой дѣвушкѣ.

— Это ужасно, отвѣчала она со слезами: онъ почитаетъ меня ребенкомъ.

— Развѣ вы хотите войти на башню.

— Непремѣнно.

— Какъ же мнѣ это сдѣлать...

— Какъ другіе... какъ Симонъ. Развѣ вы боитесь.

— Можетъ-быть.

— Чего же бояться? всѣ перешли счастливо: я не испугаюсь, увѣряю васъ, настаивала молодая дѣвушка, не замѣчая волненія и блѣдности Эмиля и желая поскорѣе догнать Клементину, чтобъ только не оставаться одной съ артиллеристомъ.

— Я не могу перенести васъ, повторилъ онъ тихо, и не хочу.

— Оттого что вы боитесь?

— Да! я боюсь... полюбить васъ, Октавія.

Она быстро отвернулась, чтобъ скрыть свое смущеніе, и не отвѣчала.

— Я долженъ былъ предупредить васъ, потому-что чувство, которое другіе считаютъ шуткою, для меня очень важно. Моя откровенность можетъ васъ обидѣть, но я не могу больше скрывать моихъ чувствъ. Теперь, если вы потребуете, чтобъ я васъ перенесъ...

— Чтожъ вы не идете! закричали сверху. Стыдитесь! Ступайте скорѣе.

— Эмиль, кричалъ Симонъ громче всѣхъ, ступай одинъ!..

— Октавія, ты боишься, говорила Клементина, смѣясь.

— Нѣтъ не я боюсь, прошептала молодая дѣвушка со вздохомъ, и посмотрѣвъ на Эмиля, такъ мило и наивно, что тотъ, забывъ обо всемъ, бросился къ ней, схватилъ ее на руки, въ одну минуту перелетѣлъ черезъ мостикъ и поставилъ ее на ступеньку темной лѣстницы. Тутъ онъ остановился и прислонился къ стѣнѣ, чтобы скрыть волненіе, но Октавія молча побѣжала на верхъ и скрылась какъ воздушное видѣнье.

На платформѣ она встала возлѣ Клементины и со вниманіемъ начала разсматривать мѣстоположеніе. Симонъ немного успокоился, Эмиль оставался внизу у входа.

Когда надобно было идти назадъ, Октавія съ намѣреніемъ пропустила всѣхъ впередъ и остановилась у мостика, не замѣчая Эмиля, который хотѣлъ протянуть ей руку. Не думая долго, она ступила на шаткую арку, и спокойно, тихо перешла ее, не измѣнясь въ лицѣ.

— Браво, Октавія, кричало все общество: какая смѣлость, какое хладнокровіе!

— Вы стали очень храбры, Октавія, сказалъ тихо Эмиль.

— Да, отвѣчала она: не знаю куда дѣвалась моя робость.

— Вамъ вѣрно понравился видъ съ башни?

— Очень, особенно колокольни Орлеана вдали.

— Помилуйте, Октавія, да ихъ не видно отсюда.

Молодая дѣвушка покраснѣла, но не хотѣла больше притворяться и сказала съ благородствомъ:

— Вы замѣтили, что я сдѣлалась смѣла, но что̀ сдѣлалось съ вами, Эмиль; куда дѣвалась ваша храбрость?

— Она перешла къ вамъ, и вы однѣ можете возвратить мнѣ ее.

— Стало-быть и вы тоже перемѣнились послѣ нашего перваго разговора на балу. Помните ли вы его? Но я не могу на васъ сердиться, прибавила она, протягивая ему свою блѣдную ручку и улыбаясь радостно. Возьмите назадъ вашу храбрость, потому-что теперь она будетъ вамъ очень нужна.

— Октавія! Какое счастіе!

— До свиданія, Эмиль.

Молодая дѣвушка убѣжала отъ него и цѣлый день занимала дамъ и дѣвицъ общества.

Вечеромъ, вернувшись домой, Эмиль неожиданно вошелъ въ комнату молодыхъ супруговъ, и сказалъ имъ:

— Я влюбленъ въ Октавію; завтра вы должны отправиться къ полковнику Леліару и просить у него согласія на нашъ бракъ. Если онъ откажетъ, я застрѣлюсь.

Симонъ поклонился женѣ и сказалъ ей иронически:

— Это ваша работа, сударыня. Что̀ вы будете дѣлать?

— Вы завтра отправитесь къ полковнику съ предложеніемъ, отвѣчала она холодно, и какъ извѣстный адвокатъ, вѣроятно, выиграете дѣло.

— Это не шутка, Клементина. Развѣ ты не видишь отчаянія брата? Развѣ ты не знаешь заранѣе, какой отвѣтъ дастъ полковникъ. О женщины! женщины!

На другой день Клементина и Эмиль ждали съ нетерпѣніемъ возвращенія Симона отъ стараго полковника, и встрѣтили его вопросами, есть ли какая-нибудь надежда?

— Никакой, отвѣчалъ адвокатъ. Полковникъ отвѣчалъ мнѣ «что скорѣе поставитъ дочь свою передъ баттареей, чѣмъ отдастъ за артиллериста.»

Клементина заплакала отъ досады, Эмиль, молча, пожалъ руку брату и хотѣлъ уйти.

— Куда ты? останься, сказалъ Симонъ.

— Я не хочу жить безъ нея, отвѣчалъ спокойно артиллеристъ. Прощай.

— Что̀ за безуміе. Погоди; отецъ ея можетъ раздумать: онъ любитъ дочь...

— Онъ твердъ въ своемъ словѣ и не перемѣнитъ его. Ты знаешь это лучше меня. Сама Октавія пріучила его къ своему безусловному повиновенію, и не захочетъ огорчить старика. Притомъ же у него готовъ женихъ для дочери, и она выйдетъ за него. Ты видишь, что я не могу жить.

— Погодите, сказала Клементина, отирая слезы. Теперь *я* пойду хлопотать.

И она накинула шаль, взяла шляпку и ушла. Черезъ полчаса она была уже дома.

— Ну, что̀ сказалъ тебѣ полковникъ? спросилъ Симонъ.

— Я не видала его и не хотѣла съ нимъ говорить. Я пошла къ Октавіи и разсказала ей все.

— Что̀ же она?

— Она сказала: пусть Эмиль уѣзжаетъ и надѣется на меня.

— Я подожду, отвѣчалъ Эмиль.

— Это гораздо лучше... Прощай же, братъ и не отчаявайся.

— До свиданія, Эмиль, прибавила Клементина: надѣйтесь и ждите; я тоже буду хлопотать за васъ.

Время проходило. Эмиль ждалъ и скучалъ въ Венсенѣ. Онъ жилъ только въ ту минуту, когда получалъ письма отъ брата и Клементины, но въ письмахъ не было ничего утѣшительнаго, и молодой артиллеристъ приходилъ въ отчаяніе.

Однажды вечеромъ Эмиль пошелъ гулять, и незамѣтно очутился у Фонтене. Вдругъ онъ замѣтилъ, что навстрѣчу ему идетъ мужчина, такой же задумчивый и грустный, какъ онъ самъ. Онъ подумалъ, что это одинъ изъ его товарищей или начальниковъ, но подойдя ближе увидѣлъ сѣдые усы и пустой правый рукавъ полковника Леліара, и остановился въ недоумѣніи.

Старикъ поклонился молодому человѣку и сказалъ ему сухо.

— Я шелъ къ вамъ, г. Рансе.

— Ко мнѣ, полковникъ! Чему я обязанъ этою честью?

— Мнѣ надобно объясниться съ вами. Моя дочь объявила мнѣ, что не пойдетъ замужъ ни за кого, кромѣ васъ. Въ первый разъ Октавія мнѣ противорѣчитъ. Изъ ягненка, она сдѣлалась львицей. Вы подмѣнили мнѣ мою дочь, и я пришелъ требовать отъ васъ удовлетворенія.

— Вы забыли, полковникъ, что никто не согласится принять вашего вызова.

— Не безпокойтесь, г. Рансе, я дѣйствую лѣвой рукой точно также, какъ правой.

— Я знаю, что вы можете подписать даже свадебный контрактъ.

— Вашего я никогда не подпишу, потому-что одинъ изъ насъ долженъ умереть.

— Но если я откажусь?

— Я оскорблю васъ публично, и вы должны будете драться со мною.

— Въ такомъ случаѣ, согласенъ, полковникъ. Завтра, послѣ ученья стрѣльбы въ цѣль, я къ вашимъ услугамъ.

— Я буду ждать васъ у полигона. До свиданія.

Эмиль вернулся домой, твердо рѣшившись не защищаться и не нападать на отца Октавіи. Его ждало письмо отъ Клементины, въ которомъ она писала: «Приготовьтесь къ грозѣ, братецъ. Можетъ-быть она окончится успѣхомъ. Вчера явился приготовленный статскій женихъ и объяснился съ Октавіею. Она отказала, и когда полковникъ началъ настаивать и сердиться, ваша невѣста объявила твердо свою волю, и сказала, что ничто и никто не заставитъ ее перемѣнить намѣренія. Отецъ уѣхалъ послѣ этого объясненія, и мы думаемъ, что онъ въ Фонтене. Остерегитесь встрѣчи съ нимъ. Мы съ Октавіей ѣдемъ вслѣдъ за письмомъ. До свиданья.»

— Поздно, проговорилъ Эмиль, завтра все кончится.

На слѣдующее утро молодой артилеристъ присутствовалъ на ученьи, и командовалъ одной батареей. Нѣсколько любопытныхъ смотрѣли на стрѣльбу съ эспланады, но никто не смѣлъ спуститься въ полигонъ, гдѣ поставлены были цѣли; притомъ же со всѣхъ сторонъ стояли часовые, чтобъ не допускать неосторожныхъ.

Эмиль направилъ одну пушку въ цѣль и отодвинулся, скомандовавъ: пали. Какъ вдругъ изъ-за кустовъ вылетѣла на лошади амазонка и встала прямо передъ цѣлью. Раздался крикъ со всѣхъ сторонъ, Эмиль бросился къ пушкѣ, но выстрѣлъ уже грянулъ, амазонка съ лошадью упала, а цѣль опять открылась.

Все это произошло въ одно мгновеніе. Всѣ бросились къ мѣсту несчастія. Эмиль прежде всѣхъ вскочилъ на первую попавшуюся лошадь и поскакалъ къ цѣли. Съ другой стороны, несмотря на сопротивленіе часовыхъ, бѣжала женщина и за ней нѣсколько мужчинъ.

Симонъ, Клементина и Октавія пріѣхали ночью въ Фонтене и узнали о назначенной дуэли. Они начали просить, умолять, плакать, но старикъ былъ твердъ какъ желѣзо, дочь непреклонна.

Поутру они послѣдовали за нимъ въ полигонъ, и когда Октавія увидѣла, что всѣ просьбы безполезны, то сказала отцу:

— Вы хотѣли видѣть меня передъ батареей, смотрите же.

И смѣлая амазонка перескочила черезъ рѣшотку и помчалась къ цѣли, на которую была направлена пушка.

Но по счастію, одна лошадь была убита; амазонка встала съ земли блѣдная, но не вредимая и сказала съ улыбкой Эмилю, который отъ волненія не могъ проговорить ни слова:

— Вы не вѣрно цѣлите, г. Рансе.

Симонъ поддерживалъ полковника, который плакалъ и съ восторгомъ смотрѣлъ на свою дочь, а Клементина, видя, что никто не будетъ съ нею спорить, соединила руки молодыхъ людей и сказала:

— Я благословляю васъ, дѣти мои... Чего захочетъ женщина, то навѣрно исполнится.

— А если бы онъ убилъ ее! вскричалъ адвокатъ.

— Развѣ это могло случиться? отвѣчала Клементина, посмотрѣвъ иронически на мужа.

Послѣ такого блистательнаго обрученія, свадьбу не могли откладывать на долго, и полковникъ Леліаръ опять полюбилъ военныхъ и артиллерію.

МОСКОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Неожиданное посѣщеніе. — Геній фельетона и его рѣчь. — Январь и февраль — Извиненіе. — Свадьбы и разговоры о свадьбахъ. — Балы разнаго рода и маскерады. — Нынѣшняя зима въ-сравненіи съ прошлыми. — Концерты. — Бѣги. — Литература: газеты и «Москвитянинъ». — Фактъ изъ жизни Гоголя.

Два ученые друга мои, Готфридъ Мюллеръ и Францъ Куглеръ, изъ коихъ одинъ перенялъ у меня манеру носить шляпу, а съ другимъ я часто прогуливался по Блоксбергу, — когда доходила у насъ рѣчь до послѣдняго параграфа...

...Не могу писать дальше. Моя рука сдѣлалась будто свинцовая и, чувствую, пригвождена къ тому мѣсту на бумагѣ, гдѣ я написалъ слово «параграфъ»...

Что бы это значило?.. Нѣтъ, не могу... Рука окаменѣла... Тьфу, пропасть! Что жъ это такое? Позвать развѣ слугу?

Поднимаю глаза надъ лампою и, вообразите — по ту сторону моего письменнаго стола стоитъ нѣкто совершенно черный, или нѣчто совершенно черное. Всматриваюсь: черный капуцинъ въ черной маскѣ. Но какъ же онъ вошелъ, а я и не слышалъ? А только-что пробило полночь — любимый часъ сверхъестественныхъ явленій. Вдругъ мнѣ становится немножко страшно... Я хотѣлъ бы даже крикнуть...

Но вотъ капуцинка летитъ на кресло, маска тоже, и передо мною чрезвычайно пріятная фигура бѣлокураго молодаго человѣка, очень недурнаго лицомъ, съ маленькими усиками и эспаньолкой, — одѣтаго en manches de chemise, при пестромъ галстухѣ, котораго длиннѣйшіе концы артистически небрежно связанные, какъ-будто нарисованы на батистѣ рубашки, и въ панталоны немножко à la matelotte, которыхъ

большія клѣтки представляютъ самое смѣлое, но исполненное вкуса, соединеніе цвѣтовъ. Волосы неизвѣстнаго бѣгутъ къ плечамъ вольно и граціозно, нѣсколько отливаясь цвѣтомъ пепла и оканчиваясь натуральными колечками. Глаза его, живые и добрые, смотрятъ на меня привѣтливо; на губахъ — улыбочка, въ которой не можетъ таиться ничего дурнаго. Онъ стоитъ, скрестивъ руки, какъ бойкій полькеръ, передъ началомъ фигурной польки, изгнанной изъ свѣтскихъ салоновъ. Но я все-таки не знаю, кто мой посѣтитель. Онъ и самъ догадывается и, не переставая улыбаться, кивнувъ мнѣ раза два головой, какъ-будто укоризненно, начинаетъ такъ:

— Tu quoque... И ты противъ меня!.. Но я и забылъ рекомендоваться. Я геній фельетона, сынъ .. впрочемъ, что до родословной, c'est trop vieux style! Мое отечество Франція, моя резиденція Парижъ, это ты знаешь, я полагаю. Дома я въ послѣднее время ужасно соскучился; можетъ-быть, ты отчасти догадываешься почему; нынѣшній парижанинъ не то, что вчерашній. Къ тому же, гдѣ мои любимцы? Жюль Жанень состарѣлся, Теофилъ Готье не хочетъ ничего сочинять, кромѣ балетовъ, которые всѣмъ прискучили; остроумный N, бывшій корреспондентъ «Indépendance belge», милый N, котораго я уважалъ больше всѣхъ, куда-то запропастился; чуть ли онъ не въ Тулонѣ; Гино, говорятъ, заводитъ теперь золотошвейню, что, вѣроятно, дастъ ему большіе доходы — да мнѣ-то легче ли? Остальные... словомъ, никого нѣтъ изъ моихъ вѣрныхъ. Лондона, ты чувствуешь, я терпѣть не могу: я увѣренъ, я въ первое же воскресенье утопился бы тамъ отъ сплина... Вотъ я и рѣшился взглянуть на вашъ Петербургъ. — Германію, ты понимаешь, я перелетѣлъ сонный и духомъ: она вся въ своихъ картинкахъ и книгахъ; картинки я знаю наизусть, въ книгахъ часто путаюсь, но знакомъ съ ними на столько, чтобы не имѣть особеннаго желанія провести теперь сутки въ Германіи... Куда же дѣваться, какъ не въ Петербургъ? Не въ Испанію же, не въ Италію и не въ Швецію, гдѣ, съ моими привычками и маленькими требованіями, я совершенно бы пропалъ. Но Петербургомъ я очень доволенъ во многихъ отношеніяхъ, хотя, противъ моего ожиданія, и не могъ подружиться особенно ни съ однимъ изъ фельетонистовъ. Сознаюсь, на нѣкоторыхъ я было разсчитывалъ потому, что они дѣлали прежде. Теперь они всѣ вообще довольно скучны, что я и замѣтилъ каждому изъ нихъ порознь. А почему они скучны? Одинъ беретъ быть фельетонистомъ, когда ему слѣдовало бы дѣлать все, что угодно, кромѣ фельетоновъ; другой былъ бы, можетъ-быть, хорошимъ учителемъ каллиграфіи; третій разсказываетъ,

что онъ пишетъ изъ какой-то щвейцарской хижины, которой онъ и не видалъ; четвертый несетъ чушь объ англійской литературѣ, о которой имѣетъ такое же понятіе, какъ о китайской; пятый подбираетъ въ сочиненіяхъ собратій одѣ орографическія ошибки и опечатки, и такъ далѣе... Каждому, однако, хочется быть замѣченнымъ — и вотъ начало несчастной методы обмарачиванія почтеннѣйшей публики, небылицъ, дикостей, причина появленія міріады ссылокъ на какія-то безвѣстныя свидѣтельства, ссылокъ на великихъ людей, съ которыми мы будто-бы были дружны, и на собственныя заслуги, наконецъ, цитатъ изъ ученѣйшихъ, вовсе не идущихъ къ дѣлу сочиненій, и тому подобнаго — steeple-chase безконечный, потому-что одному надо взять перевѣсъ передъ другимъ, чѣмъ бы то ни было. Метода отнюдь не новая, по своему основанію: она та же, которой болѣе ста лѣтъ держатся въ Англіи и во Франціи торговцы при составленіи афишъ и объявленій, также, по которой сочиняются теперь и у васъ объявленія, начиная отъ нѣкоторыхъ журнальныхъ программъ до посуловъ папиросныхъ-фабрикантовъ... И я долженъ былъ по неволѣ пожалѣть объ этихъ фельетонистахъ. Какъ! въ городѣ жизни все больше и больше, а они все скучнѣе и скучнѣе .. Сію минуту, въ первый разъ прилетѣвъ въ Москву, и, какъ видишь, отправляясь на нѣмецкую масляницу, чтобы хоть минутку взглянуть на московское веселье до поста, забѣгаю къ тебѣ, застаю тебя за твоимъ фелѣтономъ — и что-же? Ты начинаешь его съ хвастовства въ дружбѣ съ извѣстными историками, которыхъ, какъ я знаю, ты никогда въ глаза не видалъ и съ фразы — до того ни на что не похожей, до того глупой, что я ужъ и не могъ поступить иначе, какъ остановить твою руку насильно... Къ чему всѣ эти штуки!.. Повѣрь мнѣ, оставь пустую претензію поразить: будь простъ и веселъ; говори о томъ, что видѣлъ, слышалъ и читалъ, будто въ кругу добрыхъ пріятелей; задѣвай друга и недруга тонко и учтиво, и безъ желчи; хвали, что тебѣ въ-самомъ-дѣлѣ нравится — и я полюблю тебя отъ души, и всѣ будутъ читать тебя съ удовольствіемъ. Тебя прочли, вѣдь, и забыли: не такъ ли? Чего же ты долженъ добиваться? Чтобъ тебя читали отъ строки до строки, и кто-нибудь иногда сказалъ потомъ, что ждетъ твоего слѣдующаго фельетона. Вотъ послѣднее слово твоей славы! Проникнись же однажды навсегда тою истиною, что въ тысячу разъ пріятнѣе для всякаго имѣть дѣло съ человѣкомъ, который умно дурачится, нежели съ тѣмъ, кто глупо умничаетъ. А всякое *хвастовство* противно; я хочу сказать, что *отуманиваніемъ* твоимъ ты никогда и никого не отуманишь: приведи ты цитату изъ Магабараты, неужели ты думаешь, что не догадается всякій,

что ты взялъ его изъ французской газеты? На то ты фельетонистъ. Скажи ты, что у тебя пятьсотъ душъ, — кто тебѣ повѣритъ? Ты, вѣдь, фельетонистъ, да еще въ Россіи, гдѣ никто не дастъ тебѣ, сколько я знаю, пятисотъ франковъ за фельетонъ, какъ даютъ, напримѣръ, Жюль-Жанену, сверхъ ложи во всѣ театры и другихъ маленькихъ привиллегій, которыя у васъ стоятъ довольно большихъ денегъ... И кому нужно знать про Магабарату, кому интересно знать, сколько у тебя душъ или долга, или какъ ты чешешься—по-англійски, или à la мужикъ, во что рядишься и что изволишь кушать у Дюссо или у Бореля? И такъ, прими мой дружескій совѣтъ: живи, какъ живется, не мудрствуя, — пиши, какъ будетъ тебѣ думаться, просто, безъ затѣй, какъ бы ты говорилъ. Предоставь пусканіе пыли въ глаза шарлатанамъ, скуку — тѣмъ философамъ, которые только сами себя читаютъ, и тѣмъ критикамъ, которые одни себя почитаютъ, хвастовство всякаго рода — львамъ тавернъ, всегда парадирующимъ фальшивыми каменьями, въ той увѣренности, что ихъ примутъ за настоящіе... Однакожъ, прощай. Три четверти перваго. Мнѣ пора въ маскерадъ. Кстати: дай мнѣ сигаръ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ развелись у васъ папиросы съ сюрпризами, можно, я согласенъ, иногда выиграть хорошенькой матеріи на платье, разрѣзку, бинокль и другія недурныя вещицы, но нѣтъ возможности курить папиросъ, къ которымъ я было очень привыкъ въ послѣднее время. А сигаръ я забылъ взять съ собою.

И увидавъ на моемъ столѣ раскрытую сигарницу, геній фельетона взялъ ее, захлопнулъ, сунулъ въ карманъ панталонъ, накинулъ свою капуцину, надѣлъ маску, нахлобучилъ колпакъ и исчезъ — я долженъ ему отдать справедливость, онъ духъ чрезвычайно благовоспитанный, то-есть, онъ не оставилъ послѣ себя никакого духа, ни сѣрнаго, ни инаго.

Я было вскочилъ и бросился въ прихожую, самъ хорошенько не зная, зачѣмъ. Въ прихожей единственный слуга мой храпѣлъ со всѣмъ усердіемъ человѣка, привыкшаго засыпать въ какую угодно пору дня или ночи...

Я воротился къ моему письменному столу, и разсудивъ, что долго размышлять о моемъ неожиданномъ гостѣ и его короткомъ спичѣ не стоитъ, рѣшился опять приняться за начатое.

И передавъ здѣсь по порядку о посѣщеніи, такъ кстати прервавшемъ начатую мною выше, черезъ-чуръ рѣшительную фразу, а потомъ и самую рѣчь генія фельетона, я обѣщаюсь всѣми силами, принять къ свѣдѣнію совѣты моего откровеннаго гостя — и продолжаю, или, если угодно, начинаю мой фельетонъ.

Однакожъ, еще небольшое отступленьице, совершенно необходимое. Два послѣднія мои письма опоздали: въ этомъ виновато одно изъ самыхъ скверныхъ свойствъ моей натуры — неакуратность, вѣроятно потонувшая въ безднѣ другихъ, блистательныхъ качествъ, съ которыми я родился на свѣтъ. Но къ дѣлу.

Я разскажу сегодня о январѣ и февралѣ.

...«Ici l'on fait noces et festins». Этою надписью и понынѣ украшающею вывѣски нѣкоторыхъ загородныхъ генгетокъ третьяго разряда— говоритъ парижскій корреспондентъ «Journal de Saint-Petersbourg» въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ писемъ — можно какъ нельзя вѣрнѣе охарактеризовать парижскій январь, въ нынѣшнемъ году, по-крайней-мѣрѣ. Точно тѣ же слова одинъ изъ главныхъ девизовъ января мѣсяца въ Москвѣ, какъ въ прежніе годы, такъ и въ этотъ.

Съ первыхъ же дней послѣ Крещенья, въ какого бы разряда гостиной ни случилось вамъ провести вечеръ, только и рѣчей, что о свадьбахъ свершившихся, или о свадьбахъ, имѣющихъ быть на недѣлѣ, въ-теченіе мѣсяца.

— Софья Азъ... вышла за гусарика, какъ бишь его ..

— Какъ! тридцати-двухлѣтняя, косая, кажется, собиравшяяся въ отшельничество, Софья Азъ..?

— Она-съ, собственной персоной.

— Ну, не съ чѣмъ поздравить ея избранника.

— А я такъ, поздравляю его: полтораста тысячъ серебромъ, право, такое прилагательное, ради котораго можно забыть существительное, въ-особенности, когда самъ не богатъ и не предвидится ничего въ будущемъ, развѣ наслѣдство съ луны.

— Такъ супругъ-то безъ средствъ?

— То-есть, онъ вездѣ говоритъ, что у него есть бабушка съ многими тысячами душъ и милліонами серебромъ; но бабушка теперь, по несчастію, за границей, и потому не могла прислать безцѣнному внучку надлежащаго свадебнаго подарка. Бабушка, разумѣется, можетъ умереть за границей, не успѣвъ сдѣлать должныхъ распоряженій; имѣніе ея растащутъ на клочки приближенные, серебро испарится ни вѣсть куда, и нашъ наслѣдникъ, чтобы утѣшиться, примется за состояніе своей супруги.

— Вы немилосердны! Но... бѣдная Софья!

— Скажите: глупая Софья; дѣвица которая имѣетъ полтораста тысячъ серебромъ, и выдти за молодаго человѣка, у котораго нѣтъ ничего, кромѣ черныхъ усиковъ! Вѣдь это все равно, что броситься въ воду!

— А про Сережу Букашу слышали?

— Нѣтъ; что такое?

— Какъ же, послѣ-завтра свадьба. Онъ женится на Наденькѣ Жужу.

— Да вѣдь, она, кажется, въ какого-то петербургца была влюблена?

— Да, тутъ, какъ говорится, цѣлая драма. Во-первыхъ, два отчаянія: отчаяніе добраго молодца и отчаяніе красной дѣвицы; во-вторыхъ, монументальное простодушіе — я не хочу выражаться иначе — этого колпака, которому дѣвушка въ глаза говоритъ: «Я васъ ненавижу, вы мнѣ противны,»— и который все-таки стоитъ на своемъ, тѣмъ болѣе, что справился прежде о согласіи ея дражайшихъ родителей. Они какъ-нельзя болѣе правы по-своему: Букаша достаточно-глупъ, состояніе у него есть, онъ будетъ самымъ подобострастнымъ зятемъ—чего-же больше? Они нашли, что имъ нужно....

— Но это что! Буки-азъ-ба-то каковъ?

— А что?

— Какъ-же, помилуй! Женился на Ижицыной...

— Слышалъ.

— И взялъ двѣ тысячи душъ и съ чѣмъ-то милліонъ....

— Вотъ-тутъ и смѣйся надъ полькой!

— А ты думаешь, онъ и въ-самомъ-дѣлѣ выполькировалъ себѣ счастіе?

— Счастіе — не знаю, но огромное состояніе это вѣрно.

Такіе разговоры, подчасъ съ нѣкоторыми варіаціями, можете услышать гдѣ угодно — между кавалерами. Дамскіе остроумнѣе, безспорно, но бо́льшею-частію такъ злы въ подобныхъ случаяхъ, что я и не приведу здѣсь ни одного образчика. Дѣло въ томъ, что куда ни ступите вы въ январѣ, никакъ не обойдется безъ извѣстій, толковъ, споровъ и пересудовъ о казусахъ свадебныхъ. Другаго разговора нѣтъ.

...Баловъ въ январѣ не меньше, чѣмъ свадебъ: балы частные, балы публичные, маскарады, bals costumés.... Модные магазины завалены заказами, оранжереи опустошаются, папеньки и мужья кряхтятъ, кондитеры въ восторгѣ, дочки и жены съ утра страдаютъ мигренями, а квечеру спросите у нихъ, что́ такое мигрень?...

— Средство заставить этихъ гадкихъ мужчинъ сдѣлать по нашему, скажетъ вамъ откровенная кузина.

И, въ-самомъ-дѣлѣ, развѣ балы не для того даются, чтобы ѣздили на балы?... Найдитесь-ка, читатель, опровергнуть эту истину....

— На масляницѣ bal costumé у M-me N. — докладываетъ сынокъ своему родителю.

— Слышалъ — отвѣчаетъ родитель.

— Мнѣ надо ѣхать....

— Разумѣется.

— Я буду въ костюмѣ garde française.

— А-а!

— Папа, я хотѣлъ васъ просить.... Надо четыреста цѣлковыхъ...

— Невозможно. Ты самъ знаешь: въ Саратовѣ нынче хлѣбъ не проданъ — управляющій говоритъ: ни-почемъ.

— Какъ-же быть?

— Какъ знаешь.

— Я далъ слово хозяйкѣ. Я въ кадрилѣ.

Входитъ пріятель родителя, тоже родитель.

— Эти маскарады разоренье? — замѣчаетъ вошедшій. — Вообрази, сегодня мой Алексѣй: дай я ему пятьсотъ рублей серебромъ! — вѣдь это по нашему, говорятъ, тысяча семьсотъ пятьдесятъ. — Нужно ему, изволишь видѣть, какимъ-то малабарцемъ нарядиться....

— Калабрцемъ — прерываетъ сынъ хозяина.

— Ну калабрцемъ: все равно. А я гдѣ возьму? то-и-дѣло нынче проигрываю. Погоди, говорю, денекъ-другой, коли порутируетъ сегодня да завтра, твое счастіе; а нѣтъ, не прогнѣвайся.

— А я, такъ баловать не люблю, — отвѣчаетъ родитель-хозяинъ: сказалъ, что не дамъ, и все тутъ.

Второй родитель проигрываетъ два дня кряду, первый остается при своемъ. Приходитъ день bal costumé: одинъ изъ сынковъ подписываетъ заемное письмецо въ тысячу цѣлковыхъ, другой —счетецъ въ восемьсотъ. Зато и калабрецъ и garde-française въ условленное время подаютъ руки своимъ дамамъ, которыя, понимается, награждаютъ своихъ кавалеровъ самою очаровательною улыбкою. Ужъ будто эта улыбка не стóитъ какихъ-нибудь тысячи рублей?...

....Я думаю, балы вездѣ болѣе или менѣе схожи между собою. Зала немножко побольше, или немножко поменьше, музыки побольше, или поменьше, хорошій ужинъ, или дурной ужинъ, много цвѣтовъ, или мало цвѣтовъ — какія придумать варіаціи? Московскіе балы вообще не отличаются ни разнообразіемъ, ни роскошью, ни великолѣпіемъ; сущность въ томъ, чтобъ натанцоваться до упада, а объ остальномъ кому какая забота; на лѣво-ли буфетъ, на право-ли, отъ Дублэ-ли мороженое, или отъ Жиля, Сакъ-ли играетъ, или Зейденштехеръ?... Люди очень наблюдательные и очень остроумные утверждаютъ, что на

всѣхъ московскихъ балахъ одни и тѣ-же офиціанты и что на всѣхъ — ужинъ начинается съ бульйона, который ведетъ за собою майонезъ, а тамъ стерлядь. Дамы безпрестанно, и съ каждымъ днемъ все больше жалуются на недостатокъ въ кавалерахъ, на то, что кавалеры или слишкомъ ужъ молоды, или слишкомъ стары. Въ припадкахъ совершенно справедливаго неудовольствія, нѣкоторыя рѣшаются предполагать, что скоро въ Москвѣ придется танцовать съ школьниками. Я обязанъ, по любви моей къ истинѣ, замѣтить, что дѣйствительно въ Москвѣ кавалеровъ, годныхъ для бальнаго употребленія, чрезвычайно мало.... Мазурка, издавна и по нынѣ, посвящается остроумнымъ замѣткамъ на счетъ ближняго, которыхъ главнымъ предметомъ служатъ по преимуществу хозяева.

Bals costumés, понимается, тѣ-же балы, съ единственною разницею, что тутъ человѣку предоставляется полная свобода въ употребленіи бѣлилъ и румянъ: мажтесь и штукатурьтесь, сколько душѣ угодно, никто и замѣчать не будетъ, — между-тѣмъ, какъ на простомъ балѣ, не костюмированномъ, разочтутъ на вѣсы, сколько на васъ искусственной красоты. Не смотря на это, варварскій обычай бѣлиться, румяниться и краситься распространяется сильно и между мужчинами — что, по моему разумѣнію, ни на что не похоже.... Но я и самъ хорошо знаю, что прокезцы думаютъ иначе....

Общественные балы и маскарады не представляютъ покуда ничего новаго. Балы, учреждаемые съ благотворительною цѣлью, дѣлаются теперь съ сюрпризами. Я готовъ вѣрить, что благотворительность отъ этого не страдаетъ, но все-таки не могу не сознаться, что несносные сюрпризы ужасно надоѣдаютъ, какъ надоѣлъ нѣкогда «Ужъ какъ вѣетъ вѣтерокъ», въ-послѣдствіи пзрѣченіе изъ Пилюль: «Странное дѣло»! повторявшееся въ Москвѣ не только попугаями, но и грудными дѣтьми, — и, наконецъ, Sperl-polka съ словами изъ «Булочной»... И это, ручаюсь вамъ, не мое личное мнѣніе. Папиросъ, напримѣръ, и въ Москвѣ уже нѣтъ безъ сюрпризовъ; за то курить папиросы — оставьте и думать: прошу понимать буквально.

Не знаю, удивитесь-ли вы этому, но вотъ что, конечно, покажется вамъ не совсѣмъ обыкновеннымъ: у насъ въ прошлые два мѣсяца былъ концертъ за концертомъ. Музыкальнѣе-ли сдѣлалась Москва, Петербургъ-ли скорѣе прежняго выбрасываетъ къ намъ то, что находитъ посредственнымъ, сама-ли посредственность легко убѣждается, что въ Петербургѣ ей теперь дѣлать нечего — только, что недѣля, то въ Москвѣ три четыре съѣзда во имя музыки. Съѣзды, впрочемъ, чрезвычайно нелюдные. Когда тутъ въ январѣ и февралѣ слушать музыку? — скажетъ вамъ большинство публики.

Кто, однакоже, давалъ у насъ концерты? Г-жа Ниссенъ-Саломонъ, г-жи Погожевы, г. д'Аржантонъ, г. Пиццолати, г. Монтиньи, г. Валье, г. Будеусъ, гг. Мальчугины, г-жа Серато, г. Джонъ Томасъ. Бо́льшая часть этихъ концертовъ, въ самоновѣйшемъ вкусѣ, съ сюрпризами: вы пріѣзжаете слушать музыку, а музыки-то всего меньше, а иногда и вовсе нѣтъ. Это не относится только къ г-жѣ Ниссенъ-Саломонъ, которой я впрочемъ теперь не слышалъ ни разу, потому-что, объявивъ о своихъ музыкальныхъ утратахъ, она не удостоила сказать, гдѣ они будутъ,—къ г. Монтиньи и къ двѣнадцатилѣтней Серато, отъ которой врядъ-ли и дозволено требовать музыки, но за будущее которой я очень опасаюсь, въ-слѣдствіе моего, оправданнаго опытомъ, недовѣрія къ *маленькимъ чудамъ*. По моему, пренепріятная вещь эти petits prodiges!

Но и безъ концертовъ, истекающая зима, въ-особенности вторая ея половина, должна составить эпоху въ хроникѣ Москвы: такъ необычайно скоро и весело прошла эта зима. И если-бы не страшный снѣгъ, выпавшій въ половинѣ февраля въ такомъ количествѣ, какого не запомнятъ и сторожилы,—слишкомъ на недѣлю обратившій ѣзду по городу буквально въ наказаніе, поломавшій тьму экипажей и проч., Москва самымъ незамѣтнымъ и пріятнымъ образомъ дожила бы до масляницы съ ея блинами, балаганами, гуляньемъ подъ Новинскимъ и на Лубянской площади, маскарадами, и утреннимъ собраніемъ въ субботу. Къ счастію, въ началѣ масляницы дорога нѣсколько исправилась, и съ перваго-же дня поста опять была такова какъ-бы около Крещенья, да и морозъ-то почти крещенскій.

На увеселеніяхъ масляничныхъ мнѣ останавливаться не для чего; въ нихъ все старое по старому, а новаго очень мало... Черезъ пять лѣтъ, несмотря на то, что нынѣшній разъ опустился до балагана и самъ Раппо съ своею труппою, и должно сказать, очень мало возвысился своими представленіями надъ прочими масляничными гистріонами, афиши и вывѣски балагановъ стоятъ все на прежней степени совершенства и остроумія.

.... Бѣги кончились передъ самой масляницей, начавшись съ половины января.

.... Театры наши за январь и февраль были полны и живы — съ легкой руки г. Владыкина и въ-слѣдствіе благоразумныхъ репертуарныхъ распоряженій, о которыхъ упомянулъ я въ предпрошломъ письмѣ и которыя продолжаются. Самыя свѣтлыя точки нашихъ театральныхъ впечатлѣній за эти два мѣсяца игра г. Щепкина въ «Скупомъ рыцарѣ» и новая комедія г. Островскаго «Не въ свои не садись.»

Говоря объ игрѣ г. Щепкина, по возвращеніи его изъ Петербурга, я позволилъ себѣ замѣтить, что комикъ нашъ старѣется. Слова эти диктовало не предубѣжденіе, а самое искреннее убѣжденіе и горячее сочувствіе къ артистической карьерѣ, полной столькихъ успѣховъ. И несмотря на это, я теперь готовъ, право, отказаться отъ моихъ словъ—или предположить, что сценическому художнику, какъ и всякому другому, бываетъ иногда дано вопреки всему, къ чему пріучаетъ насъ природа, дѣлать чудное,—или, наконецъ, я долженъ допустить, что эта роль *скупаго рыцаря*, въ которой г. Щепкинъ былъ выше, нежели во всѣхъ своихъ прежнихъ роляхъ, выше всего, что только можно вообразить себѣ, есть его лебединая пѣсня?... Не знаю, на чемъ порѣшить, но утверждаю смѣло, что одна роль скупаго рыцаря, исполненная такъ, какъ исполнилъ ее г. Щепкинъ, должна поставить артиста въ рядъ первоклассныхъ европейскихъ знаменитостей, къ какой-бы сценѣ и къ какому-бы времени ни принадлежали онѣ. И вообще весь «Скупой рыцарь», этотъ драгоцѣнный клейнодъ русской поэзіи, отъ котораго, однакожъ, согласитесь, нельзя было ожидать особеннаго драматическаго эффекта, получилъ самое невѣроятное, самое полное, самое блистательное значеніе на сценѣ, чему, сверхъ г. Щепкина, мы обязаны гг. Степанову и Самарину. Я увѣренъ, что такія сценическія торжества нигдѣ не повторяются часто.

Пьеса г. Островскаго чрезвычайно важное пріобрѣтеніе для нашего репертуара. Не буду разсказывать ея содержанія по двумъ причинамъ: во-первыхъ, она уже дана въ Петербургѣ, слѣдственно сценическое ея достоинство опѣнится редакціею «Пантеона»; во-вторыхъ, она будетъ напечатана въ одной изъ мартовскихъ книжекъ «Москвитянина», и тогда я поговорю о ней съ литературной стороны. Комедія «Не въ свои сани не садись» поставлена и идетъ здѣсь безукоризненно. Вотъ распредѣленіе ролей: Русаковъ—г. Садовскій; Авдотья Максимовна—г-жа Никулина-Косицкая, или г-жа Никифорова (первая драматичнѣе, вторая проще, наивнѣе, и по моему лучше); Арина Ѳедотовна—г-жа Акимова; Маломальскій—г. Степановъ (П.); Анна Антоновна—г-жа Сабурова 1-я; Бородкинъ—г. Васильевъ; Вихоревъ—г. Шумскій; Баранчевскій—г. Колосовъ. Но пальма за кѣмъ — какъ бы вы думали? за г. Васильевымъ. Дай то Богъ, чтобъ эта новая роль заставила г. Васильева подумать серьозно обо всей своей будущей сценической дѣятельности, бросить на всегда шаржи и всю методу школы, которая на русскомъ театрѣ существовать не должна, хотя и поддерживаютъ ее эти несчастныя передѣлки нѣкоторыхъ французскихъ водевилей, и въ особенности фарсовъ... Передѣлки!... Я, и самъ не замѣчая, догово-

рился до моего перваго слова о пьесѣ г. Островскаго, что она чрезвычайно важное пріобрѣтеніе для нашего репертуара, и готовъ повторить это десять разъ: посмотрите, куда дѣнутся мало-по-малу всѣ наши передѣлыватели, всѣ непризванные дѣятели сцены; прислушайтесь-ка, что говорятъ о пьесѣ и какъ сочувствуютъ картинѣ живой, взятой изъ жизни всѣмъ близкой,—картинѣ истинной! Двѣ, три такія вещи въ сезонъ, и мы не успѣемъ оглянуться, какъ многое изъ до-сихъ-поръ увы! имѣющаго право гражданства на нашей сценѣ, мелодрама, народный водевиль, въ которомъ нѣтъ ничего народнаго, всѣ эти «Парики», «Суматохи», «Кутерьмы» и прочія нелѣпости, навсега останутся гнить на полкахъ архивовъ. «Не въ свои сани не садись», въ-продолженіе шести недѣль дано здѣсь восемнадцать разъ, и болѣе десяти въ-томъ-числѣ въ Большомъ Театрѣ, который бывалъ постоянно также полонъ, какъ и Малый. Я такого успѣха еще не запомню. Что въ Петербургѣ нельзя ожидать подобнаго, это вѣроятно; но это отнюдь не уменьшаетъ достоинства произведенія, исполненнаго чертъ, болѣе понятныхъ въ Москвѣ и которыхъ петербургскимъ артистамъ не передать во всей тонкости...

Перечислю за симъ всѣ театральныя новости за январь и февраль. Въ первый разъ поставлены: «Дядька въ затруднительномъ положеніи», ком. въ 3 д., передѣланная Н. В. Гоголемъ, изъ буквальнаго перев. L'aio nel imbarazzo, графа Джіовани Джиравда;—«Скупой рыцарь», сцены А. С. Пушкина;—«Не въ свои сани не садись», ком. въ 3 д., А. Н. Островскаго;—«Пиръ у поэта Катулла», сц. изъ римс. быта, Г. Данилевскаго.—«Тарасъ Бульба», др. въ 3 д., сюжетъ заимств. изъ повѣсти Гоголя;—«Маскарадъ», сцены, заимств. изъ ком. Лермонтова;—«Комедія безъ названія», ки. Кугушева;—«Горемычная свадьба или возвращеніе съ нижегородской ярмарки», интерм. въ 1 д., съ пѣніемъ и плясками;—«Лучшая школа—царская служба», народн. драм. пред. въ 4 карт., П. Григорьева 2;—«Эпизодъ изъ жизни Страделла», интерм. вольными стихами, музыка хоровъ соч. Страделла,—«Ермилъ Ивановичъ Костровъ», др Н. В. Кукольника. Все это, такъ или иначе, уже извѣстно читателямъ «Пантеона». »Костровъ» пользуется здѣсь успѣхомъ весьма двусмысленнымъ, чего и ожидать должно было въ Москвѣ.

О французскомъ театрѣ теперь не спрашивайте. Наше вниманіе почти исключительно сосредоточено на русскомъ, и слава Богу! Даже балетъ теряетъ свое обаяніе,—вещь замѣчательная. По этой части есть, впрочемъ, одна новость—«Стелла или контрбандисты», Сен-Леона.

Замѣтки мои о литературѣ будутъ сегодня коротки и не знаю интересны-ли.

«Московскія вѣдомости», по прежнему печатаютъ фельетоны о Петербургѣ, но «Петербургская жизнь», г. Д. преобразилась въ какіе-то отрывистые «Петербургскіе слухи и новости»; «Городская хроника», еще жива, но зато статей здѣшнихъ профессоровъ, я что-то вовсе не вижу. Г. Родиславскій сообщаетъ о какихъ-то простонародныхъ обрадахъ, будто-бы существующихъ въ Московской губерніи, а между-тѣмъ никому изъ знающихъ Московскую губернію не извѣстныхъ,—«Некрологъ В. А. Вонлярлярскаго» объявляетъ, что авторъ «Большой Барыни» преобразовалъ языкъ нашихъ салоновъ (?!?) — сколько во всемъ этомъ удивительно страннаго!

Въ четырехъ книжкахъ «Москвитянина» самое интересное два матеріала, не то историческіе, не то литературные: «Исторія о россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ и стольничьей дочери Ордина-Нащокина Аннушкѣ», заимствованная изъ одного сборника прошлаго столѣтія и переданная въ подлинникѣ г. Куприяновымъ, и «Записки Современника: часть первая — дневникъ студента». Жаль, что послѣднія редижированы довольно небрежно; такъ при исчисленіи профессоровъ Московскаго Благороднаго Пансіона есть нѣсколько ошибокъ, которыя даже и я, не современникъ эпохѣ, о которой идетъ рѣчь, въ состояніи исправить. Физику читалъ не Строевъ, а Страховъ; естественное и народное право — Штелцеръ, а Рейсъ читалъ химію: Прокоповичъ-Антонскій, кромѣ натуральной исторіи, читалъ сельское домоводство и всеобщую энциклопедію, которая просто называлась тогда энциклопедія,— каѳедра, которой потомъ, кажется, не было нигдѣ. Жаль также, что вмѣсто именъ, нерѣдко получаемъ въ интересныхъ запискахъ лишь начальныя буквы? Когда же будемъ мы имѣть хоть одни полные мемуары, въ родѣ тѣхъ, какихъ такая бездна въ Англіи и въ-особенности во-Франціи?

«Біографія М. Н. Загоскина», г. С. А-ва, прежде всего не біографія, потому-что въ ней всего три четыре черты изъ жизни покойнаго. Оцѣнкою литературной дѣятельности Загоскина тоже статью назвать нельзя: общаго взгляда на эту дѣятельность нѣтъ здѣсь, отношенія между различными произведеніями писателя не установлено, связь достаточно не указана, хотя замѣчанія, высказанныя по поводу каждаго отдѣльнаго произведенія, почти безъ исключенія безпристрастны. Но необъяснимо (и необъяснено біографомъ) положеніе, что «Мирошевъ» есть лучшее произведеніе Загоскина, не исключая и «Юрія Милославскаго». А вотъ этотъ камушекъ въ романиста, до-сихъ-поръ неимѣвшаго

равнаго себѣ ни въ какой литературѣ: «герои романовъ Вольтера Скотта ничѣмъ не лучше его (Юрія Милославскаго)». Неужели думаетъ г. С. А–въ, что это комплиментъ Загоскину?..

Что не имѣю я мѣста сегодня распространяться о прочихъ статьяхъ «Москвитянина» — этому, я признаться, очень радъ. Итакъ, мимо критическихъ статей въ извѣстномъ уже жанрѣ, мимо самыхъ наивныхъ демонстрацій, самыхъ трогательныхъ похвалъ г. Иногородному Подписчику, мимо строжайшихъ выговоровъ г. Новому Поэту и «Отечественнымъ Запискамъ», мимо дамской повѣсти «Викторъ», преисполненной громаднѣйшихъ претензій на глубину, злость, остроуміе — и написанной невѣроятно-плохимъ языкомъ; мимо «Русскаго историческаго альбома», оказавшагося напечатаннымъ г–мъ Погодинымъ еще въ 1838 г., теперь перемѣнившаго только обертку и противъ прежняго сжавшагося, для подписывающихся на «Москвитянинъ», на 2 руб. сер., мимо всего этого, остановимся минуту на прекрасныхъ стихотвореніяхъ г. Щербины. Въ первой книжкѣ помѣщено ихъ нѣсколько, подъ общимъ заглавіемъ «Стихотворенія 1852 года». Я выписываю то, которое мнѣ особенно нравится:

САПФО.

Не могу, о мать родная,
Въ руки взять веретена,
Какъ бывало, распѣвая,
Въ виноградникѣ пряла я,
И пряла я не одна!

Онъ всегда бывалъ со мною,
Онъ готовилъ пряжу мнѣ,
И пушистою щекою
На плечо мое съ мольбою
Прилегалъ наединѣ...

Не могу, моя родная,
Бросить нити въ челнокѣ:
На коврѣ изображая,
Какъ царевна Навзиная
Моетъ пурпуръ на рѣкѣ...

Не стучится гость желанный
Въ портикъ сада моего,
Не идетъ онъ, долго жданный...
Мой вѣнокъ благоуханный
Вянетъ ночью безъ него.

Я давно съ нимъ не сидѣла,
Вкругъ его я не вилась,

И давно ему не пѣла,
Какъ бесѣдница Семела
Сердцемъ Зевсу отдалась.

А теперь я пѣснь иную
Одинокая пою,
Пѣсню грустную такую,
Что я плачу и тоскую
Въ ночь безсонную мою.

Гесперъ всѣмъ приноситъ счастье
На серебряныхъ лучахъ:
Яркій пламень сладострастья
Иль сердечное участье
Зажигаетъ онъ въ очахъ;

На покой зоветъ въ ложницу
Всѣхъ и каждаго съ собой,
Возвращаетъ съ поля жницу
И кудрявую ягницу
Съ поля влажнаго домой....

Я-жь мечусь по изголовью
И, мнѣ грезится, звѣзда
Облилась и свѣтитъ кровью: —
Я одна съ моей любовью
Благамъ Гесперa чужда;

А его нетерпѣливо
Ждетъ соперница моя,
Но не съ граціей стыдливой,
Не съ уловкой прихотливой,
Какъ ждала когда-то я!

Не умѣетъ такъ прекрасно
Грудь она полураскрыть,
И подъ ритмъ живой и страстный,
Какъ привыкла я всечасно,
Рѣчь восторга говорить.

Въ пляскѣ бѣшено—игривой
Незнакома тайна ей
И небрежно и красиво
Бросить вѣтру для извива
Складки туники своей...

... Изъ отдѣльныхъ книгъ, вышедшихъ въ послѣдніе два мѣсяца, стоитъ упомянуть о второмъ изданіи «Записокъ ружейнаго охотника Оренбургской губерніи» г. С. А—ва. Я говорилъ объ этой книгѣ при ея первомъ изданіи. Книга дѣйствительно прекрасная и интересная для всякаго. Въ описаніи природы г. А-въ обладаетъ замѣчательною оригинальностію взгляда и таланта,— въ описаніи птичекъ, дичи, звѣрковъ,

ихъ обычаевъ, во всемъ, что̀ касается до ружейной охоты, — видно, что авторъ — дома.

Мнѣ удалось на дняхъ слышать чтеніе отрывковъ изъ «Авторской исповѣди» Гоголя, которая, говорятъ, скоро должна явиться въ печати. Сообщаю изъ нея самый интересный фактъ: Гоголь говоритъ, что первую мысль «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ» внушилъ ему Пушкинъ.

P. S. Сейчасъ только, отправляя письмо въ Редакцію, я долженъ добавить нѣсколько печальныхъ строкъ: «Большаго Театра нашего не стало! Онъ сдѣлался жертвою пламени съ 11-го числа марта. Второй разъ уже это величественное и одно изъ лучшихъ зданій Москвы истребляется пожаромъ. Сцена, при этомъ несчастіи лишилась своего гардероба, библіотекъ драматической и нотной и драгоцѣннѣйшихъ декорацій. Вотъ, что говорятъ объ этомъ пожарѣ «*Вѣдомости Московской Городской Полиціи*».

— 11 марта, въ половинѣ 10-часа утра, съ каланчи Тверскаго Частнаго Дома, усмотрѣнъ сильный дымъ, выходящій изъ зданія Императорскаго Большаго Московскаго Театра, почему тотчасъ же отправилась туда пожарная команда Тверской части, и былъ выкинутъ на каланчѣ сигналъ для сбора пожарныхъ командъ всѣхъ частей города. По прибытіи на мѣсто, найдено, что театръ горитъ внутри, и пламя, быстро̀ распространившееся по всѣмъ направленіямъ внутренности театра, вылетало громадною массою въ окна и крышу онаго, и не смотря на всѣ усилія дѣйствій пожарныхъ командъ, собравшихся на мѣсто пожара, прекратить огонь и даже ослабить его силу не было никакой возможности, и вся внутренность зданія театра, кромѣ боковыхъ залъ въ бельэтажѣ и комнатъ въ нижнемъ этажѣ, въ коихъ помѣщалась контора, касса и буфетъ, къ 2-мъ часамъ по-полудни, сгорѣла; крыша надъ главною залой и подъѣздомъ прогорѣла и упала внизъ, наружные карнизы всѣ обгорѣли и обрушились.

По изысканію на мѣстѣ, причина пожара еще не открыта; а чрезъ распросы разныхъ лицъ оказалось: помощникъ машиниста при театрѣ Дмитрій Тимоѳеевъ объявилъ, что въ 10 часу утра, въ то время, когда производилась на сценѣ работа для вечерняго концерта и представленія живыхъ картинъ, онъ, Тимоѳеевъ, имѣя надобность въ нѣкоторыхъ инструментахъ, пошелъ въ чуланъ, устроенный на правой сторонѣ сцены, подъ деревянною лѣстницею, ведущею наверхъ, въ женскую уборную, и едва только отворилъ дверь чулана, какъ изъ онаго вылетѣло пламя, обхватило ближайшія декораціи и занавѣсъ, и огонь быстро распространился по всѣмъ предметамъ внутренности театра, такъ-что Тимоѳеевъ, едва успѣвъ нѣсколько разъ закричать, чтобы спасались, вышелъ, уже

будучи обожженъ пламенемъ. Отставной унтеръ-офицеръ Дементій Петровъ Каледа, находящійся при театрѣ въ услуженіи, показалъ, что онъ былъ въ это время въ церкви, и возвратясь оттуда въ зданіе театра, пошелъ къ уборной, гдѣ замѣтилъ суетившихся и бѣгающихъ дѣтей, принадлежащихъ къ театральной школѣ, и увидѣлъ сильный дымъ, выходящій изъ той уборной, почему, нетеряя времени, съ помощію служителей театра, вывелъ тѣхъ дѣтей на крыльцо актерскаго подъѣзда, и тѣмъ спасъ ихъ отъ преслѣдовавшаго пламени.

Во-время этого пожара, трое изъ мастеровыхъ театра выскочили въ окно верхняго этажа на крышу, изъ нихъ двое бросились на землю и убились объ мостовую до смерти, а третій, московскій мѣщанинъ Дмитрій Петровъ, остался на крышѣ, съ которой сойти не имѣлъ возможности: лѣстницы такой длины, которая-бы достала до той крыши, не было, и онъ находился въ неизбѣжномъ положеніи погибнуть, или отъ пламени, которое постепенно къ нему приближалось, или послѣдовать за своими товарищами, — броситься на землю; то или другое, но онъ готовился къ смерти, призывая на помощь Всевышняго. Въ это время, крестьянинъ государственныхъ имуществъ, Ярославской губерніи, Ростовскаго уѣзда, деревни Евсеевой, Василій Гавриловъ Маринъ, занимающійся кровельнымъ мастерствомъ и бывшій въ Москвѣ проѣздомъ въ Петербургъ, выйдя изъ толпы, вызвался спасти погибающаго; ему тотчасъ была подана лѣстница, такой длины, что по ней Маринъ могъ влѣзть только до конечности колонны главнаго подъѣзда; съ нея перелѣзъ онъ на водосточный жолобъ, соединяющій крышу съ колонной, и оттуда на шестѣ подалъ веревку погибавшему Петрову, который, зацѣпивъ эту веревку за крюкъ, находившійся на подъѣздной крышѣ театра, спустился по ней на жолобъ, и по жолобу на лѣстницу, по которой сошелъ на землю совершенно-невредимымъ. Кромѣ-того, въ грудахъ угля найдены три обгорѣвшіе трупа людей, званіе коихъ еще неизвѣстно. Во время этого пожара пострадали отъ ушибовъ пожарные служители: Иванъ Семеновъ, Иванъ Мѣщановъ, Фалка Балакъ и московской команды мастеровыхъ Военнаго Поселенія кантонистъ Авдѣй Яковлевъ.

Всѣ они отправлены для излеченія въ больницу Городской части.

Сосѣдніе дома отстояли безъ малѣйшаго поврежденія, также, какъ и деревянныя строенія, принадлежащія театру, за исключеніемъ декораціоннаго сарая, съ коего, изъ предосторожности, снята была крыша.

Въ слѣдующемъ письмѣ сообщу всѣ подробности этой печальной катастрофы и краткую исторію этаго театра.

Корреспондентъ ПАНТЕОНА.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I. ЖУРНАЛИСТИКА

Почему мы хвалимъ «Отечественныя Записки», — Слабыя статьи послѣднихъ книгъ этого журнала. — Переводъ Иліады для образованной публики. — Какъ объясняются боги и герои у г. Ордынскаго. — Елена Аріянка. — Прощаніе Гектора съ Андромахой. — Шиллеръ, Гомеръ и г. Ордынскій. — *Гостинницы въ древности.* — *Китай въ 1849 и 1850 году.* — *Святки* — г. Михайлова. — *Огненный змѣй* — г. Авдѣева и его крестьяне. — *Дина* — г-жи Т. Ч; характеры и событія этого романа.— Дѣвушки должны выходить замужъ не раньше тридцати лѣтъ. — Невыдержанные характеры и невозможныя приключенія. — Какой урокъ можно почерпнуть изъ похожденій Нади. — Неровность слога. — Ноябрская книга «Сына Отечества» и мартовская «Библіотеки для Чтенія». — Иногородный Подписчикъ исчезъ изъ этого нумера. — Мартовская книга «Современника». — *Набѣгъ.* — Сухія и незанимательныя статьи. — Стихотворенія. — Пустой человѣкъ и его сужденія о музыкѣ. — Замѣтки о французскихъ журналахъ по поводу русской журналистики. — Портретъ редактора журнала *le Voleur* въ pendant къ портрету редактора *Revue des deux mondes.*

Четыре книги толстыхъ ежемѣсячныхъ журналовъ и пятая худощавая.—Двѣ книги «Отечественныхъ Записокъ» одна «Современника» одна «Библіотеки для Чтенія», и одна, худощавая, «Сына Отечества», вотъ о чемъ должны мы нынче говорить съ читателями. И между тѣмъ бесѣда наша будетъ недолга, или, по-крайней-мѣрѣ, весьма не о многихъ статьяхъ этихъ журналовъ придется намъ говорить подробно.

Первое мѣсто «Отечественнымъ Запискамъ». Есть господа, которымъ не нравится, что мы хвалимъ этотъ журналъ; имъ казалось-бы гораздо натуральнѣе, чтобы мы хвалили «Пантеонъ», какъ они выхваляютъ сами свои собственныя произведенія, или изданія, или, по-крайней-мѣрѣ, хвалили-бы такіе журналы, которые, напримѣръ, выходятъ въ нынѣшнемъ году за прошлый. Признаемся, что не можемъ слѣдовать въ этомъ

случаѣ примѣру этихъ господъ, не можемъ даже, увы! говорить и объ изданіяхъ, объ которыхъ хорошаго сказать нельзя, а замѣчать промахи лицамъ, увѣреннымъ въ своей непогрѣшимости, было-бы напрасно. Есть литературныя мнѣнія, которыя опровергать также странно, какъ, напримѣръ, странно было-бы вооружаться противъ мнѣнія лица, которое хочетъ доказывать, что бѣлое черно, а черное бѣло.

Намъ вообще и всегда гораздо пріятнѣе говорить о хорошемъ, нежели о слабомъ, и мы очень рады, что при разборѣ «Отечественныхъ Записокъ» намъ чаще приходиться хвалить, нежели порицать. Думаемъ, что этому одинаково должны бы радоваться лица, которымъ дороги успѣхи русской литературы. Да и могутъ-ли судить о литературѣ тѣ, которые печатно хвалятся тѣмъ, что никогда не читаютъ русскихъ журналовъ, а только изрѣдка заглядываютъ въ нихъ, когда пріятели укажутъ на какую-нибудь статью. Кто-же виноватъ, если пріятели этихъ «строгихъ цѣнителей и судей» стараются видѣть въ журналахъ однѣ слабыя статьи, а въ самыхъ статьяхъ видятъ часто даже то, чего въ нихъ вовсе не было? И зачѣмъ эти цѣнители такъ слѣпо довѣряютъ своимъ пріятелямъ? Есть, конечно, и въ журнальномъ дѣлѣ занятія болѣе интересныя, болѣе практическія, положительныя, но намъ кажется, не мѣшало бы иногда заглядывать и въ современную журналистику, тому, кто имѣетъ претензію быть литераторомъ, соблюдающимъ чистоту слога.

Что́, напримѣръ, могли-бы мы осудить въ двухъ послѣднихъ книжкахъ «Отечественныхъ Записокъ»? Романъ Самюэля Варрена, *Тяжба*, немного растянутый и скучный; неинтересный отвѣтъ г-на Баталина г-ну Андрееву на его критику Химической Технологіи г-на Ильенкова; нѣсколько незанимательныхъ подробностей, относящихся къ техникѣ мануфактуръ, въ статьѣ, впрочемъ, очень любопытной, г. Небольсина: «Разсказы проѣзжаго о странствованіяхъ по Заволжью, Уралу и Волгѣ» и наконецъ—продолженіе весьма не естетическаго перевода Иліады. Послѣдній трудъ въ-особенности поражаетъ насъ съ каждой новой рапсодіей совершеннымъ отсутствіемъ изящества, хорошаго слога и языка, которымъ говорятъ въ порядочномъ обществѣ. Новый Поэтъ рекомендуетъ этотъ переводъ любителямъ *веселаго* чтенія. Признаемся, что мы не въ состояніи смѣяться надъ этими богами и героями древности, которыхъ мы привыкли воображать себѣ типами строгой, пластической эллинской красоты, и которые у г-на Ордынскаго объясняются, какъ офёни, подгулявшіе на праздникѣ. Намъ тяжело слышать, когда Зевесъ говоритъ Марсу: «А нуте-ка, вы тамъ этакій супостатъ; или упрекаетъ Юнону въ томъ, что она хочетъ «съѣсть сырьемъ Пріама и дѣтей его», а та отвѣчаетъ ему: «Какъ это ты хочешь *напрасными*

положить труды мои; вѣдь меня Кронъ криворазумный родилъ старѣйшею. Повели Аѳины устроить такъ, чтобы трояне первые *противно* клятвѣ *задьли* Ахеевъ.»

Въ отвѣтъ на очень дѣльныя замѣчанія г. Ф., помѣщенныя въ «Москвитянинѣ», касательно невѣрности перевода Иліады, г. Ордынской говоритъ между-прочимъ, что онъ переводитъ ее *для образованной публики*. Нежели *образованная публика*,—не говоримъ объясняется такимъ-образомъ, но можетъ находить правильными и изящными такія фразы и обороты: пообѣтуй Аполлону, дочь Зевеса Добьяница, что̀ вы одурѣли словно неблюи (въ примѣчаніи сказано, что неблюй значитъ молодой олень); мѣдь резунья, звѣровщикъ, сыновья Фенона меньшака, чужой чужбининъ, лукомъ боговъ крушитъ на Еллинѣ домы имущихъ, попались вы въ сѣть всехватную, вѣнутъ вѣтры; подняла Ахеевъ Афина съ переполохомъ (что̀ это за божество не знаемъ, точно также какимъ-образомъ на нихъ, по увѣренію г. Ордынскаго, были *сбруи* мѣдныя; возили, что-ли кого-нибудь на себѣ эти Ахеи неизвѣстно), въ мысляхъ имѣя быть ему отъ Энея ухожену, (чисто русская фраза); дашь ты мнѣ похвальбу, а Анду, конями славному душу, Геро-матерь богиня, былъ же при ней безстыдный Кидѣмъ сопостатства (этого ужъ, вѣроятно, не пойметъ рѣшительно никто), упалъ онъ съ колесницы въ прахъ головою, *на темя плечами* (какъ это его,—говоря языкомъ г. Ордынскаго,—*угораздило* такъ упасть—не понимаемъ), велѣлъ Аргеямъ сюда скучиться, спозналъ, что Ахей въ битвѣ царюетъ, тутъ-бы *доняли* троянъ Ахеи, *вобрались-бы* трояне по трусости въ Илій, химера страшно пышала огнемъ палящестымъ. Гекторъ говоритъ своей матери *доброхотной*: не подноси мнѣ вина, честна мать, *обезножишь* меня. Мать эту г. Ордынскій называетъ то Гекабой, то Гекавой,—Гекубой никакъ нельзя, потому-что всѣ ее такъ называютъ; вмѣсто падать ницъ, пишетъ падать *ничь*; увлеченный мнимо-народнымъ, сказочнымъ духомъ, риѳмуетъ даже мѣстами эпитеты, какъ напримѣръ: «двѣнадцать коровъ годовалыхъ, подъ ярмомъ небывалыхъ» или «лютаго воителя, крѣпкаго переполоху устроителя. Крѣпость въ Иліонѣ называетъ *кремлемъ*, вѣроятно на томъ основаніи, что трояне были славяне; наконецъ, что̀ всего забавнѣе, Елену называетъ *аріянкою*, точно она держалась секты Арія. И между-тѣмъ обороты, противные духу русскаго языка, странные, неправильные по грамматикѣ, продолжаютъ у него испещрять каждую страницу. Онъ пишетъ: «Сойди Паридъ въ домъ Анда; *избыла-бы* вѣрится мнѣ душа моя бѣды нерадостной; конь стоялый; по̀ вѣтеръ разрѣшилъ руки — ноги его (вмѣсто убилъ); корабль многозамочный; Зевесъ съ Иды блюдущій; вражда душу ядущая; у Гектора сердце ёкало; львы сыроядные

(переводчикъ вѣроятно хотѣлъ сказать мясоядные, потому-что и козлы ѣдятъ сырую траву, и потому могутъ-быть названы сыроядными). Пока было утро и *росъ* день, *дотуда* летали стрѣлы. Убойное мѣсто; *угодилъ* въ грудь у сосца *вознику*; сыпали на нихъ стрѣлы *плачевныя;* Ирида *буреногая* (ужъ лучше бы *буреная*, чисто простонародное слово, до которыхъ г. Ордынскій такой охотникъ), Атреичъ, кручиною великою *издоленный*; злоба *дмитъ* сердца людей. Альціону онъ называетъ, оригинальности ради, Галкіоной; наконецъ, въ извѣстной сценѣ прощанія Гектора съ Андромахой есть у него слѣдующая, совершенно непонятная фраза: «Гекторъ звалъ сына Скамандріемъ, а прочіе Астіанактомъ; а потому звали хитіанактомъ: одинъ Гекторъ оборонялъ Илій.»

Останавливаемся на этой сценѣ, приведя только десятую долю странныхъ выраженій, г. Ордынскаго. Этой сцены намъ болѣе всего жаль. Она такъ хороша въ подлинникѣ. Читая ее, мы вспомнили превосходное стихотвореніе Шиллера, Hectors Abschied, которое онъ очень любилъ и нѣсколько разъ передѣлывалъ. Это, конечно, не переводъ стиховъ Иліады, но въ стихотвореніи Шиллера, внушенномъ знаменитою сценою прощанія, гораздо лучше и яснѣе видѣнъ Гомеръ, чѣмъ въ шероховатой прозѣ г. Ордынскаго. Даже тяжелый, напыщенный стихъ Гнѣдича въ этой сценѣ дѣлается мягокъ и звученъ, начиная со словъ Гектора:

.... Сердца о мнѣ не круши ты безмѣрной печалью
Въ гробъ не сведетъ меня смертный прежде сужденнаго рока.
Рока-жъ избѣгнуть не можетъ, я мыслю, никто земнородный,—
Храбрый то мужъ или робкій,—ему онъ съ рожденья назначенъ.

Новый Поэтъ приводитъ по поводу перевода г. Ордынскаго нѣсколько стиховъ, которые примѣняетъ къ Иліадѣ и говоритъ:

«Чистѣйшій образецъ безсмертной красоты
Неувядающей Эллады

О! что сдѣлалъ съ тобою г. Ордынскій?!» Совѣтуемъ Новому Поэту прочесть стихи Шиллера, которые получше приводимыхъ имъ и ближе напоминаютъ Гомера. Въ первыхъ изданіяхъ Шиллера, стихотвореніе это начинается такъ:

Will sich Hector ewig von mir scheiden
Wo Achill mit den unährbar'n Händen
Dem Patroclus schrecklich' Opfer bringt?
Wer wird künftig deine Kleine lehren
Speere werfen und die Götter ehren
Wenn der finstre Orkus dich verschlingt?

Не можемъ не привести кстати перевода этого стихотворенія, который не былъ еще напечатанъ и хотя не такъ близокъ къ подлиннику, но вѣрно передаетъ духъ его:

Навсегда меня мой Гекторъ покидаетъ!
Онъ туда, спѣшитъ, гдѣ тризну совершаетъ
По убитомъ другѣ горестной Ахиллъ,
Кто-жъ защитой будетъ дѣтямъ отъ злодѣевъ,
Если грозный, кровожадный сынъ Пелеевъ
Умертвитъ того, кто больше всѣхъ мнѣ милъ?

—

— Не рыдай, мой другъ, отри слезу печали!
Храбрость, силу мнѣ и твердость боги дали,
И они однѣ спасаютъ Иліонъ.
Кто умретъ, свою отчизну защищая,
Ждетъ того въ Элизіумѣ жизнь благая,
И изъ смертныхъ всѣхъ счастливѣй будетъ онъ.

—

— Удержать тебя ни разу ни старалась;
Если въ бой ты шелъ — въ душѣ я восхищалась,
Но сегодня вѣщій сонъ страшитъ меня:
Истребится родъ царя Пріама славный,
Онъ погибнетъ самъ съ семьей своей державной, —
Вотъ что̀ видѣла во снѣ и въ грезахъ я.

—

— Не тревожь себя мечтой пустаго страха,
Не забудь, мой милый другъ, ты Андромаха!
Будь достойною подругою моей.
Боги Гектора супругу не оставятъ,
Люди память въ битвѣ павшаго прославятъ,
Будетъ помнить міръ меня до позднихъ дней.

—

— Грусть злодѣйка Андромахи сердце гложетъ.
Гекторъ мой! меня и смерть твоя тревожитъ
И что въ Летѣ вся любовь умретъ твоя.
О, возьми меня изъ города съ собою
Пусть паду на полѣ битвы я съ тобою,
Пусть въ Аидъ сойду съ героемъ вмѣстѣ я.

—

— Нѣтъ! одинъ съ врагомъ я иду сражаться!
Ты должна съ Пріамомъ горестнымъ остаться,
Утѣшать, когда онъ духомъ упадетъ.
Шлемъ и щитъ!.. Вдали я слышу шумъ сраженья!
Въ Летѣ всѣ мои потонутъ помышленья,
Но любовь моя и въ Летѣ не умретъ!

Кромѣ перевода Иліады и замѣченныхъ нами выше слабыхъ статей, всѣ остальныя въ двухъ послѣднихъ книгахъ «Отечественныхъ Записокъ» чрезвычайно интересны и разнообразны. Таковы изъ серьозныхъ статей: «Географическія извѣстія о древней Россіи», въ которыхъ приведены въ систему всѣ свѣдѣнія, почерпнутыя у иностранныхъ писателей, писавшихъ о географіи Россіи; напрасно только ученый авторъ не переводитъ приводимыхъ имъ латинскихъ цитатъ. Не всякій обязанъ понимать такой латинскій языкъ, bassa latinitas, какимъ писаны напримѣръ извѣстія Мандевиля. «Гостинницы въ древности» также прекрасная статья. Замѣтимъ только почтенному автору статьи, что если онъ имѣлъ причины не перевести слова laeno, то avàx можно было бы перевести немножко понятнѣе *анакта*. Переводъ и объясненіе стихотворенія *Трактирщица* очень хороши. Но въ стихахъ Адріана къ Флору послѣдняго стиха второй строфы:

Culices pati rotundos

никакъ нельзя перевести:

И терпѣть отъ крупныхъ мошекъ.

Напрасно также авторъ употребляетъ безо всякой нужды слово *культъ* и еще страннѣйшее *коньектура*.

Статьи: «Китай въ 1848 и 1849 годахъ» и «Дневникъ камеръюнкера Берхгольца» интересны въ высшей степени. Въ первой статьѣ встрѣчается только нѣсколько неправильныхъ словъ и выраженій. Если можно сказать *ворожей*, то ни въ какомъ случаѣ не говорится: *охрана* народа, или: пушки *съизнова* не были хороши, вмѣсто *новыми* не были хороши. Отдѣлъ Иностранной Литературы также очень занимателенъ, въ-особенности Преданія объ Атиллѣ. Новости Наукъ, Искусствъ и Литературы — свѣжи и разнообразны. Критика и Библіографическая Лѣтопись составлены со знаніемъ дѣла и добросовѣстно. Не можемъ не замѣтить только, что въ разборѣ ученыхъ книгъ попадаются иногда нѣсколько изысканныя фразы, въ родѣ: «Древній міръ дошелъ до единства подъ римскимъ знаменателемъ», или «Развитіе въ русской ученой литературѣ будетъ тѣмъ могущественнѣе, чѣмъ явственнѣе будетъ знаменоваться на ней печать науки». «Выправка нѣкоторыхъ біографическихъ извѣстій о Гоголѣ» и «Разсказы проѣзжаго» очень любопытны. Шепнемъ только г. Небольсину, что *бихроматъ* по-русски переводится двухромокислая соль, а *кронъ* значитъ раковинистый известнякъ или фалунъ.

Послѣ серьозныхъ статей обратимся къ отдѣлу словесности. Въ

послѣднихъ книгахъ помѣщены три разсказа: *Святки*, М. М. Михайлова, *Огненный змѣй*, М. В. Авдѣева, и окончаніе романа *Дина*, г-жи Т. Ч. Всѣ эти статьи стоятъ того, чтобы объ нихъ поговорить поподробнѣе.

Святки одинъ изъ самыхъ граціозныхъ разсказовъ, которые намъ случалось читать на русскомъ языкѣ. Отъ него вѣетъ поэзіею тихой, деревенской жизни, преданьями временъ и обычаевъ, изглаживающихся съ каждымъ годомъ. Содержаніе разсказа очень просто: десятилѣтній мальчикъ проводитъ святки у старой бабушки; воспитанницы бабушки гадаютъ, слушаютъ сказки и пѣсни, пугаютъ ребенка букою. Мирная жизнь прерывается пріѣздомъ воспитанника бабушки, скромнаго, незатѣйливаго Сашеньки; между нимъ и одной изъ воспитанницъ слаживается даже свадьба, безъ особой любви, но зато и безъ печали; свадьба едва нарушаетъ обычный ходъ этой покойной жизни. Все это разсказывается мальчикомъ просто, гладко, безъ претензій. Но въ этомъ безъискусственномъ разсказѣ есть множество превосходныхъ подробностей, поэтическихъ описаній, и надъ всѣмъ этимъ возвышается граціозная фигура Олиньки, героини разсказа. Чтобы познакомить съ нимъ хоть нѣсколько читателей «Пантеона», выписываемъ одну страницу, дающую понятіе о слогѣ и манерѣ автора:

«....Я какъ теперь вижу Устинью: ея сморщенное, желтое лицо, тусклые глаза, лобъ весь почти завѣшенный прядями сѣдыхъ волосъ, тонкія и блѣдныя губы, всю сгорбленную, тощую фигуру ея, обтянутую узкимъ сарафаномъ изъ синей крашенины. Опершись на ладони обѣихъ рукъ подбородкомъ, вперивъ внимательные глаза въ разскащицу, я слушалъ ее, боясь проронить и словечко, и трепетало и замирало мое сердце. Дрова въ печи трещатъ, сыпля по временамъ на полъ мелкія искры; вѣтеръ гудитъ въ трубѣ и качаетъ въ саду длинныя ели, и ели бьются своими иззябшими вѣтками въ замерзшія, узорчато-льдяныя стекла оконъ; кошка, свернувшись у печки въ комокъ, монотонно мурлычитъ; веретено прыгаетъ по полу, жужжитъ и словно лепечетъ что-то, нитка свиститъ, проходя между худыхъ и сухихъ пальцевъ старухи... и подъ эти звуки, полные какого-то неотразимаго обаянія и таинственной прелести для младенческаго сердца, сказка переплетается со сказкой, не по часамъ а по минутамъ растутъ и выростаютъ герои давняго, туманнаго времени, и смѣняются одинъ другимъ, въ тихой, мѣрной, непрерывно льющейся рѣчи, просто и ясно развивающейся въ чудные эпосы. По временамъ, когда приходится выразить въ сказаніи чью-нибудь мольбу, чей-нибудь плачъ, грусть неволи, память старой свободы, или безвыходное отчаяніе погибели, старуха уже не говоритъ

а тихо, заунывно напѣваетъ, и этотъ разбитый голосъ, поющій мѣрную тоническую рѣчь, охватываетъ всего меня тревогой Словно вижу я, какъ несется могучій конь съ могучимъ всадникомъ, застилая хвостомъ поля, пропуская рѣки между копытъ, облака ходячія недвижны надъ нимъ, лѣса стоячіе назадъ уходятъ... какъ лежитъ удалой богатырь на сырой землѣ, припалъ къ ней ухомъ и слышитъ погоню за собой; и плачетъ царевна сидя въ сѣдлѣ, и молитъ своего друга помочь горю; и нѣтъ уже ни богатыря, ни царевны, ни коня, а стоитъ либо церковь съ колокольней, да со старымъ чернецомъ, либо избушка съ колодцемъ да съ дровосѣкомъ... какъ въ дремучемъ, непроглядномъ лѣсу разбойники добычу дѣлятъ, рѣжутъ по локоть бѣлую руку у красной дѣвицы, бражничаютъ и поютъ буйныя пѣсни, или идутъ на кровавый пиръ съ кистенями, да съ ножами... какъ сидитъ въ темной избушкѣ царевичъ, что царевну свою выручаетъ, и ждетъ часу ночнаго; и вотъ летитъ къ избушкѣ двѣнадцати-главый змій, летитъ змій и пышетъ пламенемъ изъ двѣнадцати гортаней; да не робокъ царевичъ и востеръ у него ножъ и душа его вольная праведна... Умолкаетъ веретено, умолкаетъ говоръ старухи, только дрова по прежнему трещатъ, да вѣтеръ гудитъ. Но вотъ Устинья почесала у себя за ухомъ веретеномъ, прицѣпила на гребень новую мочку, и опять начинаетъ прясть свою пряжу и разсказывать о томъ, какъ тросточка лѣсная поетъ надъ могилой человѣчьимъ голосомъ о сестрѣ, загубленной сестрою за золотое монисто, да за перышко фениста... о томъ, какъ Иванушка не послушался сестрицы своей Алёнушки, напился водицы изъ лужицы и сдѣлался козелкомъ, сгубилъ и себя, и сестру... какъ потомъ плачетъ онъ и кличетъ сестрицу со дна рѣчнаго: хотятъ его козла колоть, блестятъ ножи булатные, шипятъ котлы кипучіе; и на мгновенье выглядываетъ изъ водъ головка утопленицы и грустной пѣсенкой отвѣчаетъ дорогому брату:

«Иванушка, родименькой!
Не выплыть мнѣ, не вынырнуть:
Горючь камень ко дну тянетъ,
Люта змѣя сердце сосетъ.»

И впереди всѣхъ этихъ миѳическихъ образовъ, обступающихъ меня при воспоминаньи объ Устиньѣ — птичницѣ, является мнѣ она сама, какъ одно изъ чудныхъ видѣній туманнаго сказочнаго міра.»

Единственный недостатокъ этого разсказа состоитъ въ томъ, что онъ явился послѣ *Исторіи моего дѣтства* и напоминаетъ немного этотъ разсказъ, лучшій изъ помѣщенныхъ въ «Современникѣ» прошлаго

года. *Огненный змѣй*, г. Авдѣева также разсказываетъ одно изъ преданій старины. Содержаніе разсказа тоже немногосложно, и все заключается; въ эпиграфѣ: «По поднебесью летитъ онъ, злодѣй, шаромъ огненнымъ по землѣ разсыпается горючимъ огнемъ, въ теремѣ красной дѣвицы становится молодымъ молодцомъ несказанной красоты. Сушитъ, знобитъ онъ красну дѣвицу до истомы». Но какъ написанъ этотъ разсказъ, какъ хороши въ немъ крестьяне и ихъ бытъ, какою настоящею русью вѣетъ отъ него, какъ безукоризненно вѣрны и занимательны всѣ подробности, всѣ сцены и характеры этого разсказа, — все это нельзя пересказать словами, а для того, чтобы познакомить читателей съ разсказомъ, надобно было-бы привести его весь, цѣликомъ, что, конечно невозможно. Мы думали было, что лучше господина Григоровича нельзя изобразить нашихъ крестьянъ и деревенскій бытъ, но г. Авдѣевъ сталъ въ этомъ отношеніи выше Григоровича; у послѣдняго крестьяне иногда идеализированы; у г. Авдѣева они совершенно вѣрны дѣйствительности. Намъ не нравится только начало повѣсти, составляющее введеніе: оно слишкомъ фельетонно для такого прекраснаго разсказа.

Въ третьей книгѣ конченъ также романъ *Дина*. Разскажемъ подробно содержаніе этого страннаго произведенія.

Въ одномъ уѣздномъ городкѣ умираетъ не богатый человѣкъ. У него остается жена Клавдія Николаевна и четверо дѣтей: Павелъ, Варинька, Надя и Миша. Старшую дочь, Варю, беретъ къ себѣ на воспитаніе старая графиня, бывшая подруга Клавдіи Николаевны; младшую дочь, Надю, бѣдная гувернантка, которая хочетъ передать со временемъ свои обязанности молодой дѣвушкѣ. Павелъ поступаетъ въ медицинскую академію, и дѣлается докторомъ. Мишеля отдаютъ въ академію художествъ. Всѣ дѣти Клавдіи Николаевны, разбросанные случаемъ въ разныя стороны и по разнымъ дорогамъ, обѣщаютъ собираться у нея по вторникамъ, всякій разъ, когда имъ позволятъ обстоятельства. Это составляетъ прологъ романа.

Самый романъ начинается описаніемъ жизни Вареньки и графини Сары. Въ Москвѣ, въ домѣ графини живутъ еще два ея воспитанника, дальніе родственники, Радуцкій, свѣтскій, вѣтренный человѣкъ, и Васильевъ, чахоточный, благородный, образованный, съ сильными чувствами, твердымъ характеромъ. Молодые люди оба любятъ Вареньку; но одинъ отъ нечего дѣлать, изъ каприза, по тщеславію, другой искренно и глубоко. Дѣвушка не привязана особенно ни къ кому изъ нихъ. Сердце говоритъ ей, что любовь Васильева истиннѣе и можетъ составить ея счастіе, но у Вареньки слабый, нерѣшительный характеръ. Радуцкій дѣйствуетъ лучше, какъ человѣкъ опытный; эта *партія* гораздо

лучше для Вареньки, и она выходитъ замужъ за Радуцкаго, хотя прежде почти дала слово Васильеву. По поводу этого брака авторъ говоритъ:

«Справедливость требуетъ сказать, что мало женщинъ, которыя-бы взглянули съ серьозной стороны на бракъ.... Вина не въ натурѣ ихъ, а въ раннемъ замужствѣ и въ недостаточности воспитанія. Вѣдь дѣтямъ доступна только внѣшность предметовъ, а женщины тѣже дѣти. На много-ли женщины ушли отъ дѣтей въ своихъ заключеніяхъ? Шаткость сужденій и недостаточность ихъ, а главное, неправильность воззрѣній, имѣютъ вліяніе на всю жизнь женщины. Уму женскому доступна внѣшность предметовъ, и внѣшняя жизнь найдетъ у нихъ правильную оцѣнку. Поэтому и бракъ разсматривается ими съ внѣшней стороны. Бракъ никакъ не можетъ быть цѣлью жизни въ раннюю пору молодости; онъ кажется тогда одною только изъ тѣхъ ступеней, по которымъ должна пробѣжать нарядная жизнь.... Несчастія бо́льшей части женщинъ въ ихъ же ложномъ взглядѣ на жизнь и въ ранновременомъ замужствѣ.»

Вскорѣ послѣ брака, у Клавдіи Николаевны въ первый вторникъ сходятся ея дѣти: молодой докторъ, Варинька Радуцкая и Надинька, живущая у бѣдной гувернантки и приготовляющаяся занять ея мѣсто. Съ перваго появленія младшей сестры въ домѣ ея матери видно, что Надя будетъ героинею романа. Она выказываетъ чрезвычайно твердой характеръ и недовольна даже тѣмъ, что ея мать сдѣлала небольшое отступленіе отъ своихъ привычекъ и купила какихъ-то особенныхъ сухариковъ для старшей дочери. Эта черта не доказываетъ-ли уже черезъ-чуръ строгаго пуританизма. Кто слишкомъ твердъ, тотъ не слишкомъ сильно чувствуетъ. Мягкое сердце глубже принимаетъ впечатлѣнія и долѣе хранитъ ихъ. Замужняя сестра предлагаетъ потомъ Надѣ жить у нея. Надя отвѣчаетъ, что хочетъ имѣть свой кусокъ хлѣба, какъ-будто она не обязана всѣмъ своей гувернанткѣ, какъ-будто ей стыднѣе жить у сестры и быть обязанной ей, чѣмъ — постороннему лицу. За этимъ вторникомъ наступаютъ другіе, но Радуцкій является на нихъ уже рѣже и потомъ уѣзжаетъ въ Москву. Эта часть, заключающая въ себѣ мастерское описаніе жизни у графини Сары,—оканчивается описаніемъ визитовъ доктора къ своимъ больнымъ — главой прекрасной, но совершенно эпизодической и вовсе не нужной для хода романа, кромѣ послѣдней сцены однакоже, въ которой читатель знакомится съ Софьей Петровной, женою Константина Васильевича, очень странной женщиной, чрезвычайно нервической, почти визіонеркой, любившей нѣкогда скрипача Лейзера, привлекшаго ее къ себѣ магнетическо-симпатическою силою. Докторъ лечитъ эту больную съ особеннымъ усердіемъ и сильно къ ней привязанъ.

Вторая часть начинается главою: *странные люди и странная бо-*

лѣзнь; слѣдовало-бы прибавить и странная глава. Въ ней описываются магнетическія узы, соединявшія Софью Петровну и Лейзера. «Есть что-то родное для Софьи Петровны, — говоритъ авторъ, въ струнахъ его скрипки; онѣ вьются подъ томной ручкой такими же золотыми кольцами, какъ ея волосы, и ей вдругъ иногда покажется, что это не струны, а волосы ея, натянутые крѣпко, дрожатъ подъ чародѣйными звуками. Ходитъ смычокъ по золотымъ струнамъ, и ходитъ сладостный трепетъ по золотымъ волосамъ Софьи». Далѣе описывается концертъ въ уѣздномъ городѣ, на которомъ Софья Петровна, по сродству душъ, узнаетъ, что Лейзеръ въ эту минуту умеръ въ Петербургѣ; ей, разумѣется, дѣлается дурно; болѣзнь ея усиливается и докторъ везетъ ее въ Крымъ, подышать теплымъ воздухомъ. Въ этомъ же концертѣ поетъ Надя. Ее слышитъ одинъ меломанъ и музыкантъ, Модлинскій, приходитъ въ восторгъ отъ ея голоса и уговариваетъ ее ѣхать съ нимъ въ Италію, въ качествѣ компаньонки при его женѣ, для того, чтобы довершить музыкальное образованіе и сдѣлаться знаменитой пѣвицей. Надя соглашается ѣхать, несмотря на свою гордость, и прощаясь съ Васильевымъ, чувствуетъ, что любитъ его. По-крайней-мѣрѣ въ этомъ увѣряетъ авторъ; мы не видимъ ничего, что-бы доказывало эту любовь. Между-тѣмъ, докторъ ѣдетъ въ Крымъ со своей паціенткой. Мужъ ея беретъ съ него слово, что онъ привезетъ ее назадъ живую, или мертвую. Слѣдуетъ прекрасное описаніе нѣкоторыхъ мѣстностей Крыма; въ одной изъ нихъ больная умираетъ, и докторъ привозитъ ея тѣло къ мужу. И мужъ, и докторъ, и больная, и вся эта часть романа очень странны и мало интересны.

Третья часть начинается описаніемъ вечера у госпожи Фаваръ. Несмотря на имя французской актрисы, извѣстной своими пьесами, мы въ Россіи, и авторъ описываетъ нѣсколько лицъ тогдашняго общества. Это описаніе верхъ совершенства! Всѣ лица, являющіяся на этомъ вечерѣ, очерчены такъ вѣрно, остроумно, что ихъ, кажется, видишь передъ собою. На вечерѣ мы встрѣчаемся съ Радуцкими, которые уже давно разошлись, и знакомимся съ новымъ лицомъ — Максомъ де Вильеръ, ухаживающимъ за Радуцкой и потомъ даже компрометирующимъ ее. Эта холодная, эгоистическая фигура также нарисована кистью мастера. Потомъ мы переносимся къ доктору. Онъ лечитъ Васильева также безуспѣшно, какъ лечилъ Софью Петровну. Васильевъ получаетъ письмо изъ-за границы, отъ Нади. Она узнала, что онъ очень болѣнъ и предлагаетъ вернуться, чтобы ухаживать за нимъ. Это единственное мѣсто романа, изъ котораго можно заключить, что Надя любитъ Васильева; но доказываетъ ли еще и этотъ поступокъ ея любовь? Письмо ея слишкомъ риторично; въ немъ

больше говорится о родинѣ, о жаждѣ видѣть своихъ родныхъ. Вотъ для примѣра одна фраза изъ письма: «Предо мною встаетъ страшилищемъ разстояніе; эта *адская* сила—чувство дали гнететъ меня, давитъ, сосетъ сердце вмѣстѣ съ тоскою по родинѣ, которую я такъ усердно *глушу* своей безконечной дѣятельностью». И потомъ, зная Васильева, Надя могла быть увѣрена, что онъ не потребуетъ ея возвращенія, не имѣя на то никакого права и не желая связать судьбу молодой дѣвушки съ судьбою умирающаго. Еслибы она точно любила его, то могла бы пріѣхать, а не писать письма, которое не должно было повести ровно ни къ чему.

Слѣдующая глава переноситъ насъ въ Италію. Надя поетъ партіи примадонны во всѣхъ лучшихъ операхъ, и приводитъ всѣхъ въ восторгъ подъ именемъ синьоры *Дины*. Ее преслѣдуютъ въ одно и тоже время своею любовью—учитель ея—Модлинскій и Максъ де-Вильеръ; перваго она отвергаетъ съ презрѣніемъ, втораго не прочь бы полюбить, но узнаетъ о его прошедшемъ и также отвергаетъ. Потомъ, наскучивъ славою и успѣхами, оставляетъ сцену и возвращается въ Россію.

Въ слѣдующей главѣ мы опять въ уѣздномъ городкѣ, на вторникѣ у Клавдіи Николаевны. Радуцкая, оставившая свѣтъ и оставленная свѣтомъ, живетъ у матери. Надя также; она учитъ дѣтей сестры. Миша уже кончилъ академическій курсъ и сдѣлался скульпторомъ; онъ живетъ тутъ же. Пріѣзжаетъ новое лицо— жена старшаго брата, доктора. Какъ и зачѣмъ женился докторъ — и въ добавокъ еще на совершенно пустой женщинѣ—онъ, который, зналъ людей и могъ, кажется, сдѣлать хорошій выборъ, — все это покрыто мракомъ неизвѣстности. Вѣтренная докторша уговариваетъ Радуцкую ѣхать въ маскарадъ, гдѣ будетъ одинъ пріѣзжій иностранецъ, Максъ де Вильеръ,—тоже неизвѣстно, какъ попавшій въ этотъ городъ. Всѣ женщины ѣдутъ въ маскарадъ; Надя послѣ и тайно отъ другихъ. Тамъ докторша и Радуцкая берутъ обѣ разомъ подъ руки Макса; Радуцкая обѣщаетъ ему все простить и забыть, докторша сильно любезничаетъ съ нимъ. Вдругъ Надя вдали снимаетъ маску; онъ бросается къ ней; она увертывается, потомъ опять подходитъ къ нему въ маскѣ, заставляетъ проводить себя, посадить въ карету, и снявъ еще разъ маску, въ то время, когда карета уѣзжаетъ, кричитъ ему: Прощай, ищи меня, Максъ! Рѣшительно не понимаемъ цѣли этой странной, ни къ чему не ведущей сцены, самой слабой въ романѣ. Что-же было бы, еслибы Максъ догадался побѣжать за каретой, вскочить на запятки и узнать, гдѣ живетъ Дина,—что очень легко можно было сдѣлать?

Слѣдующая за тѣмъ глава происходитъ въ Лейпцигѣ. Надя живетъ

тамъ съ своимъ меньшимъ братомъ Мишелемъ, котораго повезла за границу для того, чтобы онъ усовершенствовался въ скульптурѣ. Молодой художникъ приготовилъ для выставки во Флоренціи статую Полимніи и оканчиваетъ другую—Сафо. Въ этой работѣ помогаетъ ему Надя, вмѣстѣ съ тѣмъ занимающаяся также и живописью. Героини старыхъ романовъ бывали всегда совершенствомъ во всѣхъ родахъ и отличались во всѣхъ искусствахъ. Надѣ уже двадцать-восемь лѣтъ, — ни больше, ни меньше, какъ говоритъ авторъ, что́ мы принимаемъ къ свѣдѣнію. Ее любитъ весьма разсудительный и положительный молодой человѣкъ Стабеньевъ, сосѣдъ ея. Она его, кажется, также любитъ, хотя любовь эта немножко странна и очень спокойна; впрочемъ, можетъ-быть, въ двадцать восемь лѣтъ дѣвушки любятъ именно такимъ образомъ. Намъ не двадцать-восемь лѣтъ и мы не дѣвушка, и потому судить объ этомъ не можемъ. Какой-то любитель предлагаетъ Мишелю свезти его статую во Флоренцію на выставку. Художникъ соглашается и отпускаетъ безъ себя и съ незнакомымъ человѣкомъ свою статую, что́ также весьма не правдоподобно. Носильщики, по неосторожности, разбиваютъ статую; молодой человѣкъ умираетъ съ горя. Дина уѣзжаетъ въ Россію. Слѣдуетъ эпилогъ, изъ котораго мы узнаемъ, что Клавдія Николаевна умерла, что въ ея домикѣ живутъ мирно и спокойно обѣ сестры, и что къ нимъ часто пріѣзжаетъ Стабеньевъ, женихъ Дины, которая, если сосчитать все время, отъ ея пребыванія въ Лейпцигѣ, смерти брата и матери до замужства, должна выдти замужъ на тридцать первомъ или на тридцать второмъ году. Ранній бракъ можетъ иногда составить несчастіе женщины, но мы не думаемъ, чтобы было необходимо дожидаться, пока пойдетъ за тридцать—для совершеннаго счастія въ замужствѣ.

Мы представили самый подробный отчетъ о содержаніи *Дины* и если въ концѣ отступили нѣсколько отъ серьознаго тона разсказа, то потому, что конецъ очень слабъ и далеко не соотвѣтствуетъ началу романа. Что́ хотѣлъ сказать авторъ этого произведенія? Какая цѣль его? Для чего онъ придалъ такой характеръ героинѣ, заставилъ ее участвовать въ столькихъ странныхъ происшествіяхъ? Вотъ вопросы, на которые врядъ ли будетъ въ соотояніи отвѣчать авторъ *Дины*. Что въ немъ видно дарованіе, въ этомъ никто не станетъ сомнѣваться; но на что́ потрачено это дарованіе, къ чему вели всѣ эти сцены, изъ которыхъ бо́льшая половина прекрасны и занимательны и тѣмъ рѣзче отличается отъ другой половины—слабой и неестественной? Гдѣ общая нить, соединяющая всѣ событія разсказа? Неужели авторъ хотѣлъ имъ доказать только, что замужъ надо выходить тридцати лѣтъ?

Дина любитъ Васильева—зачѣмъ же она уѣзжаетъ отъ него? она

любитъ музыку? зачѣмъ она оставляетъ ее? Дину любятъ Васильевъ, Максъ, Модлинскій? зачѣмъ и куда исчезаютъ эти лица, судьба которыхъ интересуетъ зрителя? О смерти Васильева сказано мимоходомъ нѣсколько словъ, — неужели этого достаточно?... Если докторъ герой романа, что̀ можно заключить по черезъ чуръ уже длинному и мало интересному эпизоду его̀ любви къ Софьѣ Петровнѣ,—то зачѣмъ и докторъ исчезаетъ въ концѣ романа, и авторъ такъ опошлилъ его, женивъ на пустой женщинѣ, вовсе его не стоющей, и ничѣмъ не оправдавъ этого брака? Каждый отдѣльно взятый характеръ очерченъ довольно полно, но сойдясь вмѣстѣ, они дѣйствуютъ какъ-то странно, или слишкомъ скоро покоряются своей участи, какъ напримѣръ Модлинскій. Только одинъ характеръ въ цѣломъ романѣ не удовлетворяетъ читателя, кажется изысканнымъ и преувеличеннымъ, это сама Дина, которую авторъ отдѣлывалъ съ особенною любовью. Изъ нашего разсказа о содержаніи романа видна странность и, если можно такъ выразиться,—*неоправданность* многихъ ея поступковъ. Какой урокъ изъ ея похожденій можетъ извлечь дѣвушка, вообразившая себѣ, подобно ей, что у нея твердый характеръ? Развѣ не можетъ встрѣтиться въ жизни какая-нибудь Надя, которая вдругъ представитъ себѣ, что ея призваніе быть пѣвицей, музыкантшей, скульпторшей? которая оставитъ своихъ родныхъ изъ тщеславія, чтобы сказать, что она не хочетъ ничѣмъ быть имъ обязана, хочетъ имѣть свой кусокъ хлѣба, какъ-будто у родныхъ кусокъ этотъ — чужой и имъ нельзя оказывать также услуги, быть полезной въ самомъ скромномъ домашнемъ быту, за этотъ кусокъ? Развѣ не увидитъ эта дѣвушка въ каждомъ человѣкѣ, заботящемся о развитіи ея способностей и образованія, новаго Модлинскаго, не вообразитъ себѣ, что всѣ должны удивляться ей, влюбляться въ нее? Въ романѣ, Надя говоритъ прямо объ этомъ Модлинскому, и это доказываетъ, по-крайней-мѣрѣ, что у нея есть откровенность; въ жизни это сдѣлается гораздо мельче: не имѣя никакихъ доказательствъ, Надя можетъ заниматься только маленькими сплетнями, выставлять себя передъ добродушными подругами жертвою строгаго пониманія своихъ обязанностей, вѣрить всякой любезной дамѣ, думающей, что всѣ другія женщины достойны порицанія, пѣть всѣмъ и каждому, какъ Маргарита въ «Гвельфахъ»: Ah, si j'étais coquette!... Эта роль такъ льститъ самолюбію!... А между-тѣмъ героиня романа, сочиненнаго ею самою, будетъ попрежнему пользоваться добротою Модлинскаго, принимать отъ него всевозможныя услуги, потому-что — зачѣмъ же и не вытянуть что̀ можно изъ человѣка, на котораго мы въ тоже время немножко клевещемъ? Надя вообразитъ себѣ даже пожалуй, что она счастливитъ Модлинска-

го, принимая отъ него эти услуги; она и не поймётъ, въ простотѣ души, съ какимъ глубокимъ пренебреженіемъ будетъ оказывать ей эти услуги человѣкъ, знающій давно эти мелкія сплетни, но стоящій слишкомъ высоко, чтобы поставить ее въ непріятное положеніе, доказавъ ей всѣ мелочности и неблаговидность ея сплетней; но онъ чувствуетъ отвращеніе отъ этихъ дразгъ и мелочей, и только жалѣетъ о дѣвушкѣ, задумавшей сдѣлать себя героинею романа въ своей жизни и не понявшей ни истиннаго романа, ни истинной жизни.

Слогъ г-жи Т. Ч. блещетъ иногда яркими красками, неподдѣльными красотами, но вообще неровенъ, и мѣстами попадаются въ немъ шероховатости и неправильности, выраженія неточныя и изысканныя, напримѣръ: слеза *бродила* по ея рѣсницамъ, жизнь прошла *гульливо*, *совѣтчики*, она тѣшилась *несказанно; неуемчивость* характера; душа *подрыла* черезъ чуръ свою оболочку; она *зарыла* голову въ подушки; *отъединеніе* доктора было велико; тѣнь *подчинимости*; *засунувъ* глубоко руку въ волосы; *гоньба* за любовью, и проч. Мѣстами авторъ увлекается до того, что говоритъ вещи невозможныя, напримѣръ о статуѣ Мишеля: «Сафо, казалось, споетъ грустный сонетъ въ память уснувшаго творца своего». Но сонеты не поются и во времена Сафо вовсе не существовалъ этотъ родъ поэзіи. Характеръ Донъ-Жуана также ложно понятъ авторомъ, и мы совѣтуемъ ему прочесть, какъ Фелисіенъ Мальфиль опредѣляетъ этотъ типъ. Видно также, что авторъ блико знакомъ съ литературою Запада, что онъ читалъ *Консуэло*, *Донъ-Жуана* Гофмана, *Роллу* Бальзака. Слѣды этихъ писателей и произведеній замѣтны въ Динѣ.

И несмотря на всѣ недостатки этого романа, мы все-таки признаемъ въ авторѣ талантъ разнообразный, который можетъ создать образцовое произведеніе, хотя на этотъ разъ не сладилъ со своимъ сюжетомъ, не вдумался въ него, какъ слѣдуетъ, и слишкомъ поторопился кончить его.... или начать.

Отъ «Отечественныхъ Записокъ» перейдемъ къ «Сыну Отечества» и «Библіотекѣ для Чтенія». Какъ ни странно это сближеніе, но мы должны сказать, что мартовская книга «Библіотеки для Чтенія» очень похожа на ноябрскую «Сына Отечества» бѣдностью содержанія и неинтересностью статей. Въ «Сынѣ Отечества», нѣтъ русской повѣсти; окончаніе плохой французской; еще два маленькіе разсказа изъ которыхъ одинъ занялъ мѣсто въ отдѣлѣ наукъ (?!?). Въ отдѣлѣ Критики помѣщенъ коротенькій разборъ шести книгъ; въ Смѣси двѣ статейки и переводъ изъ нѣмецкаго журнала статьи о стихотвореніяхъ Лермонтова, давно уже помѣщенный въ нашихъ журналахъ; остальныя двѣ

трети книги заняты политикою. Вотъ все, что́ мы можемъ сказать ноябрской книгѣ «Сына Отечества».

Немного больше можемъ мы сказать и о «Библіотекѣ для Чтенія». Въ ней помѣщено продолженіе *Сосьда*, романа, который Литературная Лѣтопись такъ сильно рекомендуетъ своимъ читателямъ. Маленькая комедія Гр. Ростопчиной «*Ни тотъ, ни другой*», бездѣлка, не имѣвшая успѣха на сценѣ и не имѣющая его въ печати. Статья о Гумбольдтѣ, въ отдѣлѣ Наукъ, неинтересна, о Метеорахъ и аеролитахъ — не нова; антикритика на Теорію Кредита для большинства занимательна; въ Литературной Лѣтописи разборы книгъ сухи. Въ Смѣси семь статей переведены изъ газеты Voleur и двѣ изъ Museé des familles; наконецъ Музыкальныя извѣстія г. Дамке, въ которыхъ онъ отрекается отъ мнѣнія о превосходной игрѣ Контскаго въ прошлой книгѣ «Библіотеки для Чтенія», говоря, что оно принадлежитъ не ему и напечатано въ его статьѣ *по ошибкѣ*. Вотъ и вся мартовская книга этого журнала.

Болѣе всего удивило насъ въ этой книгѣ исчезновеніе Иногороднаго Подписчика.

Нарзанъ пить теперь не время, а, напротивъ, самая пора говорить любезности русскимъ журналамъ и судить такъ оригинально и учтиво объ русской литературѣ. Въ прошломъ нумерѣ нашего журнала мы, конечно, прощались съ Иногороднымъ Подписчикомъ, но никакъ не думали быть въ этомъ случаѣ такими вѣрными предсказателями.

Мартовская книга «Современника» также не очень разнообразна. Лучшія статьи въ ней: отрывки изъ Диккенсова журнала: Houschald Words. О романѣ г. Григоровича поговоримъ, когда онъ кончится. Разсказъ Н. Л., *Набѣгъ*, очень хорошъ, но это анекдотъ легкій очеркъ, а не повѣсть. Жизнь на Кавказѣ очерчена въ немъ очень вѣрно, но содержанія нѣтъ никакого. Въ отдѣлѣ Наукъ «Исторія французской эскадры» очень спеціальна; статья Минье, объ отреченіи Карла V коротка и неполна. Разборъ трудовъ Пекинской Миссіи и въ Библіографіи разборы семи книгъ показались намъ мало занимательны. Приводя какія-то стихотворенія, о которыхъ не стоило и упоминать, критикъ спрашиваетъ: «Для чего, люди, лишенные таланта, рѣшаются печатно свидѣтельствовать о томъ, посредствомъ изданія своихъ стихотвореній»? На этотъ вопросъ отвѣчать довольно трудно; но мы можемъ сдѣлать другой: для чего редакторы нѣкоторыхъ журналовъ даютъ на своихъ страницахъ мѣсто подобнымъ плохимъ стихотвореніямъ? Это еще страннѣе и непонятнѣе. Въ послѣднее время «Современникъ» съ особенною любовью печаталъ стихотворенія г. Гербеля, объ антипоэтическомъ достоинствѣ которыхъ мы не разъ говорили. Теперь этотъ журналъ помѣщаетъ стихи въ кото-

рыхъ Дантъ гуляетъ въ Венеціи — *съ змѣей въ груди* и слышитъ разговоръ двухъ женщинъ. Одна стара,

> У *той же* (по русски у другой) юной и пышноволосой,
> Какъ змѣй семья къ ногамъ сбѣгали косы

эта женщина говоритъ про Данта:

> Какъ страшенъ онъ, сей путникъ величавый!
> Какъ грозенъ видъ главы его курчавой:
> Небесный огнь ее какъ бы спалилъ.

Не говоримъ уже о звучности этихъ стиховъ и красотѣ выраженій, но намъ кажется, что если огнь взялъ уже на себя трудъ спалить эту главу, то она никакъ не могла оставаться курчавой.

Стихи г. *Майкова*, воспѣвающіе юношу, у котораго

> Голова весеннимъ
> Счастіемъ сіяетъ

также очень слабы. У этого даровитаго поэта можно было бы выбрать что-нибудь получше для напечатанія, а не первыя его произведенія. Третье стихотвореніе, начинающееся слѣдующими энергичными стихами:

> Душа мрачна, мечты мои унылы
> Грядущее рисуется темно,
> Привычки, прежде милыя, постыли
> И горекъ дымъ сигары. Рѣшено!

Послѣ этихъ стиховъ, въ которыхъ очевидно льстятъ нашему времени, упоминая о сигарѣ, играющей въ немъ такую важную роль, поэтъ, въ лирическомъ восторгѣ, произноситъ слѣдующіе стихи, гдѣ нѣтъ табачнаго дыма, но зато нѣтъ грамматики:

> Но поздно!... Я! Какъ путникъ безразсудный,
> Пустившійся въ далекій, долгій путь,
> Не соразмѣривъ силъ съ дорогой трудной
> Кругомъ все чуждо..., негдѣ отдохнуть.

гдѣ же глаголъ отвѣчающій дѣепричастію *соразмѣривъ*?

Въ *Смѣси* помѣщоны, кромѣ отрывковъ изъ Диккенсова журнала, недурная повѣсть Сувестра: «Смотритель надъ шлюзами», продолженіе статьи о Бомарше, письмо *Иногороднаго Подписчика* объ англійской литературѣ и журналистикѣ — очень интересное. Если бы *Иногородный Подписчикъ* говорилъ только объ англійской журналистикѣ и оставилъ въ покоѣ русскую, то и англійская и русская литература могли бы отъ этого остаться въ выигрышѣ. Иностранныя извѣстія также инте-

ресны. Четвертое письмо «пустаго человѣка» въ провинцію о петербургской жизни такое же, какъ и прежнія, хотя написано легко и остроумно. Пустой человѣкъ судитъ впрочемъ также очень легко о предметахъ, которые не мѣшало бы немножко изучить прежде, чѣмъ писать объ нихъ, или справиться, по-крайней-мѣрѣ, объ нихъ у общественнаго мнѣнія и свѣдущихъ людей. Говорить объ *Риголетто*, что въ этой оперѣ только нѣсколько хорошихъ нумеровъ и что она не произвела особеннаго эффекта, значитъ или невидѣть вовсе этой оперы, или вовсе не понять ее. Иногда наивность «пустаго человѣка» заставляетъ улыбнуться, какъ напримѣръ, въ слѣдующей фразѣ: «Я не помню, говорилъ ли я, въ предъидущемъ письмѣ, что въ бенефисъ г-жи Віардо шла Соннамбула!». Кому же и помнить объ этомъ, если не автору, и развѣ трудно наконецъ заглянуть въ прошедшую книгу, если и въ-самомъ-дѣлѣ позабылось это обстоятельство?

Новый Поэтъ въ своихъ замѣткахъ по поводу русской журналистики, говоритъ о французскихъ клакерахъ, и создаетъ особенный родъ *литературныхъ клакеровъ* въ журналистикѣ, которые хлопаютъ въ печати всему, чему приказываетъ начальникъ клакеровъ. Новый поэтъ приводитъ даже портретъ этого начальника изъ монографіи, написанной Эдмондомъ Тексье. Въ примѣчаніи поэтъ говоритъ, что французскій фельетонистъ, вѣроятно, описываетъ здѣсь Бюлоза, редактора *Revue des deux mondes*, который самъ никогда не написалъ ни одной строки. Но если интересенъ портретъ одного редактора, не написавшаго ни строчки, то портретъ другаго, не написавшаго ничего, кромѣ пустыхъ строчекъ еще интереснѣе. Переводимъ и этотъ портретъ; для полноты картины, изъ того самаго сочиненія, откуда Новый поэтъ взялъ своего господина Л*, и скажемъ отъ себя, что въ этомъ портретѣ рѣчь идетъ, вѣроятно, о редакторѣ журнала *Le bon-ton*.

«Этотъ журнальный аферистъ, человѣкъ очень ловкій и умный въ практическомъ смыслѣ, потому-что мастеръ издавать журналъ, не имѣя къ этому почти никакихъ средствъ — матеріальныхъ (объ умственныхъ мы уже не упоминаемъ). Онъ бы могъ также нажить порядочныя деньги, усчитывая немного своихъ сотрудниковъ, еслибы не былъ такой же мастеръ проживать ихъ въ Rocher de Cancale и другихъ парижскихъ увеселительныхъ мѣстахъ. Кромѣ дѣйствительно даровитыхъ сотрудниковъ, которымъ онъ очень плохо платитъ, г. этотъ имѣетъ сверхъ-того нѣсколько пріятелей, съ которыми пилъ на-*ты* въ разныхъ ресторанахъ, и произведенія которыхъ печатаетъ у себя въ журналѣ зато, что эти сотрудники кормятъ его обѣдами и поятъ шампанскимъ. Понятно, что при такихъ понятіяхъ о литературѣ, г. этотъ смотритъ на литературу, какъ

на пустяки, веселенькое занятіе отъ нечего дѣлать, въ свободные часы между обѣдомъ и ужиномъ. Отъ нечего же дѣлать онъ пописываетъ иногда легонькіе стишки, и такъ какъ въ сердцѣ его, занятомъ обѣдами, спекуляціями, нѣтъ мѣста поэзіи, то онъ въ стишкахъ своихъ занимается тѣмъ, что осмѣиваетъ всѣ произведенія и всѣхъ писателей, которыми гордится французская литература. Въ особенности онъ достигъ совершенства въ составленіи того рода сочиненій, которыя у насъ называются *reclame*. Онъ умѣлъ ввести *рекламы* даже въ свои романы, гдѣ вмѣсто лицъ дѣйствуютъ вѣшалки съ самыми новомодными фраками и париками отлично завитыми и разобранными назади по англійски. Свѣтскость конекъ этаго господина, и онъ явно печатаетъ, что не уважаетъ людей, одѣтыхъ не по модѣ. Самонадѣянность, заносчивость и нецеремонность этого редактора неподражаемы. Не входимъ въ подробности его частной жизни, въ которой онъ, тотъ же, какимъ является и въ литературѣ.»

Не выписываемъ болѣе, представляя себѣ со-временемъ возвратиться къ этому любопытному типу, и очертить его полнѣе и подробнѣе.

—

II. НОВЫЯ КНИГИ *.

Біографія князя Дмитрія Михайлолича Пожарскаго. *Сочиненіе Сергѣя Смирнова.* Москва, 1852. Въ университетской типографіи. Въ 8-ю д. л. 142 стран **.

О время, всепоглощающее время, не щадящее ни малыхъ, ни великихъ, ни безвѣстныхъ и славныхъ, ни малодушныхъ и героевъ! Твоею жестокою, сокрушительною пятою стираются съ лица земли крѣпкіе и прочные, повидимому, памятники, обширные, цвѣтущіе города, сильныя племена и цѣлые народы, нѣкогда вращавшіе судьбами человѣчества. И простой, любознательный путешественникъ, и копотливый, изыскательный археологъ съ трудомъ находятъ сомнительное мѣсто какой-нибудь громкой во дни оны Ниневіи.... задумчиво, уныло отдыхаютъ на пустынныхъ холмахъ, покрывшихъ многолюдные и шумные когда-то стогны

* Всѣ вновь издаваемыя на русскомъ языкѣ сочиненія, о которыхъ будетъ упоминаемо въ этомъ отдѣлѣ журнала нашего, желающіе могутъ выписывать (по цѣнамъ, означаемымъ въ примѣчаніяхъ къ заглавіямъ книгъ) изъ главной конторы «Пантеона», или изъ книжныхъ магазиновъ Ю. А. Юнгмейстера, П. А. Ратькова и П. И. Крашенинникова.

** Одинъ руб.; съ пересылкою 1 р. 25 к. сер.

гордаго Вавилона, красавицы Пальмиры.... Напрасно — невольно повторяешь — и поэтъ-туристъ, и важный ученый усердно отыскиваютъ, по терянныя въ преданіяхъ поколѣній, гробницы великихъ мужей древняго Рима или старой Греціи..... Гдѣ лоскутки земли, въ которыхъ истлѣлъ прахъ отравленнаго мудреца Сократа, его ученика Платона и любимца Алкивіада; гдѣ могилы Ксеркса и Александра Македонскаго, Семирамиды и Клеопатры? Иной, статься можетъ, вамъ хитро и отвѣтитъ, но пальцемъ не укажетъ....

Видя такую переходчивость и ненадежность всего подлуннаго, новѣйшіе европейцы съ особенною заботливостью стали увѣковѣчивать дѣянія и подвиги замѣчательнѣйшихъ представителей своей славы или своего преуспѣянія, и подробными о нихъ современными сочиненіями, матеріаломъ для позднѣйшей исторіи, и сооруженіемъ мавзолеевъ въ мѣстахъ ихъ родины, или тамъ, гдѣ погребены ихъ безмолвные останки. Россія, юнѣйшая, но наиболѣе здравомыслящая изъ державъ европейскихъ, постоянно выражала благородную признательность достойнѣйшимъ сынамъ своимъ. Между-тѣмъ, какъ въ ближайшее къ намъ время, камень и металлъ, въ художественныхъ созданіяхъ, предназначены сохранить для отдаленнѣйшаго потомства имена и образы незабвенныхъ воителей года, цифрою своего напоминающаго другой подобный, страшный годъ— Кутузова, Барклая—и пѣвцовъ или изобразителей народнаго величія— Ломоносова, Державина, Карамзина — старушка Москва давно гордится памятникомъ двумъ былымъ своимъ избавителямъ, на которомъ прохожій читаетъ надпись: «гражданину Минину и князю Пожарскому благодарная Россія».... Но могила Пожарскаго донынѣ неизвѣстна была достовѣрно. Не малыхъ усилій стоило открыть ее, хотя съ небольшимъ лишь два вѣка прошло со дня его кончины, въ 1642 году....

О подробностяхъ этого открытія газеты, журналы наши, и М. П. Погодинъ, въ Ученыхъ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ, не замедлили своевременно довести до свѣдѣнія читателей. Вниманіе ихъ было сильно затронуто, потому-что сердце русское всегда откликается на призывы истинной доблести отечественной, относится ли она къ эпохѣ предковъ, или къ той, въ которую живемъ мы сами. Знатоки дѣла, спеціалисты русской исторіи, поспѣшили удовлетворить патріотическому запросу публики: въ періодическихъ изданіяхъ явилось нѣсколько, болѣе или менѣе удачныхъ, разсказовъ о послѣднемъ періодѣ смутнаго междуцарствія, о жизни того, кто спасъ отечество въ эту опасную годину, и чья знаменательная могила, послѣ долгихъ стараній и сомнѣній, наконецъ открыта съ несомнѣнною почти точностью и опредѣлительностью; лучшею по этому предмету статьею была статья г. Корша, напечатан-

ная въ одномъ изъ первыхъ нумеровъ «Московскихъ Вѣдомостей» нынѣшняго года — но первое мѣсто, по обстоятельности, системѣ и полнотѣ монографіи, принадлежитъ, безспорно, книжкѣ, заглавіе которой приведено выше....

Нѣтъ надобности распространяться о событіяхъ, прославившихъ блѣдное прежде имя Пожарскаго: они слишкомъ извѣстны, какъ подробно разсказанныя историческими писателями нашими, и не разъ служившія неистощимымъ матеріаломъ для сочиненій романическихъ изъ драматическихъ. По этому, изъ добросовѣстнаго труда г. Смирнова достаточно будетъ, въ сокращенномъ извлеченіи, выбрать наиболѣе новое, менѣе общеизвѣстное, или, по-крайней-мѣрѣ, самое любопытное....

Родовая аристократія русская, неуступающая никакой европейской, справедливо можетъ гордиться древностью и благородствомъ своего происхожденія. Многія старинныя княжескія или боярскія фамиліи наши суть потомки многочисленныхъ нѣкогда удѣльныхъ князей, которые, въ свою очередь, были потомками Рюрика и обоихъ Владиміровъ, т. е. сына Святославова и Мономаха. Таково происхожденіе и рода Пожарскихъ, князей Стародуба Суздальскаго. Ближайшій предокъ ихъ — Всеволодъ III. Его потомокъ, въ шестомъ колѣнѣ, князь Василій Андреевичъ, получилъ въ наслѣдство крайне-незначительный удѣлъ, правильнѣе мѣстечко, опустошенное пожаромъ, и оттого названное Погаромъ, или Погорѣлымъ. По имени своего убогаго городка, и владѣтель его сталъ прозываться *Пожарскимъ*....

Съ теченіемъ времени, второстепенные и третьестепенные удѣлы мельчали болѣе и болѣе, входя въ составъ значительнѣйшихъ княжествъ, которыя также, мало по-малу, добровольно, или вліяніемъ обстоятельствъ, сливались съ сильнѣйшимъ, съ Москвою. Единодержавіе Іоанна III и непреклонная воля внука его, Іоанна IV, окончательно сломили спорный феодализмъ, шесть вѣковъ останавливавшій развитіе государства въ политическомъ и образовательномъ отношеніи. Удѣловъ не стало: Россію ждалъ иной удѣлъ. Дикая, азіятская когда-то Московія, какъ называли ее гордые чужестранцы, быстро подвигалась къ блистательному мѣсту въ главѣ державъ европейскихъ... Прежніе удѣльныя князья, съ своими семействами, бо́льшею частью, постепенно переселялись въ Москву, почетно окружая тронъ уже не только Великаго Князя Московскаго, но Царя и Самодержца *всея Руси*... Знатнѣйшіе роды состояли въ высшихъ чинахъ при дворѣ, а вообще бояре и князья, не служившіе внѣ столицы, или не любившіе своихъ далекихъ, уединенныхъ отчинъ, проживали въ Москвѣ, тогда еще не бѣлокаменной, но гдѣ, однакоже, зарождались начатки полуевропейской общественной жизни. — «Въ половинѣ XVI

вѣка (говоритъ г. Смирновъ) Пожарскіе считаются между жителями Москвы: именно въ это время имѣлъ въ Москвѣ свой домъ дѣдъ знаменитаго князя Дмитрія Михайловича, Ѳедоръ Ивановичъ Пожарскій.... Не видно, чтобъ Пожарскіе занимали важныя мѣста въ государствѣ: бо́льшею-частью они отправляли должности городничихъ въ мелкихъ городахъ; одинъ даже былъ ямскимъ стройщикомъ (стран. 3—4). Дворц. Разр., II, 30, поясняютъ: «*А Пожарскіе князи при прежнихъ Государѣхъ, опричь городничихъ и губныхъ старостъ нигдѣ не бывали*». И между прочими Пожарскими, помянутый дѣдъ героя, князь Ѳедоръ Ивановичъ, былъ также губнымъ старостой. Сынъ его, Михаилъ, служилъ при Іоаннѣ IV, участвовалъ въ походахъ на Казань и въ Лифляндію; въ награду за свою службу получилъ отъ царя нѣсколько деревень; въ 1571 году женился на дѣвицѣ Маріѣ Ѳедоровнѣ Беклемищевой, а въ 1587 году умеръ, оставивъ вдову съ двумя сыновьями (имени одного изъ нихъ, вѣроятно, по неизвѣстности, авторъ не означаетъ) и дочерью Дарьей, вышедшей послѣ за князя Никиту Хованскаго. Другаго сына звали Дмитріемъ: то былъ будущій сподвижникъ Минина, долженствовавшій обезсмертить поблекшее-было имя Пожарскихъ.

Ничего достовѣрнаго неизвѣстно о дѣтствѣ и первой юности его; но двадцати лѣтъ, со вступленіемъ на престолъ Бориса Годунова, онъ является уже въ должности *стряпчаго съ платьемъ* и съ жалованьемъ по *двадцати рублей* въ годъ; его родительница живетъ во дворцѣ, при царевнѣ Ксеніи Борисовнѣ, которой готовилась, во время Самозванца, такая плачевная участь, и самъ онъ, князь Дмитрій Михайловичъ, близокъ къ царю....

Первыя въ ратномъ дѣлѣ отличія оказалъ Пожарскій въ кратковременное властвованіе Шуйскаго: въ 1608-мъ году онъ побилъ наголову поляковъ, въ тридцати верстахъ отъ Коломны, въ селѣ Высоцкомъ, а въ слѣдующемъ году, когда въ окрестностяхъ Москвы разбойничалъ атаманъ Сальковъ, съ которымъ не могъ справиться высланный противъ него воевода Сукинъ, — совершенно истребилъ на берегахъ Пехорки его шайку; зато вскорѣ, именно въ февралѣ 1810-го, самого Пожарскаго видимъ уже воеводою въ Зарайскѣ, который, при содѣйствіи князя Д. М., напрасно обольщаемаго племянникомъ Ляпунова, одинъ, изъ всей Рязанской области, пребываетъ вѣренъ царю. Этотъ и другіе случаи преданности ему, соединенной съ непоколебимою твердостію духа и презрѣніемъ опасностей, доставляютъ молодому воеводѣ особенное расположеніе царское и, въ награду, село Нижній-Ландехъ со многими деревнями въ родовомъ Пожарскихъ Суздальскомъ уѣздѣ.

«Но Шуйскій, 17 іюля 1610 года, сложилъ корону, и Россія подверглась всѣмъ ужасамъ междуцарствія. 22 числа явился подъ стѣнами Москвы гетманъ Жолкѣвскій, и утвердилъ своимъ согласіемъ мнѣніе Мстиславскаго и боярской думы — избрать въ цари польскаго королевича Владислава», которому 17 августа дали присягу. Вопреки договору, чтобы поляки не занимали столицы, а отошли къ Можайску, Жолкѣвскій, 21 сентября, со всѣмъ войскомъ своимъ, вступилъ въ Москву и утвердился въ Кремлѣ. — «По городамъ началось движеніе, цѣлью котораго было изгнаніе изъ Москвы поляковъ»... Возвратившійся къ долгу, Ляпуновъ беретъ приступомъ Пронскъ, гдѣ, въ свою очередь, осаждаютъ его измѣнникъ Сунбуловъ и посланные Гонсѣвскимъ запорожцы. Съ войскомъ, набраннымъ въ Коломнѣ и Рязанской области, Пожарскій поспѣшаетъ на выручку Ляпунова, а запорожцы бросаются къ Зарайску. Пожарскій торопливо возвращается въ свой городъ, съ небольшимъ отрядомъ дѣлаетъ вылазку и разбиваетъ безпокойныхъ враговъ и смутителей отчизны...

Это происходило въ январѣ 1811, а въ мартѣ того-же года Пожарскій, по сказаніямъ современниковъ, встрѣчается дѣйствующимъ лицомъ въ Москвѣ, при извѣстныхъ происшествіяхъ на Страстной-недѣлѣ, когда по улицамъ столицы завязались драки между грабителями поляками и городскими обывателями, князь Андрей Голицынъ умерщвленъ былъ въ собственномъ домѣ, и отрядъ конныхъ копейщиковъ, сдѣлавъ сперва нападеніе на купцовъ въ гостиномъ ряду, бросился потомъ на Тверскую, гдѣ отразили его стрѣльцы. Князь Д. М., стоявшій на Срѣтенкѣ и вспомоществуемый артиллеріей, два часа мужественно бился съ врагами, и наконецъ, вогнавъ ихъ въ Китай-городъ, построилъ острогъ у церкви Введенія-Богородицы, на Лубянкѣ. 20 числа снова устремились сюда поляки, не унятые неудачею наканунѣ, и снова Пожарскій встрѣтилъ ихъ храбро. Продолжавшаяся здѣсь цѣлый день битва запечатлѣлась кровію воеводы: изнеможенный отъ ранъ, онъ палъ и отвезенъ былъ въ Троицкій-Сергіевъ монастырь, откула, поправившись нѣсколько, поѣхалъ, укрѣпиться въ силахъ, въ свою суздальскую отчину Ландехъ, въ 120-ти верстахъ отъ Нижняго...

Между-тѣмъ Москва находилась въ ужасномъ положеніи, преданная пламени, мечу, грабежамъ и убійствамъ. Кто могъ, спасался бѣгствомъ. »Устрашенные тяжкими бѣдствіями, русскіе думали, что скоро настанетъ конецъ міра, и самъ Пожарскій раздѣлялъ это мнѣніе». Военачальники, впрочемъ, со всѣхъ сторонъ стекавшіеся съ дружинами, вмѣсто того, чтобъ соединенно дѣйствовать противъ поляковъ, хотѣвшихъ овладѣть Россіей, низко торговались о первенствѣ власти, чинили

другъ-другу козни и ковы. Узнавъ объ этихъ раздорахъ, архимандритъ Сергіева монастыря, Діонисій, прислалъ въ Москву келаря Палицына, убѣждая вождей къ единодушію и ревностной борьбѣ съ наглыми пришельцами. Воеводы отзывались недостаткомъ войска и съѣстныхъ припасовъ: Діонисій и Палицынъ разослали грамматы по всѣмъ городамъ царства, именемъ преподобнаго Сергія призывая къ помощи общему дѣлу родины, трогательно и краснорѣчиво изображая ея страданія: «Гдѣ святыя церкви и Божіи образа (писали они)? Гдѣ иноки, многолѣтными сѣдинами цвѣтущіе, и инокини, добродѣтельми украшены? Не все ли до конца разорено и обругано злымъ поруганіемъ? Гдѣ народъ общій христіанскій? Не всѣ-ли лютыми и горькими смертьми скончашася? Гдѣ множество безчисленное во градѣхъ и въ селѣхъ работные чада христіанства? Не всѣ-ли безъ милости пострадаша и въ плѣнъ разведены? Не пощадиша бо престарѣвшихся возрастомъ; не устрашишася сѣдинъ старецъ многолѣтнихъ и ссавшихъ млеко младенецъ, незлобивая душа; вси испиша чашу ярости праведнаго гнѣва Божія. Помяните и смилуйтеся надъ видимою общею смертною погибелію!»

Одна изъ такихъ грамотъ осенью, въ октябрѣ, получена была въ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Воззваніе Діонисія и Палицына, сильное слово, произнесенное протопопомъ Спасопреображенскаго собора, Саввою Евфимьемымъ, среди собравшагося въ храмѣ народа, и живое отчизнолюбіе одного уважаемаго гражданина, который былъ «человѣкъ незнатнаго рода, художествомъ говядарь» (мясникъ), прозываясь Козьма Захарьевъ Мининъ-Сухорукой, возбудили Нижегородцевъ до степени высокаго и безкорыстнѣйшаго одушевленія на спасеніе отечества. Все—имущества, жизни—предлагалось ему въ благороднѣйшую жертву, лишь-бы, по словамъ умнаго соборнаго протопопа, не удалось «польскимъ и литовскимъ людямъ», которые, «въ нечестивомъ совѣтѣ своемъ, умыслили Московское государство раззорити и непорочную вѣру Христову въ латинскую многопрелестную ересь обратити». Отдыхавшій въ Ландехѣ отъ ранъ, князь Дмитрій Михайловичъ избранъ былъ въ начальники ополченія. Долго онъ отказывался отъ этой почести и трудной, по обстоятельствамъ, обязанности, но напослѣдокъ принужденъ былъ уступить желанію родичей. Быстро вѣсть о подвигѣ нижегородцевъ разнеслась по Россіи и «отвсюду стали являться въ Нижній люди служилые», подъ знамена Пожарскаго. Въ рядахъ его охотно согласились быть сподручниками князья Черкасскій, Хованскій, Прозоровскій, Гагаринъ, сражаться дворяне Плещеевъ, Левашевъ, казацкіе атаманы и старшины. Всѣмъ ратнымъ положено щедрое жалованье, и многолюдное, стройное ополченіе,

въ февралѣ 1612, двинулось къ Москвѣ, на избавленіе отечества, изгнаніе поляковъ....

Отселѣ начинается главнѣйшій періодъ государственной дѣятельности Пожарскаго, давно знакомый вамъ по исторіи Карамзина и отдѣльнымъ описаніямъ этой смутной эпохи. Полузабытые, конечно, вами частности сложнаго хода дѣлъ возобновитъ въ памяти вашей самостоятельное изображеніе г. Смирнова. Въ книжкѣ его найдете подробности послѣдующаго и предъидущаго, которое изложили мы лишь въ общихъ чертахъ.

Современники и позднѣйшіе писатели винили Пожарскаго за медленность въ Ярославлѣ, гдѣ онъ простоялъ *около полугода;* говорили, что онъ тамъ пируетъ. Авторъ опровергаетъ это важное обвиненіе. По его мнѣнію, князя задерживали въ Ярославлѣ не пирушки, а присяга, данная 2 марта псковскому самозванцу — Трубецкимъ, Заруцкимъ и всѣмъ войскомъ московскимъ, возникшія оттого вновь смуты по городамъ и селеніямъ, и опять-таки честолюбивые происки и неблагонамѣренность вождей ратныхъ, какъ подъ Москвою, такъ и въ самомъ нижегородскомъ ополченіи, въ которомъ не замедлилъ поселиться духъ распрей, и выше Пожарскаго поднимались девять гордецовъ, между ними Морозовъ, Долгорукій, Головинъ, Одоевскій и другіе, когда кн. Д. М. былъ со всѣми ласково-обходителенъ, а объ немъ распускали слухи, будто онъ домогается послѣ быть царемъ. Сверхъ-того, сумма, собранная для содержанія войска, была уже истрачена, такъ что Пожарскій обращался «къ Цезарю римскому съ просьбою, чтобы онъ помогъ ему деньгами при послѣднихъ усиліяхъ его къ спасенію отечества». Значительною представлялась и помѣха со стороны шведовъ, которые взяли съ Новгорода присягу въ пользу королевича своего Филиппа. Такимъ-образомъ Пожарскій, очищая по пути города отъ буйныхъ враговъ, обязывался устранить переговорами и шведское на Россію посягательство. Тѣмъ не менѣе, намъ кажется, что слишкомъ продолжительное въ Ярославлѣ пребываніе кн. Д. М. требовало бы удовлетворительнѣйшаго объясненія, въ прямомъ вопросѣ: не могъ ли онъ, помимо всѣхъ этихъ дѣйствительно неблагопріятныхъ обстоятельствъ, ударить разомъ на главный притонъ поляковъ въ Москвѣ, съ рѣшительностью и энергіей, какихъ требовало время?

Немного нужно исторической проницательности, для усмотрѣнія, вопреки доводамъ разсматриваемой книжки, что ускоренію похода Пожарскаго не столько мѣшали побочныя противодѣйствія, сколько нѣкоторая недовѣрчивость его къ себѣ, опасенія въ успѣхѣ борьбы съ поляками, предводимыми искусными военачальниками, и небезъосновательный страхъ, внушаемый замыслами Заруцкаго, своеволіемъ его казаковъ и не-

надежностью на двуличнаго Трубецкаго, раздѣлявшаго съ Заруцкимъ власть надъ войсками, стоявшими подъ Москвою...

Правда, кн. Д. М. не сидѣлъ въ Ярославлѣ въ совершенной праздности, сложа руки, и только пируя, какъ утверждали. Онъ переговаривался съ новгородскими послами о шведскомъ королевичѣ и съ цесарскимъ посломъ, Іосифомъ Грегори (который, черезъ Ярославль, возвращался изъ Персіи) о призваніи на престолъ московскій Максимиліана, брата императора Рудольфа II-го, съ цѣлію возстановить его противъ Польши и получить отъ него денежное вспомоществованіе; посылалъ туда и сюда отряды: но все эти были полумѣры и колебанія. Медленность и раздумье Пожарскаго въ Ярославлѣ оказывались столь велики, что невольно произвели противъ вождя нижегородскаго ополченія ропотъ патріотовъ, желавшихъ скорѣйшаго прекращенія смутъ, бѣдствій и крайне сомнительнаго положенія отчизны, уступаемой то полякамъ, то шведамъ, то цесарю. — «Наконецъ (говоритъ и авторъ) ревность подвигла самого Палицына лично предстать Пожарскому и убѣждать его спѣшить въ Москву: двукратное посольство и грамматы изъ Лавры не имѣли успѣха». Келарь засталъ въ Ярославлѣ «сваръ между воеводъ и во всемъ воинствѣ... вся разсмотривъ старецъ, и князя Димитрія, и Козьму Минина, и все воинство довольно поучивъ и много моливъ ихъ *поспѣшити* подъ царствующій градъ Москву», успѣлъ напослѣдокъ склонить Пожарскаго своими представленіями, «что лучше пожертвовать жизнью, чѣмъ оставлять отечество безъ помощи въ такихъ крайнихъ обстоятельствахъ». Между-тѣмъ гетманъ Хотке-вичъ приближался къ Москвѣ. Трубецкой и Заруцкій также просили Пожарскаго спѣшить на соединеніе съ ними. «Онъ началъ готовиться къ походу, и рѣшился отправить въ Москву передовые отряды, а самъ думалъ выступить послѣ, когда покончитъ дѣло съ послами изъ Новгорода». Передъ выступленіемъ, онъ «назначилъ день для смотра артиллеріи», и въ тѣснотѣ толпы собравшагося при этомъ случаѣ народа, едва не погибъ отъ руки убійцы, подосланнаго Заруцкимъ. Это было не первое и не послѣднее покушеніе на жизнь князя: ему завидовали и боялись его. Великодушно пощадивъ наемныхъ злодѣевъ, которыхъ имѣлъ полное право казнить, одного изъ нихъ князь сослалъ въ ссылку, а другихъ взялъ съ собою въ Москву, чтобъ представить въ нихъ явную улику противъ гнусныхъ намѣреній Заруцкаго. Послѣдній, свѣдавъ о неудачѣ своего преступнаго замысла и о движеніи ярославской дружины, понялъ, что ему приходится плохо, не миновать достойнаго возмездія. Преисполнивъ послѣдніе дни стоянки своей подъ Москвою всѣми ужасами буйства и насилія, чего бы не случилось, еслибъ яро-

славское ополченіе раньше туда двинулось, онъ бѣжалъ изъ-подъ Москвы ночью, съ половиною своихъ войскъ, ограбилъ Коломну, гдѣ ждала его Марина, и пронесъ опустошеніе по Рязанской области...

28 іюля выступили изъ Ярославля и остальныя войска Пожарскаго, но на другой день, съ Шепуцкаго яма, онъ отправился въ Суздаль, поклониться гробамъ своихъ родителей, въ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ, благочестиво провелъ тамъ нѣсколько дней, и настигъ ополченіе въ Ростовѣ. Не ближе 14-го августа явилось оно въ стѣнахъ Троицкой лавры, гдѣ Пожарскій снова впалъ въ раздумье, хотѣлъ, для успокоенія своей рати, договариваться съ мятежными казаками, «чтобъ другъ на друга никакого зла не умышляли»; но Трубецкой сообщилъ князю, что гетманъ подвигается къ Москвѣ, и вновь просилъ его немедленно идти на помощь. Палицынъ объясняетъ, что онъ «подѣйствовалъ на Пожарскаго и все войско своими увѣщаніями и успокоилъ робкихъ», что затѣмъ князь «оставилъ всѣ свои размышленія и страхъ ни во что же вмѣнилъ». Авторъ разсматриваемой книжки полагаетъ однакожъ, что новыя опасенія и осторожность Пожарскаго были не неосновательны...

Но прозвучала бранная труба, враги сошлися лицомъ къ лицу, и Пожарскій какъ-бы ожилъ, окрѣпъ духомъ, силою воли. Онъ уже ни малѣйше не колеблется, никого не опасается. 20 августа, при вступленіи его въ Москву, къ нему, *стольнику*, выѣзжаетъ навстрѣчу, несравненно старѣйшій его чиномъ, *бояринъ* Трубецкой. Выборный мужъ земли русской, глава отечества въ эту минуту, Пожарскій величаво сознаетъ свое достоинство, свои обязанности и отвѣтственность, рѣшительно и твердо объявляетъ, что будетъ дѣйствовать съ своею ратью отдѣльно, справедливо остерегаясь «сближаться съ измѣнникомъ Шуйскаго, съ присяжникомъ Тушинскаго и Псковскаго вора, съ единомышленникомъ Заруцкаго» (стр. 60). Вѣрное и послѣдовательное описаніе жестокой трехдневной, почти безпрерывной битвы русскихъ съ поляками подъ Москвою и въ стѣнахъ ея, когда «имя преподобнаго Сергія гремѣло въ самомъ пылу сраженія», читатель найдетъ на стр. 61—66 сочиненія, пополненнаго всѣми новѣйшими изысканіями науки и безпрестанными ссылками на достовѣрнѣйшіе источники. Въ эти достопамятные дни, рѣшившіе судьбы отечества, Пожарскій является истиннымъ героемъ и вполнѣ торжествующимъ побѣдителемъ, не взирая на затрудненія, которыя чинилъ ему озлобленный противъ него Трубецкой, коварно и упорно неподававшій ему помощи и неудачно дѣйствовавшій съ своей стороны.

Далѣе г. Смирновъ съ тою-же точностію изображаетъ московскія

событія, предшествовавшія избранію Царя. «Поднялись споры, составились партіи, и каждая представляла общему вниманію своихъ выборныхъ. Лѣтописецъ говоритъ, что *многое было волненіе всякимъ людемъ, кійждо бо хотяше по своей мысли дѣяти и кійждо про кого говоряше; иніи убо подкупахуся и засылаху, хотяще взойти на такую степень.* Послѣ клепали на самаго Пожарскаго, будто онъ подкупался на царство и это стоило ему 20 тысячъ» (стран. 79), что́ позднѣе и было причиною слѣдствія, занедостаткомъ доказательствъ прекращеннаго....

Когда на престолъ вступилъ юный Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, ближайшій родственникъ прежнихъ царей дома Рюрикова и Мономахова, племянникъ, по матери, Царя Ѳеодора, дѣдъ Петра Великаго и родоначальникъ Монарховъ, возвеличившихъ Россію на степень первой державы міра,—«во-время коронованія, Пожарскій занималъ важный постъ: ему Царь поручилъ принесть съ *казеннаго двора* царскій чинъ, то есть бармы, скипетръ, державу и вѣнецъ; во-время процессіи, отправлявшейся изъ дворца въ Успенскій Соборъ, Пожарскій несъ скипетръ, и во все время литургіи стоялъ около налоя, на которомъ лежали царскія регаліи и *берегъ со страхомъ и трепетомъ, чтобъ никто-же отъ простыхъ людей прикоснулся того Царскаго сану и вѣнца.* Во-время помазанія Царя муромъ онъ держалъ *яблоко царскаго чина* (державу), послѣ коронованія былъ приглашенъ къ царскому столу и награжденъ саномъ боярина» (стр. 83). Въ-послѣдствіи не одинъ разъ Царь оставлялъ его въ Москвѣ намѣстникомъ, при отъѣздахъ своихъ на богомолье. На обѣихъ Государевыхъ свадьбахъ (1624 и 1626) онъ былъ вторымъ дружкой, а супруга его свахой съ государевой стороны (129 стран.).

Дальнѣйшее военное поприще Пожарскаго, при Царѣ Михаилѣ, не было уже столь блистательно и счастливо: по обстоятельствамъ, онъ претерпѣвалъ и пораженія. Но Царь не переставалъ ласкать его и награждать, предоставляя ему почетныя мѣста и болѣе или менѣе важныя государственныя дѣла, хотя враги и недоброжелатели старались вредить ему превратнымъ толкованіемъ его переговоровъ съ Новгородцами о королевичѣ Филиппѣ и сношеній съ цесаремъ о принцѣ Максимиліанѣ, и однажды даже навлекли на него неудовольствіе Царя за мѣстническій споръ, въ характерѣ времени, затѣявшійся между нѣкоторыми боярами и не честолюбивымъ, впрочемъ, не гордымъ княземъ Пожарскимъ. Совершивъ великій подвигъ, онъ ничего не домогался, многое и многимъ уступалъ, по кротости нрава и врожденному благородству; чуждъ былъ интригъ, козней и происковъ....

Послѣдніе дни своей жизни Пожарскій провелъ мирно, бо́льшею-ча-

стью, въ Москвѣ, и скончался 64-хъ лѣтъ отъ рожденія. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, говоритъ Голиковъ, провожалъ гробъ незабвеннаго боярина и почтилъ его слезами своими.

Вдесятеро сокративъ содержаніе брошюры, мы еще оставили въ ней читателю много любопытнаго и совсѣмъ нетронутаго. Заключается она общею характеристикой своего героя.—«Въ характерѣ князя Пожарскаго», говоритъ, между прочимъ авторъ, «не видно особенныхъ *чертъ* (сознаемся, не можемъ привыкнуть къ этому множественному), которыми бы онъ рѣзко выдавался надъ современниками. Онъ не былъ ни глубокимъ политикомъ, ни военнымъ геніемъ, и только обстоятельствамъ обязанъ образованіемъ и развитіемъ въ себѣ тѣхъ началъ, которыми могъ обратить на себя общее вниманіе. Въ Пожарскомъ не было ни огромныхъ талантовъ правительственныхъ, ни большой силы воли, какою обладалъ Ляпуновъ. Благочестіе и набожность глубоко были посѣяны въ сердцѣ князя: безъ молитвы онъ не предпринималъ никакого дѣла». Кромѣ многочисленныхъ вкладовъ въ монастыри, въ 1620 г. возобновилъ онъ Макарьевскій Желтоводскій, разоренный въ нашествіе хана Улу-Мэхмета; въ 1630—37 построилъ, на собственное иждивеніе, московскій Казанскій соборъ, и любилъ чтеніе церковныхъ книгъ. Изъ Шепуцкаго яма Пожарскій писалъ казанскому митрополиту Ефрему граммату о поставленіи въ крутицкіе митрополиты игумена Сторожевскаго монастыря, Исаіи. Грамоту эту г. Смирновъ называетъ «*образцовою*, по чувству, съ какимъ написана, и по языку» (стран. 54).—«Пожарскій въ бѣдствіяхъ отечества видитъ карающую за грѣхи десницу Всевышняго; изображаетъ горькое сиротство Московской Церкви, по смерти Гермогена и крутицкаго митрополита Пафнутія, и выражаетъ желаніе имѣть хотя одно утѣшеніе—архипастыря Церкви: «Богъ», пишетъ онъ, «за грѣхи наши угасилъ два великія свѣтила въ мірѣ, взявъ у насъ государя, главу Московскаго государства, и святѣйшаго патріарха московскаго; и нынѣ не мала скорбь намъ належитъ, что подъ Москвою вся земля въ собраніи, а пастыря и учителя у насъ нѣтъ: едина соборня церковь осталась на Крутицахъ—и та вдовствуетъ» (таже стран.). Если грамота эта писана не какимъ-либо дьякомъ, или лицомъ духовнымъ, то Пожарскій дѣйствительно былъ большимъ грамотѣемъ и первостепеннымъ знатокомъ современнаго языка отечественнаго.

«Въ дѣлахъ службы и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, Пожарскій водился постоянною осторожностью», за которую, подобно Кутузову, звали его Фабіемъ медлителемъ; но онъ, по недовѣрчивости къ себѣ, своимъ способностямъ и соображеніямъ, нуждался въ совѣтникѣ, какимъ постоянно и былъ для него, въ 1612 г., Мининъ. Довѣрчивый притомъ къ

другимъ, добрый и ласковый со всѣми, уступчивый равнымъ, вообще обладая рѣдкимъ благодушіемъ и высокими нравственными качествами,— «въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касалось обязанностей государственной службы, онъ какъ себя не щадилъ, такъ и отъ другихъ требовалъ строгаго выполненія правилъ порядка, и не прощалъ безпорядковъ и неисправностей даже своимъ родственникамъ. Въ 1634 году на службѣ въ полку Пожарскаго былъ его племянникъ, Ѳедоръ Ивановъ Пожарскій. Князь Д. М. подалъ на него Царю челобитную, въ которой писалъ, что племянникъ его «на службѣ заворовался, пьетъ безпрестанно, воруетъ, по кабакамъ ходитъ, пропился до нага и сталъ безъ ума, и дяди не слушаетъ» (стран. 135—36)...

Однимъ-словомъ, на свѣтломъ и благородномъ имени князя Дмитрія Михайловича не лежитъ ни малѣйшаго пятна, ни тѣни укоризны, и это тѣмъ важнѣе, что онъ жилъ во времена смутъ, крамолъ, измѣнъ и предательства. Современники и потомство упрекали его лишь за медленность въ Ярославлѣ: но самый полугодовой растахъ его здѣсь возбуждаетъ различныя мнѣнія и объясненія историческія. 22 октября Церковь ежегодно празднуетъ освобожденіе Москвы отъ поляковъ; изъ кремля отправляется въ этотъ день крестный ходъ въ Казанскій соборъ, сооруженный Пожарскимъ и хранящій въ себѣ святыню, ему принадлежавшую: икону Казанской Богоматери, украшенную драгоцѣнными камнями. На Красной площади воздвигнутъ ему, въ 1818 г., памятникъ, вылитый изъ бронзы знаменитымъ Мартосомъ.— «Пожарскій и Мининъ, представлены въ ту минуту, когда славный гражданинъ нижегородскій, взявшись лѣвой рукою за мечъ Пожарскаго, указываетъ ему правою на Кремль, занятый поляками, на городъ испепеленный, и призываетъ его на новую битву. На одномъ изъ барельефовъ пьедестала изображены въ лицахъ жертвы, приносимыя изъ любви къ отечеству: богатые несутъ деньги, отцы приводятъ своихъ дѣтей, женщины отдаютъ свои драгоцѣнности». Памятникъ умилительный и трогательный! Другой, въ 1826 г., поставленъ въ Нижнемъ-Новгородѣ.... третій будетъ надъ самою могилою вѣчнопамятнаго мужа, которую одни предполагали прежде въ Пурихѣ, другіе въ Троицкой лаврѣ, гдѣ схороненъ дѣдъ князя, третьи въ Суздальскомъ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ, усыпальницѣ рода Пожарскихъ. Молодой графъ А. С. Уваровъ основательно раздѣлялъ послѣднее предположеніе, и патріотическое изысканіе его увѣнчалось успѣхомъ. — «Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Николаевичамъ, во-время пребыванія Своего въ Суздалѣ, благоугодно было пожертвовать значительную сумму для сооруженія памятника на томъ мѣстѣ, гдѣ, по монастырскому преданію,

погребенъ князь Пожарскій» (стран. 3—4 *Дополненій*).—Въ февралѣ 1852 года, въ присутствіи членовъ Высочайше-назначенной для удостовѣренія въ томъ коммиссіи, «открыта была гробница: въ ней нашли остовъ престарѣлаго человѣка, обернутый саваномъ изъ шелковой матеріи, съ остатками богатыхъ боярскихъ украшеній, состоящихъ въ *золотомъ шитьѣ* по кафтану и поясу, какихъ не могъ имѣть никто изъ рода Пожарскихъ, неимѣвшихъ боярскаго достоинства, кромѣ князя Дмитрія Михайловича. Это открытіе послужило окончательнымъ подтвержденіемъ мнѣнія, что именно эта гробница должна хранить его останки» (тамъ-же, стран. 5).

За *дополненіями* къ прекрасному труду г. Смирнова слѣдуетъ родословная таблица *князей Стародубскихъ и Пожарскихъ*. Въ заключеніе нашего посильнаго извлеченія, присовокупляемъ нѣкоторыя любопытныя фамильныя свѣдѣнія. Князь Д. М. былъ однимъ изъ богатѣйшихъ вельможъ своего времени. Кромѣ большой Пурецкой отчины, въ 74-хъ верстахъ отъ Нижняго, ему принадлежали села и деревни въ уѣздахъ Суздальскомъ, Гороховскомъ, Вязниковскомъ и Ростовскомъ; въ Москвѣ онъ имѣлъ три дома на Лубянкѣ, съ подворьемъ Желтоводскаго монастыря, находившагося въ помянутой отчинѣ. Отъ перваго брака было у него три сына, Петръ, Ѳедоръ, Иванъ, стольники; во второй разъ онъ женился уже на 58-мъ году, и вторая супруга его, урожденная княжна Голицына, семейства его не увеличила. Родъ Пожарскихъ, по мужеской линіи, пресѣкся въ 1684 году, со смертію бездѣтнаго князя Юрія Ивановича. По женской линіи онъ перешелъ въ фамилію Рѣпниныхъ, Милославскихъ, Долгорукихъ, Куракиныхъ, Голицыныхъ, посредствомъ браковъ Анны, Евдокіи и Агрипины, внучекъ кн. Д. М. (см. стран. 130). Невольно припоминаются извѣстные четыре стиха народнаго поэта, вылившіеся однажды изъ-подъ пера его, въ патріотической укоризнѣ легкомысленному равнодушію къ сѣдой старинѣ и завѣтнымъ преданіямъ историческимъ:

Мнѣ жаль, что тѣхъ родовъ боярскихъ
Блѣднѣетъ блескъ и никнетъ духъ;
Мнѣ жаль, что нѣтъ князей Пожарскихъ,
Что о другихъ пропалъ и слухъ....

(*Сочин. Пушкина, Т. IV, стран 324.*)

—

Дочь булочнаго мастера. Романъ. Сочиненіе *К. Г-на*. Спб., 1853. Въ типогр. Губ. Правленія. Изданіе книгопродавца Исакова. Въ 12-ю д. л. 125 стран.*

Отъ дѣлъ давно минувшихъ и великихъ, отъ одной изъ наиболѣе знаменательныхъ и драматическихъ міровыхъ эпохъ, библіографическій чередъ переводитъ насъ въ дѣла недавнія и очень невеликія, въ маленькую частную драму, на уютныхъ страничкахъ блѣдной и мелкой печати. Зато это самая свѣжая, только-что выскочившая изъ типографскихъ станковъ, литературная новость, новость почти новѣе сегодняшняго дня и гораздо старѣе вчерашняго. Не вѣрьте, если эта фраза, съ перваго взгляда, покажется вамъ нѣсколько хитрою и запутанною: миленькая булочница впервые вниманію публики предстала въ трехъ послѣднихъ книжкахъ «Сына Отечества» 1851 года, а теперь, очень хорошо понимая, что ее одни совсѣмъ забыли, а другіе и вовсе не знали, явилась въ платьицѣ новаго фасона, или формата, на половину меньше журнальнаго. Но мы не станемъ разсматривать ее въ микроскопъ, ни анатомировать безпощаднымъ ножемъ критическимъ: легкое, эфемерное созданіе, она не выдержитъ слишкомъ строгаго, суроваго взора взыскательнаго читателя, а между-тѣмъ «вѣтряную младость» можетъ препріятно занять нѣсколько часовъ, заставить иногда улыбнуться, иногда призадуматься. Курьёзный родитель героини романа значительно походитъ на булочника въ водевилѣ П. А. Каратыгина, а героиня походитъ на всѣхъ героинь въ подобныхъ повѣстяхъ. Дочь булочника не впопадъ влюбляется въ таинственнаго жильца въ домѣ ея нѣмецкаго батюшки, г-на Иловскаго, въ котораго равномѣрно влюблена, и также невпопадъ, замужняя чахнущая дамочка. Обѣ подъ конецъ жестоко разочаровываются, потому-что этотъ ловеласикъ, *совмѣстно* ухаживающій и за привлекательною сестрицей означенной дамочки, оказывается несвободнымъ, обладая покинутою гдѣ-то супругою изъ простаго сословія, ужасною мегерою и ксантипою хоть куда. Въ романѣ есть и другое таинственное лицо, фризовое, попивающее и стращающее Иловскаго обнаруженіемъ его супружескихъ отношеній, которыя, неизвѣстно почему, лицу тому вѣдомы. Вообще, предшествующій роману эпизодъ женитьбы Иловскаго, покрытый мракомъ, не вяжется съ дальнѣйшими происшествіями, да и тѣ не совсѣмъ ладно группируются между собою, составляясь, бо́льшею-частью, изъ отдѣльныхъ сценъ, нерѣдко и вовсе излишнихъ. Оттого роману и недостаетъ сосредоточенности, единства и логической послѣдовательности интриги. За всѣмъ тѣмъ нельзя у автора

* Одинъ руб. сер., съ пересылкою.

отнять дара нѣкотораго наблюденія и умѣнья разсказывать не безъ занимательности, не говоря уже о чистомъ языкѣ и довольно живомъ слогѣ, но и не выставляя на видъ кой-какія «натуральности». Лучшее мѣсто въ романѣ—сцены на дачѣ, когда Иловскій преслѣдуетъ сестру тающей дамочки, тоже вышедшую между-тѣмъ замужъ. Болѣе или менѣе удачны и разныя другія сцены, то веселенькія, то не лишенныя чувства и драматическаго интереса: но романа, повторяемъ, какъ-то не выходитъ, отъ разбросанности и несцѣпленія этихъ сценъ. Характеры булочника, его жены и трехъ пріятелей—вводныя лица — не чужды маленькаго юмора, или, точнѣе, комизма, но самый этотъ комизмъ, безпрестанно перемѣшиваемый съ колоритомъ грустнымъ или меланхолическимъ, едва-ли не ослабляетъ впечатлѣнія послѣдняго, и общаго впечатлѣнія читатель изъ романа не выноситъ, хотя онъ кончается траурно — смертію растаявшей дамочки — дѣйствительной его героини, гораздо болѣе, нежели «дочь булочнаго мастера», которая преспокойно потомъ выходитъ за другаго булочника, такъ что вы, статься-можетъ, не далѣе, какъ сегодня утромъ, обмакивали въ кофе вкусный сухарь, вышедшій изъ ея бѣленькихъ и полненькихъ ручекъ....

—

II. МУЗЫКА.

Кое-что о преувеличеніяхъ. — Музыкальное ремесло. — Дива и пуффы. — Фельетонное клакерство. — Концертъ г. Мортье де-Фонтена. — Г-жа де-Фонтенъ. — Г. Соколь и его замѣчательный экспромтъ. — Балъ и концертъ въ пользу «Убѣжища Взрослыхъ Дѣвицъ».— Цыгане. — Онгеръ и его гармоника. — Маленькое слово о великомъ дѣлѣ. — Г. Кажинскій и его заслуги, признанныя имъ самимъ и его поклонниками. — Концертъ его.

Преувеличенія нынче въ большой модѣ; и не мудрено, — общество XIX-го столѣтія, пресыщенное всѣми наслажденіями, скучаетъ; положительность, естественность, истина не могутъ удовлетворять всѣхъ его наклонностей. Фантазія также требуетъ своей пищи. *Посредственность* оставляетъ насъ безъ участія, *хорошее* не обращаетъ на себя почти ничьего вниманія, — настоящему вѣку вездѣ и во всемъ нужно одно *превосходное*. Чтобы вывести его изъ апатіи положительности— нужно диво. И вотъ истинныя *дива* — становятся его кумиромъ, онъ не жалѣетъ для нихъ ни восторговъ, ни горла, ни денегъ. Но истинныя дива рѣдки, ихъ немного: не всякій день родятся Женни-Линдъ и Рубини, Лаблаши и Віардо, Листы и Шульгофы, Оле-Були и Вьетаны,

Блазы и Серве. И вотъ, частенько являются вымышленныя, раздутыя фельетонными мѣхами, поддѣльные геніи.

Къ сожалѣнію, нигдѣ страсть къ преувеличеніямъ не кидается такъ въ глаза, какъ въ художественномъ мірѣ, и въ особенности въ музыкѣ: въ бѣдной музыкѣ, которой рѣшительно завладѣли странствующіе по міру музыканты. Эти господа, подъ видомъ служенія искусству, составили себѣ изъ музыки выгодное ремесло и образовали цѣлый отдѣльный классъ художественныхъ ремесленниковъ, обозначаемыхъ общимъ названіемъ *концертистовъ*. Цѣлыми стаями налетаютъ они на европейскія столицы, и наперерывъ и въ перегонку начинаютъ отбивать другъ у друга слушателей, то-есть, не столько слушателей, какъ выражаемую ими въ кассѣ цыфру рублей, талеровъ, гульденовъ, франковъ и такъ далѣе. Средства при состязаніи такого рода, или лучше сказать, при этой музыкальной steeple chase, разумѣется, не могутъ подвергаться слишкомъ строгой разборчивости: основная идея концертовъ — *музыка* отодвигается въ тѣнь, а впередъ выступаетъ побочная, или задняя мысль (arrière-pensée) *успѣхъ*, то-есть, говоря прозаичнѣе—*сборъ*. Это достигается разными средствами: извѣстной степенью шарлатанства, малой толикой интриги и огромной дозой фельетоннаго клакерства. Если уже артистъ спустился до того, что позволяетъ себѣ пуффы въ искусствѣ, которому служитъ, то отчегожъ не позволить себѣ ихъ немножко и въ печати, ради успѣха. И вотъ эти-то господа породили (разумѣется ужъ) во Франціи особеннаго рода статьи, называемыя reclame, статьи, въ которыхъ заранѣе воспѣваются діопрамбы великимъ ихъ дарованіямъ, гдѣ ихъ обыкновенно сравниваютъ съ величайшими свѣтилами искусства, жалуютъ въ ученики знаменитѣйшихъ мастеровъ, и такимъ-образомъ заманиваютъ легковѣріе публики въ ловушки, называемыя концертами. Статьи эти выгодны для странствующихъ артистовъ, и очень безвредны для ихъ составителей-фельетонистовъ. Есть особенный разрядъ маленькихъ граматѣевъ, которыхъ редакторы на эти дѣла употребляютъ съ большою ловкостію: у нихъ есть лексикончикъ техническихъ словъ, есть запасецъ общихъ фразъ и самое безстрашное мужество дѣлать сравненія, почти баснословныя, и говорить, что имъ прикажутъ, съ видомъ самаго глубокаго убѣжденія. И вотъ оттого-то случается иногда, что истинные, геніальные артисты проходятъ передъ публикою незамѣченные, а промышленники музыкальные сбираютъ вокругъ себя толпы, и десятерицею вознаграждаютъ себя за ужины, обѣды, завтраки и маленькіе подарки, неразлучные съ удовольствіемъ рекламъ. Истинный артистъ, уважающій искусство и сознающій свое достоинство, является передъ публикою просто, скромно, сознательно, безъ криковъ и зазывовъ, безъ пущенныхъ впередъ анекдотовъ и

портретовъ; ему не нужно закупать вниманіе публики преждевременными похвалами, черезъ-чуръ смѣлыми сравненіями; онъ знаетъ, что въ минуту, когда онъ передастъ душу свою инструменту, или оркестру—онъ поработитъ свою аудиторію, онъ заставитъ себѣ дивиться, говорить о себѣ. Фиглярствующимъ виртуозамъ такъ дѣйствовать опасно: въ концертѣ—ихъ судятъ знатоки, коноводы искусства, въ рекламѣ — добрые благопріятели. Вотъ отчего случалось, что такіе виртуозы, какъ Дёлеръ, Блазъ, Эрнстъ, Леонардъ, Альбони оставались безъ слушателей, а господа, умѣющіе касаться не однѣхъ слабыхъ струнъ инструмента, но и слабыхъ сторонъ фельетона, обработытали свои дѣлишки по этой части наиотмѣннѣйшимъ образомъ.

Иностранные рекламисты или фельетонные клакеры и создаютъ такъ называемыя *дива*, необходимыя для того, чтобъ расшевеливать современнаго человѣка. Дива эти жалуютъ они въ геніи по произволу и по необходимости—безъ этого реклама не будетъ рекламой. Чуть явился какой-нибудь выкалачиватель клавишъ или балансеръ на туго-натянутой струнѣ — пуффъ! пуффъ! — и геній готовъ. Да и какъ же иначе? Всѣ слышали Листа, Оле-Буля, Зонтагъ, Рубини, Віардо, Лаблаша, — что же за интересъ послѣ нихъ слушать какія-нибудь посредственности, если эти посредственности не владѣютъ какой-нибудь необыкновенной штукой, какимъ-нибудь *фортелемъ!* Чтобъ возбудить въ публикѣ интересъ, надо представить ей геніевъ, — словно геніи родятся, какъ грибы!

Впрочемъ, господамъ производителямъ дивъ и геніевъ и нечего стѣсняться, — процессъ возведенія въ это достоинство такъ легокъ, такъ удобенъ! Для этого не требуется ни эстетическихъ убѣжденій, ни особенныхъ знаній, ни даже самой простой вещи — опытности художественной. Нужна только смѣлость и самонадѣянность.

Но обратимся къ нашему музыкальному отчету за прошлый мѣсяцъ.

Много разъ было уже говорено о необыкновенной музыкальности Петербурга , не подверженной никакому сомнѣнію и подкрѣпленной фактами безчисленныхъ концертовъ, загородныхъ оркестровъ, странствующихъ трубачей и шарманокъ, и наконецъ міріадами выходящихъ ежедневно полекъ, галоповъ и кадрилей. Но и въ самыхъ доказанныхъ положеніяхъ часто находятся еще стороны спорныя, какъ въ свѣтилахъ дня и ночи астрономы видятъ пятна. Такъ и въ нашей музыкальности есть свои слабыя стороны: многіе больше любятъ смотрѣть, а не слушать музыку. Мы любимъ музыку легкую, блестящую, и вотъ въ чемъ заключается причина успѣха концерта Бальфе и пустота залы во-время концерта г. Мортье-де-Фонгена, концерта, исключительно составленнаго изъ классическихъ пьесъ.

Громадность программы концерта не допустила исполнить въ точности все обѣщанное, и характеристическая увертюра Берліоза: «Римскій карнавалъ» была пропущена по недостатку времени. Конечно, многіе въ правѣ претендовать на это, основываясь на томъ, что никто не вынуждалъ г. Мортье-де-Фонтена писать аршинныя програмы; но зато все исполненное въ концертѣ этомъ было такъ изящно, что вполнѣ вознаградило пропускъ увертюры Берліоза. Не игралъ и г. Дмитріевъ-Свѣчинъ.

Г. Мортье-де-Фонтенъ въ концертѣ своемъ вполнѣ доказалъ свое совершенство въ исполненіи классической музыки. Началомъ была увертюра Мендельсона-Бартольди: Les Hébrides. Излишне было бы разспространяться о достоинствахъ этой пьесы, — имя автора, извѣстнѣйшаго изъ новѣйшихъ композиторовъ, вдохновеннаго поэта, отвѣчаетъ за прелести этой увертюры, исполненной, какъ нельзя лучше. За ней слѣдовала пріятная новость для Петербурга: 4-й концертъ въ sol majeur (оп. 58-й) Бетговена, исполненный г. Мортье-де-Фонтеомъ съ рѣдкимъ искусствомъ и поразительнымъ знаніемъ дѣла. Нѣмецкая газета Allgemeine Zeitung называетъ концертъ этотъ удивительнѣйшимъ, оригинальнѣйшимъ, искуснѣйшимъ и труднѣйшимъ изъ всѣхъ до нынѣ написанныхъ. Въ составъ его входятъ три части: аллегро, адажіо и рондо. Въ концѣ allegro и rondo г. Мортье-де-Фонтенъ исполнилъ каденцы, нарочно сочиненныя имъ для этого концерта, и доказалъ свое близкое сродство съ духомъ великаго учителя, классическій, строгій стиль котораго ему вполнѣ доступенъ. Одинъ только геній Бетговена могъ, выходя изъ границъ теоріи музыки, создать такое rondo. Смѣлое начало въ ut majeur, тогда какъ все rondo писано въ sol majeur, невольно поражаетъ слушателей; adagio-же, едва-ли не лучшее созданіе изъ всѣхъ твореній Бетговена. Это цѣлая поэма, изображающая Орфея, сходящаго въ Тартаръ, для отысканія Евридики. Грозный привратникъ подземнаго міра, чудовищный, треглавый Церберъ (*оркестръ*) рычитъ при видѣ живаго существа, проникающаго въ жилище тѣней; Орфей (*фортепьяно*) умоляетъ его открыть врата ада, и чудовище, очарованное волшебными, дивными звуками, мало-по-малу смягчаетъ свой гнѣвъ и пропускаетъ пѣвца въ міръ, доступный только тѣнямъ усопшихъ. Въ концѣ этого знаменитаго adagio, слушатель приходитъ въ восторгъ предъ дивнымъ сочетаніемъ pianissimo въ оркестрѣ съ постепенно возрастающимъ crescendo въ партіи фортепьяно, сочетаніемъ, образующимъ удивительно сладкую, пѣвучую, бетговенскую мелодію.

Послѣ этого концерта явилась, въ первый разъ, предъ публикою

создательница въ Германіи роли «Валентины» въ Гугенотахъ, г-жа Мортье-де-Фонтенъ, урожденная Лимбахъ. Замѣчательная пѣвица. Она превосходно спѣла молитву, сочиненную въ 1667 году знаменитымъ композиторомъ Александромъ Страделла: Se i miei sospiri.

Разъ, во-время путешествія по Италіи, на Страделлу напали спадацины, подкупленные однимъ изъ соперниковъ знаменитаго маэстро. Смерть артиста была неизбѣжна: онъ былъ одинъ, среди злодѣевъ и дикихъ, голыхъ скалъ. Не оставалось никакой надежды на спасеніе,— за жизнь Страделлы напередъ было заплачено цѣною золота.

— Дайте мнѣ помолиться! вскричалъ композиторъ.

— Молись, но скорѣе! грозно отвѣчалъ предводитель бандитовъ.

Страделла упалъ на колѣна и поднялъ руки къ небу. Волшебные звуки полились изъ груди музыканта; сначала онъ пѣлъ тихо, потомъ громче, громче,—и наконецъ образовался изъ этой молитвы божественный гимнъ.

Страделла, одушевленный торжественностью своего положенія, пѣлъ послѣднюю пѣснь лебедя... пѣснь эта чудною мелодіею разнеслась по пустынѣ, повторялась гармоническимъ эхо, и прояснила мракъ, лежавшій на преступныхъ душахъ бандитовъ. Предсмертная молитва пробудила въ сердцахъ ихъ давно заглохшія чувства.... молча, со слезами на глазахъ, съ раскаяніемъ въ душѣ, опустились они на колѣна, и окровавленныя руки впервые поднялись къ небу.

Страделла умолкъ.

— Я готовъ,—сказалъ онъ, смиренно опуская голову.

— Вставай,—возразилъ начальникъ бандитовъ, — небо услышало твою молитву... Иди съ Богомъ, отнынѣ намъ уже не нужно золото, пріобрѣтенное цѣною крови.

Эту самую молитву исполняла г-жа Мортье-де-Фонтенъ, и исполнила ее съ чувствомъ, согласнымъ съ вдохновеніемъ поэта.

Чѣмъ музыка старѣе, тѣмъ труднѣе сдѣлать ее занимательной для нынѣшней публики, привыкшей къ блеску новѣйшихъ композицій; несмотря однакожъ на то, г-жа Мортье-де-Фонтенъ произвела пріятное впечатлѣніе, и неоднократные вызовы, по окончаніи молитвы, служатъ явнымъ доказательствомъ, что и пьеса и исполнительница имѣли полный успѣхъ.

Мы умолчимъ о фантазіи на мотивы изъ оп. «Осада Гента» Мейербера, сочиненной для двухъ фортепьянъ г. Мортье-де-Фонтеномъ и исполненной имъ и г. Рубинштейномъ; это вещь въ высшей степени слабая и незначительная; умолчимъ и о пѣніи г. Фаччіоти, нѣкоего нѣмца, пожаловавшаго себя въ итальянцы, и прямо перейдемъ къ г.

Стигелли, первому тенору Ковентгарденскаго театра въ Лондонѣ, прозванному въ Германіи: *первымъ пѣсенникомъ*, т. е. пѣвцомъ нѣмецкихъ пѣсенъ—*лидеръ-зингеръ*.

Настоящая фамилія этого пѣвца Стигель, это также нѣмецъ, неустоявшій противъ искушеній моды итальянизированія. Стигель или, пожалуй, Стигелли, родомъ изъ Виртемберга; учился сперва законовѣдѣнію, но вскорѣ возъимѣлъ непреодолимое отвращеніе къ латыни, къ кодексамъ Юстиніяна и т. п. Нѣмецкія пѣсни и итальянскія аріи показались ему гораздо благозвучнѣе юридическихъ терминовъ, и сбросивъ съ себя тогу, Стигелли вступилъ въ оперу въ Штутгардѣ, пѣлъ въ Вѣнѣ, въ Парижѣ, въ Берлинѣ, гдѣ мы его слышали въ 1846 г. и, наконецъ, отправился для усовершенствованія въ Италію. Съ 1849 года онъ былъ ангажированъ къ оперной труппѣ лондонскаго Ковентгарденскаго театра.

Въ концертѣ г. Мортье-де-Фонтена Стигелли явился въ первый разъ передъ нашею публикою, и прекрасно исполнилъ арію изъ «Фенеллы» (Schlummer-arie), особенно же обратилъ на себя вниманіе публики пѣснями: Die schönsten Augen, своего сочиненія, и Trockne Blumen, соч. Ф. Шуберта.

Совершенное владычество надъ своимъ голосомъ, который употребляется имъ съ ловкостью и вкусомъ, удивительный фальцетъ, много чувства и выраженія, усовершенствованная техника, ясный, понятный выговоръ, вотъ качества, которыми вполнѣ обладаетъ г. Стигелли, принятый публикою весьма благосклонно и удостоенный нѣсколькихъ громкихъ вызововъ.

Въ этомъ-же концертѣ имѣли мы случай слышать въ первый разъ г. Германа, віолончелиста короля шведскаго. Артистъ этотъ принадлежитъ къ школѣ Ромберга; онъ хорошо вникнулъ въ богатство средствъ, представляемыхъ его пѣвучимъ инструментомъ, сдѣлалъ въ техникѣ игры значительныя улучшенія, и одаренный природою замѣчательной ловкостью и глубокимъ чувствомъ, умѣетъ придать игрѣ своей колоритъ необыкновенной нѣжности. Онъ игралъ фантазію своего сочиненія на шведскія пѣсни, мотивы которыхъ очень походятъ на русскія и напомнили намъ что-то родное.

Г-жа Мортье-де-Фонтенъ, исполненіемъ двухъ пьесъ: Ave Maria Шуберта и романса Баумана, вполнѣ доказала свой талантъ Пѣсни эти, отличающіяся совершенно различными характерами, пропѣты были ею съ рѣдкимъ искусствомъ, и доставили ей почетное мѣсто въ кругу артистовъ, посѣтившихъ въ нынѣшній сезонъ Петербургъ.

Концертъ этотъ заключился фантазіей Бетговена для фортепьяно,

оркестра и *хоровъ* (op. 80). Веберъ сказалъ объ этой фантазіи: «Изящно созданное, богатое произведеніе, сооруженіе котораго становится удобопонятнымъ посредствомъ финальныхъ хоровъ».

Фантазія эта вѣнецъ г. Мортье-де-Фонтена, и мы имѣли уже случай говорить о ней въ ноябрской, за прошлой годъ, книжкѣ «Пантеона». Но мы говорили только по свѣдѣніямъ иностранцевъ, нынѣ-же мы убѣдились сами, что отчетливое, прекрасное исполненіе г. Мортье де-Фонтена есть чистый плодъ его учености, музыкальнаго проникновенія и классической опытности. Намъ остается поблагодарить этого артиста за доставленное публикѣ эстетическое наслажденіе, и пожелать ему дальнѣйшихъ успѣховъ.

Намѣреніе его поселиться въ Петербургѣ даетъ намъ надежду не разъ еще слышать его классическое исполненіе безсмертныхъ твореній великихъ учителей, на тщательное изученіе которыхъ онъ посвятилъ всю свою жизнь,—обстоятельство, которое доказываетъ всю скромность и изящество его вкуса.

Не можемъ также не поставить на видъ, что въ этомъ чисто классическомъ концертѣ оркестръ состоялъ изъ музыкантовъ даровитаго дирижера Іосифа Гунгля. Афиши объявляли, что управленіе оркестромъ ввѣрено г. Шуберту, но за полчаса до начала получено было увѣдомленіе о внезапной болѣзни послѣдняго. Г. Мортье-де-Фонтенъ обратился къ находившемуся тутъ г. Соколю, который съ боязнію и недовѣрчивостью къ себѣ и къ своимъ рѣдкимъ качествамъ принялъ это предложеніе. Скромный скрипачъ садовыхъ и бальныхъ оркестровъ, г. Соколь только по временамъ заступалъ мѣсто господъ Гунглей, но несмотря на то, онъ одаренъ талантомъ самобытнымъ и весьма замѣчательнымъ. Принявъ на себя управленіе оркестра въ концертѣ г. Мортье-де-Фонтена, онъ, безъ предварительныхъ репетицій, чистымъ экспромтомъ, такъ искусно и отчетливо исполнилъ трудное дѣло свое, что отнынѣ имя его сдѣлалось извѣстнымъ и стало на ряду съ именами лучшихъ нашихъ капельмейстеровъ, Маурером, Шубертомъ, Бавери, Дютчемъ, Лядовымъ.

22-го февраля, въ Залѣ Дворянскаго Собранія, было продолженіе празднествъ, устраиваемыхъ Обществомъ благотворительныхъ дамъ въ пользу «Убѣжища взрослыхъ дѣвицъ». Праздникъ этотъ состоялъ изъ концерта и танцовальнаго утра. Къ крайнему удивленію, замѣтили мы, что въ этотъ день стеченіе публики было далеко не такъ значительно, какъ 8-го февраля, и по сю пору не можемъ себѣ объяснить этого явленія, тѣмъ болѣе, что въ концертѣ долженъ былъ участвовать

г. Аполлинарій Контскій, только что возвратившійся изъ путешествія въ Кіевъ. А по словамъ нѣкоторыхъ фельетоновъ, онъ *одинъ въ состояніи привлечь всѣхъ жителей Петербурга.* Откуда произошла такая перемѣна? что́ причиною этого непонятнаго охлажденія? Рѣшительно не понимаемъ. Неужели г.г. панегиристы ошиблись? неужели они преувеличивали? Тутъ что́-то не такъ. Вотъ другое дѣло, еслибы въ то время г. Леонардъ былъ уже въ Петербургѣ — ну, тогда мы поняли бы, почему именно остылъ энтузіазмъ, такъ усердно поддерживаемый фельетонами; но 22-го февраля о Леонардѣ носились только темные слухи, и Петербургъ еще не слышалъ этаго дивнаго артиста. А между-тѣмъ, на танцовальномъ и музыкальномъ утрѣ публики было немного. Не могла она знать, что, по встрѣтившимся обстоятельствамъ, г. Контскому не удастся разыграть своихъ новыхъ *арпеджіевъ*. Какъ бы то ни было, и несмотря нато, что г. Контскій не игралъ даже ни одной ноты, утро это принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ нынѣшняго сезона. Непритворное веселье одушевляло всѣхъ посѣтителей, имѣвшихъ внутреннее сознаніе своего участія въ добромъ дѣлѣ, и мы замѣтимъ только, что непринужденность здѣсь переступила даже должныя границы: — многіе изъ посѣтителей явились въ визиткахъ и пальто на танцовальное утро въ Дворянскомъ Собраніи, гдѣ офицеры бываютъ не иначе, какъ въ мундирахъ. Намъ кажется, что здѣсь le sans-façons зашелъ ужъ слишкомъ далеко. Праздникъ начался прекраснымъ исполненіемъ дилетантами, подъ управленіемъ г. Сигизмунда Штерна, хора изъ оперы «Моисей»; вслѣдъ за тѣмъ сыграна была опять увертюра изъ оперы «Семирамида», но уже не въ 32 руки, а въ 40 рукъ, и сыграна прекрасно, отчетливо, согласно. Едва слушатели не лишились и этого удовольствія, какъ лишились *удовольствія* слышать г. Котнскаго.

Одна изъ дамъ, исполнявшихъ одну изъ первыхъ партій увертюры, внезапно занемогла, и только находчивости г.г. Отрѣшкова и Штерна обязаны мы, что увертюра не была отложена. Они увидѣли въ толпѣ слушателей одного изъ лучшихъ музыкальныхъ дилетантовъ въ Петербургѣ, А. И. Бернарда, и пригласили его заступить мѣсто больной. Надо быть истиннымъ артистомъ и имѣть глубокую увѣренность въ своемъ талантѣ, чтобъ рѣшиться исполнить предъ публикой, безъ предварительныхъ репетицій, одну изъ главныхъ партій увертюры, разложенной для 40 рукъ. Г. Бернардъ съ рѣдкимъ искусствомъ преодолѣлъ всѣ трудности. Музыкантъ въ душѣ, онъ инстинктивно понялъ всѣ требованія и условія, и увертюра Семирамиды, съ внезапнымъ содѣйствіемъ его, была исполнена еще лучше, чѣмъ въ концертѣ 8-го февраля.

По окончаніи увертюры послѣдовалъ русскій хороводъ, составленный изъ дѣтей, прекрасно приготовленныхъ г. Пишо, а вслѣдъ за тѣмъ въ большой залѣ начались танцы взрослыхъ, а въ малой — дѣтей.

Признаемся, мы удалились въ послѣднюю; намъ интересно было смотрѣть на этотъ крошечный міръ, танцующій, прыгающій безъ всякихъ *arrière pensées*, отъ полной души. Здѣсь не существовало ни вычурности, ни жеманства, ни кокетства; веселіе здѣсь было самое радушное, переходило на зрителей, на маменекъ, гувернантокъ, и дошло до того, что даже многіе взрослые пустились танцовать.

Празднествомъ этимъ заключился длинный рядъ концертовъ во-время мясоѣда. Наступила масляница, полился ливмя дождь, избилась дорога, закружились качели, въ балаганахъ раздались звуки номадныхъ оркестровъ, длинною вереницею потянулись экипажи около горъ, — и все приняло другой оборотъ. Въ исходѣ масляницы погода внезапно измѣнилась, завылъ, забушевалъ—*съ бѣлыми Борей власами*, гоня предъ собой громадныя масы снѣгу, путь возстановился, снова показались залихватскія тройки, украшенныя безчисленнымъ множествомъ побрякушекъ, на улицахъ исчезли бурнусы и пальто, проявились опять еноты, песцы, лисицы, медвѣди, и жители Петербурга понеслись шумными толпами за Неву, на Минеральныя Воды. И здѣсь опять музыка!—Петербургъ ужъ такъ созданъ, ему нѣтъ житья безъ музыки!—оркестръ, тирольцы, цыгане.... Кстати о послѣднихъ, составляющихъ необходимую принадлежность всѣхъ петербургскихъ увеселеній. Хоръ ихъ, состоящій теперь только изъ одиннадцати человѣкъ (6 женщинъ и 5 мужчинъ), значительно улучшился.. Нѣтъ уже дикихъ, неистовыхъ криковъ, осталось одно тихое, звучное, пріятное пѣніе, дышащее родною, русскою заунывностію. Да и надо отдать полную справедливость дирижёру ихъ, Ивану Васильеву. Обладая небольшимъ, но довольно гибкимъ голосомъ, онъ искусно умѣетъ употреблять свои преимущества. Но вотъ прошла масляница и настала настоящая пора (сезонъ) концертовъ.

Въ это время, по давно принятому обычаю, городъ нашъ купается, плаваетъ, тонетъ въ музыкѣ. Музыка раздается во всѣхъ концахъ; всѣ залы, мало-мальски вмѣстительныя, устанавливаются эстрадами, креслами, стульями и оглушаются звуками всевозможныхъ инструментовъ и голосовъ. Артисты, пріѣзжіе и доморощенные, знаменитые и безъизвѣстные, расточительные и бѣдные, наперерывъ стараются ознакомить Петербургъ съ своими талантами, и заслужить хотя частичку тѣхъ овацій, которыми наша публика такъ щедро надѣляетъ всѣхъ и каждаго, овацій *звонкихъ* и *блестящихъ*.

Въ иной день бываетъ до четырехъ концертовъ, и каждый имѣетъ своихъ посѣтителей и слушателей. Всѣ наслаждаются по своему, — публика—музыкою, артисты—своими успѣхами; одни только несчастные фельетонисты не раздѣляютъ общаго удовольствія. Обязанные представлять обо всемъ отчеты, убѣждаться во всемъ лично, они должны находиться въ одно время во всѣхъ концертахъ, то есть, побывать въ каждомъ по получасу, прослушать — здѣсь музыку классическую, тамъ романтическую, въ третьемъ мѣстѣ пѣніе, въ четвертомъ польку, въ пятомъ какія-нибудь музыкальные фокусы... по-неволѣ голова ихъ кружится, мысли путаются, перо притупляется и пишетъ панегерики всякому, хоть чѣмъ-нибудь замѣчательному таланту. Дѣлаютъ имъ на то замѣчанія, они разливаются желчью, вступаютъ въ битву съ своими собратьями, столь же несчастными, какъ они, — и все оттого, что каждый изъ этихъ господъ старается по возможности разнообразить свой фельетонъ. Не лучше ли было-бы, еслибъ всякій изъ нихъ писалъ меньше, но основательнѣе, дѣльнѣе.....

Сезонъ начался концертомъ г. Кастилья, въ которомъ участвовали г-жи Віардо-Гарція, г.г. Стигелли и Онгеръ (вновь пріѣзжій артистъ на концертинѣ, по-русски—на гармоникѣ.) Мы не были въ этомъ концертѣ, но слышали г. Онгера на Минеральныхъ Водахъ. Инструментъ его, по устройству своему, даетъ возможность артисту исполнять съ удивительной отчетливостью и скоростью самые запутанные пассажи, аккорды, хроматическія гаммы и сопровождать ихъ разнообразной довольно звучной гармоніей. Конечно, при этомъ необходимы опытность, трудъ и ловкость, и всѣ эти условія въ г. Онгерѣ на лицо. Не менѣе того игра на этомъ инструментѣ немногимъ опередила канареечный органъ.

Вечеромъ того-же дня былъ въ Александринскомъ театрѣ тотъ знаменитый концертъ г. Кажинскаго, по случаю котораго «Сѣверная Пчела» заблаговременно увѣдомляла, что выписанныя ею 16-ть нумеровъ составляютъ только *четвертую* его часть. Шестьдесятъ четыре нумера — страшно подумать!

Нѣтъ никакой возможности, даже и нужды, входить въ подробности о всѣхъ артистахъ, которымъ приходитъ охота угощать Петербургъ своей игрой, пѣніемъ и композиціями. Подобный трудъ далеко превзошелъ бы двѣнадцать работъ покойнаго Геркулеса, несмотря на то, что работы эти совсѣмъ не были бездѣлицами. Нѣтъ, мы чувствуемъ себя въ совершенной невозможности говорить о всѣхъ тѣхъ, которые несутся на крыльяхъ надежды *въ хладныя степи Россіи*, какъ они поэтически выражаются. Господа эти мечтаютъ о сибирскомъ золотѣ, которое, какъ извѣстно, лучше калифорискаго, потому-что легче добывается, и

воображаютъ, что сборы даются у насъ также удобно, какъ нѣкоторые фельетоны. Оби забываютъ, что и самъ Аполлонъ имѣлъ большую привязанность къ намъ; ученый филологъ нашъ, докторъ Вальтеръ, сказалъ въ одной изъ своихъ латинскихъ одъ — *a propos*, переведенныхъ на россійское нарѣчіе:

«Что̀ за восторгъ, ликованье, какое высокое чувство,
Жителей странъ полуночныхъ на радостный пиръ созываетъ?
То Аполлонъ, въ кругу Девяти, къ своимъ *гипербореямъ*,
Родину Делосъ оставивъ, спѣшитъ.

(*Торжественная ода по случаю празднества 50-тилѣтняго юбилея Императорскаго Дерптскаго Университета*).

Можетъ быть артисты и не знаютъ этого обстоятельства, можетъ имъ и въ голову не приходило читать оды г. Вальтера, и это даже очень вѣроятно, потому-что стеченіе артистовъ увеличивается у насъ съ каждымъ годомъ. Здѣсь есть представители всѣхъ націй, пьянисты всѣхъ земель, не достаетъ только кого-нибудь изъ Шпицбергена, и коллекція была-бы полная. Если къ числу этихъ заѣзжихъ господъ мы прибавимъ еще всѣхъ нашихъ доморощенныхъ артистовъ, то право, безъ преувеличенія, можно сказать, что Петербургу придется въ-теченіе Великаго Поста услышать десятую часть своихъ жителей.

А прослѣдить за всѣми, воля ваша, нѣтъ силъ, и мы однажды навсегда примемъ за правило говорить только о тѣхъ концертахъ, которые хоть чѣмъ-нибудь замѣчательны.

Но какъ поступить въ отношеніи концерта г. Кажинскаго? Право, мы находимся въ довольно затруднительномъ положеніи.

Одна газета поставила его въ геніи первой величины; она говоритъ, «что онъ образовалъ и сдѣлалъ превосходнымъ оркестръ Александринскаго театра, что онъ создалъ для него антракты, что онъ великій композиторъ (а это много, потому-что таже газета не признаетъ никакого таланта въ Мейерберѣ, Верди и Глинкѣ), и что наконецъ «Пантеонъ» его *преслѣдуетъ*.» — Недоумѣваемъ и не знаемъ, въ какомъ смыслѣ принять выраженіе *преслѣдуетъ?* Слово это имѣетъ двоякое значеніе — *гнать* и *слѣдить за кѣмъ-нибудь*. Гнать мы г. Кажинскаго не могли, да и не имѣли на то никакого права; притомъ же мы считаемъ его безвреднымъ искусству. Критика гонитъ только шарлатановъ, штукарей, невѣждъ, которые по-

бочными средствами, тайными путями хотятъ возвыситься надъ художниками съ истиннымъ призваніемъ и потому уже скромными, и своими продѣлками профанируютъ самое искусство. Что же касается до преслѣдованія въ другомъ значеніи, то мы дѣйствительно слѣдили за успѣхами г. Кажинскаго въ тѣ минуты, въ которыя онъ выходилъ изъ своей обычной колеи дирижера водевильнаго оркестра. Впрочемъ, это случалось очень рѣдко, и сколько намъ помнится, только одинъ разъ, именно, когда онъ выступилъ, какъ критикъ-литераторъ, съ брошюрой, подъ названіемъ: «*Исторія Итальянской Оперы*», которая подлежала нашему разбору, потому-что относилась къ теоріи и литературѣ музыки. Обязанность художественнаго журнала требовала указать на всѣ несообразности и промахи этаго небывалаго еще дотолѣ у насъ творенія. Какъ композитора, мы г. Кажинскаго не разбирали никогда, во первыхъ потому, что онъ пишетъ сочиненія, не подлежащія критикѣ: *польки* и *попурри*, а во-вторыхъ потому, что мы убѣдились, что не скажемъ ему ничего новаго о его талантѣ, послѣ его собственноручнаго письма, адресованнаго къ намъ въ 1845 году, которое мы бережемъ, какъ драгоцѣнный автографъ.

Геній всегда самъ сознаетъ свои силы, а мнѣніе г. Кажинскаго о самомъ-себѣ, выраженное въ письмѣ къ намъ, ясно доказываетъ, какъ глубоко онъ чувствуетъ свое высокое призваніе. Да оно и не можетъ быть иначе—геніемъ считается только тотъ, кто создалъ въ искусствахъ *новое, свое,*—а г. Кажинскій оказалъ несомнѣнную заслугу уже однимъ изобрѣтеніемъ «музыкальныхъ хронологическихъ таблицъ». Угодно-ли вамъ, напримѣръ, узнать, какія знаменитости посѣщали Петербургъ и когда именно? Просмотрите только полное собраніе сочиненій г. Кажинскаго, и вы тамъ тотчасъ найдете все: Таліони-полька, и Гризи-полька, и Лаблашъ-полька и т. д. И какъ не имѣть претензіи на геніальность артисту-литератору, написавшему: *Исторію Итальянской Оперы*, и разсказавшему въ этомъ сочиненіи, въ какомъ положеніи была *итальянская опера* у *древнихъ Грековъ и Римлянъ*; доказавшему, что итальянцы пишутъ музыку для пѣнія лучше, чѣмъ нѣмцы и французы, объяснившему, что въ операхъ подъ *инструментальною частію* разумѣются только увертюра и антракты, а все прочее есть не что-иное, какъ *лирическая часть!* Какъ не имѣть подобной претензіи плодовитѣйшему изъ всѣхъ композиторовъ полекъ и галоповъ, человѣку, воскликнувшему однажды (въ Библіотекѣ для Чтенія): «*Дайте мнѣ двѣ первыя фразы любой увертюры Доницети, и я напишу вамъ безъ ошибки всю его оперу, никогда не слыхавъ ее!*»

Нѣтъ, такой возгласъ можетъ только происходить отъ глубокаго убѣжденія въ своей геніальности, и мы въ полномъ правѣ ожидать отъ господина Кажинскаго оперы, которая убьетъ Доницетти наповалъ. Нѣтъ, мы признаемъ, что по этой части г. Кажинскій — геній; онъ доказалъ это еще недавно введеніемъ въ оркестровку увертюръ* «Оберона» Вебера и «Цампы» Герольда деревяннаго барабана (см. № 1-й Пантеона), и прекраснымъ исполненіемъ на этомъ вновь-изобрѣтенномъ имъ инструментѣ... Мы никогда не порицаемъ г. Кажинскаго; напротивъ, мы отъ души радуемся той степени совершенства, съ которою онъ употребляетъ при оркестровкѣ своихъ полекъ турецкій барабанъ, трещетки, хлопушки, кастаньетки, колокольчики и прочія ново-изобрѣтенныя мусикійскія орудія.

Тотъ же панегиристъ, напечатавшій такую пышную похвалу заслугамъ г. Кажинскаго, выразился: «что подъ нашими музыкальными статьями онъ не подпишетъ своего имени за всѣ сокровища Австраліи и Калифорніи». Въ этомъ отношеніи у насъ совершенное съ нимъ сочувствіе: мы не пожертвуемъ такими сокровищами за эту честь, и сами ни за какія блага въ мірѣ не подпишемъ своего имяни подъ статьями г. панегериста. Suum cuique. Тѣмъ болѣе, что въ похвалахъ этихъ мы находимъ *преувеличеніе*.

Но въ затрудненіе насъ поставляютъ не польки, не антракты г. Кажинскаго—нѣтъ, насъ приводитъ въ затрудненіе его привычка составлять свои концерты изъ всякой всячины. Ну, скажите на милость, какъ пуститься въ разборъ подобнаго поппури, гдѣ было все: и рускія пѣсни, и концерты, и вальсы, и тріо, и капризы г. Контскаго, и валторны, и гобои, и тромбоны, и живыя картины, и увертюры подъ управленіемъ самаго бенефиціанта; не было только антрактовъ сочиненія г. Кажинскаго? Въ этомъ pêle-mêle замретъ какое угодно музыкальное чувство.

Истинное удовольствіе доставили: А. Н. Лядовъ превосходнымъ исполненіемъ новаго вальса «Der Taubenflug» (Голубиный полетъ) соч. Фарбаха, и Г.г. Бартольди, Эстеррейхъ и Шмидтъ (волторна, тромбонъ и гобой). Господа эти извлекали изъ инструментовъ своихъ истинно нѣжныя, пѣвучія, обворожительныя мелодіи. Съ наслажденіемъ также прослушали мы русскія пѣсни, очень хорошо исполненныя г-жами Леоновой и Латышевой,—пѣвицами, одаренными пріятными голосами и давно уже оцѣненными публикой. Особливо г-жа Леонова безподобна въ русской пѣснѣ — это ея genre.

* Въ концертѣ г. Контскаго.

Не можемъ также умолчать о молодомъ піанистѣ Оффенбергѣ, который аккомпанировалъ капризы г. Контскаго, и даже въ этомъ второстепенномъ положеніи выказалъ много неподдѣльнаго дарованія.

Лучшимъ украшеніемъ были живыя картины, превосходно поставленныя талантливымъ декораторомъ Сѣрковымъ.

Это, впрочемъ, была самая эффектная часть концерта.

—

IV. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Масляница. — Адмиралтейская площадь. — Дѣятельность театровъ во-время масляницы. — Число сыгранныхъ пьесъ и актовъ — Смерть Я. Г. Брянскаго и Е. И. Гусевой. — Прощаніе съ публикой В. В. Самойловой 2-й. — Театральные слухи. — Г. де-Сенъ-Жюльенъ — новый театральный фельетонистъ. — Нѣсколько словъ г. де-Сенъ-Жюльену по поводу его сужденій о русской литературѣ и русской публикѣ — Переводъ стихотворенія Лермонтова. — Публичныя лекціи. — Публичная Библіотека.

Масляница прошла, по обыкновенію, шумно и весело. Много было частныхъ баловъ и нѣсколько общественныхъ маскерадовъ. На Адмиралтейской площади, по обыкновенію, катались съ горъ, лущили орѣхи, пили сбитень, качались, хохотали надъ незамысловатыми шутками нашихъ доморощенныхъ паяцовъ, которыхъ народъ прозвалъ дѣдушками, потому-что они являются предпочтительно съ сѣдою бородой, странствовали по балаганамъ. Всѣхъ балагановъ было въ нынѣшнемъ году одиннадцать; мы видѣли въ нихъ все старыхъ нашихъ знакомыхъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ въ первый разъ *представляли* на Адмиралтейской площади. Видѣли мы семейство *Вейнертъ*, показывающее танцы на канатѣ и живую картину; профессора Беккера съ его живыми картинами, гимнастическими штуками и жонглерствомъ; ученыхъ обезьянъ, лошадокъ и собакъ Орбана и Казановы, пантомиму Ивана Легата, дѣтскій *маріонетный* театръ, труппу Кабиловъ, братьевъ Шпози и Луи Детроа, показывавшихъ чудеса физико-магіи и пантомиму, въ которой люди являлись въ видѣ обезьянъ, вѣроятно изъ подражанія настоящимъ обезьянамъ гг. Орбана и Казановы; звѣринецъ Зама, двѣ панорамы и еще что-то въ родѣ пантомимы. Не думаемъ, чтобы читателямъ нашимъ было интересно знать подробности всѣхъ этихъ представленій, тѣмъ болѣе, что объ интереснѣйшихъ изъ нихъ мы имѣли уже случай имъ разсказывать.

Загородныя поѣздки на тройкахъ, увеселительные вечера у Излера, въ Екатерингофѣ, на Петергофской дорогѣ и другихъ подобныхъ мѣстахъ шли своимъ чередомъ. Вездѣ было много народу, вездѣ веселились по мѣрѣ силъ и возможности; но средоточіемъ маслянічныхъ удовольствій были, какъ и всегда, театры. Всѣ они бывали полны, несмотря на соперничество съ прочими увеселеніями и несмотря на то, что у насъ четыре театра, въ которыхъ давалось по два представленія въ день.

Дѣятельность нашихъ театровъ во-время масляницы истинно изумительна; вотъ таблица, которая дастъ вамъ объ этой дѣятельности точное понятіе:

Въ-теченіе семи дней масляницы дано:

На Большомъ Театрѣ	16 пьесъ,	въ 40	дѣйствіяхъ.
На Александринскомъ	38 ——	— 81	———
На Михайловскомъ	42 ——	— 86	———
На Театрѣ-Циркѣ	29 ——	— 65	———
Всего	125 пьесъ	въ 272	дѣйствіяхъ.

Въ томъ числѣ, считая повторенія:

Оперъ	13
Драмъ	17
Комедій	32
Водевилей	47
Драматическихъ пословицъ	4
Балетовъ	7
Конныхъ представленій	4
Пантомимъ	1
	125 пьесъ

Мы не включили въ этотъ разсчетъ представленій итальянской, французской, нѣмецкой, балетной и конной труппъ, данныхъ для иностранцевъ, въ понедѣльникъ и вторникъ первой недѣли поста, на такъ называемой *нѣмецкой масляницѣ*.

Вы видите изъ этого, что въ Петербургѣ было очень весело, хоя, разумѣется, не всѣмъ; радость и горе идутъ рука объ руку, съ тою только разницею, что радость откровенна, любитъ публичность,

горе молчаливо, скрытно, сосредоточивается въ самомъ-себѣ, рѣдко довѣряется другому. Были, вѣроятно, и скучавшіе, къ числу которыхъ смѣло можно отнести актеровъ: наше веселье достается имъ часто, особенно на масляницѣ, цѣною тяжкаго труда, и никто, я думаю, не ждетъ съ такимъ нетерпѣніемъ тихихъ дней отдыха, какъ они.

Было у нашихъ артистовъ и другое горе: они лишились, въ-теченіе одной недѣли, двухъ любимыхъ и уважаемыхъ сослуживцевъ, Якова Григорьевича Брянскаго и Елены Ивановны Гусевой.

Яковъ Григорьевичъ Брянскій умеръ за нѣсколько дней до масляницы, въ четвергъ, 20 февраля, отъ холеры Онъ былъ необыкновенно крѣпокъ и здоровъ, несмотря на свой уже преклонной возрастъ (ему было слишкомъ 60 лѣтъ), но припадокъ холеры былъ такъ силенъ, что унесъ его въ нѣсколько часовъ. Ночью онъ заболѣлъ, а къ двумъ часамъ пополудни его не было уже въ живыхъ. Въ самый день смерти своей онъ долженъ былъ играть роль Квазимодо въ «Эсмеральдѣ»; имя его стояло вечеромъ на афишѣ, и большинство публики, видя въ его роли другаго, думало, что онъ только болѣнъ, не подозрѣвая, что никогда уже не увидитъ его болѣе на сценѣ, на которой онъ съ честію прослужилъ болѣе сорока лѣтъ.

Редакція «Пантеона» падѣется напечатать въ скоромъ времени подробную біографію Я. Г. Брянскаго, обѣщанную ей однимъ изъ нашихъ извѣстныхъ литераторовъ, и потому мы не коснемся здѣсь жизни этого артиста, пережившаго нѣсколько театральныхъ поколѣній, жизни важной въ исторіи русскаго театра, потому-что она обнимаетъ собой ея важнѣйшій періодъ Мы не можемъ, однако-же, умолчать о томъ, что Я. Г. Брянскій былъ артистъ трудолюбивый, добросовѣстный, преданный своему искусству искренно. Онъ принадлежалъ къ декламаціонной школѣ Дмитревскаго и Яковлева, школѣ уже сошедшей со сцены и почти не имѣющей въ настоящее время представителей; игра его была, въ-слѣдствіе этого, нѣсколько напыщена, *театральна*, но всегда благородна и правильна. Амплуа благородныхъ отцовъ, въ драмахъ и комедіяхъ, понесло въ немъ невознаградимую, въ настоящее время, потерю.

Какъ человѣкъ, Я. Г. Брянскій пользовался уваженіемъ всѣхъ знавшихъ его; онъ былъ отличный товарищъ, честенъ, правдивъ, добръ и благороденъ.

Смерть Елены Ивановны Гусевой была еще неожиданнѣй. Мы были вмѣстѣ съ ней на похоронахъ Брянскаго, а ровно черезъ недѣлю, въ четвергъ на масляницѣ, 27 февраля, она отправилась въ слѣдъ за своимъ старымъ сослуживцемъ.

Это было во-время утренняго спектакля; давали «Русскую Свадьбу» г. Сухонина. Гусева чувствовала себя нехорошо еще до начала представленія, но думала, что уже поздно отказываться отъ роли, и потому одѣлась и вышла на сцену. Первое дѣйствіе она сыграла съ трудомъ, а во-второмъ ей сдѣлалось еще хуже. Она кое-какъ докончила одну изъ послѣднихъ сценъ этого дѣйствія, и вышла за кулисы, почти шатаясь; тамъ она опустилась на стулъ, который поспѣшили подать ей товарищи, замѣтивъ ея слабость.—«Что съ вами, Елена Ивановна?» спросилъ одинъ изъ нихъ.—Охъ! худо, братцы, отвѣчала она: смерть пришла. Простите меня, если я въ чемъ согрѣшила передъ вами.—Одинъ изъ близъ стоявшихъ артистовъ сталъ было утѣшать ее, но больная опрокинулась на спинку стула, и черезъ нѣсколько минутъ ея не стало.

Всѣ любители русскаго театра пожалѣютъ объ Е. И. Гусевой, какъ пожалѣютъ о ней всѣ ея близкіе и знакомые. Она превосходно играла роли женщинъ простаго званія: рыночныхъ торговокъ, кухарокъ, нянюшекъ, свахъ, и долго еще, вѣроятно, никто не замѣнитъ ее въ этихъ роляхъ. Елена Ивановна была веселаго нрава, постоянно шутила, острила и никто не скучалъ въ одномъ съ нею обществѣ.

Но тяжелѣе и невознаградимѣе этихъ двухъ утратъ—утрата Василія Андреевича Каратыгина; смерть его нанесла нашему театру жестокій ударъ, отъ котораго трудно будетъ оправиться. Со смертію Василья Андреевича, драма и трагедія сдѣлались почти невозможными. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ будетъ замѣщенъ, но замѣнить его будетъ трудно. Находили, и не безъ нѣкотораго основанія, недостатки въ игрѣ Василія Андреевича, но никто и никогда не сомнѣвался въ его огромномъ дарованіи, для котораго не было невозможныхъ ролей. Выступивъ на сцену въ 1820 году, онъ началъ свое театральное поприще ролью Фингала, въ извѣстной трагедіи Озерова, съ перваго разу сталъ на первое мѣсто въ ряду товарищей,—на мѣсто Дмитревскаго и Яковлева, своихъ славныхъ предшественниковъ и никому не уступалъ его до самой смерти, не смотря на то, что со времени его дебюта русская драма пережила три переворота. Онъ былъ неподражаемъ въ трагедіи классической, истинномъ его назначеніи, но никто не могъ превзойти его и тогда, когда романтическая трагедія школы Шекспира и Шиллера вытѣснила классицизмъ, точно такъ же какъ и послѣ вторженія на нашу сцену новѣйшей французской драмы. Правда, каждая изъ этихъ трехъ эпохъ оставила на его талантѣ отпечатокъ, а отпечатки эти, слишкомъ противорѣчащіе между собой, заставляли его иногда придавать ложный свѣтъ нѣкоторымъ ролямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, эти три пережитыя Каратыгинымъ эпохи доказываютъ великость его дарованія, гибкаго и всеобъемлющаго. Если

біографія Брянскаго можетъ принести пользу исторіи театра, то тѣмъ болѣе принесетъ пользы ей біографія Каратыгина, имѣвшаго на театрѣ большее вліяніе. Трутно было бы пересчитать всѣ сыгранныя, или *созданныя*, какъ говорятъ французы, Каратыгинымъ роли, и потому мы назовемъ здѣсь только нѣкоторыя изъ нихъ.

Къ первой, классической, эпохѣ относятся роли: Ореста въ Андромахѣ, Эгиста въ Меропѣ, Ипполита въ Федрѣ, Арзаса въ Семирамидѣ, Ахилла въ Ифигеніи, Родрига въ Сидѣ, Танкреда, Дмитрія Донскаго, Пожарскаго и др.

Ко второй эпохѣ относятся роли въ Гамлетѣ, Отелло, Лирѣ, Коріоланѣ, Сынѣ любви, Разбойникахъ, Коварствѣ и Любви, Донъ-Карлосѣ, Вильгельмѣ-Телѣ и др.

Къ третьей эпохѣ относятся драмы: Кинъ, Генрихъ III, Антони, Ричардъ д'Арлингтонъ, Тереза, Анджело, Тридцать лѣтъ или жизнь игрока, Велисарій, Отецъ и дочь, Іоаннъ Герцогъ Финляндскій, Карлъ XII при Бендерахъ, Проступокъ, Прародительница, Зажигатели, Кровавая рука, Мономанъ, Елизавета и Графъ Эссексъ, Смерть или честь, Никому, кромѣ короля, Скопинъ Шуйскій, Честолюбецъ, Смерть Ляпунова, Торквато Тассо, Эсмеральда, Роксолана, Рука Всевышняго отечество спасла, Параша Сибирячка, Мольеръ, Клара д'Обервиль, Король Энціо, Ермакъ, Елена Глинская, Иголкинъ, Заколдованный домъ, Замокъ Плесси Латуръ, Греческій философъ, Денщикъ.

Послѣднею драматическою ролью, которую создалъ Каратыгинъ, была роль Бенвенуто Челлини, въ драмѣ того-же названія.

Къ этому перечню присоединимъ еще другой, а именно, короткій перечень пьесъ, переведенныхъ и передѣланныхъ имъ для сцены. Каратыгинъ перевелъ и передѣлалъ: *Агамемнона* Лемерсье, *Антони, Терезу, Ричарда д'Арлингтона, Кина* — Александра Дюма, *Лира, Коріолана*,—Шекспира; *Мессинскую Невѣсту* Шиллера, *Гладіатора, Предка и Потомковъ* — Виктора Гюго, *Людовика XI* (*Замокъ Плесси-Летуръ*) Казиміра Делавиня, *Искательницу приключеній* (*Пашла коса на камень*) Эмиля Ожье, *Честолюбца*—Скриба, и мн. др.

Каратыгинъ заболѣлъ на масляницѣ, въ пятницу, въ день смерти Гусевой, которая, говорятъ, произвела на него очень сильное впечатлѣніе На слѣдующій день было ему уже такъ худо, что онъ отказался играть въ драмѣ «Смерть Ляпунова». Скоро послѣ того открылась у него тифозная горячка, которая, несмотря на невѣроятную почти силу и желѣзное тѣлосложеніе больнаго, свела его въ могилу. Онъ умеръ въ пятницу на второй недѣли поста, 13 марта, въ часъ пополуночи.

Замѣчательно, что Брянскій и Гусева умерли также въ пятницу.

Выносъ тѣла въ церковь Благовѣщенія въ Конной Гвардіи происходилъ 15 марта вечеромъ, а отпѣваніе, въ той-же церкви, 16 числа, въ десять часовъ утра.

На выносъ собралось столько народу, что оба берега Мойки, отъ Краснаго моста до дому Якунчикова, въ которомъ жилъ покойный, были покрыты сплошною толпою, равно какъ и вся почти площадь, между дворцомъ Е. И. В. Великой Княгини Маріи Николаевны и Исакіевскимъ Соборомъ. Гробъ донесли до церкви на рукахъ.

Разсказываютъ, что какой-то порядочно-одѣтый господинъ порывался, во-время шествія, приблизиться ко гробу, но толпа не допускала его; наконецъ онъ подошелъ довольно близко и хотѣлъ, подобно многимъ другимъ, нести гробъ, но никто изъ несшихъ не уступалъ ему своего мѣста. Тогда онъ обратился къ одному, судя по платью, мѣщанину или мелкому торговцу, и просилъ его пропустить его, говоря, что покойникъ былъ ему знакомый.

— Эхъ батюшка, отвѣчалъ мѣщанинъ, не уступая своего мѣста и отстраняя просившаго, *онъ былъ намъ всѣмъ знакомый!*

Эти простыя, но проникнутыя задушевностію слова, показываютъ, какъ популяренъ и любимъ былъ покойникъ.

На слѣдующій день толпа была еще больше: она покрывала всю улицу отъ церкви Благовѣщенія, весь Благовѣщенскій мостъ и часть островской набережной. Народъ не допустилъ, по окончаніи божественной службы и панихиды, поставить гробъ на колесницу, несъ его до самаго Смоленскаго-кладбища, и разошелся только тогда, когда гробъ засыпали землею.

Изъ числа присутствовавшихъ въ церкви, при отпѣваніи, мы замѣтили многихъ государственныхъ сановниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые несли гробъ до колесницы; всѣхъ артистовъ русской труппы и многихъ артистовъ французской, нѣмецкой и балетной труппъ. Изъ литераторовъ мы видѣли Н. В. Кукольника, Ѳ. А. Кони, Н. П. Греча, А. В. Висковатова, П. Г. Ободовскаго, П. С. Ѳедорова, Д. П. Сушкова, П. П. Сухонина, В. П. Василько—Петрова.

Каратыгина положили у самой церкви, неподалеку отъ Дюра.

Мы слышали, что даровитый художникъ нашъ, В. Ѳ. Тиммъ, издатель «Русскаго Художественнаго Листка», также присутствовавшій на похоронахъ, приготовилъ уже для одного изъ ближайшихъ нумеровъ своего прекраснаго изданія, два большіе рисунка, представляющіе выносъ тѣла и погребеніе.

Да, тяжелъ былъ прошедшій мѣсяцъ для Русскаго Театра. Смерть столькихъ артистовъ навела на всѣхъ какой-то паническій страхъ, такъ, что безпрестанно распространялись слухи о смерти, или болѣзни многихъ другихъ артистовъ. Но къ счастію, всѣ эти слухи оказались ложными.

Въ Театральной Лѣтописи этого нумера разсказано о прощальномъ бенефисѣ госпожи Самойловой, но настоящее ея прощанье съ публикой было въ воскресенье наканунѣ Великаго Поста. Она играла въ этотъ вечеръ: въ драмѣ Корженевскаго «Окно во-второмъ этажѣ», въ комедіи барона Ѳ. Ѳ. Корфа «Браслетъ и прочее», и участвовала въ дивертисманѣ изъ водевиля графа Потемкина «Послѣдняя пѣснь Лебедя». Публика сдѣлала госпожѣ Самойловой торжественныя проводы. Ее вызывали послѣ каждой пьесы по нѣскольку разъ, и послѣ каждой пьесы бросали букеты, а послѣ дивертисмана вызвали, по ариѳметическому исчисленію одной газеты, ровно тридцать разъ, и, буквально, засыпали цвѣтами. Подруги ея, въ главѣ которыхъ, какъ мы слышали, была госпожа Левкѣева, поднесли ей лавровый вѣнокъ.

Въ дивертисманѣ госпожа Самойлова танцовала русскую пляску, съ своей сестрой, по окончаніи которой перецѣловала на сценѣ всѣхъ подругъ своихъ, при громкихъ рукоплесканіяхъ публики. Потомъ она передала публикѣ нѣсколько букетовъ, а въ заключеніе бросила еще одинъ; букеты были, разумѣется, разобраны по цвѣтку.

Теперь театры закрыты до Ѳоминой недѣли; они отдыхаютъ, сбираются съ силами и готовятъ, какъ мы слышали много новаго. Во-первыхъ, три одноактныя оперы г. Рубинштейна, о которыхъ мы уже говорили; во-вторыхъ, новую драму г. Маркова. О драмѣ мы ничего не знаемъ, а объ операхъ слышали, что одна изъ нихъ, либретто которой написано М. Л. Михайловымъ, называется «Ѳомка дурачекъ»; другая, заимствованная изъ поемы Лермонтова «Хаджи-Абрекъ» г. Жемчужниковымъ, называется «Месть»; дѣйствіе третьей происходитъ въ Сибири, дѣйствуютъ въ ней охотники за медвѣдями, но ни названія ея, ни имени автора либретто не знаемъ.

Должно также отнести къ театральнымъ новостямъ появленіе новаго театральнаго фельетониста, а именно г. Шарля де Сенъ-Жюльена. Въ числѣ особенностей его фельетона, прежде всего укажемъ на подпись: г- де Сенъ-Жюльенъ не просто подписываетъ свое имя, а прибавляетъ къ нему: Redacteur à la Revue des deux mondes. Считаемъ долгомъ объяснить, что во французской журналистикѣ слово *редакторъ* значитъ совершенно то-же, что́ у насъ *сотрудникъ*; онъ редижируетъ или *редактируетъ* свою статью, потому онъ и редакторъ. Нашему-же слову *редакторъ* (не статьи, а журнала) соотвѣтствуютъ во Франціи

нѣсколько словъ: redacteur en chef, gerant, directeur. Г. де Сенъ-Жюльенъ напечаталъ въ Revue des deux mondes нѣсколько статей, и потому имѣетъ полное право называть себя редакторомъ въ Revue des deux mondes, но хорошо-ли онъ дѣлаетъ? Не думаемъ, потому-что г. Сенъ-Жюльенъ печаталъ въ этомъ журналѣ статьи о русской литературѣ, которыя никакъ не могутъ расположить въ его пользу русскихъ читателей. Одна изъ нихъ, о графѣ Соллогубѣ, ставитъ этого писателя чуть-ли не въ главѣ послѣдняго періода нашей словесности и наполнена множествомъ промаховъ, доказывающихъ, что авторъ не потрудился познакомиться основательно съ предметомъ, о которомъ пишетъ; другая, объ И. А. Крыловѣ, превосходитъ первую промахами, и должна была дать французамъ превратное понятіе о литературѣ нашей вообще, и о славномъ баснописцѣ нашемъ, наиболѣе народномъ изъ нашихъ писателей, въ-особенности. Мы очень благодарны г. де Сенъ-Жюльену за его желаніе познакомить своихъ соотечественниковъ съ нашею литературою, но не можемъ не сожалѣть, что онъ сообщилъ имъ о ней много невѣрныхъ и даже превратныхъ свѣдѣній. Нельзя не отдать справедливости дарованію графа Соллогуба, но никто изъ знакомыхъ сколько-нибудь съ русской литературой, не поставитъ его въ главѣ эпохи, въ которую дѣйствовали Гоголь и Лермонтовъ. Что̀ касается до мелкихъ промаховъ, то ихъ не перечтешь. Вотъ, для образчика, нѣсколько изъ нихъ: онъ называетъ комедію Фонвизина «Недоросль» *Блуднымъ сыномъ* (L'enfant prodigue); оперу Крылова «Илья богатырь» переименовываетъ въ *Игоря богача* (Igor Bogatch—Igor le riche), оперу Крылова «Бѣшеная семья» — въ La famille des Effrayés ou les Fous et les Espiegles. (Семья испуганныхъ или сумасшедшіе и плутоватые?!) Изъ этого уже видно, что г. де Сенъ-Жюльенъ не довольно знакомъ съ русскимъ языкомъ, а слѣдовательно не могъ ознакомиться какъ слѣдуетъ и съ русской литературой. Послѣднее обстоятельство доказывается рядомъ промаховъ другаго рода. Такъ, напримѣръ, г. де Сенъ-Жюльенъ сравниваетъ Державина съ Жанъ-Батистомъ Руссо (какая честь!), приписываетъ Карамзину литературные подвиги, которыхъ нашъ исторіографъ никогда не совершалъ, и т. п. При переводѣ басенъ Крылова онъ дѣлаетъ произвольные пропуски, иногда по нѣскольку стиховъ вдругъ. А переводитъ невѣрно. Напримѣръ, онъ переводитъ *пустыя щи* выраженіемъ chichi deja fort enlamé, а стихи:

«Послушай-ка, тутъ перервалъ мой лжецъ:
«Чѣмъ на мостъ намъ идти, поищемъ лучше броду.»

(*Басня «Лжецъ.»*)

«Ecoute, dit enfin le menteur en interrompant son malin compagnon, au lieu de prendre par le pont, ne pourrions nous pas suivre les bords de la rivière?» Т. е. *Послушай, сказалъ наконецъ лжецъ, перебивая своего хитраго товарища, чѣмъ на мостъ намъ идти, не лучше-ли пройтить по берегу?*

Право, намъ кажется, что́ г. де Сенъ-Жюльенъ напрасно напомнилъ о своихъ статьяхъ о русской литературѣ, потому-что это можетъ повредить его фельетонамъ во мнѣніи русскихъ читателей.

Имѣемъ мы и еще кое-что́ сказать г. де Сенъ-Жюльену.

Въ одномъ изъ фельетоновъ своихъ, а именно, о бенефисѣ госпожи Вольнисъ, г. де Сенъ-Жюльенъ намекаетъ на то, что наша публика не имѣетъ собственнаго сужденія въ дѣлѣ искусства, а основываетъ обыкновенно свой мнѣнія на сужденіяхъ европейскихъ журналовъ; что она любитъ готовыя, такъ-сказать, знаменитости и не въ состояніи оцѣнить, напримѣръ, хоть произведеніе иностранной литературы, само-по-себѣ. — Не господину-бы Сенъ-Жюльену говорить, не намъ-бы слушать.—Онъ лучше, нежели кто другой знаетъ, что Петербургъ оцѣнилъ прежде его соотечественниковъ госпожу Бурбье; что г. Брессана, о которомъ никто прежде не говорилъ, носятъ въ Парижѣ на рукахъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ возвратился туда изъ Петербурга; что госпожа Альбони, одна изъ первыхъ современныхъ пѣвицъ, была оцѣнена Петербургомъ въ то время, когда Европа почти не знала ее; что г. Бертонъ, наконецъ, пріѣхалъ къ намъ актеромъ весьма посредственнымъ, что публика принимала его тогда очень холодно, но что съ-тѣхъ-поръ, онъ образовался на нашей петербургской сценѣ и сталъ любимцемъ публики.

Въ подтвержденіе своего мнѣнія г. де Сенъ-Жюльенъ приводитъ драматическую пословицу Альфреда де-Мюссе «Un Caprice», которая, по его словамъ, не имѣла успѣха въ Петербургѣ, гдѣ была играна прежде, нежели въ Парижѣ, и будучи представлена въ Парижѣ, произвела furore и открыла доступъ на сцену цѣлому ряду такихъ-же произведеній того-же автора.

Смѣемъ увѣрить г. де Сенъ-Жюльена, что и въ этомъ отношеніи онъ ошибается. Вотъ истинная исторія этой пьески.

Она, какъ справедливо замѣчаетъ г. де Сенъ-Жюльенъ, была первоначально напечатана въ Revue des deux mondes, но онъ, какъ кажется, не знаетъ, что она была потомъ переведена на русскій языкъ и напечатана въ «Библіотекѣ для Чтенія», подъ заглавіемъ «Женскій умъ лучше всякихъ думъ». Переводъ этотъ сдѣланъ А. Н. Очкинымъ, нынѣшнимъ редакторомъ (въ нашемъ, а не во французскомъ смыслѣ)

«С. Петербургскихъ Вѣдомостей». За тѣмъ она была представлена на Александринскомъ театрѣ и имѣла огромный успѣхъ; наши театралы до-сихъ-поръ еще вспоминаютъ о томъ, какъ хороша была въ этой пьескѣ А. М. Каратыгина. Изъ чего-же г. де Сенъ-Жюльенъ заключилъ, что петербургская публика не умѣла оцѣнить достоинство этой миленькой пьески. Онъ не зналъ разсказанныхъ нами обстоятельствъ, но мало-ли чего онъ не знаетъ; онъ не знаетъ, какъ кажется и того, *что на французской нашей сценѣ явилась пьеска Альфреда де-Мюссе вслѣдствіе успѣха на русской*, и что и здѣсь она имѣла большой успѣхъ, хотя г. де Сенъ-Жюльенъ не признаетъ этого.

Кажется, что разсказанное нами не только вполнѣ опровергаетъ слова г. де Сенъ-Жюльена, но и доказываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что Петербургъ открылъ Парижу сценическія достоинства пословицъ Альфреда де-Мюссе, потому-что ихъ стали давать тамъ только съ-тѣхъ-поръ, какъ воротилась туда изъ Петербурга г-жа Алланъ и сыграла Un Caprice», съ которымъ сама-то познакомилась въ-слѣдствіе перевода этой пьесы на русскій языкъ и успѣха ея на русской сценѣ.

Очень многіе смотрятъ на литературу легко, думаютъ, что для того, чтобы писать для печати, достаточно писать правильно и имѣть энциклопедическое образованіе — знать всего по немногу. Это понятіе о литературномъ трудѣ распространено не только между читателями, но раздѣляется даже нѣкоторыми пишущими. Особенно легко смотрятъ на фельетонъ. Намъ не разъ случалось слышать, что всякій образованный человѣкъ можетъ сдѣлаться фельетонистомъ: *стóитъ только набить руку*.... Но отъ чего же у насъ такъ мало хорошихъ фельетоновъ. Вѣдь образованныхъ людей у насъ много. — Нѣтъ, фельетонъ требуетъ дарованія, и для него недостаточно поверхностнаго образованія. Фельетоны спеціальные, какъ напримѣръ, о театрахъ, литературные и т. п. гораздо легче тѣхъ, въ которыхъ говорится обо всемъ или о многомъ, но спеціальные фельетоны требуютъ спеціальныхъ познаній и постоянныхъ занятій предметомъ, о которомъ въ нихъ трактуется. Мы сейчасъ видѣли тому доказательства. Что́ касается до пишущаго эти строки, то онъ считаетъ фельетоны долгомъ труднымъ, особенно же фельетоны, въ которыхъ приходится говорить о многомъ. Можно, разумѣется, наполнять ихъ сухимъ перечнемъ случаевъ, событій, именъ и т. д., но такой фельетонъ врядъ-ли будетъ интересенъ; говорить же обо всемъ съ знаніемъ дѣла, avec connaissane de cause, очень и очень не легко. Намъ, напримѣръ, предстоитъ теперь говорить объ продажѣ дублетовъ, бывшей въ Публичной библіотекѣ; что́, кажется, можетъ-быть легче этого? — а, между-тѣмъ, попробуйте-ка. Конечно,

очень не трудно сказать, что такого-то числа, въ одной изъ залъ Публичной Библіотеки происходилъ аукціонъ, на которомъ продано много замѣчательныхъ книгъ, касающихся исторіи Россіи и Польши; но читатели не удовлетворятся этимъ и потребуютъ заглавія замѣчательнѣйшихъ изъ этихъ книгъ. Въ томъ-то и будетъ затрудненіе: для этого надо быть библіофиломъ, т. е. спеціалистомъ въ дѣлѣ библіографіи. Всякой университетски-образованный человѣкъ знаетъ имена Герберштейна, Олеарія, Павла Іовія и еще нѣкоторыя другія, но этого недостаточно, чтобы оцѣнить какъ слѣдуетъ продажу, бывшую въ Публичной Библіотекѣ. Вполнѣ сознавая это, равно какъ и нашу недостаточность въ дѣлѣ библіографіи, мы сообщимъ вамъ свѣдѣнія объ аукціонахъ Публичной Библіотеки на основаніи статьи Г. Н. Геннади, молодаго, весьма свѣдущаго библіофила.

Продажа дублетовъ началась 4-го марта, и продолжалась нѣсколько дней сряду. Названія книгъ, которыя были назначены въ продажу, были напечатаны въ особомъ каталогѣ, нарочно-изданномъ по этому случаю подъ заглавіемъ: «Catalogue d'une belle collection d'ouvrages, en majeure partie rares et précieux, concernant principalement la Russie et l'ancienne Pologne, qui seront vendus aux enchères à la Bibliotheque impériale publique, le 4 mars et les jours suivants». Всѣхъ сочиненій въ этомъ каталогѣ, изъ которыхъ впрочемъ многія повторяются, было назначено въ продажу 1800. Въ-слѣдствіе этой многочисленности книгъ, только нѣкоторыя было предназначено продавать отдѣльно, прочія-же были соединены въ связки, по 10, 15, 20 и болѣе сочиненій, бо́льшею частію однородныхъ, или близкихъ по предмету, или по времени, къ которому относятся. Любители книгъ и отечественной исторіи могли пріобрѣсть на этой продажѣ сочиненія почти всѣхъ важнѣйшихъ иностранныхъ писателей о Россіи. Тутъ были: Гванини, Гельмольдъ, Герберштейнъ, Кельхъ, Матвѣй Мѣховитскій, Олай Великій, Олеарій, Петрей, Павелъ Іовій, Поссевинъ и другіе, также писатели XVIII вѣка: Нестезураной (Руссетъ или Гуссейнъ), Витвортъ, Штелинъ, Перри, Страленбергъ, Монштейнъ, и позднѣйшіе: Потоцкій, Шереръ, Эверсъ, Галстгаузенъ и члены петербургской Академіи, писавшіе о Россіи: Германъ, Гмелинъ, Гильденштедтъ, Георги, Конфера, Миллеръ и другіе. Въ отдѣлѣ Каталога, подъ заглавіемъ: «pièces concernant specialement la Polone было 202 нумера, въ числѣ которыхъ много чрезвычайно рѣдкихъ сочиненій; о Курляндіи 68 сочиненій, объ Эстляндіи 76, о Финляндіи 154, о Лифляндіи 123. Это можетъ дать понятіе о сокровищахъ, которыми подѣлилась Публичная Библіотека, отъ избытковъ своихъ, съ частными людьми.

Считаемъ долгомъ замѣтить, что самый каталогъ составленъ превосходно, со всѣми удобствами для покупателей; онъ расположенъ въ азбучномъ порядкѣ или авторовъ, или заглавій книгъ, если имени автора нѣтъ, или именъ государей, къ царствованіямъ которыхъ они относятся или, наконецъ, названій наукъ, областей и такъ далѣе. Такъ, напримѣръ, при имени Императора Александра приведено 86 сочиненій, считая повторенныя; при имени Императрицы Екатерины II—79 сочиненій, ея собственныхъ, или относящихся къ ея царствованію, въ томъ числѣ, между-прочимъ «Antidote», возраженіе, писанное Императрицей вмѣстѣ съ И. И. Шуваловымъ и княгинею К. Р. Дашковой, противъ лжи и клеветъ путешествія аббата Шаппо: Voyage en Siberie fait par ordre du Roi en 1761.

Остается упомянуть о публичныхъ лекціяхъ о физіологіи, которыя профессоръ Загорскій читалъ по субботамъ въ залѣ Департамента Казенныхъ Врачебныхъ Заготовленій. Не беремъ на себя судить объ этихъ чтеніяхъ почтеннаго профессора, пользующагося вполнѣ заслуженною ученою извѣстностію, но считаемъ долгомъ поблагодарить его за удовольствіе, которое онъ доставилъ, вѣроятно, не однимъ намъ, но и всѣмъ своимъ слушателямъ. Впрочемъ, самый предметъ чтеній г. Загорскаго такъ интересенъ, что они не нуждаются въ похвалахъ.

Были два чтенія о французской литературѣ г. Леппа, одного изъ извѣстныхъ преподавателей французскаго языка и словесности въ нашей столицѣ, о поэтическомъ дарованіи котораго мы имѣли случай говорить въ одной изъ предыдущихъ книжекъ *Пантеона,* но намъ не удалось быть на этихъ, по увѣренію бывшихъ на нихъ, весьма интересныхъ чтеніяхъ.

Кстати. Это напоминаетъ намъ, что въ статьѣ, въ которой мы говорили о г. Леппа, мы обѣщали сообщить нашимъ читателямъ образчикъ переводовъ г. Перро. Исполняемъ обѣщаніе, и предлагаемъ переводъ стихотворенія Лермонтова «Воздушный Корабль». Хотя онъ сдѣланъ не самимъ г. Перро, а его учениками, подъ его руководствомъ, но можетъ дать точное понятіе о томъ, какъ смотритъ почтенный профессоръ на переводы стихотворныхъ произведеній. Выпишемъ сначала подлинникъ, чтобъ читатели могли сами сличить его съ переводомъ.

По синимъ волнамъ океана,
Лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ,
Корабль одинокій несется,
Несется на всѣхъ парусахъ.

Не гнутся высокія мачты,
На нихъ флюгера не шумятъ,
И, молча, въ открытые люки
Чугунныя пушки глядятъ.

Не слышно на немъ капитана,
Не видно матросовъ на немъ;
Но скалы и тайныя мели,
И бури ему ни по-чемъ.

Есть островъ на томъ океанѣ —
Пустынный и мрачный гранитъ;
На островѣ томъ есть могила,
А въ ней императоръ зарытъ.

Зарытъ онъ безъ почестей бранныхъ
Врагами въ сыпучій песокъ.
Лежитъ на немъ камень тяжелый,
Чтобъ встать онъ изъ гроба немогъ.

И въ часъ его грустной кончины,
Въ полночь, канъ свершается годъ,
Къ высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаетъ.

Изъ гроба тогда императоръ,
Очнувшись, является вдругъ;
На немъ треугольная шляпа
И сѣрый походный сюртукъ.

Скрестивши могучія руки,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и къ рулю онъ садится
И быстро пускается въ путь.

Несется онъ къ Франціи милой,
Гдѣ славу оставилъ и тронъ,
Оставилъ наслѣдника сына,
И старую гвардію онъ.

И только-что землю родную
Завидитъ во мракѣ ночномъ,
Опять его сердце трепещетъ
И очи пылаютъ огнемъ.

На берегъ большими шагами
Онъ смѣло и прямо идетъ,
Соратниковъ громко онъ кличетъ
И маршаловъ грозно зоветъ.

Но спятъ усачи—гренадеры
Въ равнинѣ, гдѣ Эльба шумитъ,
Подъ снѣгомъ холодной Россіи,
Подъ знойнымъ пескомъ пирамидъ

И маршалы зова не слышатъ:
Иные погибли въ бою,
Другіе ему измѣнили
И продали шпагу свою.

И топнувъ о землю ногою,
Сердито онъ взадъ и впередъ
По тихому берегу ходитъ,
И снова онъ громко воветъ:

Зоветъ онъ любезнаго сына,
Опору въ превратной судьбѣ;
Ему обѣщаетъ полміра,
А Францію только — себѣ.

Но въ цвѣтѣ надежды и силы
Угасъ его царственный сынъ,
И долго его поджидая,
Стоитъ императоръ одинъ —

Стоитъ онъ и тяжко вздыхаетъ,
Пока озарится востокъ,
И капаютъ горькія слезы
Изъ глазъ на холодный песокъ.

Потомъ на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ, и махнувши рукою,
Въ обратный пускается путь.

Вотъ вамъ теперь переводъ:

LE VAISSEAU FANTOME

Aux pâles reflets des étoiles
Sur les flots de l'océan bleu
Un vaissean vogue à toutes voiles,
Il vogue à la garde de Dieu.

Les flamme aux mâts sont muettes,
Les mâts sont immobiles, morts,
Et les canons passent leurs tetes
En silence par le sabords.

On n'entend point le capitaine,
On ne voit point les matelots;
Sans crainte il dresse son antenne
A travers les vents et les flots.

Sur la mer une île se hausse,
Un roc sur les flots en fureur:
Dans cette île est une fosse
Et dans la fosse un empereur.

Là, sans les honneurs de la guerre,
Les ennemis qu'il a vaincus
L'ont mis sous une lourde pierre
Pour qu'il ne se relevât plus.

A l'heure où ce roi sans royaume
Mourut de la plus triste mort,
A minuit le vaisseau fantôme
Tous le ans s'approche du bord.

Lors s'eveillant avec la brise,
L'Empereur surgit du tombeau:
Il porte sa capote grise,
Il porte son petit chapeau.

Les bras croisés sur la poitrine
Et le front penché tristement,
Sur le gouvernail il s'incline,
Et s'eloigne rapidement,

Il gouverne droit sur la France:
C'est là qu'est son trône éclatant,
Son héritier, son espérance,
Sa vieille garde qui l'attend.

Il marche tout droit à la grève
Il appelle ses grenadiers
D'une voix menacante et brève
Il appelle leurs officiers.

Mais ses grenadiers intrépides
Dorment sous les vagues du Rhin,
Sous les sables des Pyramides,
Et sous les neiges du Kremlin.

Ses généraux n'ont pu l'entendre:
Les uns sont morts dans les combats,
D'autres ont survécu pour vendre
Leurs sabres et leurs vieux soldats.

Il marche à grands pas sur la côte
Du pied il frappe le gravier
Il apelle encore à voix haute
Il appelle son héritier.

Son fils, sa derniére espérance,
Son dernier rêve dans ses fers.
A lui, Napoleon, la France,
Mais à l'enfant-roi l'univers!

Mais son fils à la fleur de l'âge
S'est endormi dans un linceul,
Et, l'attendant sur le rivage,
L'empereur reste longtemps seul.

Il reste seul, jusqu'à l'aurore,
Il respire péniblement;
Sur le sable qui les dévore
Ses larmes tombent lentement.

Puis, remontant sur son navire,
Le front retombant sur son sein,
Lentement de bord il revire
Et part en agitant la main.

За исключеніемъ шестой строфы и нѣкоторыхъ слабыхъ стиховъ, какъ, напримѣръ, послѣдній, вовсе непередающій мысли подлинника, мы предпочитаемъ этотъ переводъ переводу г. Э. Дешана, который былъ перепечатанъ въ одномъ изъ фельетоновъ «С. Петербургскихъ Вѣдомостей». Не надо при этомъ забывать, что этотъ переводъ сдѣланъ не самимъ г. Перро, а только подъ его руководствомъ

—

Теперь остается намъ сказать кое-что про **ДАМСКІЙ ТУАЛЕТЪ**.

Обсерваторіею модъ въ настоящее время могутъ служить одни концерты. Въ концертахъ промелькнутъ передъ вами всѣ наряды: утренніе, бальные, визитные, потому-что концертовъ у насъ бываетъ отъ двухъ до четырехъ въ день, начиная отъ скромныхъ залъ Лихтенталя, Мятлевой и Пашковской, до Большаго и Михайловскаго театровъ и до пышной залы Дворянскаго Собранія. Въ денные концерты дамы являются въ утреннихъ нарядахъ, въ шляпкахъ, визиткахъ, мантильяхъ, въ театрахъ вечеромъ тоалеты уже поизысканнѣе, въ залу Дворянскаго Собранія, когда тамъ даются благотворительные праздники или большіе концерты, въ родѣ Бальфовыхъ, надѣваютъ бальный нарядъ—grande parure. Вотъ описаніе замѣчательнѣйшихъ костюмовъ, промелькнувшихъ передъ нами въ прошломъ мѣсяцѣ:

1-й нарядъ.—Сборчатая шляпка изъ атласа и бархата, съ страусовыми перьями подъ цвѣтъ. Платье-капотъ изъ лиловой, тяжелой шелковой матеріи, украшенное бархатными нашивками, на корсажѣ—à la hussarde, на юбкѣ — крупными фестонами. Корсажъ закрытый до верху, напереди съ пуговками. Ни сзади, ни спереди мысковъ нѣтъ.

2-й нарядъ. — Шляпка изъ рипса, съ бархатными нашивками и перьями подъ цвѣтъ. Внутри, кругомъ всѣхъ полей идетъ гирлянда изъ бѣлыхъ лилій, безъ зелени. Около лица цвѣтки крупны, кверху — мельче. Платье изъ гласе, съ открытымъ корсажемъ и полудлинными рукавами, въ сгибѣ руки слегка перехваченными бантиками. Юбка въ четыре волана. Воланы, корсажъ и рукава отдѣлапы рюшемъ изъ лентъ.

3-й нарядъ.—Подвѣнечный.—Платье изъ бѣлаго дама, съ таковою же кофточкой, обшитой широкимъ кружевомъ, и напереди-схваченной брилліантовыми пуговками. Кружевная шемизетка закрываетъ всю грудь, почти до самой шеи. Живой букетъ изъ миртъ и бѣлыхъ розъ. Кружевной вуаль, прикрѣпленный миртовымъ вѣнкомъ.

4-й нарядъ.—Бальный.—Новомодная прическа, состоящая вся изъ заплетенныхъ косъ, перевитыхъ жемчужными нитками и заканчивающаяся назади букетомъ изъ розовыхъ камелій. Платье тюлевое, съ двумя тюниками, изъ которыхъ первая сбоку приподнята букетомъ цвѣтовъ. Открытый корсажъ въ нѣсколько рядовъ убранъ узкимъ кружевомъ и кокардами изъ лентъ, въ видѣ берты.

5-й нарядъ.—Шляпка, съ чрезвычайно маленькими полями, сшитая изъ бѣлыхъ и черныхъ кружевъ, съ маленькимъ перомъ на боку. Платье изъ затканной плотной матеріи. Маленькая кофточка, напереди съ отложными лацканами, убрана вся бахромою. Рукава съ испанскими прорѣзами, сквозь которыя видны богатые кружевные подрукавники. Кружевная манишка, съ отложнымъ воротничкомъ

Чепцы, наколки и подрукавники такъ разнообразны, что описать ихъ рѣшительно нѣтъ никакой возможности. Но опытный дамскій глазъ, взглянувъ на нихъ, тотчасъ догадается, какъ и изъ чего они сдѣланы.

Этими головными уборами щеголяетъ магазинъ М-me Флаксіонъ, въ Малой Милліонной, противъ Англійскаго магазина.

Нынѣшія прически дамъ требуютъ рѣшительно артистической руки. Мы возвращаемся къ временамъ древняго Рима, когда уборка волосъ составляла первое и главное щегольство прекраснаго пола. Знаменитый нашъ парикмахеръ Вотье * ѣздилъ даже нарочно въ Парижъ, чтобы

* На Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Голицына.

вблизи посмотрѣть и изучить поэтически-прихотливыя нынѣшнія прически. Зато, что онъ и дѣлаетъ своимъ волшебнымъ гребнемъ изъ богатыхъ косъ молодой головки — это надо видѣть! Вкусъ дѣло великое въ этихъ гордіевыхъ узлахъ, а ужъ по вкусу — Вотье истинный художникъ!

MARIE DE L—OFF.

РЕПЕРТУАРЪ

РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 5.

I.

ДИПЛОМАТІЯ ЖЕНЫ.

КОМЕДІЯ СЪ ПѢНІЕМЪ, ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

ПОДРАЖАНІЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ПОСЛОВИЦѢ Г-ЖИ БЕРТОНЪ.

Н. КРЕСТОВСКАГО.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

АРКАДІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЗАМОЙСКІЙ.	*Г-нъ Максимовъ.*
ЮЛІЯ НИКОЛАЕВНА, жена его.	*Г-жа Самойлова 2.*
НАДЕЖДА ВАСИЛЬЕВНА ТОРЦЕВА.	*Г-жа Самойлова 1.*
ИВАНЪ, камердинеръ Замойскаго.	*Г-нъ Фальевъ.*

Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ, въ домѣ Замойскаго.

Театръ представляетъ богато убранную комнату; двери въ срединѣ и по обѣимъ сторонамъ; налѣво каминъ съ зеркаломъ; около него большое кресло и столъ, на которомъ горитъ роскошная лампа. Мебель модная.

—

1.

ЗАМОЙСКАЯ, одна.

Удивительная, непостижимая вещь! Пять лѣтъ я за-мужемъ, люблю мужа, какъ въ первый день свадьбы, — а между-тѣмъ, не смѣю сказать ему, чего мнѣ хочется! Съ самаго утра, по-крайней-мѣрѣ, разъ двадцать я рѣшилась напомнить ему, что нынче годовщина нашей свадьбы.... А вотъ день и прошелъ, какъ-будто какой-нибудь обыкновенный: пообѣдали; мужъ по привычкѣ пошелъ пройтись; черезъ полчаса, по обыкновенію, воротится... Ну, ужъ тутъ я непремѣнно рѣшусь сказать ему: «Аркадій, другъ мой! Вѣдь нынче день нашей свадьбы... и въ-продолженіе пяти лѣтъ въ первый разъ вы забыли о немъ!» Ну, а если это покажется ему упрекомъ?... да, да, непремѣнно покажется упрекомъ, потому-что я безъ слезъ не могу напомнить объ этомъ! Слезы въ день свадьбы... нѣтъ, это негодится: онъ назоветъ это ребячествомъ, пожалуй, еще станетъ смѣяться надо мною... Нѣтъ, нѣтъ! ни за что не скажу! лучше отмщу по своему: окружу мужа всевозможными удовольствіями у любимаго имъ домашняго камелька; онъ недавно еще вспоминалъ объ ужинахъ — уничтоженныхъ глупою модою, и сожалѣлъ объ нихъ... прекрасно! Вмѣсто романическихъ мечтаній и слезъ займусь-ка я ужиномъ: *плумп-пудингъ* любимое блюдо Аркадія,—я приготовлю ему *плумп-пудингъ*; да, да, я сама, своими руками все сдѣлаю; это будетъ чудесно! Гдѣ моя пова-

ренная книга... а, вотъ она. (*Читаетъ*) «Ручная книга опытной русской хозяйки.» Аркадій подсмѣивается, что я читаю эту книжку... (*Перелистывая*). А вотъ она теперь и пригодилась для него же, неблагодарнаго! (*Читаетъ*). «Страница 72... пуддингъ... возьми три или четыре»...

—

II.

ЗАМОЙСКАЯ и ТОРЦЕВА.

ТОРЦЕВА (*изъ средней двери*). Ну, такъ и есть: она дома! Хорошо, что я не послушала твоихъ людей и рѣшилась войти.

ЗАМОЙСКАЯ (*всторону*). Вотъ не кстати! (*Громко*). Я тебя не ожидала сегодня...

ТОРЦЕВА. Это и видно, когда велѣла всѣмъ отказывать. Читаешь? Вѣрно новую повѣсть: Большая барыня.

ЗАМОЙСКАЯ (*пряча книгу*). Да.

ТОРЦЕВА. Интересно; съ увлеченіемъ написано, даже съ огнемъ, но только сначала; а подъ конецъ сочинитель, для эфекта, или для того, чтобъ показать свою оригинальность, ужъ не знаю для чего, вообрази, вдругъ взялъ, да и заморозилъ бѣднаго героя повѣсти! Хорошо, что ты читаешь у камина: такъ и обдаетъ тебя холодомъ!...

ЗАМОЙСКАЯ. Садись.

ТОРЦЕВА. Нѣтъ, я только на минутку заѣхала; мнѣ времяни нѣтъ болтать съ тобою: вѣдь я въ отчаяніи... неужели ты не замѣтила, какъ я взбѣшена?...

ЗАМОЙСКАЯ (*вставая*). Признаюсь, ma chére, я замѣчаю, съ нѣкоторыхъ поръ ты постоянно не въ духѣ...

ТОРЦЕВА. Не въ духѣ! Говорятъ тебѣ, я въ отчаяніи, я бѣшусь... и не только за себя, но и за тебя!

ЗАМОЙСКАЯ (*улыбаясь*). И за меня? Вотъ новость!

ТОРЦЕВА. Ты спокойно улыбаешься, какъ въ комедіи, на сценѣ... но тутъ не чему смѣяться!

ЗАМОЙСКАЯ. А! стало-быть это трагедія?

ТОРЦЕВА. Увидишь. Сегодня поутру, только мужъ со двора, я къ нему въ бюро: нѣтъ-ли тамъ какихъ-нибудь записочекъ... знаешь, этакихъ... я имѣю привычку каждый день этимъ заниматься.

ЗАМОЙСКАЯ. Право?

ТОРЦЕВА. Да, и имѣю право: нынче мужья измѣнчивы..., но не о томъ рѣчь. Перебирая и перечитывая все, какъ думаешь, что я нашла сегодня?

ЗАМОЙСКАЯ. Я ничего не думаю.

ТОРЦЕВА (*показывая ей записку*): Взгляни.

ЗАМОЙСКАЯ. Рука моего мужа. (*Отворачиваетъ голову*).

ТОРЦЕВА. Нѣтъ, ты прочти.

ЗАМОЙСКАЯ. Ни за что! По моимъ правиламъ...

ТОРЦЕВА. Стыдись! Эти правила смѣшны. Жена все про мужа должна знать; да и пословица твердитъ, что мужъ да жена... Слушай: «Любезный Поль! Ты хочешь, чтобъ и я сегодня пріѣхалъ вспомнить старину, поужинать и покутить съ вами у Дюссо, а потомъ пошататься въ маскарадѣ, изволь». (*Говоритъ*). Женатый человѣкъ, и собирается кутить!... (*Читаетъ*). «Несмотря на доброту и снисходительность моей милой Юліи»... (*Говоритъ*). Еще смѣетъ называть тебя милою!... (*Продолжая читать*). «Несмотря на доброту и снисходительность моей милой Юліи, я еще до-сихъ-поръ боюсь ей сказать объ этомъ, да и не знаю, скажу ли: для чего пустяками огорчать жену? Во всякомъ случаѣ ждите меня.» Какое развращеніе! А? что ты на это скажешь?

ЗАМОЙСКАЯ. Мнѣ нравится эта боязнь огорчить жену; и стало быть эта боязнь очень велика, когда мой мужъ въ первый разъ въ жизни не откровененъ со мною!

ТОРЦЕВА (вспыхнувъ).

Вотъ хладнокровная жена!
Во мнѣ всю кровь ты взволновала...
Не будь съ тобой я такъ дружна —
Ужъ я бы дружбу доказала!...
Не знай я—къ довершенью зла —
Что ты въ романахъ время губишь,
Вѣдь я подумать бы могла
Что ты до-сихъ-поръ мужа любишь?...

ЗАМОЙСКАЯ. А неужели ты думала, что не люблю?

ТОРЦЕВА. Послѣ пяти лѣтъ замужства, помилуй!...

ЗАМОЙСКАЯ. Знаю, что это не въ модѣ, даже забавно по твоему; зато наша любовь и не похожа на нынѣшнюю, романическую и страстную. Мой мужъ не похищалъ меня, а съ согласія родителей обвѣнчался со мною; мы не рвали на себѣ волосъ, потому-что это больно; не бросались въ воду, потому-что для этого надо умѣть плавать;

и вообще не приносили ни одной изъ великихъ жертвъ, потому-что въ нихъ нужды не имѣлось. Мы любимъ другъ-друга не такъ, какъ въ мелодрамахъ, а просто, спокойно, то-есть, какъ должно... если же и замѣтишь недостатки въ любимомъ человѣкѣ, то любовь и терпѣніе непремѣнно исправятъ ихъ. По твоему, милая Наденька, эта любовь прозаическая, мѣщанская? Думай, какъ хочешь, смѣйся, если угодно, но я тебѣ скажу откровенно: какъ любила мужа съ перваго дня свадьбы, такъ люблю до-сихъ-поръ, такъ буду любить и до сѣдыхъ волосъ, и не краснѣю отъ этаго.

ТОРЦЕВА. Ай, ай, ай, chére amie! Вотъ этими-то прекрасными чувствами и портятъ мужей. Нѣтъ, я не понимаю этой допотопной любви... нѣтъ! Я не позволяю мужу шага сдѣлать безъ моего позволенія! Вотъ и сегодня, прочитавъ записку твоего мужа, я съ моимъ разыграла чудесную сцену... и онъ ужъ не поѣдетъ ни къ Дюссо, ни въ маскарадъ. Видишь-ли, милая Юлинька, я хоть и недавно замужемъ, но пооцытнѣе тебя, и если ты будешь меня слушаться, я тебѣ сообщу маленькій рецептъ супружеской жизни.

ЗАМОЙСКАЯ (*шутя*). Вотъ кстати: а я недавно изъ поваренной книги изучала рецепты для любимыхъ блюдъ мужа...

ТОРЦЕВА. Ты шутишь, а я серьозно хочу научить тебя, какъ сберегать любовь мужа...

ЗАМОЙСКАЯ (*смѣясь*). То-есть: сохранять ее на зиму, какъ грибы, капусту и разныя овощи?

ТОРЦЕВА. Ты смѣешься? Но погоди, перестанешь смѣяться, какъ другая завладѣетъ сердцемъ мужа.

ЗАМОЙСКАЯ. Гм! это еще вопросъ. Ну, не сердись же Надина; возвратимся къ твоему рецепту: я готова выслушать тебя.

ТОРЦЕВА. Слушай-же:

Во-первыхъ, ревности закваски
Отнюдь не истреблять въ мужьяхъ:
Къ мужьямъ, какъ можно меньше ласки,
Какъ можно больше строить глазки
При всѣхъ знакомыхъ и друзьяхъ.

ЗАМОЙСКАЯ (*перебивая, говоритъ*). Постой! Да изъ этаго рецепта давнымъ давно составляются водевили.

ТОРЦЕВА (*продолжая пѣть*).

А во-вторыхъ, принять всѣ мѣры
Записочки къ мужьямъ ловить ..
Твой мужъ, какъ всѣ, не стóитъ вѣры:
Такъ ты должна на всѣ манеры
За нимъ шпіонить и слѣдить.

ЗАМОЙСКАЯ (*снова перебивая*). Довольно! довольно! Пользуйся этимъ рецептомъ сама; а у меня есть свой, получше...

ТОРЦЕВА. Позвольте узнать, какой?

ЗАМОЙСКАЯ. Во-первыхъ, любить мужа, и стараться сдѣлать ему свой домъ пріятнымъ ..

ТОРЦЕВА (*перебивая*). То-то онъ и ѣдетъ къ Дюссо! Ну, а во-вторыхъ...

ЗАМОЙСКАЯ. Его желаніе, его волю считать для себя закономъ.

ТОРЦЕВА. Послушай, ma chère, ты умрешь безъ пользы... Нѣтъ, я лучше уйду, потому-что не могу слышать подобныхъ вещей... мужья всѣ изверги!

ЗАМОЙСКАЯ. Да что жъ мнѣ дѣлать? Вотъ и теперь, сію минуту, ты застала меня съ книгой, и думала, что я читаю романъ, какую-то «Большую барыню», а я, хоть и сама большая барыня, но какъ самая простая мѣщанка, думая объ удовольствіи изверга-мужа, читала поваренную книгу, чтобъ моему чудовищу приготовить плумп-пуддингъ къ ужину.

ТОРЦЕВА (*утвердительно*). Котораго онъ не будетъ ѣсть!

ЗАМОЙСКАЯ. Можетъ-быть; по крайней-мѣрѣ, твой мужъ остается съ тобою: не угодно ли вмѣстѣ съ нимъ пожаловать къ десяти часамъ...

ТОРЦЕВА. Пріѣдемъ! Ты будешь одна, въ горѣ... нашъ долгъ утѣшить, развлечь бѣдную жену... О! если бы я теперь встрѣтилась съ твоимъ мужемъ, я бы высказала ему все безъ церемоніи, напрямки... ужъ я бы услужила тебѣ!

ЗАМОЙСКАЯ. Нѣтъ, ужъ пожалуйста не безпокойся, чтобъ вмѣсто услуги, не повредить мнѣ...

ТОРЦЕВА. Онъ не любитъ меня, даже терпѣть не можетъ: онъ знаетъ, что при мнѣ ему не удастся тиранствовать надъ тобою!

ЗАМОЙСКАЯ (*значительно*). Скажи пожалуйста, ты никогда не сочиняла повѣстей или романовъ?

ТОРЦЕВА. Нѣтъ; да мнѣ и некогда: все свободное время я употребляю на то, чтобъ слѣдить за моимъ вѣтреникомъ... Но къ чему этотъ вопросъ?

ЗАМОЙСКАЯ. Къ тому, что у тебя пренылкое воображеніе: ты рисуешь такую картину моего супружескаго состоянія, что я просто сама себя не узнаю.

ТОРЦЕВА (*обидясь*). Что это? Насмѣшка! Покорно васъ благодарю.

ЗАМОЙСКАЯ. Вѣдь ты говорила же все...

ТОРЦЕВА (*перебивая*). Большая разница! Я, жалѣя васъ, говорю изъ участія...

ЗАМОЙСКАЯ (*стараясь ее успокоить, такъ же перебиваетъ*). А я...

ТОРЦЕВА (*до конца перебивая ее*). А вы, вмѣсто благодарности, смѣетесь надо мной!

ЗАМОЙСКАЯ. Право, я шутя сказала...

ТОРЦЕВА. Я вѣдь не изъ чего-нибудь предлагала вамъ совѣты, единственно изъ дружбы...

ЗАМОЙСКАЯ. Я и не сомнѣваюсь...

ТОРЦЕВА. Меня никто не упрекнетъ въ страсти мѣшаться въ чужія дѣла, когда они до меня не касаются...

ЗАМОЙСКАЯ. Я и не спорю...

ТОРЦЕВА (*присѣдая*). Прощайте. Я обѣщалась завернуть къ Зизи и къ Мими... онѣ бѣдняжки тоже не знаютъ, какъ справиться съ мужьями... Гм! вотъ онѣ не въ васъ: не пренебрегаютъ моими совѣтами.

ЗАМОЙСКАЯ (*удерживая ее*). Ну, не сердись же, Наденька...

ТОРЦЕВА (*успокоиваясь*). То-то, не сердись! Ты знаешь ли, что говорятъ про эти ужины женатыхъ и холостыхъ повѣсъ? Ужасъ!

Тамъ не одно
Лишь пьютъ вино,
Тамъ разныя у нихъ затѣи и проказы!
И знаю я,
Какъ всѣ мужья
Охотно слушаютъ холостяковъ разсказы!
Ты, какъ жена,
Повѣрь, должна
Все мужу доказать, въ упрекахъ справедливыхъ...
Да и къ тому жъ
Блаженъ тотъ мужъ
Который на совѣтъ не ходитъ нечестивыхъ.

А твой — погибшій человѣкъ! Но ты меня не слушаешь, ты сама этого желаешь... пусть онъ погибнетъ!.. мое дѣло сторона... прощай!.. Я теперь къ Зизи, отъ нея къ Мими, потомъ домой, и привезу къ тебѣ моего мужа. (*Уходя*). Сама, сама виновата!

—

III.

ЗАМОЙСКАЯ, потомъ **ИВАНЪ**.

ЗАМОЙСКАЯ. Трещетка! Если она не возмутила моего спокойствія,

ужъ это не ея вина; чего она мнѣ тутъ не напѣла? А вѣдь все съ добрымъ намѣреніемъ; узнай она, что именно сегодня день нашей свадьбы — бѣда! Я увѣрена, что мужу не привлекательны эти ужины, а ѣдетъ онъ, чтобъ не отстать отъ другихъ, чтобъ не подсмѣивались товарищи, будто онъ не имѣетъ своей воли, не свободенъ въ своихъ желаніяхъ.... да, да, у самыхъ умныхъ мужей есть слабость блеснуть свободою! А все-таки это дурно со стороны мужа, особливо въ такой день, очень, очень дурно... Ахъ, Аркадій! Доставитъ ли твое присутствіе столько удовольствія друзьямъ, сколько отсутствіе причинитъ горя женѣ! Я знаю, мнѣ стоитъ сказать одно слово, и онъ не поѣдетъ, но это слово.... нѣтъ! Я не скажу его: я хочу, чтобъ онъ самъ принесъ мнѣ въ жертву и друзей, и маскерадъ, и этого знаменитаго Дюссо съ его ужиномъ. (*Звонитъ*; *Иванъ входитъ*). Иванъ! принеси сюда халатъ барина; да не забудь большую турецкую трубку. (*Слуга уходитъ*). Гг. мужья! Скажите пожалуйста, не лучше ли всѣхъ Дюссо и Сенъ-Жоржевъ (*садясь и разваливаясь въ креслахъ*) у себя дома, подлѣ камина, на мягкомъ креслѣ, съ трубочкой, и съ такой милой женщиной, какъ я?... (*Вставая и проходя по сценѣ*). Право, право гораздо лучше! Однако пойду закажу ужинъ, посмотрюсь въ зеркало, даже принаряжусь, если надобно. (*Уходя*). А надобно, мой милый Аркадій, чтобъ ты самъ вспомнилъ какой сегодня день!.. (*Уходитъ направо*).

—

IV.

ИВАНЪ выноситъ вещи.

Вотъ халатъ, вотъ трубка. (*Все кладетъ на мѣсто*). Примѣрная жена наша барыня! Заботится о мужѣ, о домѣ, о хозяйствѣ... и какая вѣдь хорошенькая! Баринъ тоже добрый, да вспыльчивъ и капризенъ, а все-таки ему нѣтъ средства разсердиться на такую бабенку... и вотъ пять лѣтъ на моихъ глазахъ живутъ себѣ голубками! А вонъ—другія барыни, поди ка ты... Да что барыни... моя Акулина Терентьевна, просто—барская барыня.... а я только и нахожу спокойствіе, какъ отлучусь въ заведеніе... Ай! Голосъ барина! Съ кѣмъ это онъ споритъ?.. (*Уходитъ*).

—

V.

ЗАМОЙСКІЙ и ТОРЦЕВА.

ТОРЦЕВА. Ужъ извините, Аркадій Андреичъ, за мою откровенность, но я вамъ говорю прямо, что вы дурной примѣръ мужьямъ; и заранѣе предупреждаю, что мой мужъ не поѣдетъ съ вами, потому-что я этого не хочу!

ЗАМОЙСКІЙ. Если вашему мужу нравится, когда его водятъ за носъ,—это передъ нимъ.... что́ же касается до меня, то вы напрасно трудитесь: я ни чьихъ совѣтовъ не слушаю.... извините за откровенность.

ТОРЦЕВА. Мнѣ кажется, въ цѣломъ мірѣ одна только Юлія могла ужиться съ такимъ медвѣдемъ, какъ вы! Но вѣдь наконецъ и ей надоѣстъ.... Да! Объявляю вамъ, что вы тоже нынче въ маскерадъ не поѣдете.... (*Встороиу*) Хоть насильно, да услужу ей.

ЗАМОЙСКІЙ (*съ удивленіемъ*). Что́ такое?

ТОРЦЕВА Ничего; мы потолковали съ ней,—и она воспользуется моими совѣтами....

ЗАМОЙСКІЙ. Надежда Васильевна! Сдѣлайте одолженье, занимайтесь своими дѣлами, и оставьте жену мою въ покоѣ... не разстроивайте ее....

ТОРЦЕВА. Аркадій Андреевичъ! Сдѣлайте одолженье, оставьте мужа моего въ покоѣ.... не портите его...

ЗАМОЙСКІЙ. Извольте, оставлю — если онъ самъ мнѣ объ этомъ скажетъ.

ТОРЦЕВА. Да что́ же я по вашему? Нуль въ домѣ?... Мнѣ кажется, долгъ жены слѣдить за мужемъ....

ЗАМОЙСКІЙ (*перебивая*). Долгъ жены заботиться о домашнемъ спокойствіи, чтобы мужъ могъ забывать всѣ непріятности, какія имѣетъ внѣ дома,—и....

ТОРЦЕВА (*перебивая*) Особливо, когда вы отъ домашняго-то спокойствія бѣгаете по маскерадамъ!

ЗАМОЙСКІЙ (*съ досадой*). Съ вами невозможно говорить!

ТОРЦЕВА. Это оттого, что вы не знаете, что́ отвѣчать. Ну, скажите, зачѣмъ вы ѣдете въ маскарадъ?

ЗАМОЙСКІЙ. Затѣмъ, что такъ хочу.

ТОРЦЕВА. Прекрасно! и какъ учтиво! Признаюсь, только изъ любви къ Юлинкѣ, я рѣшаюсь слушать ваши любезности....

ЗАМОЙСКІЙ. Вы-то ее и не любите!

ТОРЦЕВА. Я не люблю?

ЗАМОЙСКІЙ. Да! Для чего вы ей разсказали про этотъ ужинъ и маскарадъ?

ТОРЦЕВА. Изъ участія: мнѣ жаль ее....

ЗАМОЙСКІЙ. Жалѣйте лучше о своемъ мужѣ....

ТОРЦЕВА. Объ немъ нечего жалѣть: мой мужъ очень счастливъ...

ЗАМОЙСКІЙ. Да, онъ извѣстный добрякъ.... простота!

ТОРЦЕВА. Въ тысячу, въ мильонъ разъ добрѣе васъ: онъ остается дома, а вы!... Ну, ну, отвѣчайте же на мой вопросъ: зачѣмъ вы ѣдете въ маскарадъ!

ЗАМОЙСКІЙ. Я ужъ вамъ отвѣчалъ: затѣмъ, что такъ хочу, затѣмъ, что такъ хочу, затѣмъ, что такъ хочу!

ТОРЦЕВА.

(Музыка: *Потергофъ-Полька Гунгл'я*).

Знаю я,
Вы, мужья,
Въ маскарады
Ѣздить рады,
Что бы тамъ
Лучше вамъ
Веселиться,
Кутить,
Волочиться,
Шалить.

ЗАМОЙСКІЙ.

Да, вотъ съ такою женою.
Дома возможно ль пробыть?

ТОРЦЕВА.

Нѣтъ, ужъ повѣрьте, со мною
Вы бы не смѣли шалить!

ЗАМОЙСКІЙ.

Такъ меня судить
Право вамъ грѣшно!

ТОРЦЕВА.

Полноте шутить —
Это мнѣ смѣшно!

ЗАМОЙСКІЙ.

Вотъ желалъ бы — я не скрою —
Чтобы на зло вамъ,
Мужъ пріѣхалъ къ намъ.

ТОРЦЕВА.

Я вотъ Юлиньку настрою,
Чтобъ хоть въ этотъ разъ,
Не пускала васъ!

ЗАМОЙСКІЙ.

Признаюсь, съ женой такою
Съ горя пропадешь,
Изъ дому уйдешь!

ТОРЦЕВА.

Нѣтъ, повѣрьте, мужъ со мною
Не уйдетъ,
Не пропадетъ!
Знаю я
Вы мужья
Въ маскарады
Ѣздить рады
Чтобы тамъ
Лучше вамъ
Веселиться,
И кутить,
Волочиться,
Да шалить!

(*Уходя*) Прощайте, медвѣдь!

(*Скоро уходитъ*).

VI.

ЗАМОЙСКІЙ, потомъ **ИВАНЪ**.

ЗАМОЙСКІЙ. Взбалмочная женщина! Какъ еще съ ней мужъ уживается? (*Звонитъ, входитъ Иванъ*). Иванъ! Приготовь фракъ и все для бала....

ИВАНЪ. Фракъ-съ? А я, по приказанію барыни, приготовилъ вамъ халатъ.

ЗАМОЙСКІЙ. Что я тебѣ приказываю?

ИВАНЪ. Приготовить фракъ-съ...

ЗАМОЙСКІЙ. Такъ и не разсуждай! Пошелъ!

ИВАНЪ (*уходя на лѣво*). Слушаю-съ.

ЗАМОЙСКІЙ (*ходя, съ досадой*). Эта женщина не выходитъ у меня изъ головы! Скажу Юліи, чтобъ она не принимала ее. Право,

она собьетъ ее съ толку. Я очень люблю жену, — но не позволю управлять собою: мужъ долженъ быть главою въ домѣ. (*Ходитъ, не замѣчая, что вошла жена*).

—

VII.

ЗАМОЙСКІЙ и ЗАМОЙСКАЯ.

ЗАМОЙСКАЯ (*про себя*). Ну! Надина услужила мнѣ: онъ не въ духѣ! Притворюсь, будто не замѣчаю.... и все пройдетъ (*Громко*). Что, мой другъ, какъ твоя прогулка?

ЗАМОЙСКІЙ (*сухо*). Обыкновенно какъ! Надѣюсь, что мнѣ позволено прогуливаться?

ЗАМОЙСКАЯ. Не только позволено, даже приказано докторомъ.

ЗАМОЙСКІЙ (*такъ же*). Ну, и вы позволите мнѣ ѣхать въ маскарадъ?

ЗАМОЙСКАЯ (*повертывая его тихонько*). Взгляните-ко на меня хорошенько: кому вы это говорите? Развѣ я запрещаю вамъ дѣлать, что вамъ вздумается?...

ЗАМОЙСКІЙ. Но ваша Надежда Васильевна....

ЗАМОЙСКАЯ. То Надежда Васильевна; а то я—ваша жена—Юлія Николаевна.

ЗАМОЙСКІЙ. Такъ зачѣмъ вы ее принимаете?

ЗАМОЙСКАЯ. Да вы же меня просили познакомиться съ ней, потому-что дружны съ ея мужемъ.

ЗАМОЙСКІЙ. Ахъ, да, точно: виноватъ!... но все-таки она ужасная болтушка!

ЗАМОЙСКАЯ. Не спорю; за то нѣтъ худа безъ добра; отъ нея узнала я, какъ вы боитесь огорчить меня.... это прекрасно съ вашей стороны, и я благодарю васъ, мой другъ.

ЗАМОЙСКІЙ (*сконфуженный*). Да.... конечно.... я писалъ къ ея мужу.... Такъ ты не сердишься, что я далъ слово друзьямъ ужинать съ ними и ѣхать въ маскарадъ?

ЗАМОЙСКАЯ (*подумавъ*) И да, и нѣтъ.

ЗАМОЙСКІЙ. Какъ же понимать такой отвѣтъ?

ЗАМОЙСКАЯ. Съ одной стороны, я сержусь на эти ужины; а съ другой радуюсь немножко....

ЗАМОЙСКІЙ. Ну, тутъ ужъ я рѣшительно ничего не понимаю.... Нельзя-ли пояснѣй?

ЗАМОЙСКАЯ. Извольте, только сядемъ, пожалуйста; а то мы точно на сценѣ разговариваемъ. (*Садится и беретъ ермолку*) Я же, признаться, очень устала: цѣлый день на ногахъ.... и то и другое, вездѣ нуженъ свой глазъ.

ЗАМОЙСКІЙ (*садясь въ кресла*). О! ты у меня хозяйка, чудесная хозяйка.... безъ шутокъ. Помнишь, какъ ты разъ уѣзжала лѣтомъ на мѣсяцъ въ деревню, а я остался здѣсь хозяйничать.... потѣха! Весь домъ пошелъ верхъ-дномъ: мебель, люди, бѣлье, столъ, все въ безпорядкѣ, — а я хуже всѣхъ!... Да, ты наша поддержка!

ЗАМОЙСКАЯ (*работая*). Вы мнѣ сегодня что-то ужъ черезъ-чуръ льстите?

ЗАМОЙСКІЙ. Нѣтъ, это правда. Что ты работаешь?

ЗАМОЙСКАЯ. Ермолку. Я выбрала бархатъ подъ цвѣтъ вашего халата и мнѣ-бы очень хотѣлось взглянуть — эфектно-ли это будетъ?.. Тебѣ не лѣнь примѣрить и надѣть халатъ?...

ЗАМОЙСКІЙ (*надѣвая халатъ*). Мнѣ лѣнь рядиться по бальному, а въ халатъ укутаться всегда готовъ.

ЗАМОЙСКАЯ. Ахъ, ты мой сибаритъ! (*Онъ хочетъ ее обнять*) Постойте, не мѣшайте: я сама надѣну ермолку. (*Надѣваетъ и любуясь говоритъ*) Чудесно! (*Снова поправляя ермолку*) Немножко на бокъ.... вотъ такъ.... вы очень милы!

ЗАМОЙСКІЙ (*смѣясь*). Мнѣ смѣшно! Ты обращаешься со мною точно съ куклой?

ЗАМОЙСКАЯ. Нѣтъ, я только хотѣла взглянуть — идетъ-ли этотъ цвѣтъ.... merçi. Теперь вы можете все снять.

ЗАМОЙСКІЙ. Въ одиннадцать часовъ мы должны собраться на этотъ знаменитый ужинъ, — а до-тѣхъ-поръ я не выйду изъ халата. Да, кстати объ ужинѣ: вы давича изволили сказать двусмысленную фразу. (*Садится развалясь въ кресла и беретъ трубку*) Будто вы и сердитесь и радуетесь.... (*Закуриваетъ*).

ЗАМОЙСКАЯ (*садясь подлѣ него и держа бумажку съ огнемъ*). Сержусь, потому-что я сама мечтала поужинать съ вами и нарочно для этого приготовила чудесный пуддингъ.... (*Скоро*) Только, пожалуйста, не думайте, что я хочу васъ лишить удовольствія ужинать съ друзьями....

ЗАМОЙСКІЙ. Юлія Николаевна! Вы рѣдкая жена! Я удивляюсь, какъ вы помните все, что мнѣ нравится — отъ любимаго романса до вкуснаго пуддинга....

ЗАМОЙСКАЯ (*перебивая*). И отъ халата до ермолки ... рѣшено: я славная женщина!... Но позвольте же мнѣ кончить: я не досказала почему я рада, что вы ѣдите на этотъ ужинъ....

ЗАМОЙСКІЙ. Ахъ, да, да, сдѣлайте одолженіе.... Это очень любопытно, тѣмъ болѣе, что вы, какъ мнѣ извѣстно, не очень любите одиночество....

ЗАМОЙСКАЯ. Вотъ эгоистъ! Ему досадно даже, что я рада....

ЗАМОЙСКІЙ (*перебивая*). Нѣтъ, я только понять не могу, чему тутъ радоваться....

ЗАМОЙСКАЯ. А! Это ужъ маленькій эгоизмъ съ моей стороны. Я рада, что у этого Дюссо, или Сен-Жоржа — гдѣ вы тамъ собираетесь ужинать — вино, навѣрное, хуже того, которое у меня въ погребѣ; тамъ не будетъ ни пуддинга, ни вольтерова кресла, ни этого спокойнаго халата; напротивъ, вы должны быть во всей бальной формѣ: фракъ стѣснитъ васъ, галстухъ сдавитъ шею! А что меня особенно радуетъ— вы не услышите тамъ ничего, кромѣ споровъ о лошадяхъ и танцовщицахъ, а главное: тамъ ужъ вы не можете слова сказать женѣ, которую любите больше всего на свѣтѣ!

ЗАМОЙСКІЙ (*обнимая ее*). Мнѣ ничего не остается прибавить къ этому, кромѣ поцѣлуя. Вѣдь все правда: какъ ты меня знаешь! Право лучше, чѣмъ я самъ... а нечего дѣлать, надобно ѣхать... понимаешь... далъ слово, — нельзя!.. Пойду наряжаться въ проклятое бальное платье! (*Встаетъ*).

ЗАМОЙСКАЯ (*всторону*). А все-таки ѣдетъ! Наденька права.... Я препеловкая! (*Громко*) Да для чего же вы безпокоитесь? Иванъ подастъ сюда одѣться.... все-таки вы подольше пробудете со мною. (*Звонитъ. Иванъ вноситъ фракъ, галстухъ и перчатки*).

ЗАМОЙСКІЙ. Это удивительно! Что ты ни скажешь, все мило! Право, мы мужья — глупцы, не умѣемъ цѣнить такихъ женъ! (*Снимая халатъ*) Я напримѣръ, люблю тебя также, какъ и ты меня, — но не умѣю быть такимъ внимательнымъ къ тебѣ....

ЗАМОЙСКАЯ. Еще-бы ты сѣлъ вышивать мнѣ туфли!

ЗАМОЙСКІЙ (*повязывая галстухъ*). Нѣтъ; но я-бы могъ подарить какую-нибудь вещь: браслетъ, кольцо... куда! Я только умѣю давать деньги: на, покупай что хочешь.... (*Смѣясь*) Не правда-ли, какой нѣжный супругъ.... Нѣтъ, нѣтъ, милая Юлинька! еслибы ты не родилась такою чудесною женщиной, ты не любила-бы меня!

ЗАМОЙСКАЯ. Это ужъ мое дѣло, — не безпокойтесь; а лучше взгляните, какъ вы затянули галстухъ: точно удавленникъ!

ЗАМОЙСКІЙ (*срывая*). Въ-самомъ-дѣлѣ! Я лучше надѣну другой....

ЗАМОЙСКАЯ. Пожалуйста: этотъ никуда негодится.

ЗАМОЙСКІЙ Иванъ! Другой галстухъ!

ЗАМОЙСКАЯ. Постойте, я сама выберу.... (*Уходя*) Сейчасъ, сейчасъ! (*Уходитъ налѣво*).

ЗАМОЙСКІЙ (*Ивану*). А ты бѣги скорѣй, найми карету. (*Иванъ убѣгаетъ*). Я навѣрное опоздаю! Не знаю отчего, но мнѣ кажется, что дома гораздо лучше.... Провались они всѣ съ ихъ ужинами! Пожалуй, еще напьются, да затѣютъ шашни въ маскарадѣ.... бѣда съ этимъ народомъ!...

VIII.

ЗАМОЙСКІЙ И ЗАМОЙСКАЯ, съ галстухомъ въ рукахъ.

ЗАМОЙСКАЯ. Не правда-ли, скоро? Я не хотѣла тамъ все перерывать; а вотъ этотъ нашла въ уголкѣ, пребережно уложенный, и какой прелестный....

ЗАМОЙСКІЙ (*взявъ галстухъ*). Да, я вѣнчался въ этомъ!

ЗАМОЙСКАЯ. Ахъ, да, въ-самомъ-дѣлѣ! Теперь вспомнила: вышитые кончики....

ЗАМОЙСКІЙ. И ты позволяешь въ немъ ѣхать безъ тебя? Это ужъ черезъ-чуръ великодушно!

ЗАМОЙСКАЯ. То-то же! Видите-ли, какая я великодушная жена? Однако, вамъ пора... Я сама тороплюсь, чтобъ не испортили пуддинга...

ЗАМОЙСКІЙ. Охъ, ужъ мнѣ этотъ пуддингъ! Съ какимъ-бы удовольствіемъ я принялся за него! Даже досадно, что ты одна будешь ужинать....

ЗАМОЙСКАЯ. Нѣтъ, не одна: Торцева хотѣла пріѣхать, съ мужемъ.... вѣдь она увѣрена, что удержитъ его, возбудивъ въ немъ ревность. (*Смѣясь*) Вообрази, она и мнѣ совѣтовала употребить такое же средство съ тобою.... Пресмѣшная! она называетъ это рецептомъ для исправленія мужей!...

ЗАМОЙСКІЙ. Пусть бережетъ его для своего домашняго обихода.... А что ты ей на это отвѣчала?

ЗАМОЙСКАЯ. Что у меня есть свой рецептъ, получше.

ЗАМОЙСКІЙ. Какой же это, — нельзя-ли узнать?

ЗАМОЙСКАЯ. Самый дѣйствительный: любить тебя отъ всего сердца, и стараться сдѣлать тебѣ домашнюю жизнь пріятною.

ЗАМОЙСКІЙ (*все это время повязывалсь, оборачивается часто къ ней*). Ты ангелъ! Слушая тебя и оборачиваясь ежеминутно взглянуть на тебя, я свернулъ шею, изорвалъ галстухъ, да и вообще у меня, какъ-будто голова кругомъ идетъ....

ЗАМОЙСКАЯ. Ужъ не жена ли вскружила голову? Много чести.

ЗАМОЙСКІЙ. О! еслибы ты захотѣла кружить головы.... еслибы ты.... (*Срывая галстухъ*). А вѣдь я его серьозно разорвалъ!...

ЗАМОЙСКАЯ (*взявъ иголку*). Подай, шалунъ, я въ минуту починю; впрочемъ, онъ и старенекъ.... пять лѣтъ не бездѣлица!...

ЗАМОЙСКІЙ. Какъ, Юлія, уже пять лѣтъ?

ЗАМОЙСКАЯ (*перебивая и не отвѣчая, занимается работой*). Бѣдный галстучекъ! Какъ ты измятъ! А я больше мѣсяца вышивала твои кончики....

ЗАМОЙСКІЙ. Помню, помню! Еще я въ это время, съ позволенія твоего папаши, читалъ тебѣ Пушкина и Лермонтова? И ты говоришь, что теперь этому пять лѣтъ?... Скажи, пожалуйста, Юлинька, ты сегодня была у обѣдни?

ЗАМОЙСКАЯ. Была; а что?

ЗАМОЙСКІЙ. Да вѣть нынче не воскресенье?

ЗАМОЙСКАЯ. Нѣтъ, нынче суббота:

ЗАМОЙСКІЙ. Семнадцатое февраля.

ЗАМОЙСКАЯ. Семнадцатое.

ЗАМОЙСКІЙ (*вдругъ вспомнивъ*). Ахъ, я разбойникъ!... Юлія! сдѣлай одолженіе, — нѣтъ, сдѣлай милость, побей меня.... да, да, ты можешь, должна, имѣешь полное право на это!

Я предъ тобой обезоруженъ:
Невѣжда, извергъ я, злодѣй!
Нѣтъ этотъ ужинъ мнѣ ненуженъ,
Я нынче ужинаю съ ней.
Какъ дурно, какъ неблагородно
Съ моей все это стороны....
Да! пусть тамъ ждутъ какъ имъ угодно,

(*На колѣнахъ*).

Я здѣсь—у ногъ моей жены:
Ты побѣдила,—самовластно
Мятежникомъ владѣешь вновь!
Твое владычество прекрасно:
Миръ, дружба, нѣжность и любовь!

(*Вставая*).

Пусть свѣтъ насмѣшкамъ и злословью
Предастъ влюбленныхъ въ женъ мужей,

И если мужъ смѣшенъ любовью —
Такъ я хочу быть всѣхъ смѣшнѣй!
Да, что́ имъ смѣхъ—то мнѣ утѣха....
Ну, смѣйся-жъ, другъ мой, веселись!

(Взглянувъ ей въ глаза).

Ай, ай! а вы на мѣсто смѣха
Теперь поплакать собрались?...

ЗАМОЙСКАЯ *(говоритъ утирая глазки).* Это отъ радости...

ЗАМОЙСКІЙ *(съ восторгомъ продолжаетъ).*

О! этихъ слезъ я не забуду!
Всей жизнью ихъ не искуплю....
И всѣмъ зато кричать я буду:
«Люблю жену мою, люблю!...

(Въ это время показывается Торцева).

Начнемъ съ нея! Послушайте: Я....

ЗАМОЙСКАЯ (*зажимая ему ротъ платкомъ*). Да замолчи, повѣса!...

—

IX.

ТѢ-ЖЕ и **ТОРЦЕВА**, входя скоро, и остановясь въ изумленіи.

ТОРЦЕВА. Что́ это значитъ? Вы дома? Вы еще не уѣхали?...

ЗАМОЙСКІЙ. Да я и не поѣду.

ТОРЦЕВА. Какъ!...

ЗАМОЙСКІЙ. Да такъ: я остаюсь съ моей женой.

ТОРЦЕВА. Но это не возможно! Когда всѣ ваши друзья отправились.... вы должны ѣхать!

ЗАМОЙСКІЙ. Вотъ удивительная женщина! Давича сердилась, что я ѣду, а теперь сердится, что остаюсь дома.

ЗАМОЙСКАЯ. А твой мужъ? Вѣдь онъ....

ТОРЦЕВА *(со слезами).* Уѣхалъ, ma chère!... Что́ я ни говорила, что́ ни дѣлала, все напрасно! И онъ, такой тихой, смирной, послушный мужъ, вдругъ изъ себя вышелъ: ѣду, кричитъ, ѣду!!! Взялъ да и уѣхалъ!...

ЗАМОЙСКІЙ. Да это просто— возстаніе?

ТОРЦЕВА. Именно! И мужъ возсталъ какъ левъ!

ЗАМОЙСКІЙ. А вы-бы какъ-нибудь укротили его?

ТОРЦЕВА. А какъ-бы, напримѣръ, позвольте спросить?

ЗАМОЙСКІЙ. Да вотъ спросите у Юліи: я хоть не левъ, а медвѣдь — какъ вы давича очень вѣрно назвали меня.... а она сдѣлала меня ручнымъ. А отчего? оттого, что этихъ дикихъ звѣрей, которыхъ называютъ мужьями, гораздо лучше исправлять ласкою, чѣмъ злостію!

ТОРЦЕВА. Да я сама плакала со злости, упрекала его,—и до-тѣхъ-поръ не успокоюсь....

ЗАМОЙСКАЯ (*перебивая*). Напротивъ, успокойся, не упрекай его,— и ты увидишь, завтра онъ самъ будетъ просить прощенія...

ТОРЦЕВА. Такъ мнѣ ждать до завтра? Нѣтъ! У меня не хватитъ терпѣнія.... нѣтъ. Я отмщу ему сегодня-же: домино готово.... Я сама ѣду въ маскарадъ.... онъ меня узнаетъ—и я запугаю его ревностью!...

ЗАМОЙСКІЙ. То есть, пустите въ ходъ свой знаменитый рецептъ?

ТОРЦЕВА. Да! Это единственное средство исправлять мужей!

Пусть въ маскарадѣ
Мой мужъ въ досадѣ
Отъ ревности съ ума сойдетъ,—
Какъ съ офицеромъ,
Иль съ камергеромъ
Онъ тамъ жену встрѣчать начнетъ.

—

Мужъ принудитъ жену
Объявить съ нимъ войну,
И повѣрьте тогда
Мужу бѣда!
Да, да!

—

Пусть въ маскарадѣ
Мой мужъ въ досадѣ
Отъ ревности съ ума сойдетъ!
Я буду женамъ
Служитъ закономъ,
И въ ходъ рецептъ у насъ пойдетъ!

ЗАМОЙСКАЯ.

Ты все пѣла, но не дѣло;
И скажу тебѣ я смѣло:
Ты клевещешь на себя!
Но теперь ты здѣсь съ друзьми,
Такъ позволишь — между нами—
Правду высказать, любя?

Передъ мужемъ ты не права....
Я поопытнѣй, вѣрь мнѣ,
Счастье все жены и слава,
Въ мирѣ съ мужемъ, не въ войнѣ!
Мы съ любовью и стараньемъ —
Лаской, нѣжностью, вниманьемъ
Превзойти мужей должны:
Вотъ *рецептъ къ ихъ исправленью,*
Вотъ въ домашнемъ управленьи—
Дипломатія жены!

ЗАМОЙСКІЙ (*цѣлуя у жены руку*). Твой рецептъ стóитъ опубликовать. А? что́ вы на это скажете, Надежда Васильевна?

ТОРЦЕВА (*обнимая ее*). Вотъ мой отвѣтъ!

Рецептъ прекрасный!
И я согласна,
Какъ ты, его употреблять:
Послушной буду,
И не забуду —
Какъ мужа лаской исправлять!

ПАНТЕОНЪ

выходитъ ежемѣсячно, въ 20–хъ числахъ. Онъ состоитъ изъ 12 книжекъ, отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ каждая, съ 12 нумерами «РЕПЕРТУАРА РУССКОЙ СЦЕНЫ». Отъ Редакціи прилагаются къ нему литографіи, гравюры, ноты, состоящія изъ: *фотолитографическихъ портретовъ* русскихъ знаменитыхъ лицъ: писателей, композиторовъ, художниковъ, артистовъ; *новѣйшей музыки* русскихъ и иностранныхъ композиторовъ: танцевъ, романсовъ, народныхъ пѣсенъ, арій изъ оперъ, куплетовъ изъ водевилей, переложеній изъ балетовъ, и проч.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

12 р. 50 к. с., съ пересылкою или доставкою на домъ: 14 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

исключительно

Въ С. Петербургѣ: въ **ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА ПАНТЕОНЪ**, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Казанскаго Собора.

Въ Москвѣ: Въ **КОНТОРѢ ПАНТЕОНА**, при книжной лавкѣ И. В. Базунова.

Только за подписку, принятую въ *этихъ мѣстахъ*, Редакція отвѣчаетъ, и въ случаѣ какой–нибудь неакуратности или ошибки въ доставкѣ, немедленно удовлетворяетъ подписчика, по первому *справедливому* его требованію. *За подписку же, принятую въ другихъ мѣстахъ, она отвѣтственности на себя не принимаетъ.*

Всѣ лица, когда бы они ни подписались на Пантеонъ, вначалѣ или среди года, непремѣнно получаютъ **ВСѢ КНИЖКИ**, начиная съ первой, **СО ВСѢМИ ОБѢЩАННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.**

—

Имѣющіе нужду до Редакціи или желающіе помѣщать свои статьи въ «Пантеонѣ», благоволятъ относиться къ издателю **ѲЕДОРУ АЛЕКСѢЕВИЧУ КОНИ**, адресуя письма на его имя, въ С. Петербургъ, *у Черныщева моста, въ домѣ Лыткина.*